

ПОВОЛЖСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

На правах рукописи

ВЫБОРНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

НЕОЛИТ СТЕПНОГО–ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИКАМЬЯ

Специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4-14
Глава 1. Неолит Нижнего Поволжья	
1.1. Физико-географическая характеристика региона и палеогеографический фон развития неолитических культур	15-21
1.2. Формирование источниковой базы и выработка концепций по неолиту Нижнего Поволжья в XX веке	22-51
1.3. Проблема выделения культур в неолите Нижнего Поволжья на современном этапе.....	52-67
1.4. Вопросы хронологии нижневолжского неолита	67-80
1.5. Неолит Нижнего Поволжья в системе культур сопредельных территорий.....	80-106
Глава 2. Неолит Среднего Поволжья	
§ 2.1. Природно-климатические особенности региона и палеогеографический фон динамики культур в неолите.....	107-112
§ 2.2. История изучения неолитических памятников лесостепного Поволжья: формирование источниковой базы и развитие концепций.....	112-127
§ 2.3. Вопросы культурной принадлежности неолитических памятников лесостепного Поволжья.....	127-160
§ 2.4. Проблемы происхождения и синхронизации неолитических культур лесостепного Поволжья	161-185
§ 2.5. Вопросы взаимодействия лесостепных и лесных памятников Среднего Поволжья	185-209
§ 2.6. Хронологические аспекты неолита Среднего Поволжья и соотношение с культурами сопредельных территорий	209-226
Глава 3. Неолит Прикамья	
3.1. История изучения неолита Прикамья: палеогеографический фон развития культур и история их исследования	227-235
3.2. Памятники с гребенчатой керамикой Прикамья: культурная принадлежность и локальные варианты.....	235-253

§ 3.3. Вопросы периодизации и хронологии камской культуры.....	253- 276
§ 3.4. Проблема генезиса камской культуры.....	276-289
§ 3.5. Культурно-хронологическая атрибуция памятников с накольчато-прочерченной керамикой.....	289-314
§ 3.6. Вопросы соотношения камского неолита с культурами сопредельных районов.....	314-327
Заключение	328-335
Литература	336-392
Список сокращений.....	393
Приложение 1.....	394-403
Приложение 2.....	404-639

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. Содержание неолитической эпохи вплоть до настоящего времени вызывает оживлённые дискуссии среди отечественных и зарубежных специалистов. Понимание одних связано с возникновением производящего хозяйства, тогда как другие в качестве приоритета рассматривают сугубо археологические показатели. Выделенные на этой основе образования (группы, культуры, области) требуют более чётких определений. Вывод М.Е.Фосс о том, что «в результате тщательного анализа орнаментированной керамики выясняется её территориальное различие и в связи с этим определяются археологические культуры» [Фосс, 1952] задал определённую направленность при изучении неолитических комплексов, которое стало превалирующим. Но даже в этот начальный этап выработки соответствующего понятия А.Я.Брюсов не ограничивался только орнаментацией сосудов, а предлагал комплекс компонентов [Брюсов, 1952]. Вызвано это и спецификой выбранного для исследования региона. Единая речная система предполагает разнообразные формы взаимодействия населения. Это ведёт в необходимости установления дефиниций контактных районов. Ситуация осложняется неравномерностью развития культур в различных областях. Так, южная часть Нижнего Поволжья граничит с Кавказом и Средней Азией, где довольно рано появилось скотоводство или земледелие. Географический вектор контактов и их содержание требует дополнительной проработки. Злободневным оставался вопрос о возможной обусловленности культурных процессов в данном регионе природными факторами.

Наиболее актуальным вопросом по неолиту Среднего Поволжья оставался статус елшанской культуры. Именно с ней увязывался процесс неолитизации, что требовало подтверждения.

Не менее спорным являлся генезис средневожской культуры и её территориальные рамки. Это вынуждало обращаться не только к материалам южных областей, но и культур Подонья и Поднепровья.

Одним из наименее разработанных вопросов как в степном, так и лесостепном Поволжье оставался «нео-энеолитический» период.

В лесной полосе Среднего Поволжья и Прикамья сохранилась незавершённость в определении времени и источника, происхождения памятников, содержащих посуду с накольчатой системой орнаментации. Не в полной мере оставалось отработанным их соотношение как с верхневолжской, так и с камской культурой. Для последней сохранял спорность наиболее ранний этап развития. Вызывала затруднение интерпретация комплексов с посудой воротничкового типа на пограничье лесной и лесостепной зон.

В отличие от культур Верхнего Поволжья, для остальных регионов Поволжья и Прикамья наиболее спорным оставался хронологический аспект. Малочисленность и противоречивость радиоуглеродных дат, а зачастую их отсутствие ставили на повестку дня скорейшее определение абсолютного возраста культур неолита интересующего региона.

Создание коллективом исследователей региональных схем культуригенеза при всех положительных итогах имело и ряд негативов, что не позволяло представить целостную картину развития и взаимодействия культур и культурных групп Поволжья и Прикамья в неолитическую эпоху.

Объектом исследования являются памятники эпохи неолита, а для решения ряда задач материалы стоянок мезолита и энеолита Поволжья и Прикамья.

Предметом исследования определено изучение развития культур и их взаимодействия как внутри степного-лесостепного Поволжья и Прикамья, так и с образованиями сопредельных территорий Зауралья, Верхнего Поволжья и Подонья.

Территориальные рамки работы охватывают степное (Нижнее) и лесостепное (Среднее) Поволжье и органично примыкающее к нему Прикамье. Южная оконечность региона представлена полупустынными массивами Северного Прикаспия, а более северная часть сопряжена со

степными ландшафтами южного типа Нижнего Поволжья. Территория Среднего Поволжья включает лесостепную полосу, (с условным разделением на южную и северную провинцию) и подзону широколиственных лесов вплоть до западной границы этого региона в устье р.Оки. Район Прикамья также неоднороден. Нижняя его часть расположена на стыке северной зоны лесостепи и южной оконечность широколиственных лесов. В Среднем Прикамье доминирует подзона смешанных лесов, переходящая в более северной части в южнотаёжную зону. Исследователи отмечали связи населения Прикаспия и Среднего Прикамья, начиная с эпохи мезолита [Формозов, 1959; 1977; Буров, 1990].

Данная территория в эпоху неолита сопряжена с атлантическим периодом. В его различные фазы происходили как локальные, так и общие процессы. Аридизация или возрастание увлажнённости приводили к определённому смещению границ ландшафтных зон и подзон в северном или южном направлениях. Это создавало потенциальную возможность для активного проникновения различных групп населения, интенсификации их взаимодействия, и как следствие развитию инновационных процессов.

Хронологические рамки исследования охватывают эпоху неолита. Её начало сопряжено с появлением первых керамических культур. В абсолютном выражении это фиксируется VI тыс. до н.э. в Поволжье и V тыс. до н.э. в Прикамье. Завершение неолитической поры на юге соответствует V тыс. до н.э. – началу IV тыс. до н.э., а на севере финалу IV тыс. до н.э.

Степень изученности. Вопросы неолита степного-лесостепного Поволжья и Прикамья рассматривались исследователями с рубежа XIX-XX вв. Сведения о находках неолитического времени Нижнего Поволжья накапливались стараниями различных специалистов [Зайновский, 1913], [Минаева, 1929; 1955], [Рыков, 1931], [Синицын, 1947; 1950; 1960], [Крупнов, 1949; 1950], [Белецкий, 1962], [Матюшин, 1968], [Праслов, 1971]. Целенаправленные изыскания связаны с работами А.Н.Мелентьева [1970; 1972; 1976]. Исследование стоянок Орловка [Мамонтов, 1974], Алтата

[Деревягин, 1971; Третьяков, 1974], Каменка I, Латошинка I-II, [Ерёмин, 1975, 1976, 1977] позволило определить своеобразие нижневолжским материалов по сравнению с днепро-донецкими и южноуральскими. В 80-90-е годы были изучены памятники с сохранившимися культурными слоями и стратиграфией, что позволило создать не только региональные схемы развития неолита данной территории [Васильев, Выборнов, 1986; 1988], [Кольцов, 1988; 2005], [Юдин, 1995; 2004; 2006], [Козин, 2002], но и представить картину в целом [Выборнов, 2003; 2006; 2008].

Изучение неолитических стоянок в Среднем Поволжье началось в конце XIX века [Штукенберг, Высоцкий, 1885] и продолжилось в 20-е гг. [Гольмстен, 1928]. С середины 50-х гг. XX века начинаются систематические исследования [Халиков, 1958; 1960], [Габяшев, Казаков, Старостин, Халиков, 1976]. В результате представлен первый вариант культурно-хронологического развития неолитических памятников Среднего Поволжья [Халиков, 1969]. В 70-90-е гг. накоплен источниковый фонд и предприняты попытки его систематизации, и интерпретации [Васильев, Пенин, 1977], [Выборнов, Пенин, 1979], [Буров, 1980], [Моргунова, 1984; 1995; 1997], [Васильев, Выборнов, 1988], [Никитин, 1985; 1996; 1997; 2002; 2006], [Выборнов, Третьяков, 1988], [Мамонов, 1994; 1999; 2000; 2007], [Вискалин, 1999; 2003; 2004], [Ставицкий, 1999; 2006], [Выборнов, 2000; 2002; 2003; 2005; 2006; 2007; 2008].

В 30-60-е гг. XX века были исследованы первые опорные памятники неолита Прикамья [Шмидт, 1940; Прокошев, 1940], [Бадер, 1951; Денисов, 1960; 1961], [Халиков, 1958; 1960] и Предуралья [Крижевская, 1962; Матюшин, 1964]. С конца 60-х годов по начало 90-х годов создан прочный фактологический фундамент, проведена его классификация и предложены варианты развития неолита как отдельных областей, так и региона в целом [Бадер, 1970; 1973], [Габяшев, 1976; 1978; 1982; 2003], [Выборнов, 1976; 1979; 1984; 1992; 2000; 2008], [Гусенцова, 1981; 1983; 1993; 2000], [Крижевская, 1968; 1979; 1990], [Матюшин, 1982, 1996], [Стоколос, 1984],

[Мельничук, 2001; Мельничук, Скорнякова, Чурилов, 2006], [Лычагина, 2004; 2005; 2006].

Целью работы является создание целостной картины культурно-хронологического соотношения населения Поволжья и Прикамья.

Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач:

1. Охарактеризовать степень изученности и наиболее дискуссионные вопросы темы исследования

2. Представить палеогеографическую ситуацию интересуемого региона

3. Систематизировать основной источниковый фонд по соответствующей территории

4. Конкретизировать культурную принадлежность материалов по всему району исследования

5. Уточнить этапность в развитии неолитических культур Поволжья и Прикамья

6. Откорректировать абсолютную хронологию изучаемых культур

7. Проследить соотношение поздне-неолитических и ранне-неолитических материалов указанного региона в целом

8. Выявить признаки взаимодействия и установить направленность культурных связей как внутри Поволжья и Прикамья, так и с культурами сопредельных территорий.

Источники исследования. Решение вышепоставленных задач стало возможным благодаря целенаправленным и систематическим изысканиям коллектива исследователей, включая автора данной работы, в различных регионах Поволжья и Прикамья за последние 35 лет: Астраханская, Уральская, Оренбургская, Самарская, Ульяновская, Пензенская, Рязанская области, Башкортостан, Республик Мордовия и Марий Эл. Проанализированы и систематизированы материалы практически всех исследованных памятников интересуемого региона, хранящиеся в фондах вузов и музеев: г.Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Волгограда, Саратова, Оренбурга, Уфы, Екатеринбургa, Ижевска, Перми, Йошкар-Олы,

Ульяновска, Пензы, Воронежа, Липецка, Твери, Казани, Самары из раскопок О.Н.Бадера, П.П.Барынкина, Г.М.Бурова, И.Б.Васильева, А.В.Вискалина, Р.С.Габяшева, Т.М.Гусенцовой, В.П.Денисова, Е.В.Козина, П.М.Кольцова, Е.Л.Лычагиной, А.Е.Мамонова, В.И.Мамонтова, А.Н.Мелентьева, А.Ф.Мельничука, Н.Л.Моргуновой, Л.А.Наговицына, В.В.Никитина, В.В.Николаева, В.В.Ставицкого, В.П.Третьякова, А.Х.Халикова, А.И.Юдина. Основной упор делался на стратифицированные и однослойные памятники, что позволило получить наиболее доброкачественную информацию. Особенно это касается территорий Северного Прикаспия и лесостепного Поволжья. Для сравнительного анализа прорабатывались материалы неолитических памятников Подонья и Верхнего Поволжья из раскопок Т.Д.Белановской, А.Н.Бессуднова, С.Н.Гапочки, А.В.Гонозова, Н.Н.Гуриной, М.Г.Жилина, Б.С.Жукова, В.Я.Кияшко, Е.Л.Костылевой, Д.А.Крайнова, В.П.Левенка, В.М.Раушенбах, В.В.Сидорова, А.Т.Синюка, Р.В.Смолянинова, А.Н.Суркова, Ю.Н.Урбана, М.Е.Фосс.

Методологическая и методическая основа исследования. В ходе анализа источников использовался комплекс методов. Основополагающими являлись археологические: картографический, стратиграфический, планиграфический, типологический и статистический. Существенным дополнением служили данные, полученные с помощью палинологических и остеологических определений. Впервые для столь значительного региона были получены результаты технологического анализа изготовления неолитической керамики. Широко применялись результаты радиоуглеродного датирования по различным органическим остаткам [Зайцева, Ковалюх, Скрипкин, Выборнов, Долуханов, Посснерт, 2008]. До 2007 г. для неолитических памятников Волго-Камья было известно 34 даты, полученные по различным материалам в лабораториях гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Новосибирска, Уральска, причём более половины из них вызывали обоснованные сомнения у исследователей. В настоящее время, благодаря совместным усилиям коллектива специалистов, в радиоуглеродной лаборатории Института

геохимии окружающей среды НАН в г. Киеве удалось получить 216 радиоуглеродных дат по керамике неолитических стоянок Волго-Камья. По каждому региону (Нижнее Поволжье, Среднее Поволжье, Прикамье) было получено по 50-60 дат и около 40 дат по Сурско-Мокшанскому междуречью. Внутри каждой области продатировано от 10 до 20 памятников. По опорным стоянкам для каждого типа керамики анализировалось 3-5 образцов. Иначе говоря, количественное представительство вполне достаточное.

По ряду памятников из разных районов, по которым уже были получены даты по другим материалам, проанализированы фрагменты посуды. Так, в лесном Верхневолжье по нагару с керамики стоянки Сахтыш Па получены даты: 6830 ± 40 ; 6760 ± 110 ; 6650 ± 100 ; 6500 ± 100 л.н. [Зарецкая, Костылева, 2008. С.9]. По органике в тождественных фрагментах из соответствующего слоя результаты таковы: 6740 ± 90 ; 6690 ± 90 ; 6410 ± 90 и 6290 ± 90 л.н. [Выборнов, Костылева, 2008]. Результат весьма приемлемый. В другом регионе – на р. Вятке – по углю для Кошкинской стоянки получена дата – 6160 ± 100 [Гусенцова, 2000. С.22], а по керамике – 6110 ± 90 л.н. Для стоянки Кочуровское I, содержащей керамику с насечками по углю, получена дата – 5410 ± 60 [Гусенцова, 2000. С.22], а по этим фрагментам – 5330 ± 80 л.н.

В Северо-Западном Прикаспии для пограничья 3-его и 2-го слоя поселения Джангар по углю есть дата – 6870 ± 130 [Кольцов, 2005. С.252], а по фрагментам из 3-его слоя – 6990 ± 90 и по 2-ому слою – 6780 ± 90 л.н. Совпадение весьма точное. Для елшанского слоя Ивановской стоянки в Волго-Уральском междуречье по кости была дата – 8020 ± 90 [Тимофеев, Зайцева, 1997], а по черепкам этой культуры – 7930 ± 90 л.н. В Нижнем Поволжье для 3-его слоя Варфоломеевской стоянки есть дата по углю – 6980 ± 200 [Юдин, 2004. С.146], а по керамике – 7080 ± 80 л.н. В Северном Прикаспии по керамике стоянки Тентексор I была получена дата 6640 ± 80 [Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008], а по органике этих же фрагментов в лаборатории г. Упсала (Швеция) – 6695 ± 40 л.н. [Зайцева, Скрипкин, Ковалюх, Выборнов, Долуханов, Посснерт, 2008]. Различия в 55 лет для эпохи неолита не столь существенны. Автор прекрасно осознаёт, что радиоуглеродный метод является вспомогательным для археологических реконструкций. Но его эффективность в комплексе с типологией и технологией весьма перспективна.

На этой основе, с помощью историко-типологического подхода, выделялись стадияльно-сходные этапы в процессе взаимодействия археологических культур. Сравнительно-исторический подход применялся для определения характерных и специфических черт в развитии неолита степного-лесостепного Поволжья и Прикамья. Принцип историзма способствовал конкретизации процессов возникновения, динамики, взаимоотношений и дальнейших судеб культур интересующего региона.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1. Впервые в максимально полном объёме систематизированы материалы неолитических памятников Северного Прикаспия, Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Поволжья, Среднего Поволжья и Прикамья

2. На территории Северного Прикаспия выделена каиршакская культура

3. В Северо-Западном Прикаспии и Нижнем Поволжье получила обоснование джангаро-варфоломеевская культура

4. Конкретизированы время и механизм генезиса данных культур, их периодизации с абсолютным возрастом

5. Уточняется культурно-хронологическое соотношение памятников нижневолжской области и носителей раннеэнеолитических культур

6. Получила дальнейшее обоснование елшанская культура лесостепного Поволжья, время и механизм её происхождения

7. Конкретизировано содержание средневолжской культуры, её генезис и время функционирования, и территория

8. Выявлены признаки и определён характер взаимодействия культур лесостепного Поволжья с представителями нижневолжской области

9. Уточнено культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических и раннеэнеолитических комплексов лесостепного Поволжья

10. Прослежен генезис камской культуры и определено его время

11. Предложена трёхчленная периодизация с абсолютной хронологией гребенчатой культуры Прикамья

12. Охарактеризована специфика и предложен вариант генезиса памятников с накольчатой керамикой Прикамья, получила корректировку их абсолютная хронология

13. Уточнены признаки, причины и время взаимодействия камской культуры с нео-энеолитическими образованиями лесостепного Поволжья и лесного Среднего Поволжья

Научно-практическая значимость работы. Результаты многолетних исследований, изложенные в диссертации были использованы при написании обобщающих работ: «Неолит Северной Евразии», «Археология Нижнего Поволжья», «Археология Мордовии». Они необходимы для создания сводов археологических источников по Астраханской, Самарской, Пензенской, Оренбургской областях, Башкортостана, Республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии. Полученные результаты исследований используются в учебном процессе исторических факультетов Поволжья и Прикамья в виде учебных пособий «Неолит Прикамья», «Неолит Поволжья», «Неолит Сурско-Мокшанского междуречья». Полученные коллекции дополнили фонды и экспозиции музеев Поволжья и Прикамья.

Материалы и результаты исследования могут составить основу для обобщающих работ по неолиту Евразии.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования изложены в двух монографиях, трёх учебных пособиях, трёх препринтах общим объёмом 65 печатных листов и 110 статьях и публикациях по теме. Промежуточные результаты исследований докладывались на международных, всероссийских и региональных конференциях в С-Петербурге (1993;2000;2007), Екатеринбурге (1993), Воронеже (2006), Липецке (2006), Твери (2008;2009), Уфе (2007), Оренбурге (1986,2007), Казани (1988), Саратове (2000), Ижевске (2008), Самаре (1990;2005), Франкфурте-на-Майне (2008), Суздале (2008), Пензе (2008), полевых семинарах в Кировской области (1987), Удмуртии (1988), Пермской

области (1989), Марий Эл (2006), Чувашии (2008), на секторе каменного века ИА РАН (1985;2002), секторе палеолита ИИМК РАН (2001).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В период улучшения климатической обстановки (со второй четверти VI тыс. до н.э.), в южной части Нижнего Поволжья на местной мезолитической основе складывается каиршакская культура.

2. В третьей четверти VI тыс. до н.э. в степной части Нижнего Поволжья формируется культура с двумя вариантами: джангарским и варфоломеевским.

3. По целому ряду существенных показателей (происхождение, взаимодействия, этапность развития, дальнейшие судьбы) эти культуры составляют нижневолжскую культурную область.

4. В первой четверти VI тыс. до н.э. в степном Среднем Поволжье появляется елшанская культура, восходящая своими истоками к юго-восточным областям. Она распространяется вплоть до р.Мокши и доживает до начала V тыс. до н.э.

5. В первой четверти V тыс. до н.э. на основе елшанской культуры складываются памятники луговского типа. В это время под воздействием нижневолжского импульса формируется средневолжская культура, бытующая до начала IV тыс. до н.э. Её границы охватывают Посурье, а влияние достигает лесного Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.

6. Со второй четверти V тыс. до н.э. начинается неолитизация Камско-Вятского междуречья. С середины этого тысячелетия в Прикамье проникают носители культуры накольчатой керамики. В последней трети V тыс. до н.э. здесь под влиянием Сурско-Мокшанского междуречья складывается гребенчатая традиция, прошедшая в своем развитии три этапа, вплоть до конца IV тыс. до н.э. С 5600 л.н. прослеживается влияние племен с ямочно-гребенчатой и воротничковой керамикой.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав и заключения, библиографии и приложения, включающего иллюстрации керамического и каменного инвентаря.

ГЛАВА I. НЕОЛИТ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

§ 1.1. Физико-географическая характеристика региона и палеогеографический фон развития неолитических культур

Территорию Нижнего Поволжья в административных единицах составляют Астраханская, Волгоградская, Саратовская области (до границы с Самарской областью) и Республика Калмыкия. От дельты р. Волги и до р. Самары, то есть границы степи и лесостепи, протяжённость вдоль побережья составляет около 1000 км.

Нижнее Поволжье в его южной части представлено Прикаспийской низменностью. Последняя из двух частей. Восточнее Волги вплоть до р. Урал расположен Северный Прикаспий, значительная часть которого характеризуется Волго-Уральскими песками. К западу от Волги до Ергеней сосредоточен Северо-Западный Прикаспий, приуроченный как в полупустынной зоне, так и в южностепной подзоне. Здесь наибольшее внимание привлекает Сарпинский регион, состоящий из многочисленных пресноводных озёр, вытянутых вдоль русла Волги.

Более северные районы Нижнего Поволжья приурочены к степной зоне. К востоку от Волги локализуется низменное Сыртовое Заволжье, а к западу расположена Приволжская возвышенность. Южная оконечность Сыртовой равнины органично выходит из Прикаспийской низменности, а северная периферия достигает бассейна р. Самары, по сути определяя границу степи и южной лесостепи.

Если на правом берегу, в приволжской части Калмыкии особый интерес вызывает цепь Сарпинских озёр, то в левобережном Заволжье это бассейны рек Большой и Малый Узени. Во-первых, они расположены в Волго-Уральском междуречье. А во-вторых, являются определённым связующим звеном между полупустынным Северным Прикаспием и южностепным Нижним Поволжьем.

Таким образом, вышеописанный регион характеризуется противоречивыми составляющими. С одной стороны, малое число рек на

водоразделах, значительная безлесность, особенности континентального климата с засушливым летом не способствуют активной жизнедеятельности большим группам населения. В тоже время, наличие р.Волги и её древних рукавов несомненно ставило данную территорию, особенно в экстремальные моменты, в более выгодную позицию по сравнению с такими, на первый взгляд, более благоприятными районами как Волго-Донское междуречье.

Соответствует ли современная специфика физико-географических условий интересующей территории неолитической эпохе, которая по мнению большинства специалистов соотносится с атлантическим периодом (8 тыс. лет назад – 5 тыс. л.н.)?

В Северном Прикаспии финал бореального периода совпадает с окончанием мангышлакской регрессии Каспийского моря. Природные условия в целом характеризуется суровостью с чередованием потеплений и похолоданий. Веским доказательством тому являются следы мерзлотной трещиноватости в профиле погребённой почвы, в которой залегал культурный слой стоянки Же-Колган, относящийся в мезолитическом времени [Васильев, Иванов, 1986].

В Северо-Западном Прикаспии при аридных условиях мангышлакской регрессии (VII тыс. до н.э.) исчезает древесная растительность, ландшафт стал полупустынным и пустынным [Абрамова, 1980;1981].

В более северных территориях в конце бореального периода при жарком и сухом климате на месте современных чернозёмных степей распространяются сухие степи. Наблюдались частые засухи [Иванов, 1986].

К сводным выводам пришли Ю.А.Лаврушин и Е.А.Спиридонова, изучавшие разрезы в окрестностях и непосредственно на памятниках каменного века Северного Прикаспия и степного Нижнего Поволжья [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998]. По мнению этих специалистов, мезолитическое население, обитавшее во внутренних районах Северного Прикаспия оказалось в относительно благоприятных условиях. Во-первых, здесь существовали крупные озёрные водоёмы без следов

засоленности. По их берегам располагались островные леса, образованные берёзой, сосной и широколиственными породами. Что же касается финала бореального периода, то в районе 6000 лет назад на данной территории происходит резкая перестройка природной обстановки, связанная с аридизацией климата и сменой ландшафта на полупустынный и пустынный. В это время доминируют травянистые и кустарниковые растения (92%). Среди последних преобладают полыни и разнотравье. Ничтожное количество древесных представлено берёзой и сосной.

Не противоречат этим выводам и данные, полученные по Волжскому побережью в районе г.Чёрный Яр Астраханской области [Болиховская, 1990]. По данным исследователя в этот период происходит уменьшение роли пыльцы сосны и широколиственных пород, а растёт содержание пыльцы трав и кустарников (маревых и полыни), берёзы и ивы. Рассмотренные спектры, по мнению Н.С.Болиховской, отражают относительно кратковременное похолодание климата в конце бореала, когда на исследуемой территории полностью исчезли тёмнохвойные деревья и сократились дубовые и вязовые леса. При этом зональная принадлежность растительного покрова осталась неизменной, а в составе пойменных лесов доминируют дуб и вяз [Болиховская, 1990. С.59].

Таким образом, даже на рубеже бореала и анлантика, то есть в конце мезолитической эпохи представление о катастрофической перестройке природно-климатических условий несколько преувеличены.

Похолодание и аридизация в это время фиксируется исследователями и для районов Приазовья [Котова, 2002. С.42] и для территории Среднего Подонья [Спиридонова, 1991.С.197].

Начавшаяся дагестанская фаза новокаспийской трансгрессии, не заливавшая территорию даже Северного Прикаспия, тем не менее значительно повлияло на природно-климатическую ситуацию эпохи неолита.

В этот период специалисты в Северном Прикаспии отмечают изменчивость ландшафтов от сухих степей до пустынь [Васильев, Иванов,

1986], а Северо-Западном Прикаспии распространяется растительность полупустынного и степного типов с участием лесных сообществ [Абрамова, 1980]. Именно в трансгрессивный период климат характеризуется возрастанием увлажненности, а соответственно и смягчением континентальности. И в степных районах происходит общее потепление с преобладанием влажных эпох над сухими. Причем влажные условия с более теплыми зимами наблюдаются в интервале 8000-7500 л.н. [Иванов, 1986].

По данным Н.С.Болиховской для Астраханской области палинозона этого периода характеризуется помимо трав и кустарничковых 24% широколиственных пород. Вместе с предшествующими палинозонами это позволило сделать вывод о продолжительном потеплении и увлажнении климата (примерно с 8500 до 7500 л.н.) прерывавшимися кратковременным позднебореальным похолоданием [Болиховская, 1990].

Примечательно, что и на территории сопредельного степного Приазовья по данным Г.М.Левковской около 7700-7500 лет назад при луговых степях произрастала разнообразная древесная растительность [Левковская, 1992]. Не менее важны данные из основания культурного слоя стоянки Плаутино I, где превалирует пыльца травянистой растительности, но 27% представлено древесными [Сурков, 2007, с.10], что совпадает с ситуацией по данным Н.С.Болиховской для Нижнего Поволжья.

Таким образом, после аридизации начала атлантического периода в интервале 7800-7500 л.н. как в Нижнем Поволжье, так и в сопредельных территориях Приазовья и Подонья устанавливается достаточно благоприятный палеогеографический фон.

Даже в пределах Северного Прикаспия, благодаря дагестанской трансгрессии увеличилось количество озёрных водоёмов, по берегам которых селились люди [Спиридонова, Алешинская, 1999, с.26].

Данные из культурного слоя стоянки Каиршак III свидетельствуют о широком развитии травянистых при возрастании злаковых и наличии древесных (берёза, сосна, ольха), что свидетельствует о большей

задернованности [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1988, с.51-52] и в более благоприятных условиях увлажнённости обладающих большей биологической продуктивностью [Спиридонова, Алешинская, 1999, с.26].

В определённой мере вышеописанным соответствуют условия в степной зоне Нижнего Поволжья. Это прослеживается по материалам слоя 3 Варфоломеевской стоянки. В это время условия были близки полупустыне с господством злаковых и полынных группировок при наличии определённой доли маревых [Юдин, 2004, с.7].

В дальнейшем ситуация несколько меняется. На территории Астраханской области фиксируется высокое содержание пыльцы трав и кустарничков, максимальным для отложений атлантического периода пиком пыльцы полыни, снижением доли пыльцы широколиственных пород и усилением роли ивы, что, несомненно, свидетельствует о резкой аридизации и похолодании климата на уровне примерно 7500 л.н. [Болиховская, 1990, с.60].

Эти условия совпадают с началом жиландинской регрессии, продолжавшейся по данным некоторых исследователей около 600 лет [Варущенко, 1980].

В более северных степных районах специалисты, начиная с 7500 лет назад, также фиксируют сухие и жаркие условия [Иванов, 1986].

Эти версии находят определённое подтверждение и по данным, полученным с разрезов непосредственно на памятниках эпохи неолита.

Так, во втором горизонте на стоянке Каиршак III палинологически установлено доминирование полыни (78%), что указывает на постепенное нарастание аридных условий к 7200 лет назад [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998, с.52].

В этой связи показательны изменения, прослеженные в слое 2Б Варфоломеевской стоянки. Период полынно-злаковой степи сменяется марево-полынной полупустыней. Этот момент хорошо фиксируется в

средней части слоя 2Б, в которой отмечен интервал с большой аридизацией климата [Юдин, 2004, с.7].

Примечательно, что в интервале 7500-7200 лет назад количество неолитических памятников по сравнению с предыдущим и последующим интервалом сокращается, культурные слои редки и маломощны, а количество находок незначительно.

В дальнейшем палеоландшафт Нижнего Поволжья характеризуется по материалам Астраханской области господством пыльцы трав и кустарничков, среди которых преобладали полынные и маревые. В то же время постоянно высокое содержание пыльцы широколиственных деревьев (18-22%) с доминирующей ролью дуба и максимальным участием пыльцы липы. Возрастает количество пыльцы тёмнохвойных деревьев (от 15 до 40%), что свидетельствует об улучшении термических условий [Болиховская, 1990, с.60].

В более северных районах, судя по материалам слоя 2Б Варфоломеевской стоянки, прослеживается переход от марево-полынной полупустыни к полынно-злаковой степи [Юдин, 2004, с.7].

Нельзя исключать, что эти изменения связаны с завершением жиландинской регрессии и началом гоусанской трансгрессии Каспия. Не случайно исследователи определяют хронологические рамки этого процесса в районе второй четверти V тыс. до н.э. По крайней мере 6500 лет назад этот момент достаточно чётко фиксируется для целого ряда регионов. По данным палеогеографов 6500 лет назад начался переход к первому оптимальному периоду по теплообеспеченности и увлажнённости, который окончился примерно 6200 лет назад [Спиридонова, 1991, с.201], после чего наступила кратковременная аридизация.

Это хорошо проявляется по результатам спорово-пыльцевого анализа образцов из культурного слоя стоянки Каиршак VI. Они свидетельствуют о господствующем положении пыльцы травянистых и кустарничковых растений. Важно отметить, что в этот период пыльца полыней и маревых

находится в близком соотношении (около 25%), что связано с потеплением климата [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998, с.53]. Около 6300 лет назад уменьшение влажности фиксируется и в Приазовье [Котова, 2002, с.42] и в Подонье [Спиридонова, 1991, с.200].

Подводя итог вышерассмотренных результатов реконструкции палеогеографического фона Нижнего Поволжья в период 8000-6000 лет назад, можно попытаться увязать определённые изменения с функционированием памятников неолитического времени в данном регионе. Этой процедуре способствуют радиоуглеродные даты, полученные непосредственно по органике, содержащейся в неолитической керамике указанной территории.

При достаточно благоприятных условиях, сложившихся в интервале 7800-7500 лет назад функционируют наиболее архаичные неолитические комплексы типа Кугат IV, Каиршак III, нижнего уровня 3 слоя Варфоломеевской стоянки.

Резкая аридизация и похолодание в период 7500-7200 лет назад в определённой мере ухудшают ситуацию. Видимо, этим и следует трактовать почти полное отсутствие памятников, например в Северном Прикаспии, где условия наиболее неблагоприятные.

С конца VI тыс. до н.э. природно-климатическая ситуация выравнивается в сторону улучшения. Не случайно, на финал VI – начало V тыс. до н.э. приходится увеличение количества стоянок на территории Нижнего Поволжья в целом: Каиршак I,II,IV в Северном Прикаспии, Джангар в Северо-Западном Прикаспии 3 и 2Б слои Варфоломеевской стоянки в степной части Поволжья, а во второй четверти V тыс. до н.э. – Тентексор в Северном Прикаспии.

Видимо, именно с началом гоусанской трансгрессии изменения природной обстановки повлияли на появление в районе Северного Прикаспия памятников прикаспийской культуры. После кратковременной аридизации (6200-6000) условия даже в Северном Прикаспии вновь

приобрели достаточно благоприятный характер, что сопряжено с появлением как здесь, так и в Нижнем Поволжье в целом хвалынской культуры.

§ 1.2. Формирование источниковой базы и выработка концепций по неолиту Нижнего Поволжья в XX веке

Первые находки каменных изделий неолитического облика были сделаны ещё в начале XX века на правом берегу р.Волги в пределах Саратовской области [Зайновский, 1913]. Несмотря на усилия членов Саратовской учёной архивной комиссии удалось получить лишь сборные материалы с дюн (наиболее значимая и известная – Прапорский Бугор), где находились артефакты вплоть до эпохи средневековья.

Лишь после окончания гражданской войны начались систематические профессиональные изыскания, в ходе которых были получены в том числе и неолитические изделия как на левобережье, так и в Калмыкии у с.Басы и с.Зензели [Минаева, 1929; Рыков, 1931]. Уже в тот момент исследователи отмечали своеобразие обнаруженных материалов по сравнению с комплексами лесных массивов Волго-Окского междуречья. Но в силу отсутствия достоверно однослойных стоянок большинство обнаруженных в разведочных маршрутах памятников относились к эпохе неолита, а порой и более позднему времени. Сказалось не только постоянное нахождение на дюнах каменных изделий совместно с глиняной посудой. Так, Т.М.Минаева объединила в один комплекс микролиты и наконечники стрел с двусторонней ретушировкой в форме «флажка» или «рыбки» на стоянке у ст.Сероглазово, обнаруженные сыном начальника станции [Минаева, 1929]. Объяснялось это представлениями о неолите, в содержание которого входили помимо других признаков и двустороннеретушированные орудия. Более того, исследователь не исключала доживание микролитовидной техники вплоть до эпохи ранней бронзы. Такое мнение исследователя относительно нижеволжского региона сложилось в том числе на основе данных полученных для сопредельных территорий. Так, на стоянке Захар-Калма на р.Самаре в пограничье Среднего и Нижнего Поволжья В.В.Гольмстен уже были обнаружены микролиты типа

сегментов и керамика двух типов: остродонной и с уплощенным дном. Это позволило автору сделать вывод об их одновременности, а памятник отнести к эпохе ранней бронзы [Гольмстен, 1924; 1928]. В определённой мере эта версия подтвердилась И.В.Синицыным после обнаружения им кремнёвых изделий (в том числе микролитов) с керамикой позднего облика на дюнах Калмыкии [Синицын, 1931]. Хотя и Минаева Т.М. и И.В.Синицын отмечали случаи отдельного залегания на некоторых пунктах кремнёвых изделий и посуды позднего вида.

Несмотря на трудности послевоенного времени И.В.Синицын интенсивно изучал стоянки с кремнёвыми изделиями не только в приморских районах Северо-Западного Прикаспия, но и в Уральской области Казахстана, что и позволило исследователи делать выводы на широком географическом фоне [Синицын, 1947; 1950]. Способствовали этому и работы в 1946-48 гг. Е.И.Крупнова в том числе на западном побережье Каспия, где в районе Ачикулака в Бажиганских песках были обнаружены сходные изделия [Крупнов, 1949; 1950]. В близком районе – Чёрных землях Ставропольщины в урочище Яста-Худук были получены поздненеолитические находки [Минаева, 1955]. Анализируя данные материалы в более широких рамках, исследователь наметила их культурную ориентацию – кельтеминарские комплексы Средней Азии.

В конце 50-х гг. И.В.Синицын провёл дополнительные работы в низовьях рр.Узени, обобщив все имевшиеся на тот период материалы Нижнего Поволжья. Автор вслед за Т.М.Минаевой отметил их некоторое сходство с приаральскими, а с другой – с кремнёвыми орудиями Северо-Восточного Кавказа и Крыма [Синицын, 1960].

Таким образом, на данном этапе изучения неолита Нижнего Поволжья произошёл переход от обнаружения случайных находок до выявления отдельных пунктов. Исследователи ставили своей основной задачей изучение памятников более поздних эпох. Выявление стоянок с разрушенным культурным слоем было сопутствующим. А потому эпизодическим и

ограниченным. Малое количество пунктов и ограниченное число находок не позволяли специалистам провести скрупулёзную культурно-хронологическую оценку комплексов. Вместе с тем, учёные наметили определённую специфику полученных коллекций, попытались рассмотреть их на фоне культур Приаралья на востоке и Кавказа на западе. Нельзя не отметить, что уже в рамках данного этапа исследования памятников неолита данного региона специалисты высказали обоснованные сомнения относительно достоверности выводов, сделанных на основании памятников с развешанным культурным слоем. И в первую очередь это касалось соотношения геометрических форм кремнёвого инвентаря и посуды постнеолитического облика [Формозов, 1959].

С начала 60-х гг. XX века ситуация на первый взгляд существенно не изменилась. Так, в ходе изучения памятников железного века и средневековья на разведочном маршруте по району Досанга в Северном Прикаспии В.Д.Белецким были обнаружены пункты, содержащие фрагменты своеобразной посуды и кварцитовые наконечники стрел в форме «флажка» и «рыбки». В силу отсутствия сравнительной основы для данного района исследователь отнёс эти материалы к эпохе бронзы [Белецкий, 1962]. Но в данном случае важно отметить, что впервые двустороннеобработанные наконечники подобных типов были выведены за рамки неолита.

Не менее значимы стали работы Н.Д.Праслова в 1966 году в составе экспедиции, изучавшей курганы в Астраханской области. Разведочный отряд обнаружил в урочище Цыганица (недалеко от г.Элисты) кремнёвые комплексы, содержащие геометрические микролиты типа сегментов с двусторонней ретушировкой дуги и пластин с полой ретушью на брюшке. Исследователь очертил ареал подобных изделий, включая Заволжье в районе Узеней. Он обратил внимание на данные технические традиции, зародившиеся и развивавшиеся в Передней Азии и на Кавказе. Несмотря на то, что в тот период находки аналогичных сегментов на поселении майкопской культуры Мешоко позволяли исследователям допускать их

доживание до этого времени [Формозов, 1965. С.154], Н.Д.Праслов счёл возможным отнести изделия с Цыганицы к мезолиту или протонеолиту. Исследователь делает вывод о том, что совместное залегание архаичных форм кремнёвых изделий и керамики более позднего облика ещё не свидетельствуют об их одновременности [Праслов, 1971. С.103-106].

На данное предположение в значительной мере повлияла и работа Г.Н.Матюшина посвящённая памятниках Нижнего Поволжья, где находили в 30-50-е гг. XX века кремнёвые изделия, включая микролиты, и посуду энеолита-бронзы. Основываясь на уже изученные в сопредельных районах мезолитических памятниках, исследователь склонился к версии о смешанности коллекций (и в первую очередь стоянку у п. Прапорский Бугор), и необходимости отнесения геометрических форм к эпохе мезолита [Матюшин, 1968. С.237-241].

С середины 60-х годов XX века начались целенаправленные и систематические поиски памятников мезолита и неолита в различных областях Северного Прикаспия [Мелентьев, 1968; 1969; 1970; 1972; 1973]. В результате этих широкомасштабных работ было обследовано около 400 пунктов, среди которых вычленились памятники с относительно однородными материалами. Это позволило А.Н.Мелентьеву с определённой долей достоверности обосновать в предварительном плане выделение памятников мезолитической эпохи [Мелентьев, 1977], раннего [Мелентьев, 1975] и позднего [Мелентьев, 1976а] неолита. Около 100 памятников были отнесены исследователями к особой сероглазовской культуре. Кремневая индустрия характеризуется микролитовидностью (преобладание узких пластин) и микролитичностью – доминирование сегментов с двусторонней обработкой дуги, трапеций, треугольников. Керамика с примесью раковины украшена наколами и прочерчиванием единична и маркируется финалом сероглазовской культуры. Учитывая плавный характер индустриального развития её начальные звенья исследователь относил к позднему мезолиту. На этом основании А.Н.Мелентьев определял это образование ранним

неолитом. Её появление в Северном Прикаспии ещё в мезолите автор увязывал, вслед за Н.Д.Прасловым, с зарзийской традицией Переднего Востока. Верхнюю дату сероглазовской культуры А.Н.Мелентьев определял по двустороннеобработанным наконечникам, аналогичным кельтеминарским [Мелентьев, 1976]. Касаясь абсолютного возраста сероглазовской культуры автор, следуя рекомендациям И.В.Синицына и Е.И.Крупнова, широко использовал данные геоморфологии и геофизики [Мелентьев, 1977], особенно по колебаниям уровня Каспийского моря. Учитывая их, а также синхронизируя сероглазовскую культуру с поздненатуфийскими комплексами (имевшими на тот момент радиоуглеродные даты) по таким маркерам как сегменты с двусторонней ретушировкой дуги, А.Н.Мелентьев датировал раннеолитическую фазу не позднее конца VI тыс. до н.э. [Мелентьев, 1976; 1978]. Способствовали осмыслению культурно-хронологической позиции сероглазовской раннеолитической культуры и памятники тюлузского культурного типа в Северо-Восточном Прикаспии [Крижевская, 1972]. Примечательно привлечение данных о заселении Тюленьего архипелага. Оно было возможным не позднее VI тыс. до н.э., то есть в период мангышлакской регрессии, когда острова соединялись с сушей. А это ещё один косвенный аргумент в пользу древности прикаспийского неолита [Мелентьев, 1978. С.102].

Поздний неолит выделялся по завершению доминанты сероглазовского технокомплекса. Появляется иная сырьевая база – орудия изготавливались преимущественно из кварцита. Сменялся характер заготовок – стали преобладать крупные пластины. Керамика из глины с примесью раковины плоскодонная. Украшена овальными контурами из прочерков, заполненных оттисками зубчатого штампа, в большинстве шагающей гребёнкой [Мелентьев, 1976а]. Исследователь обозначил эту культуру прикаспийской периодом позднего неолита. Именно с её появлением связаны признаки производящего хозяйства [Мелентьев, 1980].

В это же время, в 1968 году севернее, на правом берегу р. Волги в пределах Волгоградской области исследован первый на данной территории неолитический памятник с сохранившимся культурным слоем – стоянка Орловка [Мамонтов, 1974]. Это позволило исследователю охарактеризовать не только керамический комплекс, который в силу ограниченности сравнительной базы сопоставлялся только с южноуральскими материалами, но и чётко привязать к этой посуде кремнёвый инвентарь. Он характеризовался преобладанием крупных пластин и отщепов, что отличало его от имевшихся материалов. Из геометрических микролитов была представлена лишь трапеция со струганной спинкой. Это в совокупности с обликом керамики предполагало поздненеолитический возраст коллекции. В пользу этого свидетельствовали и фаунистические остатки, часть которых была отнесена к домашним особям [Мамонтов, 1974].

В 1969-1970 гг. уже в Саратовском Заволжье были обнаружены первые пункты позднекаменного века с сохранившимся культурным слоем [Деревягин, 1971]. Несмотря на относительную немногочисленность полученной коллекции было обращено внимание на то, что большинство каменных орудий, включая двустороннеретушированные наконечники, изготовлено из кварцита. В керамическом комплексе представлены помимо неорнаментированных фрагментов черепки, украшенные как наколами, так и гребенчатым штампом [Деревягин, Третьяков, 1974]. Одновременно с материалами Алтаты были введены в научный оборот стоянки степной полосы на правобережье р. Волги в пределах Волгоградской области [Третьяков, 1974]. При сопоставлении этих материалов с днепро-донецкими и южноуральскими исследовать приходится к выводу о самобытности нижневолжских.

Определённым дополнением источниковой базы по неолиту Волгоградского Поволжья стали стоянки Каменка I, Латошинка I-II, Качалино [Ерёмин, 1975; 1976]. Исследователь отмечает в керамическом инвентаре присутствие прочерченного и гребенчатого узоров, а среди

каменных изделий кварцитовых наконечников с двусторонней ретушировкой. Автор сетует на скудность сравнительной базы, но все же проводит сопоставление с одной стороны с материалами кельтеминарской культуры, а с другой – с древнеямными древностями [Ерёмин, 1975. С.108].

Для историографии середины 70-х годов XX века это вполне естественно. К этому времени сложилось представление о функционировании в предьямное время неолитического населения с архаичной кремневой индустрией [Даниленко, 1969].

Примечательно, что и В.И.Ерёмин попытался провести параллели нижневолжских комплексов с материалами Поднепровья, где в материалах Никольского могильника прослеживались аналогии накольчатой керамике стоянки Орловка и двустороннеобработанным наконечникам треугольной формы [Ерёмин, 1976. С.20]. Всё это позволило исследователю наметить предварительную схему развития неолита нижневолжской степи [Ерёмин, 1977. С.53-69]. Несмотря на определённый прогресс в деле открытия и частичного исследования ряда неолитических пунктов на территории Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья по сравнению с сопредельными регионами интенсивность изучения явно уступала. Так по неолиту более восточных и западных областей в это время вышли уже обобщающие работы [Виноградов, 1968; Телегин, 1968; Даниленко, 1969].

Начало 80-х годов XX века стало переломный и в истории изучения памятников неолита Северо-Западного Прикаспия, Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья в целом. С 1980 года археологи Самарского педагогического университета под руководством И.Б.Васильева начали целенаправленное и систематическое (вплоть до 1993 года) изучение памятников каменного века Северного Прикаспия в пределах Астраханской, Саратовской, Уральской и Гурьевской областей. Разведочные работы основывались в том числе и на находках прежних лет при сборах с выдувов местными краеведами [Дубягин, Чикризов, Чуринов, Васильев, Выборнов, 1982]. При обнаружении новых памятников самарские исследователи

применяли методику своих предшественников, и в первую очередь, А.В.Виноградова и А.Н.Мелентьева. Это позволило в ряде случаев преимущественно планиграфически разделять разновременные артефакты. Помимо этого, были обнаружены стоянки с разрушенным культурным слоем, но достоверно однородным материалом. И наконец, были найдены первые пункты с хорошо сохранившимся культурным слоем, в котором залежали находки гомогенного характера мезолита, либо неолита, или энеолита [Барынкин, Васильев, Выборнов, Козин, Колев, Кузнецов, 1985]. Так, в 1980-1982 гг. исследовался памятник Тентексор I, керамический и кремневый инвентарь которого лишь частично соответствовал содержанию раннеэнеолитической (по А.Н.Мелентьеву) сероглазовской культуре. По характеру кремневого комплекса был сделан вывод о позднеэнеолитическом возрасте данного памятника [Васильев, Выборнов, Козин, 1986]. Опираясь на всю совокупность полученных материалов, исследователи предприняли попытку охарактеризовать в предварительном плане развитие населения Северного Прикаспия в эпоху мезолита и неолита с учетом материалов более ранних изысканий. Отмечалось, что мезолитические комплексы частично соответствуют сероглазовской культуре, выделенной А.Н.Мелентьевым. Позднеэнеолитические памятники не содержали двустороннеобработанных орудий, но присущи трапеции со струганной спинкой. Начиная с эпохи мезолита, данная территория была освоена населением, связанным с причерноморско-кавказским кругом культур. Наблюдаются и отдельные следы взаимоотношений со среднеазиатским населением. [Барынкин, Васильев, Выборнов, Козин, 1986. С.14-16].

С этого же времени начались целенаправленные поиски и раскопки в рамках Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики и Калмыцкого университета [Кольцов, 1982, 1985; Цуцкин, 1985]. Наиболее значимыми стали стоянка Харба, содержащая достоверные материалы мезолитического периода [Эрдниев, 1981] и поселение Джангар с не потревоженным культурным слоем эпохи неолита. Раскопки последнего в 1979-1982 гг.

П.М.Кольцовым позволяли исследователю предварительно охарактеризовать керамический и кремнёвый инвентарь эталонного памятника [Кольцов, 1984]. Автор, сопоставив находки на широком фоне, сближает каменные изделия с артефактами Восточного Предкавказья и Крымско-Кавказского региона, что предполагает их единые мезолитические истоки. Что же касается керамического инвентаря, то П.М.Кольцов не найдя полных аналогий, обращает внимание на её самобытность. Всё это привело к постановке вопроса о самостоятельной культуре раннего этапа неолита накольчатой керамики, датируя её VI-V тыс. до н.э. Чрезвычайно важными стали определения В.И.Данильченко фауны из культурного слоя поселения Джангар. Из общей массы выделялись кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи и т.д., что не вызвало сомнений исследователя о наличии у обитателей поселения домашнего скота [Кольцов, 1984].

Введение в научный оборот в это время мезолитического комплекса стоянки Харба позволило специалистам не только определить его своеобразные черты, но и проследить типологическое сходство с кремнёвым инвентарём Джангарского поселения [Кольцов, Эрдниев, 1985], что наводило на мысль об их генетическом родстве.

Дальнейшее изучение поселения Джангар позволило исследователю сопоставлять его материалы с комплексами Ракушчного Яра и Тентексора. Полученные радиоуглеродные даты с данного памятника указывали на V тыс. до н.э. В целом материалы Джангара выделялись в особый тип [Кольцов, 1986. С.30].

Вследствие этого содержательный смысл сероглазовской культуры, а соответственно неолита Северного и Северо-Западного Прикаспия серьезно менялся. Специалисты предложили сохранение термина «сероглазовская» лишь за мезолитическими комплексами [Васильев, Выборнов, 1986]. Несмотря на исследование первых «чистых» неолитических памятников с сохранившимся культурным слоем археологи по традиции оперировали понятием сероглазовская культура, чье содержание уже не отражало

характер неолитических древностей данного региона. Поэтому и возникла настоятельная необходимость в предварительном плане представить черты культуры населения южной части Нижнего Поволжья [Васильев, Выборнов, 1986. С.3-11]. Ситуация напоминала лесной регион, где исследователи выделяли около десятка культур с ямочно-ребенчатой керамикой. Но при другом подходе допустим и вариант трактовки, предложенный В.П.Третьяковым: культура населения с ямочно-ребенчатой керамикой. Такая процедура вполне приемлема и с методической точки зрения [Клейн, 1991. С.190-207]. В нашу задачу входило показать не специфические особенности отдельных памятников, а характерные черты именно для интересующей территории. Для этого не требовалось большого числа признаков, так как даже по керамической составляющей было достаточно [Сидоров, 2002. С.8-13]: 1) примесь толченой раковины в глиняном тесте; 2) плоскодонность сосудов; 3) накольчатый способ нанесения узоров; 4) криволинейный геометризм композиций. Вот четыре достаточных признака, характеризующих керамическую традицию населения южной части Нижнего Поволжья в эпоху неолита по сравнению с другими образованиями. В кремневом инвентаре на раннем этапе представлены геометрические микролиты типа сегментов и трапеций, а на позднем – лишь трапеции, преимущественно со струганной спинкой [Васильев, Выборнов, 1986].

В 1987 году начались раскопки одного из наиболее значимых неолитических памятников степного Нижнего Поволжья – Варфоломеевской стоянки. В результате предварительных изысканий исследователь приходит к выводу о возможности выделения в степной зоне Волго-Уральского междуречья орловской неолитической культуры, входящей в ареал культур с накольчато-прочерченной орнаментацией кавказско-причерноморской культурной ориентацией, на развитом этапе. Начальный этап существования Варфоломеевской стоянки синхронизируется с верхним слоем поселения Джангар или вслед за ним. Вероятно, на значительном хронологическом

отрезке данный памятник сосуществует с комплексами тентексорского типа, возможно, немного предшествуя им [Юдин, 1988. С.170].

Провести всесторонний анализ в тот период было крайне затруднительно даже в силу предварительности изысканий. Так, в материалах первых раскопок стоянки Джангар отсутствовали наконечники стрел [Кольцов, 1984. С.90], которые были впоследствии обнаружены при расширении площади раскопа [Кольцов, 1988]. Даже в конце 80-х гг. суммарность публикаций некоторых памятников [Юдин, 1988] не могла не отразиться на некотором схематизме построений. Так, орловскую культуру относили к позднему неолиту, если не к финальному его этапу [Кольцов, 1990. С.69]. Это и понятно, так как первые данные о стратификации материалов Варфоломеевской стоянки появились лишь в середине 90-х годов [Юдин, 1995]. Ограниченный объем источников, а потому оправданный осторожный подход к их интерпретации отразился и на трактовке джангарских древностей. Если первоначально полагалось, что памятник представляет самостоятельную культуру [Кольцов, 1984. С.89], затем эти материалы трактовались как культурный тип [Кольцов, 1986. С.30], а в дальнейшем исследователь отмечает, что «в настоящее время, видимо, следует говорить о Североприкаспийской культурно-исторической области» и «проводить культурное группирование памятников на уровне культур внутри области, на наш взгляд, было бы преждевременным. Однако о некоторых перспективах для решения этого вопроса можно говорить уже сегодня. В первую очередь мы имеем в виду памятники джангарского типа. Не исключено, что с накоплением новых материалов они послужат реальной основой для выделения отдельной культуры» [Кольцов, 1988. С.18].

Значительную роль в формирование источниковой базы по неолиту Нижнего Поволжья сыграли исследования стоянок Каиршак I [Выборнов, Козин, 1988] и Каиршак III [Васильев, Выборнов, Козин, 1989] в Северном Прикаспии, Ту-Бузгу-худук I в Северо-Западном Прикаспии [Кольцов, 1989] и мезолитических стоянок североприкаспийского типа в Нижнем Поволжье

[Ластовский, Комаров, 1988]. Изучение двух первых памятников показало отличие их материальной культуры от тентексорских. Это позволило поставить вопрос о более раннем звене в развитии неолита Северного Прикаспия. Благодаря изучению стоянки Ту-Бузгу-худук I и Кугат IV [Козин, Комаров, 1989] намечилось выделение наиболее раннего этапа неолита южной части Нижнего Поволжья.

На основе всех полученных данных в конце 80-х гг. была предложена первая рабочая схема развития нижневолжского неолита с наличием двух культур: джангаро-варфоломеевской и каиршакско-тентексорской, сформировавшихся на местной основе и прошедших три этапа в своем развитии [Васильев, Выборнов, 1988].

В 90-е годы XX века, несмотря на то, что источниковая база не претерпела кординальных изменений, проявились три подхода к изучению неолитических памятников полупустынных и степных районов Нижнего Поволжья. Одни исследователи предлагали выделять каждый культурный тип в отдельные культуры – джангарскую, орловскую, каиршакскую и тентексорскую [Кольцов, 1990. С.68-69; Юдин, 1995]. Другие предпочли на основе культурных типов и культурных групп выделять лишь две культуры: джангаро-варфоломеевскую и каиршакско-тентексорскую, составляющие нижневолжскую историко-культурную область [Выборнов, 1990]. Третьи полагали, что «значительное сходство керамики позволяет рассматривать их как одну культуру, которую мы вслед за А.Н.Мелентьевым далее будем называть сероглазовской» [Телегин, 1996. С.66-70]. В ее развитии исследователь определяет три фазы: джангарская (ранняя), тентексорская (развитая) и орловская (поздняя). Это построение напоминает схему И.Б.Васильева и А.А.Выборнова середины 80-х годов, когда источники и их культурно-хронологическая интерпретация были на начальной ступени развития. Предлагал сохранить термин «сероглазовская» и Е.В.Козин, однако содержательный уровень этого понятия существенно разнится от концепции Д.Я.Телегина, в значительной мере сближается с позицией И.Б.Васильева и

А.А.Выборнова, и под старым термином исследователь скорее подразумевает культурную традицию [Козин, 2002].

При всех разногласиях, часть из которых автор подробно проанализировал и попытался их снять [Выборнов, 1997. С.3-10], схема развития нижневолжского неолита представляется ему следующим образом [Vasiliev, Vybornov, 1998. С.3-34; Выборнов, 2000. С.26-28; 2003. С.57-65].

На левобережье выделена каиршакско-тентексорская культура, прошедшая в своем развитии три этапа.

Ранний этап характеризуется по материалам стоянок Кугат IV и Кулагайси [Васильев, Выборнов, 1988; Козин, Комаров, 1989. С.6-18]. В кремневом инвентаре доминирует пластинчатая техника: до 80% пластин без ретуши по отношению к отщепам, преобладание среди орудий пластин с ретушью, подавляющая часть орудий изготовлена на пластинах. На стоянке Кугат IV 182 единицы кремня, из которых 96 с вторичной обработкой. Среди орудий ведущую позицию занимают 23 геометрических микролита, из которых 16 сегментов (рис.2, 4, 5, 20-26), 4 параллелограмма (рис.2, 1), 4 трапеции (рис.2, 2) и 3 треугольника (рис.2, 12). У сегментов преобладает тип с двусторонней обработкой дуги (рис.2, 4, 22-26). Вторая по численности группа – скребки (21 экз.). В основном концевое типа, хотя представлены дублированные и стрельчатые (рис.2, 8-10, 13-15). Кроме того, имеются острия и косоретушные пластины (рис.2, 7, 16). Двустороннеобработанное орудие со стоянки Кулагайси отличается от остальных изделий люстражем, что свидетельствует о его долгом пребывании на поверхности бархана. Скорее всего, это случайная примесь более позднего времени и к основному комплексу отношения не имеет. Керамическая коллекция представлена 21 фрагментом от четырех сосудов (рис.3, 2-5). В глиняном тесте – примесь толченой раковины и растительных остатков. Сосуды прямостенны и круглодонны. Орнамент разрежен и нанесен в технике прочерка или овального накола.

Второй (развитой) этап представлен стоянками Каиршак I, II, III, IV, Буровая 22. Так, со стоянки Каиршак III (раскоп площадью 436 кв.м, мощность культурного слоя около 0,5 м) получено 4,5 тысяч единиц изделий из матового кремня серого цвета: 757 пластин и 648 отщепов без ретуши, 353 пластины с ретушью, 1390 скребков и т.п. [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С.18-45].

Скребки в основном концевое типа с округлым, прямым и скошенным рабочим краем (рис.7, 3, 6, 7, 17). Значительная их часть имеет ретушь по боковым граням по спинке или с брюшка (рис.7, 4, 13, 14). Кроме того, представлены и другие типы: дублированные (рис.7, 5), округлые (рис.7, 9-12), стрелчатые (рис.7, 8). Геометрические микролиты представлены 50 сегментами (рис.7, 21-24), 6 трапециями (рис.7, 24, 25, 26, 28) и 3 треугольниками (рис.7, 27). Большая часть сегментов (43 экз.) имеет двустороннюю обработку дуги. Острий на пластинах 30 (рис.7, 19, 20), 16 выемчатых скобелей (рис.7, 17, 18) и один резец.

Керамический инвентарь насчитывает 1,5 тысячи фрагментов, изготовленных, по данным И.Н.Васильевой, из запесоченных илов, содержащих раковины моллюсков и растительные остатки [Васильева, 1999. С.72-96]. Около 200 сосудов имеют либо профилированную горшковидную, либо баночную формы (рис.4-6). Вся посуда плоскодонная. Орнаментировано около 60% сосудов, в основном в верхней их части. Для украшения использовалась техника прочерка, одиночного овального накола и их сочетания (86 сосудов). Орнаментальные композиции представлены горизонтальными, наклонными или вертикальными рядами прочерченных линий (рис.5, 2, 3; 6, 7); горизонтальными рядами прочерченных линий в сочетании с одиночными наколами (рис.4, 4, 6, 1); ромбами (рис.5, 1); треугольниками (рис.4, 1, 2, 5), прямоугольниками (рис.6, 8); меандрами (рис.4, 3, 6, 5); горизонтальным зигзагом (рис.5, 5), елочкой (рис.5, 6). Интересны два фрагмента от разных сосудов, украшенные в технике отступающей палочки овальным наколом (рис.6, 3, 6). Следует отметить, что

они были обнаружены в верхнем слое памятника и не являются составной частью основной коллекции. На стоянке Каиршак I орнаментальные композиции представлены более простыми схемами, чем на поселении Каиршак III (рис.8-9). Нет здесь и профилированных форм сосудов, хорошо представленных на Каиршаке III. Что же касается кремневого инвентаря, то здесь в меньшей степени представлены острия и скобели. Необходимо отметить, кроме сегментов с двусторонней обработкой дуги, трапеций и треугольников, наличие трапеций с намечающимся подстругиванием спинки (рис.10, 21). Эти признаки могут предполагать более поздний возраст материалов стоянки Каиршак I по сравнению с комплексом поселения Каиршак III.

Третий (поздний) этап представлен стоянками Тентексор I, III [Васильев, Выборнов, Козин, 1986. С.3-31], Жеколган [Козин, 1989] и Качкарстау [Выборнов, Горащук, 2008], Кызыл-хак II.

На стоянке Тентексор I, в раскопе около 300 кв.м обнаружено жилище и около 1 тысячи фрагментов керамики от 140 сосудов, изготовленных из слабозапесоченного ила с раковинами моллюсков и растительных остатков [Васильева, 1999. С.75-95]. По форме выделено два типа: профилированные горшки и не профилированные банки (рис.14, 15, 16). Все сосуды плоскодонные. Срезы венчиков округлые и плоские. Орнамент покрывает обычно только верхнюю часть сосуда. Подавляющая часть сосудов (77%) украшена в технике отступающего накола овальной или подквадратной формы. Орнаментальные композиции представлены горизонтальными рядами (рис.16, 1-2), горизонтальным зигзагом (рис.16, 3), меандром (рис.16, 5; 15, 1-2), треугольниками (рис.15, 3), прямоугольниками (рис.14, 2). Иначе говоря, прослеживается криволинейный геометризм, характерный для орнаментации посуды каиршакского типа.

Каменный инвентарь немногочислен, но достаточно выразителен. Сырьем для изготовления орудий служил матовый кремь серого цвета, аналогичный каиршакскому. Пластины и отщепы представлены в равном

количестве. Обращает на себя внимание большой процент (около 60) орудий труда, среди которых преобладают (17 экз.) скребки на крупных пластинах и отщепах (рис.17, 1-8). В основном это концевые типы, хотя имеются и стрельчатые, и с «мордочкой», и округлые, как и на стоянках Каиршак I, III. Вторую по численности группу (10 экз.) составляют острия симметричной формы (рис.17, 11-14). Две трапеции подработаны по спинке пологой состругивающей ретушью (рис.17, 9-10). На стоянке Жеколган трапеций обнаружено 12, причем кроме одной, все со струганной спинкой (рис.13, 14-15). Следует обратить внимание, что на керамике данного памятника представлен наплыв на внутренней стороне венчика (рис.13, 4). Сходный наплыв встречен и на посуде стоянки Качкар-стау (рис.11, 1). Примечательно, что и на этом памятнике обнаружен обломок трапеции со струганной спинкой (рис.12, 11). Все это позволяет в определенной мере синхронизировать комплексы двух памятников. Однако на стоянке Качкар-стау кремневый инвентарь характеризуется более архаичными чертами, чем на стоянках Же-колган и Тентексор I. Так, здесь представлено большое количество ножевидных пластин и орудий изготовленных из них. Наличиваются скребки разнообразных типов, острия, скобели, резцы, обломок сегмента (рис.12). Это сближает данный набор с каиршакскими комплексами. Иначе говоря, можно предполагать внутреннюю одновременность материалов тентексорского типа.

Материалы неолитических стоянок левобережья Северного Прикаспия объединяются суммой существенных технико-типологических признаков. В керамическом инвентаре это илы, насыщенные органикой, как исходный материал для изготовления посуды, профилированная и баночная формы сосудов, плоскодонность, расположение орнамента лишь в верхней части сосудов, использование в технике орнаментации наколов и прочерков, геометрических узоров. В каменном инвентаре единство определяется пластинчатым характером первичного раскалывания, большим процентом

орудий, доминирующей ролью среди изделий скребков, многообразием их типов, наличием геометрических микролитов.

Таким образом, на территории левобережья Нижнего Поволжья можно выделить особую неолитическую культуру, сформировавшуюся на местной мезолитической основе и прошедшую в своём развитии три этапа: ранний, развитой, поздний.

Ранний этап каиршакско-тентексорской культуры выделяется по материалам стоянок Кугат IV и Кулагайси, имеющих в кремневом инвентаре пережитки мезолитического времени [Васильев, Выборнов, 1988; Козин, Комаров, 1989. С.6-18; Горащук, 2006. С.93-107]. Необходимо обратить внимание на ряд черт, отличающих каиршакский кремневый комплекс от материалов стоянок Кугат IV и Кулагайси: во-первых, это более высокая степень пластинчатости кремневого инвентаря стоянок типа Кугат; во-вторых, более микролитовидный характер пластин; в-третьих, наличие техники обработки пластин мелкой крутой ретушью со спинки; в-четвёртых, большой удельный вес геометрических микролитов в составе орудийного набора; в-пятых, наличие таких типов геометрических микролитов, как параллелограмм; в-шестых, присутствие таких своеобразных типов орудий как микрорезцы и пластины с косоретушным концом.

При выяснении причин несоответствия кремневых комплексов вышеописанных групп памятников, приходится однозначно отказаться от локальных различий, так как памятники каиршакского типа и стоянки Кугат IV и Кулагайси расположены на одной территории. Таким образом, речь должна идти о хронологических различиях. Архаизм кугатского кремневого инвентаря позволяет предположить наличие определённых позднемезолитических реминисценций. Для проверки данного тезиса необходимо охарактеризовать кремневую индустрию мезолитического времени.

В настоящее время: на левобережье Нижнего Поволжья исследовано около 30 памятников с кремневым инвентарём, относимых к мезолиту [Васильев, Выборнов, Комаров, 1988; 1991; 1996].

По технико-типологическим признакам они подразделяются на две группы: жеколганская (стоянки Жеколган, Каиршак V, Жолтюбе, Кадыргалистау, Истай VI, Кокмурун) и истайская (стоянки Истай I, Шонай IV, Суектэ, Тюкей, Истай IV).

Первый характеризуется следующим набором устойчивых признаков. В качестве сырья использовался кремнь серого и серо-жёлтого полупрозрачного цвета. Подконические нуклеусы имеют скошенную площадку. Процент пластин по отношению к отщепам колеблется от 80 до 100. Ширина пластин колеблется от 0,8 до 1,0 см. Именно пластины и их сечения служили основными заготовками для орудий: от 70 до 100%. Удельный вес орудий от общего числа находок весьма велик – до 50%. Техника вторичной обработки представлена в основном ретушью различных типов: крутой и полукрутой, среднефасеточной, расположенной преимущественно на спинке, и средне- и крупнофасеточной пологой и полукрутой на брюшке. Среди орудийного набора следует констатировать отсутствие на большинстве стоянок скребков. Там, где они обнаружены (стоянки Жолтюбе и Жеколган), количество их ограничено, а типология неустойчива. Помимо резцов на углу сломанной пластины представлены и микрорезцы. В небольшом числе имеются пластины с притуплённым краем. В единичных экземплярах представлены пластины со скошенным концом. Из геометрических микролитов представлены два типа: сегменты и параллелограммы. Первые, в основном, низкие и вытянутые, с односторонней обработкой дуги. Параллелограммы, в основном, высокие и вытянутые, с крупно-фасеточной пологой ретушью на брюшке и средне-фасеточной крутой на спинке (рис.19).

Вторая группа имеет следующие характеристики. Для изготовления орудий использовался, в основном, прозрачный кремнь серого и тёмно-

серого оттенков. Нуклеусы призматической, карандашевидной и конической формы. Процент пластин без ретуши колеблется на разных стоянках от 60 до 90. Ширина пластин варьирует от 0,6 до 0,8 см. В технике вторичной обработки представлена ретушь разных типов, но преобладает мелкая краевая, расположенная на спинке. Процент орудий от общего числа изделий составляет от 10 до 30%. Преобладают изделия из пластин – от 80 до 100%. Характерно наличие устойчивой серии скребков, как концевых, так и на отщепах с прямым, округлым, скошенным рабочим лезвием. Присущи резцы на углу сломанной пластины, пластины со скошенным или прямо-срезанным концом. Серийно представлены острия. Из геометрических микролитов представлены сегменты, трапеции, параллелограммы и треугольники. Первые как с односторонней, так и двусторонней обработкой дуги. Вторые имеют различную конфигурацию, но доминируют симметричные и низкие формы. Третьи, в основном, короткие и узкие, со среднефасеточной пологой ретушью на брюшке (рис.20).

Вопрос о культурно-хронологическом соотношении жеколганской и истайской групп мезолитических памятников данного региона весьма подробно проанализирован в соответствующей литературе [Васильев, Выборнов, 1987. С.58-61; Васильев, Выборнов, Комаров, 1991. С.16-20; Комаров, 2000; Горашук, 2006. С.93-107], что избавляет нас от повторения. Одно лишь маленькое замечание: обломки нижних частей наконечников с двусторонней ретушью, о которых пишет И.В.Горашук [Горашук, 2006. С.96-97, 100, рис.2], скорее всего являются более поздней примесью, попавшей на памятники случайно. Наиболее существенное, что необходимо для анализа интересующей проблемы, – жеколганская и истайская группы сосуществуют на позднемезолитической фазе. Именно этим следует объяснять наличие ряда признаков в кремневом комплексе стоянок Кугат IV и Кулагайси, присущих как жеколганской, так и истайской мезолитической группе.

Так, для изготовления орудий на стоянках Кугат IV и Кулагайси использовался кремнь трёх разновидностей: серый полупрозрачный

(отличительный признак жеколганской группы), тёмно-серый прозрачный (доминирует в комплексах истайской группы) и светло-серый матовый (господствует в орудийном наборе каиршакского типа). Таким образом, памятники типа Кугат IV, с одной стороны, наследуют от предшествующих мезолитических групп ориентированность на прежние источники сырья, а с другой, начинают появляться и новые связи, расширявшиеся в период развитого неолита.

Реминисценцией мезолитического времени следует считать и очень высокий процент пластин без ретуши по отношению к отщепам, столь характерной для жеколганских и истайских групп. Мезолитическим пережитком следует считать и параметры пластин стоянок типа Кугат IV: их ширина от 0,8 до 1,0 см. присуща как жеколганским, так и истайским комплексам. Из предшествующего времени заимствованы приёмы вторичной обработки: мелкая и средняя краевая ретушь на спинке и среднефасеточная пологая на брюшке. Преобладание среди орудийного набора геометрических микролитов в кремневых комплексах стоянок Кугат IV и Кулагайси также соответствует характеристике мезолитических групп данного региона. Из геометрических микролитов наибольший интерес представляют параллелограммы, которые присущи мезолитическим комплексам и нехарактерны для каиршакских. Кремневый инвентарь стоянок типа Кугат IV содержит сегменты с односторонней обработкой дуги, присущие жеколганской группе, и трапеции, треугольники и сегменты с двусторонней обработкой дуги, характерные для истайской. К мезолитическим пережиткам следует отнести и такие категории орудий, как микрорезцы и пластины со скошенным концом.

Проведя сравнительный анализ кремневых комплексов стоянок Кугат IV и Кулагайси с жеколганской и истайской индустриями можно сделать два вывода. Во-первых, чётко прослеживаемые архаичные признаки кремневых комплексов стоянок Кугат IV и Кулагайси свидетельствуют об их более раннем возрасте по сравнению с материалами развитого этапа неолита

каиршакского типа. Таким образом, можно достаточно обоснованно утверждать ранненеолитическую фазу в развитии неолитической культуры левобережья Нижнего Поволжья. Это подтверждается и керамическим инвентарём, в котором представлены округлодонные формы сосудов, нехарактерные для каиршакских комплексов.

Второй существенный вывод, который следует из сравнительного анализа кремневых комплексов стоянок Кугат IV, Кулагайси и позднемезолитических жеколганской и истайской групп – неолитическая кремнёвая индустрия левобережья Нижнего Поволжья формируется на местной основе без каких-либо инородных включений. Можно констатировать плавный эволюционный характер формирования неолитического технокомплекса данной территории.

Веским доводом в пользу автохтонного характера происхождения гончарного производства неолита Северного Прикаспия может служить и технологический анализ керамического инвентаря. На основе изучения качественного состава формовочных масс неолитической посуды в данном регионе удалось установить, что, кроме глинистого вещества, в ней присутствуют примеси растительности, обломки раковин моллюсков, чешуя и позвонки рыб, отпечатки длинных узких перевитых растений, идентифицированных ботаниками как сине-зелёные водоросли. Выявленная специфика формовочных масс не имеет аналогий в известных материалах. Была выдвинута и проверена экспериментальным путём гипотеза о глиноподобном, насыщенном естественной органикой иле как исходном сырье для неолитической керамики данного региона [Васильева, 1998; 1999; 2006].

Вторая культурная группа неолитических памятников Северного Прикаспия расположена как на левобережье, так и на правом берегу Волги. В своем развитии джангаро-варфоломеевская культура прошла три этапа.

Ранний этап характеризуется по материалам стоянок типа Ту-Бузгу-Худук I [Кольцов, 1989. С.89-105; 1990. С.27-50; Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 2003. С.60-61]. Кремневый инвентарь представлен 387 экз., из

которых более 100 орудий. Пластины без ретуши по отношению к отщепам составляют почти 60%. Ведущей категорией орудий являются скребки – 28 экз., среди которых преобладают концевые. Встречены также округлые, дублированные и стрелчатые (рис.24, 2-9). Вторая по численности группа – острия (22 экз.) вытянутой симметричной формы. Имеются и скошенные острия (рис.24, 10-11). Ножи (10 экз.) отличаются от пластин с ретушью (21 экз.) более крупной заготовкой и пологой ретушью по спинке. Скобели и резцы на углу пластины единичны (рис.24, 16-17). Четыре наконечника стрел на пластинах представлены двумя типами: с черешком и боковой выемкой (рис.24, 14-15). Геометрические микролиты немногочисленны, но достаточно выразительны: три симметричные трапеции низких и высоких пропорций, два прямоугольника и один сегмент с двусторонней обработкой дуги (рис.24, 22-26).

Керамический инвентарь представлен 86 фрагментами от 28 сосудов. В глиняном тесте примесь песка и растительных остатков. Сосуды прямостенной и закрытой формы. Днища плоские и округлые. Узоры расположены в верхней части сосудов и нанесены треугольными (ок. 30%) и овальными наколами. Орнаментальные композиции представлены горизонтальными рядами и горизонтальными зигзагами (рис.23).

Второй (развитой) этап представлен 2-м и 3-м слоями стоянки Джангар и нижним слоем стоянки Варфоломеевка. Кремневый инвентарь нижних слоев стоянки Джангар насчитывает свыше 3 тыс. изделий, из которых более 30% орудия (рис.25, 8-25; 26). Пластины без ретуши по отношению к отщепам составляют 54%. Ведущая категория орудий – скребки (364 экз.), типология которых состоит из концевых с округлым, прямым и скошенным лезвием, округлых микроскребок, дублированных, стрелчатых (рис.26, 1-6). Острия составляют весьма многочисленную группу (147) и представлены вытянутыми, симметричными с ретушью по всей продольной грани, либо по спинке, либо по брюшку (рис.26, 7). Встречены и скошенные острия (рис.26, 8). Среди скобелей (41 экз.) представлены изделия с несколькими выемками

(рис.25, 16; 26, 10). Крупные пластины с ретушью по продольным граням образуют группу из 32 ножей (рис.26, 13). 19 резцов относятся к типу на углу сломанной пластины (рис.26, 11). Скрёбла на крупных отщепах составляют серию из 24 единиц. Пластины с ретушью (169 экз.) характеризуются различными вариациями оформления спинки и бруска. Геометрические микролиты представлены 57 трапециями, 29 сегментами (рис.26, 14-17) и 4 прямоугольниками (рис.25, 25-26). Трапеции преимущественно симметричные, высокие и низкие, иногда с подработкой верхнего основания (рис.25, 22-24). Среди сегментов имеются (13 экз.) изделия с двусторонней обработкой дуги (рис.25, 18-21). Наконечники стрел (9 экз.) представлены черешковым типом, полученным с помощью одной или двух выемок (рис.25, 14; 26, 12). Керамический инвентарь 3-его и 2-го слоев стоянки Джангар насчитывает около 1300 фрагментов от 80 сосудов (рис.25, 1-7; 27-28). Посуда плотная. Судя по предварительным данным технологического анализа, проведенного И.Н.Васильевой, в 3-ем слое посуда изготавливалась преимущественно из незапесоченных илов, хотя появляются сосуды, сделанные из илистой глины. Во 2-ом слое – эти группы уже примерно равны. По профилировке верхних частей сосуды подразделяются на прямостенные (33 экз.), закрытые (25 экз.) и профилированные (15 экз.). Срезы венчиков плоские, округлые и скошенные. Форма днищ (за исключением одного округлого) плоская. Орнамент расположен в верхней части сосудов. Для нанесения узоров использована техника треугольного, подквадратного и овального накола в отступающей манере (67%) и прочерка (33%). Орнаментальные композиции представлены горизонтальными рядами (рис.25, 3-4), волнистыми линиями (рис.25, 1, 6), сочетанием горизонтальных и наклонных рядов (рис.27, 4), треугольниками (рис.27, 2), четырехугольниками (рис.27, 1). Интересен сосуд, украшенный прочерченными линиями в сочетании с одинарными овальными наколами. Такие признаки присущи посуде каиршакского типа. На его венчике образован выступ, напоминающий зауральский (рис.28, 4).

Вышеприведенные характеристики подтверждаются материалами нижнего слоя Варфоломеевской стоянки. Среди нуклеусов также встречаются плоские (рис.40, 9). Около 70% орудий изготовлено на пластинах. Ведущая группа орудий скребки (70%) концевые типа, скошенные, дублированные (рис.40, 11-13). Часть из них имеет ретушь по боковым граням. Из геометрических микролитов (около 10%) представлены сегменты с притупляющей ретушью по дуге (рис.40, 15-18) и низкие симметричные трапеции (рис.40, 14). Встречаются острия, в том числе скошенные, скобели (рис.40, 19-20). Судя по данным И.Н.Васильевой, в 3-ем слое менее половины сосудов сделаны из илов, а более половины из илистой глины. По форме преобладают сосуды с прикрытым (около 60%) и открытым (около 30%) устьем (рис.32-33; 40, 1-7). Посуда плоскодонная. Орнамент расположен в верхней части сосудов. Для нанесения узоров использовалась техника накола в отступающей манере – 47% (рис.32, 1-2, 4-6; 33, 4), прочерки -33% (рис.32, 3, 9; 33, 3) и сочетание прочерка с одиночными наколами (15%). Композиции представлены горизонтальными линиями (рис.32, 5), зигзагами (рис.32, 3-4), сочетанием линий и зигзагов (рис.32, 1, 6-8), треугольниками (рис.32, 2; 33, 3), косой решеткой (рис.32, 9).

Третий (поздний) этап представлен материалами 1-го (верхнего) слоя стоянки Джангар и слоем 2Б Варфоломеевской стоянки. Кремневый инвентарь 1-го слоя стоянки Джангар насчитывает 4800 изделий, из которых 1300 орудий. Пластины без ретуши (1640 экз.) составляют 50% по отношению к отщепам. Ведущая категория орудий – скребки (419 экз.). В основном они концевые – 104 экз. (рис.30, 1, 2), округлые – 76 экз., круглые – 98 экз. (рис.30, 3), микроскребки – 32 экз., ногтевидные – 54 экз., стрелчатые и дублированные (рис.30, 4). Обнаружено около 200 острий вытянутой симметричной формы, иногда с плечиками (рис.30, 5, 6). Скошенных острий 12 (рис.30, 7). Пластин с ретушью около 200 и среди них 9 со скошенным концом, 38 ножей на пластинах и пластинчатых отщепах имеют крупную пологую ретушь. Скребла изготовлены на крупных отщепах (26 экз.).

Имеются резцы на углу сломанной пластины (19 экз.) и боковые (5 экз.). Геометрические микролиты представлены трапециями – 50 экз. (рис.30, 13) и сегментами 43 экз. (рис.30, 9, 14). Первые представлены высокими симметричными формами, на части которых (16 экз.) имеется ретушь по верхнему основанию, низкими симметричными и одной трапецией со струганной спинкой (рис.30, 15). Наконечники стрел (8 экз.) представлены двумя типами: черешковые с одной или двумя боковыми выемками (рис.30, 10-12) и листовидный с двусторонней отжимной ретушью [Кольцов, 1988]. Представлено изделие с выделенной головкой (рис.30, 8) и рубящее орудие, изготовленное с помощью оббивки (рис.30, 16).

В кремневом инвентаре слоя 2Б Варфоломеевской стоянки обнаружены скребки – 64% концевые (рис.41, 10), дублированные (рис.41, 8), округлые (рис.41, 9). Среди пластин с ретушью – 13% имеются экземпляры со скошенным концом (рис.41, 17). Геометрические микролиты (5%) представлены сегментами с одно- и двусторонним ретушированием дуги (рис.41, 11) и высокими трапециями со струганой спинкой (рис.41, 14-16).

Керамический инвентарь 1-го слоя стоянки Джангар содержит 940 фрагментов от 120 сосудов, технологический анализ которых, выполненный И.Н.Васильевой, показал примерно равное представительство изготовленных из илов и илистой глины. По профилировке верхней части сосудов можно выделить три типа: прямостенные – 44 экз. (рис.29, 2), прикрытые – 40 экз. (рис.29, 1) и профилированные (40 экз.). Форма днищ плоская. Необходимо отметить 27 венчиков с наплывом на внутренней стороне сосуда (рис.29, 1, 5) и 3 гофрированных венчика. Орнамент покрывал лишь верхнюю часть сосудов. Для нанесения узоров использовалась техника накола преимущественно треугольной формы и в отступающей манере (около 70%), прочерченных линий, а 16 фрагментов несут отпечатки зубчатого штампа (рис.29, 4). Орнаментальные композиции представлены горизонтальным зигзагом (рис.29, 6), горизонтальными рядами (рис.29, 1, 5), меандрами (рис.29, 3), треугольниками (рис.29, 2). Дополняет эту картину керамика

Варфоломеевской стоянки, сходная по технологии с верхним слоем Джангара. Так, в слое 2Б – 7% сосудов имеют наплыв на внутренней стороне венчика (рис.34, 2; 35, 1; 36, 3), закрытых форм сосудов – 53%, а открытых – 43%. По технике нанесения узоров доминируют наколы – 54% (рис.41, 1-5), прочерки – 28% (рис.41, 6-7) и сочетание наколов и прочерков (12%). Среди узоров представлены горизонтальные линии (рис.34, 2; 35, 1, 3), зигзаги (рис.35, 4; 36, 1), сочетание линий и зигзагов (рис.35, 2, 6), косая решетка (рис.36, 4), меандры (рис.36, 5), ромбы (рис.36, 3).

В слое 2А орудий на пластинах около 60%. Преобладают скребки около 60% на пластинах (рис.42, 12) и отщепах (рис.42, 11), концевые и округлые (рис.42, 9). Ножи на пластинах и пластины с ретушью составляют около 20% (рис.42, 10). Есть острия. Геометрические микролиты (около 4%) представлены высокими трапециями со струганной спинкой (рис.42, 8). В слое 2А сосудов с наплывами уже более 30%, причем значительная часть орнаментирована (рис.37, 1, 5; 38, 1; 39, 1-3). В слое 2А закрытых форм около 60%, а открытых более 20%. Наколом орнаментировано 74% посуды, а прочерком лишь 12%. Наиболее часто встречаются те же композиции, что и в слое 2Б (рис.37-39). Но появляются шевроны, многоугольники, висячие треугольники, наклепные валики и «жемчужины» (рис.42). Один фрагмент украшен гребенчатым штампом. Аналогичный комплекс представляют материалы стоянки Орловка (рис.43). С учетом обнаружения в этом слое медной пластины и булавы вопрос о его позднеолитическом возрасте полемичен.

Материалы вышеописанных памятников имеют большое количество объединяющих типологических признаков: керамика изготовлена из илов или илистой глины; прямостенность, закрытость и профилированность форм сосудов; плоскодонность; расположение орнамента лишь в верхней части сосудов; использование в технике орнаментации наколов и прочерков; геометрия узоров. В каменном инвентаре единство определяется пластинчатым характером первичной обработки, большим процентом

орудий, доминирующей ролью среди них скребков, многообразием их типов, наличием геометрических микролитов и наконечников стрел.

Ранний этап джангаро-варфоломеевской культуры достоверно выделяется по материалам стоянки Ту-Бузгу-Худук I, восходящим к местному мезолитическому субстрату. Эту версию оспаривает И.Н.Наумов [Наумов, 1998. С.11]. Сравнительный анализ материалов стоянок Ту-Бузгу-Худук I и Джангар свидетельствует о значительном сходстве как кремневого, так и керамического инвентаря, что подтверждает отнесение их к одной культуре. Однако следует перечислить и ряд различий. В керамическом инвентаре стоянки Ту-Бузгу-Худук I нет раковинной примеси, венчиков с наплывом и профилированных форм сосудов, прочерченной техники нанесения узоров и сложных композиций. Присутствуют округлые днища.

В кремневом инвентаре прослеживается большой процент пластинчатости и микролитовидности, наличие пластин с притуплённым краем, а также с косоретушированным или прямоусечённым концом, геометрических микролитов типа ромб и прямоугольник.

Эти различия не могут трактоваться как локальные, поскольку данные памятники расположены достаточно близко друг от друга. Таким образом, речь может идти о хронологическом несоответствии. Архаизм кремневого инвентаря даёт основание предполагать определённые позднемезолитические пережитки в комплексе стоянки Ту-Бузгу-Худук I. Для обоснования данного тезиса необходимо охарактеризовать кремневую индустрию мезолитического времени, которая наиболее полно отражена в материалах стоянки Харба [Кольцов, Эрдниев, 1985].

Технико-типологические показатели позднемезолитического времени выражаются преобладанием пластин над отщепами, пластины имеют микролитовидные очертания, большой процент орудий, в том числе из пластин, доминированием среди орудий скребков концевой типа, наличием косоретушированных пластин, скобелей, наконечников стрел с черешком,

геометрических микролитов (сегментов, трапеций, прямоугольников), пластин с притупляющей ретушью (рис.44).

Вышеперечисленные характеристики хорошо согласуются с кремневым комплексом стоянки Ту-Бузгу-Худук I. Это позволяет сделать два вывода. Во-первых, чётко прослеживаемые архаичные признаки свидетельствуют о более раннем возрасте по сравнению с материалами 3-его слоя стоянки Джангар. Таким образом, можно достаточно обоснованно выделять ранненеолитическую фазу в развитии этой культуры. Это подтверждается и керамическим инвентарём, в котором представлены округлодонные формы сосудов и простота орнаментальных композиций, нехарактерные для джангарских материалов.

Второй существенный вывод, который вытекает из сравнения кремневых комплексов вышеназванных стоянок, сводится к признанию формирования кремневой индустрии неолитической культуры правобережья степной зоны Нижнего Поволжья на местной основе. Причём, этот процесс проходил достаточно плавно.

Затрагивая вопросы хронологии двух культур Нижнего Поволжья, необходимо обратиться к ряду радиоуглеродных дат. Допущение абсолютного возраста раннего этапа (типа Кугат IV) – вторая половина VI тыс. до н.э. – нашло некоторое подтверждение радиоуглеродной датой для позднемезолитической стоянки Каиршак Va (сделанной по кости и, видимо, несколько омоложенной) – 7255 ± 95 л.н. [Комаров, 2002. С.9]. Хронологические рамки ранненеолитического этапа определяются также исходя из радиоуглеродных датировок материалов развитой фазы неолита данного региона – первая четверть V тыс. до н.э. Наиболее архаичные комплексы правобережья низовьев р. Волги могут определяться, как минимум, последней четвертью VI тыс. до н.э. и датироваться второй половиной VI тыс. до н.э. [Кольцов, 1990]. Аналогичный возраст (подтвержденный радиоуглеродом) присущ ранним этапам буго-днестровской, матвеевкурганской, ракушечноярской культур [Зайцева,

Тимофеев, 1999]. По мнению А.И. Юдина «сопоставление основных признаков приводит к выводу, что Варфоломеевская стоянка и Джангар, вероятнее всего, имеют одну культуuroобразующую основу» [Юдин, 2000]. Это лишний раз подтверждает правильность объединения их в одну культуру и наличие комплексов более архаичных, чем нижний слой Варфоломеевской стоянки.

Развитой этап представлен материалами каиршакского типа, имеющими преемственность с кугатскими. При различных дискуссионных аспектах изучения североприкаспийского неолита это положение поддержано всеми специалистами. Судя по ^{14}C его возраст определяется первой половиной V тыс. до н.э. (6950 ± 190 ; 6720 ± 80 л.н.), что хорошо подтверждает время раннеолитической фазы.

Средний этап джангаро-варфоломеевской культуры представлен материалами 2-го и 3-его слоев Джангара и 3-им слоем Варфоломеевки, имеющим радиоуглеродные даты – 6980 ± 200 ; 6870 ± 130 л.н., что подкрепляет возраст ранней ступени и хорошо согласуется со временем развитого неолита типа Каиршак. Для этих материалов совпадают и данные спорово-пыльцевых анализов, что еще раз подтверждает синхронность развитого этапа неолитических культур. Посуда стоянки Каиршак III представлена: 14% – только прочерки, 13% – только одиночные наколы, 71% – сочетание прочерков и наколов, 2% – отступающие наколы [Васильев, Выборнов, Козин, 1989]. В нижнем слое Варфоломеевской стоянки керамика характеризуется: прочерками – 33%, наколами – 47%, сочетанием наколов и прочерков – 15% [Юдин, 1998. С.86]. Не случайно исследователи отметили, что сравнение материалов каиршакского типа показывает их значительное сходство с Варфоломеевской стоянкой [Козин, 1990. С.25]. В 3-ем и 2-ом слоях Джангарской стоянки прочерками орнаментировано до 30% посуды, причем часть ее аналогична каиршакской [Кольцов, 1988. С.87]. Все это свидетельствует о взаимодействиях, а соответственно лишний раз подтверждает синхронность вышеперечисленных материалов. Более того,

А.И.Юдин отмечает, что «орловская и джангарская культуры столь близки, что при изменении критериев сходства и различия в сторону их меньшей дифференциации становится возможным говорить о локальных вариантах или даже одной культуре» [Юдин, 2000. С.42, 44]. Кроме того, именно посуда каиршакского типа во 2-ом слое Джангара позволяет сделать определенные выводы по наиболее проблемному этапу – поздненеолитическому. В степных районах Нижнего Поволжья для слоя 2Б Варфоломеевки имеются две радиоуглеродные даты, хорошо маркирующие позднюю ступень неолита – 6400 ± 230 и 6090 ± 160 л.н., то есть вторая половина V тыс. до н.э. В определенной мере с этим хорошо согласуется дата 2-го слоя поселения Джангар – 6100 ± 70 л.н. Для собственно материалов каиршакско-тентексорской культуры аналогичных дат не было. Но, учитывая наличие керамики каиршакского типа во 2 слое Джангара, вполне допустимо предположить доживание последних до указанного времени. Это подтверждается и радиоуглеродной датой почвы из верхнего слоя на стоянке Каиршак III – 6100 л.н. [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998. С.52].

Наиболее поздний комплекс волжского левобережья – стоянка Тентексор – датируется 5500 ± 150 л.н., то есть серединой IV тыс. до н.э. Учитывая, что датировался образец из почвы, вполне допустимо его омоложение. Кроме того, материалы таких памятников, как Жеколган и Качкарстау, по целому ряду существенных признаков представляются более ранними, чем Тентексор I [Выборнов, 1997. С.5-6; Козин, 2002. С.12, 24]. То есть, вполне могут занять хронологическую нишу конца V – первой четверти IV тыс. до н.э. А это хорошо согласуется с датами второй фазы позднего неолита джангаро-варфоломеевской культуры – 5890 ± 90 до л.н. для верхнего слоя Джангара. Ограничивать верхний рубеж нижневолжского неолита V тыс. до н.э. было бы не совсем верно. Этому противоречат как следы контактов тентексорских материалов с хвалынской культурой, так и их палинология (Спиридонова, Алешинская, 1999).

§ 1.3. Проблема выделения культур в неолите Нижнего Поволжья на современном этапе

Возражая против этой схемы, П.М.Кольцов обращает внимание на ряд различий между материалами поселений Джангар и Тентексор I. В керамическом инвентаре это толстостенность и рыхлость посуды последнего. Кроме того, узкий протянутый накол и струйчатые линии, столь характерные для Джангара, здесь полностью отсутствуют [Кольцов, 2004. С.119]. На Джангаре действительно обнаружено 4 фрагмента, которые П.М.Кольцов интерпретирует как струйчатые [Кольцов, 1988. С.73; 72, рис.11, 13-14]. Во-первых, этого количества явно недостаточно, чтобы считать характерной чертой для джангарской коллекции. Скорее эту черту следует считать не характерной, а специфической. Во-вторых, более скрупулёзный анализ позволил выявить на двух фрагментах (рис.28, 1-2) мелкие треугольные наколы (рис.28, 3). Что же касается узкого протянутого накола, то он встречается на посуде другого памятника тентексорского типа – Тентексор III (рис.18, 1). Но орнаментальная композиция тождественна узорам на посуде Тентексор I. Это предполагает более ранний возраст первого памятника. Важно подчеркнуть, что эта посуда более тонкостенная и плотная, чем на стоянке Тентексор I. Иначе говоря, те различия, о которых пишет П.М.Кольцов, весьма условны. Касаясь кремневого инвентаря, П.М.Кольцов обращает внимание на количественные различия. Действительно, на Джангаре число находок намного превосходит количество артефактов на Тентексоре I. Так ведь иначе и быть не могло, если первый относится к раннему этапу, а второй к финалу позднего. Если же обратиться к материалам стоянок Жеколган и Качкар-стау, более ранних, чем Тентексор I, число каменных изделий значительно больше. Вторая отличительная черта, по мнению П.М.Кольцова, – изготовление орудий труда на Тентексоре I производилось из крупных пластин и отщепов.

Увеличение параметров пластин также вполне естественно по мере восхождения к энеолиту. Допустимо привести приемлемую аналогию. На

Варфоломеевской стоянке параметры пластин и отщепов от нижнего к верхнему слою также увеличиваются. Но это не стало у А.И.Юдина основанием для разделения материалов этих слоёв на две разные культуры. Речь идёт о критериях периодизации. Одним из них является параметр заготовок. В этой связи еще требует своего осмысления ситуация с пластинами на стоянке Джангар. Если проанализировать кремневый инвентарь 1 слоя поселения Джангар, то его характеристики противоречат этим построениям. Применяя разработки Ж.Тиксье, П.М.Кольцов условно разделил пластины по ширине: пластины – более 1,2 см, пластины от 0,7 до 1,2 см и микропластинки до 0,7 см [Кольцов, 1988. С.53]. В нижнем слое Джангара пластин 185, пластинок – 372, микропластинок – 200. В верхнем пластин – 380, пластинок – 798, а микропластинок – 461. Общее увеличение каждой категории почти в два раза важно – если в 3-ем слое общее число находок 1420, то в 1-ом – 4804, то есть произошло увеличение количества находок в целом, в то время как на памятниках тентексорского типа оно сокращается. Но важнее пропорциональное соотношение разных типов пластин: показатели нижнего и верхнего слоёв практически не изменились. Хотя 3-ий слой исследователи относят к развитому этапу, а 1-ый слой к позднему. Объяснить это тем, что верхний слой прослежен в обеих раскопках, а 2-ой и 3-ий слои только во втором раскопе [Кольцов, 2004. С.16-22], вряд ли объективно: меняется общее число, но не параметры. Выясняется, что характер пластин в разных периодах не меняется. Более того, если в нижнем слое резцов семь, то в верхнем – двадцать четыре. Как объяснить трехкратное увеличение такой архаичной категории орудий в более позднее время? Вдвое увеличиваются и такие мезолитические реминисценции, как пластины со скошенным концом [Кольцов, 2004. С.30, 79]. Даже такие ранние типы микролитов, как сегменты, от нижнего к верхнему слою увеличились почти в четыре раза [Кольцов, 1988. С.55, 76]. Но, исходя из вышеизложенного, предполагать пережиточное неолитическое происхождение верхнего слоя поселения Джангар безосновательно. Скорее более

обоснованна версия В.В.Ставицкого о том, что к моменту складывания Варфоломеевской стоянки джангарская линия развития завершается [Ставицкий, 2004. С.210-214], по крайней мере, кремневый джангарский инвентарь верхнего слоя в большой степени сопоставим с индустрией нижнего слоя Варфоломеевской стоянки [Ставицкий, 2004. С.212].

По мнению П.М.Кольцова, вариант единой джангаро-варфоломеевской культуры, предложенный И.Б.Васильевым и А.А.Выборновым, требует пояснений [Кольцов, 2004. С.120-121; 2005. С.283-284]. С одной стороны, исследователь отмечает значительное сходство керамики нижних слоев обоих памятников. Посуда верхних слоёв имеет уже больше различий, чем сходства. Это прослеживается в профилировке сосудов и орнаменте. Конкретизируя этот тезис, П.М.Кольцов отмечает, что в керамике верхнего слоя Варфоломеевской стоянки преобладает посуда с прикрытым устьем и наплывом на внутренней стороне венчика, который зачастую покрывался орнаментом. Далее наблюдается трансформация наплыва в воротничок на внешней стороне. В материалах Джангара подобных сочетаний в керамике нет [Кольцов, 2004. С.120]. Примечательно, что П.М.Кольцов вслед за И.Б.Васильевым и А.А.Выборновым констатирует значительное сходство материалов нижних слоёв Джангара и Варфоломеевской стоянки. Более того, А.И.Юдин отмечает, что максимальная степень совпадений признаков из всех памятников Нижней Волги наблюдается с материалами стоянки Джангар [Юдин, 2000. С.42]. Помимо прочих аргументов, исследователь приводит весьма убедительный довод. Керамика нижних слоёв Джангара украшена 24 типами композиций, а посуда 3-его слоя Варфоломеевской стоянки насчитывает 26 основных узоров. Из них 15 полностью тождественны [Юдин, 2000. С.42]. Иначе говоря, степень сходства превышает 50%. Но ещё более важен другой момент. Ещё 6 композиций, близких джангарским, появляются на керамике слоя 2Б Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2000. С.42]. Как точно подметил В.В.Ставицкий, эти композиции на Джангаре присутствуют уже в нижних слоях, синхронных 3-

ему слою Варфоломеевской стоянке [Ставицкий, 2004. С.213]. Здесь остаётся только присоединиться к выводу последнего о том, что эти композиции были заимствованы варфоломеевцами у джангарцев. Иначе говоря, взаимодействие представителей этих памятников проходило не только в период нижних слоёв. Теперь о единственном, по сути, серьёзном различительном признаке, на который обратил внимание П.М.Кольцов. Наплыв на внутренней стороне венчика появляется на посуде верхнего слоя Джангара и слоя 2Б Варфоломеевской стоянки. Типологически они очень близки, на них ещё нет узоров. Это как раз не разъединяет, а объединяет керамические традиции двух памятников. И не случайно В.В.Ставицкий вполне обоснованно замечает, что «одновременное появление наплывов на венчике, ряд параллелей в развитии композиций орнамента, общие тенденции в развитии каменных орудий, свидетельствуют о достаточно согласованном характере происходящих на этих памятниках изменениях, что является важным признаком их единой культурной принадлежности» [Ставицкий, 2004. С.211]. Узор на наплыве с внутренней стороны венчика встречен на Варфоломеевской стоянке только в слое 2А и на Орловской стоянке (рис.43, 1-2). То есть, в тот период, когда Джангар прекращает свое существование. Подтверждением этому может служить и другой аргумент. На посуде слоя 2А Варфоломеевской стоянки появляется ряд признаков, которых нет на керамике верхнего слоя поселения Джангар: валики (рис.43, б), «жемчужины» (рис.39, 5), композиции типа многоугольников, прямоугольников, плетенки, «сотового» узора (рис.37, 4; 38, 4; 42, 2, 6). По сути, это момент завершения джангаро-варфоломеевской керамической традиции, которая на правобережье р. Волга представлена керамикой стоянки Орловка. Но то, что эта традиция существовала, подтверждается в большей степени ещё одним доказательством. По данным П.М.Кольцова толщина фрагментов поселения Джангар вне зависимости от слоя варьирует от 0,3 до 1,2 см [Кольцов, 1988. С.62, 80]. Промеры черепков с Варфоломеевской стоянки показали колебания от 0,3 до 1,0 см. Посуда с

Каиршака I имеет толщину от 0,7 до 1,3 см, а с Каиршака III – от 0,7 до 1,5 см. На стоянке Тентексор I сосуды сходных параметров: 0,6 до 1,6 см. Как видим, джангарово-варфоломеевская традиция менее толстостенна. Это не случайно. Как уже отмечалось, каиршако-тентексорская посуда изготавливалась из илов. Что же касается джангаро-варфоломеевской, то она характеризуется двумя группами: из илов и илистой глины. Именно это повлияло на то, что сосуды с Джангара тоньше каиршацких, а посуда с Варфоломеевской стоянки тоньше керамики со стоянки Тентексор I. Наличие двух технологий объединяют посуду Джангара и Варфоломеевской стоянки в одну культурную традицию. Точно так же объединяются керамические комплексы каиршацкого и тентексорского типов. Здесь не хотелось упустить ещё одну отнюдь немаловажную деталь. П.М.Кольцов обращает внимание на технику нанесения узора среди керамики с наколами – узкие протянутые и треугольные. Первые в разных слоях варьируют в пределах 40%. И на посуде 3-его слоя Варфоломеевской стоянки А.И.Юдин отмечает, что жесткой регламентации в технике выполнения орнамента не было – на нескольких сосудах строчки отступающего накола плавно переходят в прочерк [Юдин, 1998. С.87].

Что же касается кремневого инвентаря, то, как А.И.Юдин [Юдин, 2000. С.43], так и П.М.Кольцов [Кольцов, 2004. С.120; 2005. С.284] обращают внимание на различие нуклеусов. Если на Варфоломеевской стоянке они в основном плоские и уплощенные, то на Джангаре призматические, конусовидные и клиновидные. Из этого П.М.Кольцов делает вывод о том, что данное различие определяется технической традицией. Для начала необходимо обратить внимание на одну существенную деталь. В 3-ем слое поселения Джангар обнаружено 1420 кремневых изделий, на стоянке Каиршак III – 4475 единиц изделий, а в близком к ним по времени 3-ем слое Варфоломеевской стоянке – 362 артефакта. Невольно напрашивается вывод о проблемах с сырьевой базой у обитателей Варфоломеевской стоянки. Из этого комплекса на Джангаре обнаружено всего три разнотипных нуклеуса:

клиновидный, призматический и конусовидный. Из 6 нуклеусов Варфоломеевской стоянки в 3-ем слое – один торцовый, один призматический, один конусовидный и три плоских [Юдин, 2004. С.57, рис.44, 1-6]. Как видим, половина типов нуклеусов на этих памятниках совпадает. Поэтому резкого противопоставления даже в третьих слоях, которые синхронны, нет. Если обратиться к материалам Северного Прикаспия, то плоские нуклеусы известны уже в мезолитических комплексах [Васильев, Выборнов, Комаров, 1988. С.10, рис.3, 48]. Надо отметить, что тыльная его сторона покрыта коркой. На стоянке Каиршак III из семи нуклеусов – три конических, по одному – призматический и карандашевидный и два плоских. На стоянке Каиршак I более поздней, чем Каиршак III, из 2198 кремнёвых изделий всего три нуклеуса: один дисковидный, один конический и один плоский [Выборнов, Козин, 1988. С.93-94, рис.1, 1-3]. Но можно ли из наличия плоских нуклеусов в материалах каиршакского типа делать вывод о технической традиции, которая передается носителям 3-его слоя Варфоломеевской стоянки? Даже при гипотетическом положительном ответе следует ли заключение о единой культурной традиции каиршакской и Варфоломеевской кремнёвой индустрии? Представляется, что ответ отрицательный. Исследователи весьма скептически относятся к формам нуклеусов, как критерию культуроразличия [Григорьев, 2006. С.94]. Плоские нуклеусы представлены и в материалах кельтеминарской культуры [Виноградов, 1981]. И не случайно во 2Б слое Варфоломеевской стоянки из трёх нуклеусов один конический, один торцовый и один, весьма отдаленно напоминающий уплощённый [Юдин, 2004, рис.47, 1]. Весьма показательно, что в материалах верхнего слоя поселения Джангар, синхронного слою 2Б Варфоломеевской стоянки помимо прочих типов присутствует и плоский [Кольцов, 1988. С.53]. В слое 2А, где находок в 2 раза больше по сравнению с нижним слоем, из 9 нуклеусов представлены призматические, конусовидные, торцовые и три плоских, то есть столько же, как и в 3-ем слое. Никакой динамики не

прослеживается. Тем более сложно сопоставлять комплекс 1-го слоя Джангара и слоя 2А Варфоломеевской стоянки, когда они разновременны. Что же касается других кремневых различителей (прямоугольники), то они встречаются в крайне малом выражении лишь в нижнем слое Джангара. П.М.Кольцов совершенно справедливо обращает внимание на наличие пластинчатых наконечников стрел во всех слоях поселения Джангар. Их появление он убедительно связывает с эпохой мезолита, памятники которой находят несомненные аналогии на Кавказе, где представлены и наконечники стрел таких же типов. Это можно трактовать как своеобразную черту лишь юго-западных памятников джангаро-варфоломеевского типа.

Наиболее проблематичен вопрос – являются ли памятники каиршакского и тентексорского типов последовательными этапами одной культуры или они представляют собой разные культурные образования. Всесторонне проанализировав неолитические материалы Нижнего Поволжья, В.В.Ставицкий приходит к выводу, что наличие жёсткой генетической связи бесспорно только для памятников джангарского и орловского типов, эволюцию которых наглядно иллюстрируют материалы Джангара и Варфоломеевской стоянки. Определение степени преемственности между остальными типами памятников, как и размеры участия населения одних памятников в формировании других, нуждается в дополнительном изучении [Ставицкий, 2004а. С.30].

Так, по мнению ряда исследователей несходство между памятниками каиршакского и тентексорского типов можно объяснить значительным хронологическим, а соответственно, и культурным разрывом [Кольцов, 1990. С.69; Козин, 1990. С.25]. Типологические и хронологические различия этих типов памятников отметили их первооткрыватели [Васильев, Выборнов, 1988. С.43-45], но в рамках одной культуры. В своих дальнейших работах Е.В.Козин, привлекая данные И.Н.Васильевой, все же пришел к выводу о родственности и преемственности технологических традиций изготовления

керамики на всем протяжении развития неолита. Кроме того, выявляется преемственность и в развитии орнаментальной традиции, что отражает культурное единство населения [Козин, 2002. С.15-16].

При решении этого вопроса П.М.Кольцов обращается к анализу кремневого инвентаря, где различия особенно заметны. Для каиршакских памятников характерна пластинчатая техника с высокой степенью микролитовидности. Среди находок преобладают изделия из пластин: угловые резцы, острия, скобели, трапеции и сегменты. В отличие от них, тентексорские стоянки демонстрируют упадок микролитовидной техники, изделия изготовлены на массивных пластинах и крупных отщепах. Удельный вес отщепов в кремневом инвентаре стоянки значительно преобладает над пластинами. Среди немногочисленных микролитов встречены трапеции со струганной спинкой. Существенные различия наблюдаются и в керамике, в частности орнаменте, который является достаточно консервативным элементом в материальной культуре древних племен. Причем в это же время на соседних территориях (Джангарская и Орловская культуры) поздний неолит продолжает демонстрировать определенную близость в керамике и преемственность в кремневой индустрии, которая выражается в микролитовидном характере изделий и в ряде ведущих категорий орудий [Кольцов, 2004. С.130]. Вероятно, развитие неолита Рын-песков, начиная, по крайней мере, со среднего своего этапа, действительно было прервано наступившей аридизацией климата. Население, создавшее памятники каиршакского типа, вынуждено смещаться к северу, в более благоприятные места обитания. На заключительной стадии неолита в регионе появляются памятники тентексорского типа, имеющие несколько иную культурную традицию [Кольцов, 2005. С.294]. Сказанное выше не позволяет считать стоянки типа Каиршак и Тентексор двумя хронологическими ступенями в развитии одной археологической культуры. На классификационном уровне анализа неолитический материал стоянки Каиршак является отражением

одной археологической культуры, а материал стоянки Тентексор – другой [Кольцов, 2004. С.131; 2005. С.294].

Стоянка Тентексор I, несмотря на ряд характерных для неолита Рынпесков черт, стоит в кругу этих памятников несколько особняком. Такие памятники относятся к «пережиточному» неолиту, или «постнеолиту», и являются, прежде всего, категорией археологической [Кольцов, 2004. С.131; 2005. С.294].

Хронологическое несоответствие памятников каиршакского и тентексорского типов рассматривалось выше и оно, действительно, имеет реальные основания. Однако разрыв не столь уж велик. Во-первых, уже в настоящее время прослеживается определённая хронологическая неоднородность памятников внутри тентексорской группы. Судя по характеру кремневого инвентаря стоянки Качкар-стау (преобладание пластин над отщепами, большой процент орудий из пластин, более мелкие параметры пластин по сравнению с тентексорскими и т.п.), можно с уверенностью констатировать более архаичный облик этого памятника по сравнению, как с Жеколганом I, так и Тентексором I. Во-вторых, было бы не совсем корректно переносить радиоуглеродные датировки, полученные для конкретного памятника (Каиршак III), на весь развитый этап неолита. В противном случае, он будет занимать лишь 200 лет. Учитывая характеристики других памятников этого типа (и в первую очередь наличие единичных трапедий со струганной спинкой), вполне реально предположить их существование в более позднее время. В-третьих, типично каиршакские фрагменты обнаружены во втором слое стоянки Джангар, имеющего радиоуглеродную дату – конец V тыс. до н.э. В-четвёртых, столь значительный на первый взгляд хронологический разрыв отнюдь не является чем-то исключительным. Так, материалы развитого неолита Варфоломеевской стоянки по радиоуглеродному методу датируются началом V тыс. до н.э., а поздненеолитические комплексы этого же памятника (слой 2А) определяются второй половиной IV тыс. до н.э.

Таким образом, тезис о значительном хронологическом разрыве между развитым и позднем этапами неолита левобережья Нижнего Поволжья нельзя признать убедительным. Что же касается культурного разрыва, то, к сожалению, развёрнутой аргументации данного тезиса не приводится.

Выше подробно охарактеризованы признаки сходства и различий каиршакских и тентексорских комплексов. Если обратиться к кремневому инвентарю, то наиболее яркая различительная черта – смена форм геометрических микролитов от сегментов в каиршакских к трапециям в тентексорских материалах. Однако можно привести ряд примеров из культур сопредельных территорий, где прослеживается аналогичный процесс. Наиболее показательным является развитие кельтеминарской культуры, когда трапеции “рогатого” типа на раннем этапе полностью сменяются на вытянутые треугольники с характерной подработкой поперечной стороны ретушью по брюшку [Виноградов, 1981. С.64-89]. Что же касается керамического инвентаря, то главной различающей чертой является доминирование в каиршакских комплексах прочерченной техники нанесения орнамента, а в тентексорских – накольчатой. Если обратиться к материалам неолитических культур различных территорий, то аналогичная смена техники нанесения узоров в рамках одной культуры не представляется для исследователей чем-то неординарным. Так, в верхневолжской культуре на раннем этапе доминирует тычково-прочерченная техника нанесения орнамента, а на поздней фазе её развития – гребенчатая [Крайнов, 1978. С.58-60; Костылева, 1987. С.13-20]. В кельтеминарской культуре прослеживается примерно аналогичная ситуация: раннеолитическая керамика орнаментировалась прочерченными линиями и ямчатыми вдавлениями, на развитом этапе посуда украшалась примерно одинаково прочерками и зубчатым штампом, а позднеолитическая керамика орнаментировалась почти исключительно гребенчатым штампом [Виноградов, 1981. С.69-85; Виноградов, Мамедов, 1975. С.217-223]. Что же касается непосредственно Варфоломеевской стоянки, то и здесь прослеживается изменение способов

нанесения орнамента от слоёв развитого неолита (33% сосудов с прочерками) до горизонтов с посудой позднего этапа (12% сосудов с прочерками) при увеличении доли техники накола [Юдин, 1995. С.4-5]. Исходя из вышесказанного, можно прийти к заключению, что смена способов нанесения орнамента на посуде каиршакского и тентексорского типов не может служить веским основанием для выделения их в отдельные археологические культуры. Тенденция к обязательному выделению новых культур без соответствующей источниковой базы и тщательного технико-типологического анализа вряд ли оправдана. Мы не исключаем такой возможности в перспективе, при появлении соответствующих условий, но на данный момент тезис о самостоятельности каиршакской и тентексорской культур считаем несколько поспешным.

Таким образом, на современном этапе исследования представляется более обоснованным тезис о каиршакских и тентексорских комплексах, как этапах в развитии одной культуры, характеризующей неолит левобережья Нижнего Поволжья.

Вопрос о дальнейших судьбах неолитической культуры правобережья Нижнего Поволжья весьма проблематичен, в силу слабой источниковой базы [Кольцов, 2005]. Предполагалось, что он увязывается с генезисом прикаспийской культуры, хотя этот процесс не носил плавного характера [Васильев, Выборнов, 1988. С.43-44].

Тщательный анализ материалов Варфоломеевской стоянки позволил А.И.Юдину конкретизировать данное предположение. Так, в слое 2А отмечено начало формирования основных признаков прикаспийской культуры. Это появление воротничка на неолитическом сосуде, увеличение средних размеров каменных орудий, комплекс специфических украшений. По мнению исследователя, обнаруженные параллели нельзя объяснить сосуществованием и взаимовлиянием раннеэнеолитического и позднеэнеолитического населения, так как в слое отсутствует типичная прикаспийская керамика. Она обнаружена только в верхнем слое и по своим

технологическим признакам идентична неолитической. Практически полностью сохраняется неолитический набор каменных орудий. Это предполагает автохтонность прикаспийской культуры [Юдин, 1995. С.12-13]. Такие новации, как доминирование гребенчатого штампа в орнаментации керамики, широкое применение кварцита и техника двусторонней обработки камня, скорее всего, являются следствием достаточно близких контактов с новым населением Заволжья, появившихся из северных районов [Юдин, 1995. С.13]. В этом плане можно солидаризироваться с выводом исследователя, так как Варфоломеевская стоянка расположена на севере степной зоны, что предполагает более тесные контакты местного населения с носителями неолитической культуры лесостепной полосы.

Вопрос о названии неолитической культуры Северного Прикаспия в настоящее время может решаться лишь в рабочем порядке. Уже отмечалось, что термин «сероглазовская» целесообразно оставить за мезолитической культурой Северного Прикаспия. С этим солидарен и П.М.Кольцов [Кольцов, 1990. С.62-64]. Поскольку каиршакские и тентексорские комплексы равнозначны по доброкачественности опорных памятников и их информационной полноте, на соответствующем этапе исследования был предложен термин каиршакско-тентексорская культура [Васильев, Выборнов, 1988]. С одной стороны, известны культуры с двойным названием по эпонимным памятникам от эпохи палеолита до средневековья. С другой, – очевидны недостатки наименования культур по географическому принципу. Поэтому, на современном уровне исследования допустимо сохранить предложенный термин. Его дальнейшее изменение на более удобный вполне приемлемо и не носит принципиального характера.

Что же касается определения неолитической культуры Нижнего Поволжья, то в настоящее время этот аспект до конца не проработан. Вследствие значительного сходства материалов стоянок Джангар и Варфоломеевской по своей информативности было предложено обозначение – джангаро-варфоломеевская [Васильев, Выборнов, 1988. С.17].

В настоящее время можно избежать употребления двойного названия, оставив лишь первое – джангарская.

Таким образом, на территории степного Нижнего Поволжья выделено две неолитические культуры. Несмотря на ряд различий между ними, всё же необходимо констатировать серию общих признаков. В керамическом инвентаре – это использование илов, содержащих примесь раковин моллюсков для изготовления сосудов, плоскодонность сосудов, прямостенность и профилированность форм, плоскость и округлость срезов венчиков, накольчатая и прочерченная техника нанесения узоров, расположение орнамента лишь в верхней части сосудов, сходство ряда мотивов и орнаментальных композиций. В кремневом инвентаре это прослеживается в пластинчатом характере индустрии, её относительной микролитоидности, большом проценте орудий, наличие геометрических микролитов, особенно сегментов с двусторонней обработкой дуги и трапеций со струганной спинкой, отсутствие техники двусторонней обработки, доминирование среди категории орудий скребков с большой вариабельностью типов.

Кроме этих сходных характеристик, прослеживается определённая близость и в этапности развития данных культур. Так, округлодонные сосуды закрытых форм раннего этапа сменяются на плоскодонные профилированные типы, уменьшается доля прочерченной техники нанесения узоров и увеличивается накольчатая, усложняется в сторону геометризма система орнаментации. Если на ранних этапах в кремневом инвентаре доминируют микролиты типа сегментов, то на позднем происходит их замена на трапеции со струганной спинкой и проявляется общая макролитизация индустрии.

Нетождественность позднемезолитических субстратов левобережья и правобережья степной части Нижнего Поволжья и предопределили различия между неолитическими культурами данных территорий [Васильев, Выборнов, Комаров, 1991]. Но в тоже время можно утверждать и близость позднемезолитической подосновы неолитических образований Нижнего

Поволжья, составляющей северо-прикаспийскую культурную область эпохи мезолита [Васильев, Выборнов, Комаров, 1991. С.16]. С этим положением, включая терминологию солидарен и П.М.Кольцов [Кольцов, 2006. С.76-78].

Имеются проявления контактов этих культур, проявившиеся в наличии керамики каиршакского типа в джангарских комплексах, и наоборот.

Дальнейшие судьбы неолитических культур степной зоны Нижнего Поволжья, несмотря на некоторые различия в процессе перехода к энеолиту, всё же достаточно сходны.

Таким образом, вышеперечисленные сходные признаки, касающиеся достаточно существенных сторон развития неолитических культур интересующей территории позволяют объединить джангарскую и каиршакскую культуры в рамках более высокой таксономической структуры – нижневолжской культурной области [Выборнов, 1988а; Васильев, Выборнов, 1988]. Одно из противоречий, которое существует среди мнений специалистов по неолиту Нижнего Поволжья, связано с определением понятий более высокого таксономического ранга, чем культура. Но, на мой взгляд, в значительной мере оно носит скорее формальный, а не содержательный характер. Так, П.М.Кольцов высказывает замечание по поводу точки зрения А.А.Выборнова об объединении культурных образований южных районов Поволжья в рамках нижневолжской культурной области. Во-первых, оно противоречит, по П.М.Кольцову, географическим (территориальным) границам распространения памятников, поэтому более корректно обозначать эту единицу североприкаспийской культурной областью. А во-вторых, оно противоречит известному уже мнению о североприкаспийском регионе как «специфическом очаге культуры», который выделил в 1990 г. Х.А.Амирханов [Кольцов, 2004. С.121; 2005. С.285].

Начнем с последнего из замечаний. Когда в 1988 г. автор предложил ввести понятие “нижневолжская культурная область” [Выборнов, 1988], то разработки Х.А.Амирханова ему были неизвестны по вполне понятной

причине – они появились двумя годами позже. А поэтому и противоречить ему не могли. Но не это главное. Есть ли реальное противоречие между позициями П.М.Кольцова, Х.А.Амирханова и автора? Специфический характер неолита Северного и Северо-Западного Прикаспия ни у кого из специалистов (за исключением, пожалуй, А.В.Виноградова) и не вызывает споров. А предложенные авторами такие единицы как североприкаспийская область или североприкаспийский очаг и нижневолжская культурная область не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

Что же касается первой части замечания, то в данном случае имеет смысл вновь обратиться к выводу А.И.Юдина о том, что «максимальная степень совпадений признаков изделий из всех памятников Нижней Волги наблюдается с материалами стоянки Джангар. Можно говорить о Варфоломеевской стоянке и Джангаре как о памятниках, принадлежащих к культурам одной культурной области [Юдин, 2000. С.42]. И на этом основании, солидаризируясь с А.А.Выборновым, делает логичный вывод: «Представляется наиболее удачным первое определение – нижневолжская культурная область, так как географически это более широкий ареал, чем собственно Северный Прикаспий и более точно отражает территорию распространения неолитической общности» [Юдин, 2006. С.17]. Не случаен вывод Е.В.Козина о значительном сходстве материалов каиршакского и варфоломеевского типов, то есть североприкаспийских и нижневолжских, что позволило ему присоединиться к выводу автора о нижневолжской культурной области [Козин, 2002. С.26]. Примечательно, что и П.М.Кольцов, перечисляя компоненты североприкаспийской области, включал в ее пределы орловскую (по А.И.Юдину) культуру [Кольцов, 2004. С.142; 2005. С.292]. Но, последняя расположена в степной зоне Нижнего Поволжья, за счет чего и происходит вполне естественное расширение территориальных рамок данной таксономической единицы. Более продуктивным для прояснения ситуации в соотношении культур Нижнего Поволжья является следующее рассуждение П.М.Кольцова: «В то же время, как отмечалось нами выше, именно в неолите

складываются этнические общности. Следовательно, имеются все предпосылки говорить о том, что перечисленные выше культуры принадлежат не только одной культурно-исторической области, но и, возможно, общности этнического порядка. Этому мнению придерживается и А.И.Юдин, который выделяет в тех же границах нижневолжскую культурную общность» [Кольцов, 2004. С.142]. Действительно, начиная с 2003 г., А.И.Юдин отмечает, что «относительно неолитических культур Нижнего Поволжья сейчас уже можно утверждать, что в результате их изучения и сопоставления «область» вполне обоснованно можно заменить на «общность», учитывая их единое генетическое происхождение и единый финал в рамках мариупольской общности [Юдин, 2003. С.36]. Позднее исследователь отмечает что «более высокий таксономический ранг этих культур – именно общность, а не область, так как все три культуры, несомненно, обладают признаками единого происхождения, их развитие было подвергнуто общим закономерностям и хорошо прослеживаются следы их культурного взаимодействия» [Юдин, 2006. С.17]. В последнее время этот аспект получает дальнейшую разработку критериев обозначения нижневолжского неолита культурно-исторической областью или общностью [Юдин, 2006а. С.3-12; 2007. С.6-17; 2008. С.362-373].

§ 1.4. Вопросы хронологии нижневолжского неолита.

А.Н.Мелентьев, выделяя в середине 70-х гг. XX века сероглазовскую культуру, определял её VII–VI тыс. до н.э., опираясь главным образом, на аналогии сегментам с двусторонней обработкой дуги в натуфийской культуре, датированной по радиоуглероду [Мелентьев, 1976. С.11-13; 1978. С.101]. И хотя другие специалисты справедливо обращали внимание на докерамический характер натуфийских памятников в VII тыс. до н.э. [Коробкова, Массон, 1978. С.103-108] предположение о более раннем времени сложения неолита в южных областях получило еще одно подтверждение.

В настоящее время для неолитических памятников Нижнего Поволжья также были проведены некоторые определенные корректировки. П.М.Кольцов в своих новых работах полагает, что наиболее вероятной датой для позднего неолита Северо-Западного Прикаспия можно считать 2-ю половину V тыс. до н.э., а подтверждением этому служила радиоуглеродная дата (5890 ± 70 л.н.), полученная для верхнего слоя поселения Джангар [Кольцов, 2004. С.114]. Этот момент не совсем ясен. Если дата фиксирует начало IV тыс. до н.э., то как она может подтверждать более ранний период? Средний этап неолита исследователь определяет второй половиной VI – первой половиной V до н.э., замечая, что эти данные хорошо согласуются с радиоуглеродными датами поселения Джангар, прежде всего из 2-го культурного слоя (6100 ± 70 л.н.) и из шурфа, заложенного на памятнике в 2003 г. (6870 ± 130 л.н.) [Кольцов, 2004. С.108]. Во-первых, не определен контекст изъятия образца в шурфе. Что же касается первой даты, то она фиксирует лишь конец V тыс. до н.э., а никак не его первую половину. Если допустить, что полученная дата относится ко 2-му слою, то она определяет первую четверть V тыс. до н.э., но вести речь о второй половине VI тыс. до н.э., она не позволяет. Ранненеолитические памятники П.М.Кольцов датирует первой половиной VI тыс. до н.э., опираясь на определения возраста культур соседних территорий, в частности Чохского поселения [Кольцов, 2004. С.104-105]. Если принять это положение, то между ранним и развитым этапами джангарской культуры образуется значительный хронологический разрыв. Это мало вероятно, так как ранненеолитические комплексы Ту-Бузгу-Худука I и 3-его слоя Джангара типологически близки. Не случайно ряд исследователей сохранил свои прежние позиции, внося лишь незначительные поправки [Выборнов, 2003. С.63; Юдин, 2004; 2006. С.18-20].

А.И.Юдин отмечает, что абсолютных дат для ранненеолитических (типа Ту-Бузгу-Худук I) памятников нет. Но, учитывая, что они предшествуют каиршакским и варфоломеевским, время их существования не может быть

позднее первой четверти VI тыс. до н.э. [Юдин, 2006. С.19]. Таким образом, его позиция сходна с мнением П.М.Кольцова. Но памятники развитого этапа датируются по радиоуглероду рубежом VI–V тыс. до н.э. и раннеолитические могут уходить в VI тыс. до н.э., но, в каком пределе, не ясно. Если принять версию А.И.Юдина и П.М.Кольцова, то возникает солидная хронологическая ниша. Автор данной работы, определяя возраст раннеолитических памятников североприкаспийского региона, исходил из наличия радиоуглеродной даты для позднемезолитического комплекса 7255±95 лет назад, не исключая ее некоторое омоложение [Выборнов, 2000. С.16]. Вариантом предположения бытования раннеолитических памятников в первой половине VI тыс. до н.э. могут быть следующие наблюдения. Полученная П.М.Кольцовым дата, возможно, относится ко 2-ому слою Джангара. Этот слой залегает в белесом, известкованном суглинке с карбонатными включениями [Кольцов, 2004. С.52-53], что может соответствовать периоду резкой аридизации, приходящейся, по мнению специалистов, на последнюю четверть VI тыс. до н.э. В таком случае 3-ий слой Джангара (достаточно сходный по материалу со вторым) допустимо отнести к третьей четверти VI тыс. до н.э. И тогда раннеолитическая фаза может датироваться в тех пределах, которые предлагают П.М.Кольцов и А.И.Юдин, то есть первой половиной VI тыс. до н.э. Другие же исследователи, переводя радиоуглеродные даты в календарные, указали на рубеж VII-VI тыс. до н.э. как на время бытования раннеолитических памятников кугатского типа. Стоянки каиршакского типа (развитой неолит) отнесены к первой половине VI тыс. до н.э., а тентексорские – к середине или первой половине V тыс. до н.э. [Козин, 2000. С.32-33]. Аналогичную процедуру для культур всего Нижнего Поволжья провел А.И.Юдин [Юдин, 2006а. С.371-372, 407]. В результате калибровки развитый этап неолита Нижнего Поволжья был отнесен к первой половине VI тыс. до н.э., а поздний (слой 2Б Варфоломеевки, слой 2 Джангара) – к последней четверти VI – началу V тыс. до н.э. Второй этап позднего неолита (слой 2А

Варфоломеевки, Тентексор, верхний слой Джангара) был датирован второй половиной V – началом IV тыс. до н.э.

Однако данные корректировки не сняли имеющихся противоречий и нестыковок, существующих в хронологии неолита Нижнего Поволжья. Так, поздний этап, несмотря на калибровку, оказался оторванным от развитого как минимум на 600 лет, на что обратили внимание исследователи [Выборнов, 2006. С.103-104; Юдин, 2007. С.12]. Второе – большая измерительная погрешность для даты нижнего слоя Варфоломеевки – ± 200 л., что могло привести ее в категорию ошибочных [Ставицкий, 2004. С.208]. Кроме того, В.В.Ставицкий отмечает, что на поселении Джангар единичная трапеция со струганной спинкой и наплывы на венчиках встречаются только в верхнем слое, который датируется 5970 ± 70 л.н. Следовательно, варфоломеевский слой 2Б не может быть древнее, чем 2-ой (средний) слой Джангара, и первая варфоломеевская дата 6400 ± 230 неверна [Ставицкий, 2004. С.208].

Заканчивая рассмотрение культурно-хронологического взаимодействия населения Нижнего Поволжья как внутри региона, так и с сопредельными образованиями на востоке и западе, следует иметь в виду одно немаловажное обстоятельство. Предложенный вариант базируется не только на археологических, но и естественнонаучных данных. Так, синхронизация комплекса стоянки Каиршак III и материалов нижнего слоя Варфоломеевской стоянки основывается не столько на типологии, а на результатах радиоуглеродного анализа и спорово-пыльцевых данных. Однако ряд специалистов весьма аргументировано подвергают сомнению возможность последнего метода для определения хронологической позиции памятника [Григорьев, 2006 С.95; Сорокин, 2006. С.91-96]. Возражает против привлечения для доказательства одновременности сходных спорово-пыльцевых диаграмм и В.В.Ставицкий [Ставицкий, 2004. С.208]. Остаются результаты радиоуглеродного датирования. Но и они не безупречны. Так, верхний слой стоянки Джангар датируется 5890 ± 70 , то есть началом IV тыс.

до н.э. Второй слой, материалы которого типологически более близки не верхнему, а нижнему, датируются 6100 ± 70 , то есть концом V тыс. до н.э. Иначе говоря, разрыв составляет около 200 лет. По данным П.М.Кольцова, пограничье 2-ого и 3-его слоев дает дату 6870 ± 130 л.н. Получается, что второй слой занимает почти целое тысячелетие. Но если следовать концепции П.М.Кольцова, то 3-ий слой (аналогичный 2-ому) укладывается во вторую половину VI тыс. до н.э., то есть развитой этап растягивается на полторы тысячи лет. Реально ли это? Если принять, что ранний этап джангарской культуры датируется (исходя из спорово-пыльцевых данных для кавказской стоянки Чох) первой половиной VI тыс. до н.э., то вся культура укладывается в два (!) тысячелетия. Исследователи демонстрируют подобного рода образцы [Синицына, 2003. С.255-257], но эти культуры расположены на значительном удалении от Европейской части, и возможны самые разные трактовки таких явлений. Ещё одним примером долгожительства может служить оюклинская культура на полуострове Мангышлак. А.Е.Астафьев предполагает существование основных признаков её каменной индустрии на протяжении трёх тысяч лет. Объяснение этому автор находит в географической изолированности данной культуры, но в этом случае исследователь констатирует обособление части оюклинского населения в тюлузскую культуру в V тыс. до н.э. [Астафьев, 2005. С.115-116]. Иначе говоря, оюклинские древности как гомогенная культура функционируют лишь в рамках VI тыс. до н.э. Территориально близкие к Северо-Западному Прикаспию неолитические культуры (ракушечноярская, сурская, буго-днестровская и т.п.) имеют диапазон около тысячи лет. Можно ли переносить датировки Чоха на ранний этап джангарской культуры, тем более что исследователи не прослеживают восточно-кавказских черт в комплексах Северо-Западного Прикаспия. Так, Н.С.Котова отмечает, что керамика неолитических культур Поволжья и Калмыкии обнаруживает сходство с ракушечноярской, а не с посудой поселения Чох, влияние традиций восточного варианта предкавказского неолита в степях Восточной

Европы не прослеживается, что, возможно, связано с проживанием их носителей в горных районах [Котова, 2002. С.77]. Иначе говоря, или хронологические границы начального этапа джангарской культуры явно занижены, или даты 2-ого и 1-ого слоев Джангара нуждаются в дополнительной перепроверке.

Аналогичная ситуация сложилась и с радиоуглеродными датировками по Варфоломеевской стоянке, о чем автор уже писал [Выборнов, 2006. С.103-104]. По мнению А.И.Юдина, кардинальных изменений в типологии материалов от 3-его слоя до слоя 2А не происходит. И в тоже время, нижний слой датируется началом V тыс. до н.э., а верхний – последней четвертью IV тыс. до н.э., то есть памятник существовал две тысячи лет. Это, на первый взгляд, подтверждает ситуацию с джангарской культурой. Но культуры сопредельных с орловской территорий (днепро-донецкая, среднедонская и т.п.) варьируют на уровне одна тысяча – тысяча двести лет максимум. А.И.Юдин приводит примеры и более длительного существования культур. Например, памятники Триполья бытовали на протяжении около 2, 8 тысяч лет [Юдин, 2007. С.13]. Здесь необходимо отметить, что приведенный пример касается оседлой земледельческой культуры более позднего времени. Поэтому сравнение с охотниками и рыбаками неолитической поры недостаточно убедительно. Видимо, дата 3-его (нижнего) слоя Варфоломеевской стоянки или даты слоя 2А некорректны. Скорее второе. Дело в том, что в верхнем слое Варфоломеевской стоянки обнаружена керамика прикаспийской раннеэнеолитической культуры. По версии А.И.Юдина, признаки её сложения прослеживаются в слое 2А. В таком случае, если признать радиоуглеродные даты для слоя 2А верными, то это вторая половина IV тыс. до н.э. Тогда прикаспийская культура должна датироваться как минимум первой четвертью III тыс. до н.э. Это вступает в явное противоречие с существующими в настоящее время представлениями о хронологии мариупольской историко-культурной области.

Если отдать приоритет типологии, то, по мнению И.Н.Наумова, наиболее архаичным комплексом Нижнего Поволжья являются материалы стоянки Каиршак III. А нижний слой Джангара, несомненно, генетически связан с комплексом более ранней стоянки Каиршак III, содержащим, во-первых, более архаичный кремневый инвентарь, представленный большими сериями геометрических микролитов, во-вторых, не собственно накольчатую, как в материалах Ту-Бузгу-Худук I, а прочерченно-накольчатую керамику [Наумов, 1998. С.11].

Примерно сходный вариант предлагает и В.В.Ставицкий. По его мнению, керамика каиршакского типа на варфоломеевской посуде является не показателем одновременности, а реминисценцией. Синхронизация этих комплексов базируется на радиоуглеродных датах, которые вызывают большие сомнения [Ставицкий, 2004. С.205-216]. Более того, нижний слой Джангара относится к более раннему времени, чем аналогичный слой Варфоломеевской стоянки. В единый хронологический интервал попадают только 1-ый и 2-ой слой Джангара и слой 3-ий и 2Б Варфоломеевки. Эти джангаро-варфоломеевские древности и заполняют нишу между каиршакскими и тентексорскими, демонстрируя процесс трансформации одних традиций в другие. Более того, джангарская традиция начинается раньше Варфоломеевской, но и заканчивается тоже раньше [Ставицкий, 2004. С.210-213].

Что же касается финала нижневолжских древностей, то В.В.Ставицкий отмечает, что в одной из своих ранних статей А.И.Юдин синхронизировал Варфоломеевский слой 2Б с первым слоем Джангара, а слой 2А со временем существования Орловской стоянки, но впоследствии отказался от этой всесторонне обоснованной, в том числе и им самим, археологической периодизации в пользу радиоуглеродной хронологии [Ставицкий, 2004. С.214]. Возможно ли в настоящее время подтвердить или опровергнуть этот вариант? В Киевской радиоуглеродной лаборатории получена серия из 46 дат для памятников неолита Нижнего Поволжья [Выборнов, 2008; Юдин, 2008а].

По керамике стоянки Каиршак III получено 6 дат: от 7950 ± 90 л.н. до 7530 ± 90 л.н. (таблица 1), то есть первая половина VI тыс. до н.э. Последняя дата получена по неорнаментированным профилированным венчикам, напоминающим елшанские типы, а остальные по типичной каиршакской посуде с прочерченно-редконакольчатым орнаментом. Для стоянки Каиршак I (где обнаружены трапеция с подстругиванием спинки и керамика, имеющие более поздний облик) получено две даты: 7230 ± 90 и 7180 ± 90 л.н., то есть последняя четверть VI тыс. до н.э. Иными словами подтверждается предположение о неодновременности материалов данных стоянок, сделанная на основе типологического сравнения. Очень важно, что кроме этого, две даты получены по костям животных из верхнего уровня стоянки Каиршак III: 7190 ± 80 и 7010 ± 80 л.н. Они подтверждают вышеприведенные значения. Для стоянки Каиршак IV получены даты 7105 ± 80 и 6960 ± 80 л.н., а еще один памятник каиршакского типа Буровая 42 (рис.5, 7) получил значение 6920 ± 90 л.н. Эта информация в значительной мере меняет представление о начальном возрасте памятников каиршакского типа. Если ранее они относились к первой четверти V тыс. до н.э., то сейчас их возраст углубляется почти на тысячу лет и соответствует первой четверти VI тыс. до н.э. Эти возрастные определения не являются чем-то из ряда вон выходящими. Аналогичный хронологический интервал занимают материалы нижних слоев Ракушечного Яра [Белановская, Тимофеев, Зайцева, Ковалюх, Скрипкин, 2003. С.134-139] и наиболее архаичные елшанские комплексы. Примечательно, что даты прежние и нынешние совпали с разницей в тысячу лет. Но, если ранее даты Каиршака III ограничивались первой четвертью V тыс. до н.э., то в новой серии они доходят до середины VI тыс. до н.э., расширяя диапазон его существования. Важно, что даты Каиршака I (последняя четверть VI тыс. до н.э.) и даты верхнего слоя Каиршака III (финал VI тыс. до н.э.) практически совпали. Примечательно, что последние даты соответствуют прежним, но так же, как и в случае с первыми двумя датами по Каиршаку III, – с корректировкой в тысячу лет. Из этих данных следует, что памятники

каиршакского типа неодновременны и занимают не только первую четверть тысячелетия, а продолжают существовать и во второй четверти, доживая до конца тысячелетия. Таким образом, каких-то резких и продолжительных перерывов в жизнедеятельности каиршакцев не прослеживается. Гипотеза о том, что в период максимальной аридизации (7200 л.н.) данное население окончательно покидает регион, не подтверждается. Не следует категорически отрицать каких-либо перемещений отдельных групп населения: пока отсутствуют даты для третьей четверти VI тыс. до н.э. Возможно, это и связано с аридизацией, но нельзя исключать, что не обнаружены памятники этого интервала. В целом же была непрерывная линия развития. Финал каиршакских древностей выпадает на начало V тыс. до н.э. Таким образом, памятники данного типа бытуют целое тысячелетие. Даже если предположить, что примененный метод удревняет на целое тысячелетие, то вывод о существовании памятников каиршакского типа всё тысячелетие не снимается. Полученные даты резко сокращают тот разрыв между каиршакскими и тентексорскими древностями, о котором писали исследователи. Если ранее хронологические ножницы составляли 1200 лет, но благодаря новым датам они сократились до 400 лет. Необходимо оговорить один немаловажный момент: по фрагментам со стоянки Кугат IV (рис.3, 4) две даты: 7680 ± 100 и 7560 ± 90 л.н. совпадают со значениями, полученными для стоянки Каиршак III. Если признать эти даты корректными, то сомнения И.Н.Наумова относительно более раннего возраста стоянки Кугат IV по сравнению с комплексом Каиршак III будут правильными.

Что же касается абсолютного возраста памятников тентексорского типа, то и для них появились новые данные. По эпонимной стоянке Тентексор I получены две даты: 6640 ± 80 и 6630 ± 80 л.н. Примечательно то, что сложилась ситуация аналогичная каиршакской: даты почти совпадают с прежней (5500 л.н.) с разницей в тысячу лет. Здесь необходимо напомнить о том, что в радиоуглеродной лаборатории г. Уппсала профессором Г.Посснертом для

аналогичных фрагментов с этого памятника получена дата 6695 ± 40 (Ua-35277), которая практически совпала с датами киевской лаборатории [Зайцева, Скрипкин, Ковалюх, Выборнов, Долуханов, Посснерт, 2008].

Второй памятник тентексорского типа Качкар-стау, как было показано выше, типологически более ранний. И полученная по керамике (рис.11, 2) дата соответствует этому предположению – 6730 ± 80 л.н. Еще одна стоянка этого типа Тентексор III по фрагменту (рис.18, 1) получила дату 7005 ± 90 л.н. Таким образом, подтвердились предположения о одновременности памятников тентексорского типа. Видимо, ограничивать время бытования этих комплексов только серединой тысячелетия не следует. Судя по датам, их хронологический диапазон – первая половина V тыс. до н.э. Памятники тентексорского типа бытуют до середины этого тысячелетия. Так, по материалам стоянки Кызыл-Хак II (рис.18, 2) получена дата 6400 ± 90 л.н. Во-вторых, хронологический разрыв между памятниками каиршакского и тентексорского типов практически отсутствует. Это в значительной мере снимает аргумент против отнесения материалов этих типов к этапам одной культуры.

Не противоречат этим датам и находки на тентексорских памятниках трапеций со струганной спинкой. Аналогичные изделия фиксируются с одиннадцатого слоя стоянки Ракушечный Яр, который датируется по радиоуглероду сходным временем [Манько, 2006. С.51].

Что же касается более северной части Нижнего Поволжья, то по материалам опорной Варфоломеевской стоянки получены даты (таблица 1). Прежде чем перейти к их рассмотрению, необходимо сделать существенную вводную из работы её исследователя. А.И.Юдин констатирует, что «стоянка существовала длительный отрезок времени, и поэтому при сооружении поздних жилищ частично или полностью уничтожались предшествующие котлованы. Последние по времени постройки своим дном в некоторых местах достигали материка, а остальная площадь котлована заглублялась в культурный слой и практически не фиксировалась. Причем разновременные

землянки перекрывали друг друга настолько плотно, что на всей вскрытой площади нет сколько-нибудь значительного участка, который не являлся бы дном жилища [Юдин, 2004. С.18]. Поэтому даты некоторых образцов вызывают вполне определенные вопросы. По 3-ему слою – неорнаментированные днища – 7760 ± 100 и 7620 ± 100 л.н.; сосуд с прочерченным орнаментом (рис.32, 3) – 7250 ± 80 и 7170 ± 90 л.н.; фрагмент с накольчатым узором (рис.32, 1) – 7080 ± 80 и 7120 ± 90 л.н. Керамика слоя 2Б получила даты: (рис.35, 6) – 7230 ± 90 ; для двух других образцов – 7070 ± 90 и 6980 ± 90 л.н. А по керамике слоя 2А образец (рис.37, 3) – 7100 ± 80 , 6970 ± 80 и 6540 ± 80 л.н.; образец (рис.38, 2) – 6860 ± 90 , 6040 ± 80 и 5870 ± 90 л.н.; образец с наплывом на внутренней стороне (рис.39, 2) – 6890 ± 80 и 5810 ± 80 л.н. Эти даты определенным образом отличаются от полученных ранее. Так, слой 2А датировался второй половиной IV тыс. до н.э. Последние даты указывают на первую четверть V тыс. до н.э., либо на первую четверть IV тыс. до н.э. Очень важно отметить, что в случае с датами Каиршака III и Тентексора старые и новые даты хоть и разнились в тысячу лет, но соответственно совпадали. В случае с варфоломеевскими материалами ситуация другая. Судя по датам слоя 2Б и 2А, значительного хронологического разрыва (600 лет) между ними не было. Если не учитывать крайние значения полученных дат, то слой 2Б определяется 7070 ± 90 , а слой 2А – 6860 ± 90 л.н. Аналогичная ситуация и с нижним слоем. Если ранее разница между ним и слоем 2Б достигала 500 лет, то по нынешним датам нижний слой определяется (без крайних значений) 7250 ± 80 и 7170 ± 90 л.н. Выстраивается довольно стройная последовательная схема: 3-ий слой – последняя четверть VI тыс. до н.э.; 2Б – рубеж VI и V тыс. до н.э., а 2А – первая четверть V тыс. до н.э. С разрывом около 150-200 лет, между слоями. Сходный вариант предлагает и А.И.Юдин [Юдин, 2008. С.121-127]. Возможно, именно этим и объясняется плавное развитие керамического и каменного инвентаря стоянки от слоя 3-его до слоя 2А, о чем писали А.И.Юдин и В.В.Ставицкий.

Для керамики 3-его слоя стоянки Джангар получены две даты: (рис.25, 1) – 7080 ± 90 и (рис.25, 3, 6) – 6990 ± 90 л.н., то есть рубеж VI и V тыс. до н.э. По 2-ому слою (рис.27, 4) – 6780 ± 90 и (рис.27, 6, 8) – 6780 ± 90 л.н., иначе говоря, первая четверть V тыс. до н.э. А по фрагментам из верхнего (рис.29, 1-2) – 5480 ± 80 л.н. или середина IV тыс. до н.э. Последняя дата явно выбивается из общей серии, что вызывает сомнения в её корректности.

В данном случае получает определенное подтверждение и типологический вариант, предложенный выше. Самые древние комплексы представлены материалами стоянок Кугат IV и Каиршак III – первая половина VI тыс. до н.э. Во второй половине VI тыс. до н.э. продолжают бытовать комплексы каиршакского типа (Каиршак I, верхний слой Каиршака III). Но в силу каких-то причин (скорее всего аридизации, выпадающей именно на это время) часть каиршакского населения вынуждено уходить на северо-запад. О чем свидетельствует керамика каиршакского типа в нижнем слое Джангара (рис.25, 5.7). Видимо, была незначительная инфильтрация и на север, где появляется прочерченная орнаментация в третьем слое Варфоломеевской стоянки (рис.31; 32, 3, 9). Примечательно, что керамика с прочерченной орнаментацией, аналогичная варфоломеевской (рис.31), обнаружена в 15-ом слое Ракушечного Яра [Белановская, 1995. С.106, рис. XX, 1]. Для него по нагару на керамике получена радиоуглеродная дата 7040 ± 100 л.н. [Белановская, Тимофеев, 2003. С.17]. Она полностью совпадает с джангарской нижнего слоя. Учитывая, что материалы стоянки Ту-Бузгу-Худук I типологически архаичнее 3-его слоя Джангара, можно допустить их существование во второй половине VI тыс. до н.э. П.М.Кольцов сближает эту посуду с керамикой нижнего 20-го слоя Ракушечного Яра, который датируется по радиоуглероду первой половиной VI тыс. до н.э. [Кольцов, 2004. С.103]. В.В.Ставицкий, определяя источник заимствования керамики населением Северо-Западного Прикаспия, также обращает внимание на посуду нижних слоев нижнедонского памятника [Ставицкий, 2004а. С.23]. Автору данной работы после непосредственного ознакомления с посудой

поселения Ракушечный Яр представляется, что наибольшее сходство фрагментов стоянки Ту-Бузгу-Худук I проявляется с сосудами 17-го и 16-го слоев Ракушечного Яра [Белановская, 1995. С.105, рис. XIX, 8-11]. Если 20-ый слой датируется первой четвертью VI тыс. до н.э., а 15-ый слой рубежом VI и V тыс. до н.э., логично предположить следующее. Слои 19-16 занимают нишу от второй четверти до конца VI тыс. до н.э. Иначе говоря, 17-16 слои могут укладываться во вторую половину VI тыс. до н.э. Именно эти материалы могли явиться основой для сложения керамической традиции типа Ту-Бузгу-Худук I. На это указывают как типология, так и хронология. Уместно напомнить, что керамика из нижних слоев Ракушечного Яра и часть посуды из нижнего слоя Джангара изготавливалась по сходной технологии.

Примечательно, что даты позднекаиршакских памятников, нижних слоев Джангара и Варфоломеевской стоянки почти совпадают. Когда каиршакская традиция завершает свое существование, то продолжают бытовать комплексы 2-ого слоя Джангара и слоя 2Б Варфоломеевской стоянки, то есть вначале V тыс. до н.э.

В начале V тыс. до н.э. на смену каиршакским памятникам приходят тентексорские, развиваясь, как минимум, до середины V тыс. до н.э. В это время в Северо-Западном Прикаспии заканчивается джангарская линия. На левобережье Нижнего Поволжья фиксируется комплекс Варфоломеевской стоянки 2А, а на правобережье – Орловка (рис.43) [Мамонтов, 1974].

Таким образом, каиршакская традиция существует около тысячи лет. Материалы тентексорского типа укладываются в рамки 500 лет. Иначе говоря, каиршакско-тентексорские древности развиваются почти полторы тысячи лет. Тентексорский тип возникает как на каиршакской основе, так и на каком-то втором культурном компоненте. Этот компонент не джангарский, так как к моменту появления тентексорцев джангарцы уже модифицируются в варфоломеевский тип. Однако и с ним у тентексорцев сходство носит весьма общий характер, что не позволяет присоединиться к точке зрения исследователей о возвратном характере происхождения

тентексорских особенностей. Если вышеперечисленные традиции шли эволюционным путем, то тентексорские древности вторым компонентом, возможно, имеют неместную основу. При анализе различных вариантов наиболее вероятным претендентом являются материалы оюклинского типа из района Мангышлака (рис.21-22) [Астафьев, 2005. С.103-146; 2006. С.161-185].

Если признать правильным бытование наиболее ранних джангарских материалов второй половиной VI тыс. до н.э., а наиболее поздние варфоломеевские – началом V тыс. до н.э., то их хронологический диапазон составляет полторы тысячи лет. Это соответствует времени жизнедеятельности каиршакско-тентексорского населения.

§ 1.5. Неолит Нижнего Поволжья в системе культур сопредельных территорий

Необходимо подчеркнуть, что различительные признаки как джангарской и каиршакской культур с кельтеминарской, так и нижневолжской культурной области с последней не позволяют включать её в данную таксономическую единицу. Другие исследователи, наоборот, весьма скептически отнеслись к самобытности новообразования. Так, А.В.Виноградов отмечает, что вопреки некоторым утверждениям, неолитическая культура Северного Прикаспия имеет довольно многочисленные соответствия с неолитическими материалами Средней Азии. Различия между этими территориями не столь принципиальны, как предполагается А.Н.Мелентьевым. Сероглазовский кремневый комплекс своеобразен по компоновке и соотношению типов, но не по слагающим элементам. Изделия в форме параллелограммов свойственны и кельтеминарским. Мелкие симметричные трапеции распространены в Средней Азии повсеместно. Низкие сегменты характерны для слоев Дам-Дам-чешме I. О сероглазовской керамике нельзя составить полного представления по опубликованным данным. Но по формам она аналогична кельтеминарской посуде. Объединяет их и растительная примесь

в глиняном тесте. Меандровый орнамент очень характерен для кельтеминарской керамики [Виноградов, 1981. С.164].

Автор данной работы солидарен с исследователем, что резкое противопоставление двух культур не совсем оправдано. Вопрос лишь в количестве и степени значимости среднеазиатских элементов, представленных в материалах Нижнего Поволжья. Восемь кельтеминарских наконечников стрел обнаружены на данной территории без привязки к каким-либо комплексам [Дубягин, Чикриз, Чуринов, Васильев, Выборнов, 1982. С.12-24]. Единственная трапеция «рогатого» типа (весьма аморфного облика) также найдена вне комплексов. Параллелограммы нехарактерны для неолита Нижнего Поволжья в целом и отражают лишь ранний этап, как мезолитическая реминисценция.

В среднеазиатском регионе в ранненеолитическом комплексе стоянки Учащи 131 эта категория микролитов представлена всего двумя экземплярами [Виноградов, 1981. С.67], а на эталонном памятнике развитого кельтеминара (стоянка Толстова) их найдено всего три, причём, необходимо отметить важную деталь – во вторичной обработке. Кельтеминарские параллелограммы обработаны по продольной грани спинки мелкой крутой ретушью, а по поперечным граням с брюшка [Виноградов, 1968; 1981. С.83]. Прикаспийские параллелограммы обработаны по продольной грани брюшка среднефасеточной пологой ретушью, а по поперечным граням со спинки. Поэтому привлечение этого типа микролитов для решения порой весьма сложных вопросов, например, генезиса культуры, как это делает В.О.Манько [Манько, 2006. С.86], представляется недостаточно обоснованным. Что касается мелких симметричных трапеций, то здесь ситуация также неоднозначна. В ранненеолитических комплексах Нижнего Поволжья они единичны и типологически неустойчивы, в то время как в дарьясайских комплексах они явно доминируют – 92 экз. (из них 20 - «рогатых») на стоянке Учащи 131 [Виноградов, 1981. С.67]. В каиршакских комплексах они также малочисленны и ещё более невыразительны, хотя преобладают

крупные и высокие формы. На развитом этапе кельтеминара они также немногочисленны: на стоянке Толстова всего один экземпляр, а в лявляканских комплексах этого периода – менее десятка, причём шесть найдены на двух стоянках [Виноградов, Мамедов, 1975. С.219], а на поздних фазах они практически не встречаются. Поэтому вполне справедливо А.В.Виноградов отмечает, что подобного рода комплексы свойственны отнюдь не всем районам и есть основания полагать, что они более характерны для западных областей Средней Азии. Даже в рамках атбасарской культуры, выделенной В.Ф.Зайбертом трапеции серийно свойственны ранненеолитическим памятникам только тельманского варианта [Виноградов, 1981. С.126]. Что касается сегментов, то кроме слоев Дам-Дамчешме I, они почти не встречаются. Но ни это даже главное. Сегменты раннего и развитого неолита Нижнего Поволжья имеют яркую специфическую особенность – двустороннюю обработку дуги.

Говоря о керамике, можно согласиться, что в обеих культурах присутствует незначительная растительная примесь. Но различия носят очень серьезный характер. Если прикаспийская посуда изготовлена из ила с естественной примесью ракушки, то кельтеминарская керамика лепилась из глины с примесью шамота [Цетлин, 2007. С.205-206]. Профилированные формы сосудов действительно представлены в обоих комплексах, но специфические для кельтеминарской культуры загнутые вовнутрь венчики и реберчатость [Виноградов, 1981. С.69] отсутствуют в нижеволжских. Меандровидность встречена на керамике обеих культур, но не на всей территории кельтеминара и представлена не на всех этапах развития этой культуры. Такие показательные формы, как ладьевидные сосуды встречены в материалах Нижнего Поволжья лишь в единственном числе на стоянке Каиршак III.

Каждая категория изделий, взятая в отдельности, имеет широкий географический и хронологический диапазон. Двусторонняя обработка дуги

сегментов (так называемая гелуанская ретушь) характерна для раннемезолитической натуфийской культуры [Массон, 1966. С.164-170].

Композиции из волнистопрочерченных линий хорошо представлены в неолите Венгрии, как, впрочем, и меандровидность [Титов, 1980. С.197, 336-337]. Тем более что материал для сравнительного анализа весьма ограничен. Так, по данным П.М.Кольцова на Джангаре обнаружена керамика с волнистопрочерченной техникой, аналогичная кельтеминарской [Кольцов, 1988. С.87-88]. Однако таковых всего 4 фрагмента. И при более тщательном рассмотрении удалось установить, что узор нанесен мелким треугольным наколом в отступающей манере (рис.28, 1, 2, 3).

В данном случае важнее именно комбинация категорий изделий и тенденция её развития, что и составляет целостное представление о комплексе.

Ранненеолитическая керамика Кызылкумов, как правило, тонкостенная, характеризуется плотным черепком и сохраняет следы лощения [Виноградов, 1981. С.128]. Посуда раннего неолита Нижнего Поволжья имеет прямо противоположные характеристики. Сближает эти комплексы использование прямых прочерков для нанесения орнамента. В кремневом инвентаре раннего неолита Средней Азии «визитной карточкой» являются симметричные, небольших размеров трапеции, в том числе «рогатые» и асимметричные низкие треугольники [Виноградов, 1981. С.120], в то время как в нижневолжском регионе – сегменты и параллелограммы. Посуда развитого этапа кельтеминара характеризуется песочным тестом, остро- и круглодонной формой днищ на стоянке Аякагитма 90 [Виноградов, 1981. С.70], зубчатой техникой нанесения узоров (71 фрагмент), волнистым (12 фрагментов) и прямолинейным (42 фрагмента) прочерком на стоянке Толстова [Виноградов, 1981. С.81]. За исключением прямых прочерков, признаки посуды каиршакского типа прямопротивоположны. В кремневом инвентаре этого этапа исследователь отмечает появление наконечников стрел с боковой выемкой, большое распространение получают пластины с

широкими, часто асимметричными выемками, изредка можно встретить мелкие симметричные трапеции, хорошо представлены низкие вытянутые треугольники. На соответствующем этапе развития нижневолжского неолита эти признаки не отмечены.

Поздненеолитическая фаза кельтеминарской культуры (стоянки Лявлякан 26, Кават 7) характеризуется остро и круглодонными сосудами, господством зубчатой орнаментации [Виноградов, 1968; Виноградов, Мамедов, 1975. С.223]. Тентексорская посуда плоскодонна и украшена в накольчатой технике.

В кремневом инвентаре практически исчезают трапеции, в то время как в поздненеолитических нижневолжских материалах они становятся ведущей категорией. В кельтеминаре появляются наконечники с двусторонней обработкой, что никак нехарактерно для тентексорских комплексов. Появляются заметные серии свёрл с плечиками, которые для Нижнего Поволжья неизвестны. Значительное число микрорезцов [Виноградов, Мамедов, 1975. С.221], которые в единичных экземплярах представлены лишь в раннем периоде неолита левобережья Нижнего Поволжья.

Таким образом, сравнительный анализ на материалах целой серии памятников с сохранившимися культурными слоями и многочисленным керамическим и кремневым инвентарём позволяет констатировать значительные различия между неолитическими культурами Средней Азии и левобережья Нижнего Поволжья. Тем самым подтверждается первоначальный тезис А.Н.Мелентьева о самобытности неолита Северного Прикаспия.

Не противоречит этому и сравнение нижневолжских материалов с комплексами тюлузской группы, выявленной исследователями в Северо-Восточном Прикаспии [Мелентьев, 1975; Крижевская, 1972. С.271-279]. Кроме отдельных сходных признаков (плоскодонность сосудов, пластинчатость кремневой индустрии, сегмент с двусторонней обработкой дуги), эти образования не имеют ничего общего. Не случайно

Л.Я.Крижевская относит тюлузскую группу к урало-среднеазиатскому кругу памятников [Крижевская, 1972. С.271]. Достаточно интенсивные исследования памятников оюклинской и тюлузской групп последнего десятилетия позволили конкретизировать их характеристики [Астафьев, 1996. С.30-45; 2005. С.103-146; 2006. С.161-185]. Но они не меняют принципиальных положений о соотношении закаспийских и североприкаспийских неолитических культур. Можно лишь добавить, что в Восточном Прикаспии обнаружена керамика тентексорского типа. А.Е.Астафьев объясняет её происхождение влиянием с запада. Однако, не исключен и иной вариант.

В Северо-Западном Казахстане выделено два варианта атбасарской культуры, прошедшие три этапа в своём развитии [Зайберт, 1992].

Кремневый инвентарь раннего этапа характеризуется угловыми и боковыми резцами, симметричными трапециями (в том числе «рогатыми»), наконечниками стрел с прямым насадом, ножами на округло-удлинённых отщепах, наконечниками дротиков с двусторонней обработкой. Керамика характеризуется тонкостенностью, примесью песка и дресвы, остродонностью, орнаментацией зубчатым штампом (в том числе «шагающей» гребёнкой), ямочными вдавлениями, волнистыми прочерками. Ни один из вышеперечисленных признаков не характерен для ранне-неолитических комплексов левобережья Нижнего Поволжья.

Средний неолит атбасарской культуры характеризуется двустороннеобработанными наконечниками стрел листовидной формы, ножами с выделенной рукоятью, скрёблами, наконечниками на пластинах, мелкими высокими трапециями, тонкостенной керамикой с примесью песка, дресвы и растительных остатков, зубчатым и прочерченным орнаментом.

За исключением таких общих элементов, как мелкие высокие трапеции и примесь растительных остатков, средний этап не имеет ничего общего с каиршакскими материалами.

Поздненеолитические материалы атбасарской культуры характеризуются кварцитовым сырьём, отщеповой техникой первичного раскалывания, крупными скребками на отщепах, ножами, двустороннеобработанными наконечниками дротиков и стрел с намечающимся черешком, выемкой в основании и свисающими шипами, тонкостенной керамикой, круглым или острым дном, орнаментацией гребенчатым штампом и волнистыми прочерками. В тентексорских материалах можно зафиксировать сходство лишь в кварцитовом сырье, отщеповой технике и скребками на отщепах, что может объясняться стадиальностью.

Всё это позволяет, с одной стороны, согласиться с правомерностью выделения северо-казахстанской этнокультурной области [Зайберт, 1992. С.108-117], а с другой, – наметить восточную и юго-восточную границу распространения неолитической культуры Северного Прикаспия.

Столь подробный сравнительный анализ не случаен. В последнее время появилась версия о несколько ином содержании понятия «нижневолжская культурная область» [Манько, 2006. С.84-91]. Всестороннее рассмотрение этого варианта – особая тема. В данном случае необходимо акцентировать внимание на одном аспекте. Исследователь, выделяя второй этап развития предлагаемой им области, в качестве маркеров выбирает появление параллелограммов и керамики, имеющих среднеазиатское происхождение [Манько, 2006. С.86]. Иначе говоря, эти типы микролитов и прочерчено-накольчатая посуда с Кугата IV и Каиршака III Северного Прикаспия восходят к кельтеминарским комплексам типа стоянки Толстова, Учащи 131 и могильника Тумек-Кичиджик. Вышеприведённый сравнительный анализ североприкаспийских комплексов с материалами первых двух памятников, как представляется автору, не позволяет дать положительный ответ на вопрос о какой-либо роли кельтеминарской культуры в генезисе каиршацких древностей. Что же касается инвентаря могильника Тумек-Кичиджик, то его исследователь отмечает достаточно сложный контекст этого памятника [Виноградов, 1981. С.111-116]. Лишь один сосуд достоверно

связан с погребением. Это ладьевидная чаша, украшенная гладкой и зубчатой качалкой – «шагающей» гребёнкой. Такой узор присущ в лучшем случае позднему этапу кельтеминарской культуры, когда доминирует зубчатая качалка. Учитывая, что по радиоуглеродным датам развитой этап кельтеминара определяется первой половиной IV тыс. до н.э. [Виноградов, 1981. С.133], то поздний этап датируется второй половиной IV тыс. до н.э. Можно констатировать явное несоответствие с хронологией североприкаспийских памятников: в это время они уже исчезают. Ещё один (!) фрагмент из материалов могильника [Виноградов, 1981. С.113, рис.52, 45] имеет частичные аналогии с каиршакскими сосудами. Но допустимо ли делать какие-либо выводы на одном фрагменте? К аргументам по аналогичным микролитам со стоянки Толстова, приведённым ранее, о параллелограмме с территории могильника Тумек-Кичиджик можно сделать одно дополнение. Этот артефакт [Виноградов, 1981. С.112, рис.51, 43] полностью аналогичен экземпляру из третьего слоя пещеры Джебел [Виноградов, 1981. С.122, рис.55, 6; Коробкова, 1996. С.119, рис.39, 1]. Четвёртый слой имеет радиоуглеродную дату – 6030 ± 240 л.н. (Le-1), то есть рубеж V и IV тыс. до н.э. Данное определение – первое, сделанное лабораторией ЛОИА АН СССР, поэтому могло вызвать определённые сомнения у специалистов. Во время конференции по радиоуглеродному датированию в апреле 2007 г. в г. Санкт-Петербурге автор проконсультировался по этому поводу у С.В.Бутомо и Я.А.Шера. Несмотря на ряд нюансов, исследователи выразили уверенность в приемлемости этой даты. Кроме того, П.М.Долуханов любезно сообщил автору, что в более позднее время из этого же слоя Джебела был взят образец и в лаборатории Пенсильванского университета получена дата – 6140 ± 80 л.н. (P-3081). Она почти совпала с первой, что подтверждает ее валидность. Высказано предположение, что дата 6030 ± 240 л.н. относится не к четвёртому, а к третьему слою [Тимофеев, 1996. С.332]. Но даже в этом случае, параллелограмм из Тумек-Кичиджика датируется рубежом V и IV тыс. до н.э.

Что же касается памятников с параллелограммами Северного Прикаспия типа Кугат IV, то по этой стоянке есть две даты, относящиеся к первой половине VI тыс. до н.э. Иначе говоря, типологическое несоответствие североприкаспийских и среднеазиатских параллелограммов подтверждается значительным хронологическим разрывом. Для третьего слоя Джебела в лаборатории Пенсильванского университета получена дата – 4520 ± 240 л.н. [Radiocarbon, 1984. С.225], что лишней раз доказывает несоответствие со среднеазиатскими. В.А.Манько обращает внимание на отдельные узоры, встреченные на фрагментах среднеазиатской посуды, которые, по его мнению, также подтверждают кельтеминарский импульс на территории Северного Прикаспия. Учитывая, что все остальные технико-типологические признаки этих культур сильно разнятся (о чём написано выше) делать такие серьёзные выводы по элементарным признакам несколько преждевременно. В этой связи допустим пример. На стоянке Каиршак III обнаружен сосуд, орнаментальная композиция которого весьма схожа с узором на венчике буго-днестровской культуры [ср.: Васильев. Выборнов, Козин, 1989. С.27, рис.4, 9 и Даниленко, 1969. С.110, рис.77, 3]. Однако это не стало веским основанием для каких-либо серьёзных предположений.

Что же касается соотношения нижеволжской культурной области с западными регионами, то Д.Я.Телегин выделил азово-каспийскую область неолитических культур с включением туда сурской, горно-крымской, ракушечноярской и сероглазовской [Телегин, 1981. С.17-18]. Важно оговорить, что эта гипотеза была предложена до исследования таких памятников, как Джангар и Варфоломеевка, Каиршак и Тентексор. Поэтому мы солидарны с Д.Я.Телегиным в плане выделения культурной области, но ограничивать её всё же следует лишь азово-черноморским регионом.

Так, ракушечноярская культура, расположенная на Нижнем Дону [Белановская, 1976, 1995; Белановская, Телегин, 1996; Телегин, 1981; Котова, 2002], на раннем этапе своего развития характеризуется преобладанием плоскодонной посуды, прямостенными сосудами, толстостенностью,

орнаментацией верхней части сосудов, узорами в виде рядов разреженных треугольных наколов, иногда прочерков и насечек. На позднем этапе фиксируется появление профилированности, скобковидных наколов и прочерченных зигзагов, оттисков зубчатого штампа, трапеций со струганной спинкой. Здесь необходимо сделать одно немаловажное замечание. Судя по данным технологического анализа, проведенного И.Н.Васильевой, посуда нижних слоев Ракушечного Яра изготовлена из илов. Тем самым она сближается с керамикой каиршакского типа. Различие в том, что последняя содержит естественную примесь ракушек пресноводных моллюсков. Видимо, это связано с тем, что для лепки сосудов население Северного Прикаспия использовало илы в стоячих озёрах.

Обращаясь к юго-западным районам, следует обратить внимание на материалы таких памятников, как Нижне-Шиловская на Черноморском побережье Кавказа [Формозов, 1962], Кая-Арасы и Таш-Аир в Крыму [Крайнов, 1960], где представлены, хотя и невыразительные, но близкие признаки как в керамическом, так и в кремневом инвентаре. Это остродонность и плоскодонность посуды, толстостенность, слабая орнаментированность, прочерченные узоры, сегменты с двусторонней обработкой дуги, трапеции со струганной спинкой, пластины с выделенной ретушью головкой [Телегин, 1996].

Именно эти характеристики позволили исследователям сделать вывод о слабых связях неолита Нижнего Поволжья со Средней Азией и о его кавказско-причерноморской культурной ориентации [Васильев, Выборнов, Козин, 1986; Юдин, 1988; Выборнов, Козин, 1988; Кольцов, 1990. С.38-44; Васильев, Выборнов, 1988. С.46-47]. Однако признаков различий достаточно много, что не позволяет объединять неолит Нижнего Поволжья в одну культурную область с горно-крымской, сурской и ракушечноярской. Причина различий кроется в неадекватных мезолитических субстратах этих регионов и культур [Васильев, Выборнов, Комаров, 1991. С.22-24].

В то же время вышеприведённые характеристики культур, входящих в азово-черноморскую неолитическую культурную область, позволяют объединять последнюю с нижневолжской областью в рамках степной провинции [Васильев, Выборнов, 1988. С.55], формирование которой происходило, по всей видимости, за счёт сходства экологических и хозяйственных факторов, но не следует исключать и возможность какого-то одного глубокого генетического корня [Юдин, 2004. С.159-160].

Вплоть до настоящего времени сохраняются проблемные моменты, связанные с наиболее архаичными звеньями неолитической эпохи. Поэтому, Н.С.Котова предлагает иную версию. Она обращает внимание на близость керамики сурской, ракушечноярской, елшанской культур и памятников типа Кугат и Ту-Бузгу-Худук I, полагая, что первая посуда появилась в результате заимствования навыков ее изготовления у населения Малой и Передней Азии [Котова, 2002. С.76].

Не менее проблематичными остаются вопросы, связанные с ранним неолитом Нижнего Поволжья. Так, И.Н.Наумов выражает сомнения по поводу ранненеолитического возраста таких памятников, как Кугат IV и Кулагайси, так как они содержат не более архаичный кремневый инвентарь, чем более поздние комплексы стоянки Каиршак III и стоянки Ту-Бузгу-Худук I, так как его посуда накольчатая, а, по мнению исследователя, древнейшей является прочерченная и прочерченно-накольчатая, которая восходит к средневолжским (елшанским) памятникам и их еще более архаичным зауральским аналогам [Наумов, 1997. С.90-91; 1998. С.10-12; 1998а. С.9-14].

В связи с этим необходимо еще раз более детально обратиться к конкретным коллекциям. На стоянках Кугат IV и Кулагайси представлен материал, который даже по сырью ближе к мезолитическому, чем к комплексам типа Каиршак – развитого неолита. Во-вторых, в этих материалах представлены такие геометрические микролиты (параллелограммы, мелкие симметричные трапеции, треугольники, которые

присущи позднему мезолиту и не встречаются в коллекции стоянок Каиршак I – III. В-третьих, соотношение таких типов как геометрические микролиты и скребки в инвентаре стоянок Кугат-Кулагайси соотносятся почти один к одному, а в материалах стоянки Каиршак III геометрические формы составляют лишь 4%. В-четвертых, посуда Кугат IV и Кулагайси округлодонная, а горшки стоянки Каиршак III имеют только плоские днища. Иначе говоря, сомнения относительно раннеолитического возраста стоянок Северного Прикаспия пока не имеют веских оснований.

Что же касается Северо-Западного Прикаспия, то керамика стоянки Ту-Бузгу-Худук I содержит примесь песка и органики, тогда как посуда 3-его слоя поселения Джангар — толченую ракушку; на первом памятнике присутствуют округлые днища, а на Джангаре только плоские; 28 сосудов на Ту-Бузгу-Худуке I – весьма представительная выборка, но здесь не встречены геометрические узоры, композиции весьма просты (их всего 5), то есть отличия от материалов 3-его слоя поселения Джангар значительны. Действительно, в коллекции 3-его (как, впрочем, и 2-го) слоя поселения Джангар встречена керамика с прочерченно-накольчатый орнаментом. Но, как неоднократно отмечали специалисты, эта посуда аналогична керамике стоянки Каиршак III, то есть свидетельствует не о хронологических приоритетах, а о контактах населения в период развитого неолита [Васильев, Выборнов, 1988; Кольцов, 1990. С.27-49; Выборнов, 2000. С.26-28; Выборнов, 2003. С.63; Ставицкий, 2004а. С.27-28; Юдин, 2006б. С.346]. Таким образом, и в Северо-Западном Прикаспии сложно усомниться в наличии раннеолитической фазы.

Рассматривая предположение о восхождении прочерченно-накольчатой керамики Нижнего Поволжья к средневожской (елшанской), то и здесь возникает ряд противоречий. Во-первых, между Самарским Заволжьем и Северным Прикаспием не обнаружено ни одного памятника елшанской культуры, что ставит под сомнение возможность продвижения с севера на юг елшанского населения. Здесь следует обратить внимание на один момент.

А.И.Юдин констатирует, что на Варфоломеевской стоянке слоя раннего неолита нет, но керамика, сопоставимая по части признаков с елшанской, встречается в нижнем слое. Речь идет о фрагментах с прочерченной «сетчаткой», слабой профилировкой и насечками по срезу венчика [Юдин, 2004. С.153]. Данная орнаментальная композиция представлена в разновременных культурах различных территорий [Котова, 2002, рис.43, 1; 51, 1; 96, 4; 100; 105, 2], что может свидетельствовать о ее конвергентном возникновении. Есть такой узор и на посуде стоянке Каиршак III (рис.5, 6). В подтверждение этому могут служить и собственно материалы Варфоломеевской стоянки, так как черепки с таким узором обнаружены, судя по публикации, и в слое 2Б (рис.31, 1-5; 32, 9; 36, 4), то есть в слое позднего неолита, а посему никак не могут быть связующим звеном между ранним неолитом Среднего и Нижнего Поволжья. В этой связи не ясны причины, толкнувшие носителей елшанской культуры из обжитых мест, достаточно удаленных от эпицентра засушливости, в регион с экстремальными условиями, крайне неблагоприятными для проживания. К настоящему времени появляются дополнительные свидетельства о контактах населения Заволжья и Нижнего Поволжья. Так, на стоянках Красный Яр VII и Лебяжинка IV [Выборнов, 2000. С.197, рис.12, 1; Выборнов, Королев, Мамонов, Овчинникова, 2007. С.149, рис.26, 2] представлены фрагменты профилированных венчиков с насечками по срезу (типичные признаки елшанской культуры) и орнаментом в виде горизонтальных рядов, разделенных наколами треугольной формы (характерная особенность нижневолжского неолита). Это еще раз доказывает наличие контактов населения этих культур именно по линии юг-север, а не наоборот.

В этом плане у автора данной работы возникает сомнение в реальной возможности участия населения таежной зоны Северного Зауралья типа Сумпаньи в сложении памятников типа Каиршак в Северном Прикаспии. Судя по описанию сумпаньинских материалов, сосуды изготавливались из глины с примесью шамота. Данная технология принципиально отличается от

каиршакской, сосуды которой сформированы из запесоченных илов с естественной примесью ракушки и органики. Кроме того, керамика сумпаньинского типа характеризуется прямыми сосудами с округлым дном, под венчиком проходит ряд ямочно-жемчужных поясков, узорами покрыта вся поверхность горшка, орнамент наносился прочерчиванием (довольно часто волнистым) и зубчатым штампом, либо их сочетанием [Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984; Крижевская, Гаджиева, 1991]. Общих признаков с каиршакской посудой очень мало. Не понятны и причины, по которым таежные рыболовы и охотники предприняли столь масштабную миграцию в засушливую полупустыню. Что же касается очень древних дат Сумпаньи, то исследователи, по сути, их игнорируют, а опираются на более достоверные – первая половина V тыс. до н.э. [Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984; Крижевская, Гаджиева, 1991; Зах, 2006. С.43].

Иную версию о происхождении североприкаспийского неолита предлагает В.В.Ставицкий. Он полагает, что материалы памятников Кугат IV и Кулагайси наиболее близки сурской культуре. Особенно явно данное сходство проявляется на каиршакском этапе, что объясняется заимствованием идеи изготовления керамики у западных соседей [Ставицкий, 2004а. С.23]. Действительно, на втором этапе сурской культуры фиксируются контакты с азово-днепровской (энеолитической) культурой и, возможно, в первой четверти V тыс. до н.э. сурское население было вынуждено под давлением скотоводов покинуть регион. Тем более что в это время в Северном Прикаспии сложились вполне приемлемые климатические условия. Однако версия сопряжена с рядом осложнений. Исследования последних лет в Восточном Приазовье и долине Маныча (то есть на промежуточной территории между сурской и каиршакской культурами) не обнаружили каких-либо материалов сурского типа [Цыбрий А.В., 2005; Цыбрий В.В., 2005]. Более того, исследователи сближают полученные источники в культурном отношении с комплексами нижневолжского неолита [Цыбрий А.В., 2003. С.41-55]. Отсутствует посуда с прочерками и на стоянке

Ту-Бузгу-Худук I в Северо-Западном Прикаспии, еще одном связующем звене между сурской и каиршакской культурой. А вот на более позднем этапе (3 слой Джангара) она появляется и связана с каиршакским влиянием. То есть, наблюдается восточный, а не западный импульс. Сурская культура в последнее время становится в центре внимания исследователей. Так, Н.С.Котова полагает, что посуда с примесью песка и остродонной формой заимствована буго-днестровской от сурской культуры [Котова, 2002. С.39]. В.В.Ставицкий считает, что в генезисе раннеэнеолитической елшанской культуры свою роль сыграла именно сурская [Ставицкий, 2005. С.145-150]. По мнению А.Т.Синюка, идея возникновения накольчатой посуды среднедонской культуры восходит к Приазовью [Синюк, 1986. С.135]. А по Н.С.Котовой сурская культура повлияла на происхождение раннеэнеолитической азово-днепровской [Котова, 2002. С.40]. Такая «плодовитость» сурской культуры не может не настораживать. Тем более что наиболее древние сурские комплексы скудны. Благодаря тщательному источниковедческому анализу, Н.С.Котова объективно отмечает единичность этих памятников с крайне малым количеством фрагментов [Котова, 2002. С.82]. На втором этапе сурской культуры по данным Н.С.Котовой появляется раковинная примесь, столь характерная для каиршакской посуды. Следует отметить, что примесь толченой ракушки в глиняном тесте появляется у сосудов североприкаспийского неолита уже на раннем этапе (памятники Кугат-Кулагайси). Вместе с тем, на сурской посуде встречается гребенчатый штамп, который полностью отсутствует на развитом этапе прикаспийского неолита. Плоские днища у сосудов сурского населения появляются лишь на третьем этапе развития от азово-днепровской [Котова, 2002], то есть когда они уже были у носителей каиршакской культуры в начале V тыс. до н.э. Именно на последний этап приходится и появление на фрагментах сурского типа действительно схожих с каиршакскими композициями из прочерков и разреженных наколов, но это сочетание присутствует в самых ранних комплексах неолита Северного Прикаспия [Козин, Комаров, 1989]. Таким

образом, версия о сурских истоках североприкаспийского неолита нуждается в получении новых доброкачественных источников с радиоуглеродным подтверждением их возраста. Уместно подчеркнуть, что хронологическая позиция каиршакских памятников как минимум на 500 лет древнее начальной стадии сурской культуры. Это является дополнительным аргументом против версии о её роли в формировании каиршакской традиции.

Исследователи не исключают каиршакский импульс при формировании памятников дронихинского типа в Подонье и Похопёрье [Сурков, 2007; Ставицкий, 2008a]. Однако, полученные даты по керамике последнего определяются в рамках IV тыс. до н.э. Таким образом, они отстают от прикаспийских почти на 1000 лет. Специалисты увязывают происхождение ряда зауральских культур с территорией Нижнего Поволжья [Ковалёва, Зырянова, 2007]. Судя по типологическому анализу и радиоуглеродным датам, наибольшая вероятность степного происхождения относится к кошкинской культуре.

В середине 80-х гг. XX века А.Т.Синюк обратил внимание на синкретические группы керамики, обнаруженные на памятниках лесостепного Подонья. Эти сосуды проявляли признаки как неолитических, так и раннеэнеолитических культур. Данные проявления позволили исследователю выдвинуть версию о пережиточнонеолитическом характере симбиотических комплексов [Синюк, 1986]. Сходная картина стала прослеживаться и для территории Поднепровья, где Д.Я.Телегиным выделяется нео-энеолитический период [Телегин, 2004. С.114-118]. Что же касается непосредственно территории Нижнего Поволжья, то исследователи отмечали наличие памятников, где обнаружена посуда, сочетающая накольчатый орнамент и воротничковое оформление венчика. Первый признак присущ неолиту, а второй – раннему энеолиту [Васильев, Выборнов, 1986. С.12. рис.3, 6]. При наличии различных экологических ниш на данной территории, а в них – незначительной плотности населения в конце неолита – начале энеолита, допускалось доживание племен с накольчатой керамикой

тентексорского типа в южных районах до раннеэнеолитического времени и их частичное сосуществование с населением мариупольского типа. Об этом свидетельствуют такие показатели, как близкий по технико-типологическим признакам к энеолитическому характер кремневого инвентаря стоянок Орловка, Тентексор. На последней была обнаружена половинка булавы, появление которой, как свидетельствуют материалы (Никольский могильник и др.), относится, в основном, уже к энеолиту. В связи с этим вполне допустимо предполагать, по крайней мере, в определенные периоды, полилинейность развития культур в степном Поволжье [Васильев, Выборнов, 1988. С.45]. Данную версию конкретизировал Е.В.Козин, так как к этому времени появились данные естественнонаучных методов. Установившийся режим увлажненности в Северном Прикаспии привел к восстановлению продуктивности биоценозов данной территории. Это давало возможность развиваться в этом регионе как позднееэнеолитическим тентексорским, так и раннееэнеолитическим хвалынским племенам. Такая гипотеза подтверждалась и радиоуглеродными датами по материалам стоянки Тентексор I – 5500 ± 150 л.н., а по хвалынской Комбакте – 6000 ± 150 л.н. (Козин, 2002. С.24-25).

На основе типологического сравнения кремневой индустрии Тентексора и каиршакских памятников П.М.Кольцов определил первые – «пережиточным» неолитом [Кольцов, 2004. С.131]. И.Н.Наумов к финальноэнеолитическому периоду относил материалы Орловки, слоя 2а Варфоломеевки и пережиточноэнеолитическую стоянку Тентексор [Наумов, 2004. С.17]. А поскольку с рубежа V и IV тыс. до н.э. на Нижней Волге появляются энеолитические памятники, то до середины IV тыс. до н.э. это время можно именовать переходным неолито-энеолитическим периодом, когда в регионе сосуществовали разнокультурные пережиточноэнеолитические и энеолитические памятники [Наумов, 2004. С.19]. А.И.Юдин достаточно подробно проанализировал данный вопрос на материалах степного Нижнего Поволжья [Юдин, 2006. С.398]. Исследователь констатирует, что по стратиграфическим наблюдениям раннееэнеолитическая прикаспийская

культура складывалась на этапе существования слоя 2А Варфоломеевской стоянки и сосуществует с финальным этапом орловской культуры на уровне верхнего слоя Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2006а. С.335]. Калиброванные радиоуглеродные определения (первая половина V тыс. до н.э.) показывают хронологический приоритет хвалынской культуры относительно прикаспийской и поздненеолитического слоя 2А Варфоломеевской стоянки, хотя это противоречит немногочисленным данным стратиграфии [Юдин, 2006б. С.50]. Более того, исследователь обращает внимание и на отсутствие признаков контактов между неолитическими и энеолитическими культурами [Юдин, 2006в. С.15]. Даже находку медного изделия в слое 2А Варфоломеевской стоянки связывать с хвалынской культурой можно лишь чисто теоретически, поскольку последняя считается древнейшей металлоносной [Юдин, 2006в. С.17]. Из этого следует вывод, что в Нижнем Поволжье отмечено параллельное существование прикаспийского и поздненеолитического населения, а синхронность неолитических и хвалынских племен предполагается исключительно на радиоуглеродных определениях [Юдин, 2006в. С.15]. Здесь необходимо отметить, что и П.П.Барынкин, констатируя хронологический приоритет хвалынцев по сравнению с тентексорцами, подчеркивает, что источники в Северном Прикаспии не содержат прямых данных о сосуществовании их носителей [Барынкин, 2003. С.49].

С получением новых радиоуглеродных дат не только для неолита, но и энеолита Нижнего Поволжья [Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008] появилась возможность проанализировать данную ситуацию более конкретно. В Северном Прикаспии памятники тентексорского типа датируются первой половиной V тыс. до н.э. Единственное, о чем надо сказать, так это о датах по стоянке Кызыл-хак II: 6400 ± 90 и 5905 ± 100 л.н. Последняя дата оторвана от остальных пяти и может вызывать сомнения. Что же касается памятников хвалынской культуры, то по двум памятникам имелись даты по углю: Комбакте – 6000 ± 150 л.н. и Кара-Худук – 5110 ± 45

л.н. [Барынкин, Козин, 1998], по почве со стоянки Каиршак VI – 5600 и 5400 л.н. [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998. С.42, рис.1]. В Киевской лаборатории получено шесть дат по керамике двух памятников. По фрагментам керамики с Каиршака VI – 6070±80, 5920±80 и 5780±80 л.н., а по черепкам с поселения Кара-Худук – 5950±70, 5980±90 и 5820±80 л.н. Во-первых, эти определения достаточно кучно охватывают первую четверть IV тыс. до н.э. Во-вторых, даты по Каиршаку VI совпали со значениями по углю стоянки Комбакте. В таком случае можно констатировать временной разрыв между существованием тентексорских и хвалыньских комплексов. К тому времени, когда в Северном Прикаспии появляются носители хвалынской культуры, тентексорское население практически прекращает свое существование. Видимо, именно этим и следует объяснять отсутствие каких-либо признаков их взаимодействия.

Что же касается памятников прикаспийской культуры, то по двум памятникам получено четыре даты: Буровая 41 – 6880±80 и 6790±80 л.н.; Курпеже-молла – 6050±80 и 6020±80 л.н. Таким образом, время бытования этих комплексов укладывается в рамки V тыс. до н.э. Определения первого памятника представляются несколько удревленными для эпохи раннего энеолита. Но в данном случае важно отметить два момента. Во-первых, ряд исследователей относят азово-днепровскую, нижнедонскую, самарскую и прикаспийскую культуру к эпохе неолита [Телегин, 1996; Третьяков, 1975]. Другие специалисты ранние этапы азово-днепровской и нижнедонской культур определяют неолитом, а поздние – ранним энеолитом [Котова, 2002]. Если их версия верна, то указанный хронологический интервал вполне приемлем. Во-вторых, по ряду памятников вышеуказанных культур западного региона имеется ряд радиоуглеродных определений. Часть из них относится, в том числе, и к первой половине V тыс. до н.э. [Котова, 2002. С.95; 97-99; Телегин, 2004. С.109], а наиболее плотная их группа соответствует середине V тыс. до н.э. [Телегин, 2004. С.114-115]. На этом основании Н.С.Котова этап 1б азово-днепровской культуры (здесь уже

появляются воротничковые сосуды и композиция из волнистых прочерченных линий, заполненных внутри зубчатыми оттисками, в том числе «шагающей» гребенкой) и второй период нижнедонской культуры датирует 6800-6350 л.н. [Котова, 2002. С.95, 97]. Это совпадает с датами посуды с аналогичными признаками стоянки Буровая 41. Второй этап азово-днепровской культуры исследователь датирует 6350-5900 л.н., а это соответствует датам по сходной керамике со стоянки Курпеже-молла. Автор, понимая, что этот аспект не является конкретным объектом данного исследования, все же считает необходимым обратить внимание еще на одно наблюдение. Несмотря на то, что при датировках различных слоев стоянки Ракушечный Яр встречаются прямые несоответствия (даты нижележащих слоев, продатированные более молодым возрастом, чем вышележащие, и наоборот) [Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., 2006], тем не менее прослеживается некая закономерность. Так, для слоев 5-2, где и залегает посуда раннеэнеолитической нижнедонской культуры, имеются даты: 5-ый слой – 6440 ± 35 ; 6320 ± 40 ; 4-ый слой – 6300 ± 90 ; 2-ой слой – 6300 ± 300 л.н. [Тимофеев, Зайцева, Долуханов, Шукуров, 2004. С.76]. Это еще раз может подтверждать правильность хронологической позиции прикаспийских памятников. В таком случае даты последних и тентексорских совпадают. Иначе говоря, вполне допустимо предположение о частичном сосуществовании памятников прикаспийского типа и неолитических с накольчатой посудой на территории Северного Прикаспия во второй-третьей четверти V тыс. до н.э.

В степных районах Нижнего Поволжья по материалам хвалынской культуры радиоуглеродные определения укладываются в рамки первой четверти IV тыс. до н.э., хотя исследователи оговариваются, что проблему абсолютного возраста этой культуры пока надо считать открытой [Телегин, 2004. С.111, 118]. Что же касается позднеэнеолитического материала из слоя 2А Варфоломеевской стоянки, то, кроме определений первой половиной V тыс. до н.э. (6970 ± 90 ; 6890 ± 90 ; 6540 ± 80), есть даты более поздние: 6040 ± 80 ;

5870±80; 5810±80 л.н., то есть начало IV тыс. до н.э. Здесь необходимо одно немаловажное замечание. Есть еще одна дата по углю (?) со стоянки Варфоломеевская, полученная Ю.А.Лаврушиным и Е.А.Спиридоновой – 5790±90 (ГИН-6554), которую относят к слою 2Б [Барынкин, 2003. С.50], но скорее образец был взят из пограничного горизонта и хорошо коррелирует с вышеуказанными из слоя 2А. Но в таком случае эти определения совпадают со значениями хвалынской культуры. Однако А.И.Юдин, опираясь на стратиграфические данные, фиксирует в верхнем слое Варфоломеевской стоянки лишь прикаспийские материалы. В таком случае они должны датироваться более поздним интервалом, то есть моложе хвалынской культуры. Но это явное противоречие, так как не имеет каких-либо подтверждений. Другой вариант допускает лишь более ранние даты. Тогда верхний слой стоянки должен датироваться второй половиной V тыс. до н.э. Это хорошо согласуется с абсолютными датами второго периода нижнедонской и азово-днепровской культур.

Вопрос о дальнейшей судьбе неолита Северо-Западного Прикаспия был наиболее проблематичен. Сказалось отсутствие соответствующих источников. В последнее время появилась необходимая информация. П.М.Кольцов сообщает, что впервые воротничковая керамика была зафиксирована в верхнем слое поселения Джангар. Причем, она не выглядела инородной, поскольку изготовлена по одной технологии и украшена накольчато-прочерченной орнаментацией. Появление воротничкового оформления венчика можно отнести к финалу неолита. Вопрос, является ли она местным изобретением или заимствована, остается открытым [Кольцов, 2005. С.317]. Далее исследователь отмечает, что налицо сочетание местной неолитической традиции и новаторского подхода к воротничковому оформлению венчика. Этот факт позволяет предположить, что воротничок мог быть местным изобретением [Кольцов, 2005. С.321]. К сожалению, отсутствует иллюстративный материал. Это затрудняет какие-либо сопоставления. Осталось не ясно, почему исследователь склонился к

варианту о местном изобретении воротничка. Для столь ответственного вывода необходимо большое количество источников со значительным числом материала. В данном случае мы не имеем информации даже о количестве фрагментов керамики подобного типа из верхнего слоя Джангара. Если аргументом для местного характера служит технология изготовления сосудов, то необходим специальный технологический анализ. Дело в том, что, как в неолитической, так и раннеэнеолитической, визуально прослеживается примесь толченой ракушки. Но в первом случае это естественная примесь в илах, а во втором искусственная добавка в илистые глины [Васильева, 1999а. С.196-197, 200-201]. Различия принципиальные. Необходимо учитывать и хронологический аспект. Верхний слой Джангара имеет радиоуглеродную дату, фиксирующую начало IV тыс. до н.э. К западу от интересующего региона раннеэнеолитические комплексы (второй этап нижнедонской и 1б азово-днепровской), в которых воротничковая форма сосудов представлена массово, датируется по радиоуглероду соответственно второй половиной V тыс. до н.э. Иначе говоря, их хронологический приоритет позволяет допускать и второй вариант – заимствование. Сведения о воротничковой накольчатой посуде в верхнем слое Джангара ставят ряд вопросов. А не могла ли дата 5890 ± 70 л.н. из верхнего слоя относиться именно к этой посуде? К тому же, П.М.Кольцов отмечал присутствие в этом слое наконечников треугольной формы с прямым основанием и листовидной конфигурации с двусторонней обработкой. Подобные типы наконечников характерны именно для раннеэнеолитических культур, включая нижнедонскую и азово-днепровскую. Если это так, то возникает необходимость постановки вопроса о смешанности верхнего культурного слоя поселения Джангар. Тем более что радиоуглеродная дата хорошо коррелирует именно с раннеэнеолитическими. В противном случае мы будем вынуждены признать, что основной комплекс верхнего слоя составляет единое целое с воротничковым. Но это логично потребует признания данного комплекса как минимум пережиточноэнеолитическим, если не

раннеэнеолитическим. Так, П.М.Кольцов предполагает пережиточноэнеолитический характер стоянки Тентексор I. Но в керамическом комплексе этого памятника отсутствует воротничковая форма сосудов.

Интерес ученых к южному неолиту вызван не только его внутренней спецификой (наличие микролитоидности и микролитичности, почти полное отсутствие двусторонней ретуши, рубящих орудий и т.п.), но и рядом факторов, выходящих далеко за территориальные рамки Нижнего Поволжья. В археологическом плане можно отметить, к примеру, проблему возникновения керамического производства в лесостепном Поволжье и Подонье под непосредственным воздействием степных культур [Синюк, 1986; 1989; Выборнов, 1990; Моргунова, 1999; Гапочка, 1999; Юдин, 2000; Кольцов, 2005]. Так, П.М.Кольцов отмечает, что керамика и навыки производящего хозяйства распространяются в более северные регионы в результате культурных контактов и, возможно, миграций отдельных групп неолитического населения Северо-Западного Прикаспия [Кольцов, 2004. С.141]. Утверждение о том, что в Прикаспии домашние животные появляются уже в раннем неолите [Телегин, 1996. С.72], определяет данный регион как один из центров производящего хозяйства. Этот тезис получил поддержку у П.М.Кольцова. Характеризуя хозяйство обитателей поселения Джангар, исследователь отмечает, что не вызывает сомнений и наличие у них домашнего скота, хотя остеологический материал не дает пока достаточных оснований судить о его удельном весе [Кольцов, 1984. С.90]. Но столь ответственный вывод требует самой тщательной проработки.

На левобережье Волги неолитические памятники развитого (каиршакского) и позднего (тентексорского) этапов по определению И.Е.Кузьминой содержат фаунистические остатки лишь диких животных. Так, по Каиршаку III: кулан – 55%, благородный олень – 17%, сайга – 13%; по Каиршаку II: кулан – 67%, благородный олень – 16%, сайга – 8%. Что же касается более поздних памятников, то в Тентексоре I кулан представлен –

69%, сайга – 12%, тур/бизон – 7%, лошадь – 3, 5%. На Жеколгане I – одна особь тура/бизона и одна сайги. В нижнем слое Варфоломеевской стоянки обнаружены кости лошади (36%), сайги (30%), тур/бизона (18%), кулана (11%), благородного оленя (5%). В слое 2Б видовой состав таков: сайга – 34%, кулан – 31%, лошадь – 20%, тур/бизон – 9%, кабан – 3%. Слой 2А содержит: кулан (37%), лошадь (26%), тур/бизон (18%), сайга (8%), овца (3%).

Что же касается поселения Джангар, то здесь, по определениям В.И.Данильченко, в третьем (нижнем) слое обнаружено: лошадь (2 особи), кулан (6 особей), сайга (3 особи); 2 (средний): лошадь (4 особи), кулан (6 особей), бык (2 особи), сайга (16 особей), благородный олень (2 особи), кабан (1 особь), а в верхнем: лошадь – (1 особь), кулан (1 особь), бык (1 особь), сайга (2 особи), благородный олень (1 особь). По данным И.Н.Наумова, кости лошади в нижнем горизонте Джангара представлены 6% из 16% домашнего стада, то есть 40% особей; в среднем горизонте они возрастают до 10% их 15% общего числа; в верхнем 16% из 33% домашнего стада [Наумов, 2003. С.83-84]. Но в работах начала XXI в. П.М.Кольцов конкретизирует, что «первые свидетельства принципиально нового этапа в развитии местного первобытного общества отмечены в верхнем (позднем) слое, где (по устному сообщению А.Г.Петренко) зафиксированы кости овцы, быка и лошади, близкие к домашним особям» [Кольцов, 2004. С.135].

Необходимо обратить внимание на ряд моментов, которые затрудняют принятие окончательного решения. Так, количество костей, обнаруженных в верхнем слое Джангара, крайне мало, что явно затрудняет процедуру исследования. Не случайно в первых определениях кости овцы отсутствуют. Одна особь овцы обнаружена в слое 2А Варфоломеевской стоянки, но здесь же найдены медная пластина, булава, фигурки, то есть признаки энеолитической эпохи. Что же касается костей лошади, то они встречаются в материалах мезолитической стоянки Каиршак Va [Комаров, 2000. С.19] или в неолитическом жилище Хуторской стоянки Верхнего Прикамья [Денисов, 1961], но предполагать их одомашнированный характер очень рискованно.

Весьма интересно, что на Варфоломеевской стоянке количество костей лошади от раннего к более поздним не увеличивается (что, возможно, и отражало бы процесс постепенной доместикиации), а уменьшается от 36% в нижнем к 20% в слое 2Б и к 14% в самом верхнем, то есть достоверно раннеэнеолитическом.

Не случайно среди остеологов есть специалисты, отрицающие наличие надежных морфологических признаков, различающих кости диких и домашних лошадей [Косинцев, Варов, 1996. С.29].

Контекст залегания вероятной доместицированной фауны связан с верхним слоем Джангара. Однако, нельзя исключать, что он не является гомогенным.

Так, А.И.Юдин синхронизируя материалы Варфоломеевской стоянки, отмечает, что слой 2Б соотносится с нижней частью первого (верхнего) слоя поселения Джангар, а 2А – с верхней [Юдин, 1998. С.97]. О позднем облике материалов верхнего слоя поселения Джангар свидетельствуют находки керамики с гребенчатым орнаментом и двустороннеретушированные наконечники стрел. П.М.Кольцов еще в 1988 г. отмечал, что ряд типологически поздних орудий (двустороннеобработанные наконечники стрел, трапеции со струганной спинкой и т.д.), которые можно отнести к энеолиту [Кольцов, 1988. С.19]. Если так, то кости, возможно, домашней фауны, как и в случае со слоем 2А Варфоломеевской стоянки, относятся к энеолитическим материалам, присутствующим в верхней слое Джангара. По крайней мере, нельзя не учесть вполне приемлемое предложение В.В.Ставицкого о том, что «нельзя исключать возможности попадания в верхний слой единичных находок, не связанных с основным комплексом поселения, которые могут датироваться и более поздним временем» [Ставицкий, 2004. С.213]. В этой связи хотелось бы напомнить оправданное предостережение А.В.Виноградова о необходимости крайне осторожного подхода к предположительным определениям остатков фауны. В свое время аналогичная картина наблюдалась в ближневосточной археологии, где

приток новых материалов и неожиданно ранние, мезолитического времени, находки костей домашних животных вызвали целую волну недостаточно строго обоснованных утверждений, получивших широкое распространение. К числу такого рода развешанных мифов можно отнести представления (все еще бытующие даже в специальной, особенно археологической литературе) о несомненном наличии domesticiрованной овцы в Зави Чеми Шанидаре и Керим-Шахире, о скотоводстве натуфийцев, наконец, о домашней овце в мезолите Южного Прикаспия [Виноградов, 1981. С.139]. Автор опирается и на справедливое замечание В.И.Цалкина о том, что «мы переходим из области достоверных научных знаний в область легко возникающих, но трудно доказуемых гипотез» [Виноградов, 1981. С.139]. Например, в степном левобережном Поволжье, на Варфоломеевской стоянке (на предварительном этапе ее исследования), по данным А.Ю.Фомичева, встречены останки домашнего быка и тура, мелкого рогатого скота, в том числе овцы. Приблизительно около половины костей относятся к лошади, как домашней, так и дикой [Юдин, 1988. С.164]. Но скрупулезный анализ при последующих раскопках позволил сделать А.И.Юдину более объективный вывод: в слое 2Б (1-ый этап позднего неолита) содержалась фауна лишь диких особей. На этапе 2А (2-ой этап позднего неолита) определена лишь одна особь овцы и нет данных о доместикации лошади [Юдин, 1995. С.8-9]. Если данный финальнонеолитический слой по радиоуглеродному методу датируется второй половиной IV тыс. до н.э., то остается совсем мало оснований для предположений о Нижнем Поволжье, как одном из источников появления скотоводства в эпоху неолита и его влияний на лесостепные культуры V тыс. до н.э. В этой связи чрезвычайно важна информация П.М.Кольцова о том, что в верхнем слое поселения Джангар, помимо неолитической, обнаружена воротничковая керамика с накольчатым орнаментом [Кольцов, 2005. С.317]. Можно с большой долей уверенности увязать эту посуду с двустороннеобработанными наконечниками, трапецией со струганной спинкой и костями домашних животных. Именно такое сочетание присуще

раннеэнеолитической поре. В этом случае и Северо-Западный Прикаспий в эпоху неолита не может претендовать на роль одного из центров производящего хозяйства. По крайней мере, судя по современному уровню источников, вывод о наличии производящего хозяйства в степной зоне уже в неолитическую эпоху представляется, как минимум, преждевременным.

ГЛАВА II. НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

§ 2.1. Природно-климатические особенности региона и палеогеографический фон динамики культур в неолите

Территорию Среднего Поволжья в административных единицах составляют западная часть Оренбургской области, Самарская, Ульяновская, восточная часть Пензенской области, Татарстан и Республика Марий Эл. Бассейн р.Самары в современном представлении является границей степи и лесостепи. Последняя в свою очередь состоит из южной части, северной границей которой служит бассейн р.Сок. Ей присущи разнотравная растительность на выщелоченных и типичных черноземах. Вдоль береговой линии речных долин представлены пойменные леса. Не доходя до нижнего течения р.Камы, а на западе включая верхнее течение р.Суры простирается северная лесостепь с более развитыми лесными участками. Её граница с южной окраины подзоны широколиственных лесов лесной зоны достаточно условна. Но нижнее течение р.Ик на востоке, соответствующие участки Камы, Свияги, Суры несомненно тяготеют с последней. Более того, от устья Камы на северо-запад Среднего Поволжья по крайней мере в луговой части Марийского Поволжья происходит стыковка подзон широколиственных и смешанных лесов. Нельзя не обратить внимание на ряд важных составляющих. Во-первых, бассейн р.Урал от своего впадения в Каспийское море до р.Самара протекает практически в меридиональном направлении. Это несомненно облегчает маршрут передвижения в любую эпоху. Аналогично расположены рр.Большой и Малый Узени, почти соединяющие южные степи Нижнего Поволжья и лесостепные пространства Среднего Поволжья. На правобережной части рр.Свияга и Сура, берущие свои истоки в лесостепной зоне, протекая также в удобном меридиональном режиме и впадают в р.Волгу уже в подзоне широколиственных и даже смешанных лесов.

Таким образом, помимо основной магистрали – р.Волги – Среднее Поволжье располагает дополнительными возможностями. Иминно эта совокупная система формирует широкие потенциальные возможности для взаимодействия первобытных групп населения. Как на востоке (вплоть до рр.Ик и Белая), так и на западе (вплоть до рр.Мокша и Ока) гидрологический момент был весьма благоприятен. Важно подчеркнуть и еще одно существенное обстоятельство. Верховье рр.Свияги, Суры, Мокши почти входят в соприкосновение с истоками рр.Медведица, Хопёр, Ворона. Это позволяло в потенциале взаимодействовать племенам западной части Среднего Поволжья и лесостепного Подонья, а в гипотетическом ключе и более западного региона – Поднепровья. Результаты спорово-пыльцевых анализов, сделанных непосредственно с территории ряда памятников позволяет представить палеогеографическую ситуацию в данном регионе атлантического периода. По данным специалистов позднемезолитические слои Старотокской стоянки характеризуются безраздельным господством травянистых и кустарничковых – до 92%. Содержание пыльцы древесных до 5%. Среди первых господствуют разнотравье и полыни. Последние содержат сосну и берёзу. На этом основании делается вывод о том, что в данный период на территории современной степи существовали условия, сходные с современной полупустыней и южной частью степной зоны [Левковская, 1995. С.173]. С этой версией нельзя не согласиться. Представленные материалы по мезолиту Северного Прикаспия, практически совпадают, с вышеописанными по южной части Среднего Поволжья.

На Ивановской стоянке образец, отобранный из основания неолитического слоя, показывает сходную картину. В этот период регион был почти безлесен. Лишь изредка встречена берёза, а основные площади были заняты травянистыми и кустарничковыми, среди которых представлена полынь [Левковская, 1995. С.174]. Непосредственно по нижней части неолитического слоя также получены соответствующие данные. Исследователи констатируют господство травянистых, среди которых

присутствуют маревые и полыни. Климатические условия были неблагоприятны для развития не только лесных, но и лугово-степных формаций. Фиксируется резкая континентализация и уменьшение увлажненности [Лаврушин, Сприридонова, 1995. С.185], что сопоставимо с наиболее сухим интервалом первой половины атлантического периода.

Таким образом, ландшафтно-климатические условия южной части лесостепного Волго-Уралья в начале атлантического периода в значительной степени соответствуют более южным степным и даже полупустынным условиям.

На наиболее северных пространствах, в бассейне р.Сок, являющейся современной границей южной и северной подзон лесостепи также получены палинологические данные. В погребенных почвах исследователи зафиксировали карбонат кальция, что дало основание предполагать дефицит влажности в период их формирования. По материалам стоянки Чекалино IV для слоя, содержащего раннеэоценовый комплекс и датированный по раковинам 8000-7900 л.н. спорово-пыльцевые данные представлены возрастанием роли травянистых и кустарничковых с участием полыней и маревых (68%). Древесные составляют около 15% и приурочены к долине реки. Таким образом, данная природная среда достаточно схожа с картиной, реконструированной по материалам южной части Среднего Поволжья. Иначе говоря, вплоть до бассейна р.Сок распространялись степные ландшафты южного типа. Обнаружение в культурных слоях стоянок Чекалино IV и Лебяжинка IV костей сайги [Мамонов, 2007. С.94] является дополнительным аргументом в пользу представленного вывода.

На восточной окраине Среднего Поволжья истоки р.Сок находятся в непосредственной близости от верхнего течения р.Ик, где расположена стоянка Муллино. По составу пыльцы, определённой Г.Г.Карташёвой, из основания культурного слоя, сопряжённого с остатками мезолитического времени, представлены растения сухой степи и полупустынные виды, нехарактерные для данного региона ни до, ни после. По мнению

Г.Н.Матюшина состав пыльцы свидетельствует о резкой аридизации в начале IV тыс. до н.э.[Матюшин, 1996. С.104]. Эти данные ещё раз подтверждают природную ситуацию начала атлантического периода в интересующем регионе.

Исходя из этих географических реперов, можно предположить близкий палеогеографический фон на территории аналогичного широтного диапазона. Речь может идти о территории правобережья р.Волги на уровне г.Ульяновска, северной части Пензенской области в пределах г.Наровчата и далее на запад в Рязанской области на широте г.Ряжска.

Этот коридор подтверждается и обнаружением раннеолитических памятников, аналогичных елшанским самаро-сокского района, типа Усть-Ташёлки близ г.Ульяновска, Озименки II рядом с г.Наровчатом и Городок I в окрестностях г.Ряжска.

Определённым подтверждением реконструированного палеогеографического фона могут служить данные, полученные для более северных территорий Среднего Поволжья. Так, В.В.Никитин для раннеолитических памятников Марийского Поволжья, расположенных в настоящее время на стыке широколиственных и смешанных подзон, отмечает, что природно-географическая среда, судя по данным спорово-пыльцевых спектров, была несколько иной, чем мы её представляли [Никитин, 1996. С.84].

Территория, где расположены наиболее древние стоянки, характеризуется дерновыми луговыми слоистыми и дерновыми почвами. Пыльцевой анализ отложений поселения Дубовское VIII свидетельствует о спектре близком к лесостепному. Так, материк (скорее всего относящийся к VI тыс. до н.э.) содержит 33% пыльцы древесных и 64% травянистых с большой долей разнотравья и маревых, что свидетельствует о наличии открытых пространств [Никитин, 1996. С.83].

Таким образом, в первой половине атлантического периода в современной части лесостепного Среднего Поволжья были представлены

степные ландшафты, простирающиеся как в западном, так и северном направлениях, что создавало сходную экологическую нишу. Даже современное левобережье Марийского Поволжья в тот период являлось северной периферией данного ландшафтного мира с определённым дополнением древесной растительности.

Вторая половина атлантического периода, как и в Нижнем Поволжье, проявляет ряд новых тенденций, связанных с оптимальным режимом теплообеспеченности и увлажнённости.

Так, по верхней части неолитического слоя Ивановской стоянки Г.М.Левковская фиксирует пыльцу ольхи и сосны. Е.А.Спиридонова в пределах 6600 лет назад констатирует на этом же памятнике помимо разнотравья появление широколиственных пород и берёзы. В районе 6400 лет назад исследователь прослеживает кроме полыней берёзу, сосну и единично широколиственные [Лаврушин, Спиридонова, 1995. С.197].

В северной части современной лесостепи на стоянке Муллино в неолитическом слое помимо полыни Г.Г.Карташёва определила берёзу. Наиболее интересны определения, сделанные по почве, содержащейся внутри развалов неолитических сосудов. Исследователь фиксирует травянистые (54%) и уже древесные (43%), представленные берёзой (38%), сосной (3%) и ольхой (2%).

В других сосудах (видимо, залежавших в более высокой позиции) пропорции несколько меняются: деревьев уже 59%, среди которых представлены берёза (51%), сосна (3), ива. Травянистые составляют 41%, среди которых сложноцветные (23%) и полынь (6%) [Матюшин, 1996. С.104].

Таким образом, прослеживается тенденция, рисуемая как южному, так и северному региону. Примечательно, что в пределах 6400 лет назад как на ивановской стоянке, так и на Муллино чётко фиксируется полынь. Это картина схожа с Нижневолжской и сигнализирует о периоде начала уменьшения влажности. Это подтверждается и наблюдением Г.Н.Матюшина о наличии пустынных видов растительности в агидельском слое поселения

Муллино [Матюшин, 1996. С.104], который датируется началом IV тыс. до н.э.

В северной части Среднего Поволжья В.В.Никитин приводит весьма показательные результаты. Для стоянок с накольчатой керамикой отмечается 64% травянистых и уже 33% древесных пород, среди которых фиксируется сосна, берёза, ольха, дуб, вяз [Никитин, 2006. С.230]. Нельзя не обратить внимание, на почти полное совпадение спорово-пыльцевых спектров с результатами анализов стоянок Муллино и Ивановская.

Таким образом, можно констатировать интересную тенденцию. Если в первой половине атлантического периода территория Среднего Поволжья вплоть до Марийского левобережья характеризуется доминантой степной зональности, то во второй половине атлантикума на этой же площади происходит трансформация в сторону увеличения лесных сообществ, что вновь объединяет эти регионы от р.Самары на юге до Марийского Поволжья на севере.

§2.2. История изучения неолитических памятников лесостепного Поволжья: формирование источниковой базы и развитие концепций

Первые пункты с материалами неолитического облика были выявлены в конце XIX века. Одним из таких памятников явилась стоянка «Вороний куст», значение которой сохранилось вплоть до работ А.Х.Халикова в середине XX века [Штукенберг, Высоцкий, 1885].

В начале 20-х гг. XX века В.В.Гольмстен провела обследование дюны Захар-Калма в Самарском Поволжье, где была обнаружена керамика «палеометаллической эпохи» и кремневые изделия пластинчатого облика. Эта сочетаемость на данном памятнике позволила исследователю предположить их одновременность [Гольмстен, 1928]. Именно этот вывод В.В.Гольмстен станет аргументом и для И.В.Синицына при изучении аналогичных контекстов Нижнего Поволжья.

С середины 50-х гг. XX века начинают целенаправленные исследования неолитических памятников данного региона. Это в первую очередь связано с

раскопками А.Х.Халикова в 1953 году III Обсерваторской и Ша Займищенской стоянок в Казанском [Халиков, 1958] и II и III Старо-Мазиковских стоянок в Марийском Поволжье [Халиков, 1960]. С начала 60-х гг. XX века казанскими археологами под руководством А.Х.Халикова начались систематические многолетние изыскания в зоне Куйбышевского водохранилища, в результате которых были исследованы такие опорные неолитические стоянки как I и II Лебединские, II Щербетская, Кабы-Копрынская, IV Тетюшская [Халиков, 1969; Габяшев, Казаков, Старостин, Халиков, 1976]. Все это позволило А.Х.Халикову в конце 60-х гг. XX века представить первую схему культурно-хронологического развития памятников неолитической поры Среднего Поволжья [Халиков, 1969].

Первое монографическое исследование, посвященное изучению неолита Среднего Поволжья, принадлежит перу А.Х.Халикова. Автор опирался на материалы преимущественно Казанского Поволжья. Им была выделена волго-камская неолитическая культура. Скучные, но имевшиеся на тот момент данные позволили исследователю включить в эту культуру бассейн р. Самары на юге и р. Мокши на западе [Халиков, 1969].

Первые достоверно неолитические памятники в лесостепной части Среднего Поволжья были обнаружены и обследованы в середине 70-х гг. XX в. [Васильев, Пенин, 1977; Выборнов, Пенин, 1979; Моргунова, 1980]. Несмотря на малочисленность стоянок и ограниченность материалов, исследователи предприняли первую попытку их культурно-хронологической интерпретации. Этому способствовали уже относительно хорошо известные культурные образования неолитической поры в лесном Прикамье и Среднем Поволжье, лесостепном Подонье, степном Поволжье, Поднепровье и Нижнем Дону. Комплексы были типологически разделены на три группы. Профилированные, остродонные, слабоорнаментированные сосуды исследователи относили к наиболее архаичному типу. Прямостенные, плоскодонные, орнаментированные в накольчатой технике выделялись во вторую группу. Аналогичные по форме, но украшенные гребенчатым

штампом составляли третью группу. В зависимости от концепции исследователей эти группы представляли отдельную волго-уральскую [Моргунова, 1984], елшанскую [Мамонов, 1999] или средневолжскую [Васильев, Выборнов, 1988] культуры. Учитывая короткую историю изучения неолитических памятников данного региона, вполне естественны корректировки и переоценки имеющихся материалов. Так, в последнее время А.А.Ластовский высказал гипотезу, по которой керамика елшанского типа не образует отдельную культуру, а имеет сквозное развитие от раннего неолита к энеолиту, что фиксируется в представительных коллекциях [Ластовский, 2006. С.112]. Поэтому имеет смысл, несмотря на подробные предварительные публикации памятников, представить основные характеристики стоянок, и проследить развитие культурно-хронологических схем, предложенных исследователями по мере накопления материалов.

На левобережье в бассейне р. Самары концентрируются такие опорные памятники как Ивановская [Моргунова, 1980, 1988; 1995] и II Старо-Елшанская [Васильев, Пенин, 1978] стоянки в Оренбургской области, Виловатовская [Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980а], Малый Шихан и Максимовские [Выборнов, Пенин, 1979] в Самарской области. Севернее, в бассейне р. Сок исследованы стоянки Чекалино IV [Мамонов, 1994], Нижняя Орлянка II [Колев, Ластовский, Мамонов, 1994], Лебязинка I [Барынкин, Козин, 1994] и Лебязинка IV [Выборнов, Королев, Мамонов, Овчинникова, 2007], Красный Городок [Кузьмина, Ластовский, 1994], Ильинка [Мамонов, 1988, 2002], Красный Яр VII [Выборнов, 2000]. В Ульяновском Поволжье это Мелекесские стоянки, Лебязье I и II на р. Б.Черемшан [Буров, 1980а], Лесное-Никольское III [Вискалин, 1997]. При впадении р. Камы в р. Волгу расположены такие памятники как, IV Тетюшская [Габяшев, 1976] и II Щербетьская [Халиков, 1969].

На правобережье в бассейне р. Свияги это стоянки Луговое III [Буров, 1980; 1980а], Усть-Ташёлка [Вискалин, 2003], Елшанка XI [Вискалин, 2004], Кабы-Копрынская [Халиков, 1969; Третьяков, 1973]. В Верхнем Посурье

расположены стоянки Подлесное III [Третьяков, 1982], Подлесное IV [Выборнов, Третьяков, 1984], Подлесное VII [Ставицкий, 1997]. В среднем течении р. Суры начато изучение стоянок Утюж I, Молёбное озеро I и Вьюново озеро I [Березина, Вискалин, Выборнов, Королев, Ставицкий, 2007]. В Верхнем Примокшанье исследованы стоянки Потошеево [Третьяков, 1982] и Озимёнки II [Выборнов, Королев, Ставицкий, 2006], в Среднем – стоянка Ковыляй I [Ставицкий, 1999], а в Нижнем – Широмазово III [Вискалин, Выборнов, Ставицкий, 1999]. Чуть западнее в бассейне р. Вад изучены стоянки Имерка I, II, III, IV, VII, VIII [Выборнов, Третьяков, 1988; Третьяков, 1990].

Наиболее представительная выборка была получена при исследовании Ивановской стоянки. Преимущественно в нижнем горизонте неолитического культурного слоя этого памятника обнаружено 237 фрагментов керамики от 83 сосудов, характеризующиеся следующими признаками. Черепки серого или светло-коричневого цвета, плотные, обе поверхности хорошо заглажены. По данным И.Н.Васильевой, керамика этой группы изготовлена на 60-70% из илистой глины, а остальная из илов [Васильева, 2007. С.23-30, 35-38]. Верхние части сосудов подразделяются на два типа: профилированные (44 экз.) и прямостенные (39 экз.). Различий по технологии этих типов не прослеживается. Срезы венчиков округлые или слегка приостренные. На 14 сосудах срез венчика оформлен насечками или вдавлениями (рис.46, 2-3). На 4 профилированных и 18 прямостенных сосудах под венчиком проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений, образующих на внутренней стороне «жемчужины». На стенках ряда сосудов встречены сквозные отверстия. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,1 см. Три днища имеют приостренную или шиповидную форму (рис.46, 1; 47, 4-5). Орнаментом украшено лишь 14 венчиков, 3 днища и 20 стенок сосудов. Узоры наносились в технике прочерка. Орнаментальные композиции представлены горизонтальными рядами (рис.47, 2), сеткой (рис.46, 2; 47, 3), зигзагами (рис.47, 5).

Вторая группа керамики составляет 150 сосудов, изготовленных из илов (70%) или илистой глины с примесью шамота [Васильева, 2007. С.30-32]. Поверхность сосудов заглаживалась мягким предметом. Толщина стенок — от 0,5 до 0,9 см. Верхние части 90 сосудов прямостенные (рис.96, 1-2; 97, 1-2) либо слабопрофилированные (рис.96, 4; 97, 5). Срезы венчиков округлые, плоские или скошенные. Треть срезов орнаментирована. Значительная часть сосудов имеет ямочно-жемчужный поясок (рис.96, 1, 3-4; 97, 1, 5). Орнамент расположен преимущественно на верхней части сосудов и представляет собой оттиски палочки. Наколы — округлой (рис.96, 1-5; 97, 2-3, 6-9) и, в меньшем количестве, треугольной (рис.96, 6-7; 97, 1, 5) формы. Схемы рисунков представлены горизонтальными рядами (рис.96, 1, 2), сочетанием зигзагов и горизонтальных рядов (рис.97, 3), вертикальными рядами (рис.97, 6), треугольниками (рис.97, 2).

Еще одна группа неолитической керамики Ивановской стоянки представлена 640 фрагментами от 100 сосудов, толщиной от 0,7 до 1,0 см, изготовленных из илов (92%) или илистой глины с примесью шамота [Васильева, 2007. С.33-34]. Верхние части сосудов прямостенные (рис.98, 1, 2, 4), скошенные вовнутрь (рис.98, 3, 5, 6) или слабопрофилированные (рис.99, 1-2). Срезы венчиков округлые, плоские и скошенные. На части сосудов под срезом венчика проходит ряд ямочных вдавлений (рис.99, 1-4). Днища конические (рис.98, 7, 8) и плоские (рис.99, 5). Орнамент покрывал большую часть поверхности сосудов. Представлены как длинные гребенчатые отпечатки, так и короткие оттиски. Орнаментальные композиции представлены горизонтальными рядами наклонных оттисков (рис.98, 3), вертикальным зигзагом (рис.98, 5), сочетанием наклонных и вертикальных рядов (рис.98, 6), «шагающей» гребенкой (рис.98, 1; 99, 4). Три сосуда несут сочетание оттисков гребенки и накола. На памятнике представлены разновременные и разнокультурные типы керамики. Поэтому характеристика кремневого инвентаря неолитического времени крайне

затруднена. Большая вероятность того, что именно к этому времени относятся геометрические микролиты (рис.124, 5-9).

В нижнем горизонте культурного слоя II Старо-Елшанской стоянки обнаружено 15 сосудов, имеющих следующие признаки. Цвет фрагментов серый или светло-коричневый, черепки плотные, изготовленные по данным И.Н.Васильевой из илистой глины. Обе поверхности заглажены. По форме верхней части сосудов выделяются две группы: прямостенные (10 экз.) и профилированные (рис.45, 1-7). На некоторых фрагментах отмечены сквозные отверстия (рис.45, 3). Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,2 см. Срезы венчиков округлые или чуть приостренные. На 4 сосудах срез венчика оформлен вдавлениями (рис.45, 4-5). На одном сосуде под венчиком проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений (рис.45, 5). Днище шиповидной формы (рис.45, 1). Подавляющая часть сосудов лишена орнамента. Там, где он встречен, нанесен прочерченными линиями в виде сетки. Кроме этой группы керамики на данном памятнике обнаружены фрагменты прямостенных сосудов с плоским (рис.96, 8-12) или округлым (рис.96, 13) срезом венчика, под которым проходит ряд ямочных вдавлений (рис.96, 8-13). Часть сосудов лишена узоров (рис.96, 13), а остальные украшены наколами овальной (рис.96, 9-11) или треугольной (рис.96, 8, 12) формы.

На многослойной Виловатовской стоянке типологически выделена первая группа керамики из 16 сосудов, изготовленных из илестых глин. Это тонкостенные фрагменты с заглаженной поверхностью. Верхние части сосудов прямостенные (рис.75, 1, 3, 4, 5, 6) или слабопрофилированные (рис.75, 8, 11, 12, 14-16). Срезы венчиков округлые или плоские. По некоторым проходят вдавления или насечки (рис.75, 3, 8, 12, 13, 15). К этим сосудам примыкает обломок конического дна (рис.75, 17).

Вторую группу керамики составляют около 100 венчиков прямостенной формы, под срезом которых проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений. Порой на срезе расположены ямчатые вдавления. Аналогичный

признак присущ и прямостенным сосудам с ямочно-жемчужным пояском, украшенным прочерченными линиями в виде горизонтальных (рис.76, 1-2, 4, 5), наклонных (рис.76, 7, 8) рядов или косой решетки (рис.76, 9, 10).

Обнаружено около 130 сосудов с накольчатым орнаментом, которые составляют ещё третью группу посуды на данном памятнике. Керамика содержит примесь песка, реже — растительные остатки. Есть различия и в обработке внутренних и внешних поверхностей сосудов. У большинства посуды они заглажены мягким предметом, а на 20 горшках прослеживается обработка зубчатым инструментом. Толщина стенок составляет 0,4-1,0 см. В основном, сосуды прямостенные (рис.77, 1-10; 78, 1-3) или имеют несколько прикрытую профилировку (рис.77, 11; 78, 5; 80, 3; 84, 3; 85, 1), а у 40 сосудов профиль плавно изогнут (рис.77, 1; 78, 8; 82, 1, 8; 84, 4; 85, 6). Срезы венчиков плоские, округлые и скошенные. Треть срезов орнаментирована (рис.77, 1-4; 85, 2). На половине сосудов под срезом венчика находится горизонтальный ряд ямок, оттиснутых снаружи (рис.77, 1, 3, 5-11; 78, 1-4), а на 20 сосудах — изнутри (рис.82, 4; 84, 3; 85, 2, 4). Орнамент расположен на верхней трети сосудов, при этом имеется 14 орнаментированных плоских днищ (рис.83, 2-6). Вместе с тем, обнаружено несколько придонных частей, сходных с конической формой (рис.79, 7; 80, 5, 10, 14; 81, 9; 83, 1). Наколы имеют треугольную (рис.77, 6, 8; 78, 7, 8; 79, 3, 6, 8; 80, 3-4; 81, 1, 6, 9, 11, 12), овальную (рис.80, 8, 9, 14; 81, 7; 82, 2, 8; 84, 1-4; 85, 2, 3, 5-6) или подквадратную форму (рис.77, 3; 78, 3; 79, 5; 80, 6; 81, 10). Фрагменты с насечками единичны (рис.82, 5). Узоры представлены горизонтальными рядами (рис.77, 9; 78, 1, 3, 6; 82, 2; 85, 6), сочетанием горизонтальных и наклонных рядов (рис.77, 10; 78, 2; 81, 1, 6; 82, 8; 85, 2, 4), треугольниками (рис.77, 2, 5-6; 78, 7, 8; 80, 3-4, 8-9), горизонтальными или вертикальными зигзагами (рис.77, 4; 79, 4-5, 8; 80, 11, 15; 81, 9, 11; 85, 1), меандрами (рис.77, 1, 11; 80, 7; 84, 2, 4; 86, 1-3), косой решеткой (рис.81, 3, 5). Единично представлены сочетания наколов и прочерков (рис.82, 7).

Следующую группу неолитической посуды Виловатовской стоянки (чуть более 100 сосудов) составляет керамика, украшенная гребенчатым штампом. Более половины фрагментов имеют заглаженную поверхность, а еще часть сосудов на внутренней стороне имеет следы штриховки зубчатым инструментом. Большинство черепков в толщину составляют 0,5-0,8 см, а остальные — от 0,8 до 1,1 см. Визуально различимые примеси — песок, шамот, реже — органика растительного происхождения. Верхние части сосудов либо прикрыты (рис.87, 1; 90, 1), либо прямостенные (рис.87, 2; 88, 1; 89, 1; 90, 2; 91, 1). Все днища за исключением одного (рис.82, 5), плоские (рис.91, 6-7; 92, 1-4, 6). Срезы венчиков плоские, округлые, иногда скошенные вовнутрь. Определенный процент срезов орнаментирован (рис.88, 1-2; 89, 1-2; 90, 2). Более половины сосудов имеют ямочно-жемчужный поясок, причем ямки наносились как с внутренней, так и с внешней стороны (рис.87, 1-5; 88, 1; 89, 1, 3-4; 90, 1, 2; 91, 1). Орнамент наносился преимущественно коротким, немного изогнутым штампом (рис.87, 1, 2, 4; 88, 1-8; 90, 7, 8), в меньшем числе случаев — узким длинным (рис.89, 1-8; 90, 1-6) гребенчатым штампом. Композиции представлены горизонтальными рядами (рис.87, 1, 4; 88, 3, 4, 6), вертикальным или горизонтальным зигзагом (рис.87, 3; 90, 5), «шагающей» гребенкой (рис.91, 1-8), косой решеткой (рис.89, 2), наклонными рядами (рис.89, 5-8), сочетанием горизонтальных и наклонных рядов (рис.89, 1; 90, 2, 3, 6;), сходящимися рядами (рис.88, 1-2), комбинацией горизонтальных рядов и «шагающей» гребенки (рис.87, 2; 88, 8). Важно отметить, что около 10 сосудов несут на себе как накольчатую, так и зубчатую орнаментацию (рис.82, 4, 6). На памятнике обнаружено 8 культурно-хронологических групп керамики, включая энеолитические типы. Поэтому характеристика каменных изделий неолитической поры весьма осложнена. Можно обратить внимание на геометрические микролиты (рис.124, 1-3, 10-15).

На стоянке Малый Шихан обнаружено 6 прямостенных сосудов светло-коричневого цвета. По плоским срезам венчиков нанесены вдавления. Под

срезом проходит ряд ямочных вдавлений. Орнамент нанесен в основном овальными наколами в отступающей манере. Узоры представлены горизонтальными рядами (рис.123, 4-6), сочетанием горизонтальных и наклонных рядов (рис.123, 3), сходящимися рядами (рис.123, 1), горизонтальными рядами и треугольниками (рис.123, 2). Два фрагмента, орнаментированные зубчатым штампом (рис.123, 8), возможно, являются инородной примесью. Каменный инвентарь представлен светло-серым матовым кремнем. Ножевидные пластины по отношению к отщепам, первичным и вторичным сколам составляют 58%. Орудий на стоянке 28 экз. Наиболее многочисленная группа – резцы на углу сломанной пластины (рис.123, 16-18). Кроме них 5 концевых скребков (рис.123, 13, 15). Острия симметричные, одно из них с плечиками (рис.123, 11, 12). Из двух наконечников (рис.123, 9-10) первый, обработанный сплошной двусторонней ретушью, имеет усеченное основание. Наиболее вероятен его поздний возраст по отношению к остальному комплексу. Две симметричные трапеции (рис.123, 19-20) и один продолговатой формы сегмент (рис.123, 21) обнаружены вместе с обломками двух рубящих орудий с двусторонней обработкой.

На I Максимовской стоянке шесть сосудов профилированной и прямостенной формы, плотные, изготовленные из илистой глины, имеют серый и светло-коричневый цвет. Толщина фрагментов колеблется от 0,6 до 1,0 см. Срезы венчиков округлые. На стенках сосудов встречаются просверленные отверстия. Орнамент представлен лишь горизонтальным рядом ямочных вдавлений на одном сосуде [Выборнов, Пенин, 1979. С.7, рис.3, 1-3; С.8, рис.4]. Кроме этого здесь же обнаружена керамика с накольчато-гребенчатой орнаментацией [Выборнов, Пенин, 1979. С.7-9]. Учитывая разнотипность керамики и ограниченное количество кремневого инвентаря (13 пластин, 8 отщепов, 2 скребка), все же необходимо обратить внимание на находки двух трапеций. Первая со струганной спинкой [Выборнов, Пенин. С.5, рис 2, 13], а вторая «рогатого» типа (рис.124, 4).

На II Максимовской стоянке предматериковый горизонт содержал четыре сосуда профилированной формы с примесью песка и мелкотолченой раковины в тесте. Посуда плотная, тонкостенная. Срезы венчиков округлые. Орнамент представлен лишь короткими прочерками на внутренней стороне венчика одного сосуда и горизонтальными рядами прочерков на двух других [Выборнов, Пенин, 1979].

На правом берегу Ульяновского Поволжья в бассейне р. Свияга в 70-е гг. Г.М.Буровым было исследовано поселение Луговое III, где обнаружено жилище подпрямоугольной формы размерами 7, 5 x 4, 7 м [Буров, 1980]. Преимущественно в нем обнаружено около 150 сосудов. Глиняное тесто с примесью песка, внешняя поверхность заглажена, а порой залощена. Прямостенные сосуды в подавляющем большинстве плоскодонные, два сосуда биконичные (рис.129, 13). Нередко небольшое дно вогнуто вовнутрь. Важно отметить наличие закраин у нескольких придонных частей. Двадцать процентов этих сосудов лишены орнамента. Еще 64% украшены только ямками под срезом венчика, преимущественно в один ряд (рис.129, 1-7). Примечательно, что ямки не только округлой, но и других форм. В культурном и пахотном слоях, сборах с поверхности происходят фрагменты не только вышеописанного типа. Здесь встречены фрагменты с разреженными наколами (рис.129, 8), точечными (рис.129, 10) и ямчатыми вдавлениями (рис.129, 9, 12-13), насечками (рис.129, 11), зубчато-гребенчатыми отпечатками (рис.130, 1-9), прочерками (рис.130, 10), треугольными наколами в отступающей манере (рис.130, 11-12). В кремневом инвентаре пластины составляют 12%. Из сотни скребков на пластинах лишь 10 концевых типа (рис.131, 12-15), две проколки (рис.131, 10-11), около десятка пластинчатых наконечников с подработкой черешка (рис.131, 1-9). Г.М.Буров обращает внимание на два наконечника треугольничерешковой формы сейминского типа, аналогичных наконечнику с Лебединской стоянки [Буров, 1980. С.65].

Для стоянки Луговое III было получено две радиоуглеродные даты: 2450 ± 210 до н.э. и 2340 ± 90 до н.э., то есть третья четверть III тыс. до н.э., что хорошо согласовывалось с представлениями того периода о хронологической позиции камской культуры. Поэтому исследователь по времени располагал комплекс Луговое III между более ранним (преимущественно накольчатым) Лебязьим I и более поздним (гребенчатым) Лебязьим II. В то же время Г.М.Буров отмечает, что специфические особенности луговской керамики свидетельствуют в пользу того, что она не переходная ступень между накольчатой и гребенчатой посудой и что развитие неолита в Ульяновском Поволжье не было простой эволюцией одной археологической культуры [Буров, 1980. С.57-58].

Предварительно необходимо отметить, что крупный сосуд с гребенчатым орнаментом (рис.130, 1) типологически явно выбивается из остального комплекса, находя аналогии в более поздних материалах. Аналогичный вывод касается и двух треугольничерешковых наконечников стрел сейминского типа (рис.130, 13). Их сходство с экземпляром, обнаруженным на II Лебединской стоянке, не может служить доказательством принадлежности к основным находкам. Подобные типы наконечников обнаружены и на II Щербетской стоянке. Однако ее исследователь отмечает, что последние занесены на памятник в более поздний период [Халиков, 1969. С.56]. Что же касается зубчато-накольчато-прочерченной посуды, то необходимо обратить внимание на то, что она не обнаружена в пределах жилища, а сосредоточена в верхнем слое или в пахоте. Иначе говоря, ее отнесение к основному комплексу весьма шатко. Севернее сокского микрорайона на левобережье в бассейне р. Б.Черемшан исследованы три памятника: Лебязье I и II, Мелекесс III, материалы которых подробно описаны [Буров, 1980. С.23-99]. Кроме того, о них достаточно полно будет сказано в соответствующем разделе. Но необходимо сделать ряд замечаний. В каменном инвентаре стоянки Лебязье I обнаружены изделия, изготовлены из кремня прозрачного, иногда коричневого цвета. Аналогичное сырье

характерно для мезолитического комплекса стоянки Ховрино на р. Барыш в Ульяновском Поволжье [Вискалин, Выборнов, Ставицкий, 2000]. Из идентичного сырья изготовлена часть артефактов со стоянки Утюж I в Среднем Посурье, которые также допустимо по технико-типологическим признакам трактовать эпохой мезолита [Березина, Вискалин, Выборнов, Королев, Ставицкий, 2007]. Среди изделий на стоянке Лебяжье I представлены микропластины, трапеции, сечения с подтеской брюшка мезолитического облика (рис.133, 15, 16). В то же время, есть двустороннеобработанные наконечники с выделенным основанием позднего типа [1980. С.86, табл. 5, 12.13]. Иначе говоря, нельзя исключать частичное смешение разновременных находок на данном памятнике. На стоянке Лебяжье II, помимо сосудов, полностью орнаментированных гребенчатым штампом, присутствует неорнаментированная керамика [Буров, 1980. С.25], что также наводит на мысль о смешанности комплекса. Находки со стоянки Мелекесс III представлены сборами с поверхности, что уже допускает смешение разновременных материалов. Среди орудий имеются: трапеция, черешковые пластинчатые наконечники стрел, резцы. Но в то же время здесь обнаружены двустороннеобработанные с выделенной пяткой наконечники стрел [Буров, 1980. С.93, табл. 12, 5, 9]. Это подтверждает мысль о смешанности коллекции.

Первоначальный анализ коллекций памятников бассейна р.Самары позволил исследователям сделать предварительные выводы. Так, по Ивановской стоянке выделялось три группы посуды: 1) неорнаментированная шиподонная; 2) накольчатая, синхронная со щербетскими памятниками раннего камского неолита; 3) сосуды полуяйцевидной формы с примесью шамота и гребенчатой орнаментацией, аналогичные материалам хуторского этапа на Каме [Моргунова, 1980]. На Вилатовской первая группа накольчатой керамики сочетала признаки сероглазовской культуры и местные особенности. Вторая принадлежит местной накольчатой культуре, часть материалов которой сопоставима с

волго-камской. Третья керамическая группа характеризуется гребенчатой орнаментацией, большая часть которой проявляет самостоятельные черты, а некоторые сосуды аналогичны камской культуре [Васильев, Выборнов, Габышев, Моргунова, Пенин, 1980].

Дальнейший анализ позволил Н.Л.Моргуновой проследить более четкие различия в группах. Так, накольчатая посуда подразделяется на две разновидности: тонкостенная, с разнообразными узорами, с ямочно-жемчужными поясками, которая и близка ранней накольчатой керамике Волго-Камья, а вторая – толстостенная со своеобразными чертами, отличными от щербетских, но сходных со среднедонскими и ракушечноярскими. Сосуды с гребенчатым орнаментом также неоднородны: третья группа (толстостенные, прикрытые формы, с примесью шамота, округлодонная) и четвертая (толстостенная с шамотом, но с профилированной и плоскодонной формой). Не вызывая сомнения в генетическом родстве III и IV групп, отличия свидетельствуют о незначительном хронологическом разрыве, но в целом находят аналогии в материалах хуторского этапа камской культуры [Моргунова, 1980а].

Тщательная проработка Виловатовской коллекции также представила более подробную картину. Первая группа характеризовалась преимущественно прочерченной орнаментацией, соотносилась с поднепровской и североприкаспийской и определялась ранним неолитом. Вторая, весьма многочисленная (около 150 сосудов), тонкостенная, орнамент представлен лишь поясом ямочно-жемчужных вдавлений под срезом венчика. Она сопоставлялась со щербетской и поднепровской и также датировалась ранним неолитом. Третья группа (около 130 сосудов) с накольчатым орнаментом подразделяется на подгруппы: большая часть прямостенная с примесью песка и ямочно-жемчужным пояском сходна как с нижнекамскими, так и среднедонскими материалами, а меньшая с примесью ракушки и геометрическими узорами похожа на североприкаспийскую. В четвертой (около 120 сосудов) группе объединены фрагменты с гребенчатой

орнаментацией. Большая ее часть прямостенная с примесью песка, с ямочно-жемчужным пояском, средней толщины, плоскодонные, с преобладанием в орнаментах короткозубых штампов. Меньшую долю составляют закрытые толстостенные сосуды с шамотом и длинными оттисками гребенки, композиции которых тождественны камским [Васильев, Выборнов, Габышев, Моргунова, Пенин, 1980а].

Нетрудно заметить, что группы неолитической керамики на Виловатовской и Ивановской стоянках не совсем тождественны. Так, на последней слабо представлена группа с прочерченными узорами, группа с наличием только ямочно-жемчужного пояса весьма малочисленна, как впрочем, и группа с короткозубой гребенкой и ямочно-жемчужными поясками. Эти различия весьма существенны и объяснить их только локальными особенностями представляется весьма затруднительным, так как оба памятника находятся в бассейне р.Самары, практически в одной экологической нише.

В своем диссертационном исследовании Н.Л.Моргунова акцентировала внимание на ряде аспектов. Ею была выделена волго-уральская культура с тремя этапами: ранний, включающий два подэтапа: А – елшанский, Б – накольчатый, генетически восходящий к первому, результат совершенствования заимствованной керамики, нетождественный материалам типа II Щербетской в Нижнем Прикамье [Моргунова, 1984]. Второй этап волго-уральской культуры представлен материалами только Виловатовской стоянки. Развитой этап характеризовался накольчатой посудой, украшенной по всей поверхности, в том числе сложными композициями. С ней возможна синхронизация некоторых сосудов закрытой формы с гребенчатым орнаментом. Видимо, с этим этапом связано появление типичных сосудов сероглазовской культуры [Моргунова, 1984].

К позднему этапу отнесена толстостенная керамика с гребенчатым штампом и шамотом, круглыми и плоскими днищами, представлено 4 основных узора: вертикальный зигзаг, горизонтальные ряды, наклонные

пояса, «шагающая» гребенка. Появление ее вызвано контактами волго-уральской культуры с населением лесной зоны на позднем этапе. Но несмотря на близость орнаментальных композиций посуда бассейна р. Самары достаточно своеобразна, так как унаследовала соответствующие традиции, а это позволяет отказаться от устоявшегося взгляда, что территория лесостепного Заволжья и Южного Приуралья входила в ареал волго-камской культуры [Моргунова, 1984].

Материалы первой группы (елшанского типа) и второй группы (накольчатого типа) были объединены в один генетический ряд развития, не выходящий за рамки раннего неолита. Керамика первой группы близка дарьясайской, ракушечноярской, сурской. Их близость определяется началом распространения производящей экономики, а вместе с ней и навыков производства керамики. Керамика второй группы прямых аналогий в других культурах не имеет, за исключением посуды с поселения Ракушечный Яр. Если ранее исследователь третью группу (гребенчатую) разделял на две подгруппы: хуторского типа и прямостенную и плоскодонную, то в данном случае она рассматривается как единое целое, относимое к позднему неолиту, так как появление гребенчатого штампа вызвано контактами волго-уральской культуры с населением лесных массивов на левшинском (позднем) этапе развития. Однако смены населения не произошло, продолжается развитие местной неолитической культуры на ее заключительном этапе. Ранний этап датируется в пределах VI тыс. до н.э., а поздний в V тыс. до н.э. [Моргунова, 1984]. Уже в тот период отмечались некоторые противоречивые моменты данной концепции. Допустимо ли генетическое единство волго-уральской культуры, если первый этап раннего неолита сопряжен с культурами Средней Азии, второй этап раннего неолита с Нижним Подоньем, развитой этап – с сероглазовской культурой Нижнего Поволжья, а заключительный период – с лесной культурой Прикамья? Если гребенчатая традиция появляется на заключительном этапе волго-уральской культуры от левшинского населения Прикамья, то какова культурная природа

гребенчатой посуды Виловатовской стоянки (то есть развитого периода)? Правомерно ли датировать поздний этап V тыс. до н.э., если лёвшинский период датировался второй половиной IV тыс. до н.э.? Ответы на эти вопросы могли быть получены лишь с появлением новых источников, в том числе и на промежуточных территориях.

§ 2.3. Вопросы культурной принадлежности неолитических памятников лесостепного Поволжья

Именно во второй половине 80-х гг. XX века началось интенсивное изучение новых неолитических памятников. К северу от бассейна р. Самары исследована группа стоянок, сконцентрированных на побережье р. Сок.

На стоянке Чекалино IV нижний культурный слой представлен 25 сосудами, изготовленными из илистой глины. Толщина стенок варьирует от 0,4 до 0,6 см. Верхние части сосудов профилированные (рис.49, 1, 9) или прямые (рис.49, 3-4, 8). Срезы венчиков округлые и уплощенные. Днища конические (рис.49, 14) и округлые (рис.49, 16). На некоторых стенках имеются сверлины (рис.49, 13), а на части венчиков под срезом ямчатые вдавления (рис.49, 4, 6-8) или выпуклины (рис.49, 9-11). Орнаментация сосудов выполнена прочерками, разреженными наколами и короткими насечками. Восемь сосудов лишены какого-либо орнамента. Узоры представлены зигзагами из прочерченных линий (рис.49, 1, 12, 15). Каменный инвентарь насчитывает 670 предметов из кремня серого и красновато-желтоватого цвета. Отщепы и сколы составляют 530 экз., а пластины – 28 экз. Среди нуклеусов встречены призматические для снятия пластин (рис.51, 3), но преобладают ядрища для получения пластинчатых отщепов (рис.51, 2) и отщепов (рис.51, 1). Обнаружено 18 пластин с ретушью по спинке или на брюшке. Из 32 скребков лишь два концевого типа изготовлены на пластинах (рис.50, 1, 7). Остальные на отщепах концевые (рис.50, 2) с обработкой продольных граней, округлые (рис.50, 3, 4). Шесть острий на продольных сколах и пластинах симметричные (рис.50, 5), либо скошенные (рис.50, 6). Семь деревообрабатывающих орудий трапецевидной

формы изготовлены с помощью оббивки (рис.50, 8-9). Наконечники стрел иволистной (рис.51, 5) и черешковой (рис.51, 6-7) формы. Один обломанный экземпляр обработан двусторонней ретушью (рис.51, 4).

Помимо керамики первой группы в более высокой стратиграфической позиции обнаружены толстостенные сосуды с примесью шамота в глиняном тесте. Верхние части сосудов прямые (рис.122, 2-6), днища — конические (рис.122, 13). Срезы венчиков округлые или плоские. Под ними проходит горизонтальный ряд ямочно-жемчужных вдавлений (рис.122, 1-6). Узоры в подавляющем большинстве наносились по всей поверхности сосудов преимущественно длинным гребенчатым инструментом (рис.122, 7, 11), хотя отмечено использование и короткого штампа (рис.122, 3). Орнаментальные композиции представлены наклонными рядами (рис.122, 7), вертикальным зигзагом (рис.122, 8), плетенкой (рис.122, 3), сочетанием горизонтальных и наклонных рядов (рис.122, 9, 11), «шагающей» гребенкой (рис.122, 4-5).

Керамический инвентарь поселения Нижняя Орлянка II представлена 37 сосудами светло-коричневого цвета, изготовленных из илистой глины. Почти все сосуды имеют прикрытое горло с прямыми или слабопрофилированными стенками и отогнутым венчиком (рис.52, 1-7; 53, 1-4). Срезы венчиков округлые или утоньшены. Днища конические (рис.52, 10-13). Плоских днищ не обнаружено. Все сосуды (за исключением шести) орнаментированы. Половина из украшенных сосудов имеет лишь ямочные вдавления, расположенные под срезом венчика (рис.52, 1-3). Ямочные вдавления, выполненные с внутренней или наружной стороны сосудов, образуют «жемчужины» и расположены в один, два или три ряда (рис.53, 1-3). На одном сосуде ямки образуют треугольники (рис.53, 1). Не менее 8 сосудов орнаментировано прочерченными линиями, образующими, как правило, косую сетку (рис.52, 6-8). Обнаружено 377 каменных предметов, изготовленных из кремня преимущественно серого и красно-коричневого цветов. Отщепов 160 экз., а пластин – 25 единиц. Среди нуклеусов 10 - для получения отщепов, а 2 - одноплощадочные, призматической (рис.54, 1) и

конической (рис.54, 2) формы. Скребки (15 экз.), формировавшиеся на отщепах и продольных сколах, не составляют устойчивых типологических серий (рис.54, 3-5). Примерно такое же количество представляют изделия с резцовыми сколами на отщепах и техносколах. Лишь 3 резца изготовлены на углу пластины (рис.54, 6-8). Остриё и наконечник на пластинах симметричной формы (рис.54, 10, 12). Деревообрабатывающие орудия исследователями подразделяются на две одновременные группы [Колев, Ластовский, Мамонов, 1994]. Однако, если первая характеризуется прямоугольными и трапециевидными неустойчивыми очертаниями с недостаточно качественной обработкой (рис.54, 9, 11), то вторая характеризуется совершенством формы и обработки [Колев, Ластовский, Мамонов, 1994. С.87, рис.9, 11-12; с. 88, рис.10].

Нижний горизонт культурного слоя стоянки Красный Городок содержит 8 сосудов светло-коричневого цвета, изготовленных из илистой глины. Выделяются два крупных сосуда с профилированным верхом и плоским дном (рис.58, 1, 10), располагавшиеся в непосредственной близости друг от друга. Кроме них, представлены прямостенные (рис.58, 4, 6-7) и профилированные (рис.58, 5) с коническим дном (рис.58, 8-9) сосуды, более тонкостенные, чем два вышеописанных. Один срез венчика с насечкой (рис.58, 5), а еще по двум проходят вдавления (рис.58, 5-3). Орнамент нанесен прочерками (рис.58, 3) и разреженными наколами треугольной формы (рис.58, 2). Нельзя исключать, что эти две группы сосудов могут быть неодновременными. Каменный инвентарь состоит из 634 экз. кремневых изделий серого и желто-коричневого цветов. По мнению А.А.Ластовского, здесь «сосуществуют развитая пластинчатая техника и традиция использовать куски необработанного материала, что также допускает разновременность полученного комплекса кремневых изделий» [Кузьмина, Ластовский, 1994. С.28]. Нуклеусы одноплощадочные призматические (рис.59, 1), плоские (рис.59, 2), торцевые. Господствует пластинчато-отщеповая техника. Примечательно, что превалируют орудия на пластинах:

концевых скребков – 10 экз. (рис.59, 3-4), а на отщепах – 6 (рис.59, 5-6); резцов на отщепах 5 экз., а на углу пластины – 13 (рис.59, 7-10). Деревообрабатывающие орудия трапециевидной (рис.59, 11-12) или подпрямоугольной (рис.59, 13) формы изготовлены с помощью оббивки. Надо упомянуть и обломок лезвия шлифованного орудия.

На стоянке Лебяжинка IV в раскопе площадью 384 кв.м было обнаружено несколько групп керамики. В первую группу выделено 23 венчика от разных сосудов. Керамика подготовлена из илистой глины с большой запесоченностью. Обжиг костровой, внешняя и внутренняя поверхности заглажены мягким предметом. Толщина фрагментов колеблется от 0,6 до 0,8 см. 16 венчиков профилированные (рис.100, 1-6), а 7 прямостенные (рис.102, 1-4), либо чуть загнуты вовнутрь сосуда (рис.100, 8; 102, 5). Среди днищ 2 острых (рис.101, 12), и нельзя исключать, что 6 экземпляров плоских неорнаментированных также относятся к данному комплексу. Среди стенок к этому типу посуды возможно причислить около 20 черепков, аналогичных по цвету, примесям и характеру обработки поверхностей. Профилированные венчики имеют округлый срез, причем на одном имеется насечка (рис.101, 1), а еще на одном насечка заходит и на внутреннюю поверхность сосуда (рис.101, 2). У двух венчиков есть сверлины на тулове (рис.100, 5). На одном под срезом проходит ряд «жемчужин» (рис.101, 5), два имеют горизонтальный пояс ямочных вдавлений (рис.100, 6; 101, 4), три обладают слабовыраженными «жемчужинами» и узорами из прочерченных линий (рис.101, 7-8, 10). Вторая группа венчиков имеет в основном округлый срез (рис.102, 1-2, 5). Лишь один с плоским (рис.102, 3). Кроме неорнаментированных, один имеет прочерк (рис.102, 4), еще один сверлину и ряд ямок под срезом (рис.102, 3). Из двух венчиков загнутых вовнутрь один с округлоутопьющим срезом (рис.102, 5), а второй с плоскоскошенным и рядом ямок (рис.102, 6). Среди неорнаментированных стенок имеется 8 черепков, украшенных прочерками в виде косо́й решетки (рис.101, 9, 11).

Во вторую группу можно объединить 9 венчиков от 7 сосудов и 3 фрагмента стенок. Их сближает примесь песка, загладка внешней и внутренней поверхности мягким предметом, толщина от 0,7 до 0,9 см. Три венчика от одного сосуда имеют штриховку зубчатым (?) штампом на внутренней стороне, плоский срез, горизонтальный ряд ямочных вдавлений под ним и наклонные ряды прочерков (рис.103, 1). Один венчик с округлым срезом и рядом «жемчужин» под ним украшен прочерками, а композиция состоит из рядов прочерков и горизонтального ряда внутри в сочетании со «стебельками» (рис.114, 6). Еще 4 венчика с округлым (рис.103, 2, 4, 5, 6), а один с плоскоскошенным (рис.103, 3) срезом. У всех под срезом ряд ямок и ряды прочерченных линий (рис.103, 1-6). На стенках, где внутри просматривается загладка зубчатым штампом, прочерки образуют ромбическую сетку (рис.103, 7-9), как на одном из венчиков (рис.103, 4). Эта малочисленная, но интересная посуда имеет сходство с вышеописанной группой сосудов.

Третью группу керамики поселения Лебяжинка IV составляют фрагменты, имеющие в качестве орнамента лишь горизонтальные ряды под срезом венчика либо ямочных вдавлений, либо «жемчужин». Фрагменты толщиной от 0,7 до 0,9 см в глиняном тесте содержат примесь песка и немного шамота, внешняя поверхность заглажена мягким предметом. Восемь венчиков от одного сосуда имеют гофрировку среза венчика, а под ним двойной ряд «жемчужин» (рис.105, 5). На внутренней поверхности имеется загладка зубчатым штампом. Еще 5 венчиков от разных сосудов по срезу несут гофрировку, под ним одинарный ряд «жемчужин» и зубчатую загладку внутри (рис.105, 3). Пять венчиков от трех разных сосудов имеют штриховку на внутренней стороне, срез венчиков плоскоскошенный, а под ним ряд «жемчужин». Два венчика от разных сосудов с зубчатой загладкой внутри, одним рядом «жемчужин» имеют скошенный наружу срез (рис.105, 1). Еще 9 венчиков от разных сосудов внутри имеют зубчатую загладку, ряд «жемчужин», а плоскоскошенный срез украшен зубчатым штампом (рис.105,

2). Семь венчиков от разных сосудов внутри со штриховкой, рядом «жемчужин», а по овальному срезу нанесены ямчатые вдавления. Семнадцать венчиков, не имеющие на внутренней стороне загладки зубчатым штампом, имеют горизонтальный ряд «жемчужин» и округлый срез (рис.104, 5-7), в 5 случаях с точечными вдавлениями (рис.104, 8).

Кроме этого, в отдельную подгруппу допустимо выделить 4 венчика от разных миниатюрных сосудов с примесью песка в глиняном тесте, с заглаженной мягким предметом внешней и внутренней поверхностью (лишь один имеет штриховку зубчатым штампом), толщиной 0, 6-0,7 см. Сосуды прямостенные (рис.104, 3-4) либо чуть загнуты вовнутрь (рис.104, 1, 2). Срезы венчиков плоские (рис.104, 4) или плоскоскошенные (рис.104, 2). Узор состоит из горизонтального ряда мелких ямочных вдавлений (рис.104, 2) или мелких «жемчужин» (рис.104, 3, 4). Вышеперечисленные признаки (кроме загладки внутренней поверхности зубчатым штампом) этой подгруппы появляются уже на керамике первой группы.

Надо отметить, что неорнаментированные плоские днища предположительно могут соответствовать данной группе.

Наиболее многочисленную группу составляет керамика, украшенная гребенчатыми (длинными) или зубчатыми (короткими) оттисками. Это черепки светло-коричневого цвета с примесью песка и шамота в глиняном тесте. Толщина фрагментов колеблется от 0,6 до 1,0 см, с преобладанием 0, 7-0, 9 см. Внешняя поверхность сосудов заглажена мягким предметом, а на внутренней стороне некоторых экземпляров просматривается штриховка зубчатым инструментом. 22 венчика от 19 сосудов в качестве узора имеют горизонтальные ряды короткого изогнутого (рис.106, 1) или прямого (рис.106, 3) зубчатого штампа. Срезы венчиков округлые – 13 экземпляров (рис.106, 1) из них с насечкой или зубчаткой – 3 (рис.106, 1), плоские – 6 экземпляров (рис.106, 3). Под срезом венчика у 10 сосудов проходит одинарный горизонтальный ряд ямочных вдавлений, отчего на внутренней стороне стенки видны выпуклины, у 8 экземпляров прослежены

«жемчужины», и лишь один венчик не имеет вдавлений. У 4 сосудов на внутренней стороне видны расчесы зубчатого инструмента. Аналогичной орнаментальной композицией украшено 157 стенок, 10 из которых имеют на внутренней стороне штриховку зубчатым штампом (рис.108, 1-2).

Еще 14 венчиков от 13 разных сосудов орнаментированы коротким изогнутым зубчатым штампом в виде вертикального зигзага (рис.106, 2-3). Четыре экземпляра имеют расчесы на внутренней стороне. Срезы венчиков округлые (рис.106, 4) – 10 экземпляров и плоскоскошенные (рис.106, 2) – 3 экземпляра, два из них имеют насечки или оттиски штампа. У всех венчиков под срезом проходит ряд ямочных вдавлений. К ним примыкают 34 боковинки с таким же узором (рис.108, 3). Единично представлены венчики с композициями из коротких отпечатков в виде наклонных или пересекающихся рядов (рис.106, 5). К последней относятся три фрагмента от одного сосуда (рис.106, 6; 108, 5, 6) и по одному черепку от разных сосудов (рис.106, 4). К этой группе примыкают 12 венчиков от 10 сосудов (4 с расчесами внутри), которые имеют вертикальный зигзаг, но выполненный длинным узким или широким гребенчатым штампом (рис.107, 1). Срезы венчиков округлые (рис.107, 1) – 5 экземпляров, 3 плоские (рис.107, 2) и два экземпляра гофрированные (рис.107, 4). Нельзя исключать, что эти экземпляры более поздние по сравнению с остальными. Под срезом венчика у 6 сосудов ряд ямочных вдавлений (рис.107, 2.4), а у 4 – «жемчужины» (рис.107, 1, 3). К сходному рисунку можно отнести 95 фрагментов стенок, из которых около 30 на внутренней поверхности имеют штриховку зубчатым штампом. Три тонкостенных венчика с округлым срезом орнаментированы косой решеткой (рис.107, 5-6). Еще один сосуд (6 фрагментов) представлен композицией в виде сочетания горизонтальных рядов прямых отпечатков мелкозубчатой гребенки и аналогичных оттисков, поставленных перпендикулярно к первым (рис.107, 3). Двенадцать фрагментов от одного сосуда с овальным срезом и рядом ямок под ним, со штриховкой внутри, а в качестве узора – сочетание длинных и коротких отпечатков зубчатого

штампа. Следующую орнаментальную композицию представляют сочетания «шагающей» гребенки. Один венчик с жемчужинами, зубчаткой на внутренней стороне среза, штриховкой зубчатым штампом внутренней поверхности и 5 стенок от него представлены горизонтальными рядами «шагающей» гребенки (рис.109, 1). Аналогичный узор на 13 боковинках от одного сосуда (рис.109, 3) и на 20 черепках от разных, причем в одинаковых вариантах. Есть плотнопоставленные горизонтальные ряды высокой гребенки с узким шагом (рис.109, 4), а есть разреженные (рис.109, 3). Встречен венчик, где «шагающая» гребенка расположена вертикально (рис.109, 2), как и на 4 стенках от другого сосуда с большим пространством и со штриховкой внутри. Один сосуд (видимо, с уплощенным дном) орнаментирован плотными горизонтальными рядами изогнутой «шагающей» гребенки (рис.109, 8). К этому варианту допустимо отнести еще 12 фрагментов от 2-3 сосудов.

В коллекции обнаружено 5 обломков от разных сосудов придонных частей. Примечательно, что они имеют скорее всего коническую форму (рис.110, 4, 5-9). Украшены эти экземпляры горизонтальными рядами короткого изогнутого штампа, что дополнительно наводит на мысль об их архаизме. Кроме них, встречено 16 обломков плоских днищ разного диаметра и толщины. Два сосуда украшены короткими зубчатыми оттисками (рис.110, 10), 12 обломков несут отпечатки среднего штампа (рис.110, 1-3), а два днища – длинного (рис.110, 6).

Помимо вышеописанной керамики с зубчатыми отпечатками выделяется немногочисленная, но четкая группа посуды с оттисками гребенчатого штампа. Она отличается от первой толщиной черепков, которая колеблется от 0,8 до 1,4 см, в среднем составляя 1,0 см. Посуда изготовлена из глины с примесью шамота. Обе поверхности сосудов заглажены мягким предметом. Два венчика от прямостенных горшков имеют округлый срез с орнаментом на внутренней стороне (рис.119, 1) или плоскоскошенный (рис.119, 2). Днище от одного крупного сосуда округлое (рис.119, 6). Узор нанесен по

всей поверхности густо без промежутков крупным зубчатым штампом в основном длинным (рис.120, 1), средним (рис.119, 3), а для бордюрной зоны (рис.119, 1), разделителей (рис.120, 2) и придонной части (рис.119, 6) короткими отпечатками. Орнаментальные композиции представлены треугольниками (рис.120, 1) горизонтальными рядами прямопоставленных оттисков, разделенных горизонтальным зигзагом (рис.119, 3; 120, 5), короткими наклонными отпечатками (рис.120, 3), рядами длинных оттисков гребенки (рис.119, 2, 5), плетенкой (рис.120, 4), вертикальным зигзагом (рис.119, 4). Вышеперечисленные признаки характерны для камской неолитической культуры, расположенной севернее и северо-восточнее сокского микрорайона. Сходная посуда представлена на стоянках Лебяжье II на р. Большой Черемшан в Ульяновском Поволжье [Буров, 1980], на памятниках Нижнего Прикамья – Лебедино II [Халиков, 1969], Дубовогривская II [Габяшев, 2003], на Муллино II на р. Ик [Матюшин, 1996], на Давлеканово на р.Дёме [Матюшин, 1982]. Этот комплекс отражает проникновение отдельных групп населения камского типа на более южную территорию.

Следующую группу керамики составляют фрагменты, орнаментированные в виде ногтевидных насечек, нанесенных, возможно, ракушкой *Unio*. Представлены мелкие (рис.111, 8), средние (рис.111.7) и крупные (рис.111, 5) оттиски. Но нанесены они на сосуды одинаковых параметров: черепки с примесью песка, толщина фрагментов 0, 7-1,0 см, цвет светло-коричневый и серый, штриховка зубчатым штампом на внутренней стороне сосудов отсутствует. Вышеописанные признаки в целом совпадают с характеристикой посуды, украшенной коротким изогнутым зубчатым штампом. Аналогичны и формы сосудов: прямостенные (рис.111, 2, 3) или чуть закрытые (рис.111, 1). Две придонные части от приостренных форм (рис.111, 9-10). Выделено 12 венчиков от 9 разных сосудов, под срезами которых проходит ряд ямочных вдавлений. Сами срезы овальные (6 экз.) (рис.111, 1), плоские (1экз.) (рис.111, 3), плоскоскошенные (1экз.) (рис.112,

2). Узор состоит из горизонтальных рядов средних или крупных (рис.111, 2) насечек. К этой группе рисунка относятся 60 стенок с крупной насечкой, 35 из них плотнопоставленные, а еще 25 несколько разреженные. Еще 21 боковинка с тем же узором из плотнопоставленных мелких насечек (рис.111, 8). Вторую композицию представляют 9 венчиков от 7 сосудов. Они либо прямостенны, либо прикрыты. У шести сосудов под срезом проходит ряд ямочных вдавлений. Еще один сосуд с аналогичным узором имеет ряд «жемчужин» и зубчатую штриховку на внутренней стороне сосуда (рис.112, 2). Композиция представляет собой горизонтальные ряды вертикального зигзага (рис.111, 1, 3). К этой группе примыкают 18 боковинок из крупных насечек (рис.111, 5) и столько же черепков с мелкими (рис.111, 6, 7). Шесть венчиков от двух сосудов с рядом ямок под срезом представляют еще одну композицию. Срезы овальные и плоские, а еще один с плоским имеет зубчатую штриховку внутри. Узор состоит из вертикальных рядов насечек (рис.111, 4). Два венчика – от одного сосуда с двойным рядом жемчужин под срезом, который несет зубчатые отгибки (рис.112, 1). Одна боковинка имеет узор из горизонтального ряда длинных насечек, разделенных наклоннопоставленными рядами мелких насечек и наколов (рис.112, 4). Насечками нанесена еще одна композиция – «шагающая». Пять черепков от разных сосудов несут вертикальные ряды плотнопоставленных рядов (рис.112, 5). Еще 4 фрагмента от разных сосудов, имеют на внутренней стороне штриховку зубчатым штампом и вертикальные разреженные ряды (рис.112, 3). Еще три боковинки от разных сосудов характеризуются горизонтальными рядами (рис.112, 6). Примечательно, что все вышеописанные композиции, вплоть до их расположения, нанесенные насечками, повторяют узоры из короткого изогнутого зубчатого штампа. В этом отношении показателен сосуд из 37 фрагментов, украшенный вертикальным зигзагом из коротких насечек и короткого зубчатого штампа, отличить которые друг от друга порой весьма затруднительно (рис.112, 7).

Обращает на себя внимание венчик с двойным рядом «жемчужин» под срезом, который украшен зубчатыми оттисками (рис.112, 1), придающими торцу гофрированный характер. Нельзя исключать, что данный экземпляр может относиться к более позднему времени, чем основная часть вышеописанной посуды.

Следующая группа характеризуется накольчатым способом нанесения орнамента. Это фрагменты светло-коричневого или серого цвета с примесью песка в глиняном тесте. Толщина фрагментов колеблется от 0,5 см до 1,0 см, с преобладанием 0,7-0,8 см. Внешняя и внутренняя поверхность заглажены мягким предметом и лишь изредка внутри видны следы штриховки. Десять венчиков от прямостенных сосудов имеют округлый (рис.113, 6) – 5 экз., плоский (рис.113, 4) – 3 экз. или плоскоскошенный (рис.114, 1) срез с насечками. Только у одного из них на внутренней стороне следы штриховки. Зато 9 экземпляров под срезом имеют ямочный пояс, а на одном – «жемчужный» (рис.113, 6). Композицию составляют горизонтальные ряды наколов в технике отступающей палочки. Шесть венчиков украшены треугольными (рис.113, 4), а четыре овальными (рис.113, 6) наколами. Кроме венчиков к этому типу композиции допустимо отнести боковинки. Тридцать экземпляров (лишь один с внутренней штриховкой) украшены плотными рядами наколов треугольной формы (рис.115, 1), а еще 20 с пробелами (рис.118, 1, 2); 16 черепков с подовальными наколами, а еще 8 с подквадратными. Вторую композицию представляют 7 венчиков (один со штриховкой внутренней поверхности) с округлым (рис.113, 3) – 3 экз., плоским (рис.113, 1) – 1 экз. и плоскоскошенным (рис.113, 5) срезом – 2 экз. У трех под срезом ямочные вдавления (рис.113, 5), а еще у трех «жемчужины» (рис.113, 1, 2). Все эти венчики украшены наклонными рядами треугольных наколов в отступающей манере. К ним примыкают 10 боковинок с аналогичной композицией. Другие четыре венчика с ямками, округлым (1 экз.), плоским (2 экз.) и гофрированным (рис.114, 3) срезами. Последний экземпляр может быть более поздним по сравнению с

остальными. Еще три венчика (все со штриховкой внутренней поверхности и с рядом ямок под срезом) имеют округлый или плоский (рис.113, 8) срез. Два экземпляра орнаментированы подквадратными (рис.113, 8), один – подтреугольными наколами в виде пересекающихся вертикальных рядов. Семь венчиков от трех сосудов с округлым или плоским (с насечкой) срезами и рядом ямок под ними орнаментированы треугольным наколом в виде сочетания горизонтальных и диагональных рядов (рис.114, 5). В единичных проявлениях на венчиках представлены вертикальный зигзаг из скобковидных (рис.114, 1) или спаренных наколов, треугольник (рис.113, 2). Следует обратить внимание на два венчика от разных сосудов. Первый имеет на внутренней стороне загладку (зубчатым?) инструментом и орнаментирован узким овальным наколом, порой переходящим в прочерк. Как по этим признакам, так и по самой композиции (рис.114, 4) данный экземпляр находит ближайшие аналогии в керамике 3-его слоя стоянки Варфоломеевка. Единственное отличие – примеси в глиняном тесте, но и на южных памятниках ракушка представлена не как искусственная добавка, а естественная составляющая. Второй венчик профилированный, а по срезу проходит насечка, то есть эти признаки характерны для елшанской посуды. В то же время сосуд покрыт наколами треугольной формы (рис.114, 2). Еще три венчика от разных сосудов интересны сочетанием наколов и гребенчатых отпечатков (рис.116, 1, 2). В этом плане надо упомянуть и фрагмент сосуда, на котором сочетаются спаренные наколы (столь характерные для среднедонской культуры) и оттиски короткого зубчатого штампа, в том числе и «шагающего» (рис.116, 5).

Среди фрагментов с накольчатой орнаментацией обнаружено два днища конусовидной или округлой формы (рис.117, 6, 7) и еще один обломок сочетает наколы и насечки (рис.117, 8). Кроме них, обнаружено 6 обломков плоских днищ (рис.117, 1-5), одно из которых украшено наколами скобковидной формы, очень схожей со среднедонской манерой (рис.117, 4). Оставшиеся фрагменты более толстостенные. Четырнадцать боковинок от

одного сосуда украшены овальными наколами в виде вертикального зигзага (рис.118, 3). Еще 3 фрагмента от разных сосудов с треугольными наколами. К этой орнаментальной композиции относится еще 14 черепков (12 с треугольными и 2 с овальными) от разных сосудов (рис.115, 1). Семь черепков от одного сосуда орнаментированы треугольными наколами в виде тройных пересекающихся рядов (рис.115, 2). Близки этому узору еще 8 фрагментов от другого сосуда, на котором треугольные наколы нанесены более плотно (рис.115, 4). Данное расположение мотивов напоминает узоры, выполненные гребенчатым (длинным) штампом. Семь боковинки от разных сосудов, имеющие на внутренней поверхности загладку зубчатым инструментом, орнаментированы треугольным – 3 экз. (рис.118, 2) или овальным – 4 экз. – наколом в виде горизонтальных, наклонных, диагональных или пересекающихся рядов. Данная посуда имеет некоторое сходство с керамикой более южных областей типа Варфоломеевской стоянки [Юдин. С.434-435, рис.27, 28]. К ним примыкают еще 7 фрагментов от разных сосудов, но без штриховки, украшенные треугольным (рис.118, 2), овальным (рис.118, 6) и подквадратным (рис.118, 5) наколом по узорам также сходным с нижевожскими [Юдин. С.439-442, рис.32-35]. Единичен фрагмент с «косой решеткой», выполненной треугольными наколами. Интересно, что аналогичная композиция представлена в исполнении прочерками и гребенкой. В этой связи любопытен фрагмент, на котором сочетаются треугольные и оральные наколы (рис.117, 6) и наколы с прочерками (рис.116, 4).

На II Большераковской стоянке основание культурного слоя содержало около 20 сосудов из илистой глины профилированной (рис.55, 1-2, 4; 56, 3) и прямостенной формы (рис.55, 5, 9) светло-коричневого цвета. Толщина фрагментов колеблется от 0,5 до 0,9 см. Срезы венчиков округлые, реже плоские. На некоторых стенках сосудов имеются просверленные отверстия (рис.55, 8; 56, 1). У серии сосудов под венчиком проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений или выпуклин (рис.55, 5-7; 56, 3). Часть сосудов без

узоров (рис.55, 1-4), а оставшиеся украшены в технике прочерка (рис.55, 7) и разреженного накола (рис.56, 2, 4). Узоры представлены горизонтальными рядами, сеткой, рядами треугольников, заполненных либо прочерками, либо наколами (рис.55, 7-8; 56, 1-5). Один прямостенный, неорнаментированный, плоскодонный сосуд имеет лишь горизонтальный ряд ямочных вдавлений под срезом венчика. На этом же памятнике обнаружена небольшая по численности группа керамики, украшенная как накольчатой (рис.57, 1-6, 8-9, 11), так и гребенчатой (рис.57, 7, 10, 12) техникой.

Одним из наиболее выразительных комплексов этой серии являются материалы стоянки Ильинка. На площади раскопа в 320 кв.м обнаружено около 80 сосудов с примесью песка в глиноподобном тесте. Керамика плотная, толщина стенок 0, 6-1,2 см, но доминирует 0, 6-0,9 см., внешняя поверхность сосудов заглажена. Верхние части сосудов профилированы (рис.60, 1-4, 6), прямостенны (рис.61, 1-2, 5-7; 62, 1; 63, 9) или чуть прикрыты (рис.60, 5; 63, 1-2). Срезы венчиков округлые или плоские. Днища плоские, иногда слабо вогнутые (рис.62, 3-4; 63, 5, 11). Интересно отметить, что в раскопе 1987 года острых и округлых днищ не обнаружено. При раскопках 1999 года помимо двух плоских днищ было найдено два острых и одно округлое (рис.62, 2) дно. Зачастую по срезам венчиков расположены насечки (рис.61, 6; 62, 8, 13). Но наиболее примечательно, что один неорнаментированный сосуд по срезу венчика украшен зубчатым штампом (рис.61, 4). Этот же сосуд, как и еще один несут на внешней поверхности загладку зубчатым инструментом (рис.61, 5). В этой связи необходимо отметить, что на другом неорнаментированном сосуде есть отпечатки короткого зубчатого штампа с внутренней стороны сосуда (рис.61, 7). Значительная часть сосудов под срезом венчика имеет горизонтальный ряд ямочных вдавлений, образующих по внутренней поверхности выпуклины (рис.61, 1, 7; 62, 5, 6, 8, 10-13; 63, 1, 3, 4, 6). На профилированных венчиках ямочного ряда либо нет (рис.61, 2), либо ямки нанесены с внутренней стороны сосуда (рис.60, 3, 6). Преобладает посуда (25 экз.), украшенная

наколами треугольной (15 экз.) или овальной формы, нанесенными преимущественно в отступающей манере. Композиции весьма просты: горизонтальные или вертикальные (порой их сочетание) ряды наколов (рис.62, 7-14). Вторая по численности группа сосудов (16 экз.) украшена лишь горизонтальным пояском ямочных вдавлений под венчиком (рис.61, 1, 4-7). Одиннадцать сосудов орнаментированы прочерченными линиями в виде наклонных рядов или «косой решетки» (рис.62, 1, 5-6). Следующая группа (10 экз.) украшена коротким изогнутым зубчатым штампом. Композиции представлены горизонтальными рядами, вертикальным зигзагом, «шагающей» гребенкой (рис.63, 1-10). Имеются сосуды, украшенные ногтевидными насечками (рис.63, 12, 14). На трех сосудах техника накола сочетается с зубчатой (рис.63, 13, 15, 16), а на одном еще и с прочерками. Вышеописанная посуда, по мнению А.Е.Мамонова, составляла единый культурно-хронологический комплекс. Поэтому коллекция каменных изделий рассматривалась суммарно.

Кремневый инвентарь памятника насчитывает 376 экземпляров изделий, изготовленных из однородного сырья. Среди 12 нуклеусов преобладают одноплощадочные — конусовидной или призматической формы (рис.64, 1-2). Пластины по отношению к отщепам составляют около 20%. Из 70 орудий 40 изготовлены на ножевидных пластинах. Среди изделий преобладают скребки концевого типа на отщепах (рис.64, 3-4), продольных сколах (рис.64, 5), пластинах (рис.64, 6-7). Имеются симметричные острия (рис.64, 9-10), резцы на углу сломанной пластины (рис.64, 8, 11, 12), разнотипные наконечники стрел (рис.65, 1-5), рубящее орудие как с оббивкой, так и с пришлифовкой (рис.65, 7). Необходимо отметить, что определенные технико-типологические различия между профилированной или прямостенной неорнаментированной керамикой (рис.60, 1-7), с одной стороны, и посудой, украшенной гребенчатым штампом, в том числе «шагающей» гребенкой (рис.63, 1-10) с другой стороны, вызывали сомнения в гомогенности данного комплекса.

Не менее значим еще один памятник – стоянка Лебяжинка V, где обнаружено 272 фрагмента неолитической керамики. По способу нанесения орнамента керамика данной стоянки подразделяется на несколько групп.

В первую группу входит 77 фрагментов (43 венчика и 34 стенки) толщиной от 0,4 до 0,7 см. Преобладают прямые венчики (рис.72, 3-7), хотя в единичных случаях встречены профилированные (рис.72, 1, 8) и прикрытые (рис.72, 2). По срезу венчика на части сосудов нанесены насечки (рис.72, 3, 5) или ямчатые вдавления (рис.72, 6-7). Ведущим элементом декора является горизонтальный пояс ямок под срезом венчика с негативами – «жемчужинами» изнутри (рис.72, 2, 5, 8) или снаружи (рис.72, 3, 4, 5, 7). Необходимо отметить, что венчики с ямочными вдавлениями имеют примесь песка, а сосуды с выпуклинами в один или два ряда кроме песка содержат примесь мелкотолченой раковины пресноводных моллюсков. К этой группе, видимо, относится острое дно (рис.72, 9). Единично встречаются сверлины на тулове сосуда (рис.72, 1).

Вторую группу составляют 116 черепков, толщиной 0, 5-0,8 см, среди которых 18 фрагментов венчиков от 12 сосудов. Семь сосудов с примесью песка несут ямочные вдавления (рис.74, 1, 3-9), а четыре сосуда (с примесью ракушки) имеют выпуклины (рис.74, 2). Судя по трем придонным частям можно предположить округло-уплощенность. Имеется экземпляр слабовогнутого плоского дна (рис.74, 11). Орнаментация — преимущественно зубчатая (рис.74, 1, 3, 6-9). Реже встречается гребенчатый штамп (рис.74, 4). Композиции представлены вертикальным зигзагом (рис.74.1-3), наклонными рядами (рис.74, 4-9), «шагающей» гребенкой (рис.72, 14; 74, 10). На части стенок с внутренней стороны прослеживается загладка зубчатым штампом.

Третья группа (23 венчика и 22 стенки) по примесям в глиняном тесте, толщине стенок, форме верхних частей сосудов и наличию «ямочно-жемчужного» пояса аналогична двум первым. Выделяется она по технике нанесения орнамента — накола: отдельно (рис.73, 16) и в отступающей

манере (рис.73, 12-14, 17-21). Наколы треугольные (рис.73, 17, 20, 21), овальные (рис.73, 14, 18) и подпрямоугольные (рис.73, 12). Найдено плоское дно с наколами. Композиции в основном просты (рис.73, 13-21). Обращает на себя внимание один сосуд с более сложным узором (рис.73, 12).

Еще одна группа (7 венчиков и 17 стенок) полностью идентична описанным. Но украшена ногтевидными насечками, выстроенными в горизонтальные ряды (рис.73, 1-3, 6) или «елочкой» (рис.73, 4, 8). На одном сосуде раковиной нанесены «шагающие» ряды (рис.73, 11). К этому комплексу примыкают два днища. Первое плосковогнутое (рис.73, 5), а второе коническое (рис.73, 10). На одном фрагменте расположены насечки и оттиски гребёнки (рис.73, 9). Семь фрагментов от трех сосудов орнаментированы ямочными вдавлениями в виде горизонтальных рядов или зигзага (рис.72, 12-13). Два венчика орнаментированы прочерченными линиями (рис.72, 10-11). Примечательно, что в этих группах керамики присутствуют плоские днища, что еще раз подчеркивает единство всего комплекса. На данном памятнике обнаружены другие инокультурные и одновременные находки. Поэтому характеристика кремневого инвентаря (в котором присутствует явно поздние типы орудий) затруднительна с точки зрения его четкой привязки к неолитическому комплексу.

Относительно «чистым» памятником можно считать коллекцию стоянки Лебяжинка I, так как здесь найден энеолитический материал, типологически резко отличный от неолитического. По сравнению с керамикой вышеописанных памятников посуда данной стоянки менее прочная. Видимо, это объясняется примесью толченых раковин пресноводных моллюсков. Всего обнаружено 140 сосудов, из которых 86 без орнамента. В качестве украшения присутствует ряд вдавлений под венчиком. Причем по сравнению с другими памятниками здесь преобладают именно выпуклины с наружной стороны, порой в два ряда. Зачастую украшен не только срез венчика, но и его внутренняя часть. Сосуды прямостенные, с плоским дном. Днища больших диаметров и не орнаментированные, что отличает эту керамику от

посуды других стоянок. Кроме того, как для этой группы посуды, так и для других выделенных здесь же присуща частичная загладка внутренней поверхности зубчатым штампом. Вторую по численности группу представляют сосуды орнаментированные зубчатым (рис.93, 3, 4, 5) или гребенчатым (рис.93, 1, 2, 6) штампами. По технологии изготовления они не отличаются от вышеописанной. Узор нанесен иногда как по срезу венчика (рис.93, 6), так и внутри его (рис.93, 3). Орнаментальные композиции данной керамики состоят из горизонтальных рядов зубчатого штампа (рис.93, 5), вертикального зигзага (рис.93, 3, 4), наклонных рядов (рис.93, 6). Большой процент орнаментирован рядами «шагающей» гребенки (рис.93, 1, 2). Десять сосудов, аналогичные по технологии изготовления предшествующей, украшены наколами треугольной (рис.94, 2, 6, 7) и подквадратной (рис.94, 1, 3, 5) формы в отступающей манере. Чуть меньше сосудов, несущих на поверхности ямочные (рис.95, 5) и ямчатые (рис.95, 2, 3) вдавления. Не выбивается из этой серии разновидность сосудов с узорами из ногтевидных насечек (рис.95, 1). Каменный инвентарь, изготовленный из кремня серого цвета, очень скуден – 192 экземпляра. Разделить его на хронологические группы не представляется возможным.

Материалы еще одного памятника в данном районе стоянки Красный Яр VII, исследованной под руководством А.А.Ластовского, находятся в стадии обработки и осмысления. Поэтому, с любезного разрешения автора раскопок, позволим себе лишь предварительную краткую характеристику находок. Помимо энеолитических материалов, здесь обнаружены фрагменты керамики разной толщины с примесью песка в глиняном тесте. Внешняя поверхность сосудов заглаживалась мягким предметом, а иногда зубчатым инструментом (рис.68, 2; 69, 3). Основная часть сосудов имеет прямостенную форму (рис.67, 1, 3), хотя в ограниченном числе встречены и профилированные (рис.66, 2; 67, 5, 9). Срезы венчиков порой несут насечки (рис.67, 2, 8). А под ними иногда проходит ряд ямочно-жемчужных вдавлений (рис.66, 1; 67, 3, 8, 10; 68, 1-4; 69, 1-5; 70, 1). Днища плоские (рис.70, 2) и конические (рис.66, 7-

8). Сосуды либо не имеют узоров (рис.67, 5-6), либо с ямочно-жемчужным пояском (рис.67, 3, 11; 69, 3; 70, 1), с разреженными наколами треугольной формы (рис.66, 2-4, 6), в сочетании с точечными вдавлениями (рис.66, 5, 7, 8), с прочерками (рис.66, 1; 69, 2), с косой решеткой (рис.67, 4), с насечками (рис.70, 2), с ямками (рис.69, 4). Часть сосудов украшена в технике «отступающего» накола треугольной (рис.68, 3-5; 69, 5), подквадратной (рис.68, 2; 69, 7), овальной (рис.69, 6, 8) формы. Создается предварительное впечатление, что вышеописанная керамика неодновременная.

Суммарная характеристика каменного инвентаря стоянки Красный Яр VII характеризуется отщепово-пластинчатой техникой расщепления. Нуклеусы призматические (рис.13, 1). Резцы либо на углу пластины (рис.13, 2-3), либо многофасеточные на отщепах. Скребки концевые на пластинах и округлые на отщепах (рис.13, 4-6). Острия симметричные или чуть скошенные (рис.13, 7-8). Достоверно к данному комплексу относятся пластинчатые наконечники стрел с черешком (рис.13, 9-11). Деревообрабатывающие инструменты представлены долотами и теслами (рис.13, 12).

На правобережье верховьев р.Суры находки неолитической поры были известны еще в первой половине XX в. благодаря изысканиям краеведа И.Н.Спрыгиной [Халиков, 1969. С.72]. Наиболее представительны материалы поселения у озера Ерня [Выборнов, Третьяков, 1988. С.8; 82]. Вновь обратившись к обработке этих коллекций, В.В.Ставицкий выявил интересные детали. Как в группе с накольчатой, так и с гребенчатой орнаментацией представлены плоские днища. Обнаружены черепки, на которых сочетались обе системы нанесения узоров [Ставицкий, 1992. С.27-75]. Этот комплекс (рис.157) находит ряд несомненных параллелей с керамикой гребенчато-накольчатого типа на памятниках лесостепного Заволжья, типа Лебяжинки IV. Более информативной оказалась стоянка Подлесное III, на которой обнаружено около 100 фрагментов толщиной 0, 6-0,9 см с примесью песка, шамота и охристой крошки. Прямостенные сосуды украшены зубчатым (рис.153, 3-5, 10) или гребенчатым (рис.153, 1, 6, 8)

штампом. Лишь один фрагмент орнаментирован в технике «отступающей палочки» овальной формы (рис.153, 7). Кремневый инвентарь представлен 17 отщепами, 15 ножевидными пластинами, скребками, резцами на углу пластины и обломком наконечника стрелы (рис.153, 9, 11-13). Один обломок неорнаментированного плоского дна отличается от остальной посуды по технологии изготовления и является инородной примесью.

В этом же районе, севернее этого памятника, – на поселении Подлесное IV вскрыто 300 кв. м и получена представительная коллекция эпохи неолита [Выборнов, Третьяков, 1984. С.32-49]. Из 1800 фрагментов выделено около 30 прямостенных, округлодонных сосудов с примесью шамота и охристой крошки, толщиной от 0,6 до 1,2 см, внешняя поверхность заглажена. Под венчиком у значительной части сосудов расположен ряд ямочных вдавлений, оставляющих на внутренней стороне выпуклины (рис.155; 156, 1-4, 6). Подавляющее большинство фрагментов были украшены коротким (рис.155, 3; 156, 2, 5) или длинным гребенчатым штампом (рис.155, 2, 4; 156, 1, 3-4, 6) и их сочетанием (рис.155, 1, 5). Лишь 80 фрагментов не имеют узора, но они могли относиться и к сосудам вышеописанной группы, так как на ряде сосудов есть большие неорнаментированные пространства.

Нельзя не упомянуть и о нескольких обломках сосудов с наколами [Выборнов, Третьяков, 1988. С.67, рис.17, 8-10]. К сожалению, еще около 1400 фрагментов с данного поселения относятся к более позднему времени. В связи с этим очень сложно распределить кремневый инвентарь на две хронологические группы. Поэтому можно дать лишь суммарную характеристику. Около 700 отщепов и лишь 9 пластин. Из 70 скребков большинство на отщепах случайной формы. Единичны округлые и подпрямоугольные очертания. Наконечники стрел и копий представлены листовидной, ромбической, треугольно-черешковой и с усеченным основанием формы. Ножи прямолезвийные и саблевидные. Исследователи обращали внимание на то, что часть из этих типов орудий (подпрямоугольные скребки, ромбические и листовидные наконечники;

саблевидные ножи) появляется уже в неолитическое время [Выборнов, Третьяков, 1984. С.39-41]. В определенной мере с этой позицией солидаризируются и другие специалисты [Ставицкий, 1999. С.103]. Авторы исследований отмечали двоякий характер керамического комплекса этой стоянки. С одной стороны присутствуют признаки камской культуры, а с другой есть характерные черты памятников лесостепного Поволжья. Последнее, видимо, не случайно: стоянка Подлесное IV находится практически на одной широте с бассейном р. Самары.

Западнее бассейна р. Суры, на правом берегу р. Мокши раскопом около 60 кв.м исследована Потодеевская стоянка [Третьяков, 1982. С.73-76]. Из 300 фрагментов около 200 лишены орнамента. Около половины из них (происходящие из сборов с поверхности), включая 2 венчика и 2 плоских днища, явно неолитического возраста. Оставшиеся относятся к средним и нижним частям, включая одно округлое и одно уплощенное днища сосудов, украшенных в накольчатой технике. Венчики прямые (рис.167, 3, 5) или профилированные (рис.167, 1, 2, 4). Лишь на двух под срезом проходит ямочный ряд (рис.167, 3, 5). Подавляющая часть фрагментов орнаментированы треугольными наколами в отступающей технике (рис.167, 1-7, 9, 12). Два черепка от разных сосудов несут отпечатки гребенчатого штампа (рис.167, 2, 8, 11). Обращает на себя внимание залощенность и профилированность ряда сосудов.

Каменный инвентарь представлен матовым кремнем белого цвета. Находки представлены 11 отщепами, 8 пластинами, пятью скребками округлого и концевого типов, резцом на пластине и обломком рубящего орудия (рис.167, 13-15).

В конце 80-х годов XX века, кроме концепции Н.Л.Моргуновой, оформилась и другая версия развития неолитического населения лесостепного Поволжья [Васильев, Выборнов, 1988]. Этому, несомненно, способствовали новые источники как на интересующей территории, так и в сопредельных областях.

Памятники елшанского типа были объединены в особую культурную группу с перспективой выделения самостоятельной археологической культуры. Авторы оговаривали, что памятники елшанского типа не представляют собой точной копии среднеазиатской модели, так как далеко не все компоненты аналогичны. Видимо, происходил процесс смешения пришлого и местного населения. Сходство в формах сосудов и других признаков исследователи трактовали близкими закономерностями появления первой керамики у населения сходного культурно-хозяйственного типа (присваивающие формы). Привлекать остеологические материалы стоянок Ивановка и Виловатое для обоснования наличия скотоводства у носителей елшанской культурной группы было бы опрометчивым, так как оба памятника не имели строгой стратиграфии, тем более содержали разнокультурные и разновременные комплексы: от раннего неолита до средней бронзы.

Помимо стоянок II Старо-Елшанская, Ивановская, Чекалино IV, Н.Орлянка II, где содержалась «классическая» елшанская посуда, появились памятники Красный Городок, Луговое III, II Большераковская, Максимовская, Виловатовская. Здесь керамика елшанской группы, сохраняя предшествующие черты, проявляла новые признаки: плоскодонность, примесь толченой ракушки, ряд ямочных вдавлений под венчиком, сочетание прочерков и разреженных овальных наколов. Были возможны два варианта объяснения: саморазвитие или внешний импульс. Для второго варианта было больше оснований, так как в степном Нижнем Поволжье были исследованы комплексы, содержащие данную совокупность признаков (за исключением ямочного пояса) уже в раннем неолите. Поэтому было сделано предположение о неоднородности елшанской группы и возможности выделения двух фаз в ее развитии. И если в 70-е годы территория, где располагались памятники елшанского типа, ограничивалась южной частью лесостепи (бассейн р. Самары), то благодаря открытию и изучению новых

стоянок зона их распространилась и на северную лесостепь вплоть до бассейна р. Свияги.

Что же касается памятников второй (накольчатой) и третьей (гребенчатой) групп, то И.Б.Васильевым и А.А.Выборновым также была выдвинута особая гипотеза. Внутри каждой из групп, как в южной части лесостепного Поволжья, так и в его северной зоне, были выделены хронологические подгруппы. Тем самым намечалась определенная и своеобразная линия развития этих комплексов, отличная от культур сопредельных территорий – Нижнего Поволжья и лесного Прикамья. В свое время О.Н.Бадер для различения гребенчатой керамики лесного Прикамья (камская культура) и накольчатой посуды Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья предложил обозначить последнюю «средневожской» [Бадер, 1981]. Этот термин был принят авторами данной версии. Он вмещал совокупность памятников накольчатого типа, расположенных как в лесостепном Заволжье, так и на юге лесной зоны Среднего Поволжья. При этом, исследователи отмечали локальные особенности в южной и северной частях лесостепи, в восточной и западной территориях. На материалах южной лесостепи был выделен особый тип гребенчатой керамики. Он отличался от лесной камской посуды, а схож с лесостепной днепро-днепровской [Васильев, Выборнов, Габышев, Моргунова, Пенин, 1980а. С.162-170]. Аналогичные комплексы были получены и в более северных районах (Лебяжинка IV), что позволило объединить их в одну группу со своими локальными особенностями.

Технико-типологический анализ обеих групп керамики показал их значительное сходство, что дало возможность авторам включить в понятие средневожской культуры и гребенчатые материалы.

Сложение этой культуры проходило на базе позднеелшанских комплексов. Накольчатая группа своими корнями восходит к степным нижневожским культурам, где данный набор признаков сформировался уже в раннем неолите. Гребенчатая группа имела автохтонный характер, тем

более что и на р. Сура (Подлесное III), и на р. Свияге (Кабы-Копры) представлены весьма архаичные памятники, по крайней мере, более древние, чем хуторской этап камского неолита [Выборнов, 1988].

Синкретический характер средневожской культуры и придавал ей особую специфику. Подтверждением этому служили материалы не только самарского, но и сокского (Ильинка) и свияжского (Лебяжье I) бассейнов, где хорошо представлены симбиотичные комплексы весьма архаичного типа. Они содержали елшанские, накольчато-прочерченные и зубчатые компоненты. Типологически архаичный инвентарь этих памятников позволил исследователям выделить их в ранний этап средневожской культуры. Её финал связывали с комплексом стоянки Лебяжинка I.

В 90-е гг. XX в. шло дальнейшее развитие представлений о соотношении елшанских и накольчато-прочерченных комплексов. Так, Н.Л.Моргунова в своих сводных работах уже не исключает параллельное развитие обеих традиций [Моргунова, 1995. С.23]. Более того, автор приходит к выводу, что наибольшее сходство обнаруживает керамика каиршакского типа с керамикой прочерченно-накольчатого, типа Ивановской и других стоянок Заволжья. Роль степного населения Нижнего Поволжья в появлении накольчатой традиции орнаментации в лесостепях Поволжья была довольно значительной [Моргунова, 1997. С.11]. Эти утверждения подтверждают концепцию И.Б.Васильева и А.А.Выборнова, но с одной существенной оговоркой: речь может идти лишь о плоскодонной посуде с прочерками и одинарными овальными наколами (то есть каиршакского типа), что и является характерной чертой 2-ой фазы елшанской культурной группы. «Классическая» накольчатая посуда джангарского типа не может быть составной частью елшанской культуры, ибо это уже иное качество, то есть другое новообразование.

Более глубоким представлением о неолите лесостепного Среднего Поволжья способствовали дальнейшие изыскания в сопредельных районах. Так, на правом берегу верховьев р. Суры – на поселении Подлесное VII

В.В.Ставицким вскрыто около 300 кв. м и обнаружены находки эпохи неолита. Среди них 130 фрагментов с примесью шамота и охристой крошки в глиняном тесте, толщиной 0,6-0,9 см; прямостенные сосуды с округлым срезом венчика, под которым порой расположен ряд ямочных вдавлений. Обломки днищ конусовидные и плоские. 72 фрагмента украшены накольчатой техникой с треугольной и овальной формой (рис.154, 1-2, 4-5, 7, 10). Нельзя исключать, что к этой же группе керамики относятся 38 черепков без орнамента. В керамике с гребенчатыми оттисками исследователь выделяет две разновидности. Первая сходна с накольчатой посудой и несет на себе отпечатки короткого зубчатого штампа (рис.154, 6), а вторая украшена длинными гребенчатыми оттисками, а порой и ямками [Ставицкий, 1997. С.13-15]. Один сосуд сочетает на своей поверхности насечки и треугольные наколы (рис.154, 3). Несколько фрагментов орнаментированны комбинацией прочерков (рис.154, 8, 9). Кремневый инвентарь представлен 160 отщепами и 30 пластинами, нуклеусы призматические и торцевые. Скрепки преимущественно концевые типа на отщепах (8 экз.) и пластинах (7 экз.) с округлым или скошенным рабочим лезвием. Три резца на углу сломанной пластины. Прямолезвийные ножи с односторонней обработкой по спинке на отщепах (2 экз.) и пластинах (3 экз.). Один обломок пластинчатого наконечника стрелы с противоположающей ретушью пера [Ставицкий, 1997. С.16-17]. При некоторых своеобразных особенностях керамического инвентаря этой стоянки, на которые обратил внимание В.В.Ставицкий, все же следует признать его наибольшее сходство с материалами типа Лебяжинки IV в лесостепном Заволжье. Не случайно, исследователь, проанализировав всю сумму неолитических материалов Верхнего Посурья, приходит к выводу о возможности выделения средневожской культурно-исторической области памятников накольчатой и накольчато-гребенчатой керамики [Ставицкий, 1999. С.23].

На левобережье Ульяновского Поволжья исследована стоянка Лесное-Никольское III [Вискалин, 1997]. Из 900 кремневых находок 750 составляют

отщепы, а пластин около 50. Около сотни орудий изготовлены на пластинах и отщепах с преобладанием последних. Скребки (22 экз.) концевого типа. 14 прямолезвийных ножей, два из которых на плитчатом кремне. Около десятка симметричных острий и чуть меньше резцов. Четыре рубящих изделия трапециевидной формы либо шлифованные, либо с двусторонней оббивкой. По 9 обломкам наконечников стрел все же допустимо их характеризовать как двустороннеобработанные и с выделенным насадом. Из 2,5 тысяч фрагментов керамики выделяется около 20 сосудов. А.В.Вискалин типологически выделяет две группы: накольчатую, составляющую подавляющее большинство (рис.135; 136, 1-2, 4-8) и 53 фрагмента с гребенчатой орнаментацией (рис.136, 3-5). По наблюдениям автора раскопок над планиграфией, допустимо говорить об одновременности этих двух комплексов [Вискалин, 1997. С.40]. Они находят аналогии в материалах стоянок Среднего Поволжья и датируются в рамках IV тыс. до н.э. [Вискалин, 1997. С.41].

Что же касается территории средневожской (накольчато-гребенчатой) культуры, то суждению Н.Л. Моргуновой о безосновательности включения сюда памятников правобережья р. Волги [Моргунова, 1997. С.13] противоречат материалы и выводы основного исследователя неолита Сурско-Мокшанского междуречья В.В.Ставицкого: территория Верхнего Посурья на протяжении всей неолитической эпохи входила в зону влияния лесостепных культур, в частности средневожской. Примокшанские племена подвергались определенному воздействию со стороны лесостепного населения (в том числе и средневожского), что отразилось как в накольчатых (Имерки), так и гребенчатых (Ковыляй) комплексах [Ставицкий, 1999. С.185; Хреков, Ставицкий, 2001. С.60]. Подвергая сомнению прямую генетическую связь елшанской культуры (или первого этапа волго-уральской) с накольчатыми комплексами, можно отметить весьма важный аспект появления накольчатой керамики в лесостепи. Если Н.Л.Моргунова отрицает миграцию населения и отдает приоритет

культурным связям и обмену информацией [Моргунова, 1997. С.14], то А.И. Юдину представляется возможным говорить о прямой миграции орловского населения, что нашло отражение в накольчатой керамике волго-уральской культуры. Автор подчеркивает, что волго-уральская накольчатая керамика и орловская более схожи между собой, чем орловская и родственные ей каиршакская и тентексорская, и это тоже свидетельствует о непосредственной миграции орловского населения в лесостепь [Юдин, 2001. С.62-63]. Здесь надо напомнить, что нижневолжские импульсы не ограничивались только этим, о чем свидетельствуют находки на Вилатовской стоянке типичной тентексорской керамики. Это придавало дополнительное своеобразие средневолжской культуре в разные периоды неолита. А.И.Юдин доказывает миграцию отдельных групп нижневолжского населения в лесостепное Поволжье, однако не включает эту территорию в границы орловской культуры. Следует затронуть и проблемы гребенчатой керамики как составной части лесостепного неолита. По мнению Н.Л.Моргуновой, определить место зарождения техники гребенчатого штампа вряд ли когда-либо представится возможным. Но думается, что исследователи, локализирующие это открытие в лесной зоне, ближе к истине. Техника гребенчатого штампа могла быть заимствована лесостепным населением у более северных культур. Это могло произойти не ранее развитого этапа местного неолита, который может быть синхронизирован с хуторским периодом неолита Прикамья. При этом на памятниках Самарского Поволжья нет данных, позволяющих говорить о переселении каких-то групп северного происхождения [Моргунова, 1995. С.42-43]. Кроме того, автор отмечает, что наибольшее сходство гребенчатая керамика из бассейна р. Самары обнаруживает в материалах левшинского типа в Прикамье, в то же время значительно отличаясь от последней формой сосудов, примесями, орнаментальными композициями. Еще больше отличий имеется в материалах хуторского типа [Моргунова, 1997. С.12]. Здесь мы наблюдаем некоторые противоречия. Если между гребенчатой керамикой бассейна р. Самары и

материалами хуторского типа столь значительные различия, то почему допускается заимствование лесостепным населением зубчатого штампа именно в этот период? Если от материалов левшинского типа гребенчатая посуда лесостепи отличается формой, примесями, орнаментальными композициями (а это - главные культуuroобразующие керамические признаки), то почему речь должна идти о лесной зоне как эпицентре влияния на бассейн р. Самары?

Во-первых, уже в конце 80-х гг. автор данной работы обосновывал более ранний, чем хуторской, этап камского неолита [Выборнов, 1988]. В дальнейшем с этим положением солидаризировались многие исследователи неолита Волго-Камья [Выборнов, Крижевская, 1988. С.71-75; Наговицын, 1988. С.73; Гусенцова, 2000. С.22; Мельничук, 2001. С.50]. Более того, ранненеолитические памятники с гребенчатой орнаментацией были обнаружены на границе леса и лесостепи (Кабы-Копры и Подлесное III). Поэтому появление гребенчатой традиции в лесостепном Поволжье вполне может фиксироваться не только в период хуторского этапа. Во-вторых, было бы не совсем корректно ориентироваться только на лесное Прикамье, так как гребенчатая керамика появляется в лесостепном Поднепровье и Подонье уже на ранних фазах неолита [Телегин, Титова, 1998. С.17; Гапочка, 2001. С.22-23]. Иначе говоря, все вышеперечисленные факты вполне допускают возникновение гребенчатой лесостепной традиции и ее появление в Среднем Поволжье ранее хуторского этапа и без каких-либо импульсов из лесного Прикамья. В то же время в материалах стоянок Ивановская, Вилатовская, Лебяжинка IV, Лебяжинка V, Ильинка и других представлены разные типологические группы гребенчатой керамики. Так, на стоянке Ильинка обнаружена типично лесостепная гребенчатая керамика в едином комплексе с накольчатой и позднеелшанской. Материалы именно этого памятника могут считаться эталонными для развитого этапа волго-уральской или раннего этапа средневожской культуры. Что же касается материалов стоянок Ивановская и Вилатовская на юге лесостепи и стоянок Лебяжинка

IV, на севере, то они содержат две группы зубчато-ребенчатой посуды, отчетливо различающихся типологически. Первая (прямостенные, средней толщины, плоскодонные, ряд ямок под венчиком, короткий слегка изогнутый зубчатый штамп, разреженность орнаментации, ограниченность композиций и т.п.) – типично лесостепная, восходящая к ильинской посуде (рис.63, 1-10), фиксирующая развитой этап на Лебяжинке IV (рис.106, 108, 110) и Виловатовской стоянке (рис.87, 88, 89-90, 92), и финальную фазу на Лебяжинке I (рис.93) и Ивановской стоянке (рис.99) средневожской культуры. Вторая (закрытой формы, толстостенная, округлодонная, без ямочного пояса, с длинным ребенчатым штампом, плотной орнаментацией, более разнообразными узорами) близка камской неолитической культуре на хуторском и левшинском этапах (рис.98; 119-120). Эти группы выделены не произвольно, а типологически. Достаточно сравнить ребенчатую посуду стоянок Лебяжинка I, Сергиевской стоянки (рис.121) и Чекалино IV (рис.122). Таким образом, динамика ребенчатой посуды в рамках средневожской культуры сочетает как эволюцию лесостепной традиции, так и сочетание с импульсами из лесного Прикамья на разных этапах развития. И последнее противоречие, на которое следует обратить внимание. Хронологические рамки волго-уральской культуры Н.Л.Моргунова определяет второй половиной VII тыс. до н.э. – до середины V тыс. до н.э. [Моргунова, 2000. С.56]. Отметим ряд моментов. Во-первых, начало энеолитической эпохи в степи и лесостепи исследователи определяют первой четвертью IV тыс. до н.э. Во-вторых, эти же специалисты связывают генезис прикаспийской и самарской культур со степными накольчатыми культурами и лесостепными ребенчато-накольчатыми, то последние должны бытовать до конца V тыс. до н.э. Поскольку все это соотносится с волго-уральской культурой, то время ее функционирования следует определить от середины VII тыс. до н.э. до конца V тыс. до н.э., то есть две с половиной тысячи лет. Такой феномен долгожительства требует объяснений, так как, по мнению специалистов, подавляющее большинство неолитических культур лесной,

лесостепной и степной зон определяются в пределах одной – полутора тысяч лет. Один из вариантов трактовки данного противоречия – разнокультурность и разновременность елшанских материалов и 2-3 этапов волго-уральской (средневожской) культуры.

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось появлением обобщающих работ, связанных с целым рядом проблем изучения неолита Волго-Камья [Выборнов, 1992; Моргунова, 1995; Никитин, 1996; Крижевская, 1996; Вискалин, 1999]. Не касаясь всей совокупности спорных аспектов, можно проиллюстрировать лишь два. Во-первых, памятники с накольчатой керамикой (так называемого щербетьского типа) выводились специалистами из четырех различных регионов: Поволжье, Подонье, Поднепровье и Верхняя Волга. Во-вторых, хронологические разработки исследователей различались до такой степени, что временной разрыв между памятниками с накольчатой посудой в южной лесостепи Поволжья и лесных регионов Среднего Поволжья достигал почти полутора тысяч лет. При таких существенных расхождениях решение главной проблемы – культурно-хронологического соотношения населения Волго-Камья в неолитическую эпоху – становилось крайне затруднительным.

Поэтому были продолжены поиски и раскопки неолитических памятников в регионах, которые оставались «белыми» пятнами на археологической карте Среднего Поволжья. Полученные материалы могли бы представить недостающие звенья и наметить пути решения ряда вышеуказанных противоречий.

В Среднем течении правобережья р. Мокши исследован ряд неолитических памятников, один из которых – Ковыляй I – наиболее представителен [Ставицкий, 1999. С.36-40; 83-91]. Автор исследования выделяет несколько групп керамики. В первую включено около 30 фрагментов без орнамента, среди которых представлены профилированные венчики (рис.177, 4, 5), часть стенок тонкие (0, 4-0,5 см) с тщательной заглаженностью внешней поверхности. Вторая подгруппа без лощения, более

толстостенна, присутствуют конические и округлые днища (рис.177, 1-3, 6, 7). У этих сосудов под срезом проходит ряд ямочных вдавлений. Узор нанесен наколами треугольной (рис.177, 2) или овальной (рис.177, 1) формы. Важно отметить наличие оттисков зубчатого инструмента (рис.177, 1). Композиции просты и сходны с орнаментами на посуде стоянки Утюж I в Среднем Посурье. В.В.Ставицкий, привлекая немногочисленные аналогичные материалы с других памятников Примокшанья, отмечает, что все это позволяет подойти к решению проблемы включения ряда сурско-мокшанских памятников в зону распространения керамических традиций средневожской культуры, поскольку появляется возможность постановки вопроса о сложении накольчатых памятников этой территории на местной подоснове, сходной с елшанскими древностями Самарского Поволжья [Ставицкий, 1999. С.24]. Вторая керамическая группа представлена 135 фрагментами от 10 сосудов с ямочным рядом под срезом венчика (рис.178). Часть из них тонкостенная, залощена, с округлыми днищами (рис.178, 4). Сосуды украшались треугольными (рис.178, 1, 2) или овальными наколами в отступающей манере (рис.178, 3). Третья группа состоит из 11 сосудов от 220 фрагментов, украшенных коротким зубчатым штампом (рис.179, 2, 3). Порой встречаются черепки, на которых сочетаются оттиски и наколы. К этой группе примыкают около 40 фрагментов керамики, орнаментированные насечками, схожими с отпечатками короткого зубчатого штампа (рис.179, 1), Примечательно, что встречены боковинки с загладкой зубчатым инструментами как внутренней, так и внешней стороны. Вторую подгруппу составляют 150 фрагментов, украшенных длинным гребенчатым штампом (рис.179, 4-8). Узоры состоят из рядов длинных и коротких оттисков (рис.179, 4, 7, 8), «шагающей» гребенки (рис.179, 5). Надо отметить, что сочетание коротких зубчатых оттисков и насечек характерно именно для памятников лесостепного Заволжья. Вторая подгруппа третьей группы посуды стоянки Ковыляй I сходна с двумя сосудами с гребенчатой орнаментацией на поселении Озимёнки II (рис.174, 1-7). Сходный сосуд

обнаружен в коллекции стоянки Подлесное IV (рис.156, 3). Вполне допустимо предполагать их переходный характер от комплексов типа Подлесное III к материалам развитого этапа.

На правом берегу низовьев р. Мокши на стоянке Широмазово III вскрыто около 250 кв.м и обнаружены находки неолитического периода [Вискалин, Выборнов, Ставицкий, 1999. С.55-71]. Помимо посуды ямочно-гребенчатого типа получены фрагменты с гребенчато-накольчатой орнаментацией. Поэтому кремневый инвентарь разделить по вышеуказанным группам керамики сложно. Примечательно, что отщепов 45 экземпляров, а пластин – 50. Видимо, большинство последних, а также пластинчатый наконечник с краевой ретушью по брюшку, резцы на углу пластины, концевые скребки на пластинах, симметричные острия и скобели на пластинах, относятся к посуде гребенчато-накольчатого типа, так как на стоянках с керамикой только ямочно-гребенчатого типа почти не встречаются. Из 200 фрагментов выделено 10 сосудов, у 6 из них под срезом проходит ряд ямочных вдавлений. Половина черепков орнаментирована коротким зубчатым штампом (рис.180, 4), другая – длинным гребенчатым (рис.180, 1, 8), 17 фрагментов сочетают эти техники, 7 несут насечки (рис.180, 6), около 200 украшены овальными или треугольными наколами в отступающей манере (рис.180, 3, 7), на одном сосуде этот прием использован вместе с гребенчатым (рис.180, 2), один венчик орнаментирован спаренными наколами (рис.180, 5).

Чуть западнее Примокшанья, в бассейне р. Вад на озере Имерка исследовано несколько памятников, где обнаружена неорнаментированная посуда, керамика с гребенчато-накольчатым узором эпох неолита. Материалы подробно введены в научный оборот [Выборнов, Третьяков, 1987; Выборнов, Третьяков, 1987а; Выборнов, Третьяков, 1991; Выборнов, Королев, 1994; Ставицкий, 1996; Выборнов, Третьяков, 1988; Ставицкий, 1999], поэтому данные о них будут привлекаться по мере необходимости в соответствующих разделах. Необходимо лишь кратко охарактеризовать

материалы стоянки Имерка VII, где обнаружены жилища, что способствовало увязке керамического и кремневого инвентаря. В раскопе 1984 г. площадью 84 кв.м была обнаружена часть остатков жилищного сооружения, где и концентрировалась основная масса находок. Первая керамическая группа (108 экз.) представлена прямостенными или чуть прикрытыми сосудами толщиной 0, 7-0,9 см преимущественно с ямочными рядами под венчиками (рис.184, 1, 2; 185, 2). Орнамент нанесен коротким зубчатым штампом (рис.183, 3, 7, 8; 184, 2; 185, 2). Несколько фрагментов несут отпечатки гребенчатого штампа (рис.183, 2, 9; 184, 1), схожего с пунктирным. Интересно отметить сочетание на некоторых фрагментах отпечатков зубчатого штампа и насечек [Выборнов, Третьяков, 1991. С.45, рис.2, 14; С.46, рис.3, 11]. Вторая группа керамики (71 экз.) по примесям, характеру обработки поверхностей, толщине фрагментов, форме венчиков не отличается от первой. Единственная разница – способ нанесения узора. Это наколы треугольной (рис.183, 10, 12; 184, 3) или овальной (рис.183, 11, 13-15) формы в отступающей манере. Два днища конусовидной формы (одно с насечками) скорее всего принадлежат к этой группе. Третью группу составляют неорнаментированные (116 экз.) черепки, которые допустимо разделить на три подгруппы. Первая (56 экз.) полностью аналогична двум вышеописанным. Вторая из 12 фрагментов с примесью органики и шероховатой внешней стороной посуды, скорее всего, инородная. Еще одна группа (46 экз.) толщиной 0, 6-0,7 см с тщательно заглаженными до лощения поверхностями включает два венчика с округлыми срезами и слабой профилированностью. До раскопок В.В.Ставицкого на этом же памятнике происхождение этой группы керамики было не ясно. Каменный инвентарь (1239 экз.) изготовлен из кремня в подавляющем большинстве серого и красноватого цвета. Сходные сорта представлены на памятниках с накольчатой керамикой на р.Суре и в Марийском Поволжье. Кроме 7 ядрищ дисковидной формы для получения отщепов обнаружено 14 нуклеусов конусовидной и торцевой формы (рис.186, 13). Отщепов в коллекции – 287, а

сечений ножевидных пластин 128. По ширине последние варьируют от 0,6 до 1,5 см с преобладанием 0,6–1,0 см. Пластины с ретушью (32 экз.) более широкие – 0,8–1,5 см. Ретушь наносилась преимущественно по спинке. Орудий выделено порядка 130 экземпляров. Из 22 скребков концевой формы лишь один со скошенным лезвием изготовлен на пластине (рис.186, 16), а остальные на продольных сколах (рис.186, 15), отщепах (рис.186, 14) и массивных сколах (рис.186, 18). Вторую по численности группу составляют резцы (11 экз.). В основном угловые на продольных сколах (рис.186, 10), пластинах (рис.186, 11, 12). Среди перфораторов есть симметричные (рис.186, 6, 7), с плечиками (рис.186, 8), скошенные (рис.186, 2, 3, 9). Пластинчатые наконечники стрел в целых формах имеют выделенный черешок (рис.186, 1, 4, 5) [Выборнов, Третьяков, 1991. С.54, рис.7, 3]. Два хорошо выраженных ножа на продольных сколах (рис.186, 17, 19). Нельзя не упомянуть обломок шлифованного рубящего орудия. В раскопе В.В.Ставицкого исследованы остатки жилищного сооружения. В нем было обнаружено 25 венчиков, 263 стенки и 3 конических днища. Одна часть фрагментов толщиной до 1 см, а другая с подлощенной поверхностью 0,5 – 0,7 см толщины. Верхние части сосудов слабозакрытые (рис.181, 1; 182, 2, 3) или профилированные (рис.181, 4; 182, 1). Среди небольшой части орнаментированной посуды представлены ямчато-точечные вдавления (рис.181, 2-3; 182, 2), наколы треугольной формы (рис.182, 1) и отпечатки двузубого штампа (рис.182, 3). По мнению В.В.Ставицкого, эта керамика, при определенном своеобразии, сходна с елшанской. Кроме того, автор сопоставляет ее с посудой Потодеевской стоянки. Подобное сходство, вероятно, является результатом некоторого хронологического единства – и обе группы керамики относятся к ранненеолитическому периоду, возможно, к его разным фазам [Ставицкий, 1996. С.94-95].

§ 2.4. Проблемы происхождения и синхронизации неолитических культур лесостепного Поволжья

На рубеже веков А.Е.Мамонов выделил самостоятельную елшанскую культуру, сформировавшуюся на местной мезолитической основе [Мамонов, 1999]. В её развитии исследователь проследил два этапа [Мамонов, 2000]. Наибольшее внимание привлекла атрибуция елшанской культуры, феномен которой сводится к чрезвычайно ранним определениям абсолютного возраста как по результатам радиоуглеродного определения (2 пол.VII тыс. – начало VI тыс. до н.э.), так и по спорово-пыльцевым анализам (бореальный период) [Мамонов, 2000а]. Это позволило специалистам высказать предположение о независимом юго-восточном центре керамического производства в Восточной Европе и его более раннем хронологическом положении по сравнению с юго-западом [Тимофеев, 2002. С.211-212]. По сути, эта версия подтверждает мнение А.Е.Мамонова, поскольку последний отрицает сходство елшанских материалов как с арало-каспийскими, так и азово-черноморскими культурами [Мамонов, 1999. С.36-38; 2000а. С.155-156]. Однако исследователи, признавая некоторые справедливые критические замечания А.Е.Мамонова, все же попытались продолжить разработку тех или иных положений. Этому способствовало появление материалов, отчасти сходных с елшанскими Волго-Уральского междуречья в Ульяновском Поволжье и Примокшанье, на Хопре [Хреков, Юдин, 2003; Сурков, 2004], Оке [Выборнов, Королев, Ставицкий, Челябинов, 2004]. На другом берегу р. Свияги исследована стоянка Усть-Ташёлка (Елшанка X), где обнаружено 25 венчиков от 20 сосудов, 226 стенок и 12 плоских днищ, изготовленных из илистой глины, толщиной 0, 7-0,8 см. Сосуды в основном профилированные (рис.127, 1-7, 9, 13). У трети на внутренней стороне прослеживается утолщение – наплыв (рис.127, 3-5, 7, 9). Две боковинки биконичные (рис.127, 10, 12). Подавляющая часть сосудов неорнаментированная. На двух точечные (рис.127, 3, 6), а еще на двух треугольные (рис.127, 10, 11) наколы. Два сосуда украшены гребенчатыми отпечатками (рис.127, 13). Примечательно,

что лишь на одном сосуде под срезом венчика расположены выпуклины (рис.127, 11). Среди 330 нуклеусов представлены торцевые, призматические и конусовидные. На пластинах изготовлено 57% орудий. Сечения пластин шириной от 0,8 до 1,5 см составляют 34% всех изделий, то есть 525 экземпляров. На 102 из них нанесена краевая ретушь в основном по спинке. Еще 267 пластин с ретушью А.В.Вискалин относит к категории ножей (рис.128, 11). Среди них интересен экземпляр с усеченным концом (рис.128, 12). Из 265 скребков 198 изготовлены из отщепов (рис.128, 16-18), 20 на пластинах (рис.128, 19-21). В основном это концевые типы, порой со скошенным лезвием. Около 50 отщепов имеют резцовый скол (рис.128, 15), а на углу сломанной пластины они единичны (рис.128, 14), как скобели и остря (рис.128, 9-10). Пластинчатые наконечники стрел иволистной (рис.128, 1) и черешковой (рис.128, 2-4) формы. Восемь геометрических микролитов представлены трапециями различных модификаций (рис.128, 5-8). Единичны вкладыши с подтеской брющка (рис.128, 13). Около 40 топоров и тесел с двусторонней оббивкой или шлифовкой имели прямоугольную или трапециевидную форму. Автор раскопок полагает, что керамический и кремневый инвентарь составляют единый комплекс, кремневый инвентарь находит аналогии в позднемезолитических-раннеолитических памятниках Приазовья, керамика сходна с посудой елшанского типа, время бытования памятника (путем синхронизации с культурами Балкан и Северного Причерноморья) определяется первой половиной V тыс. до н.э. [Вискалин, 2003. С.50]. Сразу же необходимо обратить внимание на примечательное отличие кремневого комплекса данного памятника от стоянок елшанского типа лесостепного Поволжья. Коллекция насчитывает свыше 6 тысяч предметов, из которых более 1,5 тысяч орудий и предметов с вторичной обработкой. Ни на одном памятнике елшанского типа в Заволжье такого не представлено. Исследователи стоянок Чекалино IV и Красный Городок подчеркивают, что их каменный инвентарь наиболее архаичен среди других пунктов [Мамонов, 1994. С.23; Кузьмина, Ластовский, 1994. С.44]. Но как на

них, так и на поселении Нижняя Орлянка II [Колев, Ластовский, Мамонов, 1994. С.60] орудия из пластин немногочисленны, единичны вкладыши. Отсутствуют и такие изделия как геометрические микролиты. И это при том, что данные памятники расположены значительно южнее Усть-Ташёлки и соответственно территориально ближе к степным культурам, в которых развит пластинчатый характер индустрии и микролитизм. Не может ли служить данное сравнение в пользу предположения о смешанном характере коллекции каменных изделий Усть-Ташёлки? Вполне вероятно примесь мезолитического возраста, что и придает архаизм облику комплекса в целом.

Неподалеку от Усть-Ташёлки расположена стоянка Елшанка XI. Здесь обнаружено около 400 фрагментов от 27 сосудов и около 400 кремневых изделий, из которых 60 орудий. Часть сосудов плоскодонная, профилированная, без орнамента. У некоторых лишь пояс ямочных вдавлений под венчиком. Один сосуд имеет перегиб в средней части, что сближает его с аналогичными формами на Луговом III и Усть-Ташёлке. А.В.Вискалин справедливо сопоставляет эту посуду с керамикой со стоянки Красный Городок и рассматривает их в качестве особой культурной традиции, характеризующей раннюю пору неолита Среднего Поволжья, датируя первой половиной V тыс. до н.э. [Вискалин, 2004. С.146]. Вторая группа керамики стоянки Елшанка XI украшена наколами, насечками, точечными и ямчатыми вдавлениями, отпечатками зубчатого штампа. В отличие от Усть-Ташёлки здесь почти не представлены нуклеусы. Лишь 18 предметов изготовлено из пластин, а около 40 из отщепов. Ассортимент орудий беден. Примечательно отсутствие наконечников стрел. Обнаружено два шлифованных топора, один из которых сходен с изделием на Ильинской стоянке. Исследователь полагает, что обе группы керамики и каменные изделия составляют культурно-хронологическое единство и атрибутирует их в рамках средневожской (волго-уральской) неолитической культуры [Вискалин, 2004. С.148]. Сразу необходимо отметить, что керамика с гребенчатым орнаментом на данной стоянке [Вискалин, 2004. С.152, рис.4, 3-

14] выглядит несколько инородной, поскольку не находит точных аналогов в неолитических комплексах Среднего Поволжья. Нельзя исключать, что и накольчатая керамика на данном памятнике является более поздней относительно неорнаментированной.

Таким образом, в конце 90-х гг. материалы, близкие к елшанскому типу, были обнаружены на верхней Свияге и в Примокшанье. Иначе говоря, они располагаются на правом берегу р. Волги, тем самым выводя елшанские комплексы за территориальные рамки волго-уральской культуры. Более того, по данным исследователей северной части лесостепного Поволжья, елшанские материалы подразделяются на две фазы (остродонная-плоскодонная), во-вторых, поздняя фаза стадильно близка к ранним накольчато-гребенчатым комплексам, а в-третьих, отсутствует прямая генетическая связь между ними [Вискалин, 2001. С.40-41]. Так, А.В.Вискалин, солидаризируясь с позицией А.Е.Мамонова о том, что елшанская керамика не имеет аналогов к юго-востоку от Заволжья, выдвинул иную версию. Опираясь на материалы стоянки Усть-Ташёлка на р. Свияге (с привлечением и заволжских комплексов), автор пытается доказать балканский характер происхождения елшанской керамической традиции [Вискалин, 2002. С.279-281; 2003. С.43-44, 50].

Первое, на что следует обратить внимание, разнородность посуды с Усть-Ташёлки. Так, ряд сосудов [Вискалин, 2003. С.51, рис.1, 10, 11, 23] по набору признаков выбивается из елшанских критериев. Это уже вызывает сомнение в культурно-хронологическом единстве коллекции. Во-вторых, некоторые признаки, которые, по А.В.Вискалину, следует считать развитыми (тем самым предполагать более молодой возраст елшанских древностей), например биконичность сосудов, не прослеживается в материалах восточной зоны (Ивановка, Чекалино IV). Что же касается этого признака на сосуде стоянки Ильинка, то он украшен насечками и органично входит в комплекс, который сочетает елшанские признаки и гребенчато-накольчато-прочерченные, то есть относится к средневожской культуре, более поздней,

чем елшанская. Иначе говоря, биконичность как поздний признак вряд ли возможно использовать для решения проблемы генезиса раннеелшанских материалов.

В этом плане существенна аргументация В.В.Ставицкого по поводу малой вероятности балканского импульса для формирования керамического производства елшанской посуды, так как эти признаки соответствуют лишь поздним этапам елшанской культуры [Ставицкий, 2004а. С.19-20, 22]. Аналогичное замечание можно высказать и по поводу такого показателя, как узор из прочерченных линий и одинарных наколов. Он действительно представлен в позднеелшанских материалах, но появляется уже на фрагментах стоянок Чекалино IV и Нижняя Орлянка, где сосуды биконической формы отсутствуют, нет плоских днищ, а сами памятники являются одними из самых ранних. Мог ли этот признак появиться на раннеелшанской посуде Заволжья? Ведь сам А.В.Вискалин доказывает начало контактов с культурами Балкан в начале V тыс. до н.э. Автор данной работы весьма скептически относится к столь древним датировкам ранних елшанских памятников [Выборнов, 2000а. С.16], но ее существование в середине VI тыс. до н.э. вряд ли может быть оспорено. Н.С.Котова солидарна с нами по поводу сомнительности слишком ранних дат елшанской культуры, но датирует ранние комплексы даже началом VI тыс. до н.э. [Котова, 2002. С.75;77]. Хронологический приоритет над дунайскими культурами очевиден.

Все же следует учитывать и значительную удаленность даже буго-днестровской культуры от елшанской (около двух тысяч километров) и многочисленные естественные преграды (рр. Днестр, Буг, Днепр, Северский Донец, Дон, Хопер, Медведица, Волга текут в меридиональном направлении).

Если представить буго-днестровскую культуру как ретранслятор балканского импульса, то и здесь наличествует противоречие: первый ее этап датируется второй половиной VI тыс. до н.э. [Котова, 2002]. Снять все эти противоречия помогли бы два обстоятельства. Во-первых, допущение

бытования балканских и буго-днестровских древностей как минимум во второй половине VII тыс. до н.э. но, к сожалению, таких объективных данных пока нет [Титов, 1980]. Во-вторых, это наличие промежуточных звеньев от Буга до Заволжья. Но, как пишет сам А.В.Вискалин, точные аналогии елшанским древностям в степном Причерноморье и Приазовье отсутствуют, и их выявление – дело будущих исследований [Вискалин, 2002. С.281].

Другую версию предлагает Н.С.Котова. Она обращает внимание на близость керамики сурской, ракушечной, елшанской культур и памятников типа Кугат и Ту-Бузгу-Худук I, полагая, что первая посуда появилась в результате заимствования навыков ее изготовления у населения Малой и Передней Азии [Котова, 2002. С.76] путем проникновения по восточному побережью Черного моря. Что же касается непосредственно елшанской культуры, то, признавая местный мезолитический субстрат, она предполагает появление керамики от населения Нижнего Дона. Причина тому – аридизация на рубеже VII и VI тыс., повлекшая за собой расселение обитателей Нижнего Дона вверх по Дону и Волге [Котова, 2002. С.77].

Действительно, нижние слои Ракушечного Яра датируются первой четвертью VI тыс. до н.э. Но, судя по описанию посуды из самого нижнего слоя, она характеризуется прямостенностью, плоскодонностью, примесью ракушки, наколами треугольной и овальной формы, прочерками и даже мелкозубчатым штампом [Белановская, 1995. С.100-101]. Эти признаки плохо согласуются с характеристиками раннеелшанской посуды Заволжья. В предыдущей главе отмечалась важная деталь. По данным технологического анализа, проведенного И.Н.Васильевой, наиболее древняя посуда Ракушечного Яра изготовлена преимущественно из илов. Что же касается елшанской посуды Среднего Поволжья, то она формировалась преимущественно из илистой глины. Следует отметить, что, по данным палеогеографов, в период 7700-7500 лет назад в данном регионе наблюдался теплый и влажный климат. Каких-либо перерывов в слоях Ракушечного Яра

не прослеживается. Иначе говоря, благоприятные условия вряд ли могли стать причиной для ухода аборигенов, а соответственно и причиной формирования елшанской культуры.

Конечно, некоторые черты сходства можно отметить. Например, узор в виде ромбической сетки (косой решетки), представленной как на фрагментах Раздорской I [Кияшко, 1994. С.90, рис.4, 1], так и на сосудах елшанской культуры (рис.47, 3; 52, 7; 56, 1). Но эта схема узора столь проста, что встречается на посуде разновременных культур, включая лесной регион [Телегин, Титова, 1998. С.16, рис.12; с. 51, рис.36; с. 87, рис.43; с. 92; Котова, 2002. С.167, рис.43, 1; с. 179, рис.55, 1; с. 220, рис.96, 4; с. 224, рис.100; с. 229, рис.105, 2].

В.В.Ставицкий, опираясь на материалы Прихопёрья и Примокшанья, видит ситуацию несколько иной. Он фиксирует различия между материалами этих регионов и восточными древностями, что, по его мнению, свидетельствует о хронологической неоднородности заволжских памятников [Ставицкий, 2004. С.20]. Наиболее ранними он определяет сосуды с коническими днищами при отсутствии ямочно-жемчужных поясков. Здесь следует внести одно важное уточнение. И на эпонимном памятнике [Васильев, Пенин, 1977], и на стоянках Чекалино IV [Мамонов, 1994] и Нижняя Орлянка II [Колев, Ластовский, Мамонов, 1994] в Заволжье обнаружены сосуды только с острым дном, но на них присутствуют ямочно-жемчужные пояски (рис.45, 5; 49, 6-11; 52, 1-4). Иначе говоря, данный признак не может служить хронологическим индикатором.

По мнению В.В.Ставицкого, корни елшанских керамических традиций следует искать в Приазовье, где зафиксировано и древнейшее скотоводство. Хопёро-мокшанская группа находит аналогии в ранней керамике сурской культуры. В результате ее инфильтрации из Приазовья керамика елшанского типа попадает на Хопер и Мокшу, а оттуда передается на Свиягу и Самарское Заволжье [Хреков, Ставицкий, 2001. С.60; Ставицкий, 2005. С.145-149]. В этой связи исследователь привлекает и черешковые

наконечники стрел постсвидерского облика для предположения более раннего возраста примокшанских комплексов в ряду елшанских древностей [Ставицкий, 2005. С.146]. Однако исследователи отмечают довольно широкие территориальные аналогии подобным наконечникам [Сорокин, 2006. С.82], что, скорее всего, исключает возможность привлечения данной категории инвентаря для таких выводов.

Версию В.В.Ставицкого частично поддерживает А.В.Вискалин. Исследователь допускает, что это один из вариантов неолитизации Волго-Камья. Он касается лишь территории Сурско-Мокшанского междуречья, не охватывая рамки елшанской культуры в целом [Вискалин, 2002. С.281; 2006б. С.92].

Следует напомнить, что количество памятников сурской культуры (особенно выделенного типологически 1-ого этапа) крайне мало, а число находок на них весьма ограничено. Полученная керамика очень разнообразна по примесям, формам венчиков, способам нанесения орнамента и композициям [Котова, 2002. С.13-15; 129, рис.5]. Это допускает мысль о возможной одновременности находок. Радиоуглеродные даты 2-ого этапа сурской культуры определяют последнюю четверть VI тыс. до н.э. – первую четверть V тыс. до н.э. Поэтому не совсем оправданно относить первый этап к 5700-5300 гг. до н.э. [Котова, 2002. С.29]. Разрыв между этапами невелик, и возможно предполагать середину – третью четверть VI тыс. до н.э. Но это именно тот хронологический отрезок, когда природные условия, по данным палеогеографов, были наиболее благоприятные. При нестыковке абсолютных дат (раннеелшанские древности определяются 1-ой половиной VI тыс. до н.э.) не совсем понятны причины, толкнувшие и без того крайне редкое население покинуть благополучный для обитания регион.

Путь миграции, намеченный В.В.Ставицким, полностью исключать нельзя. Но все же необходимо напомнить, что основные памятники сурской культуры расположены на Днепре [Котова, 2002. С.125], а это значительно усложняет начальный этап процесса. Во-вторых, материалы Прихопёрья типа

Плаутино I [Сурков, 2004] и Шапкино VI на р. Вороне [Хреков, Юдин, 2003] имеют существенные различия. Кстати, на Плаутино I представлен сосуд с ямочно-жемчужным пояском. И если комплекс елшанского облика с Имерки VII, весьма вероятно, связан с местным мезолитом, то материалы стоянки Луговое III на р.Свияге, хоть и содержат пластинчатые наконечники, но посуда представлена исключительно плоскодонными сосудами с ямочно-жемчужными поясками под венчиком, то есть характеризуется явно поздними признаками, как по мнению В.В.Ставицкого, так и автора данной работы. Представляется, что такая композиция, как сочетание прочерченных линий и разделенных наколов, с большим трудом может подтвердить днепровские истоки: на собственно сурской керамике эта композиция появляется в лучшем случае на 2-ом этапе, который датируется последней четвертью VI – первой четвертью V тыс. до н.э. Проблема еще в том, что на промежуточных памятниках Прихопёрья такой композиции нет. Конечный пункт этого процесса – Самарское Заволжье – должен оказаться самым поздним в этой цепочке. Но этому противоречит главный аргумент – датировка елшанской культуры как минимум первой половиной VI тыс. до н.э. Возможно, ключом к решению данной проблемы может стать предположение В.В.Ставицкого о том, что сходство памятников елшанского типа обусловлено не столько причинами культурного единства, сколько факторами стадияльного характера, так как те или иные признаки в той или иной мере представлены в раннеолитической керамике целого ряда регионов [Ставицкий, 1999. С.43].

Учитывая недостаточную аргументированность юго-западной версии, ряд исследователей сохранил свои позиции о юго-восточном ареале как наиболее приемлемом, подчеркивая, что речь не идет о зеркальном тождестве, чего и ожидать было бы неверно [Моргунова, 2001. С.94; Выборнов, 2003. С.37]. Примечательно, что А.Е.Мамонов констатирует, что формы сосудов елшанской культуры и комплексов типа Джебела, Учащи и т.п. обнаруживают определенное сходство [Мамонов, 1999. С.37]. Но ведь

именно специфическая форма сосудов (профилированность, зауженность верхней части, шиподонность) и легла в основу сравнения (рис.233-234). Ведь орнаментация наиболее архаичных сосудов елшанского типа крайне скудна. И если она присутствует, то либо в виде рядов прочерков, либо сочетания прочерков и ямчатых вдавлений, либо рядов прочерков, поставленных под углом друг к другу. Именно эти узоры представлены на юго-восточных прототипах [Виноградов, 1981. С.69, рис.20; Виноградов, Мамедов, 1975. С.70, рис.26; с. 89, рис.28; с. 158, рис.43; с. 194, рис.54]. К этим аргументам следует добавить ещё один, технологического порядка. По данным И.Н.Васильевой в керамике елшанского типа Ивановской стоянки обнаружена примесь шамота. Обращает на себя внимание тот факт, что и в посуде Джебела А.П.Окладников отмечает аналогичную добавку [Окладников, 1956. С.76, 105, 106, 109]. Такое сочетание трудно объяснить простым совпадением. На шамотную примесь в керамике культур, расположенных к юго-востоку от елшанской культуры, указывает и Ю.Б.Цетлин [Цетлин, 2007. С.205-206]. Весьма принципиальным следует признать вывод о том, что «по данным изучения гончарной технологии, можно предполагать не местный, привнесённый характер появления елшанского гончарства в регионе путем миграции групп населения с территории, где гончарство уже существовало и прошло определенный этап развития» [Васильева, 2007. С.36]. Именно такой территорией и может являться Восточный Прикаспий. Причем необходимо напомнить, что даже материалы пещеры Джебел исследователи не считали самыми ранними, а лишь производными от южных прототипов [Даниленко, 1969. С.183]. К тому же расстояние от Закаспия до Заволжья составляет порядка 800 км и проходит по облегчённому меридиональному маршруту без каких-либо естественных преград: р. Урал почти соприкасается с р. Самарой в Оренбургском Заволжье. Способствовала этому перемещению и сама специфика ведения хозяйства степных охотников: в жаркие месяцы дичь (кулан, сайгак) уходит на север в более благоприятные зоны, «ведя» за собой

первобытных охотников. Привыкшим к таким передвижениям коллективам вряд ли были сложны и более длительные переходы [Сорокин, 2006а. С.62, 97], особенно в зонах с неблагоприятными климатическими условиями [Астафьев, 2005. С.114]. Тем более что они были вынужденными: в начале VI тыс. до н.э. в связи с резкой аридизацией условия проживания (и без того сложные) стали весьма проблематичными. Связывать продвижение какой-то части населения в северном направлении с развитием производящего хозяйства оснований значительно меньше. Не случайно исследователи весьма осторожно, если не скептически, относятся к вероятности наличия скотоводства у обитателей Джебела [Даниленко, 1969. С.177]. По мнению В.В.Никитина, весьма вероятен юго-восточный импульс керамического производства в Восточной Европе, а данное направление в настоящий момент представляется наиболее перспективным [Никитин, 2008. С.309]. Важно подчеркнуть, что на среднеазиатских стоянках, где обнаружена керамика сходная с елшанской, кремневый инвентарь не содержит геометрических микролитов [Виноградов, Мамедов, 1975. С.88].

В начале XXI в. исследователи попытались более тщательно разрабатывать интересующие направления.

Появилась сводная работа по памятникам неолита южной части лесостепного Поволжья, позволяющая наиболее полно представить характерные черты и специфические особенности средневожской культуры [Выборнов, 2000]. Например, конкретизировалось, что помимо накольчатого и зубчато-гребенчатого компонентов данное образование содержит комплекс неорнаментированной посуды с ямочно-жемчужным поясом, группу керамики с насечками и прочерками. Отмечалась их взаимосочетаемость почти на всем протяжении существования культуры, естественно, в различных пропорциях. Весьма существенным было представление наиболее ранних памятников с накольчатой керамикой типа Красный Яр VII.

Автор отмечал, что средневожская культура формируется при участии елшанской и раннего неолита степного Поволжья. Это подразумевает их

хронологическую стыковку – вторая половина VI тыс. до н.э. Именно такие даты были наиболее приемлемыми как для поздней елшанской, так и для ранней накольчатой культуры Нижнего Поволжья [Выборнов, 2000а. С.16]. Поскольку, по мнению автора, со средневожской культурой сходны стоянки на стыке лесостепной и лесной зон (II Щербетская, IV Тетюшская), а по ряду признаков хронологического порядка Дубовские и Отарская VI в лесном Среднем Поволжье могут относиться к более позднему времени и синхронизироваться с развитым этапом камской культуры [Выборнов, 2000б. С.66], то последние допустимо датировать первой половиной V тыс. до н.э. На первый взгляд данная гипотеза входила в противоречие с существовавшими представлениями о хронологических рамках накольчатых комплексов лесного Волго-Камья – IV тыс. до н.э. Однако основание для данных датировок базировалось на синхронизации с памятниками днепродонецкой культуры. Во-первых, весьма удаленной территориально от лесного Среднего Поволжья. А во-вторых, собственная хронология днепродонецких древностей основывалась на трипольских импортах, абсолютный возраст которых у ряда исследователей вызывал возражение.

С учетом всевозможных факторов проходила корректировка дат киево-черкасского неолита. Если в 1985 г. Е.Н.Титова развитой (накольчатый) период неолита Среднего Поднепровья датировала первой половиной – третьей четвертью IV тыс. до н.э. [Титова, 1985. С.15], то в 2000 г. исследователь предлагает иные хронологические рамки – в целом укладывается в V тыс. до н.э. [Титова, 2000. С.83]. К близким выводам приходит и Н.С.Котова. Исследователь датирует этап 1а киево-черкасской культуры первой четвертью V тыс. до н.э. на основании сходства её керамики с посудой второго периода буго-днестровской культуры [Котова, 2002. С.32], сетуя на отсутствие дат для собственно памятников днепродонецкой культуры с самого раннего этапа [Котова, 2002. С.82]. Но по радиоуглеродным датам этот период захватывает середину V тыс. до н.э. Поэтому требует разъяснения – почему выбраны наиболее древние отметки.

Буго-днестровская посуда, украшенная коротким зубчатым штампом и параллельными прочерченными линиями (включая косую решётку) хорошо представлена в материалах верхнего слоя поселения Базьков остров [Даниленко, 1969. С.68, рис.18, 1-7; Котова, 2002. С.165-168, рис.41-44]. Именно эти материалы имел ввиду автор, присоединяясь к гипотезе учёных о юго-западном импульсе при формировании ранней днепро-донецкой традиции [Выборнов, 1988. С.14]. Но радиоуглеродные даты по верхнему слою поселения на о. Базьков: 6720 ± 70 и 6580 ± 80 л.н., то есть вторая четверть V тыс. до н.э., а не его начало. Во-вторых, им учитывались и материалы позднего этапа буго-днестровской культуры поселения Сороки V, где представлена зубчато-прочерченная, и, что особо важно, – остродонная посуда. По данному памятнику есть радиоуглеродная дата – 6545 ± 100 л.н. [Маркевич, 1974. С.116, рис.65; С.129], совпадающая с базьковской и также фиксирующая середину V тыс. до н.э. Иначе говоря, представляется более приемлемой версия Н.С.Котовой и Л.Л.Зализняка конца 90-х гг. XX в. о формировании днепро-донецкой культуры в середине V тыс. до н.э. Касательно датировки периода 1б киево-черкасской культуры Н.С.Котова предлагает интервал 4750-4350 до н.э. [Котова, 2002. С.32-33], то есть вторая–третья четверть V тыс. до н.э. В качестве подтверждения исследователь использует радиоуглеродные даты Деревянского могильника и одну из дат из нижнего слоя стоянки Молюхов бугор. Что касается определений по костям из могильника, то 6220 ± 60 и 6110 ± 120 л.н. фиксируют лишь последнюю четверть V тыс. до н.э. Относительно датировки Молюхова бугра – 6340 ± 80 л.н., то, судя по данным Н.С.Котовой, из этого же уровня (40-50 см) получены ещё две даты: 6110 ± 80 и 5905 ± 70 л.н. [Котова, 2002. С.100, табл. 5]. Таким образом, вполне допустимо представить хронологические рамки этапа 1б последней четвертью V – началом IV тыс. до н.э. Второй период киево-черкасской культуры судя по радиоуглеродным датам со стоянки Бузьки: 5770 ± 60 , 5590 ± 70 , 5600 ± 70 л.н., то есть вторая четверть IV тыс. Можно допустить начало данного этапа в

первой четверти этого тысячелетия. Так, Н.С.Котова связывает этот этап с сильным влиянием среднедонской культуры, вплоть до изменения технологии изготовления черкасской посуды. Возможно предположить, что в первой четверти IV тыс. до н.э. определённая часть среднедонской культуры покинула исконную территорию под давлением носителей ямочно-гребенчатой керамики с севера и нижнедонской культуры с юга. Об этом свидетельствуют как соответствующие материалы [Синюк, 1986; 2004], так и радиоуглеродные даты, любезно предоставленные автору Р.В.Смоляниновым. По гребенчато-ямочной (ляляловской) со стоянки Ксизово 6 – 5820 ± 130 л.н., а по нижнедонской со стоянки Курино 1 – 5920 ± 90 л.н. Это надёжно подтверждает выводы А.Т.Синюка по периодизации среднедонской культуры и предположение автора о первой четверти IV тыс. до н.э. для второго периода киево-черкасской культуры.

Поэтому, если южные лесостепные памятники определялись по хронологии елшанских древностей и нижеволжских материалов, имевших радиоуглеродное подтверждение, то памятники накольчатого типа в лесном Среднем Поволжье могли датироваться как по этой линии синхронизации, так и по соотношению с верхневолжской культурой. Последняя получала все больше подтверждений периодизации и абсолютной хронологии. Так, ранний этап, характеризовавшийся доминированием посуды преимущественно накольчатого типа, определялся первой половиной V тыс. до н.э. [Энговатова, 1998. С.240-243]. Подобная линия синхронизации была возможна и в связи с поисками истоков формирования керамического производства у племен верхневолжской культуры. Помимо других точек зрения допускался вариант и с регионом лесостепного Поволжья, где расположена елшанская культура, элементами которой были запесоченность сырья, слабая орнаментированность, ряд ямок под венчиком, прочерки и ямчато-тычковые вдавления, сочетание острых и плоских днищ [Выборнов, 2000а. С.16]. С этой версией солидаризировался А.Е.Мамонов, отмечая определенное сходство материалов типа Ильинской стоянки (второй этап

елшанской культуры) с древностями верхневолжской культуры [Мамонов, 2000а. С.52].

В.В.Никитин предполагал, что появление гребенчато-накольчатой посуды на Средней Волге связано с продвижением носителей накольчатой традиции из районов лесостепи. Учитывая хронологию верхневолжской и льяловской культур ранненеолитические можно датировать началом IV тыс. до н.э. [Никитин, 2000. С.58]. Верхневолжская система аналогий отразилась еще больше на концепции В.В.Никитина. По мнению исследователя, посуда с наколами лесного Поволжья предшествует гребенчато-накольчатой, а потому может относиться и к ранненеолитическому времени, но доживает до ранней ямочно-гребенчатой, то есть существует до развитого неолита [Никитин, 2001. С.53]. Автор отмечает, что при попытке увязать средневолжскую накольчатую культуру с верховьями Дона, кроме общего типологического сходства и южного импульса элемента орнаментации (накола), убедительной связи найдено не было. После публикации верхневолжских памятников и сопоставления с ними напрашивается вывод, что по основным показателям керамика средневолжской и верхневолжской групп практически идентична [Никитин, 2002. С.294]. Это дает основание поставить вопрос об их генетическом родстве [Никитин, 2002. С.295]. Фактически признав принадлежность средневолжских памятников верхневолжской культуре, допустимо принять и соответствующую хронологию V – середина IV тыс. до н.э. [Никитин, 2002. С.295]. Полученная радиоуглеродная дата для стоянки Отарская VI – 6700±40 лет назад подтверждала древний возраст памятников этого типа и позволяла исследователю сделать вывод о том, что наиболее ранней в лесном Поволжье представляется культура носителей накольчатой традиции, которая локализуется отдельными группами от истоков р. Волги до верхнего течения р. Камы [Никитин, 2002а. С.182-183]. Что же касается происхождения этой традиции (как, впрочем, и гребенчатой), В.В.Никитин отмечал, ссылаясь на версию автора данной работы, что уже сейчас намечаются их истоки в средневолжской культуре, оказавшей влияние на

лесное Поволжье и сформировавшейся на основе елшанской [Никитин, 2002а. С.183].

Юго-западная версия культурной ориентации неолитических памятников Волго-Камья нашла отражение в трудах А.В.Вискалина. Исследователь полагает, что наиболее ранними можно считать виловатовские комплексы, тяготеющие к днепро-донецким предмариупольского времени и синхронизирующиеся с развитым этапом верхневолжской культуры. Используя систему причерноморских аналогий, такую керамику можно датировать концом V – началом IV тыс. до н.э. [Вискалин, 2000. С.320-322]. Щербетьские памятники в большей мере тяготеют к верхневолжской развитого этапа. Об относительно более позднем возрасте щербетьской посуды свидетельствует ее совместное залегание с ранней ямочно-гребенчатой, а потому датируется 2-ой четвертью IV тыс. до н.э. [Вискалин, 2000. С.320]. В дальнейшем исследователь проанализировал ранние группы накольчатой и гребенчатой керамики, разделив их на северную и южную. Первая (Имерки, Потодеево, Подлесное, Кабы-Копры, Усть-Шижма, Зиарат) находит наиболее близкие параллели в верхневолжской культуре конца развитого – начала позднего этапа. И датируется серединой V тыс. до н.э. А по линии днепро-донецкой – первой половиной IV тыс. до н.э. Она появилась в результате интенсивного воздействия, возможно, прямого проникновения в соседние районы Посурья и Волго-Камья населения из Волго-Окского междуречья и Верхней Волги [Вискалин, 2002. С.285-291]. Южная группа (Виловатовская, Ивановская, Лебяжинка, Елшанка 11 на Свяге, Лебяжье I, Подлесное 7) формируется при участии населения северо-восточных районов Поднепровья и выходцев из Подонья. Приходится исходить из их синхронности с наиболее поздними предмариупольскими древностями периода 2а, то есть началом IV тыс. до н.э. [Вискалин, 2002. С.285-291]. С включением Потодеевской стоянки в щербетьскую группу памятников не согласен В.В.Ставицкий, поскольку истоки традиции профилированной слабоорнаментированной посуды следует искать в Самарском Поволжье, где

она имеет свою историю развития, чего нельзя сказать о других регионах [Ставицкий, 2008. С.88]. Солидаризируясь в этом выводом, необходимо отметить, что датировки южной группы, действительно имеющей ряд общих черт с днепро-донецкими, должны, судя по вышеприведённым данным, уходить как минимум в последнюю четверть V тыс. до н.э.

Н.Л.Моргунова не исключает, что зарождение накольчатой орнаментации происходило постепенно из прочерченной техники, что прослеживается на Ивановской стоянке, где накольчатая, по сравнению с другими памятниками, выглядит как наиболее архаичная [Моргунова, 2004. С.218]. Далее исследователь отмечает: вполне вероятно, что распространение накольчатой техники в северные районы лесостепи было связано с влиянием степных культур Нижнего Поволжья, как полагают И.Б.Васильев и А.А.Выборнов [Моргунова, 2004. С.218]. Вместе с этим, исследователь отмечает, что накольчатые комплексы степных и лесостепных районов Волго-Уралья существенно отличаются от Волго-Камских, как, впрочем, значителен и хронологический разрыв между ними, что затрудняет решение проблемы об исходной территории проникновения носителей накольчатой традиции орнаментации в лесную зону [Моргунова, 2004. С.221]. Что же касается гребенчатой группы керамики, то ее отличительные признаки фиксируют как культурную самобытность, так и хронологический приоритет лесостепного неолита. Рассматривая вопрос о месте первоначального распространения гребенчатого штампа, исследователь допускает район лесостепей [Моргунова, 2004. С.221], тем самым солидаризируясь с автором данной работы. Весьма существенно обращение Н.Л.Моргуновой к вопросу об окружающих волго-уральскую культуру памятниках. По ее мнению, безосновательно включать в эту культуру стоянки марийского и казанского Поволжья, а также Сурско-Мокшанского междуречья, как это делают И.Б.Васильев и А.А.Выборнов. В отмеченных районах, расположенных в северной части лесостепи и тяготеющих к лесной зоне, появление памятников с накольчатой керамикой является результатом миграции.

Поэтому и вызывает возражение термин «средневожская» (который предлагают Васильев и Выборнов) культура для обозначения весьма своеобразных памятников самарского Поволжья и западного Оренбуржья [Моргунова, 2004. С.221].

Исследователи предполагали, что территория Посурья и Примокшанья является связующей между среднедонской и населением с накольчатой посудой лесного Среднего Поволжья [Никитин, 1996. С.111]. Другие включили памятники данной территории в состав щербетской группы [Вискалин, 1999. С.7]. Третьи определяли их как локальный вариант средневожской культуры [Васильев, Выборнов, 1988], что, как показано выше, подвергается сомнению Н.Л.Моргуновой. В связи с этим необходимо представить ситуацию в данном регионе. По мнению В.В.Ставицкого, в Примокшанье наиболее ранними следует считать комплексы, имеющие своеобразие, но сходные с елшанскими. На Верхней Суре представлено две группы памятников с накольчатой посудой: ранняя сходна со средневожской и частично со среднедонской, что позволяет ее датировать первой половиной V тыс. до н.э. А поздняя, близкая позднему этапу этих культур, по совместному залеганию с раннеэнеолитическим материалам датируется концом V – началом IV тыс. до н.э. [Ставицкий, 2004. С.229-232]. Гребенчато-накольчатая группа Сурско-Мокшанского междуречья выглядит менее дифференцированной. Материалы стоянки Подлесное III не могут представлять автохтонную гребенчатую традицию (как считали А.А.Выборнов и В.П.Третьяков), так как Верхнее Посурье входило в зону распространения накольчатой керамики и «жизненного пространства» для первой не было. Поскольку основная масса гребенчато-накольчатой керамики Примокшанья находит ближайшие аналогии в верхневожской культуре и типологически сходна с третьим этапом, то может датироваться 2-ой половиной V тыс. до н.э. [Ставицкий, 2004. С.234-236]. Часть материалов может соотноситься с развитым этапом верхневожской культуры, то есть датироваться серединой V тыс. до н.э. В Посурье по линии синхронизации с

верхневолжской культурой к позднему этапу, по мнению исследователя, следует относить стоянки Подлесное III и Подлесное IV. В то же время, В.В.Ставицкий отмечает, что по отношению к Подлесному IV керамика Подлесного III выглядит более ранней, причем, значительно. Впрочем, значительные различия можно объяснить не только хронологией, но и различной культурной принадлежностью [Ставицкий, 2004. С.236]. Примокшанская гребенчатая керамика большую степень сходства имеет с развитой (хуторской) керамикой камской культуры. Ближайшие аналогии керамика имеркских стоянок и, особенно, керамика Подлесного IV находит в посуде II Лебединской стоянки, как, впрочем, и Подлесное III, Ковыляй, Широмазово предшествуют керамике развитого этапа камской культуры [Ставицкий, 2004. С.236]. Следует обратить внимание на один весьма важный аспект. В.В.Ставицкий не оставляет места для возможного автохтонного развития гребенчатой традиции в Верхнем Посурье, так как «жизненное пространство» здесь занято населением с накольчатой посудой. В то же время исследователь подтверждает более раннюю позицию Подлесного III по сравнению с материалами развитого этапа Подлесное IV. Но тогда невольно следует ранненеолитический возраст стоянки Подлесное III, что дает основание говорить об автохтонном характере. Если же следовать предположению В.В.Ставицкого о том, что различия между Подлесным III и IV носят культурный характер, то в этом случае он допускает на одном «жизненном пространстве» как минимум три разнокультурных компонента в одном хронологическом диапазоне. Объяснить данную ситуацию не просто. Поскольку между памятниками с накольчатой керамикой существует определённый разрыв, то нельзя исключать, что во второй половине V тыс. до н.э. на территории Верхнего Посурья появляются племена с зубчато-гребенчатой керамикой, типа Подлесного III. Учитывая наличие симбиотичных признаков автор предполагал отнесение этих материалов к средневолжской культуре. Примечательно, что эти признаки находят дальнейшее развитие на данной

территории в материалах стоянки Подлесное IV: прямостенность сосудов, тонкостенность фрагментов, отсутствие напыла на внутренней стороне сосуда, ряд ямочных вдавлений под венчиком, присутствие короткого зубчатого штампа и т.п. Следы камской культуры развитого этапа обнаружены и в среднем течении р.Суры. Возможно, памятники с поздней накольчатой керамикой появляются здесь несколько позднее.

После анализа различных версий по неолиту Волго-Камья [Выборнов, 2006. С.36-38] был подмечен ряд противоречий. Во-первых, обнаружение на Ильинской стоянке елшанской и накольчато-гребенчатой посуды не означает их хронологическое единство, как полагал А.Е.Мамонов [Мамонов, 2002. С.148-157]. Для данного памятника была получена дата по ^{14}C – 8510 ± 60 , то есть середина VII тыс. до н.э. Если признать ее правильность для гребенчато-накольчатого комплекса, то невольно следовало бы датировать зарождение накольчатой и зубчатой традиций в лесостепном Поволжье в этот хронологический интервал. Но если упомянутая дата хорошо согласовалась с уже имеющимися для елшанских памятников, то для гребенчато-накольчатых вступала в явное противоречие, так как аналогичные комплексы в сопредельных регионах единодушно относились исследователями в лучшем случае к первой четверти V тыс. до н.э. Это касается лесостепной киево-черкасской [Котова, 2002], лесостепной среднедонской [Синюк, 1986; Гапочка, 2001], лесной верхневолжской [Энговатова, 1998]. Поскольку материалы, близкие елшанским, обнаруженные на Свияге, Хопре, Ранове, Мокше, предшествуют накольчато-гребенчатым, то они действительно должны датироваться более ранним временем. Но ограничивать их бытование лишь второй половиной VII тыс. до н.э. было бы не совсем корректно по целому ряду причин. И вполне возможен вариант существования второго этапа елшанской культуры в VI тыс. до н.э. вплоть до его середины. Это предположение, помимо прочих аргументов, подтверждалось и при анализе раннеолитической накольчатой керамики. Так, на южных лесостепных неолитических памятниках обнаружены группы

керамики, аналогичные нижеволжским. А.И.Юдин объясняет сходство накольчатой волго-уральской и орловской прямой миграцией последней в Среднее Поволжье [Юдин, 2000. С.44]. Контакты между степным и лесостепным населением наблюдаются в разные периоды неолита [Выборнов, 2002. С.57], но прослеживаются они с самой ранней фазы. Помимо типично южных сосудов на стоянке Виловатовская, Малый Шихан, Ивановская, на стоянках Лебяжинка IV и Красный Яр VII были обнаружены фрагменты керамики, характеризующиеся симбиотическими признаками. С одной стороны, елшанской: профилированность, орнаментация среза венчика, запесоченность сырья, остродонность, ямочно-жемчужный пояс, насечки, а с другой нижеволжской: прочерки, плоскодонность, треугольный накол в отступающей манере. Все это позволяет выделять наиболее раннее звено в развитии накольчатой традиции в южных районах лесостепного Поволжья. Примечательно, что на большинстве черепков подобного типа ямочно-жемчужный пояс представлен весьма слабо, что лишний раз подтверждает южный импульс, так как в степных культурах он нехарактерен. Выделяя данную группу керамики, происходит сближение концепций автора и Н.Л.Моргуновой. Отрицать саморазвитие комплексов елшанского типа было бы совершенно неверным. Достаточно указать на такую важную черту как ямочно-жемчужный пояс под срезом венчика, который появляется именно на посуде елшанского типа, а в дальнейшем очень широко применяется на посуде с накольчатым орнаментом, составив характерную черту (особенно жемчужины) памятников лесостепного Поволжья. Такой же визитной карточкой станут узоры из насечек, появление которых связано с елшанскими древностями. Прочерченная техника нанесения орнамента на средневолжской посуде также могла брать свои истоки в сходной манере на елшанской керамике. Единичные вдавления типа одинарных разреженных аморфной конфигурации, сходные с наколами теоретически также могли возникнуть в результате саморазвития и усложнения способов орнаментации у елшанского населения. Но в то же время, отрицание степного импульса

(илистая технология изготовления, плоскодонность, треугольнонакольчатый в отступающей манере способ нанесения орнамента, геометризованные схемы узоров) в появлении накольчатой традиции в южных лесостепных районах противоречило бы конкретным фактам. В этой связи необходимо напомнить выделенную В.В.Ставицким наиболее раннюю накольчатую группу керамики в Примокшанье, где профилированная форма сосудов сочетается с треугольнонакольчатыми орнаментами. Иначе говоря, как на юге лесостепи, так и в более северных районах появляются данные, позволяющие ставить вопрос о наличии самого архаичного этапа в развитии накольчатой традиции. Таким образом, большого хронологического разрыва между самыми ранними накольчатыми памятниками южной и северной лесостепи не прослеживается.

Днепро-донецкий вариант происхождения накольчатой керамики виловатовской группы (наиболее ранней по А.В.Вискалину) весьма интересен. Достаточно сказать, что при обнаружении накольчатых и гребенчатых комплексов на Виловатовской стоянке исследователи отмечали их близость в том числе и с днепро-донецкими [Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980. С.162-170; Выборнов, 1986]. Исследователи обращали внимание даже на сходство в технологии изготовления сосудов: в Поднепровье и лесостепном Поволжье керамика содержала примесь растительности, отпечатки которой хорошо прослеживались в изломе фрагментов. На этом основании специалисты выдвинули версию о каркасе при формировании сосудов [Даниленко, 1969. С.35]. В настоящее время по данным И.Н.Васильевой эти следы следует трактовать как остатки растительности, содержащиеся в илах. Весь вопрос лишь в том, в чем природа этого сходства. А.В.Вискалин предполагает участие днепро-донецкого населения, а малочисленность типичных среднедонских черт на средневожской керамике свидетельствует о том, что основной импульс при формировании средневожских памятников поднепровский, а не донской [Вискалин, 2002. С.291]. Однако здесь есть

узкие места, связанные в первую очередь с характеристикой этапов и их хронологии у днепро-донецких культур. Ранняя фаза представлена гребенчато-прочерченной орнаментацией и датируется первой половиной V тыс. до н.э. [Титова, 2000; Котова, 2002]. Что же касается накольчатой системы, то, по мнению исследователей, она заимствована от среднедонской, характеризует второй этап, то есть датируется второй половиной V тыс. до н.э. [Синюк, 1986; Выборнов, 1988а; Котова, 2002; Кольцов, 2005а].

Это противоречит всей системе аналогий средневожских и нижневожских накольчатых комплексов, радиоуглеродных показаний последних и елшанских. А также вызывает сомнения в подобном маршруте значительная территориальная удаленность лесостепного Поднепровья и Поволжья при отсутствии на промежуточной территории Похопёрья стоянок днепро-донецкого облика. В территориальном отношении к средневожским ближе среднедонские памятники, но А.В.Вискалин справедливо отмечает, что донской импульс прослеживается слабо. С этим солидаризировались и В.В.Никитин и А.А.Выборнов. Более того, в верховьях р. Вороны обнаружена керамика, в большей степени сходная со средневожской [Выборнов, Королёв, Ставицкий, 2005. С.24, рис.1, 1]. А.В.Сурков отмечает, что вслед за носителями елшанских традиций в V тыс. до н.э. в Похопёрье, а затем и на Средний Дон проникли носители культуры с накольчатой орнаментацией керамики, сформировав среднедонскую культуру [Сурков, 2007. С.98]. Появление короткозубой и овальнонакольчатой орнаментации на посуде памятников Верхнего Дона исследователи увязывают не с днепродонецкими и среднедонскими, а с верхнее- и средневожскими [Бессуднов, Смольянинов, Надов, 2006. С.269].

В это время Р.С.Габяшев вновь обратился к данным проблемам. Он предполагает, что, судя по архаичности среднедонской неолитической керамики, она явилась исходной формой для средневожской. По мнению исследователя, памятники с накольчатой керамикой на территории Среднего Поволжья и Приуралья появились не позже раннего хуторского этапа

камской культуры. Более ранние этапы существования памятников с накольчатой керамикой в этом регионе представлены ульяновскими (Димитровградские стоянки) и отдельными памятниками бассейна Самары (Максимовская, Ивановская), на которых отмечены трапеции ранненеолитического облика, датируемые в пределах конца первой половины IV тыс. до н.э. [Габяшев, 2003. С.59]. Но, кроме отмеченных типологических различий между среднедонской и средневожской накольчатой керамикой [Выборнов, 1992], следует обратить внимание еще на один аспект. В бассейне Средней Оки (предполагаемом пути от Среднего Дона на Среднюю Волгу) исследована стоянка Городок I, содержащая накольчатую керамику раннего и развитого облика, но она имеет мало общего со средневожской [Выборнов, Королев, Ставицкий, Челябинов, 2004]. Что же касается другого транзитного пути – верховий р. Суры, то В.В.Ставицкий отмечает, что раннее им преувеличивалась та степень воздействия, которое оказали среднедонские племена на ранненеолитическое население Верхнего Посурья. Детальное сравнение, проведенное на основе непосредственного изучения материала, показало, что, несмотря на территориальную близость, в развитии этих регионов больше различий, чем общего [Ставицкий, 2006. С.77]. Наличие ряда параллелей в развитии керамических традиций Посурья и Самарского Заволжья на протяжении продолжительного времени подтверждает правомерность включения присурских памятников с накольчатой керамикой в одну из локальных групп средневожской культуры [Ставицкий, 2006. С.76]. Что же до памятников сурско-мокшанского междуречья, как района продвижения в Марийское Поволжье, то исследователь отмечает: в первом районе доминируют именно гребенчато-накольчатые комплексы, поэтому мала вероятность того, что из Посурья в Марийское Поволжье были перенесены только накольчатые традиции, а гребенчатые оказались утрачены. Видимо, распространение накольчатой керамики в северном направлении осуществлялось по Волге и ее ближайшим притокам, тем более, что наиболее раннее появление овального накола зафиксировано на

Ильинской стоянке позднего этапа елшанской культуры [Ставицкий, 2006. С.81-82]. Позиция Р.С.Габяшева по раннему возрасту южных лесостепных накольчатых памятников совпадает с мнением большинства специалистов, но с их абсолютным возрастом (середина IV тыс. до н.э.), на который указывает исследователь, согласиться трудно. Возможно, Н.Л.Моргунова несколько удревняет возраст ранненакольчатых комплексов, а Р.С.Габяшев слишком омолаживает. На первый взгляд, мнение Р.С.Габяшева соотносится с концепцией А.В.Вискалина. Последний датирует щербетьские памятники концом развитого – началом позднего этапа верхневолжской культуры, то есть серединой V тыс. до н.э., а по линии днепро-донецкой – первой половиной IV тыс. до н.э. Но если днепро-донецкая и даже наиболее территориально близкая среднедонская линия не подтверждается, то соответственно принимать подобную дату неприемлемо. Остается верхневолжская линия синхронизации. Автор данной работы уже обращал внимание на одно существенное противоречие: верхневолжский импульс вызывает некоторую настороженность, так как в марийских памятниках с накольчатой керамикой обнаружена фауна домашних животных, а в верхневолжских ее нет [Выборнов, 2003. С.38]. Если и могли где-то появиться признаки производящего хозяйства, то скорее в южных степных районах.

§ 2.5. Вопросы взаимодействия лесостепных и лесных памятников Среднего Поволжья

Появление памятников, близких в культурном отношении елшанским и средневолжским поставило вопрос о их соотношении с материалами лесного Поволжья. Этому способствовало и накопление новых источников на промежуточных территориях.

В Среднем течении правобережья р.Суры совместной экспедицией начались исследования первых памятников эпохи неолита. На многослойном поселении Утюж I вскрыто около 280 кв.м [Березина, Вискалин, Выборнов,

Королев, Ставицкий, 2007. С.14-23; Выборнов, 2008]. Кроме комплекса с ямочно-гребенчатой керамикой, обнаружены и более ранние материалы. Около 200 предметов из прозрачного и матового кремня черного и коричневого цвета имеют достаточно архаичные черты. Нуклеусы конической, призматической, торцовой формы (рис.158, 1-2). Узкие пластины преобладают над отщепами. Среди орудий представлены концевые и округлые скребки (рис.158, 12, 13), резцы на углу сломанной пластины (рис.158, 7), остря (рис.158, 5), пластинчатые наконечники иволистной и черешковой формы (рис.158, 3, 4), вкладыши с притупливающей ретушью на брюшке (рис.158, 8, 10, 11). Это комплекс находит аналогии как в сырье, так и в технико-типологическом отношении в материалах мезолитической поры Ульяновского Посурья [Вискалин, Выборнов, Ставицкий, 2000. С.12-22], Марийского Поволжья [Никитин, 2006. С.224]. Помимо этого, на поселении удалось зафиксировать остатки жилищного сооружения прямоугольной формы размерами 10x4 м, потревоженное более поздними постройками. На его полу, в ямках и культурном слое обнаружено около 25 прямостенных сосудов из илистой глины с примесью песка. Под венчиками с плоским срезом проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений (рис.161). Внешняя поверхность фрагментов хорошо заглажена, порой залощена. Сосуды имели как коническое (рис.162, 8-11), так и плоское (рис.162, 6, 7) дно. Неорнаментированные тонкостенные фрагменты относятся как к соответствующим сосудам (рис.161, 7), так и к тем, у которых узор располагался лишь в верхней его части. Орнамент нанесен преимущественно разреженными наколами подтреугольной формы (рис.161, 1, 2; 162, 1, 3, 5, 8-11) или насечками (рис.161, 4, 5). Орнаментальные композиции просты и представлены горизонтальными зонами из наклонных или горизонтальных рядов наколов (рис.161, 3, 4, 5, 6; 162, 1-3; 165, 1-4), либо их сочетаниям (рис.161, 1; 162, 5, 8). Несколько фрагментов орнаментировано овальными наколами (рис.162, 2; 165, 3), в том числе в технике отступающей палочки (рис.162, 4, 6), а порой и наколами напоминающую скобковидную форму

(рис.165, 1, 4). Единичные черепки, украшенные оттисками гребенчатого штампа (рис.165, 5), видимо, относятся к более позднему времени. Вышеописанная керамика находит частичные аналогии в посуде памятников: Ковыляй I [Ставицкий, 1999. С.41, рис.15-16], Ильинка [Мамонов, 1988. С.102, рис.9, 1, 5], Кыйлуд IV [Гусенцова, 1993. С.122, рис.42, 3], но наибольшее сходство просматривается в памятниках Марийского Поволжья [Никитин, 1996. С.84, рис.32, 1, 3-5; С.84, рис.34; с. 86, рис.35. С.88], [Выборнов, Королев, Ставицкий, 2004. С.33, рис.5, 4, 6]. Каменный инвентарь представлен изделиями из матового кремня серого, красновато-желтого оттенков. Важно отметить, что аналогичное сырье характерно для памятников с накольчатой керамикой в Примокшанье [Выборнов, Третьяков, 1987. С.59; Выборнов, Третьяков, 1991. С.50; Выборнов, Королев, 1994. С.123] и Марийском Поволжье [Никитин, 1985. С.64-68], [Выборнов, Королев, Ставицкий, 2004. С.28-29]. Среди пластин, которых меньше, чем отщепов есть экземпляры с нерегулярной ретушью по спинке (рис.163, 11). По размерам и по характеру нанесения ретуши они отличаются от мезолитических. Сходство проявляется с изделиями примокшанских и марийских комплексов с накольчатой посудой. Среди изделий представлены торцовые нуклеусы, остря, часть из которых скошенные (рис.163, 1-6), резцы на углу пластины (рис.163, 7-9), концевые скребки на пластинах (рис.164, 5-6) и отщепах (рис.164, 1-4), порой подпрямоугольной формы, что также характерно для марийских [Выборнов, Королев, Ставицкий, 2004. С.37-38] и примокшанских [Выборнов, Третьяков, 1991. С.51-53]. Наконечник на пластине вытянуто-подромбической формы (рис.164, 7) также не является инородным для этого комплекса [Выборнов, Королев, Ставицкий, 2004. С.39, рис.12, 2-3]. Обнаружены два рубящих орудия с оббивкой и пришлифовкой трапецевидной формы (рис.163, 12; 164, 8). Аналогичные изделия присущи комплексам с накольчатой керамикой как в Примокшанье [Выборнов, Третьяков, 1991. С.54, рис.7, 7], так и в Марийском Поволжье [Никитин, 1984. С.62, рис.4].

В 300 м к юго-востоку от стоянки Утюж I обнаружена еще один пункт – Вьюново озеро I, где по первой информации обнаружена керамика из илистой глины профилированной (рис.159, 1) или прямостенной (рис.159, 2) формы. Под плоским срезом венчика проходит ряд ямочных вдавлений. Сосуды, судя по придонным частям, были с приостренным дном. Примечательно, что каменный инвентарь представлен прозрачным и матовым кремнем черного цвета, аналогичным утюжскому мезолитического облика.

В этом же микрорайоне начато исследование стоянки Молёбное озеро I. Несмотря на предварительный характер изысканий, определенную информацию получить удалось. На памятнике обнаружена керамика трех разновидностей. Первая представлена прямостенными сосудами с плоским срезом венчика, под которым проходит ряд ямочных вдавлений. Внешняя поверхность неорнаментированных стенок залощена. Днища плоские (рис.159, 3-8). Вторая группа состоит из прямостенных сосудов из глины с примесью охристой крошки. Часть сосудов без узоров или с наколами. Днища, видимо, конические (рис.159, 9-11). Третья группа характеризуется черепками, украшенными гребенчатым штампом (рис.160, 1-5). Необходимо обратить внимание на тот факт, что каменный инвентарь изготовлен из прозрачного и матового кремня темного цвета. Подобное сырье присуще стоянке Вьюново озеро I и мезолитическому комплексу Утюжу I.

Чуть ниже по течению р. Суры, напротив г. Алатыря Ю.Б.Новиковым были обнаружены весьма интересные фрагменты. Первый сосуд (рис.166, 1-4) по ряду признаков сближается с керамикой камской культуры. К этой же культуре относится округлое днище, украшенное зубчато-гребенчатым штампом в виде «плетёнки», обнаруженное в 2008 году на оз. Чёрненьком, недалеко от стоянки Утюж I. Второй (рис.166, 5, 6) примечателен сочетанием характеристик камской культуры и воротничковым оформлением венчика (рис.166, 5). Это самый северо-западный пункт керамики симбиотичного характера.

Западнее, в бассейне р. Мокша, в 2 км от Потодеевской стоянки раскопом около 200 кв.м исследована стоянка Озименки II [Выборнов, Королев, Ставицкий, 2006. С.113-120], начало изучению которой было положено М.Е.Фосс [Фосс, 1959. С.4-16] и В.П.Третьяковым [Третьяков, 1990. С.173, рис.69]. По технико-типологическим признакам среди разнокультурных и неодновременных комплексов выделяется несколько групп неолитической керамики. В первую группу были объединены 15 профилированных тонкостенных сосудов из илистой запесоченной глины (рис.168, 1-10, 12, 16). У двух под срезом венчика проходит ряд ямочных вдавлений (рис.168, 7, 16). На одном сосуде прочерками нанесен узор в виде косо́й решетки (рис.168, 9), а на другом разреженные наколы, обрамленные прочерками (рис.168, 17). Вышеописанная группа керамики залегала в нижней части культурного слоя. По данным И.Н.Васильевой, по технологии эти сосуды близки посуде елшанского типа. Сближают их характер обработки внешней поверхности, профилированность сосудов, узоры. Вторая группа представлена 25 прямостенными сосудами толщиной от 0,5 до 0,8 см с примесью песка в тесте (рис.169, 1-7, 9). Под срезом у всех сосудов проходит ряд ямочных вдавлений. Узор наносился наколами преимущественно треугольной формы в отступающей манере (рис.169, 2-4, 6-8, 11-13, 15, 16; 170, 1, 2, 5, 8; 171). Лишь тридцать фрагментов (половина из них от двух сосудов) украшены наколами овальной и подпрямоугольной формы (рис.169, 1, 5, 14). Единичны черепки с прочерками и насечками (рис.170, 3, 9-11) наколами скобковидной формы (рис.169, 10) Помимо отдельных фрагментов, был обнаружен развал сосуда (рис.171). Вышеперечисленные показатели характерны для керамики памятников Посурья и лесостепного Заволжья. Третью группу керамики представляют около 20 прямостенных сосудов (рис.172, 1-8) толщиной 0,6-0,9 см с примесью песка в тесте. На внутренней поверхности некоторых прослеживается (как и у части сосудов второй группы) штриховка зубчатым инструментом. У 13 венчиков под срезом проходит ряд ямок (рис.172, 1-4, 6, 8). Орнамент нанесен коротким изогнутым зубчатым штампом (рис.172, 1-3,

6; 173, 4, 5). Примерно столько же фрагментов орнаментировано длинным узким (рис.172, 5; 173, 7-9) гребенчатым штампом. Около 20 боковинок сочетают оттиски того и другого инструмента (рис.172, 10-11; 173, 7). Более десятка черепков от разных сосудов сочетают наколы, отпечатки короткого зубчатого (рис.173, 2, 6) или длинного узкого (рис.173, 1) штампом. Единичны фрагменты с «шагающей» гребенкой (рис.173, 3, 6). Весьма интересны два сосуда, плотно украшенные гребенчатым штампом (рис.174, 1-7). С одной стороны они схожи с вышеописанной группой керамики, а с другой, – с четвертой группой посуды этого же памятника. Она характеризуется толстостенными (0, 8-1,1 см), с примесью песка и шамота в тесте фрагментами. Верхние части сосудов прямые или чуть вогнутые вовнутрь (рис.175, 1, 2). Под срезом проходит ряд ямок (рис.175, 1, 2). Узор наносился по всей поверхности длинным крупным гребенчатым штампом (рис.175, 1-8). Композиции немногочисленны: горизонтальные ряды наклонных или прямопоставленных оттисков разделены короткими отпечатками, вертикальный зигзаг. Примечательно отсутствие «шагающей» гребенки. Относительно культурной принадлежности данной посуды имеются определённые разногласия. По мнению В.В.Ставицкого, она продолжает развитие верхневолжской традиции на её позднем этапе [Ставицкий, 2006. С.11; 2008. С.96]. Автор данной работы считает, что эта группа находит ближайшие аналогии в материалах камской культуры западной части Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. К этой же группе по технологии примыкают около 70 фрагментов от 10 сосудов. Отличительная черта – наличие ямочных вдавлений по тулову сосуда (рис.176, 1-8). В.В.Ставицкий полагает, что она находит полные аналогии в поздней верхневолжской посуде [Ставицкий, 2006. С.11] и свидетельствует о зарождении новой орнаментальной традиции, получающей дальнейшее развитие в льяловской керамике [Ставицкий, 2008. С.96]. Однако не следует исключать, что эта подгруппа фрагментов свидетельствует о контактах камской культуры на её позднем этапе с представителями культуры ямочно-

гребенчатой керамики. Учитывая наличие на этом памятнике еще и ямочно-гребенчатой посуды, кремневый инвентарь распределить по различным керамическим группам не представляется возможным.

Появление памятников с керамикой, близкой елшанской на правобережье р. Волги, поставило вопрос о территориальных границах раннего этапа волго-уральской или елшанской культуры.

Определяя культурный облик материалов типа Имерки VII (наиболее западные пределы), В.В.Ставицкий на основе сравнительного анализа приходит к заключению, что «достаточно общий характер перечисленных аналогий точно-накольчатой керамики Примокшанья с елшанской посудой, при наличии ряда существенных отличий оставляет открытым вопрос о ее культурном статусе» [Ставицкий, 1999. С.43]. В то же время на данной территории со стоянки Озимёнки II происходит керамический комплекс, наиболее сходный именно с посудой елшанского типа. С этим солидарен и А.Е.Мамонов [Мамонов. 2007. С.73]. Не противоречит технико-типологической оценке и фактор расстояния. От месторасположения стоянки Чекалино IV на р. Сок до Озимёнок II на р. Мокше не более 500 км. Вполне приемлемые параметры, даже если допустить одновременность этих памятников. Так, стоянки камской неолитической культуры, относящиеся к одному этапу развития, расположены вдоль побережья р. Камы на протяжении порядка 800 км. Но ведь ситуация с вышеописанными памятниками несколько сложнее. Во-первых, между памятниками елшанского типа самаро-сокского междуречья и Примокшаньем расположена промежуточная территория, где исследована стоянка Усть-Ташёлка. Но даже ее материалы не являются зеркальным тождеством посуды елшанского типа с Ивановской стоянки или поселения Нижняя Орлянка II. Объяснение этим различиям можно найти не только в территориальном аспекте. Судя по радиоуглеродным датам, они разновременны: Ивановская стоянка 8020 ± 90 ; Усть-Ташёлка – 7680 ± 200 ; Озимёнки II – 6950 ± 100 л.н. Складывается впечатление, что происходило продвижение отдельных групп

населения из лесостепного Волго-Уралья в северо-западном направлении. Во-вторых, отличительные черты возникли и в связи с различными мезолитическими субстратами на вышеуказанных территориях. Об этом красноречиво свидетельствуют различия комплексов Старо-Токской стоянки в Оренбуржье [Моргунова, 1995. С.133-135], Чекалино II на р. Сок [Королёв, Ластовский, Мамонов, 1997. С.3-13], Ховринской стоянки в Ульяновской области [Вискалин, 2008. С.228-239], Зарека I и Клюквенное на р.Мокше [Ставицкий, 1999. С.24-31].

Что же касается памятников Прихоперья, то от самаро-сокского микрорайона до стоянки Плаутино I на р. Хопре [Сурков, 2007. С.37-54], Шапкино VI [Хреков, Юдин, 2003. С.16-18; 28-29] и Кипец [Выборнов, Королев, Ставицкий, 2005. С.15, 24] на р. Вороне порядка 700 км. Тем не менее, А.В.Сурков отмечает, что её наличие на Среднем Хопре можно объяснить и более широкими границами распространения елшанской культуры, продвинувшейся далеко на запад [Сурков, 2007. С.96]. Это явление, быстро распространившееся на широкой территории, развивалось под единым импульсом, приобретая локальную специфику [Сурков, 2007. С.98]. В свою очередь, А.Е.Мамонов считает, что напрямую идентифицировать эти материалы с елшанскими представляется преждевременным [Мамонов, 2007. С.73]. Посуда со стоянки Плаутино I не многочисленна, но все же допустимо констатировать ряд наблюдений. Анализ фрагментов, проведенный И.Н.Васильевой, свидетельствует о технологии изготовления, аналогичной елшанской посуде. Венчики профилированные, представлен ряд ямок под срезом, внешняя поверхность сосудов хорошо заглажена, встречаются прочерки. Эти признаки присущи керамике елшанского типа. Наличие ямочно-точечных вдавлений прослеживается и на Усть-Ташёлке, и на Имерке VII. Поверхностно нанесенные, разреженные наколы подквадратной или треугольной формы, действительно не встречены в материалах Заволжья. Но они есть на посуде Усть-Ташёлки и Имерки VII. И здесь следует обратить внимание не только

на территориальный аспект. Очень важно, что на Плаутино I и Шапкино VI фрагменты, сходные с елшанскими, при поштыковом распределении концентрировались в основании слоя. В то же время А.В.Сурков отмечает, что близость керамических комплексов елшанской и среднедонской культур в Похоперье и их практически совместное залегание с незначительным предшествованием елшанской керамики позволяет говорить об их синхронном существовании, по крайней мере, с начала V тыс. до н.э. [Сурков 2007. С.98]. Необходимо всё же отметить, что данный контекст залегания не является в строгом смысле доказательством этому.

Таким образом, специфика памятников этого региона объясняется результатами взаимодействия двух групп населения: с неорнаментированной посудой и с накольчатой орнаментацией. Этот вывод можно распространить и для памятников типа Имерка VII в Примокшанье. Здесь помимо прямостенной неорнаментированной остродонной посуды присутствует профилированная керамика с наколами и ямчато-точечной техникой. Примечательно, что узоры, выполненные этими техниками идентичны (рис.182, 1, 2), что лишнее раз наводит на мысль об их единстве. То, что вышеобозначенное взаимодействие на территории Примокшанья осуществлялось, подтверждают материалы Потодеевской стоянки. Фрагменты заглажены и залощены. Сосуды профилированные, украшенные мелкими треугольными наколами. Композиции, аналогичные имеркским (рис.167, 1-2). И не случайно исследователи определяют симбиотичный характер материалов этого памятника [Ставицкий, 2004. С.229]. На первый взгляд, эта ситуация характерна и для других регионов Среднего Поволжья. Так, А.В.Вискалин датирует елшанскую культуру началом V тыс. до н.э. Основанием служит результат спорово-пыльцевого анализа, проведённого Е.А.Спиридоновой соответствующего слоя Ивановской стоянки. По мнению палеогеографа, условия близки аридным, пик которых пришёлся на 7200 л.н. и продолжился до 6500 л.н. [Вискалин, 2006. С.261-262]. Здесь необходимо оговорить, что первый этап аридизации в атлантике фиксируется

Е.А.Спиридоновой и Ю.А.Лаврушиным в начале VI тыс. до н.э. Что подтвердилось и радиоуглеродной датой по кости из елшанского слоя Ивановской стоянки.

Наиболее северным пунктом в Среднем Поволжье, где обнаружена керамика, сходная с елшанской, является стоянка Вьюново озеро I в среднем течении р. Суры около г. Алатырь Чувашской Республики. Утверждать прямое проникновение елшанского населения на данную территорию было бы преждевременно. Более предпочтителен иной вариант, в пользу которого свидетельствуют некоторые данные. Так, на стоянке Утюж I в этом же микрорайоне обнаружен кремневый инвентарь, который по своеобразию сырья (прозрачный и матовый темных тонов) допустимо выделить в особую коллекцию. Эта процедура подтверждается и технико-типологическими характеристиками данного комплекса (рис.158). Они позволяют классифицировать данный пункт позднемезолитическим временем. На стоянке Вьюново озеро I, где и обнаружена елшанская керамика, кремневый инвентарь немногочислен, что еще раз подтверждает временный характер памятника. Но важная деталь: по сырью он тождествен позднемезолитическому со стоянки Утюж I. Ножевидные пластины имеют более крупные параметры по сравнению с утюжскими, что предполагает их более поздний возраст. Можно допустить формирование раннеолитической культуры данного района на местной мезолитической основе. Керамическое производство здесь, скорее, в результате диффузии, а не миграции и смены населения. Подтверждением этому может служить и материал стоянки Молёбное озеро I в данном районе. Кремневое сырье для изготовления орудий на данном памятнике тождественно двум предшествующим. Это позволяет предполагать эволюционную линию каменной индустрии от позднего мезолита до стадии развития с прямостенной, с плоскодонной и конусовидной посудой, на которой под венчиком проходит ряд ямочных вдавлений (рис.159).

Одним из проблемных вопросов является и определение территории распространения памятников развитого и позднего этапов неолита (гребенчато-накольчатых) лесостепного типа, которые ученые определяют как волго-уральские (Н.Л.Моргунова) или средневожские (И.Б.Васильев, А.А.Выборнов). И если западным окраинам лесостепных древностей Среднего Поволжья уже посвящена специальная работа [Выборнов, Агапов, 2006. С.37-41], то материалы более северных областей до сих пор не получили однозначной оценки. Так, И.Б.Васильев и А.А.Выборнов, рассматривая средневожскую неолитическую культуру, попытались проанализировать и стоянки, расположенные на территории Ульяновской области, Татарстана и Республики Марий Эл. Исследователи пришли к предварительному выводу, что единство гидросистемы Волги предполагало процесс продвижения отдельных групп в сопредельные районы. Подчеркивалось, что в лесостепи шло два процесса: интеграции двух традиций и их дальнейшее параллельное развитие. В более северных регионах, во-первых, накольчатая посуда не имеет всей суммы южных черт, так как влияние степных культур ограничивалось самаро-сокским бассейном. Во-вторых, проникновение накольчатой традиции в Казанское и Марийское Поволжье сопровождалось консервацией традиций, что вызвано инородным окружением, с которым и не сложилось симбиотического образования, подобного самаро-сокскому [Васильев, Выборнов, 1988]. Н.Л.Моргунова, исходя из концепции волго-уральской культуры, имеющей более южный, чем северный характер, полагает, что стоянки расположенные в лесной части Среднего Поволжья имеют иной характер. Эти расхождения не носили бы повышенного внимания, если бы не одно немаловажное обстоятельство. От корректного определения культурной принадлежности памятников северной части Среднего Поволжья решаются вопросы более общего порядка. Так, Р.С.Габяшев считает, что ранние накольчатые памятники приустьевой части Камы ведут свое происхождение от среднедонских комплексов [Габяшев, 2003. С.59]. В то же время, В.В.Никитин высказывает предположение о том,

что стоянки с накольчатой керамикой Марийского Поволжья в своем генезисе связаны с материалами верхневолжской культуры [Никитин, 2002. С.295-303]. А поскольку исследователь считает материалы приустьевого Прикамья (типа II Щербетской и IV Тетюшской) аналогичными марийским, то граница верхневолжской культуры будет проходить именно в этом пределе, а южнее уже располагаются памятники средневолжской культуры. Есть и иная версия. Так, Е.Л.Костылева излагает свое видение процесса так: наиболее ранняя верхневолжская керамика наибольшее сходство по основным признакам обнаруживает с некоторыми типами керамики нижневолжской культурной области и ракушечноярской культурой. Видимо, именно оттуда шел в Волго-Окское междуречье керамический импульс через «передаточную цепочку», представленную памятниками средневолжской, елшанской и волго-камской культур [Костылева, 2004. С.215]. Иначе говоря, от более правильной интерпретации материалов Ульяновской области, Татарии и Марийского течения р. Волги зависит не только вопрос о пограничье двух культур, но и важные аспекты генезиса культур лесной полосы не только Среднего, но и Верхнего Поволжья. Более того, Е.Л.Лычагина на материалах Среднего Прикамья отмечает, что следует говорить о том, что на обширной территории лесной полосы в раннем неолите под воздействием лесостепных культур появляются сходные формы слабо орнаментированной накольчатой керамики [Лычагина, 2006. С.121]. Поэтому автор вернулся к данному вопросу ещё раз [Выборнов, 2007а. С.39-47; 2007б. С.74-78].

Прежде чем обратиться к непосредственному сравнительному анализу средневолжских комплексов с более северными, необходимо еще раз определить содержательные характеристики лесостепного культурного образования. Ранняя фаза представлена керамикой со следующими признаками. Посуда изготовлена из запесоченного сырья. Толщина фрагментов, внешняя и внутренняя поверхности которых заглажены мягким предметом, – 0,7- 0,9 см. Сосуды прямостенные, днища конические или

плоские. Срез венчика овальный или плоский, порой с насечкой. Преимущественно на внешней стороне проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений, образующих на внутренней поверхности выпуклины, а порой наоборот. Сосуды такого типа составляют значительную группу. Представлен прочерченный и накольчатый способ нанесения орнамента. Помимо них имеется посуда с зубчатыми оттисками и ногтевидными насечками. Именно эти черты хорошо выражены как на памятниках бассейна р. Самары (типа Виловатовской стоянки), то есть, пограничья степи и лесостепи на южной границе, так и на стоянках сокского микрорайона.

Севернее бассейна р. Сок на левобережье Ульяновской области в нижнем течении р. Большой Черемшан были обнаружены неолитические памятники, отнесенные Г.М.Буровым к различным этапам волго-камской культуры [Буров, 1980]. Наиболее архаичной исследователем справедливо определял коллекцию стоянки Лебяжье I, где обнаружен кремневый инвентарь, с мезолитическими реминисценциями как в технологии, так и в типологии орудий (трапеция, пластинчатые наконечники стрел, резцы на углу сломанной пластины и т.п.). На стоянке обнаружено 88 тонкостенных черепков (что, кстати, тоже свидетельствует о раннем возрасте) с лощением или штриховкой поверхностей. Есть плоское дно. Следует обратить внимание на большой процент неорнаментированных черепков. Ямки или «жемчужины» под срезом венчика представлены почти на всей посуде, причем с таким узором, как самостоятельный, встречено почти 40% сосудов (рис.132, 1-5). Кроме этого, есть накольчатый узор (рис.132, 12-13; 133.1-3), прочерки в виде «косой решетки» (рис.133, 4, 6) или горизонтальных рядов (рис.132, 6; 133, 5), насечки (рис.133, 8) и оттиски короткого изогнутого штампа (3%) (рис.132, 7, 10, 11; 133.9) [Буров, 1980. С.23-24; 42-44]. Показатели почти полностью совпадают с характеристикой посуды наиболее архаичных материалов самаро-сокского района, например, Ильинской стоянки (рис.61; 62, 5-14; 63). В этом же районе расположена стоянка Мелекес III, где обнаружено 147 фрагментов от 32 сосудов с тонкостенной

посудой, плоскодонной. Поверхности заглажены или подштрихованы зубчаткой. Более половины черепков лишены орнамента. У 30 сосудов ямочный пояс под срезом венчика, причем как самостоятельный этот узор встречен на 40% сосудов, то есть как и на Лебяжьем I (рис.134, 9). Накольчатых узоров в два раза больше, чем на последнем (рис.134, 10-11), а прочерки и насечки в одинаковых пропорциях. А вот зубчатые узоры в 10 раз превышают показатель на Лебяжьем I (рис.134, 1-7). Есть точечный узор (рис.134, 8). Сравнительный анализ показывает несомненную культурную близость этих памятников между собой. Особенно следует обратить внимание на большой процент неорнаментированной посуды, наличие у подавляющего числа сосудов горизонтального ряда ямочных вдавлений (или «жемчужин») под срезом венчика, короткого изогнутого зубчатого штампа, насечек и прочерков, что находит аналогии в материалах стоянки Лебяжинка IV на р. Сок (рис.103, 104, 106, 111, 113). Иначе говоря, с большей долей вероятности оба этих памятника допустимо отождествлять с комплексами самаро-сокского бассейна. Так же на левобережье Ульяновского Поволжья, но еще севернее р. Большой Черемшан расположена стоянка Лесное Никольское III, где обнаружено около 20 сосудов от двух групп керамики. В первую объединяются фрагменты без орнамента, украшенные насечками или наколами разной конфигурации, на двух сосудах под срезом проходит ряд либо ямок, либо «жемчужин», встречено плоское дно с треугольными наколами (рис.135; 136, 1-2; 4-8). Вторая (меньшая по числу) группа представлена сосудами с гребенчатым орнаментом (рис.136, 3, 5). По мнению автора раскопок, этот памятник находит аналогии с комплексами Ильинской стоянки в Самарском Поволжье и II Щербетской стоянки в Прикамье. Некоторое своеобразие коллекции (отсутствие прочерков, орнаментации среза и т.п.) А.В.Вискалин объясняет периферийным положением стоянки в стороне от долины р. Волги. Как с этим, так и вышеприведенным выводами следует согласиться. Необходимы лишь некоторые дополнения. По сумме технико-типологических признаков данная коллекция выглядит более

поздней по сравнению с такими архаичными материалами, как Лебяжье I и Мелекес III. Материалы стоянки Лесное Никольское, органично вписываемые в характеристики средневожской культуры, допустимо относить к развитому этапу. Это предположение подтверждается и радиоуглеродной датой, полученной Н.Н.Ковалюхом – 6570 ± 170 л.н., то есть середина V тыс. до н.э., что хорошо согласуется с абсолютным возрастом развитых этапов как верхневожских, так и нижневожских древностей. Таким образом, не только на ранней фазе, но и на среднем этапе территория левобережья Ульяновского Поволжья входила в орбиту средневожской культуры. Этот вывод подтверждают и материалы изысканий для территории правобережья Ульяновской области, так как на Верхней Свияге исследован памятник Елшанка XI, содержащий, помимо посуды, сходной с елшанской, керамику с наколами, насечками, зубчатыми или ямчатыми отпечатками, горизонтальным рядом ямочных или «жемчужных» вдавлений под венчиком, в том числе как самостоятельный узор на неорнаментированном поле. Автор исследования данного памятника справедливо констатирует, что эти материалы имеют многочисленные параллели в неолитических древностях средневожской лесостепи, особенно сокского и черемшанского микрорайонов, что позволяет атрибутировать памятник в рамках средневожской (волго-уральской) неолитической культуры [Вискалин, 2004. С.144-152]. Необходимо отметить, что комплекс данного памятника, естественно, не является полным тождеством сокско-самарских материалов, так как здесь отсутствует прочерченная система узоров и в меньшей мере выражены короткие изогнутые отпечатки зубчатого штампа.

Важно отметить, что на правобережье Ульяновского Поволжья благодаря целенаправленным изысканиям А.В.Вискалина получены интересные комплексы, содержащие материалы близкие елшанским. Вкупе с известным памятником – Луговое III – они позволяют достаточно надежно предполагать более древний, чем гребенчато-накольчатый пласт стоянок на данной территории. Именно они и могли явиться основой для сложения

средневожских древностей в данном регионе. Уже на современном уровне знаний допустимо констатировать некоторые отличия наиболее древних ульяновских материалов от комплексов сокско-самарского региона. Это минимальный процент прочерченной техники нанесения узоров, не столь ярко выраженный горизонтальный ряд ямочно-жемчужных поясков под венчиком, но в то же время присутствуют одинарные треугольные и подквадратные наколы, точечные вдавления и даже зубчатые оттиски. И если материалы стоянки Луговое III допустимо соотносить с комплексом Красный Городок в сокском районе, то сосуды Елшанки X на р. Свияге сигнализируют о каких-то контактах позднеелшанского населения с иноплеменниками. По крайней мере, наличие значительного количества неорнаментированной плоскодонной посуды, присутствие большого числа сосудов с ямочно-жемчужным пояском в коллекциях Лебяжье I позволяют предполагать наличие памятников елшанского типа и на левобережье Ульяновского Поволжья, тем более что территориально это ближе к р. Сок, чем к р. Свияге.

Таким образом, на территории как левобережья, так и правобережья Ульяновского Поволжья представлены памятники культурно аналогичные южным и представляющие как архаичные (Лебяжье I), развитые (Мелекес III, Елшанка XI), более поздние (Лесное Никольское III) и еще позднее (Лебяжье II). К северу от впадения р. Б.Черемшан в р. Волгу, практически на границе севера Ульяновской области и юга Татарстана, расположена IV Тетюшская стоянка, культурно-хронологическая интерпретация которой до сих пор вызывает споры у специалистов. Непосредственное знакомство автора с коллекцией позволяет сделать ряд наблюдений. Из 460 тонкостенных фрагментов около 300 не имеют орнамента, что, несомненно, сближает данные материалы с комплексами Ульяновского Поволжья (а через них и с самаро-сокскими). Около 40 венчиков имеют в качестве узора лишь ряд как ямчатых, так и (что более важно) «жемчужных» поясков [Габяшев, 2003. С.165]. И этот показатель очень характерен как для ульяновских (Лебяжье I), так и для самаро-сокских (Виловатовскя, Ильинская, Лебяжинка IV-V).

Автор уже обращал внимание на то, что данная черта присуща лесостепным поволжским памятникам и по всей вероятности восходит к елшанским древностям [Выборнов, Королев, Мамонов, 2002]. В них ямочно-жемчужные пояски появляются не только с комплексах Луговое III – Красный Городок (эти памятники автор относит к поздним), но и в архаичных Чекалино IV, Н.Орлянка II, Лебяжинка IV. Плоскодонность посуды IV Тетюшской стоянки хорошо согласуется опять же с керамикой как Лебяжьего I, так и сокских стоянок, где эта черта восходит к елшанским древностям. Около 40 фрагментов несут на себе накольчатый орнамент, преимущественно треугольной формы в технике отступающей палочки (рис.140, 7-16). Именно такая манера является типичной для более южных областей: Лебяжье I, Мелекес III. Присутствуют наколы, аналогичные тетюшским и на правобережной стоянке Луговое III. Необходимо еще одно дополнение. Сходство тетюшской накольчатой керамики с самаро-сокской проявляется и в орнаментации среза венчика и, что самое важное, в орнаментальных композициях. Некоторые из них совпадают до тождества на таких стоянках как Красный Яр VII (рис.68, 4; 69, 5) и Лебяжинка IV (рис.113) на р. Сок и Виловатовская стоянка (рис.78) на р.Самара. Еще около 20 фрагментов на IV Тетюшской стоянке украшено ногтевидными насечками. Это прием встречен на Лебяжьем I и Лесном Никольском III на левом берегу и на Луговом III на правобережье. Южнее на р.Сок посуда с насечками ярко представлена на Ильинской стоянке, Красный Яр VII, Лебяжинке IV, V. Причем на Ильинской (рис.63, 12) и Лебяжинке IV (рис.111, 9-10) насечки, кроме всего прочего, нанесены на придонных частях приостренной формы, что, видимо, свидетельствует об их более раннем возрасте по сравнению с тетюшскими. А на Красном Яру VII (рис.72) насечки покрывали плоскодонный сосуд, как и на Лебяжинке V (рис.73, 5). Таким образом, узор из насечек является типичной чертой неолитической культуры от р.Сок на юге (на Виловатовской стоянке на р. Самара такие фрагменты единичны) до юга лесного Среднего Поволжья на севере. Единичные фрагменты с отпечатками

гребенки на IV Тетюшской стоянке (рис.140, 17) не тождественны классическим лесостепным и скорее отражают контакты с камской культурой раннего этапа. Иначе говоря, комплекс IV Тетюшской стоянки фиксирует тот хронологический момент, когда не получила широкого развития зубчатая традиция. Вопрос о появлении стоянки IV Тетюшская имеет несколько вариантов. Она могла сформироваться на комплексах типа Луговое III и тогда следует предположение о возможном наличии аналогичных последнему из памятников в левобережье Ульяновской области. Пока они не обнаружены, допустим и другой вариант. Аналогичность тетюшского комплекса Лебяжьему I, Красному Яру VII и отчасти Ильинской стоянке, и Лебяжинкам IV и V позволяет предположить продвижение отдельных групп из самаро-сокского района вплоть до южного Татарстана вдоль левого берега р. Волги. Примечательно отсутствие на тетюшской посуде прочерченных линий в виде «косой решетки» и горизонтальных линий, столь характерных и для самарских (Виловатовская) и сокских (Ильинка, Лебяжинка IV), и черемшанских (Лебяжье I) памятников. Этот прием, по всей видимости, заимствован от более ранних елшанских традиций. Отсутствие прочерков на IV Тетюшской, видимо, свидетельствует о том, что данный комплекс формировался не на основе позднеелшанских, а на комплексах типа Лебяжье I. Более ранний возраст последних по сравнению с IV Тетюшской предполагает и Р.С.Габяшев [Габяшев, 2003. С.59]. Какой из этих вариантов более приемлем – тема отдельного исследования, но уже сейчас можно с большой долей уверенности относить материалы IV Тетюшской стоянки к ранней (догребенчатой) фазе средневожской культуры.

Вторым памятником в пределах Татарстана является стоянка Ага-Базарская, находящаяся чуть севернее IV Тетюшской и расположенная на левом берегу р. Волги, где и концентрируется подавляющее большинство памятников этого типа. Из около 230 фрагментов, просмотренных автором в фондах ИЯЛИ КФ АН СССР в 1974 году, более 70 фрагментов лишены

узоров. Порядка 90 черепков орнаментированы ногтевидными насечками, аналогичными вышеописанным. Однако есть детали, на которые должно обратить внимание. Боковинки более толстостенные, а композиции из насечек более разнообразные: кроме горизонтальных рядов здесь встречены вертикальный зигзаг, горизонтальный зигзаг, «елочка», наклонные ряды. Эта группа посуды в значительной мере схожа с керамикой стоянок Лебяжинка IV и V, Елшанка XI в Ульяновском правобережье, которые занимают типологически более позднюю нишу, чем стоянки Лебяжье I и Ильинская. Об этом говорит и то, что на последней есть острое дно с насечками. Подтверждением тому может служить и небольшая (около 10 экз.) группа керамики с зубчато-гребенчатым штампом. Причем, если последняя - типично камская хуторского облика, то зубчатая - по технологии аналогична насечковой, а композиция – вертикальный зигзаг из коротких изогнутых оттисков аналогичен узорам из насечек [Халиков, 1973, табл. 20, 9], то есть полная повторяемость. Важно подчеркнуть, что подобное сочетание причуще посуде стоянок Лебяжинка IV и V на р.Сок. Около 60 боковинок с накольчатой орнаментацией также копируют данные узоры: горизонтальные и наклонные ряды, зигзаги типа горизонтального.

Можно сделать вполне определенный вывод о том, что и данный памятник хорошо вписывается в характеристики лесостепных средневожских древностей.

Еще чуть севернее, но опять же на левобережье р. Волги расположен еще один памятник – II Щербетьская стоянка. Из 860 фрагментов около 700 черепков лишены орнамента. Помимо венчиков, где узор лишь в виде ряда ямочно-жемчужных поясков (рис.137, 2-3, 7), около 70 венчиков и боковинок с наколами преимущественно треугольной формы в отступающей манере (рис.137, 4, 9-14; 138, 1-12), 50 стенок с насечками (рис.139, 7-12) и еще 30 фрагментов с гребенчатыми оттисками (рис.139, 1-6). Последние (точно так же, как на IV Тетюшской стоянке) более схожи с посудой раннего этапа камской культуры типа стоянки Кабы-Копры (рис.140, 1-6, 8),

расположенной в бассейне р. Свяги на Ульяновском правом берегу на одной широте со II Щербетской стоянкой и отражают контакты двух культур. Как накольчатая, так и с насечками, керамика находит прямые аналогии в материалах стоянок сокского и черемшанского районов на стоянках Красный Яр VII, Лебяжинка IV, Ильинская, Лебяжье I, вплоть до совпадения орнаментальных композиций [Халиков, 1969. С.55, рис.13, 1-3; 6-9, 12, 16; Габышев, 2003. С.165, рис.21, 1-17]. Нельзя пройти мимо констатации и таких далеко не второстепенных признаков, общих для сокско-самарских и более северных памятников, как заглаживание (вплоть до лощения) поверхности сосудов, одинаковая толщина боковинок, орнаментация срезов венчика насечками. Иначе говоря, и материалы стоянки II Щербетская допустимо относить к дозубчатой стадии развития средневожской культуры. Вновь отметим отсутствие на щербетской посуде длинных прочерченных линий, характерных для более южных комплексов, что еще раз наводит на мысль об их различиях в возрасте. И не случайно Н.Л.Моргунова отметила, что данные II Щербетской стоянки, видимо, говорят о более раннем начале процесса проникновения в Казанское Поволжье южного населения, чем поздний неолит [Моргунова, 1995. С.41].

Далее на север в районе г. Казани, опять же на левобережье р. Волги, как из раскопа, так и со сборов на стоянке Займище IIIa (автор ознакомился с коллекцией в 1978 г. с любезного разрешения А.Х.Халикова), помимо пунктирной (рис.142, 1-3) и накольчатой (рис.142, 8-11) керамики, обнаружены тонкостенные фрагменты, украшенные как ногтевидными насечками (рис.142, 12), так и рядами отпечатков короткого изогнутого зубчатого штампа (рис.142.4-5), присущих не камской, а именно лесостепной средневожской культуре. А севернее г. Казани по левобережью расположена стоянка IV Матюшинская, где кроме типичной накольчатой посуды (рис.143, 6, 8-9; 144, 4, 6), обнаружены черепки, в том числе плоское дно (что не присуще камской), украшенные также коротким изогнутым зубчатым штампом и насечками (рис.143, 7). Иначе говоря, проявления

лесостепного характера прослеживаются и на юге лесной полосы Среднего Поволжья. Далее по левобережью р. Волги, в пределах Марийской республики, благодаря эффективным изысканиям В.В.Никитина и его коллег, исследованы памятники с накольчатой посудой, чей культурно-хронологический статус находится в стадии тщательной и скрупулезной проработки [Никитин, 1996; 2002; 2006; 2006а]. Раскопки стоянки Сутырская V [Выборнов, Королёв, Ставицкий, 2004. С.27-40] позволили обнаружить остатки жилища с накольчатым комплексом. Тонкостенные сосуды с заглаженной, а порой с залощённой поверхностью плоскодонны. Часть из них имеет лишь ямочное вдавление под венчиком (рис.147, 1-2). Большинство фрагментов орнаментированы треугольными наколами в отступающей манере (рис.148). Представлены овальные (рис.147, 11; 149, 7), подквадратные (рис.147, 12,) и других очертаний (рис.149, 1-4). Встречаются насечки (рис.149, 6, 8) и прочерченные линии (рис.147, 4, 5, 8-10). Кремневый инвентарь (рис.150, 151) аналогичен изделиям Дубовских и Отарских стоянок Марийского Поволжья, исследованных В.В.Никитиным [Никитин, 1996]. Посуда Сутырской V стоянки также находит сходство с керамикой вышеназванных памятников (рис.152). Исследователь считает обоснованным сопоставление И.Б.Васильевым и А.А.Выборновым марийских материалов с комплексами IV Тетюшской и II Щербетской стоянок и объединение их в одну культурную группу [Никитин, 1996. С.112]. Автор отмечает, что неслучайно памятники типа II Щербетской специалисты относят к средневожской культуре [Никитин, 2006а. С.100]. Естественно, что необходима дальнейшая разработка всех многогранных аспектов данной проблемы, но уже сейчас допустимо констатировать сближение позиций В.В. Никитина и автора, высказанная в форме гипотезы [Выборнов, 1986. С.10-11]. По поводу датировки раннего неолита Среднего Поволжья В.В.Никитин, основываясь на хронологическую шкалу верхневожской культуры, высказал предположение, что накольчатая посуда здесь могла существовать не позднее начала IV тыс. до н.э. [Никитин В.В.

2002. С.302]. С получением радиоуглеродной даты для поселения Отарское VI (6700 ± 40 ; Ле-5998) и с учетом ее калибровки он определил время начала существования накольчатой керамики первой половиной VI тыс. до н.э. [Никитин В.В. 2002а. С.182]. Однако и здесь возникает несколько проблем. Одна из них – это соотношение накольчатых памятников данного региона и ямочно-гребенчатых, которые, по мнению В.В.Никитина, следуют за накольчатыми. Дело в том, что ямочно-гребенчатые материалы, исходя из абсолютной хронологии Волго-Окского междуречья, датируются не ранее рубежа V-IV тыс. до н.э. При калибровке эти даты соответствуют началу V тыс. до н.э., что создает лакуну между ними и накольчатыми памятниками почти тысячелетней протяженности. Есть и еще одно слабое звено в синхронизации с памятниками Верхнего Поволжья. Наиболее архаичные стоянки раннего этапа верхневолжской культуры датируются по радиоуглероду первой половиной V тыс. до н.э. [Зарецкая, Костылева, 2008. С.9-10]. Посуда из этого слоя стоянки Сахтыш II полностью лишена орнамента [Костылева, Зарецкая, 2003. С.53-54] или частично украшена рядами овальных вдавлений [Жилин, 1997. С.190, рис.7, 9-10]. Слои с фрагментами, орнаментированными наколами в отступающей манере, укладываются во вторую половину этого тысячелетия [Зарецкая, Костылева, 2008]. Получается, что памятники Марийского Поволжья с развитой накольчатой керамикой древнее верхневолжских. В таком случае, следовало бы предполагать движение в обратном направлении. Одним из вариантов решения этой проблемы может быть предположение о существовании накольчатой керамики в лесном регионе и в более позднее время. Так, в Ульяновском Поволжье накольчатая керамика стоянки Лесное-Никольское датируется 6570 ± 170 л.н., то есть может относиться, по крайней мере, к середине V тыс. до н.э., для Кошкинской стоянки на р.Вятке имеется радиоуглеродное определение 6160 ± 100 л.н. [Гусенцова Т.М. 2000. С.22], а для накольчатого комплекса Среднего Прикамья (стоянка Чашкинское Озеро

VI) – 6280 ± 70 л.н. и 6080 ± 70 л.н., то есть последняя четверть V тыс. до н.э. по некалиброванным значениям [Лычагина, 2006. С.133].

В то же время В.В.Никитин, ссылаясь на данные А.Е.Мамонова по Ильинской стоянке, допускает, что в Марийском Поволжье накольчатая керамика могла проявиться с юго-востока (с Самарского Поволжья), где изучены наиболее ранние памятники елшанской культуры с накольчатой посудой [Никитин, 2006а. С.258]. Рассматривая средневожскую лесостепную, В.В.Никитин отмечает, что можно выделить пласт плоскодонной посуды с наколами, близкий материалам лесного Поволжья. Проанализировав как северные, так и южные культуры, исследователь приходит к выводу, что в Волжском бассейне в середине VII – середине IV тыс. до н.э. существуют раннеолитические культуры, по комплексу признаков тяготеющие к лесостепному неолиту елшанского типа. Основные (ранние елшанские) признаки (технология, форма, степень орнаментации, узоры) наталкивают на мысль о елшанском центре накольчато-прочерченной керамики на данной территории и дальнейшем ее распространении на юг (орловская), Дон (среднедонская), северо-запад через Оку по Волжскому побережью [Никитин, 2006. С.101]. Из елшанских стал выводить такие элементы, как разреженный накол, насечки и даже зубчатые штампы, и А.В.Вискалин, но распространение строчечных наколов в средневожской культуре связывает с киево-черкасской культурой [Вискалин, 2006а. С.48]. Таким образом, если по наиболее раннему пласту его позиция совпала с мнением большинства специалистов, то увязка с юго-западом вновь порождает хронологические ножницы как минимум в 500 лет. Но хотелось бы обратить внимание на другой важный момент. При своих разработках В.В.Ставицкий, Е.Л.Костылева, В.В.Никитин опираются на материалы Ильинской стоянки и вслед за А.Е.Мамоновым относят ее к позднему этапу елшанской культуры. Автор сделал вывод о том, что на Ильинской стоянке два одновременных комплекса: елшанский и средневожский [Выборнов, 2006. С.103]. И именно с последним соотносят исследователи свои

материалы. Но в таком случае необходимо четко разделять, какую роль сыграла елшанская культура на ее позднем этапе и каков вклад в развитии соседних культур средневожских древностей. Что же касается предполагаемого маршрута продвижения лесостепных племён в лесное Среднее Поволжье, то он весьма вероятен. Согласно данным палеогеографов волжское побережье Марийского края в атлантический период характеризуется лесостепным ландшафтом [Никитин, 1985].

На современном уровне изысканий, следует, что наиболее вероятным регионом, откуда происходит керамическое производство в лесном Среднем Поволжье, является лесостепная территория Заволжья, где этот процесс начался в VI тыс. до н.э. Однако упрощать данный процесс как продвижение южных племен только по левобережью р. Волги было бы не совсем верно. Так, в Среднем Посурье полученные материалы свидетельствуют о наличии памятников, аналогичных Красному Городку и Луговому III (рис.159). Относительно накольчатой керамики стоянки Утюж I, которую автор сопоставляет с посудой таких памятников, как Дубовская III и Отарская VI, В.В.Ставицкий высказал предположение о её более позднем характере по сравнению с марийскими [Ставицкий, 2008. С.97]. Позволю себе высказать иную версию. На стоянке Утюж I представлены конические днища (рис.162, 8-11). Это является ранним признаком. В.В.Никитин отмечает, что в марийских памятниках из 38 сооружений и более 40 ям, к которым приурочена накольчатая керамика, не обнаружено ни одного конического днища [Никитин, 2008. С.311]. Иначе говоря, сурская посуда более ранняя. Гипотеза В.В.Ставицкого основывается и на малочисленности кремнёвых орудий, изготовленных на ножевидных пластинах. Приведённая в соответствующем разделе характеристика каменных изделий со стоянки Утюж I (несмотря на относительную смешанность памятника) свидетельствует несколько об ином. Здесь выделены пластины в достаточном числе и орудия из них (рис.163, 4-9, 11; 164, 5-7). Из этого следует, что и кремнёвый инвентарь весьма архаичен. Можно привести ещё один аргумент.

Как дубовская, так и утюжская керамика сделана (судя по определению И.Н.Васильевой) из незапесоченной илистой глины с незначительной примесью шамота и органики. Аналогичная технология, которая является типологически более ранней, чем утюжская, присуща керамике стоянок Вьюново озеро I и Молёбное озеро I. Это не исключает возможности развития одной из другой. А вот в Марийском Поволжье комплексы, аналогичные вьюновским и молебленским отсутствуют. Поэтому допустим вариант, который предлагал еще в середине 80-х гг. XX в. В.В.Никитин: продвижение по Суре вплоть до впадения в Волгу, а затем, переправившись на левобережье, расселение в Марийском Поволжье [Никитин, 1985. С.57-86]. Возможно, именно с этим связана их определенная специфика. Тем более что эти памятники расположены в пограничье между верхневолжскими на западе и средневолжскими лесостепными на юго-востоке.

§ 2. 6. Хронологические аспекты неолита Среднего Поволжья и соотношение с культурами сопредельных территорий

Отсутствие радиоуглеродных дат для памятников неолита интересующего района в значительной мере затрудняло решение различных аспектов. Оставались неясными вопросы соотношения елшанских и средневолжских древностей. Было сложно проводить синхронизацию с культурами сопредельных территорий. Примером может служить полемика относительно появления елшанской культуры в лесостепном Поволжье. До появления дат, не связанных со спорными определениями по раковинам моллюсков, исследователи выстраивали юго-западную линию и датировали начало этого процесса рубежом VI и V тыс. до н.э. [Вискалин, 2006]. Новые данные позволили видоизменить концепцию [Вискалин, 2007. С.4-13], которая в значительной мере приблизилась к гипотезе А.А.Выборнова и И.Б.Васильева. В настоящее время по керамике неолитических стоянок Среднего Поволжья получено более 60 (Выборнов, Ковалюх, Ластовский, Мамонов, Моргунова, Скрипкин, 2008) радиоуглеродных дат. Наиболее древним оказалось определение елшанских фрагментов без шамота с Ивановской стоянки –

7930±90 л.н. Оно хорошо согласуется с уже имевшейся датой с этого же памятника, сделанной по костям – 8020±90 л.н. [Зайцева, Тимофеев, 1997. С.100]. Таким образом, подтвердилась версия о появлении в начале VI тыс. до н.э. в лесостепном Поволжье памятников с остродонной керамикой. Вторая группа фрагментов, типологически не отличающихся от первой, но содержащей примесь шамота, получила более поздние даты: 7780±90 и 7680±90 л.н. Иначе говоря, развитие елшанской керамической традиции в восточной части лесостепного Среднего Поволжья укладывается в первую половину VI тыс. до н.э. Данный хронологический интервал как минимум на 700 лет древнее ранних памятников сурской культуры. Это не позволяет считать её прототипом елшанской остродонной посуды Ивановской стоянки. Видимо, не случайно В.В.Ставицкий склоняется к мысли, что, возможно, население сурской культуры и не сыграло решающей роли в сложении раннекерамических культур лесостепной зоны [Ставицкий, 2007. С.338].

Даты плоскодонной посуды елшанского облика (содержащей определенную примесь шамота) со стоянки Усть-Ташёлка в северной части лесостепного Поволжья – 7810±190 и 7680±190 л.н. В данном случае можно констатировать появление плоскодонной посуды во второй четверти VI тыс. до н.э. Становится ясно, что эта временная позиция старше наиболее архаичных памятников буго-днестровской культуры. Это не допускает возможности определять последнюю как основу для формирования плоскодонной традиции. С учётом радиоуглеродных дат северо-прикаспийской керамики с плоскими днищами (с начала VI тыс. до н.э.) версия о нижневолжском источнике этой технологии, высказанная А.А.Выборновым и И.Б.Васильевым в середине 80-х гг. XX в. находит вескую дополнительную аргументацию. Судя по последним данным, плоскодонная посуда протохасунской культуры, которая и могла через кавказские памятники типа Чох [Амирханов, 1987] повлиять на североприкаспийские древности по радиоуглероду, определяется: 8065±45, 7900±120, 7880±110 л.н., то есть рубежом VII и VI тыс. до н.э. [Nishiaki, Le

Miere, 2005. С.55-67]. Этим же временем – 7950 ± 140 л.н. [Манько, 2006. С.19] датируется комплекс Сатаная, где сочетаются параллелограммы и двустороннеобработанные сегменты [Амирханов, 1986. С.68], весьма характерные для памятников Северного Прикаспия.

Необходимо важное наблюдение, сделанное И.Н.Васильевой. Анализ елшанской керамики Ивановской стоянки показал. Во-первых, изначальную существенную неоднородность елшанского населения, оставившего культурный слой на данном памятнике. Выявились две группы, одна из которых использовала илистые глины, а вторая илы. Во-вторых, далеко зашедший процесс смешения елшанского населения с группами, в среде которых были распространены представления об илах как сырье для производства керамики. Таковыми могли быть коллективы, изготавливавшие накольчатую посуду. Проявлением сосуществования и смешения разных групп является наличие сосудов елшанского типа, сделанных из илов, а также особенности ивановского елшанского комплекса по сравнению с другими памятниками елшанской культуры, как большое количество сосудов, изготовленных из илистых глин с раковиной [Васильева, 2007. С.37]. Очень важны в этой связи радиоуглеродные даты неорнаментированной плоскодонной керамики из 3-его слоя Варфоломеевской стоянки: 7760 ± 100 и 7620 ± 100 л.н. Примечательно, что они почти полностью совпадают с датами елшанской керамики Ивановской стоянки, а технологические признаки посуды очень сходны. Следует отметить, что Н.Н.Ковалюх считает эти даты несколько удревненными. Возможно, это и так. Поскольку между вышеприведенными датами и последующими образуется своеобразный разрыв. Так, по фрагментам посуды елшанского облика с примокшанской стоянки Озимёнки II дата – 6950 ± 100 л.н. Примечательно, что это определение хорошо коррелирует с датами сурской культуры. По мнению В.В.Ставицкого, важно то, что в лесостепной зоне происходит распространение керамических традиций сурского типа, что свидетельствует о наличии общего источника [Ставицкий, 2007. С.338]. В

таком случае наиболее архаичные памятники следовало бы определять сурскими, а не елшанскими. В итоге возникает необходимость проработки вопроса о двух регионах появления в разное время раннеэнеолитических памятников: типа Ивановской стоянки на основе восточно-каспийских комплексов в начале VI тыс. до н.э. и типа Озимёнок II на основе приазовских в начале V тыс. до н.э.

Что касается восточной части лесостепного Среднего Поволжья, то нельзя исключать бытование елшанской традиции до начала V тыс. до н.э. Так, по черепкам со II Старо-Елшанской стоянки получено две даты: 6820 ± 80 и 6760 ± 80 л.н. Имеются даты – 6670 ± 80 и 6770 ± 90 л.н. с Ильинской стоянки для фрагментов с прочерками типа крестовидной решетки. Кстати, на стоянке Озимёнок II представлен венчик с аналогичной прочерченной крестовидной решеткой. В этой связи следует напомнить позицию А.А.Ластовского [Ластовский, 2006] о длительном существовании посуды елшанского типа. Кроме того, и в других регионах ситуация примерно аналогичная. Так, Н.С.Котова констатирует, что керамика типа Струмеля и Гостятина ничем не отличается от собственно днепро-донецких и, как отмечает Д.Я.Телегин, встречается на многих днепро-донецких памятниках Киевщины. И если В.Н.Даниленко считал стоянки типа Струмель наиболее ранними, фиксирующими первое проникновение носителей буго-днестровской культуры, то изучение материалов показало, что посуда Шмаевки аналогична ранней днепро-донецкой, а посуда Струмеля – керамике второго периода киево-черкасской культуры, то есть эти памятники разновременны [Котова, 2002. С.8]. То, что елшанская традиция не прерывается и доживает до рубежа VI и V тыс. до н.э., свидетельствуют и другие доказательства. Так, на Ивановской стоянке обнаружена посуда с накольчатым орнаментом. По радиоуглеродным датам она фиксируется 7060 ± 100 , 6980 ± 80 , 6930 ± 90 , 6840 ± 90 л.н., то есть началом V тыс. до н.э. Это совпадает с абсолютными датами по позднеелшанской группе. Накольчатая керамика Ивановской стоянки подразделяется на две подгруппы. Первая почти не содержит

ямочно-жемчужного пояса под венчиком [Выборнов, 2007. С.98-104]. Узоры нанесены в отступающей манере треугольным наколом, а композиции представлены сочетанием горизонтальных рядов и более сложных узоров (рис.96, 2, 5-7, 97). Это сближает группу фрагментов с керамикой 3-его слоя Варфоломеевской стоянки (рис.32). Следует напомнить, что для последнего памятника даты – 7080 ± 80 и 6990 ± 80 л.н., то есть совпадают с датами накольчатой керамики Ивановской стоянки южного типа из илов без примеси шамота. Еще более значительными можно считать следующие выводы в уже упомянутой работе И.Н.Васильевой: технологический анализ накольчатой керамики Ивановской стоянки показал признаки смешения пришлой группы населения с елшанскими – почти половина сосудов этой подгруппы имела пояс ямок-жемчужин (елшанский признак – авт.) и была сделана из илистых глин, а 69% этой подгруппы имела примесь шамота.

Вышеизложенные данные технологического анализа елшанской и накольчатой керамики Ивановской стоянки и накольчатой посуды 3-его слоя Варфоломеевской стоянки, а также их радиоуглеродные даты подтверждают предположения, основанные на типологическом уровне [Выборнов, 2000. С.182; 2003. С.37].

Таким образом, возникновение накольчатой традиции на юге Среднего Поволжья, судя по типологическому, технологическому и радиоуглеродному анализам, сопряжено с проникновением определенных групп нижеволжского населения типа 3-его слоя Варфоломеевской стоянки. Этот процесс выглядит вполне естественным. Хорошо известен факт наличия мезолитического памятника Нижняя Сызрань на границе Средней и Нижней Волги [Ластовский, 2000]. Не только типология, но и сырье, характерное для жеколганской группы, позволили автору предполагать проникновение прикаспийского мезолитического населения на север до широты г. Самары [Ластовский, 2006. С.246]. Следует добавить, что технологический анализ керамики 3-его слоя Варфоломеевской стоянки показал: часть сосудов изготовлена из пелогеновых илов, что характерно для прикаспийской

посуды, а другая изготовлена из илистых глин. Данный факт свидетельствует о неоднородности гончарной технологии населения, оставившего нижний слой. И.Н.Васильева объяснение этому факту находит в наличии контактов варфоломеевского населения с коллективами елшанской или пост-елшанской культуры, под влиянием которых в среде первых распространилось представление об илистых глинах, как сырье для изготовления посуды.

Несколько позже, в конце VI тыс. до н.э., по всей видимости, из-за экологических причин, связанных с аридизацией Нижневолжского региона, начиная с 7200 л.н., по мнению палеогеографов [Спиридонова, Алешинская, 1999. С.25], начинается проникновение на юг лесостепного Среднего Поволжья представителей нижневолжской культурной области с накольчато-прочерченной керамикой. Их представительство было весьма значительным. Об этом свидетельствует не только многочисленная и монолитная группа керамики южного типа на Ивановской стоянке. Еще одним доказательством может служить и дальнейшее развитие накольчатой керамической традиции в данном районе. По данным И.Н.Васильевой, в результате смешения побеждает гончарная технология пришельцев. Если в гибридной группе (южнонакольчатой и елшанской) из илов сделано 46% сосудов, то в дальнейшем, при сохранении местной основы (10% сосудов изготовлено из илистой глины), они уже доминируют, составляя 90% [Васильева, 2007. С.36-38].

Дальнейшее развитие местной традиции представлено группой керамики, которая характеризуется следующими признаками. Это прямостенные сосуды, поверхность которых с внешней стороны заглажена. Под срезом венчика проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений. Днища плоские. Изготовлена эта посуда из илистой глины. Фрагменты с подобной характеристикой появляются в материалах стоянкой елшанского типа, где доминирует профилированная и остродонная керамика. Со временем последняя исчезает и преобладающей становится вышеописанная. О том, что данный тип сосудов моложе елшанских первого типа, свидетельствует и

серия радиоуглеродных дат по керамике из разных регионов. Так, по стоянке Елшанка XI - 6820 ± 90 л.н.; Красный Городок (рис.58, 1, 10) – 6730 ± 100 л.н.; по Ильинке (рис.61, 1) – 6740 ± 70 л.н.; Луговому III (рис.129, 1-7) – 6700 ± 100 л.н.; Лебяжинка IV - 6560 ± 80 л.н.; Красному Яру VII (рис.66, 1) – 6540 ± 80 л.н. Утверждать, что выделяется культурно-хронологический пласт в чистом виде, было бы некорректно. В свое время эти материалы предлагалось выделять во второй этап елшанской культуры, а такие признаки, как плоскодонность, объяснялись влиянием нижеволжских культур [Васильев, Выборнов, 1988]. Абсолютные даты памятников этих культур подтверждают вышеприведенную версию. Так, по стоянке Каиршак IV: 7105 ± 90 и 6960 ± 80 л.н., а по Варфоломеевке 2Б – 7070 ± 90 и 6980 ± 90 л.н., по 2А – 6970 ± 80 и 6860 ± 90 л.н. Эта керамика становится составной частью практически всех памятников неолита Среднего Поволжья этой поры. Более того, предполагался ее более широкий хронологический диапазон (Выборнов, Королев, Мамонов, 2002. С.163-164). Это предположение получило определенное подтверждение радиоуглеродными датами для двух стоянок. Так, по керамике данного типа стоянки Максимовской II: 6470 ± 80 и 6420 ± 70 л.н. По фрагментам гладкостенного типа, но с загладкой зубчатым (?) инструментом внутренней поверхности и рядом «жемчужин» со стоянки Лебяжинка I дата: 6020 ± 80 л.н.

В территориальном плане гладкостенная плоскодонная с рядом ямок под венчиком посуда не замыкается только в лесостепном Среднем Поволжье. Обнаружена сходная керамика на стоянках Верхнего Подонья [Бессуднов, Смольянинов, Надов, 2006. С.266-267; Синюк, Клоков, 2000. С.29; Смольянинов, 2006. С.289-290; 2009. С.10-18], то есть в одном широтном диапазоне с памятниками лесостепного Среднего Поволжья. Фрагменты подобного типа содержатся и в коллекциях из раскопок В.П.Левенка, хранящиеся в Липецком краеведческом музее [Смольянинов, 2008. С.89-95]. Но и в данном регионе интересующий тип посуды не замыкается в узком хронологическом отрезке, так как есть свидетельства его сочетания с

материалами накольчатого типа [Смольянинов, 2005. С.132, рис.7, 1-7]. Трактовка вышеописанной группы керамики как проявление транзита с запада на восток пока неубедительна. Памятники с неорнаментированной плоскодонной керамикой, иногда с загладкой зубчатым инструментом внешней поверхности, порой гофрированным венчиком и рядом ямочных вдавлений или «жемчужин» относятся к культуре Бодрогкерестур на р. Тиса. Датируются они третьей четвертью V тыс. до н.э. [Титов, 1980. С.195-196, 201, рис.121]. В таком случае вероятен обратный процесс, так как памятники этого типа в лесостепном Поволжье определяются более ранним возрастом. Возможен иной вариант. При просмотре коллекций в краеведческом музее г.Липецка было обнаружено несколько сосудов со стоянки Устье-Излегощи из раскопок И.А.Козмирчука. Эта посуда по ряду технико-типологических признаков напоминает елшанскую. Кроме этого исследователи отмечают аналогичную посуду из нижних слоёв стоянки Ярлуковская Протока из раскопок В.П.Левенка [Смольянинов, 2006. С.290; Смольянинов, 2008. С.93-94; Смольянинов, 2009. С.10-12]. При просмотре данных материалов обнаружилась еще одна немаловажная черта. Они сочетают как елшановидные показатели, так и разреженные треугольные наколы, что свидетельствует о взаимодействиях этих групп. Иначе говоря, картина напоминает ситуацию в лесостепном Поволжье.

Немногочисленная, но весьма показательная составная часть керамической традиции средневожской неолитической культуры представлена керамикой с прочерченным орнаментом, о чем уже отмечалось выше. Допускалось предположение, что эта группа восходит к елшанской. В настоящее время этому нашлись дополнительные подтверждения. Так, фрагменты с прочерченной кривой решеткой (рис.62, 1) с Ильинской стоянки получили дату: 6770 ± 90 л.н., то есть первая четверть V тыс. до н.э., что совпадает с абсолютным возрастом посуды Елшанской стоянки. Что же касается сопредельных территорий, то посуда с прочерками (а порой и накольчатым заполнением внутри прочерков) относится исследователями к

этапу 1а донецкой культуры [Котова, 2002. С.229, рис.105, 1-4; с.247, рис.123]. Памятники этого этапа получили даты по материалам стоянок Зелёная Горица 5 – 6510 ± 120 и Зелёная Горица 6 – 6455 ± 120 л.н. [Манько, С.162], то есть середина V тыс. до н.э. На днепровской стоянке Игрень 8 черепки сходного облика получили даты: 6700 ± 140 ; 6600 ± 140 ; 6500 ± 140 л.н. [Манько, 2005. С.121]. Севернее по р. Днепр на стоянке Моства волынской культуры обнаружено показательное сочетание: два сосуда идентичных по технологии и форме (в том числе шиподонность), но один гладкостенный с ямочным поясом под профилированным венчиком, а на втором орнамент представлен горизонтальными рядами короткого зубчатого штампа и косой решетки из прочерков [Котова, 2002. С.224, рис.100]. Датируются они периодом 1б и относятся ко второй половине V тыс. до н.э. Более того, автор отмечал, что наибольшая совокупность сходных признаков проявляется в материалах Понеманья [Чернявский, 1979, рис.11, 6.8-10, 12, 14-15]. Не случайно обращается внимание на то, что орнаментация в виде «жемчужин» и сетки из прочерченных линий, очень характерная для неманской культуры, впервые появляется на керамике елшанской культуры [Долуханов, Шукуров, Гроненборн, Зайцева, Тимофеев, Соколов, 2003. С.81]. В этой связи интересно отметить наличие фрагмента сходного с елшанскими типами на стоянке Репище в бассейне р.Мсты [Зими́на, 1981. С.134, табл. 8, 19]. Но не могли ли быть прототипами как неманской, так и днепровской посуде данного облика сосуда, буго-днестровской культуры с очень схожими формами и орнаментацией? Причем появляются они на самых ранних памятниках [Зализняк, 2005. С.135-139, 147-148, 150, 153, 163] – 7400 ± 130 ; 7320 ± 130 и т.п. типа Добрянка 3. Но бытуют до середины V тыс. до н.э. типа верхнего слоя Базькова острова [Котова, 2002. С.167, рис.43, 1] – 6580 ± 80 л.н., тем самым хронологически смыкаясь с самыми ранними днепровскими комплексами. Подтверждением буго-днестровского, а не елшанского прототипа может служить и ситуация на территории лесостепного Подонья, которая является своеобразным буфером между Средним Поволжьем и

Поднепровьем. Малочисленные фрагменты с кососетчатым рисунком встречены на единичных памятниках и нехарактерны для среднедонской культуры, а, судя по примесям, тяготеют к донецким материалам [Гапочка, Крючков, 2004. С.76, рис.6, 2, 5; С.82]. Весьма незначительные проявления днепро-донецких элементов зафиксированы и в Похопёрье [Ставицкий, Хреков, 2003]. Уже обращалось внимание на наличие подобной орнаментации как в позднекаиршакских памятниках (рис.8), так и 2-3 слоях Варфоломеевской стоянки (рис.31; 32, 3, 7; 36, 4). Именно они, а не западные культуры, скорее всего, явились прототипами для лесостепных традиций.

С появлением радиоуглеродных дат более ясным становится вопрос о керамике с насечками. По фрагментам такого типа (рис.63, 12) с Ильинской стоянки получено две даты: 6770 ± 90 и 6670 ± 100 л.н. Примечательно, что они практически совпали с двумя датами по неорнаментированной посуде с этой же стоянки. Это подтверждает типологический и технологический анализы. Таким образом, данная система орнаментации возникает в лесостепном Поволжья достаточно рано. Поэтому выводить её из далёких культур Балкан и Западного Средиземноморья [Вискалин, 2006а. С.49; 2009. С.175-176] вряд ли целесообразно.

В этой связи очень важное наблюдение представлено А.Т.Синюком для ряда стоянок Среднего Подонья. Он отмечает, что редко встречаемые на донских стоянках сосуды, находящие аналогии в материалах елшанского типа, по своему размещению в культурных слоях ни в одном случае не демонстрируют хронологического приоритета над раннеолитическими накольчатыми сосудами [Синюк, 2004. С.204].

В бассейне р.Самары на Виловатовской стоянке керамика с наколами нижневолжского типа также представлена, но уже в адаптированном варианте. Фрагменты, не содержащие южные черты датируются: 6320 ± 90 (рис.79, 3), 6020 ± 90 и 5910 ± 80 (рис.81, 1, 6), 5840 ± 100 и 5840 ± 90 л.н. (рис.81, 9, 11). То, что накольчатая традиция доживает до рубежа V и IV тыс. до н.э., свидетельствуют материалы стоянок Лебяжинка IV (рис.115, 1, 4): 5930 ± 90 и

5880±90 л.н. Следует обратить внимание на наличие керамики с меандрами как в бассейне р. Самары (рис.84, 4), так и в бассейне р.Сок (рис.68, 2). Этот узор присущ посуде из слоя 2Б Варфоломеевской стоянки (рис.36, 5). Фрагмент с таким орнаментом на стоянке Красный Яр VII получил дату 5780±100 л.н. Далее на север идет цепочка памятников, даты которых хорошо согласуются с комплексами юга Среднего Поволжья: Елшанская XI - 6650±80; II Дубовогривская – 6440±80; Лесное-Никольское (рис.135, 6) – 6500±100; II Щербетьская (рис.137, 13; 138, 1, 4, 7) – 6530±90, 6270±90; IV Тетюшская (рис.140, 16) – 6170±90; Дубовская III (рис.152, 4) – 6130±100, 6095±90; Дубовская VII (рис.152, 13) – 5950±90; Отарская VI – 6020±90; Сутырская V (рис.148, 10-13) – 5805±90 л.н. Таким образом, накольчатая традиция в Среднем Поволжье от южной границы (р. Самара) и до лесного Марийского Поволжья развивается в рамках V – начала IV тыс. до н.э. Данное предположение подтверждается и датами памятников с накольчатой керамикой Посурья и Примокшанья, которые в разной степени коррелируются на культурном уровне с комплексами Заволжья [Выборнов, Березина, Вискалин, Ковалюх, Скрипкин, Ставицкий, 2008]. Неорнаментированные фрагменты со стоянки Утюж I в Среднем Посурье – 6330±90, а накольчатые (рис.161, 1) – 5890±90 л.н. В этом же районе со стоянки Молёбное озеро I накольчатая керамика обнаружена вместе с неорнаментированной (рис.159, 3-11). Фрагмент последней (рис.159, 3-5) получили дату – 6290±90 л.н. На стоянке Черненькое озеро III накольчатая керамика продатирована - 6190±80 л.н. На стоянке Ковыляй I В.В.Ставицкий выделяет раннюю и позднюю группы керамики с наколами. Сосуд первой группы (рис.177, 1) получил дату 6040±90 л.н., а фрагмент позднего типа (рис.178, 3) – 5780±90 л.н. Со стоянки Озимёнки II черепки раннего облика (рис.169, 13, 16) датируются 5830±90 л.н., а более поздний сосуд (рис.171) – 5650±80 л.н. Чуть западнее от Мокши, в бассейне р. Вад, неорнаментированный сосуд со стоянки Имерка VII (рис.181, 1) получил даты – 6130±90 и 6270±80 л.н. Фрагменты с наколами (рис.183, 11, 15) с

этого же памятника – 6040 ± 100 л.н. Подтверждением их сосуществования является посуда симбиотичного облика (рис.182, 1, 3). Это хорошо коррелирует, с одной стороны, с сурско-мокшанскими, а с другой, – с заволжскими. А.В.Вискалин отмечает системную близость накольчатой средневожской керамики с киево-черкасской культурой. В своё время исследователи обосновали датировку этой культуры первой половиной – третьей четвертью IV тыс. до н.э., причем на несколько сот лет позже, чем предполагалось ими ранее [Телегин, Титова, 1998. С.20]. В настоящее время появились радиоуглеродные даты для стоянок Молюхов бугор, Бузьки, Диковка, относящихся к киево-черкасской культуре. Сделанные по костям они варьируют от 6110 ± 80 до 5480 ± 90 л.н., а и по органике в посуде от 6380 ± 90 до 5490 ± 210 л.н. И в более восточном, среднедонском регионе исследователи убедительно доказывают некоторый приоритет накольчатых комплексов над зубчатыми [Синюк, Гапочка, 2005; Гапочка, 2006]. Но доказательств тому, что и здесь накольчатая традиция возникает раньше, чем в лесостепном Поволжье, пока нет. Иначе говоря, какого-либо хронологического приоритета днепро-донецких комплексов над заволжскими не прослеживается. Более того, судя по датам с Ивановской стоянки накольчатая традиция в лесостепном Заволжья начинается уже в начале V тыс. до н.э.

Керамика с зубчатым орнаментом является характерной чертой средневожской культуры. По мнению И.Н.Васильевой, посуда такого типа на Ивановской стоянке показывает определенную технологическую приемственность с предыдущим периодом, поскольку сосуды изготовлены из илистых глин, присутствует ямочно-жемчужный поясок и традиция составления формовочной массы с шамотом [Васильева, 2007. С.38]. По наличию синкретических образцов гребенчато-накольчатого типа исследователи предполагали её сосуществование на определенном этапе с накольчатой традицией [Васильев, Выборнов, 1988]. На Виловатовской стоянке сосуд с зубчатыми отпечатками получил даты – 6160 ± 100 и 5980 ± 100

л.н. (рис.87, 1), а аналогичные ему: 6010 ± 80 и 5960 ± 90 л.н., 5970 ± 90 и 5755 ± 80 л.н. Для фрагментов с зубчатыми отпечатками на стоянке Лебязинка IV (рис.108, 1, 2) получена дата – 5690 ± 80 л.н. В правобережье р. Волги фрагменты с зубчатым узором со стоянки Подлесное III (рис.153, 10) получили дату 6070 ± 90 л.н. Западнее, на стоянке Ковыляй I аналогичные черепки (рис.179, 2, 3) – 6140 ± 90 л.н. На Имерке VII (рис.183, 1) – 5850 ± 100 , на Имерке Ia (рис.187, 10) – 5920 ± 80 , на Имерке IV (рис.188, 5) – 5860 ± 80 л.н. Таким образом, предположение, сделанное на основе типологического анализа, подтверждается полученными датами. Аналогичная ситуация прослеживается и в Среднем Побитюжье [Гапочка, 2004. С.60-72]. А.В.Вискалин отмечает наибольшую близость гребенчатой посуды Волго-Уральской лесостепи с лесостепной киево-черкасской и донецкой культурами [Вискалин, 2006а. С.48-49]. Для памятников донецкой культуры, где обнаружена посуда с короткозубой орнаментацией, в настоящее время получены радиоуглеродные даты: по памятникам Туба-2, Серебрянское [Манько, 2006. С.219, рис.99; С.220, рис.100, 1; С.233, рис.113, 1, 224; С.234, рис.114.4] получены определения 6220 ± 90 – 6070 ± 90 л.н.; 5840 ± 80 – 5780 ± 200 л.н. [Манько, 2006. С.16]. Они отнюдь не предшествуют возрасту зубчатой керамики из степного Заволжья. Что же касается киево-черкасской культуры, то, согласно Н.С.Котовой, этап 1б первого периода, где уже представлена зубчатая посуда, датируется последней четвертью V тыс. до н.э. [Котова, 2002. С.223, рис.99]. По этапу 1а, к сожалению, радиоуглеродных дат нет. Мы можем лишь предполагать – третью четверть V тыс. до н.э. Это предположение основывается на сходстве керамики и кремнёвого инвентаря Малоперещепкинской стоянки [Котова, 2002. С.214, рис.90] с комплексами 2-ого этапа буго-днестровской культуры из верхнего слоя поселения на о. Базьков [Котова, 2002. С.165-171, рис.41-47]. Последний памятник датирован по радиоуглеродному методу от 6720 ± 70 до 6580 ± 80 л.н., то есть второй четвертью V тыс. до н.э. Учитывая, что киево-черкасская культура формировалась при непосредственном участии буго-днестровской,

третья четверть V тыс. до н.э. для этапа 1а первого периода будет наиболее приемлемой. Поскольку на территории лесостепного Поволжья в более ранних хронологических рамках формируется накольчатая традиция, то для автохтонной линии с зубчатой орнаментацией, как будто, не остаётся места. Возможно, предположение А.В.Вискалина имеет определённые шансы. Но для этого необходимы радиоуглеродные даты по керамике с зубчатой орнаментацией с Ивановской стоянки и наиболее ранних комплексов днепродонецкого региона. Особое внимание вызывают материалы с зубчатым орнаментом, аналогичным средневожскому, со стоянки Карамышево 9 на Верхнем Дону. Это тем более важно, поскольку уже отмечалось сходство предшествующих по времени в этих регионах карамышевских комплексов и памятников типа Красный Городок.

Необходимо обратить внимание на одну немаловажную деталь. На симбиотичной посуде наколы сочетаются в подавляющем большинстве именно с короткими зубчатыми оттисками, но встречается и длинные гребенчатые отпечатки (рис.82, 4, 6; 116, 1, 5; 173, 1-2, 6; 180, 2; 185, 1; 188, 7). Иначе говоря, значительного хронологического разрыва между зубчатой и накольчатой техникой нанесения узоров с одной стороны и гребенчатой системой орнаментации, видимо, не было. Так, керамика с гребенчатым узором со стоянки Имерка IV (рис.188, 8) получила дату – 5670 ± 80 и 5590 ± 80 , а на Имерка Ia (рис.187, 2) – 5820 ± 90 л.н. На стоянке Ковыляй I (рис.179, 8) – 5830 ± 80 , а на стоянке Озимёнки II – 5650 ± 80 и 5490 ± 90 л.н. В Среднем Посурье на стоянке Молёбное озеро I (рис.160) сходная керамика получила дату – 5980 ± 90 л.н. На Верхней Суре по аналогичным фрагментам со стоянки Подлесное IV (рис.155, 1, 5; 156, 1) даты: 5940 ± 80 и 5890 ± 90 л.н. Аналогичная посуда со стоянки Отарская VI получила дату 5890 ± 80 л.н. Наиболее интересная информация получена для керамики стоянки Подлесное III. Фрагмент с зубчатым штампом (рис.153, 10) получил дату 6070 ± 90 , черепок с гребенчатым узором (рис.153, 8) – 6110 ± 80 , а боковинка с их сочетанием (рис.153, 6) – 5940 ± 80 л.н. Таким образом, гребенчатая

система орнаментации появляется в период бытования зубчато-накольчатой и продолжает бытовать в более позднее время. Так, для подобной посуды со стоянки Лебяжинка IV (рис.107, 2; 110, 6) получены даты: 5420 ± 80 и 5360 ± 90 , а на Лесном-Никольском III (рис.136, 3, 5) – 5400 ± 90 л.н. Примечательно, что радиоуглеродные даты для стоянки Подлесное III более ранние, чем на Нижней Каме. Это серьёзный аргумент в пользу версии о постепенной инфильтрации населения Сурско-Мокшанского междуречья в восточном направлении и его участия в формировании гребенчатой традиции Нижнего Прикамья [Выборнов, 1988; 1992].

Необходимо рассмотреть и вопрос о взаимоотношениях населения средневожской и энеолитических культур типа самарской и хвалынской. Предваряя этот аспект, следует отразить позицию В.В.Ставицкого на материалы эпохи раннего металла Среднего Поволжья. По мнению исследователя, комплекс могильника у с. Съезжее сложился в значительной мере под воздействием пришлого населения. Таковым являются носители мариупольских древностей [Ставицкий, 2006. С.74], продвинувшихся из Нижнего Подонья и Зауралья, Поднепровья [Ставицкий, 2006а. С.107]. Что же касается поселений самарской культуры, то они являются результатом симбиоза средневожской и хвалынской [Ставицкий, 2006. С.74], а потому возможна постановка вопроса о правомерности их объединения в одну культуру. Автор солидарен с В.В.Ставицким, что материалы могильника у с. Съезжее еще не раз будут требовать пристального внимания специалистов. Так, на площади памятника обнаружен среди прочего каменного инвентаря кремневый комплекс. По ряду технико-типологических признаков данную коллекцию в предположительном плане допустимо относить к мезолитической (раннеэнеолитической?) поре. Здесь надо напомнить, что на территории могильника обнаружено два погребения, несколько удаленные от основной части [Васильев, Матвеева, 1979. С.148, рис.1]. Учитывая наличие в одном из них костяного вкладышевого кинжала, нельзя не допускать их принадлежность именно к вышеописанному кремневому комплексу эпохи

мезолита. Примечательно, что в непосредственной близости от энеолитических захоронений располагались два погребения эпохи бронзы. Это лишний раз дает основание для допущения о весьма сложной культурно-хронологической ситуации данного памятника. Не случайно В.В.Ставицкий находит в этом комплексе даже зауральские черты при его формировании [Ставицкий, 2006. С.73]. Не обсуждая специально данный аспект, все же необходимо отметить два момента. С одной стороны, среди каменных орудий мезолитического облика обнаружены предметы из зауральской яшмы. Но, с другой, сосуды с петельками в виде ушек встречаются и на территории северо-востока Европейской части России [Буров, 1967. С.197, табл. XIII, 10] и на юго-западе Северного Прикаспия [Кольцов, 1988. С.73, рис.12а]. Что же касается более насущного вопроса, то исследователи обращали внимание на две основные типологические группы керамики съезжинского могильника [Васильев, 1981. С.8]. Это положение подтвердилось и в результате технологического анализа. Так, по данным И.Н.Васильевой первая группа сосудов, орнаментированная меандрами [Васильева, 1999а. С.211, рис.2, 1-5], изготовлена из слабозапесоченной илистой глины с добавлением раковины. А вторая группа, где более разнообразны композиции с преобладанием гребенчатых штампов [Васильева, 1999а. С.212, рис.3, 1-3, 5], представлена илами с примесью песка и органических растворов. Автор приходит к выводу, что первая группа имеет «пришлый» характер, а материалы второй группы, с одной стороны, близки «пришельцам», а с другой, – находят аналогии в материалах предшествующего неолитического периода [Васильева, 2005. С.82]. В настоящее время для керамики с меандрами из могильника получено две даты: 6760 ± 90 и 6580 ± 100 л.н. По второй группе керамики Съезжинского могильника есть одно определение: 5890 ± 90 л.н. В этой связи необходимо обратить внимание на наличие дат для поселения самарской культуры Лебяжинка III: по углю -6660 ± 50 л.н. (ГИН-7248) и по ракушкам – 5960 ± 80 л.н. (ГИН-7087) [Тимофеев, Зайцева, Долуханов, Шукуров, 2004. С.78].

Причем, первое, столь древнее значение, можно было бы объяснить «резервуарным» эффектом, но она получена по углю. По керамике для данного поселения получено шесть дат: 6230 ± 80 и 5930 ± 80 ; 6290 ± 80 и 5870 ± 80 ; 6080 ± 80 и 5850 ± 80 л.н. На первый взгляд, первые две даты представляются заниженными. Однако обнаружение сосудов на одном уровне не может быть строгим доказательством их одновременности. Во-вторых, учитывая очень сложный характер памятника (об этом говорилось выше), нельзя исключать и продолжительное формирование «жертвенной» площадки. В-третьих, эти значения почти совпали с датами по керамике прикаспийского типа со стоянки Буровая 41 – 6790 ± 80 л.н. В-четвертых, они сходны с определениями этапа 1б азово-днепровской и второго этапа нижнедонской культур. Учитывая, что первая группа посуды могильника у с.Съезжее не имеет точных прототипов в керамике средневожской культуры, выстраивать их в один типологический ряд не корректно. Более оправданы наблюдения и выводы В.В.Ставицкого и И.Н.Васильевой о пришлое характере данного вида сосудов. Даже если признать эти значения удревненными на 200-300 лет, тем не менее, они будут соотноситься с датировками гребенчато-накольчатой керамики со стоянки Виловатовская: 6320 ± 90 и 6160 ± 80 л.н. Иначе говоря, их хронологическое сосуществование вполне допустимо. Что же касается датировки второго типа керамики могильника, то она, во-первых, не противоречит датам, полученным по воротничковой керамике других памятников лесостепного Поволжья. Так, для Ивановской стоянки получено значение 6100 ± 90 л.н., а для Гундоровского поселения – 5840 ± 80 л.н. Примечательно, что сходные даты получены по керамике нижнедонской культуры Подгоровка и Новоселовка: 6120 ± 150 ; 6050 ± 90 ; 5830 ± 190 л.н. [Манько, 2006. С.17]. Аналогичные значения по кости получены для памятников второго этапа азово-днепровской культуры. Для Каменной могилы – 6120 ± 80 ; Ясиноватский могильник – 6195 ± 80 ; Никольский – 6145 ± 70 ; Лысогорский – 5890 ± 70 л.н. [Котова, 2002. С.98]. Уместно напомнить, что и по прикаспийской керамике

стоянки Курпеже-молла есть две даты: 6050 ± 80 и 6020 ± 80 л.н. Здесь необходимо обратить внимание еще на один момент. Исследователи на материалах поселения Лебяжинка I проследили ситуацию с залеганием материалов гребенчато-накольчатого и позднесамарского типов посуды. По их наблюдениям данные группы керамики залегали в определенном контексте: в большинстве своём совместно, а в ряде случаев позднесамарская располагалась ниже средневожской [Барынкин, Козин, 1994. С.161-164]. По энеолитической керамике получена дата 6200 ± 80 , а по средневожской – 6040 ± 80 л.н., что хорошо подтверждает наблюдение исследователей.

По гребенчато-накольчатой керамике средневожской культуры есть даты от 6020 ± 90 до 5840 ± 90 л.н. Таким образом, наиболее позднее значение для нее и воротничковой керамики с различных поселений самарской культуры совпадают. Ситуация сходна с материалами Нижнего Поволжья. В обоих регионах прослеживается хронологическое сосуществование памятников позднеэнеолитических местных культур и позднеэнеолитических (раннеэнеолитических) пришлых. Памятники хвалынской культуры в лесостепном Поволжье по керамике получили даты: Ивановская стоянка – 6180 ± 90 ; Гундоровская – 5890 ± 100 и 5790 ± 90 л.н. Эти значения совпадают с датировками керамики хвалынского типа из Северного Прикаспия и костяков Хвалынского могильника в Нижнем Поволжье. Соответствуют они и поздним комплексам самарской культуры. Аналогичная ситуация прослеживается и в случае с хвалынской и прикаспийской на юге Нижнего Поволжья. Необходимо отметить и определенное различие. В Северном Прикаспии памятники тентексорского типа синхронны лишь со стоянками прикаспийской культуры.

ГЛАВА III. НЕОЛИТ ПРИКАМЬЯ

§ 3.1. История изучения неолита Прикамья: палеогеографический фон развития культур и история их исследования

Территория Среднего Прикамья, низовьев рр.Белая и Ик, правобережная часть Нижнего Прикамья до устья р.Вятки в настоящее время соотносится с подзоной смешанных лесов. Однако, в атлантическом периоде картина не была столь однородной. По данным спорово-пыльцевых анализов как в стратиграфических разрезах, так и непосредственно на археологических памятниках получены общие характеристики для этапа, соответствующего неолитической эпохе [Немкова, 1978. С.4-45].

В районе г.Перми достаточно хорошо представлены еловые леса. В то же время прослеживается постоянная примесь широколиственных пород, значительное количество ольхи и берёз.

Южнее, в среднем течении р.Камы в хвойных лесах уже доминируют сосны, а широколиственные породы не столь выразительны.

Для района Нижней Белой доминирует пыльца древесных. Среди них происходит увеличение доли сосны. При определённом снижении роли берёз, их количество еще довольно значительно. Меньше спектров ольхи и липы. Но последняя проявляет на данном этапе свой максимум. Что же касается елей, то их совсем мало. А южнее г. Уфы роль елей еще менее заметна. Исследователь отмечает крайне редкое наличие вяза и дуба. На этом основании следует вывод о том, что в атлантическое время в Предуралье вязы не играли столь заметной роли в растительном покрове, как на территории более западных областей. И хотя в этот период значение широколиственных пород увеличилось, они не стали доминирующим типом растительности, как на Русской равнине [Немкова, 1978. С.32].

Примечательно, что спектры получены по разрезам имеющим радиоуглеродные даты: в районе г.Перми – 6300 ± 90 , около с.Кушнаренково в Башкортостане – 6450 ± 150 л.н. Это особенно важно, так как для стоянки Муллино имеются даты 6450 ± 100 и 6240 ± 100 , что в принципе соответствует

вышеприведённым для Прикамья. Уместно напомнить, что и на территории бассейна р.Ик представлены берёзово-сосновые леса с незначительным участием широколиственных.

Наиболее существенное различие – в Среднем Прикамье (в районе г.Перми) хорошо представлены еловые леса. Второе важное заключение – лесные массивы распространялись значительно южнее широты г.Уфы в зону современной лесостепи [Немкова, 1978. С.32].

В более западных районах лесного Среднего Поволжья в сходное время (середина атлантического периода) на стоянке Дубовская VIII древесные породы представлены сосной (33%), около 30% приходится на пыльцу дуба, вяза, лещины и берёзы [Никитин, 2006. С.230].

В это время ещё западнее, в Волго-Окском междуречье доминируют берёзовые и берёзово-сосновые леса, а в конце этого этапа (середина V тыс. до н.э.) возрастает роль широколиственных пород. Именно в это время доминирующей становится сосна. Во второй половине V тыс. до н.э. вновь стали господствовать берёзовые леса, в состав которых входили вяз, липа и реже дуб [Энговатова, 1998. С.240-241].

Таким образом, палеогеографический фон развития неолитических культур Прикамья при определённых отличиях от более южных и западных областей все же имеет целый ряд общих характеристик.

Значительным достижением конца 20-х – середины 30-х годов XX века следует признать открытие и изучение Лёвшинской стоянки на Каме близ г. Перми. Авторы обратили внимание на отличие керамического инвентаря стоянки от памятников Волго-Окского междуречья, а по находкам медных изделий предложили дату комплекса – рубеж III и II тыс. до н.э. [Шмидт, 1940; Прокошев, 1940].

В 50-е годы в изучении неолитических памятников Прикамья происходит резкий скачок. В Верхнем и Среднем Прикамье были изучены достоверно неолитические комплексы [Бадер, 1951; Денисов, 1960, 1961], позволившие более обоснованно утверждать специфику камского неолита по сравнению с

Верхним Поволжьем и Зауральем. В эти же годы в Нижнем Прикамье усилиями казанских археологов было получено значительное количество первоклассных памятников, причем как балахнинской культуры, так и камской [Халиков, 1958; 1960], а в Башкирском Предуралье – стоянки с гребенчато-накольчатой керамикой [Крижевская, 1962; Матюшин, 1964].

В середине 60-х гг. были подведены итоги важнейших достижений предшествующего периода изучения позднекаменного века Прикамья. О.Н.Бадер очертил территорию распространения памятников с гребенчатой керамикой, ядром которой являлось Прикамье, предложил трехчленную периодизацию развития местного неолита, указав, что выделяется три этнокультурные области: восточноевропейская (с ямочно-гребенчатой керамикой); камская (с гребенчатой керамикой); зауральская (керамика с зубчато-волнистым орнаментом и тальком в глине) [Бадер, 1963].

В конце 60-х гг. А.Х.Халиков констатировал, что племена камской культуры занимали и Нижнее Прикамье, причем здесь обнаружены более ранние памятники, чем в Среднем и Верхнем. Лишь памятники Волги и Нижней Камы дают чистые комплексы этой культуры, которую следует назвать волго-камской. В своем развитии она прошла два периода: ранний и поздний. Датировка от V тыс. до последней четверти III тыс. до н.э. Исходя из представления о доживании левшинского этапа до конца III тыс. до н.э., допускалась связь волго-камской неолитической культуры с ямными племенами. По мнению автора, в I половине IV тыс. население Волго-Камья входило в большую общность – от Приуралья до Енисея, а в позднем неолите – в волго-камско-уральскую [Халиков, 1969].

Исходя из этих данных, О.Н.Бадер полагал, что Нижнее Прикамье в IV тыс. до н.э. не входило в зону уральского неолита, а сохраняло тесные связи с Западом [Бадер, 1970].

Итоги изучения неолита Прикамья за 60-е гг. были подведены О.Н.Бадером. Автор выделил волго-камскую этнокультурную область эпохи неолита с рядом культур. Памятники с гребенчатой керамикой в Прикамье и

стоянки с накольчатой посудой в Среднем Поволжье синхронны [Бадер, 1973].

Особое внимание следует обратить на тот факт, что именно в 60–70-е гг. исследователи неолита Прикамья вышли на более высокий уровень обобщения, чем культура. Однако в тот период данный процесс находился лишь в начальной стадии разработки этого вопроса. Поэтому противоречия, наметившиеся в решении данной проблемы, явились отражением общего состояния науки.

Семидесятые годы ознаменовались как интенсивным накоплением источниковой базы, так и плодотворным её осмыслением. Своеобразным толчком для дальнейшей разработки проблем неолита Волго-Камья стала статья В.П.Третьякова, в которой автор анализировал ранненеолитические материалы Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья [Третьяков, 1972]. По его мнению, стоянки этой поры содержат как накольчатые, так и гребенчатые комплексы. Первая группа является результатом проникновения на данную территорию племен из юго-западных областей. Часть этих положений была поддержана и другими специалистами [Выборнов, 1976].

Проблема соотношения гребенчатых и накольчатых комплексов в Волго-Камье вновь была поставлена после интенсивных полевых исследований Р.С.Габышева в 1969–1972 гг. в Икско-Бельском междуречье [Габышев, 1976; 1976а; 1978; 1978а], Т.М. Гусенцовой и Р.Д.Голдиной в Камско-Вятском бассейне с 1973 по 1978 гг. [Гусенцова, 1977; Гусенцова, Голдина, 1979; Гусенцова, 1981].

По мнению Р.С.Габышева, памятники с накольчато-прочерченной посудой следует выделить из камской культуры, а сами комплексы отнести к развитому этапу неолита лесной и лесостепной полосы Восточной Европы [Габышев, 1978б]. О том, что с развитого этапа неолита начинаются контакты населения с гребенчатой и накольчатой керамикой пишет и Т.М.Гусенцова [Гусенцова, 1981а].

В эти годы И.Б.Васильевым, Ю.А.Морозовым, Г.Н.Матюшиным, В.С.Горбуновым, М.Ф.Обыдённовым, В.С.Стоколосом активно изучались памятники каменного века в низовьях р. Белой и на р. Ик. Несколько неожиданным было определение стоянок типа Муллино, Давлеканово, Старая Мушта особой прибельской культурой, что, к сожалению, не сопровождалось аргументацией [Матюшин, Немкова, Яхимович, 1976].

В конце 70-х гг. О.Н.Бадером была предложена двухчленная периодизация камской культуры [Бадер, 1978], что подтверждалось и наблюдениями по материалам Нижнего Прикамья [Габяшев, 1978в]. Эти выводы в определенной степени исходили из работ методического характера по гребенчатой керамике Прикамья [Калинина, 1976], где впервые был сделан вывод об отсутствии четких критериев периодизации. Более того, принятие новой периодизации не снимало ещё одного противоречия: боровоозерско-хуторской этап – развитой неолит, а левшинско-чернашский – ранний энеолит. Хотя уже в это время ряд исследователей доказывал непричастность медных предметов к материалам левшинского типа [Черных, 1972; Буров, 1974; Выборнов, 1979].

Продолжавшая накапливаться источниковая основа неолита отдельных районов Волго-Камья не только способствовала решению некоторых проблем, но и вынесла на повестку дня новые вопросы. Так, на Нижней Белой были исследованы памятники позднего мезолита и раннего неолита, что способствовало осмыслению генезиса камской культуры в данном регионе [Выборнов, 1983]. На Среднем Ике исследован опорный памятник Муллино II [Матюшин, 1982; Матюшин, Габяшев, Горбунов, Обыденнов, 1982], а на Вятке и Чепце выявлены как гребенчатые, так и накольчатые группы стоянок [Наговицин, 1983]. В рамках этой же проблемы появилась работа о потенциальной возможности сосуществования не только на одной территории, но и в пределах одного поселения разноэтничных компонентов [Калинина, 1984]. В это время была сделана попытка построить периодизацию неолитических памятников рр. Белая и Ик на основе привязки

к трансгрессиям и регрессиям Каспия [Матюшин, 1988]. Автор выдвинул оригинальную гипотезу о происхождении памятников Прикамья с гребенчатой керамикой как результат миграции из лесостепных районов по причине экологического кризиса.

Найденные в лесостепном Поволжье стоянки неолита и энеолита позволили уточнить абсолютную хронологию позднего этапа камского неолита [Бадер, Выборнов, 1980], конкретизировать пути перехода к раннему энеолиту [Выборнов, 1985], а также предположить прототип памятников типа II Татарско-Азибейского поселения [Габяшев, 1982].

Впервые были рассмотрены комплексы с накольчатой посудой Верхнего и Среднего Прикамья [Денисов, Мельничук, 1986]. Авторы относят эти памятники к позднему неолиту, синхронизируя их с лёвшинским этапом камской культуры. Была предпринята попытка проанализировать памятники с гребенчатой и накольчатой керамикой Прикамья на более широком культурном фоне [Выборнов, 1986]. Прослеживалась их определенная разнородность, что позволяло в дальнейшем ставить вопрос об их иной, чем считалось прежде, культурной ориентации и возможности выделения наиболее ранних звеньев как в гребенчатых, так и в накольчатых комплексах.

Был поставлен вопрос о выделении раннеэнеолитического пласта памятников с гребенчатой посудой на территории от р. Мокши на западе и до устья р. Белой на востоке [Выборнов, 1988]. Здесь же проведен анализ источников и направлений формирования керамической традиции различных районов Прикамья.

В связи с исследованием неолитических памятников в лесостепном Поволжье была предпринята попытка рассмотреть проблему взаимодействия данного населения с культурами Прикамья [Васильев, Выборнов, 1988а].

Материалы раскопок стоянки Усть-Шижма позволили Л.А.Наговицину предположить более раннюю хронологическую позицию гребенчатой керамики по отношению к накольчатой в Камско-Вятском междуречье. Исследователь предлагал памятники с гребенчатой керамикой переименовать

из камской в хуторскую культуру. Автор склонен выделять стоянки с накольчатой посудой на уровне щербетского типа памятников. Эти памятники Л.А.Наговицин отнёс к позднему неолиту, допуская их культурную разнородность, а генезис связывал с продвижением людей из южных районов Среднего Поволжья [Наговицин, 1988].

В проблемном варианте был поднят вопрос о соотношении таксономических единиц в эпоху неолита на широкой территории, включая и Волго-Камье [Выборнов, 1988а].

В начале 90-х годов в работе автора была предпринята попытка проанализировать все, имеющиеся на тот момент источники по неолиту Прикамья [Выборнов, 1992]. Выводы и их обоснование будут изложены в соответствующих разделах.

Важным событием стала публикация всех памятников неолита Камско-Вятского междуречья [Гусенцова, 1993]. Исследователь затронул и вопросы культурно-хронологического порядка. Так, автор отрицает лесостепной характер происхождения памятников с накольчатой орнаментацией, включая возможность изначального изготовления керамики местным населением. Предполагается сосуществование в данном регионе двух традиций: гребенчатой и накольчатой. Памятники хуторского этапа в абсолютном возрасте определялись концом V-IV тыс. до н.э.

В своей обобщающей работе И.В.Калинина предлагает для неолита Прикамья три периода взаимодействия двух традиций. Первый связан с адаптацией носителей накольчатой керамики как пришлого этноса. Сосуществование их с камскими племенами определялось различиями в хозяйственной деятельности. Опираясь на данные В.В.Никитина для Марийского Поволжья, исследователь допускает, что носители накольчатой традиции были знакомы с домашними животными. В археологическом материале этого периода фиксируются обособленные культурные традиции. Второй период – ассимиляции, начало формирования новых этносоциальных групп. Наблюдается максимальное распространение накольчатой керамики в

Прикамье. Прослеживается появление гибридных черт. Последний период связан с завершением интеграции первоначально различных по происхождению и уровню развития этносов в новый этносоциальный организм. Происходит трансформация культурных традиций, формируются культуры эпохи энеолита [Калинина, 1993. С.9-10].

Была предложена и иная периодизация [Вискалин, 1999. С.14-15]. Первый период связан с проникновением накольчатых традиций в центральный, западный и южный регион Волго-Камья. В приустьевой части Камы это комплексы щербетьского типа, в Марийском Поволжье – III Старо-Мазиковская стоянка, на Нижней Каме – II Дубовогривская, в Камско-Вятском междуречье – Усть-Шижма и Тархан I. Второй период выделяется по появлению новых стадиальных черт: геометризованность орнамента, усложненность форм венчика. Памятники данного облика в Марийском Поволжье – Дубовские и VI Отарская, в приустьевой части Камы – Нижняя Марьяновская, в Нижнем Прикамье – II Татарско-Азибейская, в Камско-Вятском междуречье – Кочуровские I и IV. К началу периода заканчивают развитие памятники Марийского Поволжья. Но не исключено проникновение в этот период накольчатой традиции в северные районы Прикамья (Лёвшино). Третий период сопряжён с памятниками типа Чашкинское озеро VI на Средней и Верхней Каме, что свидетельствует о сокращении ареала.

В конце 90-х гг. для территории Среднего Предуралья культурная ситуация представлялась следующим образом. В позднем неолите в среду аборигенов с гребенчатой традицией по левому пологому берегу р. Камы из районов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья проникают носители керамики с накольчатой орнаментацией [Мельничук, Лычагина, 1997. С.139-140; Лычагина, 1999. С.30; 2001. С.49]. Их кремнёвая индустрия отличается от камской сохранением пластинчатого характера, в том числе разнообразием форм наконечников стрел: постсвидерские, треугольно-черешковые, ромбовидные [Мельничук, Лычагина, 1997. С.139; Лычагина, 1999. С.31]. Мирное сосуществование с обитателями Хуторской стоянки

исследователи объясняют разными хозяйственными укладами: племена камской культуры – рыболовы и охотники, а пришельцы – скотоводы [Мельничук, Лычагина, 1997. С.140; Лычагина, 2000. С.240]. Хотя остеологических данных для этого предположения не было. В это же время были сделаны важные выводы и по технологическим особенностям камской и волго-камской посуды: камская изготовлялась из жирных ожелезненных глин, а для волго-камской, использовались тонкозернистые, опесчаненные пойменные глины, возможно, илы. На этой керамике невыполнимы орнаменты способами, характерными для камской керамики [Калинина, 2000. С.264].

Были подведены итоги изучения позднего неолита Пермского Предуралья [Лычагина, 2004. С.3-24]. Выявлена неоднородность поздненеолитической гребенчатой посуды. Первый тип (усть-залазнушкинский) продолжает традиции хуторского этапа с появлением новых признаков. Второй тип несёт черты влияния накольчатой культуры (типа Чашкинского озера VI). Третий вариант (стоянка Чернашка) характеризуется керамикой с глубокими конусовидными ямками. В пришедшей накольчатой традиции прослеживается хронологическая неоднородность и выделяются две группы памятников. Их появление сопряжено с проникновением из Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. Развитой неолит можно датировать второй четвертью – концом V тыс. до н.э. Что же касается накольчатых стоянок, то первая группа относится к первой половине IV тыс. до н.э., а другая ко второй [Лычагина, 2004. С.14-22].

§ 3.2. Памятники с гребенчатой керамикой Прикамья: культурная принадлежность и локальные варианты

В настоящее время на территории Прикамья известно около 50 памятников эпохи неолита, содержащих керамику с гребенчатым орнаментом. По своим информативным возможностям они неравнозначны. Поэтому имеет смысл опираться на памятники, где вскрыта наибольшая

площадь, получены большие выборки керамического и кремневого инвентаря, обнаружены жилищные сооружения, чистые комплексы.

В Верхнем Прикамье это Хуторская стоянка [Денисов, 1961; Денисов, Мельничук, 1991; Лычагина, 2007], Усть-Залазнушка [Мельничук, Скорняков, Чурилов, 2006] и Чашкинское озеро VI [Мельничук, Пономарева, 1984; Лычагина, 2007а]. В Среднем Прикамье исследованы стоянки Боровое озеро I [Бадер, 1951] и Лёвшино [Шмидт, 1940; Прокошев, 1940], Кряжская [Денисов, 1961] и Мокино [Мельничук, Бординских, Мокрушин, Дегтярёва, Лычагина, 2001], стоянка Чернушка [Мокрушин, Лычагина, 2003; Лычагина, 2006а]. На Нижней Белой – Старая Мушта [Матюшин, 1972], Бачки-тау II [Выборнов, Горбунов, Обыденнов, 1982], Кюнь II [Выборнов, Обыденнов, 1983], Старо-Буртюково и Кюнь III [Морозов, Тихонов, 1984], Зиарат [Выборнов, Крижевская, 1988]. В бассейне р. Ик это поселение Муллино II [Матюшин, 1982; 1996] и II Дубовогривская стоянка [Габяшев, 2003]. На территории Камско-Вятского междуречья – Среднее Шадбегово I [Наговицин, 1983] и Усть-Шижма [Наговицин, 1988], Тархан I [Гусенцова, 1986] и Чумойтло I [Гусенцова, 1993]. В приустьевой части Камы это II Лебединская стоянка [Халиков, 1969] и Балахчинская VIa [Габяшев, Казаков, Старостин, Халиков, Хлебникова, 1976], IV Матюшинская и Мурзихинская стоянки [Габяшев, 2003].

Краткая усредненная характеристика материалов этих памятников такова. Керамика представлена сосудами полуяйцевидной формы с загнутыми вовнутрь краями, округлыми и приостренными днищами, и одной из характерных черт данной посуды является наплыв на внутренней стороне венчика. Сосуды изготовлены вручную ленточным способом. В качестве отощителя в глиняное тесто добавлялась примесь шамота. Наружная и внутренняя поверхности сосудов хорошо заглажены. Орнамент густо покрывал всю наружную поверхность сосуда. Украшалась посуда гребенчатым штампом с зубцами мелких, средних и крупных размеров. Расположению композиций присущи горизонтальные наклонные оттиски,

вертикальный и горизонтальный зигзаг, «шагающая» гребенка и плетенка, косая решетка, треугольники (рис.214).

Каменный инвентарь представлен наконечниками стрел как на пластинах, так и двустороннеретушированными, иволистыми и треугольничерешковой формы, концевыми скребками на пластинах и скребками различных типов на отщепах, ножами на крупных пластинах с прямым лезвием и односторонней обработкой и на кремневых плитках саблевидной формы с двусторонней ретушью, шлифованными орудиями типа долот, топоров, тесел (рис.213, 215)

Данные технико-типологические признаки, присущие вышеописанным памятникам, при учете территориальных границ, повторяемости комплексов позволили различным исследователям единодушно относить их к камской неолитической культуре [Бадер, 1951, 1963, 1970; Денисов, 1960, 1961; Матюшин, 1964; Габяшев, 1978б; Гусенцова, 1981; Выборнов, 1984; Морозов, Тихонов, 1984]. А.Х.Халиков включал их в волго-камскую культуру, но разница касалась лишь памятников с накольчатой керамикой [Халиков, 1969; 1973].

Г.Н.Матюшин высказал принципиально иное предположение. По мнению исследователя, неолитические стоянки Нижней Белой и среднего течения р.Ик относятся к особой прибельской культуре. Поэтому необходимо представить хотя бы краткую характеристику этих памятников и определить их культурную атрибуцию.

На стоянке Кюнь II обнаружено около 1,5 тысяч фрагментов керамики от 90 сосудов. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,3 см, а средняя равна 1,0 см. В глиняном тесте примесь шамота. Обе поверхности сосудов заглажены мягким предметом. 37 венчиков имеют наплыв на внутренней стороне сосуда. Срезы венчиков делятся на две группы: округлые – 60 и плоскоскошенные – 31 экземпляр. Днища округлые. Для нанесения узоров использовался гребенчатый штамп различной величины. Резко преобладают оттиски мелко и среднезубчатые. Бордюрная зона украшалась сеткой (рис.197, 1), плетенкой (рис.196, 5) наклонными оттисками (рис.196, 3).

Основные зоны заполнены сочетанием мотивов из косо поставленных оттисков штампа (рис.196, 1-3), вертикального зигзага (рис.196, 8), горизонтального зигзага (рис.197, 2), плетенки (рис.196, 14; 197, 3, 5), «шагающей» гребенки (рис.196, 9; 197, 6), сетки (рис.196, 12), треугольников (рис.196.13; 197, 1), прямо поставленных или горизонтально расположенных рядов оттисков (рис.196, 6, 10; 197, 4).

Кремневый инвентарь представлен 574 изделиями. Сырьем служил кремнь темно-серого цвета. Отщепы представлены 238 экземплярами, среди которых 19 первичных и 49 вторичных. Кроме того, выделено 45 пластинчатых отщепов, 15 продольных сколов и 10 ребристых пластин. Найдено 35 ножевидных пластин без вторичной обработки и 16 пластин с ретушью. Их толщина варьируется от 0,2 до 0,4 см. По ширине они распределяются: 0, 7–0,9 см – 19 экземпляров; 0, 9–1,1 см – 14 экземпляров; 1, 4–1,1 см – 17 экземпляров. Следует отметить, что имеются 8 пластин шириной от 0,4 до 0,7 см, но группы они не составляют. Отщепы по оси скалывания подразделяются таким образом: от 1,2 до 1,5 см – 46 экземпляров; 1, 5–2,1 см – 78 экземпляров; 2, 1–2,4 см – 24 экземпляра; 2, 6–3,0 см – 25 экземпляров. Из орудий наиболее характерны скребки, изготовленные на отщепах и продольных сколах – 29 экземпляров (рис.198, 1-3). Вторая по численности категория орудий – ножи 12 экземпляров (рис.198, 4), в том числе из плитчатого кремня (рис.198, 5). К остриям отнесено 10 изделий (рис.198, 6, 7, 9). Обнаружено также два скобеля (рис.198, 8) и пластинчатый наконечник стрелы (рис.198, 12). Процент орудий от общего числа находок равен 13. Пластины без ретуши по отношению к отщепам, продольным сколам, краевым и вторичным отщепам составляют 10%. Орудия из пластин от их общего числа составляют около 50%, а орудий из отщепов от их общего числа – 13%. Ряд признаков (пластинчатый наконечник, скобели, значительный процент орудий из пластин, сечения с ретушью) придает коллекции определенный архаизм.

Стоянка Кюнь III содержит около одной тысячи фрагментов с примесью шамота в глиняном тесте. Поверхности большинства черепков заглажены. Толщина фрагментов варьирует от 0,7 до 1,5 см, а средняя равна 1,0 см. Среди 109 венчиков чуть более половины имеют наплыв на внутренней стороне, а две трети венчиков имеют округлый срез (рис.199). Использовался преимущественно мелко- и среднезубчатый штамп. Узоры состоят из вертикального зигзага (рис.199, 1), плетёнки (рис.199, 4, 7), «шагающей» гребёнки (рис.199, 5), треугольников (рис.199, 2), сетки (рис.199, 3), наклонных рядов длинных оттисков узкого штампа (рис.199, 6). На стоянке обнаружено около 100 кремневых изделий, среди которых 24 орудия. Преобладают концевые скребки на отщепах и пластинах – 10 экземпляров. Ножи в основном на кремневых плитках (2 экз.). Кроме 10 ножевидных пластин без ретуши встречен скобель, а также 2 пластины с ретушью.

На стоянке Старая Мушта обнаружено около 150 фрагментов с примесью шамота в тесте. Толщина фрагментов колеблется от 0,8 до 1,2 см, а средняя равна 1,0 см. Десять венчиков от 4 сосудов имеют округлый (рис.194, 2, 3) или плоскоскошенный срез, иногда с наплывом на внутренней стороне (рис.194, 1, 4). Узоры наносились гребенчатым штампом по всей поверхности. Схемы рисунков просты: вертикальный зигзаг (рис.194, 3-4), ряды наклоннопоставленных отпечатков длинного штампа (рис.194, 1, 2), «шагающая» гребёнка (рис.194, 5), прямопоставленные оттиски длинного штампа, разделенные короткими отпечатками (рис.194, 6). Кремнёвый инвентарь представлен 116 изделиями, среди которых 42 пластины, 64 отщепа и 10 орудиями. Среди них, шесть скребков концевого типа, изготовленных на пластинах (рис.195, 1-3) и отщепах (рис.195, 4-5). Четыре резца относятся к типу на углу сломанной пластины (рис.195, 9-12). Три ножевидные пластины имеют нерегулярную ретушь (рис.195, 7-8).

На стоянке Зиарат собрано 70 фрагментов с заглаженной мягким предметом поверхностью и примесью шамота в глиняном тесте. Толщина фрагментов колеблется от 0,6 до 1,2 см, преобладают от 0,7 до 0,9 см, а

средняя равна 0,9 см. Напльвов на венчиках нет. Их срез либо округлый, либо плоскоскошенный. Пять венчиков и 56 стенок украшены мелко и среднезубчатым штампом (рис.192, 1-6), а три венчика и 6 стенок ногтевидными насечками (рис.192, 7-8). Среди узоров представлены ряды наклонных оттисков (рис.192, 4, 6), вертикальный зигзаг (рис.192, 1-2), ряды длинных отпечатков, разделённые короткими оттисками (рис.192, 5). Кремнёвый инвентарь представлен 163 экземплярами, из которых 3 поперечных и 7 продольных сколов, 2 первичных и 10 вторичных отщепов, 2 ребристые пластины, 20 аморфных кусков и 10 осколков. Обнаружена 51 ножевидная пластина, толщиной от 0,1 до 0,3 см. По ширине пластины распределяются от 0,5 до 1,0 см и от 1,1 до 1,5 см. Отщепов в коллекции 37 экз. Орудий обнаружено 20, что составляет 12% от общего количества находок. Представлены резцы на углу сломанной пластины – 5 экз. (рис.192, 13-16), пластины с ретушью – 3 экз. (рис.192, 17, 18), скребки на отщепах и пластинах – 3 экз. (рис.192, 10-12). В единственном числе найдены нож и скребок-остриё (рис.102, 9).

На стоянке Бачки-тау II обнаружено около 500 фрагментов с примесью шамота и охристой крошки. Толщина стенок колеблется от 0,8 см до 1,4 см, а средняя равна 1,0 см. Из 30 венчиков лишь 17 относится к различным сосудам. Напльвы на внутренней стороне сосудов отсутствуют. Резко преобладают венчики с округлыми срезами, а плоскоскошенные всего 4 экз. (рис.201, 5). Орнамент довольно густо нанесен мелко и среднезубчатым штампом. Среди узоров представлены горизонтальные ряды наклоннопоставленных оттисков штампа (рис.201, 1, 4, 5, 6), «шагающая» гребёнка (рис.201, 2), плетенка (рис.201, 8), вертикальный зигзаг (рис.201, 3). Следует обратить внимание на ряд ямок под срезом венчика (рис.201, 1, 2, 4). Еще одна деталь – горизонтально расположенные ряды оттисков гребёнки (рис.201, 7). В силу того, что на памятнике обнаружена керамика эпохи энеолита, охарактеризовать кремнёвый инвентарь достоверно неолитический довольно сложно.

На стоянке Сауз I [Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984] из 64 венчиков к отдельным сосудам можно отнести лишь 50 из них. Толщина фрагментов колеблется от 0,8 до 1,3 см, а средняя равна 1,0 см. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены. В глиняном тесте примесь шамота. Днища округлые и приостренные. На 24 венчиках имеется наплыв с внутренней стороны сосуда. Срезы венчиков округлые (62%), плоскоскошенные или плоские. Орнаментировались фрагменты мелко и среднезубчатым штампом. Композиции представлены горизонтальными рядами прямопоставленных оттисков штампа (рис.200, 2), вертикальными зигзагами (рис.200, 4), сеткой (рис.200, 3), горизонтальным зигзагом (рис.200, 1), отпечатки длинного штампа, разделенные короткими оттисками (рис.200, 5).

На стоянке Сауз II [Бадер, Выборнов, 1980; Выборнов, Овчинникова, 1981; Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985] выделено около 1, 5 тысяч фрагментов от 80 сосудов, относящихся к неолитическому времени. Толщина стенок колеблется от 0,7 до 1,5 см, но средняя равна 1,0 см. В глиняном тесте примесь шамота. Обе поверхности сосудов заглажены мягким предметом. Днища представлены округлыми и приостренными формами. Половина венчиков имеет наплыв на внутренней стороне (рис.200, 6-8, 10). Большинство венчиков имеют округлый срез, остальные плоский и плоскоскошенный. Узоры наносились в подавляющем большинстве мелко и среднезубчатым штампом. Орнаментальные композиции представлены наклонными рядами оттисков длиннозубого штампа (рис.200, 6), вертикальным зигзагом (рис.200, 8), треугольниками (рис.200, 13), сеткой (рис.200, 10), рядами отпечатков длинного штампа, разделенных оттисками короткого инструмента (рис.200, 7, 11), горизонтальным зигзагом (рис.200, 12).

На стоянке Старо-Буртюково обнаружено около 2 тысяч фрагментов с примесью шамота в глиняном тесте. Толщина черепков колеблется от 0,8 до 1,2 см, а средняя равна 1,0 см. Обе поверхности сосудов заглажены мягким

предметом. Из 72 венчиков 66 относятся к различным сосудам. Лишь 47% имеют наплыв на внутренней стороне. Срезы венчиков либо округлые (49 экз.), либо плоскоскошенные. Густая орнаментация осуществлялась мелко и среднезубчатым штампом. Среди узоров представлены горизонтальные ряды наклонных оттисков длинного штампа, плетенка, вертикальный зигзаг, «шагающая» гребенка, сетка, ряды длинного штампа, разделённые короткими отпечатками.

Таким образом, вышеперечисленные памятники содержат керамические комплексы, объединяющиеся следующими технико-типологическими признаками. Керамика имеет светло-коричневый и темно-серый цвет. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов заглажены. В глиняном тесте имеется примесь шамота. Формовка сосудов производилась кольцевым налепом. Толщина стенок колеблется от 0,8 до 1,2 см с преобладанием 1,0 см. Сосуды имеют полуяйцевидную форму с прикрытым горлом. Днища приостренные, округлые и округло-конические. По форме среза венчики подразделяются на две основные группы: округлые и плоские. Округлый срез доминирует, составляя 62-72%. По характеру внутреннего оформления венчика сосуды подразделяются на две группы: с наплывом на внутренней стороне и без него. Обе группы распределяются примерно одинаково, но все же преобладают сосуды без наплыва. К тому же в группе с наплывами толщина венчика превышает толщину стенки лишь на 0, 1-0,2 см. Для орнаментации сосудов использовался преимущественно мелкозубчатый штамп – около 80%; среднезубчатый встречается значительно реже – 15%. Оттиски крупнозубчатого инструмента использовались лишь в разделительных зонах, играя подчиненную роль. Следует обратить внимание на почти полное отсутствие ямочных вдавлений. Количество основных орнаментальных композиций невелико. Можно заметить, что наиболее статистически устойчивыми являются несложные построения: наклонно и прямопоставленные ряды оттисков длинного штампа, вертикальный и горизонтальный зигзаг, заштрихованные треугольники. Более сложные

узоры: плетенка, сетка, «шагающая» гребенка встречаются в более ограниченном количестве. Все типы орнаментов на всех памятниках представлены равнозначно. Это ещё раз доказывает культурную близость всех неолитических стоянок Нижней Белой между собой. Важно подчеркнуть, что все виды узоров идентичны узорам на посуде камской неолитической культуры. Для дополнительного подтверждения культурного единства материалов неолита данной зоны проведено сравнение основного культуuroобразующего признака – орнаментальных композиций. Степень сходства между различными памятниками определялась по формуле, предложенной исследователя более 30 лет назад [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975]. Этот метод применялся В.П.Третьяковым на примере различных культур, в том числе и камской [Третьяков, 1984]. Исследователи справедливо обращали внимание на ряд недочётов в использовании данной процедуры [Синюк, 1986; Сидоров, 2000. С.11]. Поэтому для подсчётов привлекались только одновременные памятники, коллекции которых содержали большие количественные выборки керамики. В результате вычислений образовались следующие пары: Кюнь III – Сауз II = 0, 9; Кюнь III – Старо-Буртюково = 0, 8; Кюнь III – Сауз I = 0, 6; Сауз II – Сауз I = 0, 6; Сауз I – Старо Буртюково = 0, 7. Таким образом, коэффициент сходства колеблется от 0,6 до 0, 9. Это означает большую степень близости всех материалов и позволяет утверждать их культурное единство [Выборнов, 1984. С.21-30].

Не менее важно определить место неолитических памятников Нижней Белой в системе культур позднекаменного века Предуралья. Это связано с тем, что Г.Н.Матюшин относил такие стоянки, как Старая Мушта II и Бачки-тау II к прибельской культуре, а поселения Кюнь II, Сауз III и Старо-Буртюково – к агидельской [Матюшин, 1982. С.215-221]. И не случайно, исследователи отмечают, что спорным является вопрос о группе поселений в низовьях р. Белой, которые Г.Н.Матюшин выделяет в ранне-неолитическую прибельскую культуру, а другие считают всего лишь вариантом камской

[Ошибкина, 1996. С.351]. Специалисты подробно проанализировали возможность отнесения вышеуказанных памятников к прибельской или агидельской культуре и пришли к выводу о недостаточной обоснованности данного положения [Васильев, Выборнов, Моргунова, 1985. С.283-289]. В монографии «Неолит Южного Урала. Предуралье, М., 1996» Г.Н.Матюшин имел возможность исчерпывающе аргументировать все необходимые аспекты, но этого, к сожалению, не произошло. Так, представляется неудачным даже название культуры – прибельская. Дело в том, что опорные памятники предполагаемой к выделению культуры — Муллино и Давлеканово расположены на рр. Ик и Дема. Относительная периодизация прибельской культуры исходит из геоморфологической позиции памятников: расположение в пойме соответствует регрессии Каспия, а на высокой террасе – трансгрессии. Надо отметить, что даже в Нижнем Поволжье подобная закономерность не прослеживается. Ранний неолит (Муллино II а) автор связывает с концом мангышлакской регрессии, то есть финалом VII тыс. до н.э. Столь ранняя датировка не присуща ни одной культуре сопредельных территорий, поэтому не ясно на каком фоне выделяется прибельская культура. Более поздние материалы (Муллино II в, II с) датируются жиландинской регрессией, то есть концом VI — первая пол. V тыс. до н.э. Разрыв в целое тысячелетие не имеет объяснений. Тем более что керамика Муллино IIа, IIв, IIс (судя по описанию и иллюстрациям) не имеет существенных различий. Исследователь исходил из того, что многие аспекты связаны с аридизацией и экокризисами. Однако неолитические памятники даже в Северном Прикаспии (судя по данным ¹⁴C) распространены как в период госуанской трансгрессии (Джангар, Тентексор I, 2-ой слой Варфоломеевской стоянки), так и в период жиландинской регрессии (Каиршак III, 3-ий слой Варфоломеевки). Проблема происхождения керамики, по мнению Г.Н.Матюшина, также восходит к Прикаспию. Однако посуда неолитических памятников Нижнего Поволжья изготовлена из илов с содержанием ракушек, а судя по технологическому анализу, керамика

стоянок Муллино и Давлеканово формировалась из глины с примесью шамота [Цетлин, 2007. С.204]. Эти различия весьма серьезные. Они не позволяют выводить одну технологию из другой. Следует обратить внимание, что посуда из слоя Муллино Па частично без орнамента, а подавляющая часть – гребенчатая. Что же касается прикаспийских культур, то фрагменты украшены накольчато-прочерченной техникой. Это дополняет технологические различия. К тому же керамика Муллино Па имеет сложившийся и достаточно развитый облик (рис.210-212, 3-6). Видимо, не целесообразно обращаться к столь далёким территориям. В непосредственной близости от бассейна р.Ик известна стоянка раннего неолита Зиарат с типичной зубчатой орнаментацией. Дальнейшая судьба прибельской культуры, по мнению Г.Н.Матюшина, также связывается с жиландинской регрессией, так как из-за аридизации население было вынуждено сместиться в лесное Прикамье. На смену прибельской из Северного Прикаспия приходит население агидельской культуры. Однако ранее автор отмечал, «что между материалами неолитических и энеолитических слоев Муллино — Давлеканово наблюдается настолько большое сходство, что невольно напрашивается мысль о том, что они генетически связаны» [Матюшин, 1982]. Отмечу, что данная мысль подтверждается и в настоящее время. Судя по ^{14}C , в середине V тыс. до н.э. в Северном Прикаспии развивались неолитические культуры, не имеющие ничего общего с агидельской. Имеющиеся в настоящее время в лесном Прикамье материалы раннего неолита (Усть-Шижма, Мокино) позволяют решать вопрос о генезисе неолита в данном регионе без каких-либо искусственных миграций из лесостепного Предуралья. Скорее наоборот, в период климатического оптимума атлантического периода широколиственные леса опускались на юг в лесостепную зону [Хотинский, 1978], что позволяло камскому населению продвигаться в этом направлении в сходную экологическую нишу. Различия между комплексами Муллино – Давлеканово и Боровое озеро – Хуторская следует рассматривать не как

хронологические, а как локальные, так как Г.Н.Матюшин называет лишь два различающихся признака — отсутствие наплыва на внутренней стороне сосудов и крупнозубого штампа. Такие признаки не могут быть культуuroобразующими. Тем более что, судя по описанию и иллюстрациям материалов Муллино II и Давлеканово, им присущи и эти признаки. Прибельская культура, по Г.Н.Матюшину, знала domesticированных животных уже в конце VII тыс. до н.э. Скотоводство Волго-Уральской лесостепи складывалось под влиянием североприкаспийских культур [Шнирельман, 1990]. Парадоксально, но неолитические культуры Северного Прикаспия VI-V тыс. до н.э. с производящим хозяйством знакомы не были. Что же касается таких памятников, как Муллино II и III, Давлеканово, то надо учитывать потревоженность их культурных слоев разновременными и разнокультурными материалами. Это затрудняет точную привязку остеологических материалов к конкретным слоям.

При выделении археологических культур исследователи основное внимание уделяют сравнению орнаментальных композиций. В данном случае за основу сопоставления использовался наиболее выразительный материал камской неолитической культуры различных районов: II Лебединская на Нижней Каме, II Дубовогривская на Ике, Хуторская на Верхней Каме. Привлечены статистически наиболее стабильные узоры. Применяв уже использованную выше формулу, получаем такие пары: II Лебединская – Нижняя Белая = 0, 5; Хуторская – Нижняя Белая = 0, 5; II Дубовогривская – Нижняя Белая = 0, 8.

Таким образом, можно сделать вполне определенный вывод. Памятники эпохи неолита Нижней Белой составляют единую в культурном отношении группу. При сопоставлении с материалами памятников камской культуры следует констатировать их несомненное культурное родство, а выделение их в отдельную культуру не имеет под собой веских оснований [Выборнов, 1984. С.29]. В то же время подтверждается вывод О.Н.Бадера и А.Х.Халикова о наличии локальных вариантов внутри камской неолитической культуры.

Нижнебельский вариант характеризуется такими особенностями: меньшим разнообразием форм среза венчика, чем в среднекамском, но большим, чем в нижнекамском; меньшим количеством сосудов с наплывом на внутренней стороне, чем в среднекамском, но большим, чем в нижнекамском; резким преобладанием узоров, нанесенных мелкозубчатыми штампами; почти полным отсутствием ямчатых вдавлений; распространением в основном простых схем узоров; максимальным числом таких среднекамских композиций, как «шагающая» гребенка, и таких нижнекамских узоров, как плетенка; наличием таких среднекамских орнаментов, которые отсутствуют на керамике Нижней Камы, и, наоборот, присутствием такого узора, которого нет на керамике Нижней и Средней Камы. Иначе говоря, памятники позднекаменного века Нижней Белой представляют особый вариант камской неолитической культуры и выделение их в отдельную культуру (прибельскую или агидельскую) не имеет под собой веских оснований.

Процедура выделения локальных вариантов камской культуры находится в стадии разработки. Видимо, этим и объясняются противоречия в позициях исследователей. Так, О.Н.Бадер писал о своеобразии стоянок чувовского, осинского, соликамского, Нижнего Прикамья, бассейна Белой [Бадер, 1973]. В.П.Третьяков выделял лишь два варианта: средневожский и прикамский [Третьяков, 1984; Третьяков, 1990. С.85, 92]. Некоторые специалисты, напротив, считают, что локальные различия прослеживаются очень слабо, облик основных керамических комплексов (II Лебедино, Муллино II, Хуторская, Боровое озеро I) весьма однороден и настолько близок, что при построении графических таблиц сходства линии практически сливаются. Индекс сходства этих комплексов достигает величины порядка 85-90%, различия между керамическими комплексами проявляются в процентном соотношении различных типов венчиков, различных типов гребенчатых штампов и отдельных единичных узоров, которые укладываются в пределах вероятных колебаний внутри единого комплекса. Подобное утверждение можно проверить при статистическом анализе опорных памятников каждого

региона Волго-Камья. Наиболее северные стоянки (типа Хуторской на Верхней Каме) содержат более 70% венчиков с наплывами на внутренней стороне. Наплывы хорошо выражены, превышая толщину стенок на 0,3 см на 30% сосудов. Толщина стенок у 70% сосудов от 0,9 см до 1,4 см. Почти 100% сосудов вогнуты вовнутрь. «Шагающий» способ нанесения гребенчатого узора составляет почти 30% от всех сосудов. На керамике стоянки Хуторской статистически устойчивыми представлены такие узоры: ряды длинных оттисков штампа; ряды «шагающей» гребенки, разделенные длинными оттисками; прямые ряды, разделенные горизонтальным зигзагом; горизонтальные ряды длинных оттисков; «шагающая» гребенка, разделенная горизонтальным зигзагом (рис.214) [Калинина, 1979. С.18-21]. Если же обратиться к материалам приустьевой части Камы (Лебедино II), то можно увидеть следующую картину. Наплывы внутри сосудов не достигают и до 30%. Причем 90% из них толще стенок всего на 0,2 см, а 0,3 см практически нет. Толщина стенок почти у 90% сосудов колеблется от 0,5 до 0,8 см. Около 20% сосудов прямых и даже чуть отогнутых наружу форм. «Шагающий» способ составляет лишь около 10%. Вышеперечисленные пять статистически устойчивых узоров Хуторской стоянки отсутствуют на керамике Лебедино II. Более того, здесь имеются четыре статистически устойчивых узора, которых нет на Хуторской стоянке: плетёнка, треугольники, длинные оттиски, разделённые горизонтальными или короткими овальными отпечатками (рис.241, 1-8). Кроме того, среди девяти совпадающих орнаментальных композиций имеются значительные количественные несоответствия. Так, горизонтальные ряды «шагающей» гребенки на Хуторской стоянке – 24, а на Лебедино II – 1, вертикальный зигзаг на Хуторской – 1, а на Лебедино II – 25. На Хуторской в два раза больше узора в виде горизонтальных рядов коротких оттисков, но в два раза меньше рисунка в виде длинных отпечатков, разделенных короткими, и в два раза меньше наклонных длинных оттисков. Представляется, что различия между керамическими комплексами Верхнего Прикамья и западной части Нижней Камы столь

значительны, что об однородности не может быть и речи. Подобные колебания никак не укладываются в пределах единого комплекса. С целью проверки индекса сходства этих материалов обратимся к методу вычисления индекса родственности. У двух одновременных памятников совпадают девять орнаментальных композиций, что в квадрате равно 81. Число узоров на посуде Хуторской стоянки равно 14, а на Лебедино II – 13. Произведение их составляет 182. Разделив эти числа, получаем индекс родственности 0,4, то есть 40%. Иначе говоря, различия между этими памятниками весьма существенны. Поэтому проблема локальных вариантов отнюдь не снимается. Более того, в силу различных критериев специалисты выделяют и различное число вариантов. Так, А.Х.Халиков выделяет 4 группы: нижекамские и волго-вятские памятники; среднекамские, верхнекамские и вятские; от устья р.Ик до устья р. Белой и по нижнему её течению; сурско-мокшанский (Халиков, 1969. С.86). Что же касается В.П.Третьякова, то он усматривал лишь два варианта: средневожский и прикамский (Третьяков, 1984). В чем причина?

А.Х.Халиков выделял варианты по некоторым специфическим признакам. Первая группа отличалась сосудами с отогнутыми краями горла и употреблением глубоких конических ямок для разделения орнаментальных зон. Вторая – широким употреблением узоров из плоских ямчатых углублений круглой формы. Третья – по доминированию гребенчатых оттисков. То есть здесь критерием служил элемент узора (глубокая ямка) или его отсутствие. Подобный подход, несомненно, сыграл положительную роль на определенном этапе исследования камского неолита. Однако в скором времени подобный подход при выделении локальных вариантов показал определенную ограниченность, так как зависел от различных факторов. Примером могут служить материалы, исследованные ижевскими археологами в Камско-Вятском междуречье. Так впервые материалы неолитических стоянок имели такие особенности, как чрезвычайно редкое наличие наплывов на внутренней стороне венчика, и ограниченное

употребление такого мотива, как «шагающая» гребёнка (Гусенцова, 1981). Тем не менее, автор справедливо не выделила группу этих стоянок в особый вариант, так как имевшиеся комплексы были довольно своеобразны. Так, на Новомултанской стоянке насчитывается лишь 160 фрагментов от 5-6 сосудов (Гусенцова, 1977), а на стоянке Тархан I (рис.220, 1-6, 9, 12) обнаружено 233 черепка от 10 сосудов (Гусенцова, 1986). Выборка крайне ограничена для серьезных выводов. Причем в обоих случаях мало венчиковых частей и минимально число орнаментальных композиций. В более выигрышном положении из 15 известных памятников находятся стоянки Чумойтло I (Голдина, Гусенцова, 1977) и Средне-Шадбегово (Наговицин, 1983). Оба памятника содержат толстостенную керамику с примесью шамота в тесте. Оформлению венчика присущ наплыв с внутренней стороны сосудов. Следует отметить, что он присущ не всем сосудам и не так выпукло выражен, как на Хуторской стоянке. Узоры наносились преимущественно мелко и среднезубчатым штампом. Любопытная деталь: часть фрагментов не содержит каких-либо узоров. Наиболее примечательная черта – употребление для орнаментации овальных неглубоких ямчатых вдавлений. Обращает на себя внимание и достаточно широкое применение «шагающей» гребенки. Орнаментальных композиций на шадбеговской посуде больше, чем на керамике стоянки Чумойтло I, причем индексы сходства распределяются таким образом: Хуторская – Шадбегово = 0, 6; Хуторская – Чумойтло I = 0, 3; Боровое Озеро – Шадбегово = 0, 7; Боровое озеро – Чумайтло = 0, 5; Шадбегово – Чумойтло I = 0, 5; Боровое озеро – Кряж = 0, 6; Хуторская – Боровое озеро = 0, 6; Хуторская – Кряж = 0, 5; Кряж – Чумойтло I = 0, 6; Кряж – Шадбегово = 0, 4.

Иначе говоря, памятники с гребенчатой керамикой бассейна р. Чепцы очень близки верхнекамским (до широты г. Оханска), а вятские стоянки ближе к комплексам типа стоянки Кряж. В этой связи необходимо обратить внимание на овальные ямчатые вдавления. Они присутствуют на керамике как ранних (рис.217, 6), так и более поздних (рис.214, 6) памятниках

Прикамья. Аналогичная ситуация прослеживается по материалам западнее р. Камы. Так, данный способ нанесения узора присущ архаичному комплексу Усть-Шижма (рис.221, 11) и развитому на Среднем Шадбегово и Чумойтло I.

Следующий район интенсивного распространения памятников камской неолитической культуры – Нижняя Белая и Икско-Бельское междуречье. В последнем регионе в основном представлены памятники поздненеолитической поры (Габяшев, 1978). Два памятника, где имеются находки более раннего времени – Игимская и II Дубовогривская (Габяшев, 2003), имеют смешанный характер. Это снимает возможность достаточно полного сравнения. Тем не менее, можно констатировать, что, как на Нижней Белой, так и на икско-бельских памятниках, в отличие от верхнекамской и чепецкой, почти полностью отсутствует ямочный орнамент. При сопоставлении орнаментальных композиций посуды этих территорий можно применить уже известную методику: Хуторская – Нижняя Белая = 0, 5; Хуторская – Дубовогривская = 0, 5; II Лебединская – Дубовогривская = 0, 5; II Лебединская – Нижняя Белая = 0, 4; Дубовогривская – Нижняя Белая = 0, 6; Здесь следует обратить внимание на ряд моментов. Обилие орнаментальных узоров на II Дубовогривской вряд ли стоит объяснять смешанностью комплекса. На Нижней Белой такие чистые памятники как Кюнь II, Старо-Буртюково, Сауз I-II также содержат большее число узоров. Во-вторых, икско-бельские и нижебельские комплексы имеют больше узоров, чем нижекамские типа II Лебедино. В то же время ряд схем по количеству близок приустьевым материалам (вертикальный зигзаг, ряды короткого штампа, треугольники, косая решетка, длинные отпечатки, разделённые короткими), а другой ряд – верхнекамским (прямые длинные оттиски, «шагающая» гребенка, длинные ряды, разделённые горизонтальным зигзагом). Все это свидетельствует о промежуточном характере памятников икско-бельского региона и Нижней Белой. Имеется ряд композиций, присущий только материалам этих территорий. Наибольший индекс родственности присущ именно материалам памятников рек Ик и Белая.

Таким образом, можно говорить об икско-бельском варианте камского неолита.

Выделяется ещё один регион с наличием достаточно большого числа памятников – приустьевая часть Камы. Не случайно А.Х.Халиков предлагал выделить эти материалы вместе с вятскими в особый вариант (Халиков, 1969). Наиболее представительными здесь являются стоянки II и III Старо-Мазиковские, Обсерваторская III, IV Матюшинская, IV Мурзихинская и II Лебединская (рис.141;143;145). Кроме двух первых, остальные комплексы по технико-типологическим признакам близки в хронологическом отношении. Но объединяет их не столько наличие круглых глубоких ямочных вдавлений, сколько специфический набор орнаментальных композиций. Это подтверждается статистическим сравнением с помощью индекса сходства на примере II Лебединской стоянки и неолитических памятников других регионов Прикамья. Что же касается сурско-мокшанского варианта, то интенсивное изучение памятников неолитического времени в бассейне р. Суры не дает возможности выделять здесь комплексы позднего этапа с гребенчатой орнаментацией [Выборнов, Третьяков, 1988]. В верховьях р. Суры на стоянке Подлесное IV керамика с зубчатыми оттисками скорее сближается с комплексами типа II Лебединской стоянки развитого этапа неолита [Выборнов, Третьяков, 1984]. На р. Мокше обнаружен гребенчатый комплекс на стоянке Озимёнки II [Выборнов, Королёв, Ставицкий, 2006], который в определённой мере можно сопоставлять с поздненеолитическим этапом.

В связи с проблемой выделения локальных вариантов необходимо затронуть и вопрос о правомерности и необходимости переименования камской неолитической культуры. Это тем более актуально, так как ряд исследователей пользуется старым термином, а некоторые специалисты вслед за предложением Л.А.Наговицина называют камскую культуру хуторской [Наговицин, 1988; Ковалева, 1989]. Автор солидарен с В.В.Никитиным, что данный вопрос требует обсуждения. В противном

случае начнется терминологическая путаница, что усложнит работу специалистов сопредельных регионов. Однако ситуация с камской культурой принципиально отличается от турбинской (гаринско-борской). Если в данном случае турбинские материалы не связаны с гаринско-борскими поселениями, а гаринские памятники не составляют единства с борскими, то для неолита дело обстоит совсем иначе. Автор согласен с мнением Л.А.Наговицина в том смысле, что археологические культуры нежелательно называть по географическому принципу. Действительно, материалы типично камского типа обнаружены в чистом виде на Средней [Верещагина, 1989] и Нижней Вычегде [Косинская, 1991; Волокитин, Карманов. Марченко, Дурягина, 1998. С.31-40] и даже на р.Юг, притоке р.Сухона (комплекс обнаружен И.В.Гавриловой и хранится в фондах ИИМК РАН). Но и в данном случае это не основание для переименования культуры, так как памятники эти единичны и бедны инвентарем. Термин «хуторская» был бы оправдан, если бы он позволял получить новую информацию или отождествлял новое содержание. Этого не произошло. С таким же успехом камскую культуру можно было бы назвать лебединской, так как стоянки Лебедино II и Хуторская содержат все необходимые компоненты эталонного памятника. Целесообразно сохранить традиционное название культуры, а варианты её вполне допустимо обозначить как хуторской (Верхнее и Среднее Прикамье, Чепца), лебединский (Нижнее Прикамье, Вятка). О различиях компонентов комплексов Хуторской и Лебединской стоянок выше написано достаточно подробно. Следует лишь добавить, что в материалах хуторского варианта четко прослеживается зауральский компонент (выраженный в самых разных проявлениях – от талька до волнисто-прочерченных узоров, некоторых композиций), а в лебединском варианте камской неолитической культуры – влияние накольчатых комплексов лесостепного типа.

§ 3.3. Вопросы периодизации и хронологии камской культуры

Уже в начале 60-х гг. О.Н.Бадер предложил схему развития неолитических племен Верхнего и Среднего Прикамья (Бадер, 1963). Было

выделено три периода, исходя из типологического анализа керамического и кремневого инвентаря: боровоозерский, хуторской, лёвшинский. Вплоть до середины 70-х годов исследователь придерживался этой схемы, суть которой заключалась в следующем.

На раннем этапе (стоянка Боровое озеро I) высоким развитием характеризуется техника обработки камня; глиняная посуда имеет наплывы на внутренней стороне и закрытую форму сосудов, а в орнаментике доминирует зубчатый штамп (причем хорошо представлена «шагающая» гребенка) и имеется незначительная примесь керамики с примесью талька и волнистым орнаментом – зауральского происхождения. На развитом этапе (стоянка Хуторская) керамика продолжает сохранять прежний облик, но усложняется орнамент (причем увеличивается доля «шагающей» гребенки). В каменном инвентаре падает процент ножевидных пластин по отношению к отщепам и увеличивается роль шлифованных орудий.

Поздний этап (стоянки Лёвшино, Чернашка, Сауз I) характеризуется дальнейшим усложнением кремневого инвентаря, быть может, появлением наконечников стрел с усеченным основанием, а также первых привозных медных орудий. В глиняной посуде заметно возросла доля цилиндрошейных сосудов с прямыми и тонкими венчиками, а в орнаменте ещё заметнее «шагающая» гребенка.

Предложенная периодизация стала определенным ориентиром для исследователей сопредельных территорий. Так, Г.Н.Матюшин в середине 60-х годов отмечал, что периодизация памятников Башкирского Предуралья в целом совпадает с периодизацией, разработанной О.Н.Бадером для памятников Прикамья (Матюшин, 1964). Наиболее полно здесь представлен этап (Сауз I, Давлеканово и др.), сходный с хуторским периодом, а третий этап (Сауз II и др.) соответствует лёвшинскому периоду.

В середине 60-х годов, на основе материалов Нижнего Прикамья, А.Х.Халиковым была предложена периодизация волго-камской культуры, охватывающей, по мнению исследователя, всю территорию Прикамья

(Халиков, 1969). В развитии этой культуры автор выделяет два периода: ранний, подразделяющийся на три этапа, и поздний, состоящий из двух этапов. Первый этап – бескерамический, второй характеризуется керамикой, орнаментированной накольчато-прочерченной техникой, третий, когда наряду с прежней появляется зубчатая система орнаментации. Второй период охватывает не только материалы Среднего Поволжья, но уже все Прикамье и в целом повторяет этапность, предложенную О.Н.Бадером. Кроме типологических показателей А.Х.Халиков использовал как один из критериев периодизации гипсометрические отметки расположения памятников. Так, бескерамические стоянки занимали высокие края первых надпойменных террас, не ниже 10-12 м над уровнем водоема; раннекерамические (Кабы-Копрынская стоянка) – невысокие дюны пойм; поздненеолитические памятники проявляют тенденцию расположения на относительно высоких местах (Хуторская, II Лебединская) второй террасы (Халиков, 1974).

В конце 70-х гг. И.В.Калинина провела тщательный типолого-статистический анализ опорных памятников с гребенчатой керамикой Верхнего, Среднего и Нижнего Прикамья. Если О.Н.Бадер и А.Х.Халиков одним из главных критериев периодизации считали изменение форм сосудов от закрытых типов к профилированным, то, по мнению И.В.Калининой, на поселениях бытовали как более ранние, так и более поздние типы сосудов (Калинина, 1976). Вторым важнейшим репером для О.Н.Бадера и А.Х.Халикова было увеличение доли «шагающей» гребенки от более ранних к более поздним этапам. И.В.Калинина пришла к выводу, что увеличения доли «шагающей» гребенки в орнаментации не наблюдается и её колебания указывают, видимо, на локальные особенности памятников [Калинина, 1979]. Поэтому, как считает исследователь, керамический материал поселений не укладывается в рамки определенных периодов. И все же автор наметил две группы (более ранняя и более поздняя), что давало возможность предположить двучленную периодизацию.

Эта возможность была подтверждена работами Р.С.Габяшева в Нижнем Прикамье, где материалы с гребенчатой керамикой были разделены на два этапа [Габяшев, 1978б]. Ранний характеризуется памятниками типа II Лебединской стоянки с керамикой хуторского типа и соответствует развитому этапу неолита Европейской части СССР. Поздний период характеризуется памятниками типа Русско-Азибейской стоянки и может быть синхронизирован с лёвшинским этапом. Исследователь обратил внимание и на специфику кремневого инвентаря неолитических стоянок Нижней Камы и Икско-Бельского междуречья [Габяшев, 1976; 1976а], что выражалось в высоком проценте ножевидных пластин и орудий из них в комплексах лёвшинского типа. Иначе говоря, этот критерий периодизации не является универсальным для всего Прикамья.

Столь убедительные доводы привели к тому, что О.Н.Бадер в конце 70 -х годов пересмотрел свою раннюю схему, и периодизация неолита Верхнего и Среднего Прикамья пришла в соответствие с нижекамской [Бадер, 1978]: стоянки типа Боровое озеро I были отнесены к хуторскому (развитому) этапу. Этот вывод был подтвержден и материалами неолитических памятников Камско-Вятского междуречья.

По мнению Т.М.Гусенцовой, стоянки Чумойтло I, Тархан I, Кыйлуд III являются наиболее древними в пределах развитого неолита (типа II Лебединской, Боровое озеро I, Хуторской). К развитому неолиту относятся также стоянки Моторки III, Новый Мултан, а к позднему Ботыли IV, близкие Старо-Мазиковским стоянкам. Эти группы, как полагала автор, могут быть соотнесены к боровоозерскими и хуторским этапами камской культуры [Гусенцова, 1981].

Противоречивость выводов Т.М.Гусенцовой исходит не из материалов неолита междуречья Камы и Вятки, а из противоречия, которое сохранилось в усовершенствованной периодизации О.Н.Бадера. Суть в том, что, по мнению исследователя, на позднем этапе камского неолита появляются первые следы меди на стоянках Сауз I, Чернашка и Лёвшино. На последней

известен медный нож, изготовленный из местного металла, но, возможно, по импортному южному образцу. Его связь с неолитическим комплексом допускается при учете значительной глубины залегания ножа. Во-вторых, на стоянке Сауз I обнаружены остатки сильно разложившегося медного предмета на предельной глубине культурного слоя, под развалом поздненеолитического сосуда [Бадер, 1978].

Таким образом, периодизация неолита Верхнего и Среднего Прикамья выглядит следующим образом: развитой этап (Хуторская, Кряж и др.) и раннеэнеолитическая фаза (Лёвшино, Сауз I и др.). А поскольку Р.С.Габяшев привел в соответствие материалы Нижнего Прикамья с верхне- и среднекамскими, то данное противоречие распространилось и на периодизацию неолита Нижней Камы. Исследователь отмечал, что, учитывая полное отсутствие следов использования металла, следует относить материалы этого этапа к финально-неолитическому времени [Габяшев, 1978]. На этом аргументе можно остановиться подробнее чуть ниже, а в данном случае необходимо четко определить, связаны ли металлические предметы с керамикой лёвшинского типа. Вслед за О.Н.Бадером мысль о связи медных изделий и позднеэнеолитических комплексов Прикамья была разделена рядом специалистов [Халиков, 1969; Крижевская, 1977]. Это предположение восходит ещё к работам А.В.Шмидта и Н.А.Прокошева, которые исходили из культурно-хронологического единства всех материалов Лёвшинской стоянки [Шмидт, 1940; Прокошев, 1940]. Позднее именно О.Н.Бадер доказал одновременность и разнокультурность материальных остатков этого памятника, но без отрыва медного ножа от лёвшинской керамики [Бадер, 1951]. Однако это не смутило некоторых современных исследователей, которые, перечислив выборочные статистические данные об отщепах и осколах, о плоских днищах и неорнаментированных стенках, выделяют лёвшинскую позднеэнеолитическую культуру [Матюшин, 1982. С.231]. На этой же странице возникает «лёвшинско-гаринский тип», «лёвшинско-гаринско-борская культура» и т.д., но вряд ли подобная терминологическая

путаница способствует прояснению существа вопроса. Судя по коллекции, хранящейся в фондах Государственного Эрмитажа, а также по подробным публикациям, на Лёвшинской стоянке, кроме комплекса камской культуры, присутствует весьма внушительная группа фрагментов с наколами татарско-азибейского типа раннеэнеолитического возраста, а также сосуды гаринско-борского и «флажкового» типа позднеэнеолитического времени. Е.Н.Черных на основе результатов спектрального и типологического анализов относит нож с Лёвшинской стоянки к гаринско-борским типам [Черных, 1970]. Что же касается его глубинного залегания, то, судя по публикации А.В.Шмидта, нож обнаружен не ниже 40 см от поверхности. Аналогичная ситуация прослеживается и с ножом стоянки Чернашка [Выборнов, 1979]. Что же касается поселения Сауз I, то данные о первых его раскопках свидетельствуют о сложном контексте залегания разновременных материалов (камская керамика, посуда с «насечками», фрагменты «флажкового» типа, черепки гаринско-борской культуры) [Бадер, Калинина, 2003. С.11-30]. Но с уверенностью можно констатировать (судя по шифрам коллекции из раскопок 1955-1956 гг., хранящейся в фондах музея археологии в г. Уфе) наличие гаринско-борской керамики в нижних горизонтах, где и были обнаружены медные остатки. К этому выводу пришли и авторы изучения стоянки Сауз I [Бадер, Калинина, 2003. С.24-25]. Это подтверждается и раскопками поселения Сауз I в 1980-1981 гг., когда были обнаружены медные предметы и около 500 кусочков медной руды в четких условиях залегания в жилищах с гаринско-борской и «флажковой» керамикой [Выборнов, Обыденнова, Обыденнов, 1984].

Таким образом, можно достаточно уверенно относить медные изделия на стоянках Лёвшино, Чернашка, Сауз I к эпохе позднего энеолита. Иначе говоря, на всех трех опорных памятниках левшинского этапа камской культуры металл с керамикой гребенчатого типа не связан, а поэтому лёвшинский этап следует определять не энеолитическим, а позднеэнеолитическим. Исследователи предлагают отказаться от термина

«лѣвшинский этап», так как комплекс стоянки Лѣвшино представлен чрезмерно смешанными и достаточно неопределенными в культурно-хронологическом отношении материалами [Мельничук, Скорняков, Чурилов, 2006. С.125]. По крайней мере, характеристика кремневого инвентаря лѣвшинского этапа, предложенная по материалам стоянки Сауз I в силу вышеуказанных причин в настоящее время, на взгляд автора данной работы, не может считаться приемлемой. Более объективными следует признать показатели, присущие верхнекамской стоянке Усть-Залазнушка. Из тысячи кремневых изделий 87% составляют отходы производства. Ножевидные пластины для изготовления орудий труда не применялись. Среди 90 изделий преобладают концевые скребки, ножи и долота (рис.225). В силу специфики памятника отсутствуют наконечники стрел [Мельничук, Скорняков, Чурилов, 2006. С.125]. Керамика, хоть и немногочисленна (9 сосудов), но весьма показательна. Внутренний наплыв прослежен лишь на трех венчиках. Примечательно появление горизонтального пояса из ямочных вдавлений под венчиком (рис.226, 3, 5). Отличительной чертой является и наличие наклонных рядов «шагающей» гребѣнки (рис.226, 1). Этот признак не характерен для хуторских, но присущ раннегаринским сосудам.

На первый взгляд может показаться, что с решением этого вопроса проблема периодизации камской культуры снимается. Однако это далеко не так. Если в Верхнем Прикамье два этапа (развитой и поздний) представлены соответственно материалами Хуторской и Лѣвшинской стоянок, в Среднем Прикамье – Кряжской и Чернашкинской, то в ряде районов ситуация несколько сложнее. Так, в приустьевой части Камы хорошо представлена развитая ступень комплексом II Лебединской стоянки. Что же касается поздней фазы, то Р.С.Габяшев выделяет группу керамики (вероятно, с Обсерваторской III стоянки), характеризующейся подцилиндрическим горлом, приостренно-отогнутыми наружу венчиками и т.д. В то же время исследователь отмечает, что обе группы керамики типологически очень близки [Габяшев, 1978б]. В Икско-Бельском междуречье, наоборот, наиболее

четко выделяется комплекс поздненеолитического времени в материалах Русско-Азибейской стоянки [Габяшев, 1978б]. Более ранняя фаза представлена первой и наиболее многочисленной группой со II Дубовогривской стоянки [Габяшев, 2003], памятника интересного, но в силу смешанности очень сложного. Поскольку речь идет об Икско-Бельском междуречье, то опорным памятником развитого неолита можно было бы избрать комплекс Муллино II в бассейне р. Ик. Его материалы, судя по публикации, в целом аналогичны посуде Хуторской и II Лебединской стоянок развитой поры неолита Прикамья (рис.210-211). Что же касается приустьевой части Прикамья, то наиболее четким критерием для позднего этапа неолитической посуды, видимо, может служить такой яркий показатель, как значительный процент округлых ямочных вдавлений как под венчиком, так и по тулову сосудов – до 90% всех венчиков [Габяшев, 1978 а]. В этом плане наиболее крупный комплекс, который может быть опорным для поздней фазы камского неолита Нижнего Прикамья – стоянка Балахчинская VIa [Габяшев, Казаков, Старостин, Халиков, Хлебникова, 1976]. Симптоматичен тот факт, что если ранее Т.М.Гусенцова относила стоянки Моторки II, Новый Мултан к развитому этапу, то в дальнейшем она пришла к выводу о том, что эти комплексы (содержащие как гребенчатую, так и гребенчато-ямочную посуду) могут быть более поздними [Гусенцова, 1986]. Здесь хотелось бы отметить, что к позднему неолиту, видимо, правомернее отнести и определенную часть материалов стоянки Кыйлуд III, которую исследователь определяет развитым неолитом. Судя по публикации [Гусенцова, 1993] и по коллекции, хранящейся в фондах Удмуртского госуниверситета, это наиболее представительная в количественном плане выборка. Она позволяет в большей мере охарактеризовать поздний этап неолита по сравнению с ограниченными материалами стоянок Моторки II и Новый Мултан. По сравнению с комплексом Чумойтло I керамика стоянки Кыйлуд III более тонкостенная, наплывов на внутренней стороне сосудов значительно меньше, больше открытых форм, кроме мелкозубчатого штампа

широко используется средняя и крупная гребенка, появляются овальные короткие зубчатые штампы и узоры, напоминающие «флажковые» [Гусенцова, 1993. С.114-115, рис.34-35]. Все эти признаки, а также тот факт, что стоянки Чумойтло I и Кыйлуд III расположены в непосредственной близости между собой, позволяют предположить близкое соотношение в периодизационном плане с территорией приустьевой части Камы. По крайней мере, по основным технико-типологическим признакам, керамика стоянки Кыйлуд III очень близка комплексу Балахчинской VI а стоянки.

На территории Нижней Белой развитая фаза неолита хорошо представлена керамикой стоянки Кюнь II, которая характеризуется преобладанием закрытых форм сосудов. Наплыв на внутренней стороне сосудов достигает 50% от всех венчиков. Доминирует мелко и среднезубчатый штамп. Преобладают несложные узоры (наклонные ряды, вертикальный и горизонтальный зигзаг и т.д.), хотя представлены и плетенка, и «шагающая» гребенка, и косая решетка (рис.196-197). Поздненеолитическая ступень наиболее ярко отражена в комплексе стоянки Бачки-тау II. Керамика приобретает прямостенность, исчезают наплывы на внутренней стороне венчиков, увеличивается процент средне- и крупнозубчатого штампа, появляется вертикальная зональность, под срезом венчика появляется горизонтальный пояс ямочных вдавлений, увеличивается доля «шагающей» гребенки (рис.201).

Таким образом, как в большинстве отдельных районов, так и в целом по Прикамью довольно четко устанавливается двучленная периодизация развития неолита.

Долгое время наиболее сложным оставался вопрос о древнейшем этапе в развитии гребенчатой традиции на данной территории. Вплоть до начала 80-х годов XX века лишь комплекс Кабы-Копрынской стоянки признавался В.П.Третьяковым как ранненеолитический [Третьяков, 1972]. Ограниченность керамического комплекса на одном памятнике, расположенном не в лесном Прикамье, а в пограничье лесостепи и леса

Среднего Поволжья, по всей видимости, и предопределили ту осторожность, с которой подходили к нему специалисты. Не случайно долгое время эта коллекция практически не фигурировала в работах исследователей. Положение стало меняться с открытием таких стоянок, как Зиарат на Нижней Белой [Выборнов, 1983; 1984а], Усть-Шижма на Вятке [Наговицин, 1988], Усть-Букорок и Мокино на Каме [Мельничук, Бординских, Мокрушин, Дегтярёва, Лычагина, 2001]. Несмотря на это, есть мнение о том, что материалы Кабы-Копрынской стоянки относятся к развитому этапу [Габяшев, 2003. С.57]. В том числе и поэтому специалисты считали, что вопрос о раннем этапе камской культуры во многом остается открытым [Лычагина, 2006в. С.14]. Поэтому имеет смысл еще раз обратиться к данному аспекту. Керамический комплекс стоянки Зиарат не превышает и одной сотни фрагментов, в то время как на поселении развитого неолита Кюнь II количество черепков достигает полутора тысяч. И это не случайно. Так, на Кабы-Копрынской стоянке всего 132 обломка керамики, а на II Лебединской – около 800. На Усть-Шижме венчиков чуть более десятка, а на Средне-Шадбегово они исчисляются сотнями. На Мокино количество фрагментов минимально, а на Хуторской их около четырёх тысяч. Таким образом, одним из четких разделителей между посудой раннего и развитого этапов неолита может служить количество фрагментов керамики. Во-вторых, черепки стоянок Кабы-Копры, Зиарат, Усть-Шижма, Мокино отличны от фрагментов поселений Лебедино II, Кюнь II и других своей фрагментарностью, мелкими размерами. В-третьих, толщина этих фрагментов колеблется от 0,6 до 1,2 см, преобладая на 0,7–0,9 см, то есть посуда ранних комплексов тонкостенна, в то время как у фрагментов стоянок развитого этапа неолита превалирует толщина 0,9–1,1 см. В-четвертых, на стоянках типа Хуторской, Боровое озеро I, II Дубовогривской процент венчиков с наплывами на внутренней стороне достигает семидесяти, а на Зиарате, Усть-Шижме, Мокино они либо отсутствуют, либо представлены единицами в слабовыраженном виде. Для нанесения узоров на посуду стоянок типа Зиарат использовался

преимущественно узкий мелкозубчатый штамп, оттиски короткой овальной гребёнки единичны (рис.192, 1-6). Аналогичная картина и на керамике стоянки Усть-Шижма (рис.221, 4, 6). Не менее значимы различия в количестве узоров и в сложности композиций. Так, на керамике стоянки Зиарат всего шесть узоров, а на посуде развитого неолита Кюнь II как минимум двенадцать. Из композиций на стоянке Зиарат представлены простые схемы построения рисунков. В то же время на посуде развитого неолита кроме этих узоров, есть довольно сложные композиции: плетёнка, треугольники, косая решётка, «шагающая» гребёнка. Сходную ситуацию прослеживает Г.Н.Матюшин для слоев IIa и IIб и IIc на поселении Муллино. Похожая динамика просматривается при сравнении узоров на Усть-Шижме и Средне-Шадбегово.

Исследователи отмечали определенные различия между керамическими комплексами ранне-неолитических памятников [Выборнов, 1988; 1992; Гусенцова, 2004. С.293]. Особенности последних связаны не только с территориальными причинами. Видимо, они ещё раз подтверждают их архаичный возраст, когда процесс возникновения керамического производства зависел от целого ряда факторов [Выборнов, 1986]. В то же время преемственность памятников ранней и развитой поры просматривается лучше, чем их отличия. Так, пять узоров на фрагментах стоянки Зиарат на посуде поселения Кюнь II становятся статистически устойчивыми, а иные композиции представлены ограниченным числом. Сходная ситуация и на Каме. Небезынтересно отметить наличие на фрагментах стоянки Мокино композиции в шахматном порядке (рис.217, 102). Точно такой же узор фиксируется на черепках стоянки Боровое озеро I (рис.212, 1-2). С одной стороны, это свидетельствует об их преемственности. А с другой раскрывает дальнейшее развитие гребенчатой традиции в более позднее время. Сходные процессы прослеживаются и в сопредельных регионах. Отметим, что отдельные узоры на посуде Кабы-Копрынской стоянки (вертикальный зигзаг, плетёнка) становятся статистически устойчивыми на развитой фазе неолита

II Лебединской стоянки. Часть композиций на посуде стоянки Подлесное III развивается в более позднее время о чем свидетельствуют материалы поселения Подлесное IV [Выборнов, 1988].

О раннеолитический возраст вышеперечисленных памятников свидетельствует и кремневый инвентарь. Коллекция стоянки Зиарат характеризуется большим количеством пластин по сравнению с отщепами. Среди орудий представлены пластины с ретушью, резцы на углу сломанной пластины и концевые скребки (рис.192, 10-18). Определённый архаизм присущ и каменному инвентарю стоянки Мокино (рис.217, 7-15). Что же касается стоянки Усть-Букорок, то комплекс связан с пределами жилища. Из 192 предметов 8 нуклеусов имели призматическую (рис.218, 1-2) и коническую (рис.218, 3-4) форму. Соотношение пластин и отщепов (включая орудия) соответственно 81% и 19%. Из 80 пластин преобладают узкие и средние. Среди 33 орудий есть пластины и сечения с ретушью (рис.218, 7, 8, 17-19), скребки концевые (рис.218, 14, 15) и округлые (рис.218, 12). Есть резец на углу сломанной пластины (рис.218, 13), симметрические острия (рис.218, 9-11) и долотовидное орудие (рис.218, 5). Исследователи отмечают, что данный материал мало чем отличается от комплексов позднемезолитических стоянок Прикамья [Мельничук, Бординских, Мокрушин, Дегтярёва, Лычагина, 2001. С.160]. Материалы последнего памятника особенно значимы, так как чётко отличаются от кремневого комплекса развитого этапа, как на Хуторской, так и на Кряжской стоянках (рис.213; 215). Необходимо напомнить, что Г.Н.Матюшин отмечал для раннеолитического слоя 2А на стоянке Муллино преобладание пластинчатого комплекса над отщеповым, содержащим мезолитические реминисценции [Матюшин, 1996].

А.В.Шмидт и Н.А.Прокошев определяли верхнюю границу камской неолитической культуры по находке на Лёвшинской стоянке медного ножа, который считался ими импортом из майкопской культуры и датировался рубежом III и II тыс. до н.э. [Бадер, 1963. С.24]. Учитывая малочисленность

памятников, время бытования камской культуры охватывало рамки III тыс. до н.э. И хотя для установления нижней границы каких-либо веских оснований не было, вышеуказанные пределы нормально вписывались в свете общих представлений о времени существования неолита на тот момент. Так, нижняя граница зауральского неолита определялась по нахождению в ранне-неолитических комплексах наконечников кельтеминарского типа и, судя по среднеазиатским параллелям, относилась к большей части IV тыс. до н.э. Подтверждением этому явилась радиоуглеродная дата IV слоя Джебела 6030 ± 240 лет, то есть грань V и IV тыс. до н.э. [Бадер, 1970. С.159-161]. Примерное время развитого (полуденского) этапа было определено также благодаря дате из перекрывающего слоя со стоянки Стрелка – 4360 ± 200 , что позволило специалистам датировать этап концом IV – первой третью III тыс. до н.э. А поскольку на стоянке Боровое озеро I в Прикамье была обнаружена керамика с примесью талька и зауральским орнаментом, то ранний этап камской культуры синхронизировался с полуденским и датировался сходным временем [Бадер, 1970. С.167].

Определяя хронологические рамки неолита Нижнего Прикамья, А.Х.Халиков исходил из понимания волго-камской культуры. Ее наиболее поздние памятники приурочены к Среднему и Верхнему Прикамью, то есть соответствуют камской культуре О.Н. Бадера. Поэтому исследователь принял достаточно близкие хронологические рамки завершающего этапа – третья четверть III тыс. до н.э., так как за ним уже начинается энеолит, а дата ножа с Лёвшинской стоянки (рубеж III и II тыс. до н.э.) не вызывала особых сомнений (Халиков, 1969. С.13, 122). Первый этап позднего периода, в который входили памятники не только Нижнего, но Среднего Прикамья, датировался соответственно первой половиной III тыс. до н.э. [Халиков, 1969. С.80], что совпадало с позицией О.Н.Бадера. Поскольку ранний период волго-камской культуры сочетал памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой, то логика рассуждений А.Х.Халикова была вполне оправдана. Второй этап древнее первой фазы позднего неолита, поэтому он

датируется второй половиной IV тыс. до н.э. Что же касается наиболее раннего этапа, то, поскольку накольчатая система орнаментации была сходна с днепро-донецкой культурой, исследователь опирался на датировки, предложенные Д.Я.Телегиным в начале 60-х гг. XX в.: ранний период определялся не позже середины IV тыс. до н.э. Поэтому А.Х.Халиков датировал ранний керамический этап волго-камской культуры этим же временем [Халиков, 1973. С.120].

Однако датировки днепро-донецкой культуры основывались на тех же принципах, что зауральские и прикамские. Так, по находению в Никольском могильнике импортного трипольского сосуда второй этап днепро-донецкой культуры фиксировался первой половиной IV тыс. до н.э., а соответственно ранняя фаза по крайней мере концом V тыс. до н.э. Но уже тогда О.Н.Бадер показал уязвимость этого подхода. Трипольский сосуд из Никольского могильника, по мнению Т.С.Пассек, относится скорее к середине, а может быть ко второй половине IV тыс. до н.э. Следовательно, ранний этап днепро-донецкой культуры можно относить к первой половине IV тыс. до н.э., второй этап – к его второй половине, а третий – к III тыс. до н.э. А поскольку гребенчатая керамика в Прикамье является древнейшей, то ранний этап камской культуры может датироваться близким временем [Бадер, 1973. С.102-104].

Так, в течение десяти лет нижняя граница камской культуры была отодвинута исследователями вглубь почти на тысячу лет, хотя это и вступало в противоречие с их собственной системой обоснования, датировкой по зауральской импортной керамике.

Не лучше обстояло дело и с верхней границей камской культуры. Приуроченность медного ножа на Лёвшинской стоянке и неолитической керамике (как, впрочем, и иных медных предметов на других памятниках Прикамья) подверглась обоснованным возражениям [Выборнов, 1979. С.21-24]. Учитывая, что левшинский нож не может быть хронологическим репером, а потому верхняя дата камской культуры может углубиться

[Выборнов, 1976], при синхронизации сосновоостровского и левшинского этапов финал камской культуры О.Н.Бадер стал определять серединой III тыс. до н.э. А поскольку боровоозерский этап синхронизировался с полуденским Зауралья, то начало неолита Прикамья датировалось серединой IV тыс. до н.э. [Бадер, 1978. С.72-73].

По Нижнему Прикамью Р.С.Габяшеву удалось доказать синхронность материалов Лебединской стоянки и Борового озера I в Среднем и Хуторской в Верхнем Прикамье. Что же до памятников следующего этапа, то они сопоставлялись с левшинским, а по некоторым признакам (воротничковые венчики) – с поздним этапом днепро-донецкой культуры [Габяшев, 1978. С.12-13]. Накольчатые стоянки типа II Щербетьской Р.С.Габяшев синхронизировал с Лебединской (хуторского этапа) стоянкой камской культуры и со вторым и третьим этапом днепро-донецкой культуры, определяя время – вторая половина IV – первая половина III тыс. до н.э. [Габяшев, 1978 а. С.74-76].

Таким образом, если II Лебединская стоянка синхронна Боровому озеру I, то (по О.Н.Бадеру) ее материалы должны датироваться второй половиной IV тыс. до н.э., а следующая фаза, синхронизируясь с левшинской, – первой половиной III тыс. до н.э. Но в такой ситуации памятники щербетьского типа должны датироваться лишь второй половиной IV тыс. до н.э., не заходя в III тыс. до н.э.

Для определения верхней границы камского неолита была привлечена керамика воротничкового типа со стоянки Сауз II, которая по данному элементу оформления венчика была сходна с комплексами раннеэнеолитической самарской культуры, датировавшейся исследователями первой половиной IV тыс. до н.э. Поэтому воротничковую посуду с низовьев р. Белой и было предложено датировать концом IV тыс. до н.э. [Бадер, Выборнов, 1980. С.129]. В таком случае левшинские материалы должны датироваться более ранним временем [Выборнов, Овчинникова, 1981. С.51]. На бытование позднеэнеолитических памятников Прикамья во второй

половине IV тыс. до н.э. указывали и находки кельтеминарских наконечников в комплексах Нижней Белой [Выборнов, Горбунов, Обыденнов, 1982].

Что же касается нижней границы, то здесь сыграли свою роль разные факторы. Во-первых, были обнаружены стоянки более ранние, чем материалы хуторского этапа (Выборнов, 1984; Выборнов, Крижевская, 1988), что позволяло предполагать их бытование в первой половине IV тыс. до н.э. Во-вторых, ранний этап днепро-донецкой культуры, характеризовавшийся гребенчатой керамикой датировался аналогичным временем. В-третьих, сходство обнаруженных материалов (типа Зиарат) с выделенной и получившей радиоуглеродное подтверждение верхневолжской культурой – от середины V тыс. до н.э. до последней четверти IV тыс. до н.э. [Крайнов, 1978. С.57-62]. А вот по количеству радиоуглеродных дат памятники Прикамья резко отставали от соседнего Верхнего Поволжья. Ситуацию конца века достаточно показательно характеризует Л.Я.Крижевская: «К сожалению, недостаточно данных для точной датировки культур. Во всем огромном регионе пока практически нет (если не считать Чумойтло I) радиоуглеродных дат». Исследователь полагала, что в Приуралье неолит существовал с начала или середины IV тыс. до н.э., а верхняя его граница совпадает с концом III тыс. до н.э., что подтверждается датами Чумойтло I [Крижевская, 1996]. Даты по ¹⁴C стали появляться для материалов неолита Прикамья лишь последние годы. Но даже те четыре даты, полученные, начиная с 2000 г., позволяют уже сейчас вносить определенные коррективы в существовавшие представления. Достаточно привести лишь два примера. При отсутствии радиоуглеродных дат исследователи неолита Пермского Предуралья вслед за Л.А.Наговициным [Наговицин, 1988. С.73] относили стоянки с накольчатой керамикой к позднему неолиту. Процесс инфильтрации данного населения на указанную территорию определялся первой половиной IV тыс. до н.э. А посуду второй, более поздней группы, датировали второй половиной [Лычагина, 2004. С.21]. Взаимодействие

населения с накольчатой и гребенчатой керамикой не привело к появления гибридных форм, так как появились группы щербетьского типа в тот момент, когда хуторское население уже заканчивало свою жизнедеятельность [Лычагина, 1999. С.31].

На сегодняшний момент по фрагментам неолитической посуды данной территории получена серия дат [Выборнов, Габяшев, Галимова, Денисов, Ковалюх, Лычагина, Мельничук, Скрипкин, 2008]. Наиболее представителен по числу памятников развитой (боровоозерско-хуторской) этап. По одному из первых изученных памятников, ставшему опорным, – Боровое озеро I, получено две даты: 5950 ± 90 и 5760 ± 90 л.н. Для керамики из жилища 1 Хуторской стоянки получено также два определения: 5930 ± 80 и 5750 ± 90 л.н. По посуде второго жилища это же памятника – 5920 ± 90 л.н. В 2006 г. в прибрежной части Е.Л.Лычагиной была получена новая коллекция с Хуторского поселения, материал которого, по мнению автора раскопок, идентичен комплексам из жилищ [Лычагина, 2007. С.149-155]. Ее вывод подтверждается полученной датой – 5840 ± 80 . Иначе говоря, обе стоянки датируются сходным временем, что подтверждает типологический анализ керамики этих памятников, проведенный в свое время [Калинина, 1979. С.5-27]. По мнению В.П.Денисова, материалы стоянки Кряж относятся к концу развитого периода [Денисов, 1961]. Полученная дата – 5620 ± 90 л.н. подтверждает вывод исследователя. Таким образом, развитой этап камской культуры Среднего Прикамья укладывается в первую половину IV тыс. до н.э. Гребенчатая посуда с примесью талька со стоянки Чернушка относится исследователями либо к позднему (левшинскому) этапу [Мокрушин, Лычагина, 2003. С.36-37], либо к сосновоостровскому нео-энеолитическому периоду [Лычагина, 2006. С.25-28; 175, рис.9]. По данным Е.Л.Лычагиной, этот комплекс имеет дату по ^{14}C – 5400 ± 70 л.н., что хорошо подтверждает вывод автора изысканий. Полученная в Киеве дата по керамике дает иное значение – 5960 ± 80 л.н. В этом плане интересно привести данные еще по одной стоянке, которую исследователи также относят к левшинскому этапу –

Усть-Залазнушка. Киевская дата этого комплекса – 5880 ± 80 л.н. В первом случае отобранные на анализ образцы керамики, по мнению автора, в большей мере сходны с материалами Хуторской и Боровоозерской стоянок, что позволяет считать полученную дату вполне приемлемой. Что же касается, противоречия относительного возраста и абсолютной даты Усть-Залазнушки, то это требует дальнейшей проработки. Но уже сейчас можно констатировать, что и эта дата фиксирует первую половину IV тыс. до н.э. Относительно памятников более раннего этапа – Усть-Букорок и Мокино – в силу ограниченного количества черепков датирование не проводилось. Но, учитывая наиболее ранние даты развитого этапа, можно допускать, как минимум, последнюю четверть V тыс. до н.э.

Для территории Икско-Бельского междуречья по сравнительно более позднему комплексу, содержащему такой признак, как воротничок на венчике, с поселения II Татарский Азибей есть определение 5270 ± 90 л.н., то есть последняя четверть IV тыс. до н.э. Такая же дата (5400 ± 80 л.н.) получена для аналогичной керамики Гулюковской стоянки. Эти определения хорошо согласуются с двумя образцами воротничковой посуды со стоянки Сауз II, расположенной на правом берегу р. Белой: 5560 ± 90 и 5410 ± 90 л.н., то есть третья четверть IV тыс. до н.э. Для опорного памятника с воротничковой керамикой Икско-Бельского междуречья – стоянки Русский Азибей, которую Р.С.Габяшев синхронизирует с левшинским этапом, получена дата 5540 ± 90 л.н. Она полностью согласуется с датировкой саузовской керамики. Для Каен-Тубинской стоянки (раскопки А.А.Чижевского), материалы которой типологически близки этим комплексам, появились сходные определения: 5680 ± 80 и 5620 ± 80 л.н., то есть середина IV тыс. до н.э. По керамике стоянки IV Черки-Кельдуразы (раскопки Р.С.Габяшева и М.Ш.Галимовой) получена дата 5670 ± 80 л.н. К сожалению, один образец со стоянки Лебедино II дал современную дату, а второй 5640 ± 120 л.н. Последняя, по мнению Н.Н.Ковалюха и В.В.Скрипкина, омоложена в силу недостаточности исходного материала. Но, как убедительно доказано на типологическом

уровне, материалы II Лебединской стоянки аналогичны комплексам развитого этапа Среднего Прикамья [Габяшев, 1978б; 2003. С.101-102], а они датируются чуть более ранним временем. Кроме того, керамика II Лебединской стоянки аналогична и посуде поселения Подлесное IV на р. Суре, которая получила абсолютное определение – 5890 ± 90 л.н., что также совпадает с датами Хуторской стоянки. То, что в Нижнем Прикамье бытуют памятники сходного времени, доказывает дата, полученная по керамике камского типа со стоянки Сауз II – 5950 ± 80 л.н. Что же касается памятников типа Зиарат, относимых исследователями к более раннему периоду [Крижевская, 1999], то, видимо, они будут располагаться во второй половине V тысячелетия до нашей эры. Это обоснование подтвердилось датами для керамики стоянки Зиарат: 6110 ± 80 и 6070 ± 80 л.н.

Таким образом, радиоуглеродные даты позволяют в предварительном плане охарактеризовать абсолютную хронологию памятников с гребенчатой керамикой в Верхнем, Среднем Прикамье, Икско-Бельском междуречье и Нижнем Прикамье. Памятники раннего этапа уходят в V тыс. до н.э., по крайней мере, в последнюю его четверть. Комплексы развитого этапа занимают первую половину IV тыс. до н.э. Стоянки позднего этапа допустимо приурочить ко второй половине IV тыс. до н.э., причем в южной части этого региона с середины IV тыс. до н.э. уже появляется воротничковая керамика. Определенным подтверждением этой схемы могут служить и материалы стоянки Муллино II. Имеющаяся радиоуглеродная дата 6450 ± 80 л.н. скорее всего относится к слою IIa. По гребенчатой неолитической керамике стоянки Муллино II получены две даты: 6210 ± 90 и 6170 ± 80 л.н., что совпадает с датами стоянки Зиарат и Тархан I. Это лишнее раз доказывает, что различия между ними не хронологические, а локальные.

Когда предлагалось датировать развитый этап камской культуры серединой IV тыс. до н.э., то, помимо прочих, одним из оснований была керамика зауральского облика, обнаруженная в этих комплексах. На тот момент она и датировалась соответственно [Выборнов, 1984а. С.9]. В

последнее время получена определенная корректировка. По углю из жилища 1 поселения Исетское Правобережное, где залегала прочерченная керамика козловского типа [Кернер, 1991. С.55, рис.2], получена дата – 5880 ± 60 л.н. [Тимофеев, Зайцева, Долуханов, Шукуров, 2004. С.122]. Аналогичная прочерченная посуда обнаружена на стоянке Боровое озеро I (рис.216). Уместно напомнить, что по гребенчатой керамике камской культуры данного памятника получены очень близкие радиоуглеродные определения: 5950 ± 90 и 5760 ± 90 л.н. Это позволяет проводить довольно четкую синхронизацию камских и зауральских комплексов. Не меньший интерес в этом плане вызывают материалы сосновоостровского облика со дна жилища 2 поселения Дуванское V, получившее радиоуглеродную дату 5295 ± 60 л.н. [Стефанов, 1991. С.155-160]. Этот временной отрезок хорошо соотносится с полученными радиоуглеродными датами лёвшинского этапа неолита Прикамья.

Полученные результаты подтвердили прогноз О.Н.Бадера о том, что ранние фазы камского неолита могут датироваться первой половиной IV тыс. до н.э. [Бадер, 1973. С.99-106].

В определении верхней границы неолитических древностей Камско-Вятского бассейна сыграла свою роль и первая радиоуглеродная дата с поселения Чумойтло I – 4170 ± 90 от н.л. [Гусенцова, 1981], то есть конец III тыс. до н.э., что хорошо соответствовало концепциям О.Н.Бадера и А.Х.Халикова. Основная часть памятников с гребенчатой керамикой соотносилась с боровоозерским и хуторским этапами камской культуры и датировалась серединой IV тыс. до н.э. – третьей четвертью III тыс. до н.э. [Гусенцова, 1981a]. Что же касается стоянок с накольчатой посудой, то они подразделялись на две группы: более ранняя, сходная с комплексами типа II Щербетской и определяемая вслед за Р.С.Габяшевым развитым неолитом, и более поздняя, типа Кочуровской I, близкая материалам II Татарско-Азибейской стоянки и относимая к рубежу неолита и энеолита [Гусенцова, 1981a].

Определенное подтверждение этому было получено на стоянке Усть-Шижма в Камско-Вятском междуречье, где гребенчатая посуда залегала несколько ниже накольчатой, что дало основание автору полагать поздненеолитический возраст памятников щербетского типа [Наговицин, 1988]. Но если памятники с гребенчатой керамикой (Усть-Шижма, Зиарат, Кабы-Копры) выделялись в ранне-неолитический пласт более древний, чем хуторской этап камской культуры [Выборнов, 1988], то стоянки с накольчатой орнаментацией (Усть-Шижма) логичнее было бы отнести к развитой фазе неолита.

На рубеже веков все же появились и другие пусть единичные радиоуглеродные даты, которые позволили скорректировать и конкретизировать абсолютную хронологию неолита Камско-Вятского междуречья.

Для гребенчатой керамики по типу насечки, составляющей единый комплекс с накольчатой, по углю со стоянки Кочуровское I была получена дата – 5410 ± 60 [Гусенцова, 2000б. С.22], то есть вторая половина IV тыс. до н.э., что дало основание датировать этот комплекс эпохой развитого неолита [Гусенцова, 2004. С.293]. Исходя из этого, исследователь склонялся к мнению, что наиболее достоверными являются сведения о времени появления накольчатой керамики – V тыс. до н.э. и ее заключительного этапа – конец IV, начало III тыс. до н.э. Очевидно, в этом же промежутке времени жило население, изготавливавшее керамику с гребенчатой орнаментацией [Гусенцова, 2000б. С.23].

По неолитической керамике данного региона в настоящее время получена серия дат [Выборнов, Гусенцова, Ковалюх, Николаев, Скрипкин, 2008].

К развитому этапу камской культуры относился памятник Среднее Шадбегово, исследованный Л.А.Наговициным (Выборнов, 1988). Полученная дата – 5960 ± 90 л.н. полностью соответствует определениям Хуторской стоянки. По керамике стоянки Кыйлуд III [Гусенцова, 1993. С.115, рис.35, 15], которая по мнению специалистов наиболее близка посуде

II Лебединской стоянки в Нижнем Прикамье [Гусенцова, 1993. С.85], имеются две даты: 5980 ± 90 и 5820 ± 90 л.н. Материалы стоянки Чумойтло I [Гусенцова, 1993. С.155, рис.76, 3] относились исследователями к несколько более позднему времени. И даты подтверждают это предположение 5720 ± 90 и 5450 ± 90 л.н. Учитывая уже имеющуюся дату для стоянки Кочуровское I – 5410 ± 60 л.н., сделанную по углю, интересно сопоставить с датами, полученными по керамике. Фрагменты с коротким зубчатым штампом по типу насечки (рис.222, 7, 8) – 5270 ± 80 л.н., а с «шагающей» гребёнкой позднего типа – 5170 ± 90 л.н. По гребенчатой керамике позднего типа со стоянки Кочуровское IV [Гусенцова, 1980. С.81, рис.7, 7] получена дата 5360 ± 80 л.н. Иначе говоря, материалы развитого этапа неолита с гребенчатой керамикой Камского-Вятского междуречья датируются первой половиной IV тыс. до н.э., а поздний этап укладывается в его вторую половину. Эти хронологические рамки соответствуют прикамским. Что же касается материалов камского типа более ранних, чем хуторские, то Л.А.Наговицин, опираясь на поштыковое распределение материалов на стоянке Усть-Шижма, полагал более древнюю позицию гребенчатых материалов [Наговицин, 1988]. Это наблюдение подтверждалось и типологическими характеристиками [Выборнов, 1988; 1992]. Получена дата для гребенчатой посуды стоянки Усть-Шижма (рис.221, 1-2) – 6020 ± 90 л.н., то есть конец V тыс. до н.э. Определенным подтверждением этому могут служить материалы стоянки Тархан I. Первоначально их определяли хуторским этапом [Гусенцова, 1986. С.16], но скрупулезный сравнительный анализ привел к выводу о более раннем возрасте [Гусенцова, 1993. С.192]. По фрагментам (рис.220, 9) получены две даты: 6280 ± 90 и 5670 ± 80 л.н. Более вероятно первое определение, что хорошо подтверждает обоснованное предположение Т.М.Гусенцовой. Таким образом, в данном регионе радиоуглеродные даты свидетельствуют о функционировании камской культуры от последней четверти V тыс. до н.э. до конца IV тыс. до н.э.

В более западных от Вятки районах лесного Среднего Поволжья комплекс камской культуры получил близкую к вышеперечисленным дату для Нижней Стрелки V – 5510±90 л.н.

Таким образом, радиоуглеродные даты позволяют в предварительном плане охарактеризовать абсолютную хронологию камской культуры. Памятники раннего этапа уходят в V тыс. до н.э., по крайней мере, в последнюю его четверть. Комплексы развитого этапа занимают первую половину IV тыс. до н.э. Стоянки позднего этапа допустимо приурочить ко второй половине IV тыс. до н.э. Причем в южной части этого региона уже с середины IV тыс. до н.э. появляется керамика воротничкового типа.

В этой связи пока остается открытым вопрос о трактовке дат по стоянке Пезмог IV. Судя по единственному сосуду, обнаруженному на памятнике, исследователи совершенно справедливо типологически определили его развитым (хуторским) этапом и датировали первой половиной IV тыс. до н.э. В подтверждение этой датировке ими были приведены и результаты спорово-пыльцевых анализов [Волокитин, Карманов, Марченко, Дурягина, 1998. С.31-36, 40]. В дальнейшем по нагару с этого сосуда было получено три даты: 6820±70; 6760±50; 6730±50 л.н., то есть первая четверть V тыс. до н.э., что и дало основание В.Н.Карманову отнести данный сосуд к раннему неолиту и удревнить камский неолит в целом [Карманов, 2004. С.16].

Здесь все же следует отметить два момента. Во-первых, сосуд со стоянки Пезмог IV, на взгляд автора данной работы, относится именно к развитому, а не раннему этапу. И судя по радиоуглеродным датам, полученным по органике в керамике, датировка местонахождения явно выбивается из всей серии. Ранняя гребенчатая керамика датируется здесь последней четвертью V тыс. до н.э. Этот возраст подтверждается и радиоуглеродными датировками по углю с пола жилища стоянки Тудозеро V в лесной полосе западнее Прикамья – 6230±120 и 6110±100 л.н., где обнаружена архаичная посуда с зубчатыми узорами [Ошибкина, 2003а. С.245]. Но в случае с пунктом Пезмог IV речь идёт о развитом этапе. Во-вторых, даже керамика раннего этапа

верхневолжской культуры, имеющая даты по ^{14}C в пределах первой половины V тыс. до н.э. [Зарецкая, Костылева, 2008] резко отличаются от пезмогской: на стоянке Сахтыш Па она полностью лишена орнамента [Костылева, Зарецкая, 2004. С.54, рис.2], а на других памятниках порой встречаются редкие овальные вдавления [Жилин, 1997. С.190, рис.7, 9-10]. Видимо, целесообразно продатировать в Киевской лаборатории образцы вычегодского сосуда, что позволит, во-первых, сравнить результаты двух основ (нагар и фрагмент), а, во-вторых, все даты были бы сделаны в одной методике.

Тем не менее, Т.М.Гусенцова, опираясь на выводы В.Н.Карманова отмечает, что эти данные позволяют значительно удревнить памятники, традиционно относящиеся к развитому (хуторскому) этапу камской культуры, и отнести их к раннему неолиту [Гусенцова, 2004. С.293]. Однако значительное количество радиоуглеродных дат по большому числу памятников с гребенчатой керамикой противоречит этому предположению. В настоящее время по органике, содержащейся в керамике стоянки Пезмог IV получены две радиоуглеродные даты: 6410 ± 80 и 6130 ± 90 л.н. Эти значения в большей мере соответствуют определениям памятников хуторского типа. Таким образом, определять возраст камской культуры первой половиной V тыс. до н.э. представляется не достаточно обоснованным, а потому преждевременным.

§ 3.4. Проблема генезиса камской культуры

Касаясь проблемы возникновения гребенчатой керамической традиции в Прикамье, следует обратить внимание на то обстоятельство, что на ранненеолитической посуде стоянок Суры и Мокши количество узоров больше, чем на Вятке, Белой и Каме. Это дает возможность предполагать более интенсивное развитие схем орнаментации ранненеолитической гребенчатой керамики в более западных от Прикамья районах и более южных от лесной зоны. Подтверждением этому предположению служат

керамические комплексы Примокшанья, где в раннем неолите известно одиннадцать схем узоров. Конечно, стабильных здесь всего пять, и они достаточно просты, как и в других районах. Здесь, хоть и в единичных проявлениях, уже появляются, а на большинстве стоянок представлены более сложные узоры, которых нет на посуде раннего неолита Вятки, Белой и Камы. Все это наводит на мысль об импульсах при формировании гребенчатой посуды развитого этапа камской культуры. При сравнении орнаментальных композиций Кабы-Копрынской и II Лебединской стоянок индекс сходства равен 0, 3. Если же сравнить комплексы II Лебединской и Подлесное IV на Суре, то он составляет 0, 9. Иначе говоря, материалы приустьевого Прикамья и Верхнего Посурья на развитой фазе неолита чрезвычайно близки. В чем причина такого единообразия? Сравнивая схемы узоров этих памятников с ранненеолитическими материалами Примокшанья, получаем такую степень сходства: Имерки – II Лебединская – Подлесное IV = 0, 7. Иначе говоря, близость между ранненеолитической гребенчатой посудой Примокшанья и керамикой более позднего времени Суры и приказанского Прикамья очевидна. В первую очередь совпадают простые узоры, которые становятся доминирующими. Так, на Лебединской II стоянке вертикальный зигзаг – 25, ряды коротких оттисков – 11, ряды длинных отпечатков, разделенные короткими, – 12, ряды наклонных линий – 7. Более сложные узоры типа косой решетки, заштрихованных треугольников, «шагающей» гребёнки, плетенки редки как на мокшанской, так и посурской и приказанской керамике. Все это позволяет предполагать, что своеобразие гребенчатой керамики развитой фазы приустьевой части Камы (типа II Лебединской) связано с определенным влиянием из более западного региона. Любопытно отметить, что на примокшанской ранненеолитической посуде представлены оригинальные схемы узоров (рис.179, 4-8; 180, 1, 8; 184, 1; 187, 6-7; 188, 6, 8, 9), которые встречены на керамике стоянок Молёбное озеро I на Суре, Кабы-Копрынской на Свияге, Займище IIIа на Волге, вплоть до стоянки Усть-Шижма (рис.221, 1-8). Имеется в виду в том числе и

оригинальное чередование пустых зон и рядов мелкозубчатой гребёнки. Складывается впечатление, что процесс появления керамической традиции в приустьевом Прикамье шел не за счет диффузии навыков гончарного производства, а путем постепенного продвижения отдельных групп населения из Примокшанья через Суру, затем Волгу. Ещё одним аргументом в пользу этой версии свидетельствуют памятники с зубчато-гребенчатой «плетёнкой» в Верхнем (стоянка Подлесное IV) и Среднем Посурье (стоянка Чёрненькое озеро III), Марийском [Никитин, Вискалин, Ставицкий, 2002. С.314, рис.1, 1] и Чувашском Поволжье [Березина, Березин, 2003. С.156, рис.39, 7; С.158, рис.41, 13] вплоть до II Лебединской стоянки.

Определенным подтверждением этой гипотезы может служить и выяснение того субстрата, на который «наложилось» керамическое производство. Начать хотелось бы с констатации того факта, что на памятниках приустьевой части Камы, содержащих гребенчатую керамику (типа II Лебединской), процент крупных рубящих орудий со шлифованными лезвиями достигает 30 и более, что превышает процент таких массовых категорий, как скребки, ножи, в то время как на синхронных стоянках с накольчатой посудой рубящие шлифованные изделия составляют около 10 процентов [Габяшев, 1978б; 2003]. Таким образом, традиция изготовления плотницких инструментов у носителей гребенчатой керамики явно преобладает. Если сравнивать по этому показателю кремневый инвентарь стоянки Лебединская II и Кабы-Копры, то прослеживается их значительная близость. Правда, А.Х.Халиков относил Кабы-Копрынскую стоянку к накольчатым комплексам, но там выявился доминирующий процент гребенчатой посуды. Значительный процент шлифованных изделий на Кабы-Копрынской стоянке (около 70 экз.), предполагает преемственность с комплексами типа II Лебединской стоянки. И если единичность Кабы-Копрынской стоянки была нарушена с появлением керамических комплексов типа Зиарат, Подлесное III, то особенности кремневого комплекса этой стоянки подверглись осмыслению ещё в 60-е годы с выделением так

называемого «бескерамического» неолита. В 80-е годы В.В.Никитиным на левобережье Волги было исследовано около 15 памятников подобного типа [Никитин, 1987]. Эти памятники не содержат керамики, то есть они древнее Кабы-Копрынской и других раннекерамических стоянок. Как бы ни решался вопрос об их атрибуции (бескерамический неолит или поздний мезолит), стоянки типа Дубовской XIII или Ясачное I предшествуют раннекерамическим. Связующим звеном между ними могут служить шлифованные рубящие орудия, представленные большими сериями. Так, на Дубовской XIII резцы представлены двумя экземплярами, тесла и долота – 10 [Никитин, 1984]. На Удельно-Шумецкой XII резцов всего 4, а шлифованных изделий – 13 [Никитин, 1989]. А с поселения Ясачное I получено около 40 деревообрабатывающих инструментов [Никитин, 1987]. Объединяет кремневый инвентарь стоянок II Лебединская, Кабы-Копрынская, Ясачное I, Удельно-Шумецкая XII, Дубовская XIII и минимальный процент наконечников стрел. Сближает эти памятники и форма жилищных сооружений – подквадратная, а также их размеры: Ясачное I (5,6 м x 5,0 м) – Обсерватория III (5,5 м x 4,5 м); Удельно-Шумецкая XII (10,5 м x 8,5 м) – II Лебединская (9,4 м x 7,4).

Это предположение подтверждается и тем фактом, что на стоянках Дубовская VIII и Отарская VI жилища с накольчатой и ямочно-гребенчатой керамикой прорезают культурные слои с камскими (гребенчатыми) материалами, то есть население, изготавливавшее гребенчатую посуду, на данной территории является древнейшим [Никитин, 1985]. Таким образом, генезис неолита западного Прикамья можно представить как двулинейный процесс: аборигенное население «входило» в новую эпоху путем усовершенствования технологии каменной индустрии, а благодаря импульсам из лесостепных районов оно обрело навыки керамического производства.

Серьезным аргументом в пользу вышепредложенной версии могут служить и радиоуглеродные даты. Уместно напомнить, что для зубчато-

гребенчатой посуды стоянки Ковыляй I на р. Мокше дата – 6140 ± 90 л.н., для стоянки Подлесное III в верховьях Суры – 6110 ± 80 и 6070 ± 90 л.н., а для стоянки Молёбное озеро I на Средней Суры – 5980 ± 90 л.н. Как видим, эти значения более древние, чем даты для памятников с гребенчатой керамикой Нижнего Прикамья.

В более восточных районах, на Нижней Белой, ситуация представляется несколько иной. Здесь обнаружен позднемезолитический памятник Зиарат I [Выборнов, 1987]. Нуклеусы имеют призматическую форму (рис.193, 1). Пластины по отношению к отщепам составляют 73%, а орудия из пластин – около 80%. Среди них преобладают пластины с ретушью (рис.193, 8, 9, 11), концевые скребки на пластинах (рис.193, 2, 4, 5), отщепах и сколах (рис.193, 3, 6, 7), резцы на углу сломанной пластины (рис.193, 12, 14) или боковые (рис.193, 13), скобели (рис.193, 16), скошенные острия (рис.193, 18-19), пластина с поперечно-ретушированным концом (рис.193, 15), обломок трапеции (рис.193, 20), пластина со скошенным концом (рис.193, 10), обломок наконечника стрелы (рис.193, 17). Показателен характер первичной обработки: значительный процент мелких ножевидных пластин и изделий на них. Специфичен и набор орудий: трапеция, боковые и микрорезцы, скошенные острия, пластины со скошенным или прямосрезанным концом. Отсутствие таких форм, как косоплощадочные нуклеусы, срединные и полиэдрические резцы, сегменты и острия типа «перочинного ножа», свидетельствует о позднемезолитическом возрасте стоянки Зиарат I. Определение культурной принадлежности данного памятника осложняется особенностью его географического местоположения. Он находится на стыке двух мезолитических культур: камской, которая находится к северу от устья Белой, и романо-ильмурзинской – с юга. Преобладание среди орудий набора таких форм, как пластины с пологой ретушью, концевые скребки и резцы на углу сломанной пластины, сближают комплекс стоянки Зиарат I с такими памятниками камской мезолитической культуры, как Баринка [Гусенцова, 1981б] и недавно исследованными памятниками в Среднем Прикамье

[Мельничук, Бординских, Мокрушин, Дегтярёва, Лычагина, 2001. С.142-158]. Единичные находки скошенных острий, микрорезцов, пластин со скошенным концом и наконечника стрелы отражают определенную связь с романо-ильмурзинской культурой [Матюшин, 1976]. Таким образом, позднемезолитическая подоснова раннего неолита низовьев р. Белая отличается от западных регионов Прикамья. Видимо, в этом кроется одна из причин некоторого различия керамического инвентаря стоянок Кабы-Копрынская и Зиарат.

В дальних северных регионах Среднего и Верхнего Прикамья ранненеолитические комплексы, аналогичные зиаратовским, долгое время обнаружены не были. Это приводило к тому, что О.Н.Бадер допускал гипотезу о переживании здесь культуры позднемезолитического типа, по крайней мере, до IV тыс. до н.э. и об очень позднем заимствовании керамики [Бадер, 1973]. Вопрос только в том, откуда была заимствована керамическая традиция. Одна из версий была предложена Г.Н. Матюшиным. По его мнению, в силу экологических причин из Северного Прикаспия в лесостепное Приуралье проникает население с воротничковой керамикой, а местное население с гребенчатой посудой уходит на север, в лесное Прикамье. Смена населения происходит постепенно и бесконфликтно, ибо нигде не прослеживается совместное залегание гребенчатой и воротничковой посуды, причем слои с гребенчатой керамикой отделены от слоя с воротничковой керамикой прослойкой, свидетельствующей, что какое-то время эти места были необитаемы. Создается впечатление, что вначале ушло местное население, а после какого-то перерыва появилось новое население с юга, из региона прикаспийских сухих степей и полупустынь [Матюшин, 1988].

Хотелось бы отметить, что комплексы с воротничковой керамикой Северного Прикаспия и лесостепного Приуралья значительно различаются по основным технико-типологическим признакам [Васильев, Выборнов, 1986; Матюшин, 1982]. Поэтому о каких-либо крупных перемещениях

населения говорить не приходится. Стерильной прослойки между слоями на поселении Муллино фактически не фиксируется [Васильев, Выборнов, Моргунова, 1985]. Доказать разрыв между населением с гребенчатой и воротничковой керамикой невозможно. Наоборот, довольно отчетливо прослеживается преемственность между этими комплексами [Выборнов, 1985]. Иначе говоря, версия о появлении гребенчатой керамики в лесном Прикамье, как результате миграции населения из лесостепного Приуралья, не имеет веских доказательств. Если допустить такой вариант, то следовало бы доказать более древний возраст гребенчатой керамики лесостепного Приуралья по сравнению с лесным Прикамьем. Пока объективных подтверждений этому нет. Гребенчатый комплекс стоянки Муллино II, по мнению Г.Н.Матюшина, подразделяется на три этапа: а, в, с. Посуда всех трёх слоёв, как отмечал сам исследователь, очень близка между собой. Иначе говоря, имеющиеся различия фиксируют микростратиграфию данного конкретного памятника. В нижнем слое (Муллино IIa) автор раскопок обращает внимание на то, что узор на гребенчатую керамику наносился раковинным штампом. Следует согласиться с Г.Н.Матюшиным в этом аспекте. Эта группа посуды напоминает сосуды с зубчато-гребенчатой орнаментацией лесостепной средневожской культуры [Матюшин, 1996. С.259, табл.26]. Отличие кроется в ограниченном представительстве ямочно-жемчужного пояса под срезом венчика. В пользу версии Г.Н.Матюшина, на первый взгляд, работает и радиоуглеродная дата этого слоя – середина V тыс. до н.э. Однако есть и минусы в этих построениях. Посуда нижнего слоя Муллинской стоянки, по данным технологического анализа И.Н.Васильевой, изготовлена из илистой глины с примесью шамота. Этот рецепт присущ и зубчатой керамике Ивановской стоянки в лесостепном Поволжье. Что же касается среднекамских сосудов, то они изготовлены по иной технологии. По данным специалистов, в Верхнем Прикамье, кроме плитчатых штампов, использовались и створки раковин [Калинина, 1993. С.15]. Это нивелирует различия с посудой Муллино IIa. Над слоем IIa располагаются еще два

уровня, что свидетельствует о непрерывном развитии данного памятника. Керамика верхних уровней по технико-типологическим признакам укладывается в один период развитого неолита с материалами стоянок Хуторская, Кряж, Боровое озеро I лесного Прикамья. Если все же допустить, что население лесостепного Приуралья способствовало формированию керамической традиции (хотя бы в развитом неолите) лесного Прикамья, то следовало бы определить сходство в орнаментальных композициях между комплексами Хуторской стоянки и Муллино II. Однако узоры на гребенчатой посуде стоянки Муллино II находят ближайšie аналогии на керамике стоянок Нижней Белой (Кюнь II, Сауз II, Старо-Буртково) и Нижней Камы (II Лебединская). Что же касается схем рисунков на неолитической посуде стоянки Хуторская в Верхнем Прикамье, то выше уже перечислялись их характерные и специфические признаки. Они отличаются от посуды Муллино II, что снижает вероятность гипотезы Г.Н.Матюшина. Не случайно специалисты отмечают: «Идея появления гребенчатой керамики под воздействием лесостепного населения не находит своего подтверждения. Появление абсолютных дат по керамике хуторского типа позволяет отнести её время существования к середине VI тыс. до н.э. (калибровочное значение – примечание автора). Что же касается гребенчатой керамики на Нижней Каме и Средней Волге, то она в основном, относится к более позднему лёвшинскому этапу. Таким образом, будет правомерней говорить, о проникновении части населения из лесной зоны в лесостепь, а не наоборот» [Лычагина, 2006г. С.123]. Появившиеся радиоуглеродные даты по керамике стоянки Муллино II совпадают с датами памятников Прикамья.

В то же время, эти различия позволили выдвинуть ещё одну версию о происхождении керамического производства на территории Верхнего и Среднего Прикамья [Выборнов, 1988]. С появлением новых позднемезолитических памятников и стоянок типа Усть-Букорок и Мокино исследователи приходят к обоснованному выводу о приемственности кремнёвой индустрии этих комплексов [Мельничук, 2001. С.50-51]. Иначе

говоря, процесс развития носил автохтонный характер. О сходстве керамики стоянок Мокино и Хуторская уже упоминалось выше. В то же время необходимо обратить внимание на следующую деталь. Посуда стоянок Хуторская, Боровое озеро I имеет весьма развитой облик и, видимо, испытала определенное влияние со стороны. В материалах этих памятников присутствует посуда с примесью талька и волнисто-прочерченным орнаментом, характерным для Зауралья. Именно для керамики памятников этой территории с начальной ступени неолита присущи наплывы на внутренней стороне сосудов. Напомню, что на ранненеолитических сосудах Прикамья их почти нет. Слабо выражены они и в Нижнем Прикамье. Помимо этого, на типично гребенчатой керамике среди орнаментальных композиций Хуторской стоянки представлены пять узоров, копирующих зауральские схемы рисунков. Причем эти композиции в статистическом отношении весьма устойчивы. Кроме того, такой мотив, как «шагающая» гребенка, составляет почти третью часть от всех узоров. Выше отмечалось, что на неолитической керамике с гребенчатым орнаментом Примокшанья, Посурья, Среднего Поволжья эта орнаментальная композиция представлена весьма ограниченно.

Что же касается северных районов Зауралья, то на памятниках сумпаньинского типа, датирующихся по радиоуглеродному анализу V тыс. до н.э., посуда, украшенная гребенчато-прочерченным штампом, составляет 30% от общего количества. И здесь так же четко выражена «шагающая» гребенка [Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984. С.35, рис.4]. Поэтому исключать возможность участия зауральского населения в формировании керамической традиции культуры лесного Прикамья не следует. Это тем более вероятно в связи с двумя факторами. Во-первых, большинство специалистов обращает внимание на близость мезолитических культур Среднего Приуралья и Среднего Зауралья, объясняющуюся тем, что обе культуры входили в состав единой культурной общности и имели тесные и частые контакты [Старков, 1980; Сериков, 2000]. Во-вторых, проникновение

зауральского населения в Предуралье было почти в каждую эпоху. Поэтому для неолитического времени такое явление вполне реально. Автор отдает себе отчет в том, что преувеличивать значение зауральского импульса не корректно. Достаточно констатировать выводы специалистов о сравнительном анализе керамических комплексов стоянок Полудёнка I и Хуторская, который показал, что они относятся к разным технологическим традициям [Калинина, 1993. С.12]. Так, из десяти способов формовки венчиков, только три представлены на обоих памятниках, а при орнаментации хуторских и полудёнковских сосудов использовались неодинаковые способы нанесения орнамента [Калинина, Устинова, 1988. С.5-17].

Для Камско-Вятского междуречья, по мнению Т.М.Гусенцовой, между позднемезолитическими и раннеолитическими комплексами хронологических разрыв составляет 500-1000 лет. «Учитывая плотность освоения территории позднемезолитическим населением, не уступающей неолитической, очевидно, нет основания для предположения об его полном вытеснении пришлым населением. Процесс «неолитизации» региона и, прежде всего, появление навыков изготовления глиняной посуды у местного населения мог происходить в результате взаимных контактов с населением – носителем различных культурных традиций из Среднего и Верхнего Поволжья, Нижней Камы» [Гусенцова, 2007. С.97].

Нельзя не затронуть вопрос о соотношении позднеолитических комплексов и материалов агидельского типа. В южных районах Прикамья (низовья рек Белой, Ик, Камы); в непосредственной близости от самарской раннеолитической культуры, появляются памятники синкретического характера русско-азибейского типа [Габяшев, 1978; Васильев, Габяшев, 1982; Выборнов, Овчинникова, 1981; Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985; Выборнов, 1985]. Керамика этих комплексов сохраняет толстостенность и примесь шамота в глиняном тесте. При сохранении прямостенности сосуды приобретают профилированность (рис.203). Венчики либо равны толщине

стенок, либо тоньше их. Около 70% от всей суммы сосудов венчики имеют воротничковое утолщение (рис.204, 1, 2, 4). Уплощенные днища бытуют с округлыми. Для нанесения орнамента использовался средне- и крупнозубый инструмент. Появляются оттиски косозубого штампа. Характерен ряд ямочных вдавлений под срезом венчика (рис.203, 1-3, 5; 204, 1-2, 4). Орнаментальные композиции представлены наклонными рядами (рис.203, 4), вертикальным и горизонтальным зигзагами (рис.203, 2, 5), «шагающей» гребенкой (рис.203, 3), косой решеткой (рис.204, 1-2), плетёнкой (рис.203, 1; 204, 4).

Таким образом, керамика русско-азибейского типа сохраняет основные черты камского неолита. В то же время появляются качественно новые черты: профилированность сосудов, воротничковое утолщение венчиков, горизонтальный пояс ямочных вдавлений, использование косозубого штампа, уплощенность днищ. Одни специалисты относят эти комплексы к локальному варианту камской культуры на её левшинском этапе [Васильев, Габяшев, 1982], другие – к особой агидельской энеолитической культуре [Матюшин, 1982]. Противоречие порождено выбором различных критериев. Так, Р.С.Габяшев относит воротничковые комплексы к позднему неолиту, так как в них отсутствуют металлические изделия [Габяшев, 1978б]. По мнению ряда специалистов, этот признак, не всегда проявляющийся, может быть опосредован суммой иных характеристик.

Однако и позиция Г.Н.Матюшина небезупречна. Раннеэнеолитический возраст воротничкового комплекса исследователь определяет по стратиграфии поселения Муллино II-III. Автор данной работы выше попытался доказать синхронность керамики поселения Муллино IIв и IIс с развитым этапом камского неолита. В таком случае памятники русско-азибейского типа, включая комплекс Муллино III, допустимо относить к позднему неолиту.

Данная ситуация отражает всю сложность определения характера памятников в пограничных регионах. Если рассматривать русско-азибейские комплексы с позиции лесостепных культур, то они действительно выглядят неолитоидными. Учитывая дефиниции культур лесной полосы, воротничковые комплексы имеют раннеэнеолитический характер.

Ситуация напоминает процессы в степном и лесостепном Поволжье, когда речь заходит о «пережиточном» неолите. Но в данном случае, видимо, это не приемлемо. Носители камской культуры, обитавшие на Нижней Каме и вступившие в контакты с лесостепными энеолитическими культурами, как на формальном, так и на содержательном уровнях, выглядят более «прогрессивными» по сравнению с обитателями северных районов Верхнего Прикамья. Не случайно исследователи обращают внимание, что по морфологическим признакам керамика русско-азибейского типа по сравнению с лёвшинской более поздняя, хронологически синхронна «флажковой» энеолитической керамике [Калинина, 1993. С.7]. В своё время автор, проанализировав все воротничковые комплексы Нижнего Прикамья, пришёл к выводу о том, что они не замыкаются в узком хронологическом отрезке [Выборнов, 1984]. Типологические разработки получили подтверждение радиоуглеродными датами: если воротничковая посуда стоянки Сауз II и Русский Азибей датируются серединой IV тыс. до н.э., то сосуды с воротничками более позднего облика соответственно и датируются последней четвертью IV тыс. до н.э. Об этом свидетельствует даже кремневый инвентарь, культурный компонент весьма консервативного характера. Для изготовления орудий труда носителями керамики воротничкового типа использовалось кремнёвое сырьё, отличающееся от более ранних периодов. Здесь крайне важно отметить, что аналогичное сырьё присуще памятникам с накольчатой керамикой татарско-азибейского типа, энеолитический характер которых не вызывает сомнений [Габяшев, 1978а; 1982; 2003]. В качестве заготовок используются крупные пластины и массивные сколы (рис.205, 3, 4). Меняется и характер вторичной обработки,

что проявилось в появлении крупной, далеко заходящей на спинку орудия ретуши (рис.205, 8). Своеобразен и набор орудий (рис.205).

По органике в керамике самарской культуры лесостепного Поволжья радиоуглеродные даты фиксируют последнюю четверть V тыс. до н.э. – начало IV тыс. до н.э. Воротничковые комплексы Нижнего Прикамья занимают вторую половину IV тыс. до н.э. В связи с этим, нельзя исключать следующий вариант. В первой четверти IV тыс. до н.э. под давлением племен хвалынской культуры часть населения из лесостепного Поволжья продвинулась в более северные территории. Именно эти группы приняли участие в формировании воротничковой керамики русско-азибейского типа в середине IV тыс. до н.э. В лесостепном Поволжье в это время функционирует хвалынская культура. Примечательно, что на стоянке Сауз I были обнаружены обломки двух сосудов типично хвалынского типа [Выборнов, Обыдённов, Обыдённова, 1984. С.12, рис.11, 2], а в Среднем Посурье на стоянке Утюж I исследованы остатки жилища, в которых залежали орудия труда и керамика этой культуры.

В этой связи нельзя не коснуться вопроса о наличии комплекса керамики ямочно-гребенчатого типа в Камско-Вятском междуречье. Исследованные ещё в 50-е годы В.П.Денисовым, первые памятники подобного типа на р. Вятке позволяли предполагать проникновение носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики в вышеуказанный регион. В более западных районах на основе полученных материалов специалистами предлагается вычленять вятский вариант волго-камской этнокультурной общности, специфика которого и связана с гребенчато-ямочной керамикой [Гусенцова, 1981], подчеркивая что для Прикамья такая керамика пока не известна [Гусенцова, 1993. С.196]. Эти материалы исследователь относит к позднему неолиту, сопоставляя их с комплексами Старо-Мазиковских стоянок в Среднем Поволжье [Гусенцова, 2000б. С.21; 2004. С.293]. Справедливости ради надо отметить, что памятники с элементами культуры ямочно-гребенчатого типа были известны ещё из работ О.Н.Бадера 50-х гг. XX века.

Судя по керамике со стоянки Кутурган-Ерганак (рис.202) отдельные инфильтрации населения с ямочно-гребенчатой керамикой достигали устья правобережья р. Белой. Облик посуды позволяет относить её к развитому неолиту. Кроме того, на стоянке Чернашка в Среднем Прикамье, обнаружена сходная керамика, но по ряду признаков (профилированность, отсутствие наплывов), исследователь относил её к позднему (лёвшинскому) этапу камской культуры [Бадер, 1963. С.25; 1970, рис.2, 114]. Дальнейшие изыскания В.П.Денисова в южной части Среднего Прикамья на стоянках Красное Плотбище и Непряха IV подтвердили предварительные выводы, сделанные на основе материалов поселения Чернашка. В 90-е гг. аналогичные памятники этого же этапа были проанализированы и для Верхнего Прикамья [Лычагина, 2001; 2004. С.14]. Полученная радиоуглеродная дата для керамики гребенчато-ямочного типа с III Старо-Мазиковской стоянки [Халиков, 1960, табл. XVIII, 4] – 5635 ± 80 л.н. фиксирует её более ранний возраст по сравнению с камско-вятскими. Тем самым, подтверждается предположение Т.М.Гусенцовой об истоках последних. Более того, исследователь, характеризуя гребенчато-ямочную посуду камско-вятского междуречья, отмечает на стоянке Мысы I наличие воротничковых форм венчиков [Гусенцова, 2007. С.95]. Учитывая радиоуглеродные датировки сосудов воротничкового типа в Прикамье третьей четвертью IV тыс. до н.э., аналогичным временем следует определять и данную керамику Камско-Вятского междуречья. Это подтверждается и полученной радиоуглеродной датой по керамике стоянки Мысы I - 5620 ± 90 л.н.

§ 3.5. Проблема атрибуции памятников с накольчато-прочерченной керамикой

Обнаружение керамики с накольчато-прочерченным орнаментом на Лёвшинской стоянке в конце 20-х гг. XX в. не имела каких-либо серьезных последствий для изменения общего представления о развитии неолита Прикамья. Аналогичная ситуация присуща и сопредельным регионам. Так, в

начале XX в. накольчатая посуда была обнаружена на Балахнинской стоянке [Спицин, Каменский, 1905], но научное осмысление произошло в середине 70-х гг. при атрибуции верхневолжской культуры [Крайнов, Хотинский, 1977]. В Зауралье накольчатая керамика была выявлена О.Н.Бадером ещё в 40-е гг. XX в. на стоянке Полуденка, но классификация этих комплексов началась лишь в последней четверти ушедшего столетия, благодаря открытию кошкинской культуры [Крижевская, 1977; Ковалёва, 1989]. Лишь в середине 60-х гг. XX в. на материалах Нижнего Прикамья А.Х.Халиков предпринял первую попытку научной интерпретации имевшихся на тот период памятников с посудой, украшенной в технике накола. С тех пор развернулась дискуссия о месте стоянок с посудой накольчатого типа в системе культур неолита Волго-Камья [Бадер, 1970; 1973; 1978; 1981; Третьяков, 1972; 1990; Габяшев, 1976; 1976а; 1978б; 2003; Выборнов, 1976; 1984; 1986; 1988; 1992; 2000; Гусенцова, 1981; 1993; 2000; 2004; 2007; Денисов, Мельничук, 1986; Никитин, 1985; 1993; 1996; 1997; Наговицин, 1988; Калинина, 1979; 1984а; 1993; Вискалин, 1999; 2000; Лычагина, 2004; 2006в]. При несомненных позитивных результатах, полученных в ходе научных споров, ряд серьёзных вопросов остаётся на повестке дня. Поэтому имеет смысл еще раз обратиться к состоянию источников по данной проблематике.

К настоящему времени исследователи насчитывают в Прикамье около 40 стоянок, содержащих фрагменты, украшенные техникой накола и прочерка. Но в большинстве это маловыразительные в количественном отношении комплексы. К примеру, на всех памятниках приустьевой части р.Камы обнаружено около двух тысяч черепков, в то время как на одной Хуторской стоянке с гребенчатой посудой их число достигает более четырех тысяч. В Икско-Бельском междуречье исследовано лишь шесть достаточно крупных памятников: поселение II Татарский Азибей [Габяшев, 1978а], III Русский Азибей [Габяшев, 1981], II Дубовогривская стоянка [Габяшев, 2003], Какрыбаш [Горбунов, 1980; Матвеева, 1982], стоянки Сауз I [Выборнов,

Обыдённов, Обыдённова, 1984; Бадер, Калинина, 2003] и Сауз II [Выборнов, Овчинникова, 1983; Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985]. Причём подавляющее большинство из них относится уже к раннему энеолиту. На Средней Каме керамика накольчатого типа обнаружена на стоянках Непряха VI и VII, Заборное озеро I и Лёвшино [Денисов, Мельничук, 1986. С.52-53]. В Верхнем Прикамье до недавнего времени ученые оперировали лишь комплексом стоянки Чашкинское озеро VI [Мельничук, Пономарёва, 1984]. Но, как в Среднем, так и в Верхнем Прикамье, эти комплексы сопровождалась артефактами других культур, что не позволяло исследователям охарактеризовать кремнёвую индустрию, сопутствующую данному типу керамики. Ситуация коренным образом изменилась на рубеже веков как в Среднем [Мокрушин, Лычагина, 2003. С.31-38], так и в Верхнем Прикамье [Лычагина, 1999; 2002; 2006; 2006б; 2007а] в связи с изучением стоянок Чашкинское озеро IV, VI, VIII. Несмотря на то, что количество материала не отличается массовостью (Чашкинское Озеро VIII – 320 черепков от семи сосудов; Чашкинское Озеро IV – 295 черепков от 12 сосудов; Чернушка – 67 фрагментов), эти стоянки содержат гомогенные материалы без каких-либо инокультурных примесей. На территории Камско-Вятского междуречья из 10 стоянок, содержащих накольчато-прочерченную посуду, лишь три (Кыйлуд II, Усть-Шижма, Кочуровское I) могут считаться опорными, но только один из них содержит исключительно накольчатую посуду. На других памятниках (Кыйлуд III и IV, Аркуль, Моторки II) количество фрагментов не превышает 50 [Гусенцова, 1993]. В последние годы в к этим поселениям добавился ещё один пункт – Кошкинская стоянка, на правом берегу р. Вятки [Гусенцова, 2000; 2000а].

Таким образом, количество памятников с накольчато-прочерченной керамикой на территории Прикамья относительно невелико. К тому же следует учитывать обоснованный вывод о том, что количество поселений превосходило число одновременно функционировавших производственных коллективов: из-за сезонных миграций каждому из них должно было

принадлежать несколько поселений в пределах их промысловой территории [Косинская, 2006. С.24]. Это дает возможность проанализировать комплексы по отдельным регионам.

Первая группа памятников сосредоточена в Икско-Бельском междуречье. Керамика стоянок II Татарский Азибей, Сауз II. Какрыбаш изготовлена с добавлением песка и мелкого шамота. Толщина фрагментов колеблется от 0,4 до 0,7 см. Обе поверхности заглажены, порой весьма небрежно. Верхние части сосудов прямые, но имеются и профилированные экземпляры. Срезы венчиков округлые и плоские. Характерная деталь – орнаментация по срезу и с внутренней стороны венчика – около 90% от всех сосудов. Разреженный орнамент наносился преимущественно палочкой округлой и подквадратной формы (до 70%) треугольными наколами, прочерками (рис.208). Днища плоские и плосковогнутые (рис.208, 7). Следует отметить почти полное отсутствие ямочных вдавлений под венчиком. Узоры представлены горизонтальными рядами (рис.208, 1), сочетанием горизонтальных и наклонных рядов (рис.208, 2, 3, 5), волнистыми линиями (рис.208, 8), плетёнкой и другими мотивами (рис.208). Кремнёвый инвентарь представлен призматическими и коническими нуклеусами, значительным числом пластин без ретуши (345 экз.) по отношению к отщепам (875 экз.). Пластин с ретушью – 168 экз. Высок процент орудий на пластинах: концевых скребков – 64 экз., резцов – 31 экз., скошенных острий – 13 экз., скобелей – 8 экз., наконечников стрел – 12 экз. [Габяшев, 1978а. С.58-65, рис.11]. Таким образом, данная индустрия может рассматриваться как пластиначато-отщеповая с сохранением архаичных типов изделий. Подтверждением этому служит и характер кремневого инвентаря стоянки Какрыбаш на р. Ик.

В этом же регионе известна ещё одна группа керамики, отличная как от гребенчатой, так и от накольчатой. Наиболее полно она представлена на стоянке Сауз I в устье реки Белой. В глиняном тесте представлена примесь шамота и мелкого песка. Толщина фрагментов колеблется от 0,6 до 1,2 см. Обе поверхности сосудов достаточно хорошо заглажены. Верхние части

сосудов либо прямые, либо прикрыты. Срезы венчиков плоские и округлые (рис.209, 1-5). До 30% от всех сосудов имеют на внутренней стороне венчика наплыв. Днища приостренные и уплощенно-вогнутые. Узоры наносились короткими (рис.209, 3-7) или длинными (рис.209, 8) прочерченными линиями. Композиции представлены горизонтальными рядами, сочетанием горизонтальных и наклонных рядов, горизонтальным и вертикальным зигзагами, рядами длинных прочерков, чередующихся короткими насечками (рис.209). Посуда вышеописанного облика составляет чуть более половины от всех сосудов на данной стоянке.

К северу от приустьевой части Камы и Икско-Бельского междуречья в пределах Кировской области и Удмуртии исследована ещё одна группа памятников, содержащая посуду с накольчато-прочерченной орнаментацией. Она характеризуется керамикой с примесью мелкого шамота и песка в глиняном тесте. Толщина фрагментов колеблется от 0,4 до 0,8 см. Поверхности сосудов заглажены. Верхние части прямые или прикрыты. Срезы венчиков плоские или округлые. Под срезом порой встречаются ямочные вдавления (рис.219, 1-3, 7). Днища плоские и плоско-вогнутые. Лишь на стоянке Кыйлуд III найден сосуд с острым дном [Гусенцова, 1993. С.190]. Орнаментальное поле разрежено. Узоры наносились преимущественно овальными наколами в отступающей манере, а также треугольной палочкой (рис.219, 2, 4, 5, 7-10; 221, 10, 12, 14; 222, 6, 9-10; 223, 1-3, 5, 6, 8), прочерками (рис.219, 1, 3, 6; 221, 9; 223, 4, 10) и насечками (рис.221, 7, 13; 223, 7, 9). Композиции просты: горизонтальные или наклонные ряды наколов, их сочетание, вертикальный зигзаг, волна, ряды прочерков (рис.219, 1-10). Т.М.Гусенцова обращает внимание на наличие неорнаментированной тонкостенной посуды, имеющей только ямки под венчиком, но по технологическим признакам сходной с описанной [Гусенцова, 1993. С.190-191]. На поселении Кыйлуд II в жилище подквадратной формы, кроме накольчатой керамики, обнаружен инвентарь из кремня серого цвета. Нуклеусы торцевые. Из 70 орудий на пластинах и

отщепах изделий одинаковое количество. Преобладают концевые скребки (рис.219, 15-17, 20-23). Кроме них представлены ножи (рис.219, 19), остря (рис.219, 12-14), резец (рис.219, 18), пластинчатый наконечник стрел листовидной формы с выделенным черешком (рис.219, 11) и обломок рубящего орудия со следами шлифовки [Гусенцова, 1993. С.83]. Большой процент пластин и орудий из них, включая резцы и наконечники стрел с черешком, фиксируется на стоянке Аркуль на р.Вятке, исследованной Л.А.Наговицыным.

В Среднем и Верхнем Прикамья накольчато-прочерченная керамика изготовлена из запесоченной глины с незначительной примесью шамота и органических растворов [Ощепков, 2006. С.28-32]. Фрагменты толщиной от 0,6 до 1,0 см. Сосуды преимущественно прямостенные. Вся посуда плоскодонная. Срезы венчиков уплощенные или округлые, порой скошенные. По ним, зачастую, располагалась насечка. Узор наносился разреженно или в технике отступающей палочки овальной, подквадратной и треугольной формы. Хорошо представлены ногтевидные насечки. Под срезом венчика на ряде сосудов почти всех памятников проходит ряд ямочных вдавлений. Орнаментальные композиции достаточно просты: горизонтальные ряды наколов или их сочетание с наклонными линиями [Лычагина, 2006. С.126-128, рис.1-3]. Уместным будет привести характеристику керамики, обнаруженной в наибольшем количестве на Лёвшинской стоянке. Черепки из глины с примесью шамота и песка имеют толщину 0,7–0,9 см. Поверхности сосудов заглажены. Верхние части прямые или профилированные. Днища, в том числе орнаментированные наколами, плоские [Прокошев, 1940. С.26, рис.10]. Украшены фрагменты крайне скупно, в основном по верхней и нижней части сосудов, причем неорнаментированные черепки составляют около 80% от общего числа. Узоры наносились в накольчатой технике преимущественно овальной палочкой. Любопытен венчик в налепным валиком и насечкой по срезу. Каменный инвентарь характеризуется пластинчато-отщеповой техникой.

Следует обратить внимание, что не использовался плитчатый кремнь – черта, характерная для индустрии памятников с гребенчатой орнаментацией. Среди пластин без ретуши представлены две группы: первая до 1,0 см, а вторая от 1,0 до 1,5 см. Орудийный набор представлен концевыми скребками на пластинах и отщепах, ножами, пластинами с ретушью, наконечниками стрел, в том числе черешковыми на пластинах. Уместно напомнить о четырёх пластинчатых наконечниках черешкового типа на Лёвшинской стоянке [Прокошев, 1940. С.29, табл. V, 1-4], ранее относимых специалистами к мезолиту. Аналогичные типы наконечников присущи комплексу II Татарско-Азибейского поселения. При просмотре коллекции Лёвшинской стоянки автор обратил внимание на то, что пластинчатые наконечники залегают совместно с гладкостенной подлощённой посудой, связанной с накольчатым комплексом. Однако эта часть фрагментов в большей мере сопоставима с керамическим комплексом стоянки Луговое III, чем со II Татарско-Азибейской. Е.Л.Лычагина отмечает, что, несмотря на значительное отличие в орнаментации посуды, каменный инвентарь практически идентичен. Это может быть связано как со сходством в хозяйственной деятельности населения, так и с небольшой хронологической разницей в существовании обоих памятников [Лычагина, 2006б. С.286].

До середины 60-х гг. культурно-хронологическая атрибуция памятников, содержащих керамику с накольчато-прочерченным орнаментом, была крайне затруднена в силу целого ряда причин и, в первую очередь, из-за отсутствия сопоставительного материала. Ситуация вполне объективная, так как касается не только Прикамья, но и других регионов.

В отличие от А.Х.Халикова, объединяющего памятники с накольчатой керамикой в единую волго-камскую культуру со стоянками, где содержалась гребенчатая посуда, Р.С.Габяшев выделял первые из общего круга и весьма осмотрительно (что вполне справедливо на тот период изучения) объединял их не в культуру, а в самостоятельную культурную группу. Дело в том, что до конца 60-х – начала 70-х гг. памятники раннего этапа культурной группы

(типа II Щербетской стоянки) были известны лишь в приустьевой части Камы и относились исследователем к развитому этапу неолита лесостепной полосы европейской части СССР. А поздний этап представлен лишь в Иско-Бельском междуречье (типа поселения II Татарский Азибей) и относится уже к эпохе раннего металла [Габяшев, 1978a]. Двойной разрыв – отсутствие ранне-неолитической и поздне-неолитической фаз – затруднял решение вопроса, как о генезисе, так и о периодизации, а в целом о выделении самостоятельной культуры данной группы памятников. Некоторые исследователи пытались проследить близость кремнёвого инвентаря позднемезолитических стоянок с микролитическим инвентарём на Нижней Каме (типа IV Татарско-Азибейской) и памятников с накольчатой керамикой (типа поселения II Татарский Азибей) раннеэнеолитической поры [Косменко, 1978]. Представляется, что значительный хронологический разрыв между поздним мезолитом и ранним энеолитом позволяет поставить под сомнение подобное предположение. Относительно памятников приустьевой части Камы исследователи, исходя из изучения кремневого инвентаря, предполагают формирование неолитической культуры с накольчатой керамикой на местной позднемезолитической основе, представленной памятниками типа Кабы-Копрынской и II Русско-Луговской [Халиков, 1969; Габяшев, 1976]. Подобному предположению мешают два серьезных обстоятельства. Во-первых, памятники типа II Щербетской стоянки Р.С.Габяшев относил к развитому неолиту, что образует лакуну с поздним мезолитом. Во-вторых, кремневый инвентарь нижнего и верхнего слоев Кабы-Копрынской стоянки действительно сходен по целому ряду признаков. Однако, как было показано выше, в верхнем слое Кабы-Копрынской стоянки обнаружено лишь два черепка (от одного венчика) с накольчатым орнаментом, а 130 фрагментов украшены гребенчатым штампом. Иначе говоря, комплексы позднего мезолита типа Кабы-Копрынской стоянки дают возможность решать вопрос о генезисе неолита с гребенчатой орнаментацией, но никак не с накольчатой.

Первоначально (и это было совершенно оправданно при соответствующем уровне источниковедческой базы) исследователи проводили некоторые параллели между накольчатыми комплексами приустьевой части Камы и памятниками типа поселения II Татарский Азибей, Какрыбаш [Горбунов, 1980; Матвеева, 1982], расположенными компактной группой в Икско-Бельском междуречье, и объединяли их в одну культурную группу [Габяшев, 1978а]. В дальнейшем, с появлением неолитических комплексов в лесостепном Заволжье [Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980], трактовка икско-бельских комплексов конкретизировалась: памятники с накольчатой керамикой появились в икско-бельском междуречье на самых поздних этапах существования культур с подобной керамикой. Судя по малочисленности памятников и типологическому однообразию керамических комплексов, население, оставившее этот тип керамики, обитало короткое время. Общий облик поселений позволяет рассматривать их в качестве пришлых, наиболее вероятно, из лесостепного Заволжья [Васильев, Габяшев, 1982; Габяшев, 1982]. Иностранность этих комплексов на данной территории отмечалась и другими специалистами [Выборнов, 1984а]. Но вопрос о её появлении оставался открытым – либо из лесостепного Заволжья, либо из Зауралья. Иную позицию выражал В.В.Никитин, справедливо отмечая, что вопрос их происхождения однозначно решать трудно, поскольку ряд элементов в форме, технологии, орнаментике уводит нас к культурам зауральского круга, хотя не исключается возможность генетической преемственности разных этапов одного культурного образования [Никитин, 1985]. Ситуация действительно неоднозначна, и здесь в определенной мере решению этого вопроса может способствовать гребенчатый комплекс, обнаруженный на поселении II Татарский Азибей, совместно с накольчатой [Габяшев, 1978а. С.59-60, рис.11-12]. В.В.Никитин не исключает мысли о том, что они не составляют единый комплекс, а накольчатая керамика не связана с металлом [Никитин, 1996]. Не случайно Р.С.Габяшев в последнее время отмечает, что

синхронизировать накольчатую и гребенчатую керамику на поселении II Татарский Азибей, можно с известной долей осторожности [Габяшев, 2003. С.66, 69]. Автор данной работы, с учётом контекста стоянки Сауз II, склонялся к мнению о правомерности выводов Р.С.Габяшева [Выборнов, 2000]. Эта группа гребенчатой керамики по ряду признаков отличается от классической камской и находит аналогии в лесостепных комплексах типа Лебяжинка IV (рис.106) и Лебяжинка I (рис.93). Следует напомнить, что в лесостепном Поволжье на этих памятниках сосуды с зубчатой орнаментацией составляют единый комплекс как с накольчатой (рис.94), так и с керамикой, украшенной насечками (рис.95, 1; 111; 112). Таким образом, совместное залегание этих групп, видимо, не случайно и отражает их определенную близость, возникшую в более раннее время на территории северной лесостепи. Как было показано выше, памятники с гребенчатой керамикой типа поселения II Татарский Азибей в южных областях датируются более ранним временем. Это дает возможность предполагать проникновение гребенчатых групп лесостепного типа на грани неолита и энеолита в Икско-Бельском междуречье. Аналогичная ситуация происходит и с накольчатыми комплексами. Помимо технико-типологического сходства между керамикой Виловатовской стоянки и поселением II Татарский Азибей есть одно косвенное наблюдение. На одном из участков Виловатовской стоянки было зафиксировано перекрытие накольчатой керамики раннеэнеолитической самарской культуры. Это позволяет предположить вытеснение групп с накольчатой посудой на север именно на грани неолита и энеолита.

Что же касается связи накольчатой посуды II Татарско-Азибейского поселения с предшествующим периодом (усть-камскими) [Габяшев, 2003], то и здесь, на первый взгляд, есть основания для подобной версии. Если исходить из тезиса, что раннеэнеолитические комплексы и стоянки развитой поры неолита концентрируются в приустьевой части Камы и Марийском Поволжье, а позднеэнеолитические в устье Ика, то логично предположить

следующее. Под давлением племён с ямочно-гребенчатой и камской керамикой население, изготавливавшее посуду с наколами, продвигается на восток и заканчивает своё существование в раннем энеолите на территории Икско-Бельского междуречья. Однако между позднеэнеолитическими материалами II Дубовогривской стоянки и раннеэнеолитическими имеются достаточно большие различия. На накольчатой керамике II Дубовогривской стоянке насечки по срезу венчика и внутри составляют 2%, а на посуде поселения II Татарский Азибей 88%. [Габяшев, 2003. С.72-77]. Они проявляются даже в том, что на посуде позднеэнеолитической использовался треугольный накол в 90% случаев, а на раннеэнеолитической около 30%, при доминанте овального около 40% и подквадратного около 30%. Примечательно, что на керамике Виловатовской стоянки так же резко доминируют наколы овальной и подквадратной формы. С учётом схожести не только способов нанесения узоров, но и орнаментальных композиций лесостепной и татарско-азибейской посуды допустимо предполагать именно южный импульс доминирующим. На накольчатой керамике II Дубовогривской стоянки насечки по срезу венчика и внутри составляют 2%, а на посуде поселения II Татарский Азибей 88%. [Габяшев, 2003. С.72-77]. Немаловажен вопрос относительно зауральских элементов, прослеживаемых в накольчатой керамике раннего энеолита Икско-Бельского междуречья. По мнению Р.С.Габяшева, накольчатая керамика типа II Татарско-Азибейского поселения достаточно убедительно сопоставляется с посудой боборыкинского типа [Габяшев, 2003. С.55, 61]. Во-первых, боборыкинские сосуды орнаментированы в основном (60%) прочерками, в то время как овальные наколы (70%) присущи кошкинской группе памятников [Ковалева, 1989]. Во-вторых, памятники кошкинского типа с помощью радиоуглеродного анализа датируются второй половиной V тыс. до н.э., а потому относятся В.Т.Ковалевой к раннему неолиту. Боборыкинские древности датируются исследователем первой половиной IV тыс. до н.э., что подтверждается радиоуглеродными датами. Что же касается датировки

поселения II Татарский Азибей, то, опираясь на данные спорово-пыльцевого анализа, Р.С.Габяшев относил его к первой половине III тыс. до н.э. [Габяшев, 2003].

Таким образом, образуется большой хронологический разрыв. Поэтому на современном уровне изучения кошкино-боборыкинских древностей имеет смысл не торопиться с определением зауральского импульса. К этому аспекту следует вернуться по мере определения и конкретизации на более доказательном уровне соотношения кошкиных и боборыкинских комплексов Зауралья. А пока одни исследователи относят боборыкинские древности к позднему неолиту и датируют их IV тыс. до н.э. [Ковалёва, Зырянова, 1998. С.175], а другие – к раннему неолиту и датируют V тыс. до н.э. [Зах, 2006. С.21-22, 46].

Группа керамики с насечками получила подробное описание по материалам стоянки Сауз I в устье р. Белая. Выделение её в особую культуру наталкивается на отсутствие памятников с керамикой, украшенной насечками в чистом виде. Представляется, что это не случайно. Дело в том, что, объединяясь по одному признаку (ногтевидная, полулунная насечка), посуда этого типа имеет весьма широкий культурно-хронологический диапазон. Она представлена на ранне-неолитической стоянке Зиарат вместе с гребенчатой посудой (рис.192, 7-8), в накольчатом комплексе II Щербетской стоянки (рис.139, 7-10), в коллекциях развитого этапа неолита с гребенчатой посудой стоянки II Лебединская (более 10% от всех сосудов), IV Матюшинская (рис.143, 7), I Лебединская (рис.145, 4), III Обсерваторская (рис.145, 7), II Старо-Мазиковская (рис.145, 10), с накольчатой посудой на стоянке Сутырская V (рис.149, 8). В большинстве случаев керамика этого типа встречена в незначительном числе как примесь к основному, гребенчатому или накольчатому, комплексу. Лишь на стоянке Сауз I эта группа представляет значительную часть, в то же время, составляя органичное целое с керамикой камской культуры [Калинина, 1984; Бадер, Калинина, 2003]. Способ нанесения орнамента и схемы узоров не позволяют

выводить эту группу керамики из камской культуры. Не случайно О.Н.Бадер определял её как дериват линейно-накольчатой керамики [Бадер, 1978]. Однако и в памятниках с накольчатой посудой эта группа керамики не составляет доминанты. Примечательно, что резкое увеличение количества памятников, содержащих посуду с насечками, а также процентное увеличение доли этой керамики в комплексах выпадает на поздненеолитическое и раннеэнеолитическое время. Трактовать это как результат внутреннего развития накольчатой керамики было бы не совсем корректно, так как к этому времени происходит постепенное угасание данной традиции [Выборнов, 1984а]. Тем более что в поздненеолитических накольчатых комплексах Иско-Бельского региона посуда с насечками не превышает 3% от общего числа. Не случайно исследователи рассматривают её как особую традицию [Калинина, Устинова, 1990. С.18]. Источником весьма сильного импульса появления комплексов с насечками на стоянках Сауз I, III Русский Азибей и II Татарский Азибей могут служить недавно исследованные памятники развитого и позднего неолита в лесостепном Заволжье, которым присуще сочетание наколов, насечек и гребенчатого штампа [Выборнов, 1992. С.61-62]. Уже сейчас можно проследить хронологическую и территориальную последовательность от памятников развитого неолита лесостепного Заволжья до раннего энеолита Иско-Бельского междуречья. Своеобразным промежуточным пунктом может служить комплекс стоянки Черки-Кильдуразы, сочетающий в себе короткозубые оттиски и насечки. Более того, появляется возможность для соответствующей интерпретации таких стоянок, как Кочуровское I в Камско-Вятском бассейне. Данный памятник содержит три керамических комплекса: камский, накольчатый (рис.223) и «гребенчатый II» по типу «насечки» (рис.222). Исследователь приводит таблицу поштыкового залегания трех групп керамики, и если подсчеты провести по уровням в 20 см и перевести цифровые показатели в проценты, то окажется одинаковое распределение от первого до четвертого штыка всех групп керамики. Иначе говоря, можно

допустить их синхронность. Все типы керамики залегают в жилищном сооружении совместно [Гусенцова, 1990]. К тому же технология изготовления сосудов довольно близка. Примечательно, что такая характерная черта камской культуры, как наплыв на внутренней стороне венчика, представлена и в двух других керамических группах. Таким образом, вполне реально сосуществование трех групп керамики. Но если первый (камский) и второй (накольчатый) имеют достаточно четкие дефиниции, то третий (гребенчатый II с насечками) не совсем обычен для данной территории. Описывая его, исследователь выделяет два приема в способе нанесения узоров: тонкие неровные зубчики, оттиски которых по форме близки насечкам, и оттиски мелкого, с четкими зубцами штампа. Представляется, что подобные способы нанесения орнамента далеко нетождественны классическим образцам с насечками. Более корректней подошёл бы термин короткозубая, хотя среди материалов стоянки Кочуровское I представлены и типичные образцы. Т.М.Гусенцова справедливо сравнивает третью керамическую группу с лесостепными комплексами типа Виловатовской стоянки [Гусенцова, 1993. С.90-91]. И.В.Калинина, выделяющая эту группу, отмечает, что керамика с насечками и с отпечатками коротких изогнутых штампов генетически связана с кругом лесостепных культур [Калинина, 1993. С.8]. Именно этот регион характеризуется подобной посудой, начиная с раннего неолита (рис.63, 1-14; 70, 2; 73, 1-6; 74, 6-9; 106-108; 111-112) вплоть до его заключительной фазы [Выборов, 2002]. Таким образом, керамика типа II гребенчатая сложилась, видимо, не под влиянием накольчатой группы, а в результате воздействия южных соседей. Необходимо уточнить и хронологическую позицию этого комплекса. Накольчатая керамика стоянки Кочуровское I, по мнению Т.М.Гусенцовой, более всего близка материалам II Татарско-Азибейского поселения. Исследователь права, сетуя на сложность установления четких критериев для поэтапного разделения накольчатых комплексов. Тем не менее, справедливо выделено две группы стоянок: первая, сходная с

материалами II Щербетской стоянки, встреченная с гребенчатой и гребенчато-ямочной и относимая к развитому неолиту. А вторая относится к рубежу неолита и энеолита, аналогична поселению II Татарский Азибей [Гусенцова, 1981]. К более позднему времени, чем бытование комплексов воротничкового типа, исследователи относили посуду с насечками на III Русско-Азибейской стоянке [Габяшев, 1981; 1982; 1994].

Подводя предварительный итог, можно констатировать, что памятники, содержащие керамику с насечками, следует выводить из лесостепных районов, оконтурить их расположение Икско-Бельским междуречьем и определить хронологический диапазон их функционирования поздним неолитом (Сауз I) – ранним энеолитом (III Русский Азибей, II Татарский Азибей). Кроме того, необходимо отметить, что в лесостепном Заволжье керамика с насечками сочетается с керамикой, украшенной коротким изогнутым зубчатым штампом. Такой штамп применялся и на Саузе I, и на III Русско-Азибейской, и на II Татарско-Азибейской (рис.224, 1-2, 7) стоянках. Ещё раз следует подчеркнуть, что в чистом виде керамика с насечками не встречена до сих пор ни на одном памятнике. Поэтому выделять её в определенную группу в рамках лесного Волго-Камья нет особых оснований. Скорее её следует определять как проявление деятельности лесостепной (средневожской) культуры на её позднем этапе в более северных районах. Именно в это время происходит контакт с типично камским населением на Саузе I, с типично камским и накольчатый на Кочуровском I, а позднее с татазибейским. Исходя из этого, отпадает необходимость уточнения названия керамики с насечками в том варианте, который предлагает Т.М.Гусенцова – саузовская [Гусенцова, 1993]. А вот относительный и абсолютный возраст необходимо уточнить. Так, по углю из слоя стоянки Кочуровское I была получена дата 5410 ± 60 л.н. Однако в одном случае исследователь отмечает, что она может служить верхней границей [Гусенцова, 2000б. С.22], а в другом – основанием для датировки развитым неолитом [Гусенцова, 2004. С.293]. Другими исследователями время существования накольчатых

комплексов татарско-азибейского типа определяется концом лёвшинского этапа. В абсолютных датах поздний этап может датироваться второй половиной III тыс. до н.э. – первой половиной II тыс. до н.э. Эта дата подтверждается результатами спорово-пыльцевых анализов со II Татарско-Азибейского поселения [Габяшев, 2003. С.60]. Автор данной работы в своё время отмечал следующее. Накольчатая керамика поселения Сауз II более ранняя, чем на II Татарском Азибее. На их хронологические различия, помимо типологии, указывают и условия залегания: керамика с наколами поселения Сауз II обнаружена совместно с воротничковой, а на II Татарском Азибее с ранней флажковой. Комплекс керамики с насечками также хронологически не однороден. На стоянке Сауз I он имеет ряд неолитоидных признаков. Архаизм подтверждается и совместным залеганием с комплексом лёвшинского типа. Более поздняя группа представлена на поселениях Иско-Бельского междуречья, где она обнаружена вместе с поздненакольчатой и раннефлажковой [Выборнов, 1984а. С.11-12].

В настоящее время появилась возможность проанализировать вышеприведённую гипотезу данными радиоуглеродного анализа. На поселении Кочуровское I керамика с наколами (рис.222, 9, 10) получила дату 5330 ± 80 л.н., фрагменты с коротким зубчатым штампом (рис.222, 7-8) – 5260 ± 80 л.н., а черепки с длинными гребенчатыми оттисками левшинского типа – 5170 ± 90 л.н. Во-первых, эти даты близки значению, полученному для данного памятника по углю. Во-вторых, они подтверждают хронологическую близость групп керамики с наколами и по типу насечки. По фрагментам с насечками на поселении III Русский Азибей [Габяшев, 1981] дата 5280 ± 100 л.н., а для сосудов с кольчатой орнаментацией на поселении II Татарском Азибей (рис.224, 3-5) – 4790 ± 90 л.н. Исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд выводов. Керамика с наколами и по типу насечки в Камско-Вятском междуречье древнее, чем на поселении II Татарском Азибей. Она может соотноситься с кольчатой посудой II Дубовогривской стоянки. Это следствие подтверждает вывод Р.С.Габяшева о хронологической

неоднородности последних памятников и более ранней временной позиции II Дубовогривской стоянки. Кроме того, находит определенное подтверждение и вывод исследователей о том, что ранняя керамика татарско-азибейского типа сосуществует на определённом этапе с воротничковой. Здесь уместно напомнить, что для неё с поселения II Татарский Азибей получена дата – 5280 ± 90 л.н. В своё время, исследователи доказывали более поздний возраст комплексов керамики с насечками и зубчатым штампом неолитоидного облика по сравнению с воротничковой посудой [Габяшев, 1982; Выборнов, 1984]. Учитывая полученные радиоуглеродные даты на поселениях Сауз II и Русский Азибей для керамики воротничкового типа – третья четверть IV тыс. до н.э., а для сосудов с насечками – последняя четверть IV тыс. до н.э., можно прийти к выводу о правомерности высказанных предположений. Полученные радиоуглеродные даты для накольчатой керамики поселения II Татарском Азибей – начало III тыс. до н.э., дают ещё одно подтверждение выводам Р.С.Габяшева о раннеэнеолитическом возрасте этого памятника. Необходимо сказать и о гипотезе автора данной работы относительно лесостепных истоков керамики с насечками и коротким зубчатым штампом в Иско-Бельском и Камско-Вятском междуречьях. Если в последних регионах интересующие комплексы датируются последней четвертью IV тыс. до н.э., то их прототипы на севере лесостепного Поволжья укладываются, судя по радиоуглеродным датам, аналогичной керамики со стоянки Лебяжинка IV – третьей четвертью IV тыс. до н.э.

Выделяя вторую (более позднюю) группу памятников с накольчатой керамикой в Камско-Вятском междуречье, исследователь относила сюда материалы стоянок Моторки II, Чумойтло I, Кочуровское I и IV [Гусенцова, 2000б. С.22-23]. Если комплекс стоянки Кочуровское I фиксирует финал этого этапа, то другая часть памятника имеет более ранний облик. Т.М.Гусенцова обнаруживает сходство стоянок этой группы с материалами памятников Марийского Поволжья типа Дубовских и VI Отарской [Гусенцова, 2004. С.295; 2007. С.64]. Автор солидарен с исследователем с

одним дополнением. К вышеперечисленным комплексам допустимо отнести керамику стоянок Усть-Шижма, Аркуль III, которые также имеют сходство со средневожскими, но имеют более архаичные черты. По сравнению с рассмотренными выше накольчатыми комплексами посуда этих стоянок в количественном плане малочисленная, очень тонкостенная, венчики не профилированы, срезы утоньшены, округлые и скошены; хорошо представлен ряд ямочных вдавлений под срезом венчика, отсутствует орнамент по срезу и на внутренней стороне сосудов, треугольные, овальные наколы и насечки используются примерно в равных пропорциях, ограничено число (3-5) композиций, орнаментальные узоры сходны со схемами стоянок типа Дубовских и VI Отарской. Здесь следует сделать одно, очень важное замечание. По предварительным данным технологического анализа, проведённого И.Н.Васильевой, удалось получить следующие результаты. Керамика с накольчатым узором на стоянке Усть-Шижма изготовлена из илистой запесоченной глины с примесью шамота. Что же касается фрагментов с наколами с Дубовских стоянок, то они также формируются из илистой глины с добавлением шамота. Л.А.Наговицину удалось получить чрезвычайно важные стратиграфические наблюдения со стоянки Усть-Шижма, где накольчатый комплекс перекрывает раннеолитический гребенчатый камской культуры [Наговицин, 1988]. Как на этой стоянке, так и на III Аркуле кремнёвый инвентарь (в отличие от Кочуровское I) весьма архаичен и сходен с комплексами VIII и III Дубовских, VI Отарской, IV Тетюшской и II Щербетской. Так, на стоянке Аркуль III обнаружены карандашевидные нуклеусы, пластины и их сечения, концевые скребки и острия на пластинах. А на Усть-Шижме к накольчатому комплексу, скорее всего, относятся пластины с ретушью, острия, концевые скребки и резцы на пластинах, а также пластинчатые наконечники стрел с черешком, порой треугольной формы.

В подтверждение предложенного варианта допустимо привести результаты радиоуглеродного датирования. По керамике с наколами на

Дубовской III стоянке получено две даты: 6130 ± 100 , 6095 ± 90 , по VI Отарской – 6020 ± 90 , а по Дубовской VII – 5950 ± 90 л.н. Что же касается накольчатой керамики стоянки Усть-Шижма, то дата 6130 ± 100 л.н. Таким образом, эти датировки доказывают правомерность сравнения, предложенного Т.М.Гусенцовой и автором. Кроме этого, с учётом радиоуглеродных датировок поздних накольчатых памятников третьей четвертью IV тыс. до н.э., можно говорить о бытовании в первой половине IV тыс. до н.э. более ранней группы. В своё время исследователь, на основе технико-типологического анализа керамического и кремнёвого инвентаря, считала наиболее ранней среди памятников с накольчатой керамикой левобережья р. Вятки стоянку Кыйлуд II [Гусенцова, 1993. С.83]. Подтверждением этому служит полученная дата по керамике с этого памятника – 6410 ± 80 л.н. Она отнюдь не противоречит выводам о средневожских и нижнекамских аналогиях. Достаточно напомнить, что по накольчатой керамике II Щербетской стоянки получены даты 6620 ± 90 и 6530 ± 90 л.н.

Что же касается правобережья, р. Вятки, то с открытием Кошкинской стоянки утвердился вывод о наличии в данном регионе разновременных групп с накольчатой керамикой [Гусенцова, 2000. С.306-310; 2000а. С.231-236]. Кроме того, исследователи рассматривают эти материалы как один из вариантов неолитизации Волго-Камья [Вискалин, 2002. С.281-282]. Так по углю с Кошкинской стоянки, где обнаружена накольчатая керамика [Гусенцова, 2000. С.308], была получена дата 6160 ± 100 л.н., что позволило исследователю сравнивать эти материалы с посудой верхневожской культуры [Гусенцова, 2000. С.310]. В дальнейшем была получена ещё одна дата – 6830 ± 50 л.н. [Гусенцова, 2007. С.94]. На первый взгляд, она совпадает со значением, полученным для стоянки Отарская VI в Среднем Поволжье 6700 ± 40 л.н. [Никитин, 2002. С.182]. Не случайно Т.М.Гусенцова сопоставляет кошкинскую керамику с посудой на Сутырской V стоянке. В данном случае хотелось бы обратить внимание, что большее сходство

обнаруживается с сосудами поселения Сутырское VII [Николаев, 2007. С.116-130]. Особо следует подчеркнуть такую важную деталь, как поддон, присутствующий в материалах обоих памятников [Гусенцова, 2000. С.309, рис.3, 13; Николаев, 2007. С.124, рис.2-7]. На Кошкинской стоянке, кроме значительного количества наконечников стрел с двусторонней обработкой, представлены и треугольничерешковые на пластинах [Гусенцова, 2000. С.309, рис.4, 10, 12, 17-19]. Аналогичное сочетание присуще именно памятникам с накольчатой керамикой лесного Среднего Поволжья [Никитин, 1996. С.91, рис.37; С.94, рис.38] и усть-камских памятников [Габяшев, 2003. С.151, рис.7]. Если принять эти положения, то вывод исследователя о наибольшем сходстве с верхневолжской культурой весьма противоречив. С другой стороны, настораживает значительный разброс между датами – почти 700 лет. Кроме того, и другие даты проявляют большие колебания. Так, уголь из ямы в неолитическом, по Т.М.Гусенцовой, жилище дал дату 7500 ± 580 , а из слоя над жилищем – 4860 ± 190 л.н. [Гусенцова, 2000. С.308]. По керамике с Кошкинской стоянки в Киевской лаборатории получены три даты. Из ямы Б11 (раскоп 1997 г.) – 6110 ± 90 л.н., что идеально совпало с одной из дат по углю. Из ямы А29 (раскоп 2004 г.) – 6260 ± 90 л.н., что также близко приведённым выше. Из ямы А8 (раскоп 1996 г.) получена ещё одна дата – 6480 ± 90 л.н. Всё это позволяет предполагать возможную одновременность керамического комплекса, несмотря на его относительную малочисленность. Так, в коллекции представлены профилированные неорнаментированные венчики, отдалённо напоминающие елшанские. К тому же, по предварительным результатам технологического анализа керамики с Кошкинской стоянки, проведённого И.Н.Васильевой, посуда изготовлена из глины, но в одной группе примесь шамота мизерна, а в другой она представлена большим количеством. Иначе говоря, и в данном случае можно допустить общий субстрат возникновения керамического производства для искомой территории. Не случайно, Т.М.Гусенцова отмечала, что появление керамики вообще, а не только накольчатой в лесной зоне, могло быть

результатом тесных контактов с населением южных районов и усвоением навыков изготовления посуды. Нельзя до конца исключить возможность привнесения идеи изготовления керамики [Гусенцова, 1993. С.195]. Данная проблема выходит далеко за пределы камско-вятского междуречья. Так, В.В.Сидоров считает, что само по себе распространение керамики не означает миграции, а более вероятна инфильтрация. Существенные свойства керамики – её связь с женской субкультурой, способной отражать систему брачных отношений [Сидоров, 1998. С.71]. Л.Л.Косинская приходит к выводу, что продвижение керамики на север есть результат культурной диффузии, то есть поэтапного заимствования готовой технологии всё более северными группами населения [Косинская, 2002. С.222]. Е.Л.Костылева, рассматривая пути появления керамики, предлагает три варианта. Первый из них – распространение из южных районов в северные идеи керамического производства, вряд ли правомерен, так как распространение идеи без посредника (человека) не возможен. Более вероятны два других: ограниченной миграции, представлявшей собой постепенное продвижение к северу отдельных групп населения с южных территорий, и брачные связи [Костылева, 2003. С.214]. К сходным выводам пришли и другие специалисты, анализируя материалы различных регионов [Ошибкина, 2003а. С.243; Белановская, Тимофеев, 2003. С.19; Мосин, 2005. С.50]. Поэтому можно согласиться, в определённой степени, лишь с первым тезисом Т.М.Гусенцовой. Специалисты по технологии изготовления керамики полагают, что тезис о заимствовании керамики или «идеи керамики», которые периодически всплывают в литературе для объяснения появления гончарства у тех культурных групп, которые его прежде не имели, является чисто «кабинетным» изобретением и не имеет под собой серьёзных оснований. Сама сложность и многоплановость технико-типологического процесса в гончарстве, а также его закрытость для посторонних, хорошо известная по данным этнографии, совершенно исключает такую возможность [Цетлин, 2007. С.205]

В южной части Среднего Прикамья стоянки Заборное озеро I, Непряха VI и VII с посудой накольчатого типа расположены на одной широте со стоянками Камско-Вятского междуречья типа Кыйлуд II, Кочуровское I, Моторки II, Чумойтло I. По большинству технико-типологических признаков эта группа сближается как с ранними из них, так и более поздними, схожими с материалами II Татарско-Азибейского поселения. Иначе говоря, здесь прослеживаются сходные процессы. В этом плане весьма показательны материалы поселения Чернушка. Комплекс керамики с накольчатой керамикой данного памятника исследователи сопоставляют с материалами II Щербетской стоянки. Примечательно, что кремневый комплекс носит пластинчатый характер, а среди орудий представлен наконечник треугольно-черешковой формы. Среди гребенчатой посуды есть фрагменты с зональным расположением, аналогичным на черепках II Щербетской стоянки [Мокрушин, Лычагина, 2003. С.35, рис.3, 3, 9; С.36, рис.4, 1-3]. Что же касается накольчатой керамики, то есть венчик с насечками и с внутренним наплывом. Эта черта развитой поры камской культуры, что лишний раз подтверждает взаимодействия в период хуторского этапа. Необходимо отметить, что отдельные фрагменты с типичными наколами обнаружены как на Кряжской стоянке [Денисов, 1961. С.14, рис.9, 2, 6], так и на Хуторской в Верхнем Прикамье, где она представлена, как в чистом виде, так и в комбинации с гребёнкой на одном фрагменте (рис.214, 4).

В начале XXI в. видоизменялась концепция развития неолита Среднего и Верхнего Прикамья. Памятники с накольчатой керамикой стали подразделяться на две разновременные группы, что предполагало неоднократное проникновение их носителей в интересующий регион [Лычагина, 2001. С.71]. Предполагаемые ранее различия в хозяйственных укладах у камских племён и носителей накольчатой традиции пока ничем не подтверждались [Лычагина, 2001. С.74]. Появление пришельцев связывается не с поздним, а с развитым периодом неолита [Лычагина, 2006в. С.24]. Однако этот процесс не привёл к сложению новой синкретической культуры

[Лычагина, 2007а. С.109]. С появлением радиоуглеродных дат появились основания для более конкретного выяснения хронологической позиции памятников с накольчатой традицией. Так, по углю со стоянки Чашкинское озеро VI получено две даты: 6230 ± 160 и 6030 ± 140 л.н., а по Чашкинскому озеру IV – 6160 ± 70 л.н. [Лычагина, 2006. С.133; 2007б. С.104], то есть рубеж IV и V тысячелетия. По фрагментам со стоянки Чашкинское озеро IV [Лычагина, 2002. С.77, рис.3] (рис.228) получена дата 5960 ± 80 л.н. Черепки с поселения Чашкинское озеро VIII (рис.227, 1-6) получили дату – 5740 ± 90 л.н. Сходным временем определяется возраст посуды с Чашкинского озера VI [Лычагина, 2006. С.128, рис.2] – 5755 ± 90 л.н. На этом же памятнике обнаружена гребенчатая керамика [Лычагина, 2006. С.129, рис.4], получившая дату – 5695 ± 80 л.н. Иначе говоря, все они укладываются в первую четверть IV тыс. до н.э. Именно в это время, судя по радиоуглеродным датам, начинается хуторской этап камской культуры. Примечательно, что, кроме вышеприведённых типологических доказательств сосуществования гребенчатой и накольчатой традиций, в Среднем и Верхнем Прикамье появились новые. Так, на стоянке Чашкинское озеро VI в группе гладкостенной керамики, близкой к накольчатой, из 12 венчиков 3 с наплывами, характерными для хуторской посуды [Лычагина, 2006. С.128, рис.3, 1, 4]. Появляются утолщения и на накольчатой посуде второй группы [Лычагина, 2006. С.128, рис.2, 1, 3]. Таким образом, особого противоречия между полученными радиоуглеродными датами по углю и по органике в керамике нет. Видимо, ранние даты по Чашкинскому озеру VI относятся к первой группе накольчатой посуды [Лычагина, 2007а. С.105]. Ей соответствуют совпадающие даты по углю и керамике стоянки Чашкинское озеро IV. Иначе говоря, они фиксируют последнюю четверть V – начало IV тыс. до н.э. Что же касается дат по накольчатой и гребенчатой посуде с поселения Чашкинское озеро VI (вторая четверть IV тыс. до н.э.), то они соответствуют второй группе накольчатой и второй гребенчатой керамики данного памятника. Это подтверждает возможность выделения

Е.Л.Лычагиной двух групп в развитии накольчатой традиции данного региона. Хотя разрыв между ними весьма незначителен. К тому же исследователь подчеркивает, что незначительность выборки и отсутствие достаточного количества абсолютных дат, не позволяет говорить об этом с уверенностью [Лычагина, 2008. С.349]. И не случайно она отмечает, что, несмотря на разницу в орнаменте, каменный инвентарь этих памятников практически идентичен [Лычагина, 2006б. С.286]. Напомню, что технология изготовления накольчатой керамики стоянок Чашкинское озеро IV, VI, VIII одинакова. Более ранняя будет сопряжена с концом V тыс. до н.э., а поздняя уходить во вторую четверть IV тыс. до н.э. Здесь допустимо одно наблюдение. Керамика стоянки Чашкинское озеро VIII [Лычагина, 2002. С.76, рис.2] имеет целый ряд общих признаков с посудой Кошкинской стоянки на р. Вятка [Гусенцова, 2000. С.309, рис.3]. Сближают их и кремнёвые комплексы, в которых представлены двустороннеобработанные наконечники стрел сходных форм [Гусенцова, 2000. С.309, рис.4; Лычагина, 2006. С.281-284, рис.1-3]. Примечательно, что эти наконечники (рис.227, 10; 229, 7, 8) сходны с экземпляром на Хуторской стоянке. О том, что контакты между аборигенами и пришлым населением продолжались, свидетельствует плоскодонная посуда с гребенчатым орнаментом на стоянке Чашкинское озеро VI [Мельничук, Пономарёва, 1984. С.47, рис.1, 20]. Аналогичные процессы представлены и в камско-вятском междуречье. Известна плоскодонная посуда с гребенчатым орнаментом на поселении Чумойтло I [Гусенцова, 1993. С.154, рис.75, 6], а на Кочуровском I венчики с накольчатым узором имеет типично камский внутренний наплыв [Гусенцова, 1993. С.126, рис.46, 11, 13].

Некоторые исследователи отмечают, что накольчатая керамика Среднего Прикамья проявляет определённые черты сходства с зауральскими материалами кошкинского типа (плоскодонность, овальные наколы, волнистые ряды). Однако, как и в случае с татазибейскими комплексами, детальный сравнительный анализ необходим при четкой корректировке

соотношения кошкинских и боборыкинских материалов. Было бы заманчиво предположить продвижение населения из-за Урала (по реке Чусовой), изготовлявшего керамику типа Полуденки I и Кокшаровских, тем более, что по южным отрогам зауральское население весьма успешно проникало на территорию Предуралья в бассейны рек Уфы, Ай Юрюзань [Крижевская, 1968; Морозов, 1982]. Известна тальковая керамика с прочерченным орнаментом в низовьях р. Белой [Бадер, Выборнов, 1980. С.129, рис.2, 8]. Чуть севернее, в южной части Среднего Прикамья на стоянке Чернушка исследован очень интересный комплекс с гребенчатой орнаментацией зауральского происхождения. Здесь, судя по определению Ю.Б.Цетлина, не примесь талька в глине, а тальковая глина [Лычагина, 2006а. С.25-27]. Не менее надёжно о проникновении зауральского населения может свидетельствовать группа керамики со стоянок Чашкинское озеро VI, Боровое озеро I, Хуторская Лёвшинская. По орнаментальным композициям эта посуда находит аналогии на стоянках так называемого козловского типа, относимого одними специалистами к раннему неолиту [Ковалёва, 1989], а другими исследователями – к развитому неолиту восточно-уральской культуры [Старков, 1980]. Автор солидарен с В.Т.Ковалёвой, что можно с уверенностью выделить группу керамики с прочерченно-накольчатый орнаментом на памятниках Прикамья. Но тезис о выделении на этой основе раннего этапа неолита представляется несколько преждевременным. При описании группы керамики с прочерченным орнаментом было показано, что встречены фрагменты как с примесью талька, так и с примесью шамота, и в то же время имеются черепки с примесью талька, но с зубчатым штампом. Иначе говоря, отрывать керамику с прочерченным орнаментом от камской было бы несколько искусственно. Сосуществование камской культуры на развитом и позднем этапах своего развития с комплексами зауральского происхождения по своей природе аналогично сосуществованию камской культуры и накольчатых комплексов лесостепной культуры.

Ещё одна группа керамики, обнаруженная на Лёвшинской стоянке и памятнике VI Чашкинское озеро, в силу расплывчатости признаков имеет весьма аморфный характер: в большинстве неорнаментированная, плоскодонная, профилированная, с редкими наколами или прочерками, насечкой по срезу венчика и, что особенно важно, расчлененным налепным валиком, находит по отдельности параллели в различных культурах сопредельных территорий, но как комплекс рассматривать её не представляется возможным. Одни исследователи полагают, что эта группа в широком смысле входит в круг накольчатой керамики, датируется ранним энеолитом и является отражением подвижки населения из северо-западных районов (памятники типа Конещелье) Приуралья [Стоколос, 1988]. Другие специалисты, проанализировав весь массив источников, высказывают более осторожную позицию, допуская, тем не менее, бытование аналогичной посуды даже в раннем неолите [Карманов, 2008].

Всё это вынуждает относиться к некоторым линиям синхронизации весьма осторожно.

§ 3.6. Вопросы соотношения камского неолита с культурами сопредельных районов

Основным компонентом неолита Прикамья являлась камская культура. Признание несомненно лесного характера камской культуры даёт основания полагать, что в её генезисе приняли участие неадекватные элементы. В Среднем и Верхнем Прикамье прослеживается местная мезолитическая основа, близкая синхронной культуре лесного Зауралья. Взаимоkontakтами населения, расположенного по разные стороны Уральских гор, допустимо трактовать и механизм развития неолитической традиции Верхнего и Среднего Прикамья. Зауральские элементы в различных проявлениях прослеживаются на протяжении всей неолитической эпохи. К югу от лесных массивов, в Нижнем Прикамье, сложение неолита представляется несколько иначе. На пограничье южных лесных и северных лесостепных пространств исследованы памятники, атрибуция которых весьма сложна. По мере их

изучения исследователи трактовали данные материалы как докерамические, или ранненеолитические, бескерамические, или переходные от мезолита к неолиту, или позднемезолитические. Чтобы решать данную проблему, не следует смешивать технологические и хозяйственные критерии понятия «неолит». С другой стороны, очевидно, что универсального критерия для различных территорий быть не может. Попытка определить памятники в четких дефинициях «мезолит» – «неолит» ведет к схематизму, не отражает многообразия явлений. Несомненно, что это является следствием неразработанности и узости терминологического и понятийного аппарата. Если строго следовать типологическим критериям, то комплексы, содержащие шлифованные орудия, должны быть отнесены к неолиту. Отсутствие керамики свидетельствует о неполноте объема понятия, а не о мезолитическом возрасте. Важно уточнить, по отношению к каким территориям определяется характер этих комплексов. Так, стоянки Вис I на Вычегде [Буров, 1967], Боринка I в Камско-Вятском междуречье [Гусенцова, 1981б] и Огурдино в Среднем Прикамье [Мельничук, Чурилов, 2008. С.267-272], содержащие шлифованные изделия и датирующиеся VI тыс. до н.э., вполне приемлемо трактовать как мезолитическую фазу. Что же касается таких комплексов, как Дубовские и Ясачное (время которых определено исследователями второй половиной V тыс. до н.э.), расположенных в непосредственном контакте с лесостепной средневожской культурной областью, где в это время уже известно керамическое производство, то их допустимо трактовать как бескерамические. Подтверждением тому может служить и датировка V тыс. до н.э. лесной керамической верхневожской культуры [Костылева, 1987; Энговатова, 1998]. Не случайно основной исследователь памятников типа Дубовских, Ясачных, Удельно-Шумецких допускал существование на левобережье Средней Волги культуры, население которой не знало или не использовало керамику, а в среднем неолите её коллективы (бескерамической культуры) были ассимилированы [Никитин, 1990]. Но нельзя исключать, что датировка этих памятников будет более

ранняя, и тогда вопрос об их соотношении с керамическими культурами возникнет вновь. Наиболее вероятно, что в результате экологических причин произошло проникновение на территорию Нижнего Прикамья и далее на север населения, обитавшего в пограничье леса и лесостепи и изготавливавшего керамику с накольчато-гребенчатой орнаментацией. Здесь уместно напомнить мысль А.Х.Халикова о том, что в результате смещения ландшафтных зон происходит проникновение населения с накольчатой керамикой далеко на север [Халиков, 1974]. Полученные в настоящее время радиоуглеродные даты свидетельствуют об этом процессе, начиная с середины V тыс. до н.э. Появление новых памятников позволило выделять раннеолитический этап в развитии камской культуры и датировать его последней четвертью V тыс. до н.э. Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что уже с этого времени происходит контакт носителей гребенчатой и накольчатой традиции. В связи с этим в иной плоскости может решаться и «вечный» вопрос о культурно-хронологическом соотношении памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой. А.Х.Халиков, считая накольчатые комплексы наиболее ранними, усматривает их как результат активного воздействия более южного неолитического населения [Халиков, 1986]. Выделение на юге лесной и севере лесостепной зон стоянок с гребенчатой посудой явно раннеолитического облика позволяет предполагать на данной территории хронологический паритет с накольчатыми комплексами. Подобная картина прослеживается и в других регионах [Смирнов, 1988]. Ссылки на хронологический приоритет накольчатых комплексов над гребенчатыми в пограничных районах не всегда отражает реальное положение дел. Так, в Южном Зауралье (где, по мнению исследователей, наиболее древней является посуда с накольчато-прочерченным орнаментом) на опорном раннеолитическом памятнике Карабалыкты 8а, кроме фрагментов с прочерками, присутствуют черепки, украшенные зубчатым штампом [Маюшин, 1974. С.103, рис.3, 2-3, 1], причем, судя по фотографиям, на этих фрагментах нанесена «шагающая» гребенка. Не случайно, даже в

настоящее время, исследователи отмечают, что выделить «чистый» комплекс раннего неолита достоверно пока не удаётся [Мосин, 2005. С.43].

Различаются и полуденские комплексы внутри себя. Так, керамика поселения Исетское Правобережное (жилище 2) содержит четкие евстюхинские черты [Кернер, 1991. С.57. рис.4, 1, 4] и может фиксировать наиболее раннюю фазу развитого этапа, в рамках начала IV тыс. до н.э. Теперь это хорошо перепроверяется керамикой данного типа на стоянке Боровое озеро I с радиоуглеродными датами, фиксирующими это время. Более поздняя группа (типа стоянки Карьер II) евстюхинских черт не имеет и не случайно датируется серединой IV тыс. до н.э. И если правы исследователи, относящие ранний накольчатый неолит Зауралья ко второй половине V тыс. до н.э. [Крижевская, 1990], то это хорошо согласуется с радиоуглеродным возрастом накольчатой посуды Волго-Камья.

Таким образом, если в Среднем Прикамье начало неолита связано с появлением гребенчатой керамики (памятники типа Усть-Букорок и Мокино), то в Зауралье появляется прочерченная техника (памятники типа Евстюнихи). На развитом этапе в Прикамье доминируют памятники с зубчатой орнаментацией типа Хуторской и II Лебединской, имеющие радиоуглеродные даты, сходные с датой полуденской стоянки Карьер II – 5590±95 л.н., с некоторым влиянием как зауральских, так и лесостепных культур, то за Уралом доминируют стоянки полуденского типа с гребенчато-прочерченно-накольчатой посудой. Поздний (лёвшинский) этап камской культуры, продолжая предшествующие традиции, имеет и ряд новых черт, которые позволяют сравнить данные материалы с сосновоостровскими Зауралья. На это обратили внимание специалисты по данной территории [Шорин, 1999. С.66, 87]. В последнее время оценка хронологической позиции этих комплексов неоднозначна. Так, В.Т.Ковалева отмечала для сосновоостровских памятников черты, близкие аятским, и относит их к раннему энеолиту [Ковалева, 1989]. Другая группа ученых придерживается традиционной точки зрения о поздненеолитическом возрасте

сосновоостровских комплексов [Крижевская, 1990; Стефанов, 1991]. Третья часть специалистов предполагает развитие сосновоостровских древностей как в позднем неолите, так и в раннем энеолите [Дрябина, Пархимович, 1991], тем самым снимая данное противоречие. Окончательный ответ даст лишь целенаправленное исследование всех сосновоостровских материалов. Если В.Т.Ковалёва доказывает поздненеолитический возраст боборыкинской культуры, то нельзя отрицать и бытования в это время сосновоостровских комплексов. Уже упоминавшееся соотношение лёвшинского этапа с сосновоостровскими древностями на первый взгляд упирается в хронологические ножницы. Однако в последнее время исследователи скрупулёзно проанализировали материалы сосновоостровского типа и пришли к выводу об их неоднородности и более широком хронологическом диапазоне, чем было принято ранее [Мызников, 2001. С.51-52; Зах, 2006. С.27-28; Волков, 2007. С.9-17.]. В этой связи уместо напомнить, что на поселении Ук VI в жилище была обнаружена керамика, сходная с первым, более ранним, типом сосновоостровской традиции [Васильев, Выборнов, Глущенко, 1998. С.267, рис.12]. По органике в данной посуде получена радиоуглеродная дата – 5870 ± 90 л.н. С учётом всего вышесказанного, вряд ли это определение должно смущать. В этом же жилище рядом с фрагментами сосновоостровского облика залежали черепки [Васильев, Выборнов, Глущенко, 1998. С.261, рис.6], схожие с раннебоборыкинскими, или, что более точно, – басьяновскими [Шорин, 2001. С.154-161, рис.7]. По подобной керамике с поселения Ук VI получена дата – 5960 ± 80 л.н., которая почти совпадает с определением по ранней сосновоостровской посуде. Данный памятник интересен ещё и тем, что здесь же обнаружены два развала сосудов синкретического облика: форма басьяновская, а способ нанесения орнамента раннесосновоостровский [Васильев, Выборнов, Глущенко, 1998. С.266, рис.11]. Фрагменты от этой керамики получили дату – 6020 ± 70 л.н., которая соответствует двум вышеприведённым и подтверждает существование на определённом хронологическом отрезке в данном

регионе этих типов керамики. Эта дата соответствует выводам исследователей о появлении боборыкинских древностей ещё в конце V тыс. до н.э. [Зырянова, 2003. С.48]. Примечательно, что подтвердилось предположение В.Н.Логвина, сделанное им на Оренбургском совещании в 1980 г., о возникновении боборыкинской культуры в первой половине IV тыс. до н.э. [Логвин, 2001. С.48].

Прямостенность и тонкостенность сосудов, формы венчиков, пояс ямочных вдавлений, характер гребенчатых штампов, мотивов и орнаментальных композиций в значительной мере сближают сосновоостровские материалы с комплексами предуральских стоянок типа Бачки-тау II (рис.201), Старо-Нагаево [Стоколос, 1984] (рис.206-207). Примечательно в этом плане наличие в кремневом комплексе стоянок Бачки-тау II двух наконечников кельтеминарского типа, один из которых изготовлен из зауральской яшмы (рис.201, 9-10). Исследователи неоднозначно определяют время бытования этих изделий на Урале [Матюшин, 1975; Виноградов, 1979; Крижевская, 1979; Старков, 1980; Мосин, 2005. С.26-27], но поздненеолитический и раннеэнеолитический возраст признается всеми.

Исходя из вышеизложенного и следует определять вхождение неолитических культур Прикамья в ту или иную общность. Критерии определения понятий этническая общность и историко-культурная область изложены в соответствующей работе [Выборнов, 1988], поэтому обратимся к конкретным материалам. Памятники с накольчатой керамикой Прикамья, входящие в орбиту влияния средневожской культуры лесостепного Поволжья резко отличаются от козловских по основным технико-типологическим показателям. Это затрудняет их объединение в одну общность. Более близкие параллели прослеживаются с комплексами кошкинского типа, датированными по радиоуглероду второй половиной V тыс. до н.э. [Ковалёва, Зырянова, 2007; 2008], то есть тем же временем, что и накольчатые памятники Прикамья. В то же время кошкинская посуда

отличается от сосудов Прикамья (как, впрочем, и джангарской) довольно сложным оформлением венчиков (наплывы на внутренней стороне или воротнички на внешней), овальными наколами и т.п. В данном случае представляется сходный процесс по обе стороны Урала, когда из близкого эпицентра произошёл южный импульс, сыгравший в лесостепной зоне значительную роль в раннем и развитом неолите [Выборнов, 1990]. Не случайно исследователи предполагают их сложение под воздействием культур южного населения степной зоны Прикаспия и Казахстана, в частности таких памятников, как Джангар. В лесной зоне Прикамья накольчатая традиция доживает до финала неолита. По крайней мере, и для Зауралья имеются данные о существовании памятников с накольчатой посудой до раннего энеолита [Мосин, 2005; Зах, 2006]. Что же касается полуденской общности позднего неолита с двумя культурами – полуденской и хуторской, то видеть в их носителях родственные этносы весьма проблематично. Сходство мезолитического субстрата определялось не единством культуры, а взаимодействиями двух культур. Скорее здесь просматриваются сходные пути развития. Если в лесостепном Предуралье складывалась и развивалась гребенчато-накольчатая традиция (типа средневожской культуры), то в лесостепном Зауралье прочерченно-накольчатая (типа Ташково I). Начиная с раннего неолита южные накольчатые компоненты проникают в лесную зону, достигая апогея на развитом и позднем этапах. Что же касается лесного Прикамья, то в настоящее время исследователи усматривают ещё одно направление для сопоставлений с Зауральем. По мнению Л.Л.Косинской, гребенчатая керамика еттовского культурного типа по многим признакам напоминает камскую культуру. Исследователь полагает, что сходство гребенчатой традиции Урало-Сибирской общности объясняется родственностью их мезолитической подосновы. А с появлением дат для памятников камской культуры типа Пезмог IV подтверждается их хронологическая близость с еттовскими древностями [Косинская, 2004. С.305].

К западу от Прикамья исследователи выделяют верхневолжскую культуру в раннем неолите и ямочно-гребенчатую – в позднем. За время изучения верхневолжской культуры специалисты определили основную территорию её распространения, характеристики керамического и кремнёвого инвентаря, периодизацию и хронологию, локальные варианты, происхождение и дальнейшие судьбы. В общих чертах основную версию можно представить так: на основе бутовской мезолитической культуры при заимствовании керамики от среднедонской или волгокамской культур складывается первый этап, посуда которого характеризуется тычково-накольчатой орнаментацией, плоскими днищами, примесью органики и ракушки в глиняном тесте. На втором этапе происходит развитие остродонной посуды с примесью шамота, песка и дресвы, орнаментированной тычковыми, прочерченными, ложношнуровыми, короткозубыми и пунктирными узорами. Заключительная фаза характеризуется остродонной керамикой с шамотом и дресвой, украшенной гребенчато-зубчатыми штампами. Появляются сосуды с ямочными вдавлениями. Дальнейшая судьба верхневолжской культуры связана с формированием протоволосовских комплексов.

Столь стройная система, тем не менее, имеет ряд проблемных аспектов. Так, предлагалось называть верхневолжскую культуру иваново-языковской [Сидоров, 1975], так как первые материалы были получены Б.С.Жуковым в 1929 г. на Языковской стоянке. Кроме того, на Верхней Волге представлена валдайская культура [Гурина, 1975; Тимофеев, 1997], и её соотношение с верхневолжской требует специального изучения. Что касается мезолитического субстрата верхневолжской культуры, то ряд специалистов ставят под сомнение её связь с бутовской культурой [Сорокин, 1991; Лозовский, 2003а]. Во-первых, имеется большой хронологический разрыв между ними. Во-вторых, большинство верхневолжских памятников, на тот период изучения, носило смешанный характер. Появление более доброкачественных источников позволило вновь вернуться к первоначальной

версии [Жилин, 1994; 1996; 1997]. Однако и по этим памятникам у исследователей были серьёзные замечания [Смирнов, 2004].

Источник заимствования керамического производства также проблематичен. В.И.Тимофеев констатировал, что участие среднедонской ранненеолитической культуры в формировании верхневолжской фактически общепризнано [Тимофеев, 2004. С.304]. Однако среднедонская керамика не имеет примесей органики и ракушки в глиняном тесте. Она, в отличие от ранней верхневолжской, остродонна, орнаментирована в подавляющей части треугольными наколами в отступающей манере по всей поверхности сосуда [Синюк, 1986]. Поэтому другие исследователи не исключали версии о Нижнем и Среднем Поднепровье как возможном источнике для формирования керамической верхневолжской традиции [Сидоров, 1998. С.71; Выборнов, 2000а. С.16]. Нельзя не отметить ряд различий между ранними верхневолжскими керамическими признаками и верхнеднепровскими. Если на первых керамика изготовлена из илов, плоскодонная, орнаментированная овальными вдавлениями, то на Верхнем Днепре примесью служила растительность, горшки остродонные, орнамент зубчатый и ямчатый [Исаенко 1976; Колечиц, 1987; Смирнов, 1986; 1991]. Допускался вариант и лесостепного Поволжья [Выборнов, 2000а. С.16; Мамонов, 2000а. С.52].

По мнению Е.Л.Костылевой, ранняя верхневолжская керамика наибольшее сходство по основным признакам обнаруживает с некоторыми типами керамики нижневолжской культурной области и ракушечноярской культурой [Костылева, 2003. С.215]. Видимо, именно оттуда шёл в Волго-Окское междуречье керамический импульс через «передаточную цепочку», представленную памятниками средневолжской, елшанской и волго-камской культур. Автор, опираясь на мнение А.Е.Мамонова, констатирует, что наиболее ранняя овальнонакольчатая керамика, обнаруженная на Ильинской стоянке, относится ко второму этапу елшанской культуры и датируется второй половиной VI тыс. до н.э. Несколько позже этот тип орнамента

широко распространяется в средневожской культуре, а сходные материалы в Ульяновском и Казанском Поволжье продолжают «передаточную цепочку» [Костылева, 2003. С.216]. Исследователь отмечает, что в рамках обширной группы накольчатой керамики Волго-Камья необходимо выделить посуду начального этапа неолита. По ее мнению, процесс развития орнамента в Среднем Поволжье шёл аналогично верхневожскому региону: на раннем этапе появляется керамика с овално-накольчатым орнаментом или неорнаментированная, с плоскими и приостренными донцами, подобная средневожской и елшанской культурам [Костылева, 2003. С.217]. В этом плане позиция Е.Л. Костылевой совпала с выводами автора данной работы и П.М.Кольцова о том, что наиболее древнейшей накольчатой керамикой является комплекс стоянки Ту-Бузгу-Худук: прямостенная, с ямочно-жемчужным поясом, остродонная и плоскодонная, с овальными и треугольными наколами [Выборнов, 1988;2000; Кольцов, 2005, 2005а]. Эту версию подтверждают и новые трактовки хронологии нижневожского неолита, предложенные для раннего (тубузгухудукского) этапа – вторая половина VI тыс. до н.э. Ситуация усложнилась в связи с появлением ещё одной концепции. Ю.Б.Цетлин выделяет раннеолитическую волго-окскую культуру с собственной периодизацией [Цетлин, 1996; 2007; 2008]. Одни исследователи считают её обоснование не достаточным [Жилин, Костылева, Уткин, Энговатова, 2002], а другие полагают, что подобное направление исследований может оказаться перспективным [Ошибкина, 2003. С.50; 2006. С.250]. Так или иначе, но данный вопрос порождает новую проблему. Тем более, что в Поочье появляются памятники весьма архаичного облика [Гонозов, 2004. С.49-70] и [Выборнов, Королёв, Ставицкий, Челябинов, 2004; (рис.230-232)]. Это подтверждается двумя датами для неорнаментированной керамики (рис.232, 1-7) стоянки Городок I: 6870 ± 100 и 6760 ± 90 л.н. Что же касается более поздней, в рамках раннего неолита, верхневожской культуры, то по данным технологического анализа исследователи выделяют две, сосуществующие друг с другом, сложные традиции, видимо, пришлые

[Цетлин, 1996. С.159-160]. Её формирование складывалось под далёким восточным импульсом через предуральский, камский и волго-камский компоненты [Цетлин, 2007а]. На взгляд автора необходим дополнительный технологический анализ керамики верхневолжской культуры по отдельным этапам, а затем – сравнительный анализ с материалами Примокшанья и Нижегородского Поволжья. Это позволит конкретизировать весьма перспективное направление рассмотрения верхневолжской и волго-камской культур в рамках единой области или общности [Никитин, 2002; 2009].

Нет единства и в определении локальных вариантов. Одни исследователи выделяют четыре группы: центральную, западную, восточную, московско-окскую [Крайнов, Хотинский, 1977], другие – две: центральную и московско-окскую, начиная с самой ранней фазы [Костылева, 1987]. В связи с этим, весьма неопределённой становится граница между верхневолжской культурой и памятниками к востоку от устья р. Оки, типа волго-камских. Не случайно, одни и те же памятники на данной территории исследователи порой относят либо к первой, либо ко второй группе. Автор подробно анализировал основные компоненты локальных вариантов и пришёл к выводу об их противоречивости [Выборнов, 1992. С.77-80]. Появившиеся в последнее время новые памятники не всегда проясняют картину. Так, принято считать, что керамика раннего этапа верхневолжской культуры в подавляющем большинстве плоскодонная. Если же обратиться к материалам стоянки Замостье–2, то в нижней части слоя залегала только тычково-накольчатая и неорнаментированная керамика, причём, днища (21 экз.), как правило, приострэнные. И только 3 – плоские [Лозовский, 2003а. С.233-236]. Более того, исследователь приводит доказательства, что с этим же комплексом органично сочетается в большом количестве керамика с короткозубчатым орнаментом [Лозовский, 2003а. С.237]. Эта характеристика входит в противоречие с информацией по стоянкам Сахтыш Па, Озерки 5 и Окаёмово 18 [Жилин, 1996. С.122-123; Жилин, 1997. С.166-170; Костылева, Зарецкая, 2004. С.52-55]. Нельзя исключать, что на стоянке Замостье–2

недостаточно чёткая внутренняя стратиграфия верхневолжского слоя. Но наличие остродонных сосудов и в этом случае оставляет ряд вопросов. В этом же русле необходимо привести пример с контекстом поселения Озерки 5. По наблюдениям автора раскопок, рядом с развалом гребенчатого типа позднего этапа верхневолжской культуры залегал развал с ложношнуровым орнаментом, характерным для более раннего времени. Это свидетельствует, по мнению исследователя, о переживании древних традиций в более позднее время [Жилин, 1996. С.122]. Иначе говоря, во второй половине V тыс. до н.э. прослеживается бытование накольчатой традиции. И в данном случае, на первый взгляд, можно было бы предположить механическое смешение. Однако на хорошо стратифицированной стоянке Сахтыш Па, керамика с накольчатым орнаментом залегает в слое, который получил радиоуглеродную дату – 6230 ± 50 л.н. [Зарецкая, Костылева, 2008. С.8-9], то есть последняя четверть V тыс. до н.э.

Наибольшего успеха исследователи достигли в обосновании периодизации и хронологии верхневолжской культуры [Энговатова, 1998, 2000; Жилин, Спиридонова, Энговатова, 1998; Лозовский, 2003а. С.220; Зарецкая, Костылева, 2008]. Но и здесь имеются узкие места. Если первый этап укладывается в рамки первой половины V тыс. до н.э. – 7000 – 6500 л.н., третий – 6400 – 6100 л.н., то развитой, по сути связанный с расцветом культуры, охватывает лишь 100 лет в середине этого тысячелетия. Данный феномен требует своего объяснения. По крайней мере, вышеприведённые данные позволяют предполагать не столь жёсткие хронологические рамки. В этой связи уместно напомнить, что родственная и территориально близкая верхневолжской – валдайская культура, на её поздней гребенчатой фазе, судя по радиоуглеродным датам, существует не только в раннем неолите [Тимофеев, Зайцева, 2004. С.45]. К востоку от верхневолжской в Примокшанье, Посурье и Прикамье памятники с зубчато-гребенчатой системой орнаментации бытуют ещё, как показывают радиоуглеродные даты, как минимум в первой половине IV тыс. до н.э.

Сравнение керамики с короткозубым и гребенчатым штампом показывает их весьма значительные различия [Жилин, Крайнов, 1982; Костылева, 1984; 1984a]. Не случайно исследователи отмечают, что гребенчатый орнамент отличается от короткозубого как по набору элементов, так и по композициям [Костылева, 1987]. Наличие таких сложных композиций, как горизонтальный и вертикальный зигзаг, косая решетка, заштрихованные треугольники, плетенка, «шагающая» гребенка, в сочетании характерно для материалов развитого неолита Прикамья. На поздней верхневолжской посуде появляются наплывы на внутренней стороне венчика, что весьма характерно для камской керамики. Вероятно, произошло некоторое смещение отдельных групп населения Среднего Поволжья в более западные районы. Памятники с гребенчатой посудой в Марийском Поволжье представлены как поздними (типа Нижняя Стрелка V), так и более ранними, типа Сутырской I [Никитин, Вискалин, Ставицкий, 2002. С.313-316]. Это проникновение подтверждается материалами стоянки Жуковка II, расположенной в нижегородском течении р.Волги, исследованной М.Г.Жилиным. В керамическом инвентаре содержится характерные черты камской культуры (примесь шамота, наплыв на венчике, «шагающая» гребёнка, плетёнка, вертикальный зигзаг, косая решётка и т.п.). Можно предположить, что комплексы позднего этапа верхневолжской культуры, есть результат взаимодействия, с одной стороны, аборигенов, а с другой – пришельцев из Среднего Поволжья [Выборнов, 1988]. В этой связи небезынтересна радиоуглеродная дата по керамике стоянки Жуковка – 5940 ± 80 л.н.

К северу от Прикамья, на гигантской территории от Печоры на востоке и Северной Двины на западе исследователи (особенно первооткрыватели) испытывают определенные трудности при решении культурно-хронологических вопросов эпохи неолита [Косинская, 1997; Карманов, 2008]. Автор уже предпринимал попытку проанализировать соотношение этих материалов с прикамскими [Выборнов, 1992. С.80-84]. Здесь же хотелось обратить внимание на один существенный момент. На стоянке

Эньты I обнаружена гребенчато-накольчатая керамика и в кремнёвом инвентаре геометрические микролиты. Найдены треугольники и в материалах Кошкинской стоянки на р. Вятке. Этот контекст являлся дополнительным аргументом в пользу верхневолжской природы происхождения данных памятников. Однако по эньтыским материалам В.Н.Карманов приходит к выводу, что каменный инвентарь, включающий геометрические микролиты – трапеции, сопровождающий керамику, не соответствует современным представлениям о раннем неолите лесной зоны Восточной Европы, в особенности Русской равнины. Поэтому монокультурность комплекса вызывает вполне оправданное сомнение [Сорокин, 2006. С.129; Карманов, 2008. С.339]. Этот приемлемый вывод допустимо перенести и на кошкинские материалы бассейна р. Вятки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые проявления неолитизации на территории Волго-Камья фиксируются, судя по радиоуглеродным датам, в начале VI тыс. до н.э. В Северном Прикаспии при условиях сильной аридизации складывается каиршакская культура. Её кремнёвая индустрия характеризуется значительной долей пластин и орудий труда из них. Доминируют скребки многообразных типов, остряя, скобели. Резцовая техника выражена слабо. Представлена и микролитичность: хорошо выражены геометрические микролиты – сегменты с двусторонней ретушью по дуге, трапеции, а на раннем этапе и параллелограммы. Этот набор признаков, вместе с другими показателями, присущ кремнёвым комплексам мезолитического времени данного региона. Такое сходство позволяет предполагать участие местного населения в происхождении кремнёвого технокомплекса каиршакской культуры. Посуда на этих памятниках изготовлена из илов с естественной примесью раковин. Подобная технология является одной из древнейших. Форма сосудов прямостенная и профилированная. Днища плоские. Орнамент нанесён прямыми прочерками и одинарными овальными наколами. Узоры геометризваны. Как признаки кремнёвого технокомплекса, так и показатели керамической традиции тяготеют к более южным, кавказским и южнокаспийским прототипам. Последние датируются VII тыс. до н.э. Без кардинальных изменений в материальной части каиршакская культура функционирует до конца VI тыс. до н.э. Отдельные артефакты среднеазиатского толка (кельтеминарские наконечники) на данной территории не меняют общей картины: тюлузская, оюклинская и кельтеминарская культуры имеют значительные технико-типологические отличия от каиршакско-тентексорских комплексов. Больше параллелей с культурами кавказско-причерноморского региона: сурской, горно-крымской, ракушечноярской. Последняя возникает также в начале VI тыс. до н.э.

Ещё в период мезолита отдельные группы североприкаспийского населения проникают на территорию Нижнего Поволжья, а единичные памятники обнаружены и в лесостепном Среднем Поволжье.

В его восточной части, на южностепных ландшафтах Волго-Уральского региона, в начале VI тыс. до н.э. (судя по ^{14}C) появляется елшанская культура. Её керамика формировалась из илистой глины, отличаясь от североприкаспийской. Данная технология не является древнейшей, что предполагает неместный характер её происхождения. Профилированная форма сосудов, острые днища, слабая орнаментированность уводят поиск аналогий в Восточный Прикаспий (типа Джебела) и наиболее древних памятников Среднеазиатского междуречья. За этот вектор свидетельствуют и находки на елшанских стоянках трапедий «рогатого» типа, столь характерных именно для комплексов вышеуказанных территорий. Сильнейшая аридизация в этих областях, видимо, явилась одной из главных причин оттока части местного населения по р. Урал в северные, более благоприятные для обитания регионы. Предполагать, что побудительным фактором для переселения явилось развитие производящего хозяйства, преждевременно. На относительно гомогенных памятниках елшанской культуры костей домашних животных пока не обнаружено. Этот же вывод приложим и к материалам Северного Прикаспия, так как и в них определена только дикая фауна. Кремнёвый технокомплекс елшанской культуры характеризуется пластинчато-отщеповой составляющей. Преемственность с местными немногочисленными памятниками эпохи мезолита прослеживается пока слабо. Таким образом, механизм генезиса елшанской культуры отличается от процессов в Северном Прикаспии. Имеются достоверные данные о появлении памятников елшанского типа со второй четверти VI тыс. до н.э. и на правобережье р. Волги. Здесь появляются и плоскодонные сосуды, что является отражением нижеволжского влияния. К середине этого тысячелетия незначительная инфильтрация елшанцев достигает Нижнего

Поволжья. Об этом свидетельствуют материалы 3-его слоя Варфоломеевской стоянки, где обнаружена симбиотичная по технологии посуда.

Именно в это время в южностепных условиях Северо-Западного Прикаспия складывается джангарская культура. Её каменная индустрия характеризуется преобладанием пластин и орудий на них. Представлены различные типы скребков, острия, резцы, скобели и наконечники стрел. Присутствуют и микролиты: большой процент трапеций и сегментов, в том числе с двусторонней ретушировкой дуги, прямоугольники на раннем этапе. Данная технико-типологическая совокупность восходит к местной мезолитической индустрии, имеющей кавказские корни. Керамика изготавливалась как из илов с примесью раковин, так и илистых глин. Сосуды, в отличие от каиршакских, тонкостенны, но такие же плоскодонные. Орнамент наносился преимущественно треугольными наколами в отступающей манере. Схемы узоров геометризваны. Если кремнёвый комплекс восходит к позднемезолитическому, то керамика имеет прототипы в посуде 18-16 слоёв поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону, датированные более ранним временем, чем джангарские.

В последней четверти VI тыс. до н.э. в связи с масштабной аридизацией (7200 л.н.) некоторая часть населения каиршакской культуры проникает в более благоприятные районы Северо-Западного Прикаспия. Это подтверждается наличием посуды каиршакского типа в 3-ем слое стоянки Джангар. Радиоуглеродные даты посуды этих памятников совпадают, с перепроверкой дат по кости. Прослеживается влияние и на культуру Нижнего Поволжья, что фиксируется по типологии продатированных фрагментов.

На рубеже VI и V тыс. до н.э. в Северном Прикаспии, при оптимизации климатических условий происходит переход от каиршакской к тентексорской фазе развития местного неолита. При сохранении технологии изготовления посуды, плоскодонности и геометризма в орнаменте, узоры наносились наколами в отступающей манере. На внутренней стороне венчиков порой

встречается наплыв. Кремнёвый инвентарь, при сходстве основных типов орудий меняется на крупные пластины и отщепы в качестве заготовок. На смену сегментам приходят трапеции, в том числе с ретушированной спинкой. Такие микролиты наиболее характерны для памятников кавказско-причерноморско-го региона. Памятники тентексорского типа, судя по датам, доживают до третьей четверти V тыс. до н.э. Севернее аналогичные изменения происходят в джангарской культуре. Это проявляется в материалах слоя 2Б Варфоломеевской стоянки, имеющей сходные датировки. Процесс на данной территории проходил более эволюционно.

Начало V тыс. до н.э. в южной части лесостепного Поволжья сопряжено с формированием новой керамической традиции. Судя по типологии и технологии посуды с Ивановской стоянки, она имела двойственную основу. Субстратом послужили остатки елшанского населения, чья культура, судя по радиоуглероду, доживает до этого времени. Причём этим временем датируются позднеелшанские материалы как Волго-Уральского междуречья, так и правобережья р. Волги, вплоть до Примокшанья. От неё происходят такие признаки, как илистая глина, профилированность, ряд ямок под венчиком. Суперстратом явились пришлые носители джангарской (на варфоломеевской фазе) традиции из Нижнего Поволжья. К ним восходят технология илов, накольчатый орнамент с геометрическим стилем и плоскодонность. Радиоуглеродные даты посуды позднеелшанского типа, второго слоя Варфоломеевки и накольчатой керамики Ивановской стоянки совпали.

Западнее, включая правобережье р. Волги вплоть до Посурья, на основе елшанской культуры появляются памятники луговского типа. Технология изготовления посуды связана с илистыми глинами. Прямостенные сосуды имеют подлощённую поверхность. Под венчиком происходит ряд ямочных вдавлений. Днища плоские. Узоры редки. Состоят из прочерков, насечек, отдельных наколов. Восхождение к елшанской культуре подтверждается и пластинчато-отщеповым характером кремнёвой индустрии, включая

архаичные типы пластинчатых наконечников стрел. Серия дат с ряда памятников различных районов фиксирует рамки этого типа второй четвертью V тыс. до н.э. Примечательно, что этот интервал занимают не только типологически близкие памятники карамышевского типа Верхнего Подонья, но и стоянки со сходными характеристиками первого этапа верхневолжской культуры. В сходное время памятники с близкими комплексами появляются на р. Вятке. В этих хронологических рамках происходит сложение средневолжской культуры. Наиболее ранние памятники базируются в лесостепном Поволжье. С середины V тыс. до н.э. носители луговского типа и накольчатой традиции формируют средневолжскую культуру севернее, вплоть до устья р. Камы и среднего Посурья. В южных лесостепных районах в керамике сохраняются преобладающие нижневолжские черты (илы, отступающие наколы в геометрическом стиле), а в кремнёвом комплексе на смену ударной технике приходит отжимная. Индустрия приобретает пластинчатость. Появляются трапеции и сегменты, аналогичные нижневолжским.

На северной периферии лесостепи в керамической традиции превалирует местная луговская основа. Южный геометризм накольчатой традиции здесь проявляется слабо. Из Среднего Посурья в третьей четверти V тыс. до н.э. происходит инфильтрация средневолжского населения до р. Волги и устья р. Ветлуги, а оттуда до р. Вятки. Кремнёвая индустрия этих памятников объединяется пластинчатостью, наличием резцов и наконечников стрел черешкового типа архаичного облика.

С третьей четверти V тыс. до н.э. развивается зубчатая (оттиски короткого штампа) техника орнаментации. Аналогичный процесс охватывает Посурье, а в сопредельных регионах – среднедонскую культуру, особенно Верхнее Подонье. В лесостепном Поволжье на развитом этапе (последняя четверть V тыс. до н.э.) складывается сикретическая зубчато-накольчатая техника. Это явление характерно и для более западных областей, включая

Сурско-Мокшанское междуречье. В более северных районах сходная картина прослеживается на развитом этапе верхневолжской культуры.

Судя по радиоуглеродным данным, наиболее ранние памятники с гребенчатыми (длинными отпечатками) узорами появляются в верховьях р. Суры в конце V тыс. до н.э. Стоянки в Среднем Посурье и Чувашском Поволжье с аналогичным материалом позволяют наметить маршрут продвижения вплоть до устья р. Камы, где комплексы датируются по ^{14}C первой четвертью IV тыс. до н.э.

Несколько иная картина складывалась в Камско-Вятском регионе. В последней трети V тыс. до н.э. на местной мезолитической основе формируется кремнёвый технокомплекс камской неолитической культуры. Керамическая традиция характеризуется технологией глины с примесью шамота. Сосуды с коническим и округлым дном. На развитом этапе в первой половине IV тыс. до н.э. на посуде с внутренней стороны появляется наплыв. Узор наносился гребенчатым штампом по всей поверхности сосуда. Среди разнообразных узоров в восточных районах хорошо представлен мотив «шагающей» гребёнки, а в западных – плетёнки. Кремнёвая индустрия отщепово-пластинчатая, включая наконечники стрел иволистой и подромбической формы с двусторонней ретушировкой. Начиная с первой четверти IV тыс. до н.э., в Прикамье и на р. Вятке прослеживаются спорадические контакты носителей гребенчатой и накольчатой традиций. В это же время устанавливаются связи обитателей Среднего и Верхнего течения р. Камы с зауральским населением. Они подтверждаются как тальковой посудой с прочерченным орнаментом в прикамских стоянках, так и перекрёстной радиоуглеродной датировкой. Природный фактор способствовал распространению широколиственных лесов южнее их современной границы. Это позволило населению камской культуры на развитом этапе обитать по берегам рр. Ик, Белая, Дёма. А также проникать в лесостепное Поволжье до р. Самары, а западнее до Верхнего Посурья, придавая специфику развитию средневолжской культуры.

С другой стороны, ухудшение климатической обстановки в начале IV тыс. до н.э. привело к появлению в лесном Среднем Поволжье групп населения с ямочно-гребенчатой посудой. Как в Марийском Поволжье, так и в Сурско-Мокшанском междуречье уже с первой четверти IV тыс. до н.э. они вступают в ограниченные контакты как с носителями накольчатой традиции, так и камскими племенами. Продвижение отдельных общин достигло на востоке устья р. Белой.

С середины IV тыс. до н.э. в развитии племён камской культуры Нижнего Прикамья происходят иные процессы. Связаны они с изменением ситуации в южных районах Волго-Камья.

Со второй четверти V тыс. до н.э. (подтверждено ^{14}C) в Северо-Западный и Северный Прикаспий проникают отдельные группы нижнедонской культуры. Несмотря на существование в это время редкого позднегентексорского населения, контакты с западными переселенцами повлияли на формирование прикаспийской культуры. Продвигаясь в Нижнее Поволжье, они включали в этот процесс часть населения варфоломеевского типа. При этом следует отметить, что если в Северном Прикаспии гентексорская линия затухает, то нижневолжское население джангаро-варфоломеевского типа продолжает бытовать до появления здесь на рубеже V и IV тыс. до н.э. (судя по радиоуглероду) хвалынских племён. Носители керамической традиции из илов с искусственной примесью раковин, воротничкового оформления венчика, меандра, заполненного «шагающей» гребёнкой, достигают лесостепного Поволжья и в контакте с аборигенами формируют памятники самарского типа. Последние сосуществуют со средневолжской. В начале IV тыс. до н.э. на данной территории появляются памятники хвалынской культуры. Под её воздействием складывается самарско-хвалынский тип керамики. В первой половине IV тыс. до н.э. представители данной группы (а порой хвалынцы и в «чистом» виде) продвигаются в более северные регионы. Примечательно, что лишь в середине IV тыс. до н.э. завершает своё развитие средневолжская культура.

Процесс доживания неолитического населения до столь позднего времени прослеживается исследователями в Среднем Подонье и Среднем Поднепровье.

Под влиянием южан памятники камской культуры от устья р. Белой до Среднего Посурья, начиная с середины IV тыс. до н.э. приобретают их черты. В керамике – воротнички на венчике, ряд ямок под срезом, косозубый штамп, уплощенность днищ и т.п. Меняется и характер кремнёвой индустрии: узкополосчатое сырьё, в качестве заготовок используются крупные пластины, применяется крупнофасеточная ретушь, далеко заходящая на спинку, отдельные типы орудий, в частности, наконечники кельтеминарского типа. На части сосудов этого типа проложены ряды ямок, характерные для западных соседей. В то же время, на сосудах ряда памятников с ямочно-гребенчатой керамикой лесного Среднего Поволжья появляются воротнички. Сочетание камских черт и признаков ямочно-гребенчатой традиции присуще и группе стоянок Среднего Прикамья и Вятки, образующих поздненеолитический (чернашкинский) тип.

В последней четверти IV тыс. до н.э. влияние южных соседей, связанных с воротничковой традицией ослабевает. Но отдельные лесостепные импульсы прослеживаются и в данное время. Проявлением этому служат памятники Нижнего Прикамья с керамикой, орнаментированной насечками. А в начале III тыс. до н.э. в Икско-Бельском междуречье обитает реликтовая группа представителей накольчатой традиции южного типа с пластинчатым кремнёвым инвентарём, но уже знакомая с металлом.

Литература

- Абрамова, Т.А.* Изменение увлажненности Каспийского региона в голоцене по палинологическим данным/Т.А.Абрамова//Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб.ст./Изд-во Наука. – М., 1980. – С. 71-74.
- Амирханов, Х.А.* Верхний палеолит Прикубанья/Х.А.Амирханов.- М.: Изд-во Наука, 1986. - 113 с.
- Амирханов, Х.А.* Чохское поселение/Х.А.Амирханов.- М.: Изд-во Наука, 1987. - 224 с.
- Амирханов, Х.А.* Северокаспийский регион – специфический очаг мезо-энеолитических культур/Х.А.Амирханов// Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб. /Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1990. – С. 12-13.
- Астафьев, А.Е.* Памятники тюлузской культуры на полуострове Мангышлак/А.Е.Астафьев // Вопросы археологии Западного Казахстана: сб. /Сам. гос.пед.ун-т. – Самара, 1996. – С. 30-45.
- Астафьев, А.Е.* Оюклинская неолитическая культура полуострова Мангышлак/А.Е.Астафьев // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана Вып. 4: сб.ст. / Самарского гос.пед.ун-т. - Уральск, 2005. – С. 103-146.
- Астафьев, А.Е.* Поселение Коскудук I – памятник финального этапа оюклинской культуры Восточного Прикаспия/А.Е.Астафьев // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. – С. 161-191.
- Бадер, О.Н.* Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой/О.Н.Бадер // МИА. - 1951. - № 22. - С. 7-32.
- Бадер, О.Н.* Древнейшая история Прикамья/О.Н.Бадер. - М.: Наука, 1963.- 42 с.
- Бадер, О.Н.* Уральский неолит/О.Н.Бадер // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. – С. 157-171.

Бадер, О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита/О.Н.Бадер // МИА.- 1973. - № 172. С. 99-106.

Бадер, О.Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления/О.Н.Бадер // КСИА. - 1978. - Вып. 153. С. 72-74.

Бадер, О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала/О.Н.Бадер // Вопросы археологии Урала: сб./Уральский гос. ун-т. - Свердловск, 1981. – С. 16-22.

Бадер, О.Н. Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита – энеолита Приуралья/О.Н.Бадер, А.А. Выборнов // Энеолит Восточной Европы: сб. научных трудов/Куйбыш. гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1980. – С.124-137.

Бадер, О.Н. Саузовская I стоянка/О.Н.Бадер, И.В. Калинина // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. - Вып. 3. : сб.ст./Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2003. – С.11-30.

Барынкин, П.П. Основные итоги исследования памятников каменного и бронзового веков в Северном Прикаспии/П.П.Барынкин, И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин, Ю.И. Колев, П.Ф. Кузнецов //Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации: сб.ст./Изд-во Наука. Л., 1985. – С. 33-34.

Барынкин, П.П. Мезолит и неолит Северного Прикаспия/П.П.Барынкин, И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин. // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб. научных трудов/Оренбургский гос.пед.ин-т. - Оренбург, 1986. – С.14 -16.

Барынкин П.П. Материалы по неолиту-энеолиту Северного Прикаспия из фондов Астраханского музея/П.П.Барынкин, В.В. Плахов //Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи: сб.ст./Воронежский гос.пед.ин-т. - Воронеж, 1989. – С.

Барынкин, П.П. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки/П.П.Барынкин, Е.В. Козин // Древности Восточно-Европейской

лесостепи: сб. научных статей/ Самарский гос. пед. ин-т. - Самара, 1991. – С. 94-119.

Барынкин, П.П. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения неолитических культур в степном и южном лесостепном Поволжье/П.П.Барынкин, Е.В. Козин // Древние культуры лесостепного Поволжья: сб. научных статей/Самарский гос.пед.ин-т. - Самара, 1994. – С.136-163.

Барынкин, П.П. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене/П.П.Барынкин, Е.В. Козин // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб. научных статей/Самарский гос.пед.ун-т. – Самара, 1998. – С. 66-82.

Барынкин, П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы/П.П.Барынкин // Вопросы археологии Поволжья: сб. научных трудов Вып. 3/Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2003. – С. 47-60.

Белановская, Т.Д. Керамика с накольчатым орнаментом по материалам неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону/Т.Д.Белановская // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб. научных статей/Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1976. – С. 5-6.

Белановская, Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья/Т.Д.Белановская. - СПб., Изд-во 1995. - 200 с.

Белановская, Т.Д. Неолит Северо-Восточного Приазовья и Подонья/Т.Д.Белановская, Д.Я.Телегин // Неолит Северной Евразии: сб. научных статей./ М., 1996. – С. 58-64.

Белановская, Т.Д. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы/Т.Д.Белановская, В.И.Тимофеев // Неолит - энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: сб. / СПб., 2003. – С. 14-29.

Белановская, Т.Д. Новые радиоуглеродные даты неолитических слоев многослойного поселения Ракушечный Яр/Т.Д.Белановская, В.И Тимофеев,

Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // Древности Подвинья: исторический аспект: сб. СПб., 2003. – С. 134-139.

Белецкий, В.Д. Археологические разведки на Нижней Волге/В.Д.Белецкий//Сообщения ГЭ.Т. XXIII: сб.ст./Л., 1962. – С. 61-64.

Березина, Н.С. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья/Н.С.Березина, А.Ю. Березин // Новые археологические исследования в Поволжье: сб. научных статей/Чебоксарский гос.пед.ин-т.-Чебоксары, 2003. – С.89-171.

Березина, Н.С. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре/Н.С.Березина, А.В.Вискалин, А.А.Выборнов, А.И.Королев, В.В. Ставицкий // Самарский край в истории России: сб.научных статей. Вып. 3./Самар.обл.ист-краевед.музей.- Самара. 2007. – С.14-23.

Бессуднов, А.Н. Неолитическая керамика с накольчатой орнаментацией с поселения Карамышево 9 на Верхнем Дону/А.Н.Бессуднов, Р.В.Смолянинов, К.О. Надов // Тверской археологический сборник. Вып. 6. / Областной краеведческий музей.- Тверь, 2006. – С. 266-271.

Болиховская, Н.С. Палиноиндикация изменения ландшафтов Нижнего Поволжья в последние 10 тыс. лет/Н.С.Болиховская//Каспийское море. Вопросы геологии и геоморфологии:сб.ст./Изд-во Наука, М., 1990. – С. 52-68.

Буров, Г.М. Древний Синдор/Г.М.Буров. - М.: Наука, 1967. - 220 с.

Буров, Г.М. Археологические культуры севера Европейской части СССР/Г.М.Буров.- Ульяновск: 1974.- 120 с.

Буров, Г.М. Каменный век Ульяновского Поволжья/Г.М.Буров. – Ульяновск: Поволжское книжное изд-во, 1980. - 120 с.

Буров, Г.М. Неолитические стоянки Ульяновского Поволжья/Г.М.Буров // Энеолит Восточной Европы: сб. ст./Куйбыш. гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1980а. – С. 93-103.

Буров, Г.М. Ранний (камско-печорский) микро-макролитический мезолит Приуралья и черноморско-каспийская область/Г.М.Буров // Проблемы

древней истории Северного Прикаспия: сб. научных ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1990. – С. 19-21.

Варущенко А.Н. Изменения уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене и голоцене/А.Н.Варущенко, С.И.Варущенко, Р.К. Клиге//Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб./М., 1980. – С. 79-90.

Васильев, И.Б. Энеолит Поволжья/И.Б.Васильев. – Куйбышев: Изд-во КГПУ, 1981.- 129 с.

Васильев, И.Б. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы/И.Б.Васильев, А.А. Выборнов // Древняя и Средневековая история Нижнего Поволжья сб.ст./Сарат.ун-т.- Саратов, 1986. – С.3-20.

Васильев, И.Б. Неолит Поволжья/И.Б.Васильев, А.А. Выборнов. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. - 112 с.

Васильев, И.Б. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья/И.Б.Васильев, А.А. Выборнов // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР: сб.ст. /Удм.ИИЯЛИ УО АН ССС. - Ижевск, 1988а. – С. 78-91.

Васильев, И.Б. Некоторые итоги исследования Виловатовской стоянки в лесостепном Поволжье/И.Б.Васильев, А.А.Выборнов, Р.С. Габяшев, Н.Л. Моргунова, Г.Г. Пенин // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: сб.ст./Орен. гос.пед.ин-т. - Оренбург, 1980. – С. 8-10.

Васильев, И.Б. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье/И.Б.Васильев, А.А.Выборнов, Р.С. Габяшев, Н.Л. Моргунова, Г.Г. Пенин // Энеолит Восточной Европы: сб.ст. /Куйбышевский гос.пед.ин-т.- Куйбышев, 1980а. – С.151-189.

Васильев, И.Б. Поселение Ук-VI в Тюменском Притоболье/И.Б.Васильев, А.А., Выборнов, С.А Глущенко // Исторические исследования: сб.ст. вып. 2./ Самарский гос.пед.ун-т.- Самара, 1998. – С.254-267.

Васильев, И.Б. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии/*И.Б.Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин* // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т.-Куйбышев, 1986. – С. 6-31.

Васильев, И.Б. Исследование неолитической стоянки Каиршак III/*И.Б.Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин* // Неолит и энеолит Северного Прикаспия, сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т.-Куйбышев, 1989. – С. 18-45.

Васильев, И.Б. Мезолитические памятники Северного Прикаспия/*И.Б.Васильев, А.А. Выборнов, А.М. Комаров* // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб. ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. -Куйбышев, 1988. – С. 3-41.

Васильев, И.Б. Мезолит Северного Прикаспия./*И.Б.Васильев, А.А. Выборнов, А.М. Комаров* - Препринт. – ИИА УО АН СССР – СГПУ. - Свердловск– Самара, 1991. – 32 с.

Васильев, И.Б. Энеолит Южного Урала/ *И.Б.Васильев, А.А. Выборнов, Н.Л. Моргунова*//СА. – 1985. №2. – С. 280-290 - Рец. На кн.: Энеолит Южного Урала *Г.Н.Матюшина*/М.: Наука, 1982. - 327 с.

Васильев, И.Б. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья/*И.Б.Васильев, Р.С. Габяшев* // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т.-Куйбышев, 1982. – С. 3-23.

Васильев, И.Б. Взаимосвязь человека и природной среды в Северном Прикаспии/*И.Б.Васильев, И.В.Иванов*//Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст./Оренбург.гос.пед.ин-т. Оренбург. – С. 16- 20.

Васильев, И.Б. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре/*И.Б.Васильев, Г.И. Матвеева* // Советская археология. - 1979. № 4. – С. 147-166.

Васильев, И.Б. Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области/*И.Б.Васильев, Г.Г. Пенин* // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья: сб. ст./ Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1977. – С. 3 -22.

Васильева, И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита/*И.Н.Васильева* // Вопросы археологии Поволжья: сб.ст. вып. 1/Самарский гос.пед.ин-т. - Самара, 1999. – С. 72-96.

Васильева, И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее/*И.Н.Васильева* // Археологические памятники Оренбуржья: сб.ст. вып. 3/ Оренбургский гос.пед. ун-т. - Оренбург, 1999а. – С. 191-216.

Васильева, И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье/*И.Н.Васильева* // Вопросы археологии Поволжья: сб.ст. вып. 4/ Самарский гос. пед.ун-т. - Самара, 2006. – С. 426-439.

Васильева, И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки)/*И.Н.Васильева* // Археологические памятники Оренбуржья/Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2007. – С. 23-38.

Верещагина, И.В. Мезолит и неолит крайнего европейского северо-востока: автореф. дис. ...канд. ист. Наук/*И.В.Верещагина*. - Л., 1989. - 23 с.

Виноградов, А.В. Неолитические памятники Хорезма/*А.В. Виноградов*. - М.: Изд-во Наука, 1968. – 179 с.

Виноградов, А.В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа/*А.В.Виноградов* // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. – С. 3-10.

Виноградов, А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья/*А.В.Виноградов*. - М.: Наука, 1981. - 173 с.

Виноградов, А.В. Первобытный Лявлякан/ *А.В.Виноградов, Э.Д Мамедов*. - М.: Наука, 1975. - 287 с.

Вискалин, А.В. Новые данные по неолиту Ульяновского Поволжья/*А.В.Вискалин* // Историко-археологические изыскания: сб. ст. вып. 2/Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1997. – С. 27-41.

Вискалин, А.В. Памятники накольчатой керамики Волго-Камья: автореф. дис. ... канд. ист. наук/*А.В.Вискалин*. - Ижевск, 1999. - 19 с.

Вискалин, А.В. К вопросу о культурной принадлежности памятников с накольчатой керамикой Волго-Камья/А.В.Вискалин // Тверской археологический сборник вып. 4/Тверской областной краеведческий музей.- Тверь, 2000. – С. 318-325.

Вискалин, А.В. Некоторые спорные вопросы культурно-хронологической атрибуции неолитических памятников елшанского типа/А.В.Вискалин // XV Уральское археологическое совещание: сб. ст./Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2001. – С. 40-41.

Вискалин, А.В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса)/А.В.Вискалин // Тверской археологический сборник вып. 5/Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2002. – С. 274-283.

Вискалин, А.В. Ранние группы накольчатой и гребенчатой керамики Волго-Камья: Проблемы выделения и происхождения // Тверской археологический сборник вып. 5/Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2002а. – С. 284-292.

Вискалин, А.В. Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташёлка) (итоги предварительного изучения)/А.В.Вискалин // Археология Восточноевропейской лесостепи: сб. ст./ Пензенский гос.пед.ун-т. - Пенза, 2003. – С. 41-57.

Вискалин, А.В. Елшанка XI – новая стоянка средневожской неолитической культуры на Верхней Свияге/А.В.Вискалин // Исторические исследования вып. 5: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2004. – С. 144-154.

Вискалин, А.В. К вопросу о датировке ранненеолитической керамики елшанского типа/А.В.Вискалин // Тверской археологический сборник. вып. 6: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2006. – С. 260-264.

Вискалин, А.В. О роли юго-западных контактов в формировании неолита Волго-Уральской лесостепи/А.В.Вискалин // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2006а. – С. 47-50.

Вискалин, А.В. К вопросу о происхождении елшанской культуры/А.В.Вискалин // Археологическое изучение Центральной России: сб.ст./Липецкий гос.пед.ун-т. - Липецк, 2006б. – С. 90-93.

Вискалин, А.В. О хронологии и периодизации ранних этапов неолита Волго-Уральской лесостепи/А.В.Вискалин // Самарский край в истории России вып. 3: сб.ст./Самарский областной историко-краеведческий музей - Самара, 2007. – С. 4-13.

Вискалин, А.В. Ховринская мезолитическая стоянка/А.В.Вискалин // Человек, адаптация, культура: сб.ст. /Институт археологии РАН. - М., 2008. – С. 228-239.

Вискалин, А.В. К вопросу о юго-западных контактах неолитических сообществ Волго-Уральской лесостепи/А.В.Вискалин// Тверской археологический сборник. вып. 7: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2009. – С. 171-177.

Вискалин, А.В. Неолитическое поселение Широмазово III на Нижней Мокше/А.В.Вискалин, А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий // Вопросы археологии Поволжья вып. 1/Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1999. – С. 55-71.

Вискалин, А.В. Мезолитический комплекс Ховринского поселения на реке Барыш/А.В.Вискалин, А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2: сб.ст./Морд. гос. пед.ин-т. – Саранск, 2000. – С.12-22.

Волков, Е.Н. Формирование раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья/Е.Н.Волков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2007. - № 8. – С. 9-17.

Волокитин, А.В. Пезмог IV – новый памятник гребенчатого камского неолита на Вычегде / А.В.Волокитин, В.Н. Карманов, Т.И. Марченко, Д.А. Дурягина// Северное Приуралье в эпоху камня и металла: сб.ст. / Сыктывкарский гос. пе. Ун-т. - Сыктывкар, 1998. – С. 31-40.

Выборнов, А.А. К вопросу о хронологическом соотношении гребенчато-накольчатых и гребенчатых комплексов в неолите Волго-Камья/А.А.Выборнов // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб.ст./Куйбышевский гос.пед. ин-т. - Куйбышев, 1976. – С. 9-10.

Выборнов, А.А. Металлические предметы и керамика левшинского типа – один комплекс?/А.А.Выборнов // Древняя история Поволжья: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1979. – С. 21-24.

Выборнов, А.А. Работы Нижнекамской экспедиции/А.А.Выборнов // Археологические открытия 1981/Наука. – М., 1983. – С. 142.

Выборнов, А.А. Культурная принадлежность неолита Нижней Белой/А.А.Выборнов // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья: сб.ст./НИИ при СМ УдАССР. - Ижевск. 1984. – С. 21-30.

Выборнов, А.А. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой: автореф. дис. ... канд. ист. наук/ А.А.Выборнов. - Л., 1984а. – 16 с.

Выборнов, А.А. О дальнейших судьбах неолита Нижней Белой/А.А.Выборнов // Археологические памятники на Европейской территории СССР: сб.ст./Воронежский гос. пед.ин-т. - Воронеж, 1985. – С.44-57.

Выборнов, А.А. Соотношение неолитических памятников лесной и лесостепной зон Волго-Камья/А.А.Выборнов // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст. /Оренбургский гос. пед.ин-т. - Оренбург, 1986. – С.10-11.

Выборнов, А.А. Стоянка Зиарат в устье р. Белая/А.А.Выборнов // Краткие сообщения ИА.- 1987. -Вып. 189. - С. 104-108.

Выборнов, А.А. Гребенчатая неолитическая керамика лесного Волго-Камья/А.А.Выборнов // Проблемы изучения археологической керамики: сб.ст./Куйбышевский гос. ун-т. - Куйбышев, 1988. – С.62-77.

Выборнов, А.А. Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита/А.А.Выборнов // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР: сб.ст./Удмурт.ин.ИЯЛ УО АН СССР. - Ижевск, 1988а. – С. 11-21.

Выборнов, А.А. Неолит Северного Прикаспия и его соотношение с культурами сопредельных территорий/А.А.Выборнов // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб.ст. Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1990.- С. 21-24.

Выборнов, А.А. Неолит Прикамья/А.А.Выборнов. – Самара: Изд-во СГПУ. - 1992. - 148 с.

Выборнов, А.А. Проблемы периодизации неолита Прикамья/А.А.Выборнов // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала:/ ИИА УрО РАН. - Екатеринбург, 1993. – С. 32-33.

Выборнов, А.А. Спорные вопросы в изучении неолита Нижнего Поволжья/А.А.Выборнов // Исторические исследования вып. 1: сб.ст./Сам.гос.пед.ун-т. - Самара, 1997. – С. 3-10.

Выборнов, А.А. К вопросу о прибельской культуре/А.А.Выборнов // XIV Уральское совещание/Изд-во «Рифей». - Челябинск, 1999. – С. 23-24

Выборнов, А.А. Средневожская культура/А.А.Выборнов // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: сб.ст./ Изд-во СНИЦ РАН. - Самара, 2000. – С. 177-215

Выборнов, А.А. Хронологические аспекты изучения неолита Поволжья/А.А.Выборнов // Хронология неолита Восточной Европы: тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н.Гуриной/ ИИМК РАН. - СПб., 2000а. – С. 15-16.

Выборнов А.А. Неолит Прикамья/А.А.Выборнов // Российская археология: достижения XX в. и перспектива XXI: сб.ст. к 75-летию В.Ф.Генинга/ «Удмуртский ун-т». - Ижевск, 2000б. – С. 62-69.

Выборнов, А.А. О сероглазовской культуре/А.А.Выборнов // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В.Синицына/Саратовский гос.ун-т. – Саратов, 2000в. – С. 26-28.

Выборнов, А.А. Проблемы изучения неолита лесостепного Поволжья/А.А.Выборнов // Современные проблемы истории и философии: сб.ст./Известия СНЦ РАН. - Самара, 2002. – С. 53-62.

Выборнов, А.А. Некоторые вопросы изучения нижневолжского неолита/А.А.Выборнов // Новые гуманитарные исследования: сб.ст./Известия СНЦ РАН. - Самара, 2003. – С. 57-65.

Выборнов, А.А. Неолит лесостепного Поволжья и его окружение/А.А.Выборнов // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМе: сб.ст./Гос.ист.музей. - М., 2003а. – С. 36-39.

Выборнов, А.А. О раннем неолите Поволжья/А.А.Выборнов // Новые гуманитарные исследования: сб.ст./Известия Сам.науч.центр РАН. - Самара, 2005. – С. 152-159.

Выборнов, А.А. О противоречии в периодизации неолита Доно-Волжской лесостепи и степи/А.А.Выборнов // Археологическое изучение центральной России: сб.ст./Липецкий гос.пед.ун-т. - Липецк, 2006. – С. 102-105.

Выборнов, А.А. Проблемы изучения неолита Волго-Камья/А.А.Выборнов // Актуальные проблемы история, археологии, этнографии: сб.ст./Известия Сам.науч.центр РАН. - Самара, 2006а. – С. 277-286.

Выборнов, А.А. Два аспекта в изучении волго-уральской культуры/А.А.Выборнов // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной сфере Евразии: проблемы изучения и историографии: сб.ст./ Баш. гос.пед.ун-т. - Уфа, 2007. – С. 98-104.

Выборнов, А.А. Проблемы изучения неолита лесостепного Поволжья/А.А.Выборнов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII: сб.ст./Орен. гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2007а. – С. 39-47.

Выборнов, А.А. О происхождении памятников щербетьского типа/А.А.Выборнов // XVII Уральское совещание: сб.ст./Урал.гос.ун-т.-Екатеринбург, 2007б. – С.74-78.

Выборнов, А.А. Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья/А.А.Выборнов // Известия Сам.науч.центр РАН. - 2008.- № 4 т.10 (26) – С. 1249-1255.

Выборнов, А.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья/А.А.Выборнов//Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. - №4. – С.15-24.

Выборнов, А.А. Волго-уральская или средневожская культура (терминология или содержание?)/А.А.Выборнов, А.В. Агапов // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сб.ст./ Сам.гос.пед.ун-т. - Самара, 2006. – С. 37-41.

Выборнов, А.А. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья/А.А.Выборнов, Р.С.Габяшев, М.Ш. Галимова, В.П.Денисов, Н.Н. Ковалюх, Е.Л. Лычагина, А.Ф. Мельничук, В.В. Скрипкин // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2: сб.ст./Перм.гос.пед.ун-т. - Пермь, 2008. – С. 36-45.

Выборнов, А.А. Стоянка Качкар-Стау в Северном Прикаспии/А.А.Выборнов, И.В. Горащук // Вестник Прикаспия. Археология, история, этнология. - 2008. - №1. – С.76-87.

Выборнов, А.А. Поселение Бачки-тау – новый памятник неолита – энеолита Нижнего Прибелья/А.А.Выборнов, В.С.Горбунов, М.Ф. Обыденнов // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1982. – С. 195-209.

Выборнов, А.А. К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья/А.А.Выборнов, Т.М. Гусенцова, Н.Н. Ковалюх, В.В. Николаев, В.В. Скрипкин // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: сб.ст./Удмурт.гос.ун-т. – Ижевск, 2008. – С.88-93.

Выборнов, А.А. Поселение Сауз II и проблема периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой/А.А.Выборнов, А.Б. Елизаров, Н.В. Овчинникова //

Древности Среднего Поволжья: сб.ст. /Куйбышевский гос.ун-т. - Куйбышев, 1985. – С. 30-50.

Выборнов, А.А. Новые радиоуглеродные определения неолита лесостепного Заволжья/А.А.Выборнов, Н.Н.Ковалюх, А.А.Ластовский, А.Е. Мамонов, Н.Л. Моргунова, В.В. Скрипкин // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 2: сб.ст./Пенз. гос. краев.музей. - Пенза, 2008. – С.96-105.

Выборнов, А.А. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия/А.А.Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале: сб.ст./ И-т арх. РАН Т.1. - М., 2008. – С. 191-193.

Выборнов, А.А. Об абсолютном возрасте неолита Сурско-Мокшанского междуречья/А.А.Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин, Н.С. Березина, А.В. Вискалин, В.В. Ставицкий // Актуальные вопросы археологии Урала и Поволжья: сб.ст./Самарский областной краеведческий музей. - Самара, 2008. – С. 20-25.

Выборнов, А.А. К радиокарбонной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион/А.А.Выборнов, Н.Н.Ковалюх, В.В.Скрипкин//Рос.Археология. – 2008. – №4. – С. 64-71.

Выборнов, А.А. Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии/А.А.Выборнов, Е.В. Козин // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбыш. гос.пед.ин-т. - Куйбышев. 1988. – С. 92-105.

Выборнов, А.А. Поселение Имерка IV в Примокшанье/А.А.Выборнов, А.И.Королев // Древние культуры лесостепного Поволжья: сб.ст./ Сам.гос.пед.ун-т. - Самара, 1994. – С. 110-123.

Выборнов, А.А. Комплекс каменного века поселения Лебяжинка V/А.А.Выборнов, А.И. Королев, А.Е. Мамонов // Исторические исследования. Вып. 4: сб.ст./Сам. гос.пед.ун-т. - Самара, 2002. – С. 163-176.

Выборнов, А.А. Неолитический комплекс Сутырского V поселения/А.А.Выборнов, А.И. Королев, В.В.Ставицкий // Вопросы

археологии Урала и Поволжья. Вып. 2.: сб.ст./Сам. ун-т.- Самара, 2004. – С.27-40.

Выборнов, А.А. Поселение Кипец I в верховьях реки Вороны/А.А.Выборнов, А.И.Королев, В.В. Ставицкий // Краеведческие записки. Вып. XII: сб.ст./Сам. обл.краев.музей. – Самара, 2005. – С. 15-34.

Выборнов, А.А. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье/А.А.Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4: сб.ст./Сам. гос.пед.ун-т. - Самара, 2006. – С. 113-120.

Выборнов, А.А. Ранний комплекс поселения Городок I на р. Ранове в Рязанской области/А.А.Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий, В.П. Челяпов // Исторические исследования. Вып. 5: сб.ст./Сам. гос.пед.ун-т. - Самара. 2004. – С. 162-193.

Выборнов, А.А. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Волго-Окского междуречья/А.А.Выборнов, Е.Л. Костылева // Человек, ученый, гражданин. Т.2./ Сам. гос.пед.ун-т. - Самара, 2009. – С. 29-32.

Выборнов, А.А. Ранненеолитическая стоянка Зиарат в низовьях р. Белая/А.А.Выборнов, Л.Я. Крижевская // Краткие сообщения ИА. – 1988. - Вып. 193. – С. 71-75.

Выборнов, А.А. Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и Радиоуглерод/А.А.Выборнов, А.Е. Мамонов // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: сб.ст./ Институт истории материальной культуры РАН. - С-Пб., 2007. – С. 188-198.

Выборнов, А.А. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье/А.А.Выборнов, А.Е. Мамонов, А.И. Королев, Н.В. Овчинникова // Вестник СГПУ. Исторический факультет: сб.ст./Сам.гос.пед.ун-т. - Самара, 2007. – С. 107-155.

Выборнов, А.А. Стоянка Кюнь II в Нижнем Прибелье/А.А.Выборнов, М.Ф. Обидённых // Древние памятники на территории Восточной Европы: сб.ст./Воронеж. гос.пед.ин-т. - Воронеж, 1983. – С. 40-56.

Выборнов, А.А. Поселение Сауз I в устье реки Белая/А.А.Выборнов, М.Ф. Обидённых, Г.Т. Обидёнова// Эпоха меди юга Восточной Европы: сб.ст./Куйбыш. гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1984. – С. 3-21.

Выборнов, А.А. Итоги изучения поселения Сауз II/А.А.Выборнов, Н.В. Овчинникова // Древние и средневековые культуры Поволжья: сб.ст./Куйбыш. гос.ун-т. - Куйбышев, 1981. – С. 33-52.

Выборнов, А.А. Неолитические стоянки на р. Самаре/А.А.Выборнов, Г.Г. Пенин // Древняя история Поволжья: сб.ст./Куйбыш. гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1979. – С. 3-14.

Выборнов, А.А. Поселение Подлесное IV на верхней Суре/А.А.Выборнов, В.П. Третьяков // Новые памятники археологии Волго-Камья: сб. ст. /Мар.НИИ ЯЛИ.- Йошкар-Ола, 1984. – С. 32-49.

Выборнов, А.А. Стоянка Имерка III на р. Вад/А.А.Выборнов, В.П. Третьяков // Древности Среднего Поволжья: сб.ст./ Мар.НИИ ЯЛИ. - Йошкар-Ола, 1987. – С. 55-68.

Выборнов, А.А. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья: учеб.пособие для вузов/А.А.Выборнов, В.П. Третьяков. Куйбышев: КГПИ,1988. - 88 с.

Выборнов, А.А. Стоянка Имерка VII в Примокшанье/А.А.Выборнов, В.П. Третьяков// Древности Восточно-Европейской лесостепи: сб.ст./Сам. гос.пед.ун-т. - Самара, 1991. – С. 42-55.

Габяшев, Р.С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы/Р.С.Габяшев // Из археологии Волго-Камья: сб.ст./Казанский Казань, 1976. – С. 35-47.

Габяшев, Р.С. Неолитические памятники икско-бельского междуречья/Р.С.Габяшев // Проблемы археологии Поволжья и Прикамья: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1976а. – С. 16-17.

Габяшев, Р.С. Русско-Азибейская стоянка/Р.С.Габяшев // Древности Икско-Бельского междуречья: Казань. 1978. – С. 22-39.

Габяшев, Р.С. Второе Татарско-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань. 1978а. – С. 40-66.

Габяшев, Р.С. Неолит Нижнего Прикамья: автореф. дис. ... канд. ист. наук/Р.С.Габяшев. - Казань, 1978б. - 16 с.

Габяшев, Р.С. Хронология неолита Нижнего Прикамья/Р.С.Габяшев // КСИА.- 1978в. - Вып. 153. – С. 74-76.

Габяшев, Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азибейской стоянки/Р.С.Габяшев // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой: сб.ст. / КФАН СССР. - Казань, 1981. – С. 11-24.

Габяшев, Р.С. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии/Р.С.Габяшев // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: сб.ст. / Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1982. – С. 28-35.

Габяшев, Р.С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья/Р.С.Габяшев // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань. 1994.- С. 16-38.

Габяшев, Р.С. Население Нижнего Прикамья в V-III тысячелетиях до нашей эры. Казань, 2003. – 224 с.

Габяшев, Р.С. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища/Р.С.Габяшев, Е.П. Казаков, Н.П. Старостин, А.Х. Халиков // Из археологии Волго-Камья: сб.ст./ КФАН СССР. - Казань, 1976. – С. 3-34.

Габяшев, Р.С. Отарское VI поселение/Р.С.Габяшев, В.В. Никитин, В.В. Николаев// Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. – С. 17-31.

Гапочка, С.Н. К оценке сходства раннеэнеолитических комплексов Северо-Западного Прикаспия, Нижнего и Среднего Дона/С.Н.Гапочка // Проблемы археологии бассейна Дона: сб.ст./Воронежский гос.пед.ин-т. - Воронеж, 1999. – С. 23-30.

Гапочка, С.Н. Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой лесостепного Дона: автореф. дис. ... канд. ист. наук/С.Н.Гапочка.- Воронеж, 2001. - 24 с.

Гапочка, С.Н. Неолитические материалы многослойной стоянки Щучье II в Среднем Побитюжье/С.Н.Гапочка // Археологические памятники бассейна Дона: сб.ст./Воронежский гос.пед.ун-т. - Воронеж, 2004. – С. 60-72.

Гапочка, С.Н. Некоторые аспекты развития представления о неолитических культурах с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой восточноевропейской лесостепи/С.Н.Гапочка // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12: сб.ст./Воронежский гос.пед.ун-т. - Воронеж, 2006. – С. 53-66.

Гапочка, С.Н. Некоторые итоги исследования стоянки Затон I на юге лесостепного Подонья/С.Н.Гапочка, М.А. Крючков // Археологические памятники бассейна Дона: сб.ст./Воронежский гос.пед.ун-т.- Воронеж, 2004. – С. 72-82.

Гольмстен, В.В. Доисторическое прошлое Самарского края/В.В.Гольмстен//Краеведение. Ч.1: сб.ст./Самара, 1924. – С. 159-173.

Гольмстен, В.В. Археологические памятники Самарской губернии/В.В.Гольмстен//ТСА РАНИОН. Т.4: сб.ст./М., 1928. – С. 125-137.

Гонозов, А.В. Стоянка Старое Щербинино 15 – новый памятник эпохи раннего неолита бассейна Нижней Оки/А.В.Гонозов // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб.ст./Нижний Новгород, 2004. – С. 49-70.

Горащук, И.В. Итоги изучения памятников истайского типа/И.В.Горащук//Вопросы археологии Поволжья. Вып.4: сб./ Самарский гос.пед.ун-т, Самара, 2006. – С. 93-107.

Горбунов, В.С. Энеолитические памятники Приуралья/В.С.Горбунов // Энеолит Восточной Европы: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1980. – С. 137-150.

Григорьев, Г.П. Культуроразличение в археологии палеолита и мезолита/Г.П.Григорьев // Тверской археологический сборник. Вып. 4: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. – Тверь, 2000. – С. 11-14.

Григорьев, Г.П. Сравнительная характеристика периодизаций верхнего палеолита и мезолита/Г.П.Григорьев // Тверской археологический сборник. Вып. 6: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. – Тверь, 2006. – С. 87-96.

Гусенцова, Т.М. Новомултанское неолитическое поселение/Т.М.Гусенцова // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья: сб.ст. Ижевск, 1977. – С. 63-85.

Гусенцова, Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р.Кильмезь/Т.М.Гусенцова // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р.Вятки: сб.ст. Ижевск, 1980. – С. 70-95.

Гусенцова, Т.М. К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья/Т.М.Гусенцова // КСИА. - 1981.- Вып. 165. – С. 109-115.

Гусенцова, Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: автореф. дис. ...канд. ист. наук/Т.М.Гусенцова. - Л., 1981а. - 19 с.

Гусенцова, Т.М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки/Т.М.Гусенцова // СА. - 1981б. - № 3. – С. 130-147.

Гусенцова, Т.М. Новые поселения эпохи камня в бассейне р. Валы/Т.М.Гусенцова // Приуралье в древности и средние века: сб.ст./ Устинов, 1986. – С. 3-17.

Гусенцова, Т.М. Материалы поселения Кочуровское I/Т.М.Гусенцова // Энеолит лесного Урала и Поволжья: сб.ст./ Ижевск, 1990. – С. 70-81.

Гусенцова, Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья/Т.М.Гусенцова. – Ижевск: Изд-во Удмуртский гос.ун-т. 1993. - 240 с.

Гусенцова, Т.М. Комплекс с накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятки/Т.М.Гусенцова // Тверской археологический сборник. Вып. 4: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2000. – С. 306-310.

Гусенцова, Т.М. Мезолит и ранний неолит правобережья р. Вятки/Т.М.Гусенцова // Российская археология: Достижения XX и

перспективы XXI вв.: сб.ст. к 75-летию В.Ф.Генинга/ «Удмуртский ун-т». - Ижевск, 2000а. – С. 231-236.

Гусенцова, Т.М. Периодизация неолитических памятников бассейна р. Вятки/Т.М.Гусенцова // Хронология неолита Восточной Европы: сб.ст./ СПб., 2000б. – С. 21-23.

Гусенцова, Т.М. Периодизация и хронология неолитических памятников бассейна р. Вятки/Т.М.Гусенцова // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: сб.ст./ СПб., 2004. – С. 291-295.

Гусенцова, Т.М. Особенности неолита бассейна р. Вятки/Т.М.Гусенцова // Влияние природной среды на развитие древних сообществ: сб.ст./ Йошкар-Ола, 2007. – С. 92-99.

Гусенцов, Т.М. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы/Т.М.Гусенцова, Р.Д. Голдина // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья: сб.ст./Ижевск, 1979. – С. 33-100.

Гурина, Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР/Н.Н.Гурина // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита: сб.ст./ Л., 1973. – С. 7-21.

Гурина, Н.Н. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья/Н.Н.Гурина // Памятники древней истории Евразии: сб.ст./ Л., 1975. – С. 84-94.

Даниленко, В.Н. Неолит Украины/В.Н.Даниленко. – Киев: Изд-во «Наукова Думка», 1969. - 260 с.

Даниленко, В.Н. Энеолит Украины/В.Н. Даниленко. – Киев : Изд-во «Наукова Думка» , 1974. - 176 с.

Денисов, В.П. Хуторская неолитическая стоянка/В.П.Денисов // Ученые записки Вып. 1, Т.13: сб. ст./Пермский гос.ун-т. - Пермь, 1960. – С. 34-71.

Денисов, В.П. Кряжская неолитическая стоянка/В.П.Денисов // ОКВАЭ. – 1961. - Вып. 2. – С. 6-21.

Денисов, В.П. Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль с формировании гаринско-борской культуры/В.П.Денисов, А.Ф. Мельничук // Проблемы эпохи неолита и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ин-т. - Оренбург, 1986. – С. 52-53.

Денисов, В.П. Второе жилище Хуторской стоянки/В.П.Денисов, А.Ф.Мельничук // Неолитические памятники Урала: сб.ст./Уральский гос.ун-тет.- Свердловск, 1991. – С. 21-31.

Деревягин, Ю.В. Раскопки и разведки в Саратовской области//АО-1970. – 1971. – С.

Деревягин, Ю.В. Неолитическое поселение Алтата в Саратовской области/Ю.В.Деревягин, В.П. Третьяков //СА. - 1974. - №4. – С. 249-253.

Долуханов, П.М. Неолитизация Европы: хронология и модели/П.М.Долуханов // Неолит и энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: сб.ст./Институт материальной культуры РАН. - СПб., 2003. – С. 193-206.

Долуханов, П.М. К статистике радиоуглеродной хронологии раннего неолита юга Восточной и Центральной Европы/П.М.Долуханов, А. Шукуров, Д. Гроненборн, Г.И. Зайцева, В.И. Тимофеев, Д.Д.Соколов // Археологические записки. Вып. 3: сб.ст./Ростов-на-Дону, 2003. – С. 76-81.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997. – 288 с.

Дрябина, Л.А. Поселение Гилево VIII/ Л.А. Дрябина, С.Ю. Пархимович // Неолитические памятники Урала: сб.ст./Уральский гос. ун-т. - Свердловск, 1991. – С. 100-111.

Дубягин, П.С. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия/П.С.Дубягин, Ф.Д. Чикризов, В.А. Чуринов, И.Б. Васильев, А.А. Выборнов // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1982. – С. 95-134.

Еремин, В.И. Неолитическое поселение Каменка I/В.И.Еремин//Историко-краеведческие записки. Вып. III: сб.ст./Волгоград, 1975. – С. 103-109.

Еремин, В.И. Неолитические стоянки Нижнего Поволжья/В.И.Еремин//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1976. – С. 19-20.

Еремин, В.И. Стоянки предьямного и ямного времени на территории Нижнего Поволжья/В.И.Еремин//Историко-краеведческие записки. Вып. 7: сб.ст./Волгоград, 1977. – С. 53-69.

Еремин, В.И. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области/В.И.Еремин//Неолит и энеолит Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1989. – С. 71-88.

Жилин, М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге/М.Г.Жилин // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1: сб.ст./Областной краеведческий музей. - Иваново, 1994. – С. 19-31.

Жилин, М.Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990-1994 гг./М.Г.Жилин // Тверской археологический сборник. Вып. 2: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 1996. – С. 118-125.

Жилин, М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника/М.Г.Жилин // Древности Залесского края: сб.ст./Сергиев Посад, 1997. – С. 164-196.

Жилин, М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М., 2002. – 246 с.

Жилин, М.Г. Стоянка Берендеево Па/М.Г.Жилин, Д.А. Крайнов // КСИА. – 1982. - Вып. 169. – С. 67-73.

Зайберт, В.Ф. Атбасарская культура/В.Ф.Зайберт. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. - 1992. - 220 с.

Зайновский, Б.В. К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века/Б.В.Зайновский//Труды СУАК. Вып.30: сб.ст./Саратов, 1913. – С. 187-191.

Зайцева, Г.И. Радиоуглеродное датирование керамики памятников неолита Евразии: проблемы и перспективы/И.Г.Зайцева, В.В. Скрипкин, Н.Н. Ковалюх, А.А. Выборнов, П.М. Долуханов, Г. Посснерт // Материалы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале Т.1.: сб.ст./ИА РАН. – 2008. – С. 217-219.

Зайцева, Г.И. Радиоуглеродные даты памятников мезолита – энеолита юга Европейской России и Сибири/Г.И.Зайцева, В.И. Тимофеев // Археология и радиоуглерод. Вып. 2: сб.ст./ Институт материальной культуры. - СПб., 1997. – С. 109-116.

Зайцева, Г.И. Радиоуглеродные датирования в ИИМК РАН: история, состояние, результаты, перспективы/Г.И.Зайцева, В.И.Тимофеев, А.А Семенцов // РА. -1999. - № 3. – С. 44-52.

Зализняк, Л.Л. Финальный палеолит і мезоліт континентальної України/Л.Л.Зализняк // Кам*яна доба України: сб.ст./ Киев, 2005. – С. 120-181.

Зарецкая, Н.Е. Радиоуглеродная хронология начального этапа верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш –2а)/Н.Е.Зарецкая, Е.Л. Костылева // РА. - 2008. - № 1. – С. 5-14.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного – Тоболо-Ишимья: автореф. дис. ... док. ист. наук /В.А.Зах. – Новосибирск, 2006. – 54 с.

Зими́на, М.П. Неолит бассейна р. Мсты/М.П.Зими́на. - М.: Изд-во «Наука». - 1981. - 204 с.

Зырянова, С.Ю. Боборыкинская культура: происхождение и хронология/С.Ю.Зырянова // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: сб.ст./Пермский гос.ун-т. - Пермь, 2003. – С. 47-48.

Иванов, И.В. Изменение климатических условий степной зоны в голоцене/И.В.Иванов//Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ин-т, Оренбург, 1986. – С.20-22.

Иванов, И.В. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене/И.В.Иванов, И.Б. Васильев. - М.: Изд-во «Интеллект» 1995. - 260 с.

Исаенко, В.Ф. Неолит Припятского Полесья/В.Ф.Исаенко. – Минск: Изд-во «Наука и техника». 1976. - 128 с.

Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии/Е.Г.Калечиц. – Минск: Изд-во «Наука и техника». 1987. - 160 с.

Калинина, И.В. Гребенчатая керамика неолитических поселений Прикамья/И.В.Калинина // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1976. – С. 17-18.

Калинина, И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья/И.В.Калинина // Археологический сборник. Вып. 20: сб.ст./ «Искусство». - Л., 1979. – С. 7-27.

Калинина, И.В. Поздненеолитическая керамика I Саузовского поселения/И.В.Калинина // Археологический сборник: сб.ст. вып. 25/ Гос. Эрмитаж. - Л., 1984. – С. 24-30.

Калинина, И.В. О сосуществовании в Прикамье двух неолитических культур/И.В.Калинина // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XLIX: сб.ст./Гос.Эрмитаж. - Л., 1984а. – С. 33-35.

Калинина, И.В. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона: автореф. дис. ... канд. ист. наук/И.В.Калинина. - СПб., 1993. – 23 с.

Калинина, И.В. Веревоочный орнамент в неолите/И.В.Калинина // Тверской археологический сборник. Вып. 4: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2000. – С. 263-268.

Калинина, И.В. Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики (по материалам

неолитических памятников Полуденка I и Хуторская стоянка)/И.В.Калинина, Е.А. Устинова // Археологический сборник. Вып. 29: сб.ст./ Гос. Эрмитажа - Л., 1988. – С. 5-8.

Калинина, И.В. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона/И.В.Калинина, Е.А. Устинова // Археологический сборник. Вып. 30: сб.ст./ Гос. Эрмитажа. - Л., 1990. – С. 7-19.

Каменецкий, И.С. Анализ археологических источников/И.С.Каменецкий, Б.И. Маршак, Я.А.Шер. - М.: Изд-во 1975. - 174 с.

Карманов, В.Н. Неолит Европейского Северо-Востока: автореф. дис. ... канд. ист. наук/В.Н.Карманов. - М., 2004. – 22 с.

Карманов, В.Н. Неолит Европейского Северо-Востока/В.Н.Карманов//: сб.ст./Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар - 2008. – 224 с.

Кернер, В.Ф. Поселение Исетское Правобережное/В.Ф.Кернер // Неолитические памятники Урала: сб.ст./УО АН СССР. – Свердловск, 1991. – С. 46-67.

Клейн, Л.С. Археологическая типология/Л.С.Клейн. - Л. - 1991. - 448 с.

Кияшко, В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.)/В.Я.Кияшко // Донские древности. Вып. 3: сб.ст./Азов, 1994. – 132 с.

Ковалева, В.Т. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды/В.Т.Ковалева, Е.А. Устинова, Л.П. Хлобыстин // Древние поселения Урала и Западной Сибири: сб.ст./УО АН СССР. - Свердловск, 1989. – С. 32-44.

Ковалева, В.Т. Неолит Среднего Зауралья/В.Т.Ковалева. – Свердловск: Изд-во Уральский гос.ун-т. - 1989. - 80 с.

Ковалева, В.Т. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры/В.Т.Ковалева, С.Ю. Зырянова // Вопросы археологии Урала. Вып. 23: сб.ст./Уральский гос. ун-т. - Екатеринбург, 1998. – С. 162-183.

Ковалева, В.Т. Проблемы генезиса и датировки боборыкинской культуры/В.Т.Ковалева, С.Ю. Зырянова // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: сб.ст./Башкирский гос.пед.ун-т. - Уфа, 2007. – С. 137-143.

Ковалева, В.Т. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья/В.Т.Ковалева, С.Ю. Зырянова /Вопросы археологии Урала. Вып.25: сб.ст./Уральский гос.ун-т. - Екатеринбург-Сургут, 2008. – С. 73-113.

Ковалюх, Н.Н. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом/Н.Н.Ковалюх, В.В. Скрипкин // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: сб.ст./ИИМК РАН. - СПб., 2007. – С. 120-126.

Козин, Е.В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия и некоторые вопросы его периодизации/Е.В.Козин // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 1: сб.ст./Кемеровский гос.ун-т. - Кемерово, 1987. – С. 61-63.

Козин, Е.В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия/Е.В.Козин // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи: сб.ст./Воронежский гос. пед.ун-т. - Воронеж, 1989. – С. 36-44.

Козин, Е.В. О культурном своеобразии памятников эпохи неолита Северного Прикаспия/Е.В.Козин // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1990. – С. 24-25.

Козин, Е.В. Хронология памятников неолита Северного Прикаспия/Е.В.Козин // Хронология Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН. - СПб., 2000. – С. 31-33.

Козин, Е.В. Неолит Северного Прикаспия: автореф. канд. дис. ... ист. наук/Е.В.Козин. - Ижевск. 2002. – 27 с.

Козин, Е.В. Модель динамики культурно-демографических процессов в неолите Нижнего Поволжья/Е.В.Козин // Историко-археологические

изыскания. Вып. 6.: сб.ст./Самарский гос.пед.ин-т. – Самара, 2004. – С. 220-229.

Козин, Е.В. Памятники ранненеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков/Е.В.Козин, А.М. Комаров // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1989. – С. 6-17.

Колев, Ю.И. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок/Ю.И.Колев, А.А. Ластовский, А.Е. Мамонов // Древние культуры лесостепного Поволжья: сб.ст./Самарский гос.пед.ин-т. - Самара, 1994. – С. 50-110.

Кольцов, П.М. Результаты археологических разведок 1976-1980 гг. на территории Калмыцкой АССР/П.М.Кольцов//Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков: сб.ст./Калмыцкий НИИ ИФЭ. - Элиста, 1982. – С. 100-107.

Кольцов, П.М. Поселение Джангар в Сарпинской низменности/П.М.Кольцов // Эпоха меди юга Восточной Европы: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1984. – С. 79-91.

Кольцов, П.М. Новые памятники неолита и энеолита Чёрных Земель /П.М.Кольцов //Древности Калмыкии: сб.ст./ Калмыцкий НИИ ИФЭ.- Элиста, 1985. – С. 34-42.

Кольцов, П.М. Неолитическое поселение Джангар/П.М.Кольцов // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст./Оренбургский гос.пед. ин-т. - Оренбург, 1986. – С. 28-30.

Кольцов, П.М. Неолитическое поселение Джангар/П.М.Кольцов // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1988. – С. 52-92.

Кольцов, П.М. Неолит Северо-Западного Прикаспия: автореф. дис. ...канд. ист. наук/П.М. Кольцов. - М., 1988а. - 20 с.

Кольцов, П.М. Ранненеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук в Северо-Западном Прикаспии/П.М.Кольцов // Неолит и энеолит Северного

Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед. ин-т. - Куйбышев, 1989. – С. 89-105.

Кольцов, П.М. Хронология неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия/П.М.Кольцов // Вопросы археологии юга Восточной Европы: сб.ст./Калмыцкий гос.ун-т. - Элиста, 1990. – С. 27-50.

Кольцов, П.М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия/П.М.Кольцов // Вопросы археологии юга Восточной Европы: сб.ст./ Калмыцкий гос.ун-т. - Элиста, 1990а. – С. 62-71.

Кольцов, П.М. Поселение Джангар/П.М.Кольцов// Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия: Изд-во «Новый хронограф». - М., 2004. – 156 с.

Кольцов, П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия/П.М.Кольцов. - М.: Изд-во ГЖО «Воскресенье». - 2005. - 352 с.

Кольцов, П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия: автореф. дис. ... докт. ист. наук/П.М.Кольцов. - Махачкала, 2005а. – 46 с.

Кольцов, П.М. Мезолитическая стоянка Харба на территории Сарпинской низменности/П.М.Кольцов, У.Э. Эрдниев // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа: сб.ст./Орджоникидзе, 1985. – С. 132-139.

Комаров, А.М. Мезолит Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук/А.М.Комаров. - Ижевск, 2000. – 20 с.

Комаров, А.М. Проблема периодизации и хронологии мезолита Северного Прикаспия/А.М.Комаров // Исторические исследования. Вып. 4: сб.ст./Самарский гос.пед.ин-т. - Самара, 2002. – С. 3-10.

Комаров А.М. Культурная специфика Нижне-Волжского региона в эпоху мезолита/А.М.Комаров, А.А. Ластовский //Археология Нижнего Поволжья. Т.1: сб. ст./Волгоград. Гос. ун-т. - 2006. – С. 197-220.

Коробкова Г.Ф. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии/Г.Ф.Коробкова, В.М. Массон // КСИА. – 1978. - Вып. 153. – С . 103-108.

Коробкова, Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан/Г.Ф.Коробкова // Неолит Северной Евразии: сб.ст./ИА РАН. - М., 1996. – С. 87-133.

Королев, А.И. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II/А.И.Королев, А.А. Ластовский, А.Е. Мамонов // Историко-археологические изыскания. Вып. 2: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1997. – С. 3-13.

Косинцев, П.А. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе/П.А.Косинцев, А.И Варов // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1996. – С. 29-31.

Косинская, Л.Л. Неолитическая стоянка Кочмас на Нижней Вычегды/Л.Л.Косинская // Неолитические памятники Урала: сб.ст./УрО АН СССР. - Свердловск, 1991. – С. 4-20.

Косинская, Л.Л. Неолит/Л.Л.Косинская // Археология Республики Коми: сб.ст./ Изд-во «ДиК». - М., 1997. – С. 146-212.

Косинская, Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи/Л.Л.Косинская // Тверской археологический сборник. Вып.5.сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2002. – С. 212-223.

Косинская Л.Л. Проблемы хронологии Западно-Сибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования)/Л.Л.Косинская // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: сб.ст./ИИМК РАН. - СПб., 2004. – С. 301-307.

Косинская, Л.Л. Взгляд археолога на западно-сибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций/Л.Л. Косинская // Тверской археологический сборник. Вып.6: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2006. – С. 19-25.

Косменко, Н.Г. Итоги раскопок Татарско-Азибейской IV стоянки/Н.Г.Косменко // Древности Икско-Бельского междуречья: сб.ст./ИЯЛИ КФ АН СССР. -Казань, 1978. – С. 5-21.

Костылева, Е.Л. Остатки раннеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II/Е.Л.Костылева // КСИА. - 1984. - Вып. 177. – С. 47-52.

Костылева, Е.Л. Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII /Е.Л.Костылева// СА. - 1984а. - № 4. – С. 138-151.

Костылева, Е.Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук/Е.Л.Костылева. - М., 1987. - 24 с.

Костылева, Е.Л. Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья/Е.Л.Костылева // Тверской археологический сборник. Вып. 1: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 1997. – С. 53-57.

Костылева, Е.Л. Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины/Е.Л.Костылева // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН. - СПб., 2003. – С. 213-218.

Костылева, Е.Л. Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья/Е.Л.Костылева, Н.Е. Зарецкая //Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: сб.ст./ИИМ РАН. - СПб., 2004. – С. 52-57.

Котова, Н.С. Неолитизация Украины/Н.С.Котова. - Луганск: Изд-во «Шлях» 2002. - 268 с.

Крайнов, Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма/Д.А.Крайнов // МИА.- 1960. - № 91. – 190 с.

Крайнов, Д.А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья/Д.А.Крайнов // КСИА. - 1978. - Вып. 153. – С. 57-62.

Крайнов, Д.А. Верхневолжская раннеолитическая культура /Д.А.Крайнов, Н.А. Хотинский // СА. - 1977. - № 3. – С. 42-68.

Крижевская, Л.Я. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии//Л.Я. Крижевская // СА. - 1962. - № 2. – С. 97-111.

Крижевская, Л.Я. Неолит Южного Урала/Л.Я.Крижевская. - Л.: Изд-во Наука. - 1968. – 184 с.

Крижевская, Л.Я. К вопросу о неолите северо-восточного Прикаспия/Л.Я.Крижевская // МИА. - 1972. - № 185. – С. 271-279.

Крижевская, Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье/Л.Я.Крижевская. - Л.: Изд-во ЛГУ. – 1977 - 158 с.

Крижевская, Л.Я. Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале: автореф. дис. ... докт. ист. наук/Л.Я.Крижевская. - Новосибирск, 1979. - 33 с.

Крижевская, Л.Я. 40 лет изучения каменного века на Урале /Л.Я.Крижевская// СА. - 1990. - № 2. – С. 5-17.

Крижевская, Л.Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье/Л.Я.Крижевская // Неолит Северной Евразии: сб.ст./ Изд-во Наука.-М., 1996. – С. 243-252.

Крижевская, Л.Я. К вопросу о раннем неолите Урала и его генезисе/Л.Я.Крижевская // Археологические вести. ИИМК - 1999. - № 6. – С. 491-498.

Крижевская, Л.Я. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья/Л.Я.Крижевская, Е.А.Гаджиева//Неолитические памятники Урала/УрО АН СССР. – Свердловск. 1991. – С. 80-99.

Крупнов, Е.И. Археологические работы на Северном Кавказе/Е.И.Крупнов//КСИИМК. - 1949. - Вып. XXVII. – С. 11-20.

Крупнов, Е.И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области/Е.И.Крупнов// КСИИМК. - 1950. - Вып. XXXII. – С. 85-100.

Кузьмина, О.В. Стоянка Красной Городок/О.В.Кузьмина, А.А. Ластовский // Древние культуры лесостепного Поволжья: сб.ст./Самарский гос.пед.ин-т. - Самара, 1994. – С. 25-50.

Лаврушин, Ю.А. Результаты палеогеоморфологических исследований на стоянках неолита-бронзы в бассейне р.Самары/Ю.А.Лаврушин, Е.А.Спиридонова//Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ин-т, Оренбург, 1995. – С. 177-200.

Лаврушин, Ю.А. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет/Ю.А.Лаврушин, Е.А. Спиридонова, Л.Д. Сулержицкий // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб.ст./Самарский гос.пед. ун-т. - Самара, 1998. – С. 40-65.

Ластовский, А.А. Памятники с микролитическим инвентарем низовьев р.Малый Узень/А.А.Ластовский, А.М.Комаров //Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Самара, 1988. – С. 42-51.

Ластовский, А.А. Проблемы изучения средневожского мезолита/А.А.Ластовский//Древности Восточно-Европейской лесостепи: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1991. – С. 23-42.

Ластовский, А.А. Мезолит/А.А.Ластовский // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: сб.ст./СНЦ РАН. - Самара, 2000. – С. 81-140.

Ластовский, А.А. Заключение/А.А.Ластовский // Археология Нижнего Поволжья. Т.1: сб.ст./Волгоград.гос.ун-т. - Волгоград, 2006. – С. 245-246.

Ластовский, А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа/А.А.Ластовский // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2006а. – С. 107-112.

Левковская, Г.М. Заключение по результатам спорово-пыльцевого анализа образцов из разрезов стоянок Ивановского микрорайона на р.Ток/Г.М.Левковская// Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ин-т, Оренбург, 1995. – С. 173-176.

Логвин, В.Н. Боборыкинская культура: неолит или энеолит?/В.Н.Логвин// XV Уральское археологическое совещание: сб.ст./Оренбургский гос. пед.ун-т. – Оренбург, 2001. – С. 48-49.

Лозовский, В.М. Переход от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье по материалам стоянки Замостье-2: автореф. дис. ... канд. ист. наук/В.М.Лозовский. - СПб., 2003. – 22 с.

Лозовский, В.М. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2)/В.М.Лозовский // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: сб.ст./ИИМК.- СПб., 2003а. – С. 219-240.

Лычагина, Е.Л. Взаимоотношения пришлого и местного населения в эпоху неолита/Е.Л.Лычагина // XIV Уральское археологическое совещание: сб.ст./Челябинский гос.ун-т. – Челябинск, 1999. – С. 30-31.

Лычагина, Е.Л. Поздний неолит Среднего Предуралья/Е.Л.Лычагина // Российская археология: достижения XX в и перспективы XXI вв.: сб.ст./Удмуртский гос.ун-т.- Ижевск, 2000. – С. 236-240.

Лычагина, Е.Л. Некоторые итоги изучения позднего неолита Пермского Предуралья /Е.Л.Лычагина.//XV Уральское археологическое совещание: сб.ст.: Оренбург. гос.пед.ун-т.– Оренбург. 2001. – С. 48-49.

Лычагина, Е.Л. Взаимодействие разнокультурных групп населения в эпоху неолита/Е.Л.Лычагина // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: сб.ст./Удмуртский гос.ун-т. - Ижевск, 2002. – С. 7-79.

Лычагина, Е.Л. Взаимосвязи населения Среднего Предуралья и обитателями Средней Волги в эпоху неолита/Е.Л.Лычагина // Проблемы древней и средневековой истории Поволжья: сб.ст./Казанский гос.ун-т. - Казань, 2003. – С. 36-39.

Лычагина, Е.Л. Поздний неолит Пермского Предуралья (к вопросу о соотношении памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой): автореф. дис. ... канд. ист. наук/Е.Л.Лычагина. - Казань, 2004. - 24 с.

Лычагина, Е.Л. Новые исследования поселения Чашкинское озеро VI в Пермском Предуралье/Е.Л.Лычагина // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2006. – С. 126-134.

Лычагина, Е.Л. Комплекс керамики с тальком поселения Чернушка/Е.Л.Лычагина // Оборинские чтения. Вып. 4: сб.ст./Пермский гос.ун-т. - Пермь, 2006а. – С. 25-28.

Лычагина, Е.Л. Каменный инвентарь памятников с накольчатой керамикой в Пермском Предуралье/Е.Л.Лычагина // Тверской археологический сборник. Вып. 6: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2006б. – С. 279-286.

Лычагина, Е.Л. Проблемы периодизации и хронологии неолита Пермского Предуралья/Е.Л.Лычагина // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 1: сб.ст./Пермский гос.пед.ун-т. - Пермь, 2006в. – С. 11-24.

Лычагина, Е.Л. О связях «леса» и «лесостепи» в эпоху неолита/Е.Л.Лычагина // Пятые Берсовские чтения: сб.ст./Уральский го.ун-т. - Екатеринбург, 2006г. – С. 121-124.

Лычагина, Е.Л. Общая характеристика керамики Хуторской стоянки (по материалам раскопок 2006 г.)/Е.Л.лычагина // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: сб.ст./Башкирский гос.пед.ун-т. - Уфа, 2007. – С. 149-156.

Лычагина, Е.Л. Неолитические комплексы поселения Чашкинское озеро VI/Е.Л.Лычагина // МарНИИ ЯЛИ. - Йошкар-Ола, 2007а. – С. 105-115.

Лычагина, Е.Л. Хронология неолита Среднего Предуралья/Е.Л.Лычагина // XVII Уральское археологическое совещание: сб.ст./Уральский гос. ун-т. - Екатеринбург-Сургут, 2007б. – С. 104-105.

Лычагина, Е.Л. Неолит Пермского Предуралья. Итоги исследований/Е.Л.Лычагина // Человек, адаптация, культура: сб.ст./ИА РАН. - М., 2008. – С. 344-352.

Мамонов, А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья /А.Е.Мамонов // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР: сб.ст./УдНИИ ИЯЛ УрО АН СССР - Ижевск, 1988. – С. 92-105.

Мамонов, А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV /А.Е.Мамонов// Древние культуры лесостепного Поволжья: сб.ст./Самарский гос.пед.ин-т. - Самара, 1994. – С. 3-25.

Мамонов, А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов/А.Е.Мамонов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1999. – С. 15-43.

Мамонов, А.Е. Елшанская культура/А.Е.Мамонов // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век: сб.ст./Самарский...Самара, 2000. – С. 147-176.

Мамонов, А.Е. Хронологический аспект изучения елшанской культуры/А.Е.Мамонов // Хронология неолита Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН. - СПб., 2000а. – С. 50-52.

Мамонов, А.Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2002. – С. 148-162.

Мамонов, А.Е. Природная среда в раннем неолите Самарского Заволжья и Оренбургского Приуралья и адаптационный аспект изучения елшанской культуры А.Е.Мамонов// Археологическое изучение центральной России: сб.ст./Липецкий гос. пед.ун-т. - Липецк, 2006. – С. 93-95.

Мамонов, А.Е. Елшанская культура: проблемы изучения и хронологический аспект/А.Е.Мамонов // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии: сб.ст./СНЦ РАН. - Самара, 2006а. – С. 269-276.

Мамонов, А.Е. Об «елшанских» комплексах за пределами ареала елшанской культуры/А.Е.Мамонов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2007. – С. 71-75.

- Мамонтов, В.И.* Поздненеолитическая стоянка Орловка/В.И.Мамонтов // СА. -1974. - № 4. – С. 254-258.
- Манько, В.О.* Неоліт південно-східної України/В.О.Манько. – Київ: Изд-во... 2006. – 280 с.
- Маркевич, В.И.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии/В.И.Маркевич: Изд-во Штиница. – Кишинёв. 1974. – 176 с.
- Массон, В.М.* К вопросу о мезолите Передней Азии/В.М.Массон // У истоков древних культур. – МИА. - № 126. - 1966. – С. 68-76.
- Матвеева, Г.И.* Стоянка Какрыбаш в Приуралье/Г.И.Матвеева // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1982. – С. 64-70.
- Матюшин, Г.Н.* Мезолит и неолит Башкирии: автореф. дис. ... канд. ист. наук/Г.Н.Матюшин. - М., 1964. – 24 с.
- Матюшин, Г.Н.* О нижневолжских «микролитах»/Г.Н.Матюшин// СА. – 1968.- № 2. – С. 237-241.
- Матюшин, Г.Н.* Памятники каменного века в низовьях р. Белой/Г.Н.Матюшин // ОНКАЭ. - 1972. - Вып. 1. – С. 57-76.
- Матюшин, Г.Н.* Ранненеолитическая стоянка Карабалыкты VIII (Урта-тюбе) на Урале /Г.Н.Матюшин// КСИА. - 1973. - Вып. 137. – С. 96-103.
- Матюшин, Г.Н.* О наконечниках кельтеминарского типа на Урале/Г.Н.Матюшин // Памятники древнейшей истории Евразии: сб.ст./Изд-во Знание, М., 1975. – С. 143-151.
- Матюшин, Г.Н.* Мезолит Южного Урала/Г.Н.Матюшин. - М.: Изд-во Наука, 1976. - 368 с.
- Матюшин, Г.Н.* Энеолит Южного Урала/Г.Н.Матюшин. - М.: Изд-во Наука, 1982. – 328 с.
- Матюшин, Г.Н.* Новые материалы по неолиту и энеолиту Волжско-Уральского региона/Г.Н.Матюшин, Р.С. Габяшев, В.С. Горбунов, М.Ф. Обыденнов // КСИА.- 1982. - Вып. 169. – С. 86-94.

Матюшин, Г.Н. Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века /Г.Н.Матюшин// Природа и человек: сб.ст./ Изд-во Наука. М., 1988. – С. 21-37.

Матюшин, Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье/Г.Н.Матюшин. - М., 1996. – 302 с.

Матюшин, Г.Н. Радиоуглеродная хронология и периодизация мезолита и более молодых культур Предуралья, Южного Урала и Нижнего Прикамья/Г.Н.Матюшин, В.К. Немкова, В.Л Яхимович // Актуальные вопросы современной геохронологии: сб.ст./ М., 1976. – С. 88-100.

Мелентьев, А.Н. Разведки в Волго-Уральском междуречье/А.Н.Мелентьев//АО-1967. - 1968. - С.112.

Мелентьев, А.Н. Работы Астраханской экспедиции/А.Н.Мелентьев//АО-1968 – 1969. М., – С. 147-149.

Мелентьев, А.Н. Работы в Северном Прикаспии/А.Н.Мелентьев//АО-1969 – 1970. М., – С. 125.

Мелентьев, А.Н. Разведка памятников древности в Западном Казахстане/А.Н.Мелентьев//Поиски и раскопки в Казахстане: сб.ст./Алма-Ата, 1972. - С. 114.

Мелентьев, А.Н. Новые памятники Северного Прикаспия/А.Н.Мелентьев //АО -1972. -1973: Изд-во Наука. М., – С. 181.

Мелентьев, А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия)/А.Н.Мелентьев // КСИА. - 1975. - Вып. 141. – С. 112-117.

Мелентьев, А.Н. К вопросу о времени и генезисе раннего неолита Северного Прикаспия/А.Н.Мелентьев // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1976. – С. 11-13.

Мелентьев, А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа)/А.Н.Мелентьев//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1976. – С. 13-14.

Мелентьев, А.Н. О датировке позднечетвертичных колебаний уровня Каспийского моря по археологическим материалам из Северного Прикаспия/А.Н.Мелентьев//Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб.ст./М., 1977. – С. 18-20.

Мелентьев, А.Н. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия/А.Н.Мелентьев // КСИА. - 1978. - Вып. 153. – С. 99-103.

Мелентьев, А.Н. О возникновении скотоводства в Евразийских степях/А.Н.Мелентьев//Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ин-т. - Оренбург, 1980. – С. 12.

Мелентьев, А.Н. К вопросу датировки позднечетвертичных колебаний уровня Каспийского моря и реконструкции природной среды по археологическим материалам/А.Н.Мелентьев//Природа и человек: сб.ст./Изд-во Наука. М., 1988. – С. 38-42.

Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия//Мезолит СССР. М., 1989. – С. 104-105.

Мельничук, А.Ф. Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI/А.Ф.Мельничук, Л.В. Пономарева // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья: сб.ст./Уд.НИИ. - Ижевск, 1984. – С. 44-57.

Мельничук, А.Ф. Культурные взаимоотношения населения таежных районов Верхнего Прикамья с племенами южных районов Поволжья и Урала в эпоху неолита/А.Ф.Мельничук, Е.Л. Лычагина // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: сб.ст./ Пермский гос.ун-т. - Березники, 1997. – С. 138-141.

Мельничук, А.Ф. Поздний мезолит Среднего Приуралья и проблема происхождения камской неолитической культуры/А.Ф.Мельничук // XV Уральское археологическое совещание: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2001. – С. 50-51.

Мельничук, А.Ф. Новые позднемезолитические и раннеэнеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье/А.Ф.Мельничук, Г.А. Бординский, В.П. Мокрушин, М.И. Дегтярева, Е.Л. Лычагина // Археология и этнография Среднего Приуралья: сб.ст./ Пермский гос.ун-т. - Березники, 2001. – С. 142-161.

Мельничук, А.Ф. Стоянка Усть-Залазнушка II – новый памятник хуторского типа в камском неолите/А.Ф.Мельничук, С.В. Скорнякова, Э.В. Чурилов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2006. – С. 120-125.

Минаева, Т.Н. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья/Т.Н.Минаева//ТНВОНОК. Вып.36. ч.1: сб.ст./Саратов, 1929. – С. 3-32.

Минаева, Т.Н. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях/Т.Н.Минаева// КСИИМК. – 1955. - Вып.59. – С. 43-56.

Мокрушин, В.П. Новые исследования поселения Чернушка/В.П.Мокрушин, Е.Л. Лычагина // ТКАЭЭ. Вып. III: сб.ст./Пермский гос.пед. ун-т. - Пермь, 2003. – С. 31-39.

Моргунова, Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита и энеолита в Оренбургской области/Н.Л.Моргунова // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ун-т. – Оренбург, 1980. – С. 7-8.

Моргунова, Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области/Н.Л.Моргунова // Энеолит Восточной Европы: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1980а. – С. 104-124.

Моргунова, Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук/Н.Л.Моргунова. - М., 1984. – 21 с.

Моргунова, Н.Л. Ивановская стоянка в Оренбургской области/Н.Л.Моргунова // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1988. – С. 106-122.

Моргунова, Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья/Н.Л.Моргунова. – Оренбург: Изд-во Оренбургский гос. пед.ун-т. - 1995. – 222 с.

Моргунова, Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита-энеолита-ранней бронзы: автореф. дис.... докт. ист. наук/Н.Л.Моргунова.- М., 1997. – 32 с.

Моргунова, Н.Л. Этнокультурная ситуация в Волго-Уральском междуречье в эпохи неолита и энеолита/Н.Л.Моргунова // XIV археологическое совещание: сб.ст./Челябинский гос. ун-т. - Челябинск, 1999. – С. 32-34

Моргунова, Н.Л. К проблеме хронологии волго-уральской культуры/Н.Л.Моргунова // Хронология неолита Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН. - СПб., 2000. – С. 55-56

Моргунова, Н.Л. Проблемы изучения эпохи неолита Волго-Уральского междуречья/Н.Л.Моргунова // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: сб.ст./ИПОС СО РАН. - Тюмень, 2001. – С. 92-100.

Моргунова, Н.Л. К проблеме определения культурной принадлежности и хронологии неолитических памятников Самарского Поволжья и Южного Приуралья/Н.Л.Моргунова // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: сб.ст. / ИИМК. - СПб., 2004. – С. 214-226.

Морозов, Ю.А. Энеолитические памятники Приуралья/Ю.А.Морозов // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1982. – С. 71-82.

Морозов, Ю.А. Неолитические памятники в низовье р. Белая/Ю.А.Морозов, Б.Г. Тихонов // КСИА. - 1984. - Вып. 177. – С. 75-80.

Мосин, В.С. Мезолит – энеолит Южного Зауралья: автореф. дис. ... докт. ист. наук/В.С.Мосин. - Новосибирск, 2005. – 55 с.

Мызников, С.А. Неолитическая керамика Соснового острова/С.А.Мызников // XV Уральское археологическое совещание: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2001. – С. 51-52.

Наговицин, Л.А. Исследования в бассейне р. Вятки/Л.А.Наговицин // АО – 1981. - 1983. – С. 166-167.

Наговицин, Л.А. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья/Л.А.Наговицин // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР: сб.ст./УдНИИ ИЯЛ УрО АССР. - Ижевск, 1988. – С. 67-77.

Наумов, И.Н. Неолитическая стоянки Лагутинская на р.Чир/И.Н.Наумов//Древности Волго-Донских степей. Вып.1: сб.ст./Волгоград.гос. пед.ин-т. - Волгоград, 1990. – С. 30-34.

Наумов, И.Н. Поселение позднего неолита-энеолита на р.Бузулук/И.Н.Наумов//Древности Волго-Донских степей. Вып.2: сб.ст./Волгоград.обл.краеведческий музей. - Волгоград, 1992. – С. 70-78.

Наумов, И.Н. К вопросу о становлении неолита Нижнего Поволжья/И.Н.Наумов // История России: на перекрестке мнений: сб.ст./Волгоград. гос. пед. ун-т. - Волгоград, 1997. – С. 90-92.

Наумов, И.Н. Проблемы хронологии и периодизации неолитических и энеолитических памятников Волго-Донского района // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1: сб.ст./ Волгоград. гос. ун-т. - Волгоград, 1998. – С. 9-16.

Наумов, И.Н. Происхождение древнейшей керамики Нижнего Поволжья/И.Н.Наумов // Вопросы краеведения. Вып. 4-5: сб.ст./ Волгоград.обл.краеведческий музей. Волгоград, 1998а. – С. 10-12.

Наумов, И.Н. Время и факторы появления и распространения прочерченной и накольчатой керамики в Нижнем Поволжье/И.Н.Наумов // Вопросы краеведения. Вып. 8: сб.ст./ Волгоград.обл.краеведческий музей. - Волгоград, 2003. – С. 15-20.

Наумов, И.Н. Факторы сложения предмариупольской культурно-хозяйственной общности в Поволжско-Донских степях/И.Н.Наумов. Археологические записки. Вып.3. сб.ст./Донское археологическое общество. Ростов-на-Дону. 2003. – С. 83-89.

Наумов, И.Н. Неолит Поволжско-Донских степей (проблемы хронологии, периодизации и культурно-хозяйственного развития): автореф. дис.... канд. ист. наук/И.Н.Наумов. - Воронеж, 2004. – 24 с.

Немкова, В.К. Стратиграфия позднее- и послеледниковых отложений Предуралья/В.К.Немкова//К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья: сб.ст./Башкир.филиал АН СССР. Уфа, 1978. – С.4-45.

Никитин, В.В. Новые материалы к изучению эпохи камня в Марийском Поволжье /В.В.Никитин// АЭМК. - 1984. - Вып. 7. – С. 48-66.

Никитин, В.В. Накольчатая керамика на севере Средней Волги/В.В.Никитин // АЭМК. - 1985. - Вып. 9. – С. 57-88.

Никитин, В.В. Эпоха камня в Марийском Поволжье/В.В.Никитин // Древности Волго-Вятского междуречья: сб.ст./МарНИИ. - Йошкар-Ола, 1987. – С. 50-71.

Никитин, В.В. Культура позднемезолитического населения левобережья Средней Волги/В.В.Никитин // Археологические работы в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК, вып. 15. 1989. – С. 7-40.

Никитин, В.В. Этнокультурная ситуация в конце неолита и энеолита на левобережье Средней Волги/В.В.Никитин // Вопросы археологии Урала. Вып. 21: сб.ст./Уральский гос.ун-т, Екатеринбург, 1993. – С. 76-83.

Никитин, В.В. Каменный век Марийского края/В.В.Никитин. - Йошкар-Ола: Изд-во , 1996. – 179 с.

Никитин, В.В. Мезолит и неолит лесной полосы Среднего Поволжья: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук/В.В.Никитин. - М., 1997. - 40 с.

Никитин, В.В. Неолитические культуры лесной полосы Средней Волги в системе неолита Урала и Поволжья/В.В.Никитин // XV Уральское археологическое совещание: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2001. – С. 53-54.

Никитин, В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 5: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2002. – С. 293-303.

Никитин, В.В. Ранний неолит Волго-Камья /В.В.Никитин// Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: сб.ст./Удмуртский гос.ун-т. - Ижевск, 2002а. – С. 181-186.

Никитин, В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья)/В.В.Никитин // Тверской археологический сборник. Вып. 6: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2006. – С. 254-259.

Никитин, В.В. Общие черты и специфические элементы раннеолитической посуды лесного Поволжья, степных и лесостепных районов Волго-Донского междуречья/В.В.Никитин // Археологическое изучение Центральной России: сб.ст./Липецкий гос.пед.ун-т, Липецк, 2006а. – С. 97-102.

Никитин, В.В. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности)/В.В.Никитин // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том I: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь. 2006б. – С. 224-232.

Никитин, В.В. Проблемные вопросы неолитизации Волжского бассейна/В.В.Никитин // Человек, адаптация, культура: сб.ст./ИА РАН. М., 2008. – С. 307-313.

Никитин, В.В. К вопросу о культурной атрибуции верхневолжской и волго-камской раннеолитических культур/В.В.Никитин // Тверской археологический сборник. Вып. 7: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2009. – С. 179-186.

Никитин, В.В. Охранные раскопки стоянки Сутырская I/В.В.Никитин, А.В. Вискалин, В.В. Ставицкий // Тверской археологический сборник. Вып. 5: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2002. – С. 313-316.

Николаев, В.В. Сутырское VII поселение/В.В.Николаев // Влияние природной среды на развитие древних обществ: сб.ст./МарНИИ ЯЛИ. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 116-129.

Окладников, А.П. Пещера Джебел – памятник древней истории культуры прикаспийских племен Южной Туркмении/А.П.Окладников // Труды ЮТАКЭ. Т. 2: сб.ст./Ашхабад, 1956. – С. 11-219.

Ошибкина, С.В. Понятие о неолите /С.В.Ошибкина// Неолит Северной Евразии: сб.ст./Изд-во Наука, М., 1996. – С. 6-9.

Ошибкина, С.В. Проблемы изучения раннего неолита лесной зоны Евразии/С.В.Ошибкина // Древности Подвинья: исторический аспект: сб.ст./Изд-во Гос.Эрмитажа, СПб., 2003. – С. 48-53.

Ошибкина, С.В. К вопросу о раннем неолите на северо-востоке Европы/С.В.Ошибкина // Неолит - энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: сб.ст./ИИМК, СПб, 2003а. – С. 241-254.

Ошибкина, С.В. О раннем неолите в лесной зоне/С.В.Ошибкина // Тверской археологический сборник. Вып. 6: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2006. – С. 248-253.

Ощепков, А.А. Опыт технико-технологического анализа неолитической керамики (по материалам поселения Чашкинское озеро VIII)/А.А.Ощепков // Обороинские чтения. Вып. 4: сб.ст./Пермский гос.ун-т, Пермь, 2006. – С. 28-32.

Петренко, А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археологическим материалам)/А.Г.Петренко. – Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2007. – 144 с.

Праслов, Н.Д. Памятники каменного века Южных Ергеней/Н.Д.Праслов//КСИА. – 1971. - Вып.126. – С. 102-107.

Прокошев, Н.А. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья/Н.А.Прокошев // МИА. - 1940. - № 1. – С. 11-28.

Рыков, П.С. Отчет об археологических работах произведенных в Нижнем Поволжье в 1929г./П.С.Рыков//Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т.IV: сб.ст./ Саратов, 1931. – С. 53-59.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы/К.В.Сальников//АЭБ. Т.I: сб.ст./Уфа, 1962. – С. 16-58.

Сериков, Ю.Б. Уральские Зори – однослойный неолитический памятник нового типа/Ю.Б.Сериков // Неолитические памятники Урала: сб.ст./УрО АН СССР, Свердловск, 1991. – С. 32-45.

Сериков, Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья/Ю.Б.Сериков. - Нижний Тагил: Изд-во НТГПИ, 2000. – 430 с.

Сидоров, В.В. География неолита Подмосковья/В.В.Сидоров // Памятники древнейшей истории Евразии: сб.ст./Изд-во Наука, М., 1975. – С. 94-101.

Сидоров, В.В. Многослойные стоянки Верхнего Поволжья/В.В.Сидоров. - М.: Изд-во ИА РАН, 1992. – 156 с.

Сидоров, В.В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы/В.В.Сидоров // Тверской археологический сборник. Вып. 3: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 1998. – С. 64-74.

Сидоров, В.В. Понятие технокомплекса как инструмент исследования археологических культур/В.В.Сидоров // Тверской археологический сборник. Вып. 4: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь. 2000. – С. 7-10.

Синицын, И.В. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области/И.В.Синицын//Известия Нижне-Волжского института краеведения.Т.4 : сб.ст./ Саратов, 1931. – С. 81-96.

Синицын, И.В. Изучение родового общества бронзовой эпохи на территории Нижнего Поволжья/И.В.Синицын//Научная конференция, 1946 г. СГУ. Серия историко-филологическая: сб.ст./Саратовский гос.ун-т, Саратов, 1947. – С. 23-34.

Синицын, И.В. Археологические памятники по р.Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан)/И.В.Синицын// КСИИМК. – 1950. – XXXII. – С. 101-112.

Синицын, И.В. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия/И.В.Синицын//Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 3: сб.ст./Саратов, 1960. – С. 133-152.

Синицына, Г.В. К вопросу о раннем неолите Северной Евразии/Г.А.Синицына // Неолит- энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН, СПб., 2003. – С. 255-259.

Синюк, А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита/А.Т.Синюк.- Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – 180 с.

Синюк, А.Т. О связях населения лесостепного Дона, Поволжья и Прикаспия в мезолите – бронзовом веке/А.Т.Синюк//Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев. – 1988. – С. 189-204.

Синюк, А.Т. Проблемы хронологии неолита Среднего Дона/А.Т.Синюк // Хронология неолита Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН, СПб., 2000. – С. 71-72.

Синюк, А.Т. Проблемы хронологии неолита лесостепного Подонья/А.Т.Синюк // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: сб.ст./ИИМК РАН, СПб., 2004. – С. 195-207.

Синюк, А. Т. К истории изучения культурной принадлежности, периодизации и хронологии неолитических памятников лесостепного Подонья/А.Т.Синюк,

С.Н. Гапочка // Археологические памятники Восточной Европы: сб.ст./Воронежский гос.пед.ун-т, Воронеж, 2005. – С. 40-51.

Синюк, А.Т. Древнее поселение Липецкое озеро/А.Т.Синюк, А.Ю. Клоков. – Липецк: ГУП «Липецкое издательство», 2000. – 160 с.

Смирнов, А.С. О раннем неолите Верхнего Поднепровья/А.С.Смирнов // СА. - 1986. - № 1. – С. 29-40.

Смирнов, А.С. Памятники с накольчатой и гребенчатой орнаментацией керамики в неолите Подесенья/А.С.Смирнов // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР: сб.ст./УдНИИ УрО АН СССР, Ижевск, 1988. – С. 32-41.

Смирнов, А.С. Неолит Верхней и Средней Десны/А.С.Смирнов. - М.: Изд-во ИА АН СССР, 1991. – 144 с.

Смирнов, А.С. Фактологическая основа археологического исследования (на примере верхневолжской ранненеолитической культуры)/А.С.Смирнов // РА. -2004. - № 2. – С. 96-114.

Смольянинов, Р.В. Нові ранньонеолітичні матеріали з накольчастуою керамікою на Верхньому Дону/Р.В.Смольянинов // Кам*яна доба України. Вип.7: сб.ст./Изд-во Шлях, Киев, 2005. – С. 133-143.

Смольянинов, Р.В. Неолитические материалы с поселения Карамышево 9 на Верхнем Дону/Р.В.Смольянинов // Тверской археологический сборник. Вып. 6: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2006. – С. 272-278.

Смольянинов, Р.В. Неолит Верхнего Дона/Р.В.Смольянинов // Актуальные проблемы истории, археологи, этнографии: сб.ст./СНЦ РАН, Самара, 2006. – С. 287-293.

Смольянинов, Р.В. Памятники елшанской культуры на Верхнем Дону/Р.В.Смольянинов // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.2. Т.1.: сб.ст./Пензенский гос.пед.ун-т - Пенза, 2008. – С. 89-95.

Смольянинов, Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона: автореф. дис. канд. ист. наук/Р.В.Смольянинов – Санкт-Петербург. 2009. - 29 с.

- Сорокин, А.Н.* Поздние памятники бутовской культуры и проблема генезиса раннего неолита Волго-Окского междуречья // Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского междуречья. М., 1991. – 74 с.
- Сорокин, А.Н.* Мезолит Жиздринского полесья/А.Н.Сорокин. - М.: Изд-во ИА РАН, 2002. – 252 с.
- Сорокин, А.Н.* К проблеме финального палеолита Центральной России/А.Н.Сорокин // РА. - 2006. - № 2. – С. 91-98.
- Сорокин, А.Н.* Мезолитоведение Поочья/А.Н.Сорокин. - М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – 328 с.
- Спиридонова, Е.А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене/Е.А.Спиридонова // Изд-во Наука, М., - 1991. – 222 с.
- Спиридонова, Е.А.* Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа/Е.А.Спиридонова, А.С. Алешинская // Российская археология. - 1999. - № 1. – С. 23-33.
- Спицин, А.А.* Стоянка каменного века близ г.Балахны /А.А.Спицин, В.И. Каменский // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1: сб.ст./ СПб., 1905. – С. 1-72.
- Ставицкий, В.В.* Новые раскопки поселения Имерка VII/В.В.Ставицкий // Историко-археологические изыскания. Вып. 1: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1996. – С.92-113.
- Ставицкий, В.В.* Поселения Верхнего Посурья с гребенчато-накольчатой керамикой/В.В.Ставицкий // Историко-археологические изыскания. Вып. 2: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1997. – С. 13-26.
- Ставицкий, В. В.* Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья/В.В.Ставицкий. – Пенза, 1999. – 196 с.
- Ставицкий, В.В.* «Неолитическая революция» в лесной зоны Восточной Европы/В.В.Ставицкий // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: сб.ст./Пермский гос.ун-т, Пермь, 2003. – С. 62-63.

Ставицкий, В.В. Актуальные проблемы изучения первобытной археологии Поволжья/В.В.Ставицкий // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции: сб.ст./Пензен. гос.пед.ун-т, Пенза, 2004. – С. 16-62.

Ставицкий, В.В. Дискуссионные вопросы изучения Нижневолжского неолита/В.В.Ставицкий // Историко-археологические изыскания. Вып. 6: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2004а. – С. 205-218.

Ставицкий, В.В. Хронология Сурско-Мокшанского неолита/В.В.Ставицкий // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: сб.ст./ИИМК РАН, СПб, 2004б. – С. 227-240.

Ставицкий, В.В. Проблема неолитизации Волго-Донской лесостепи/В.В.Ставицкий // Новые гуманитарные исследования: сб.ст./СНЦ РАН, Самара, 2005. – С. 145-151.

Ставицкий, В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне: автореф. дис. докт. ист. наук/В.В.Ставицкий. - Ижевск. 2006. – 46 с.

Ставицкий, В.В. Динамика взаимодействия культур севера и юга в неолите – раннем энеолите на территории лесостепной зоны/В.В.Ставицкий // Археологические изучения Центральной России: сб.ст./Липецкий гос. пед. ун-т, Липецк, 2006а. – С. 105-109.

Ставицкий, В.В. Неолитическая тематика на конференции «Археологическое изучение Центральной России»/В.В.Ставицкий // Пензенский археологический сборник. Вып. 1: сб.ст./Пензенский гос.пед.ун-т. Пенза, 2007. – С.334-341.

Ставицкий, В.В. Неолит // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы: сб.ст./ НИИ гуманитарных наук ПР Мордовии, Саранск, 2008. – С. 78-106.

Ставицкий, В.В. О некоторых дискуссионных проблемах изучения Похоперского неолита/В.В.Ставицкий//Археология Восточно-Европейской

лесостепи. Вып.2.Т.1.: сб.ст./Пензенский гос.пед.ун-т. Пенза, 2008а. - С.113-121.

Ставицкий, В.В. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья/В.В.Ставицкий, А.А. Хреков. – Саратов: Изд-во....., 2003. – 168 с.

Старков, В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья/В.Ф.Старков. - М.: Изд-во Наука, М., 1980. – 220 с.

Стефанов, В.И. Неолитическое поселение Дуванское V/В.И.Стефанов // Неолитические памятники Урала: сб.ст./ УрО АН СССР, Свердловск, 1991. – С. 144-160.

Стоколос, В.С. Старо-Нагаевский могильник/В.С.Стоколос // Эпоха меди юга Восточной Европы: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. – Куйбышев, 1984. – С. 22-42.

Стоколос, В.С. Культура эпохи раннего металла северного Приуралья/В.С.Стоколос. - М.: Изд-во Наука, 1988. – 256 с.

Сурков, А.В. Неолитическая стоянка Плаутино 1 в лесостепном Похоперье/А.В.Сурков // Археологические памятники бассейна Дона: сб.ст./Воронежский гос. пед.ун-т, Воронеж, 2004. – С. 35-46.

Сурков, А. В. Неолитические памятники Среднего Похоперья/А.В.Сурков. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2007. – 122 с.

Телегин, Д.Я. Дніпро-донецька культура/Д.Я. Телегин. – Київ: Изд-во Наукова Думка, 1968. – 258 с.

Телегин, Д.Я. Про неолитические памятники Подонья и степного Поволжья/Д.Я.Телегин // Археология. Вып. 36: сб.ст./Наукова Думка, Киев, 1981. – С. 3-19.

Телегин, Д.Я. Неолит Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья/Д.Я.Телегин // Неолит Северной Евразии: сб.ст./Изд-во Наука, М., 1996. – С. 65-72.

Телегин, Д.Я. О хронологии и периодизации культур неолита и медного века юго-запада Восточной Европы. Понятия о неолитическом времени региона/Д.Я.Телегин // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: сб.ст./ИИМК РАН, СПб., 2004. – С. 106-121.

Телегин, Д.Я. Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита/Д.Я.Телегин, Е.Н. Титова. - Киев: Изд-во Наукова Думка, 1998. – 143 с.

Тимофеев, В.И. Проблемы абсолютной хронологии/В.И.Тимофеев // Неолит Северной Евразии: сб.ст./Изд-во Наука, М., 1996. – С. 330-348.

Тимофеев, В.И. Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения валдайской неолитической культуры/В.И.Тимофеев // Каменный век Верхневолжского района. Вып. 2: сб.ст./ ИИМК РАН, СПб., 1997. – С. 107-168.

Тимофеев, В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы/В.И.Тимофеев // Тверской археологический сборник. Вып. 5: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2002. – С. 209-214.

Тимофеев, В.И. К проблеме распространения древнейшей керамики на севере лесной полосы Восточной Европы/В.И.Тимофеев // Невский археолого-историографический сборник: сб.ст./СПб., 2004. – С. 302-314.

Тимофеев, В.И. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны европейской части России и Сибири/В.И.Тимофеев, Г.И. Зайцева // Радиоуглерод и археология. Вып. 2: сб.ст./Изд-во Теза, СПб., 1997. – С. 93-108.

Тимофеев, В.И. К проблеме датировки начала неолита в Восточной Европе/В.И.Тимофеев, Г.И. Зайцева // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: сб.ст./ИИМК РАН, СПб, 2004. – С. 38-51.

Тимофеев, В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии: Изд-во ИИМК РАН, СПб., 2004.– 158 с.

Титов, В.С. Археология Венгрии. Каменный век/В.С.Титов. - М.: Изд-во Наука, 1980. – 420 с.

Титова, Е.Н. Неолит Среднего Поднепровья: автореф. дис. ... канд. ист. наук/Е.Н.Титова. - Киев, 1985. – 18 с.

Титова, Е.Н. Хронология киево-черкасской неолитической культуры/Е.Н.Титова // Хронология неолита Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН, СПб, 2000. – С. 82-84.

Третьяков, В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР/В.П.Третьяков. - Л.: Изд-во Наука, 1972. – 136 с.

Третьяков, В.П. Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья/В.П.Третьяков // КСИА. - 1972а. - Вып. 131. – С. 46-52.

Третьяков, В.П. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области/В.П.Третьяков//СА. - 1974. - №1. – С. 208-213.

Третьяков, В.П. Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепродонецкой культуре/В.П.Третьяков // СА. – 1975. - № 2. – С. 9-19.

Третьяков, В.П. Ранненеолитические стоянки в междуречье Суры и Мокши/В.П.Третьяков // КСИА. - 1982. - Вып. 169. – С. 73-78.

Третьяков, В.П. Неолитическая керамика и археологические культуры/В.П.Третьяков // СА. - 1984. - № 1. – С. 66-76.

Третьяков, В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы/В.П.Третьяков. - Л.: Изд-во Наука, 1990. – 198 с.

Формозов, А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке/А.А.Формозов. - М.: Изд-во Наука, 1959. – 126 с.

Формозов, А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа/А.А.Формозов // МИА. - 1962. - № 102. – С. 89-149.

Формозов, А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья/А.А.Формозов. - М.: Изд-во Наука, 1965. - 160 с.

Формозов, А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР/А.А.Формозов. - М.:Изд-во Наука, 1977.- 143 с.

Фосс, М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР/М.Е.Фосс//МИА. – 1952. - № 29. – 280 с.

Фосс, М.Е. Поселения на дюне Озименки/М.Е.Фосс // КСИИМК. - 1959. - Вып. 75. – С. 4-16.

Халиков, А.Х. Неолитические памятники в Казанском Поволжье/А.Х.Халиков // МИА. - 1958. - № 61. – С. 11-44.

Халиков, А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы/А.Х.Халиков // ТМАЭ. Т. 1: сб.ст./ Йошкар-Ола, 1960. – 187 с.

Халиков, А.Х. Древняя история Среднего Поволжья/А.Х.Халиков. - М.: Изд-во Наука, 1969. – 396 с.

Халиков, А.Х. Неолитические племена Среднего Поволжья/А.Х.Халиков// МИА. -1973. - № 172. – С. 107-121.

Халиков, А.Х. Отражение динамики географической среды в расположении памятников мезолита и неолита северо-востока Европейской части СССР/А.Х.Халиков // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: сб.ст./М., 1974. – С. 287-290.

Халиков, А.Х. Этнокультурная ситуация в Среднем Поволжье и Приуралье в эпоху неолита/А.Х.Халиков // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ин-т. - Оренбург, 1986. – С. 4-6.

Хотинский, Н.А. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны Европейской части СССР/Н.А.Хотинский // КСИА. - 1978. - Вып. 153. – С. 7-14.

Хреков, А.А. Неолитические миграции на территории Сурско-Хоперо-Мокшанского водораздела/А.А.Хреков, В.В. Ставицкий // XV Уральское

археологическое совещание: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2001. – С. 60-61.

Хреков, А.А. Многослойная стоянка Шапкино VI/А.А.Хреков, А.И. Юдин // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 2003. – С. 16-46.

Цетлин, Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья/Ю.Б.Цетлин. - М.: Изд-во Наука, 1991. – 195 с.

Цетлин, Ю.Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита/Ю.Б.Цетлин // Тверской археологический сборник. Вып. 2: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 1996. – С. 155-163.

Цетлин, Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур: автореф. дис. ... докт. ист. наук/Ю.Б.Цетлин. - М., 2007. – 47 с.

Цетлин, Ю.Б. О происхождении верхневолжской культуры/Ю.Б.Цетлин // Влияние природной среды на развитие древних сообществ: сб.ст./ МарНИИ ЯЛИ, Йошкар-Ола, 2007а. – С. 197-207.

Цетлин, Ю.Б. Неолит центра Русской равнины/Ю.Б.Цетлин // Изд-во ИА РАН, М., 2008. – 350 с.

Цуцкин, Е.В. Археологические исследования Калмыкии/Е.В.Цуцкин//Древности Калмыкии: сб.ст./КНИИ ИФЭ, Элиста, 1985. – С. 3-22.

Цыбрий, А.В. Неолитические памятники Восточного Приазовья/А.В.Цыбрий // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН, СПб., 2003. – С. 41-55.

Цыбрий, А.В. Неолит Восточного Приазовья и долины Маныча: автореф. дис. ... канд. ист. наук/А.В.Цыбрий. - СПб., 2005. – 16 с.

Цыбрий, В.В. Неолит Нижнего Дона и северо-восточного Приазовья: автореф. дис. ... канд. ист. наук/В.В.Цыбрий. - СПб., 2005. – 16 с.

Цыбрий, А.В. Проблемы периодизации и хронологии раннего неолита Нижнего Дона, Восточного и Северо-Восточного Приазовья/А.В.Цыбрий, В.В. Цыбрий // Археологическое изучение Центральной России: сб.ст./Липецкий гос.пед.ун-т, Липецк, 2006. – С. 95-97.

Черняўскі М.М. Неаліт Беларускага Памямоння/М.М.Чернявский. – Мінск: Изд-во Навука і Тэхніка, 1979. – 142 с.

Черных, Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья/Е.Н.Черных. - М.: Изд-во..., 1970. – 180 с.

Шмидт, А.В. Стоянка у станции Левшино/А.В.Шмидт // СА. - 1940. - Т. V. – С. 1-31.

Шнирельман, В.А. Ареалы раннего скотоводческого хозяйства на юге Восточной Европы и проблемы их генезиса/В.А.Шнирельман // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1990. – С. 85-87.

Шорин, А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблема культуругенеза/А.Ф.Шорин. – Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1999. – 182 с.

Шорин, А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма/А.Ф.Шорин // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: сб.ст./ИПОС СО РАН, Тюмень, 2001. – С. 154-161.

Штукенберг, А.А. Материалы к изучению каменного века в Казанской губернии/А.А.Штукенберг, Н.Ф.Высоцкий//Труды общества естествоиспытателей при КГУ. Вып.V. Т. XIV: сб.ст./Казан.гос.ун-т. – Казань, 1885. – С. 43-49.

Энговатова, А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья/А.В.Энговатова // Тверской археологический сборник. Вып. 3: сб.ст./Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 1998. – С. 238-246.

Энговатова, А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского Междуречья/А.В.Энговатова // Хронология неолита Восточной Европы: сб.ст./ИИМК РАН, СПб., 2000. – С. 94.

Энговатова, А.В. Хронология верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья)/А.В.Энговатова, М.Г. Жилин, Е.А. Спиридонова // РА. - 1998. - № 2. – С. 11-21.

Эрдниев, У.Э. Древнейшая история заселения территории Калмыкии/У.Э.Эрдниев//Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья: сб.ст./КНИИ ИФЭ, Элиста, 1981. – С. 3-25.

Юдин, А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка/А.И.Юдин // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб.ст./Куйбышевский гос.пед.ин-т. - Куйбышев, 1988. – С. 142-172.

Юдин, А.И. Неолит и энеолит степного Заволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук/А.И.Юдин. - М., 1995. – 16 с.

Юдин, А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья/А.И.Юдин // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: сб.ст./Самарский гос.пед.ун-т. - Самара, 1998. – С. 83-105.

Юдин, А.И. Культурные контакты и связи населения Нижнего Поволжья в неолитическое время/А.И.Юдин // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3: сб.ст./Волгоград.гос.ун-т, Волгоград, 2000. – С. 41-57.

Юдин, А.И. О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции?/А.И.Юдин // XV Уральское археологическое совещание: сб.ст./Оренбургский гос.пед.ун-т. - Оренбург, 2001. – С. 62-63.

Юдин, А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья/А.И.Юдин – Саратов: Изд-во СГУ, 2004. - 200с.

Юдин, А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... докт. ист. наук/А.И.Юдин. - Ижевск, 2006. – 46 с.

Юдин, А.И. Закономерности и общие тенденции культурно-исторических процессов в Нижнем Поволжье на протяжении неолита и энеолита/А.И.Юдин // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4: сб.ст./Саратов, 2006а. – С. 45-57.

Юдин, А.И. Неолит // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Глава III: сб.ст./Волгоград.науч.изд-во, Волгоград, 2006б. – С. 333-452.

Юдин, А.И. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите/А.И.Юдин // Археологические наследие Саратовского края. Вып. 7: сб.ст./Изд-во «Научная книга». Саратов, 2006в. – С. 3-22.

Юдин, А.И. Нижневолжский неолит: культурно-историческая область или общность/А.И.Юдин // Пензенский археологический сборник. Вып. 1: сб.ст./Пензенский гос. пед.ун-т. Пенза, 2007. – С.6-17.

Юдин, А.И. Нижневолжская неолитическая культурно-историческая общность/А.И.Юдин // Человек, адаптация, культура: сб.ст./ М., 2008. – С.362-373.

Юдин, А.И. Хронология Варфоломеевской стоянки/А.И.Юдин // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.2. Т.1: сб.ст./Пензенский гос.пед.ун-т. Пенза, 2008а. – С.121-127.

Vasiliev I., Vybornov A., Comarov A. The Mesolithic of the North Caspian Sea Area. Samara 1996.

Vasiliev I., Vybornov A. The Nesolithic of North Caspian Sea Area. Samara, 1998.

Nishiaki Y. and M.Le Miere. The oldest pottery Neolithic of upper Mesopotamia // Paleorient. Vol. 31-2. CNRS EDITIONS, 2005. P. 55-68.

RADIOCARBON. Vol. 26. № 2. 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
- АЭМК – Археология и этнография Марийского края
- ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КСИА – Краткие сообщения Института Археологии
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- ОКВАЭ – Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции
- ОНКАЭ – Отчёты Нижнекамской археологической экспедиции
- РА – Российская археология
- СА – Советская археология
- ТКАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
- ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции
- ЮТАКЭ – Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

Таблица радиоуглеродных дат неолитической керамики стоянок Волго-Камья

№№	Памятник	Лаборат. номер	Возраст (л.н.)	Калиброванные значения	Материал
1	2	3	4	5	6
1	Каиршак III	Ki-14133	7950±90	1σ 7040-6740 BC 2σ 7080-6590 BC	прочерченная керамика
2	Каиршак III	Ki-14097	7890±90	1σ 6840-6640 BC 2σ 7100-6500 BC	прочерченная керамика
3	Каиршак III	Ki-14471	7780±90	1σ 6690-6470 BC 2σ 7050-6400 BC	керамика без орнамента
4	Каиршак III	Ki-14095	7740±70	1σ 6640-6470 BC 2σ 6700-6430 BC	прочерченная керамика
5	Каиршак III	Ki-14096	7680±90	1σ 6600-6430 BC 2σ 6700-6430 BC	прочерченная керамика
6	Каиршак III	Ki-14632	7530±90	1σ 6460-6330 BC 2σ 6530-6210 BC	керамика без орнамента
7	Кугат IV	Ki-14500	7560±90	1σ 6470-6330 BC 2σ 6600-6220 BC	керамика без орнамента
8	Кугат IV	Ki-14501	7680±100	1σ 6600-6440 BC 2σ 6690-6380 BC	керамика без орнамента
9	Каиршак I	Ki-14094	7230±90	1σ 6220-5990 BC 2σ 6250-5890 BC	прочерченная керамика
10	Каиршак I	Ki-14132	7180±90	1σ 6110-5980 BC 2σ 6230-5870 BC	прочерченная керамика
11	Каиршак III	Ki-14633	7190±80	1σ 6100-5980 BC 2σ 6230-5890 BC	кость
12	Каиршак III	Ki-14634	7010±80	1σ 5930-5800 BC 2σ 6020-5720 BC	кость
13	Каиршак IV	Ki-14440	7105±80	1σ 6030-5870 BC 2σ 6110-5770 BC	керамика без орнамента
14	Каиршак IV	Ki-14440	6960±80	1σ 5900-5730 BC 2σ 6000-5710 BC	керамика без орнамента
15	Буровая 42	Ki-14444	6920±90	1σ 5890-5710 BC 2σ 5930-5640 BC	прочерченная керамика
16	Тентек-сор III	Ki-14445	7005±90	1σ 5930-5790 BC 2σ 6030-5710 BC	накольчатая керамика
17	Качкарстау	Ki-14461	6730±80	1σ 5720-5610 BC 2σ 5750-5480 BC	накольчатая керамика
18	Тентек-сор	Ki-14101	6640±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5470 BC	накольчатая керамика
19	Тентек-сор	Ki-14137	6630±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5460 BC	накольчатая керамика
20	Кызылхак	Ki-14443	6400±90	1σ 5480-5300 BC 2σ 5650-5050 BC	накольчатая керамика
21	Кызылхак	Ki-14443	5905±100	1σ 4860-4670 BC 2σ 5050-4500 BC	накольчатая керамика

1	2	3	4	5	6
22	Варфоломеевка, 3 сл.	Ki-14108	7760±100	1σ 6690-6460 BC 2σ 7050-6400 BC	керамика без орнамента
23	Варфоломеевка, 3 сл.	Ki-14142	7620±100	1σ 6600-6380 BC 2σ 6650-6230 BC	керамика без орнамента
24	Варфоломеевка, 3 сл.	Ki-14109	7250±80	1σ 6220-6020 BC 2σ 6250-5980 BC	прочерченная керамика
25	Варфоломеевка, 3 сл.	Ki-14143	7170±90	1σ 6100-5970 BC 2σ 6230-5840 BC	прочерченная керамика
26	Варфоломеевка, 3 сл.	Ki-14110	7080±80	1σ 6020-5870 BC 2σ 6080-5770 BC	накольчатая керамика
27	Варфоломеевка, 3 сл.	Ki-14144	7120±90	1σ 6070-5880 BC 2σ 6210-5780 BC	накольчатая керамика
28	Варфоломеевка, слой 2Б, образец 1	Ki-14368	7230±90	1σ 6220-5990 BC 2σ 6250-5890 BC	накольчатая керамика
29	Варфоломеевка, слой 2Б, образец 2	Ki-14369	6980±90	1σ 6600-6440 BC 2σ 6690-6380 BC	накольчатая керамика
30	Варфоломеевка, слой 2Б, образец 3	Ki-14370	7070±90	1σ 6020-5840 BC 2σ 6080-5730 BC	керамика без орнамента
31	Варфоломеевка, слой 2Б, образец 3	Ki-14374	7280±100	1σ 6230-6020 BC 2σ 6390-5980 BC	керамика без орнамента
32	Варфоломеевка, слой 2А, образец 4	Ki-14371	6890±80	1σ 5850-5700 BC 2σ 5920-5630 BC	накольчатая керамика
33	Варфоломеевка, слой 2А, образец 4	Ki-14612	5810±80	1σ 4730-4550 BC 2σ 4810-4460 BC	накольчатая керамика
34	Варфоломеевка, слой 2А, образец 5	Ki-14372	7100±80	1σ 6030-5880 BC 2σ 6100-5780 BC	накольчатая керамика
35	Варфоломеевка, слой 2А, образец 5	Ki-14375	6970±90	1σ 5910-5740 BC 2σ 6020-5700 BC	накольчатая керамика
36	Варфоломеевка, слой 2А, образец 5	Ki-14613	6540±80	1σ 5560-5460 BC 2σ 5630-5340 BC	накольчатая керамика
37	Варфоломеевка, слой 2А, образец 6	Ki-14373	6860±90	1σ 5810-5660 BC 2σ 5920-5610 BC	прочерченная керамика
38	Варфоломеевка, слой 2А, образец 6	Ki-14637	6040±80	1σ 5040-4800 BC 2σ 5150-4770 BC	прочерченная керамика
39	Варфоломеевка, слой 2А, образец 6	Ki-14614	5870±90	1σ 4810-4600 BC 2σ 4950-4490 BC	прочерченная керамика
40	Джангар, слой 3	Ki-14639	7080±90	1σ 6020-5840 BC 2σ 6090-5740 BC	накольчатая керамика
41	Джангар, слой 3	Ki-14640	6990±90	1σ 5920-5770 BC 2σ 6030-5710 BC	накольчатая керамика
42	Джангар, слой 2	Ki-14641	6780±90	1σ 5740-5610 BC 2σ 5840-5510 BC	накольчатая керамика
43	Джангар, слой 2	Ki-14642	6680±90	1σ 5670-5510 BC 2σ 5740-5470 BC	накольчатая прочерченная
44	Джангар, слой 1	Ki-14643	5480±80	1σ 4400-4240 BC 2σ 4500-4210 BC	накольчатая прочерченная

1	2	3	4	5	6
45	Ивановская	Ki-14568	7930±90	1σ 6860-6680 BC 2σ 7080-6590 BC	елшанская (без шамота)
46	Ивановская	Ki-14631	7780±90	1σ 6690-6470 BC 2σ 7050-6400 BC	елшанская (с шамотом)
47	Ивановская	Ki-14567	7680±90	1σ 6600-6430 BC 2σ 6700-6340 BC	елшанская (с шамотом)
48	Ивановская	Ki-14118	7060±100	1σ 6020-5800 BC 2σ 6090-5720 BC	накольчатая керамика
49	Ивановская	Ki-14079	6980±80	1σ 5920-5770 BC 2σ 6010-5710 BC	накольчатая керамика
50	Ивановская	Ki-14119	6930±90	1σ 5900-5720 BC 2σ 5930-5660 BC	накольчатая керамика
51	Ивановская	Ki-14080	6840±90	1σ 5800-5630 BC 2σ 5910-5610 BC	накольчатая керамика
52	II Старо-Елшанская	Ki-14413	6820±80	1σ 5780-5630 BC 2σ 5880-5610 BC	елшанская керамика
53	II Старо-Елшанская	Ki-14569	6760±80	1σ 5730-5610 BC 2σ 5800-5510 BC	елшанская керамика
54	II Старо-Елшанская	Ki-14570	6480±80	1σ 5520-5360 BC 2σ 5560-5300 BC	елшанская керамика
55	Ильинская	Ki-14096	6940±90	1σ 5900-5720 BC 2σ 5930-5660 BC	прочерченная керамика
56	Ильинская	Ki-14111	6740±70	1σ 5720-5610 BC 2σ 5740-5510 BC	неорнаменти- ров. керамика
57	Ильинская	Ki-14145	6680±70	1σ 5670-5520 BC 2σ 5720-5480 BC	неорнаменти- ров. керамика
58	Ильинская	Ki-14619	6760±90	1σ 5740-5610 BC 2σ 5810-5510 BC	прочерченная керамика
59	Ильинская	Ki-14464	6640±100	1σ 5640-5480 BC 2σ 5730-5460 BC	прочерченная керамика
60	Ильинская	Ki-14147	6770±90	1σ 5740-5610 BC 2σ 5810-5510 BC	керамика с насечками
61	Ильинская	Ki-14113	6670±100	1σ 5660-5510 BC 2σ 5740-5470 BC	керамика с насечками
62	Ильинская	Ki-14112	5620±80	1σ 4540-4350 BC 2σ 4680-4330 BC	зубчатая керамика
63	Ильинская	Ki-14146	5730±80	1σ 4690-4490 BC 2σ 4780-4360 BC	зубчатая керамика
64	Красный городок	Ki-14078	6730±100	1σ 5730-5530 BC 2σ 5800-5470 BC	неорнаменти- ров. керамика
65	Красный городок	Ki-14117	6550±130	1σ 5620-5370 BC 2σ 5730-5280 BC	неорнаменти- ров. керамика
66	Красный Яр VII	Ki-14580	6540±80	1σ 5560-5460 BC 2σ 5630-5340 BC	неорнаменти- ров. керамика
67	Красный Яр VII	Ki-14586	6280±90	1σ 5370-5200 BC 2σ 5480-5030 BC	неорнаменти- ров. керамика

1	2	3	4	5	6
68	Красный Яр VII	Ki-14462	5780±100	1σ 4730-4500 BC 2σ 4900-4350 BC	накольчатая керамика
69	Максимовская II	Ki-14411	6420±80	1σ 5480-5320 BC 2σ 5540-5210 BC	неорнаментиров. керамика
70	Максимовская II	Ki-14412	6470±80	1σ 5490-5340 BC 2σ 5560-5200 BC	неорнаментиров. керамика
71	Большераковская II	Ki-14835	6310±90	1σ 5380-5200 BC 2σ 5480-5050 BC	неорнаментиров. керамика
72	Большераковская II	Ki-14829	5770±90	1σ 4720-4500 BC 2σ 4810-4440 BC	неорнаментиров. керамика
73	Большераковская II	Ki-14830	5610±90	1σ 4540-4340 BC 2σ 4690-4320 BC	неорнаментиров. керамика
74	Лебяжинка IV	Ki-14081	5930±90	1σ 4940-4960 BC 2σ 5040-4580 BC	накольчатая керамика
75	Лебяжинка IV	Ki-14120	5880±90	1σ 4850-4610 BC 2σ 4950-4490 BC	накольчатая керамика
76	Лебяжинка IV	Ki-14083	5690±80	1σ 4620-4450 BC 2σ 4720-4350 BC	зубчатая керамика
77	Лебяжинка IV	Ki-14122	5590±80	1σ 4500-4340 BC 2σ 4620-4320 BC	зубчатая керамика
78	Лебяжинка IV	Ki-14082	5420±80	1σ 4350-4220 BC 2σ 4460-4040 BC	гребенчатая керамика
79	Лебяжинка IV	Ki-14121	5360±90	1σ 4130-4040 BC 2σ 4350-3990 BC	гребенчатая керамика
80	Виловатовская, образец 19а/1	Ki-14085	5840±100	1σ 4800-4580 BC 2σ 4940-4450 BC	накольчатая керамика
81	Виловатовская, образец 19а/2	Ki-14124	5910±80	1σ 4860-4680 BC 2σ 4960-4540 BC	накольчатая керамика
82	Виловатовская, образец 19б/1	Ki-14086	5840±90	1σ 4800-4580 BC 2σ 4860-4490 BC	накольчатая керамика
83	Виловатовская, образец 19б/2	Ki-14125	6020±90	1σ 5040-4790 BC 2σ 5250-4650 BC	накольчатая керамика
84	Виловатовская, образец 20/1	Ki-14087	6010±80	1σ 5000-4770 BC 2σ 5250-4650 BC	зубчатая керамика
85	Виловатовская, образец 20/1	Ki-14833	5920±90	1σ 4860-4680 BC 2σ 5030-4540 BC	зубчатая керамика
86	Виловатовская, образец 20/2	Ki-14126	5880±90	1σ 4850-4610 BC 2σ 4950-4490 BC	зубчатая керамика
87	Виловатовская, образец 21/1	Ki-14088	6160±100	1σ 5260-4950 BC 2σ 5350-4800 BC	зубчатая керамика
88	Виловатовская, образец 21/2	Ki-14127	5980±100	1σ 5000-4770 BC 2σ 5250-4600 BC	зубчатая керамика
89	Виловатовская, образец 22/1	Ki-14089	5960±90	1σ 4940-4770 BC 2σ 5060-4670 BC	зубчатая керамика
90	Виловатовская, образец 22/2	Ki-14089А	5755±80	1σ 4710-4500 BC 2σ 4800-4450 BC	зубчатая керамика

1	2	3	4	5	6
91	Виловатовская, образец 23	Ki-14090	6320±90	1σ 5380-5200 BC 2σ 5480-5200 BC	накольчатая керамика
92	II Щербетская, образец 39/1	Ki-14530	6090±90	1σ 5080-4900 BC 2σ 5260-4780 BC	накольчатая керамика
93	II Щербетская, образец 39/1	Ki-14098	6530±90	1σ 5560-5460 BC 2σ 5630-5320 BC	накольчатая керамика
94	II Щербетская, образец 39/2	Ki-14134	6620±90	1σ 5620-5480 BC 2σ 5720-5460 BC	накольчатая керамика
95	II Щербетская, образец 39/2	Ki-14531	6270±90	1σ 5340-5200 BC 2σ 5500-4950 BC	накольчатая керамика
96	IV Тетюшская	Ki-14452	6170±90	1σ 5260-4990 BC 2σ 5320-4900 BC	накольчатая керамика
97	Зиарат	Ki-15087	6110±80	1σ 5210-5170 BC 2σ 5280-4800 BC	гребенчатая керамика
98	Зиарат	Ki-15061	6070±80	1σ 5070-4840 BC 2σ 5300-4700 BC	гребенчатая керамика
99	Сауз II	Ki-14585	5930±80	1σ 4860-4710 BC 2σ 5000-4590 BC	камская керамика
100	Сауз II	Ki-14581	5620±90	1σ 4540-4350 BC 2σ 4690-4320 BC	камская керамика
101	Каен-тубинская	Ki-14107	5680±80	1σ 4620-4440 BC 2σ 4710-4350 BC	гребенчатая керамика
102	Каен-тубинская	Ki-14141	5620±80	1σ 4540-4350 BC 2σ 4680-4330 BC	гребенчатая керамика
103	II Лебединская	Ki-14905	5670±100	1σ 4620-4440 BC 2σ 4720-4330 BC	гребенчатая керамика
104	Сауз II	Ki-14432	5560±90	1σ 4500-4330 BC 2σ 4620-4220 BC	воротничковая керамика
105	Сауз II	Ki-14431	5410±90	1σ 4350-4210 BC 2σ 4400-4030 BC	воротничковая керамика
106	Русско-Азибейская	Ki-14130	5540±90	1σ 4490-4320 BC 2σ 4600-4050 BC	воротничковая керамика
107	Гулюковская	Ki-15073	5460±80	1σ 4370-4220 BC 2σ 4460-4210 BC	воротничковая керамика
108	II Татарско-Азибейское	Ki-14136	5270±90	1σ 4170-3980 BC 2σ 4260-3950 BC	воротничковая керамика
109	II Татарско-Азибейское	Ki-14100A	4930±90	1σ 3800-3630 BC 2σ 3960-3620 BC	воротничковая керамика
110	III Русско-Азибейская	Ki-14093A	5280±100	1σ 4230-4180 BC 2σ 4350-3800 BC	керамика с насечками
111	II Татарско-Азибейское	Ki-14099	4790±80	1σ 3660-3510 BC 2σ 3710-3360 BC	накольчатая керамика
112	Имерка VII	Ki-15097	6270±80	1σ 5180-5070 BC 2σ 5380-4990 BC	неорнаментиров. керамика
113	Имерка VII	Ki-14466	6130±90	1σ 5150-4930 BC 2σ 5300-4840 BC	неорнаментиров. керамика

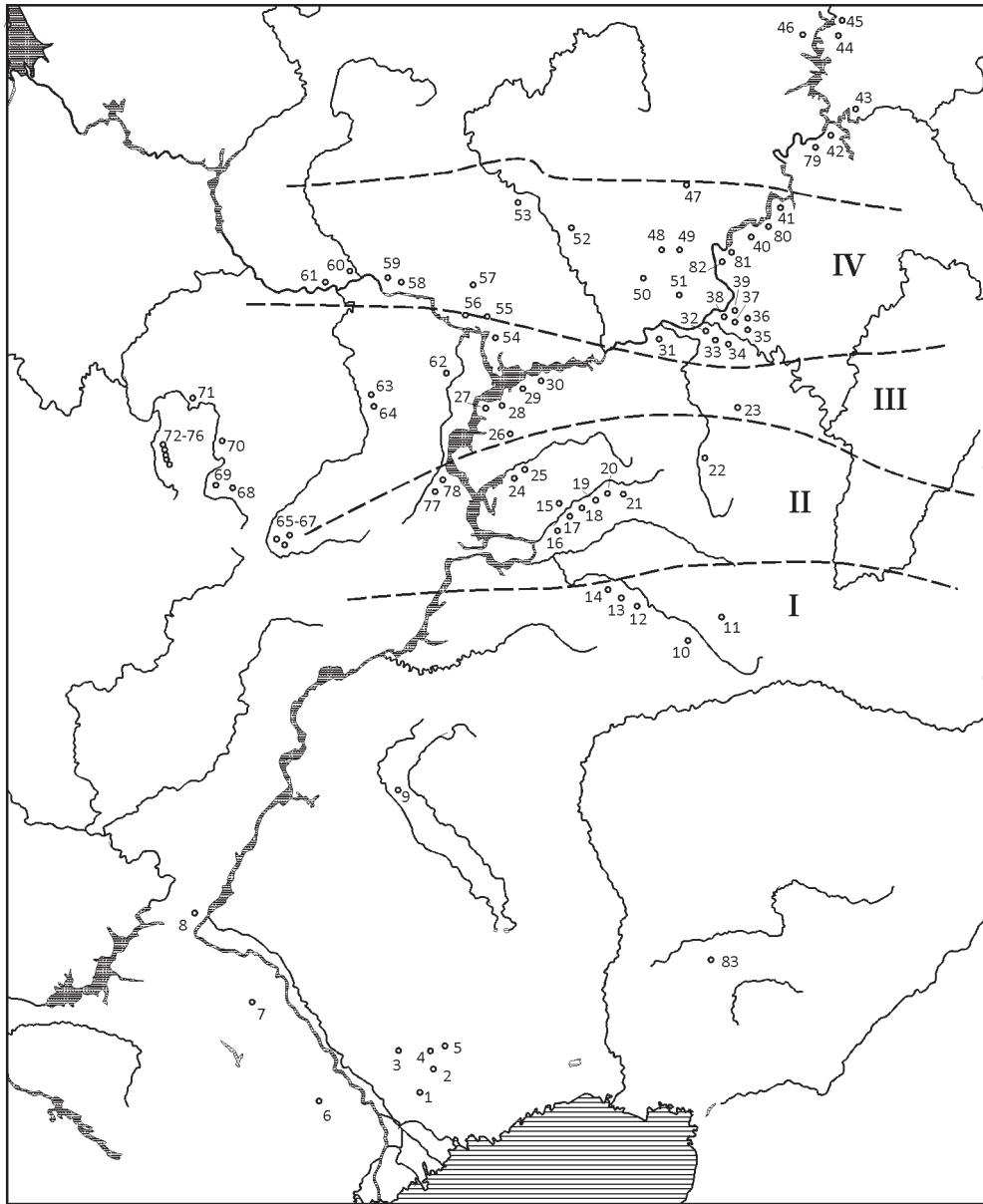
1	2	3	4	5	6
114	Имерка VII	Ki-14465	5910±80	1σ 4860-4680 BC 2σ 4960-4540 BC	неорнаментиров. керамика
115	Имерка VII	Ki-14459	6040±100	1σ 5060-4790 BC 2σ 5300-4700 BC	накольчатая керамика
116	Имерка VII	Ki-14460	5850±10	1σ 4810-4580 BC 2σ 4950-4460 BC	гребенчатая керамика
117	Ковыляй I	Ki-14456	6140±90	1σ 5150-4940 BC 2σ 5300-4840 BC	зубчатая керамика
118	Ковыляй I	Ki-15098	5990±80	1σ 4960-4770 BC 2σ 5250-4650 BC	гребенчатая керамика
119	Ковыляй I	Ki-14457	5830±80	1σ 4780-4580 BC 2σ 4850-4490 BC	гребенчатая керамика
120	Ковыляй I	Ki-15454	6040±90	1σ 5050-4800 BC 2σ 5250-4700 BC	накольчатая керамика
121	Ковыляй I	Ki-15453	5880±90	1σ 4850-4610 BC 2σ 4950-4490 BC	накольчатая керамика
122	Ковыляй I	Ki-14455	5780±90	1σ 4720-4530 BC 2σ 4810-4450 BC	накольчатая керамика
123	Имерка IV	Ki-14561	5860±80	1σ 4810-4600 BC 2σ 4860-4520 BC	зубчатая керамика
124	Имерка IV	Ki-14575	5670±80	1σ 4600-4440 BC 2σ 4700-4350 BC	гребенчатая керамика
125	Имерка IV	Ki-14560	5590±80	1σ 4500-4340 BC 2σ 4620-4320 BC	гребенчатая керамика
126	Имерка Ia	Ki-14563	5920±80	1σ 4860-4690 BC 2σ 5000-4580 BC	зубчатая керамика
127	Имерка Ia	Ki-14562	5820±90	1σ 4780-4550 BC 2σ 4860-4450 BC	гребенчатая керамика
128	Озимёнки II	Ki-12168	6950±170	1σ 5990-5700 BC 2σ 6250-5500 BC	елшанская керамика
129	Озимёнки II	Ki-14104	5830±90	1σ 4780-4580 BC 2σ 4860-4460 BC	накольчатая керамика
130	Озимёнки II	Ki-14105	5650±80	1σ 4550-4360 BC 2σ 4690-4340 BC	накольчатая керамика
131	Озимёнки II	Ki-14571	5840±90	1σ 4800-4580 BC 2σ 4860-4490 BC	ямочно-гребенчатая керамика
132	Озимёнки II	Ki-14139	5600±90	1σ 4530-4340 BC 2σ 4690-4320 BC	зубчатая керамика
133	Озимёнки II	Ki-14103	5450±90	1σ 4370-4220 BC 2σ 4460-4160 BC	зубчатая керамика
134	Озимёнки II	Ki-14589	5650±80	1σ 4550-4360 BC 2σ 4690-4340 BC	гребенчатая керамика
135	Озимёнки II	Ki-14138	5490±90	1σ 4460-4240 BC 2σ 4500-4040 BC	гребенчатая керамика
136	Озимёнки II	Ki-14102	5370±90	1σ 4260-4210 BC 2σ 4360-3980 BC	гребенчатая керамика

1	2	3	4	5	6
137	Утюж I	Ki-14448	6330±90	1σ 5390-5210 BC 2σ 5480-5060 BC	неорнаментиро- ван. керамика
138	Утюж I	Ki-14458	5890±80	1σ 4850-4670 BC 2σ 4950-4540 BC	накольчатая керамика
139	Молебное озеро I	Ki-14441	6290±90	1σ 5080-4900 BC 2σ 5260-4780 BC	неорнаментиро- ван. керамика
140	Молебное озеро I	Ki-14442	5980±90	1σ 4960-4770 BC 2σ 5250-4600 BC	гребенчатая керамика
141	Подлесное III	Ki-14564	6070±90	1σ 5070-4890 BC 2σ 5300-4700 BC	зубчатая керамика
142	Подлесное III	Ki-14565	6110±80	1σ 5080-4910 BC 2σ 5280-4800 BC	гребенчатая керамика
143	Подлесное III	Ki-14566	5940±80	1σ 4860-4710 BC 2σ 5040-4600 BC	гребенчато- зубчатая
144	Подлесное III	Ki-14558	5930±80	1σ 4860-4710 BC 2σ 5000-4590 BC	гребенчатая керамика
145	Подлесное IV	Ki-14459	5890±90	1σ 4860-4670 BC 2σ 4960-4520 BC	гребенчатая керамика
146	Дубовская III	Ki-14534	6130±100	1σ 5150-4920 BC 2σ 5310-4800 BC	неорнаментиро- ван. керамика
147	Дубовская III	Ki-14533	6095±90	1σ 5080-4900 BC 2σ 5280-4780 BC	накольчатая керамика
148	Дубовская III	Ki-14535	5930±80	1σ 4860-4710 BC 2σ 5000-4590 BC	ямочно-гребен- чатая керамика
149	Дубовская VII	Ki-14532	5950±90	1σ 4940-4710 BC 2σ 5050-4610 BC	накольчатая керамика
150	Сутырская V	Ki-14578	5805±90	1σ 4730-4540 BC 2σ 4860-4450 BC	накольчатая керамика
151	Сутырская V	Ki-14541	5710±90	1σ 4690-4450 BC 2σ 4730-4550 BC	накольчатая керамика
152	Сутырская V	Ki-14540	5540±90	1σ 4490-4320 BC 2σ 4600-4050 BC	накольчатая керамика
153	Старо-Мазик- овская III	Ki-14422	5635±80	1σ 4550-4360 BC 2σ 4690-4330 BC	гребенчато- ямочная
154	Старо-Мазик- овская III	Ki-15106	5760±80	1σ 4710-4520 BC 2σ 4800-4450 BC	гребенчато- ямочная
155	Нижняя Стрелка V	Ki-14422	5510±90	1σ 4460-4310 BC 2σ 4550-4210 BC	гребенчатая керамика
156	Отарская VI	Ki-14424	6020±90	1σ 5040-4790 BC 2σ 5250-4650 BC	накольчатая керамика
157	Отарская VI	Ki-14423	5890±80	1σ 4850-4670 BC 2σ 4950-4540 BC	гребенчатая керамика
158	Отарская VI	Ki-14425	5810±90	1σ 4730-4540 BC 2σ 4860-4450 BC	ямочно-гребен- чатая керамика
159	Отарская VI	Ki-14449	5930±80	1σ 4860-4710 BC 2σ 5000-4590 BC	ямочно-гребен- чатая керамика

1	2	3	4	5	6
160	Кыйлуд II	Ki-14434	6410±80	1σ 5480-5310 BC 2σ 5530-5210 BC	накольчатая керамика
161	Кошкинская	Ki-14576	6260±90	1σ 5320-5200 BC 2σ 5500-4950 BC	неорнаментиров. керамика
162	Кошкинская	Ki-14577	6110±90	1σ 5100-4900 BC 2σ 5300-4800 BC	неорнаментиров. керамика
163	Кошкинская	Ki-14913	6480±90	1σ 5520-5320 BC 2σ 5620-5290 BC	неорнаментиров. керамика
164	Тархан I	Ki-14433	6280±90	1σ 5360-5200 BC 2σ 5470-4990 BC	гребенчатая керамика
165	Тархан I	Ki-15099	5670±70	1σ 4430-4390 BC 2σ 4690-4350 BC	гребенчатая керамика
166	Усть-Шижма	Ki-14436	6130±100	1σ 5150-4920 BC 2σ 5310-4800 BC	накольчатая керамика
167	Усть-Шижма	Ki-14435	6020±90	1σ 4810-4590 BC 2σ 4940-4490 BC	гребенчатая керамика
168	Среднее Шадбегово	Ki-14437	5960±90	1σ 4950-4710 BC 2σ 5100-4550 BC	гребенчатая керамика
169	Кыйлуд III	Ki-14438	5820±90	1σ 4780-4550 BC 2σ 4860-4450 BC	гребенчатая керамика
170	Чумойтло I	Ki-14439	5720±90	1σ 4690-4450 BC 2σ 4730-4360 BC	гребенчатая керамика
171	Кочуровское IV	Ki-14906	5360±80	1σ 4130-4040 BC 2σ 4350-3990 BC	гребенчатая керамика
172	Кочуровское I	Ki-14498	5330±80	1σ 4250-4040 BC 2σ 4340-3980 BC	керамика с насечками
173	Кочуровское I	Ki-14499	5260±80	1σ 4170-3980 BC 2σ 4260-3940 BC	короткозубая керамика
174	Кочуровское I	Ki-15107	5170±90	1σ 4050-3910 BC 2σ 4250-3700 BC	гребенчатая керамика
175	Хуторская (жилище 1)	Ki-14414	5930±80	1σ 4860-4710 BC 2σ 5000-4590 BC	гребенчатая керамика
176	Хуторская (жилище 1)	Ki-15093	5750±80	1σ 4490-4490 BC 2σ 4790-4440 BC	гребенчатая керамика
177	Хуторская (жилище 2)	Ki-14420	5920±90	1σ 4860-4680 BC 2σ 5030-4540 BC	гребенчатая керамика
178	Хуторская	Ki-14419	5840±80	1σ 4790-4590 BC 2σ 4860-4490 BC	гребенчатая керамика
179	Боровое озеро I	Ki-14415	5760±90	1σ 4720-4490 BC 2σ 4810-4440 BC	гребенчатая керамика
180	Боровое озеро I	Ki-15094	5950±80	1σ 4940-4710 BC 2σ 5050-4610 BC	гребенчатая керамика
181	Чернушка	Ki-14418	5960±80	1σ 4940-4770 BC 2σ 5060-4670 BC	гребенчатая керамика
182	Усть-Залазнушка	Ki-14417	5880±80	1σ 4550-4670 BC 2σ 4940-4540 BC	гребенчатая керамика

1	2	3	4	5	6
183	Кряжская	Ki-14416	5620±90	1σ 4540-4350 BC 2σ 4690-4320 BC	гребенчатая керамика
184	Чашкинское озеро IV	Ki-14539	5920±80	1σ 4860-4690 BC 2σ 5000-4580 BC	накольчатая керамика
185	Чашкинское озеро VI	Ki-14536	5755±90	1σ 4710-4490 BC 2σ 4810-4440 BC	накольчатая керамика
186	Чашкинское озеро VI	Ki-14538	5695±80	1σ 4620-4450 BC 2σ 4720-4350 BC	гребенчатая керамика
187	Чашкинское озеро VIII	Ki-14537	5770±90	1σ 4720-4500 BC 2σ 4810-4440 BC	накольчатая керамика
188	Чашкинское озеро VIII	Ki-15095	6310±90	1σ 5380-5200 BC 2σ 5480-5050 BC	накольчатая керамика
189	Усть-Ташёлка	Ki-12166	7810±190	1σ 7050-6450 BC 2σ 7300-6200 BC	неорнаментиров. керамика
190	Усть-Ташёлка	Ki-12167	7680±190	1σ 6800-6250 BC 2σ 7100-6100 BC	неорнаментиров. керамика
191	Луговое III	Ki-14584	6700±100	1σ 5720-5530 BC 2σ 5790-5470 BC	неорнаментиров. керамика
192	Лесное Никольское III	Ki-12169	6570±170	1σ 5640-5360 BC 2σ 5805-5210 BC	накольчатая керамика
193	Лесное Никольское III	Ki-14582	5400±90	1σ 4340-4210 BC 2σ 4370-3990 BC	гребенчатая керамика
194	Черки-Кильдуразы	Ki-14450	5660±80	1σ 4860-4710 BC 2σ 5000-4590 BC	гребенчатая керамика
195	Жуковка	Ki-15062	5940±80	1σ 4920-4870 BC 2σ 5040-4600 BC	гребенчатая керамика
196	Лебяжинка I	Ki-14820	6020±80	1σ 5040-4790 BC 2σ 5250-4650 BC	неорнаментиров. керамика
197	Лебяжинка I	Ki-14822	6240±90	1σ 5310-5060 BC 2σ 5500-4850 BC	воротничковая керамика
198	Городок I	Ki-14114	6870±100	1σ 5840-5660 BC 2σ 5930-5610 BC	неорнаментиров. керамика
199	Городок I	Ki-14075	6760±90	1σ 5730-5610 BC 2σ 5810-5510 BC	неорнаментиров. керамика
200	Елшанская X	Ki-15439	6820±90	1σ 5790-5630 BC 2σ 5900-5530 BC	неорнаментиров. керамика
201	Елшанская X	Ki-15438	6650±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5470 BC	накольчатая керамика
202	II Дубовогривская	Ki-15442	6440±80	1σ 5480-5340 BC 2σ 5560-5260 BC	накольчатая керамика
203	Мысы	Ki-15443	5635±90	1σ 5730-5610 BC 2σ 5810-5510 BC	ямочно-греб. керамика
204	Муллино	Ki-15638	6290±80	1σ 5370-5200 BC 2σ 5470-5040 BC	гребенчатая керамика
205	Черненькое озеро III	Ki-15198	6190±80	1σ 5290-5040 BC 2σ 5320-4910 BC	накольчатая керамика

Иллюстрации
к диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук
по теме «Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья»

Условные обозначения: I - степная зона; 2 - лесостепная зона; 3 - подзона широколиственных лесов лесной зоны; 4 - подзона смешанных лесов лесной зоны.

Рис.1. Карта опорных памятников неолита Волго-Камья.

1 - Каиршак III; 2 - Качкар-стау; 3 - Кугат IV; 4 - Тентексор I; 5 - Желколган; 6 - Ту-Бузгу-худук; 7 - Джангар; 8 - Орловка; 9 - Варфоломеевская; 10 - II Старо-Елшанская; 11 - Ивановская; 12 - Вилатовская; 13 - М.Шихан; 14 - Максимовская; 15 - Красный Городок; 16 - Красный Яр VII; 17 - Лебяжинка I; 18 - Лебяжинка IV; 19 - Ильинская; 20 - Нижняя Орлянка II; 21 - Чекалино IV; 22 - Мулино; 23 - Давлеканово; 24 - Лебяжье I; 25 - Лебяжье II; 26 - Лесное-Никольское III; 27 - IV Тетюшская; 28 - II Щербетская; 29 - II Лебединская; 30 - IV Мурзихинская; 31 - II Дубовогривская; 32 - Русско-Азибейская; 33 - II Татарско-Азибейское; 34 - III Русско-Азибейская; 35 - Бачки-тау II; 36 - Кюнь II; 37 - Зиарат; 38 - Сауз II; 39 - Сауз I; 40 - Непряха VI; 41 - Кряжская; 42 - Лёвшинская; 43 - Боровое озеро I; 44 - Хуторская; 45 - Чашкинское озеро IV, VI, VIII; 46 - Усть-Залазнушка; 47 - Ст.Шадбегово; 48 - Кыйлуд II; 49 - Кочуровское I; 50 - Тархан I; 51 - Чумойтло I; 52 - Усть-Шижда; 53 - Кошкинская; 54 - IV Матюшинская; 55 - Займище IIIа; 56 - Обсерваторская III; 57 - II Старо-Мазиковская; 58 - VI Отарское; 59 - Дубовские III, VIII, IX; 60 - Сутырская V; 61 - Н.Стрелка V; 62 - Кабы-Копрынская; 63 - Утюж I; 64 - Молебное озеро I; 65-67 - Подлесное III, IV, VII; 68 - Потодеевское; 69 - Озименки II; 70 - Ковыляй I; 71 - Широмазово III; 72-76 - Имерка Ia, II, III, IV, VII; 77 - Усть-Ташелка; 78 - Луговое III; 79 - Мокино; 80 - Чернашка; 81 - Усть-Букорок; 82 - Чернушка; 83 - Бек-беке I.

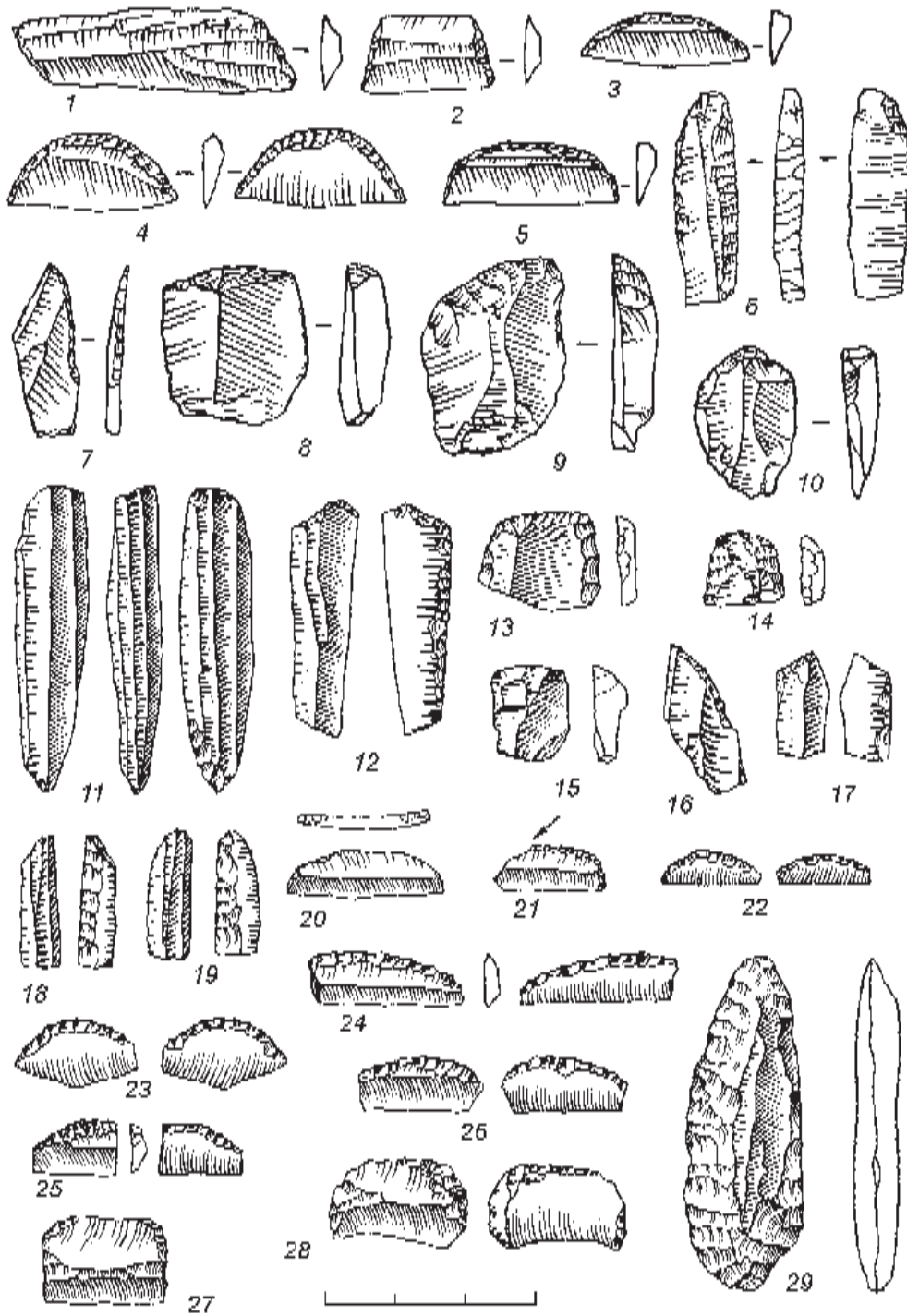

Рис.2. Кремневый инвентарь стоянок Кугат IV и Кулагайси.

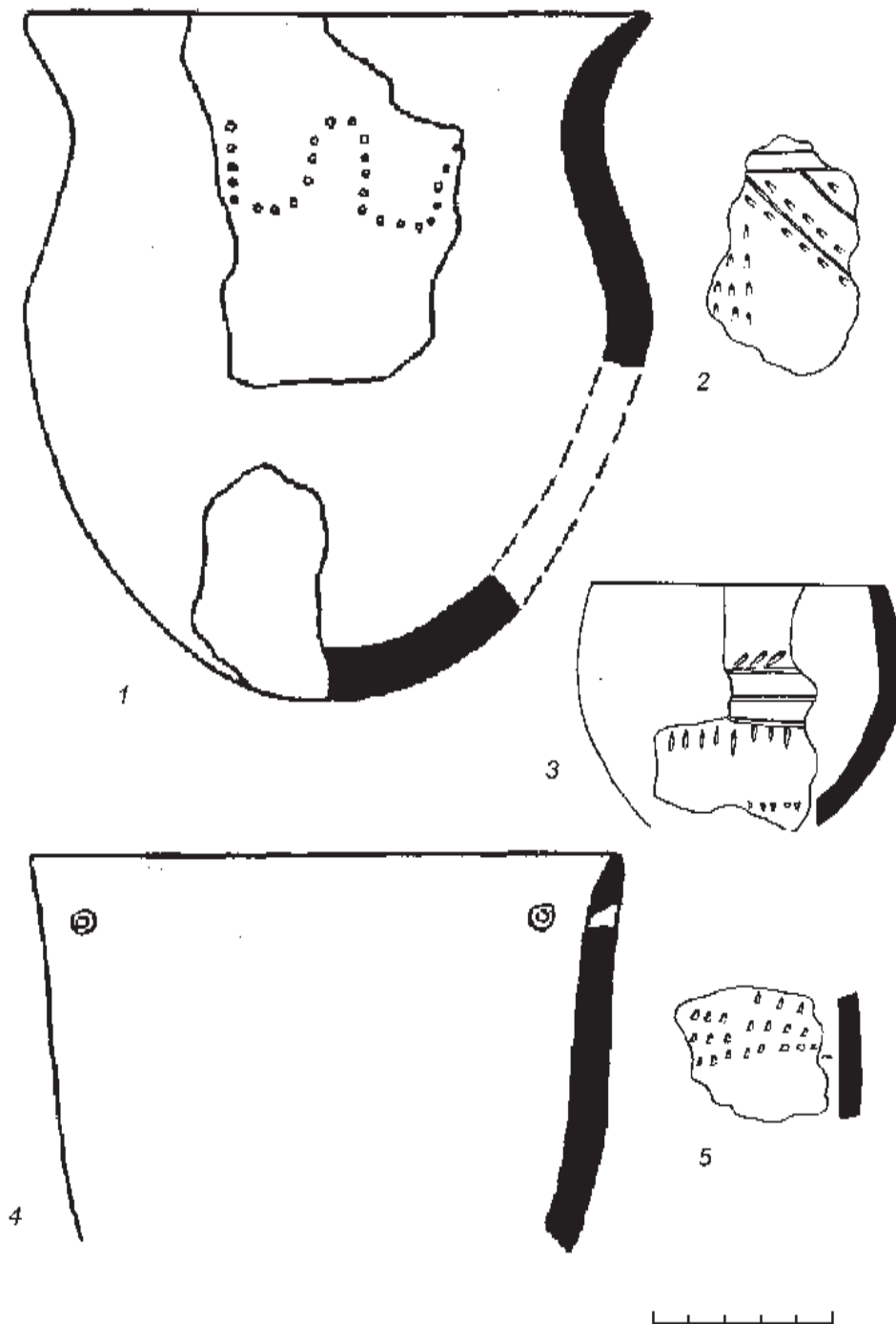

Рис.3. Керамика стоянок Кугат IV и Кулагайси.

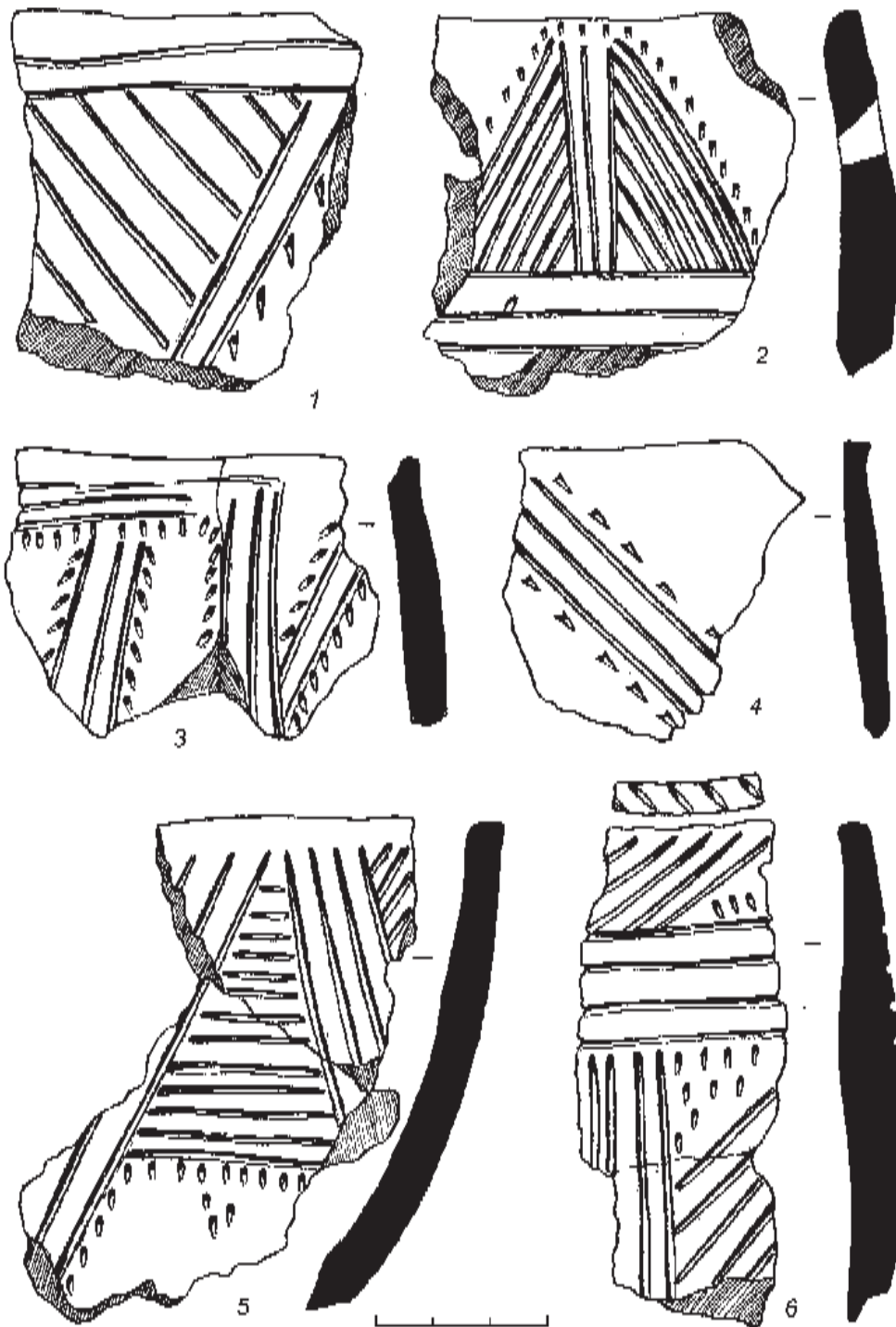

Рис.4. Керамика стоянки Каиршак III.

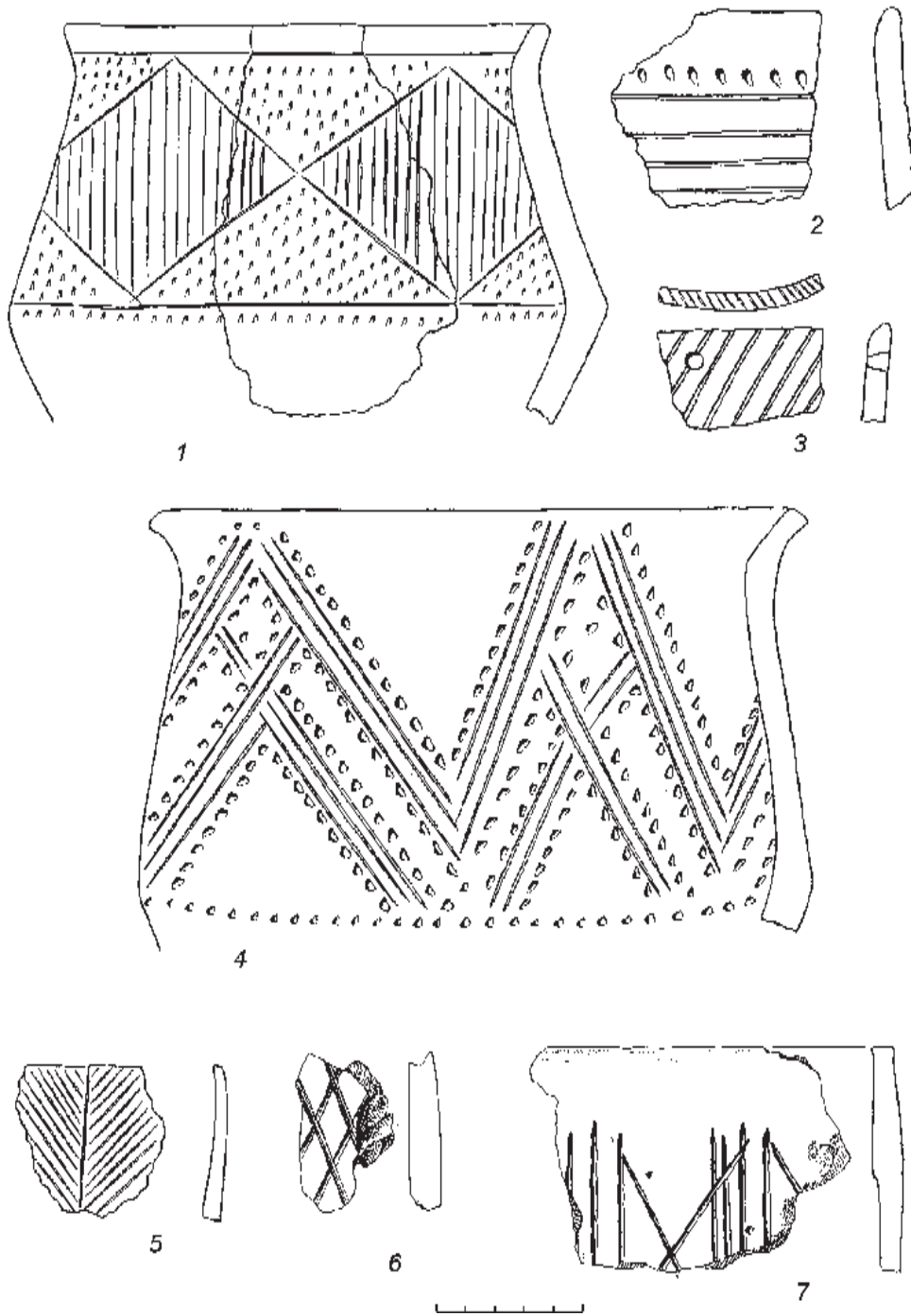

Рис.5. Керамика стоянок Каиршак III и Буровая 42 (7).

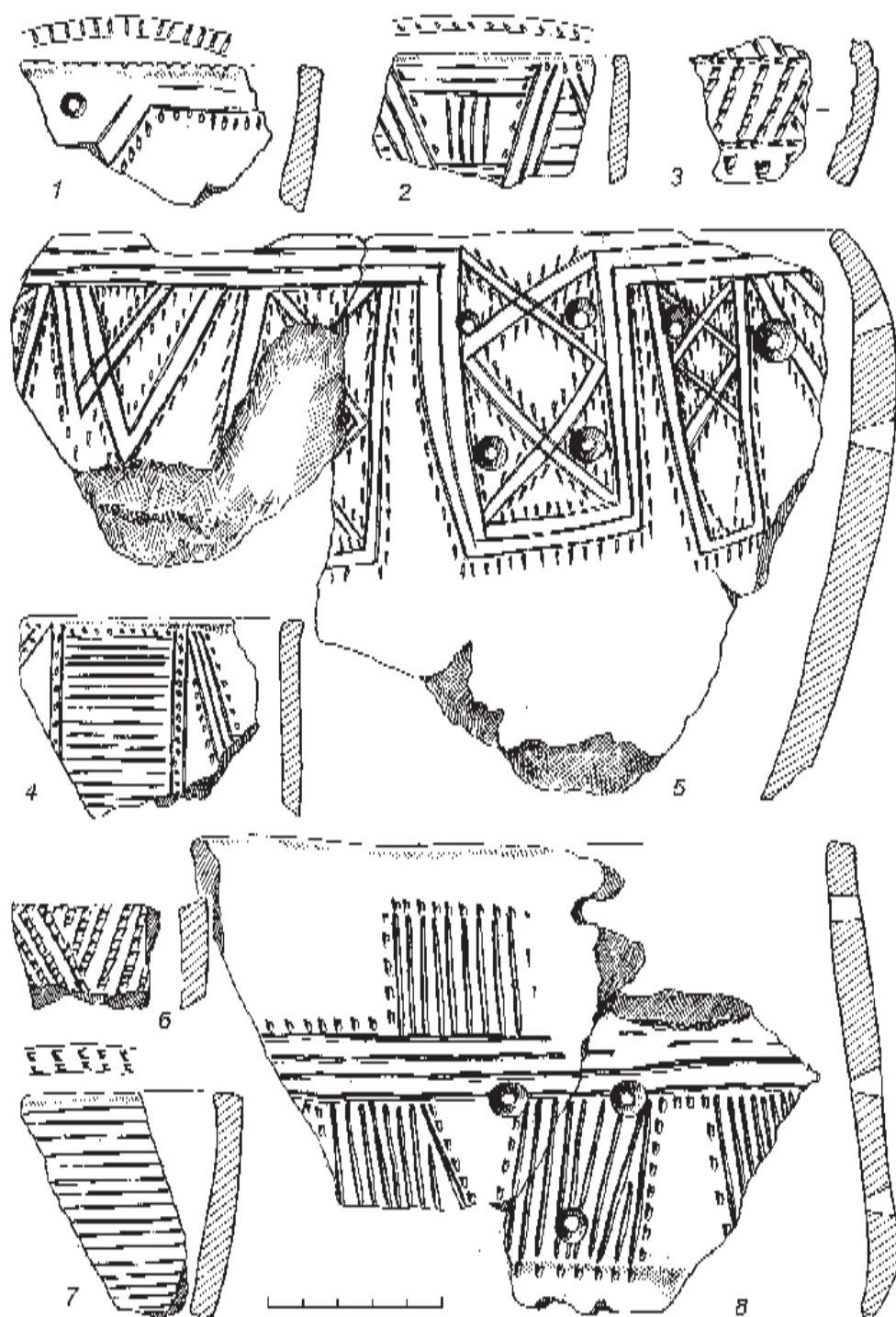

Рис.6. Керамика стоянки Каиршак III.

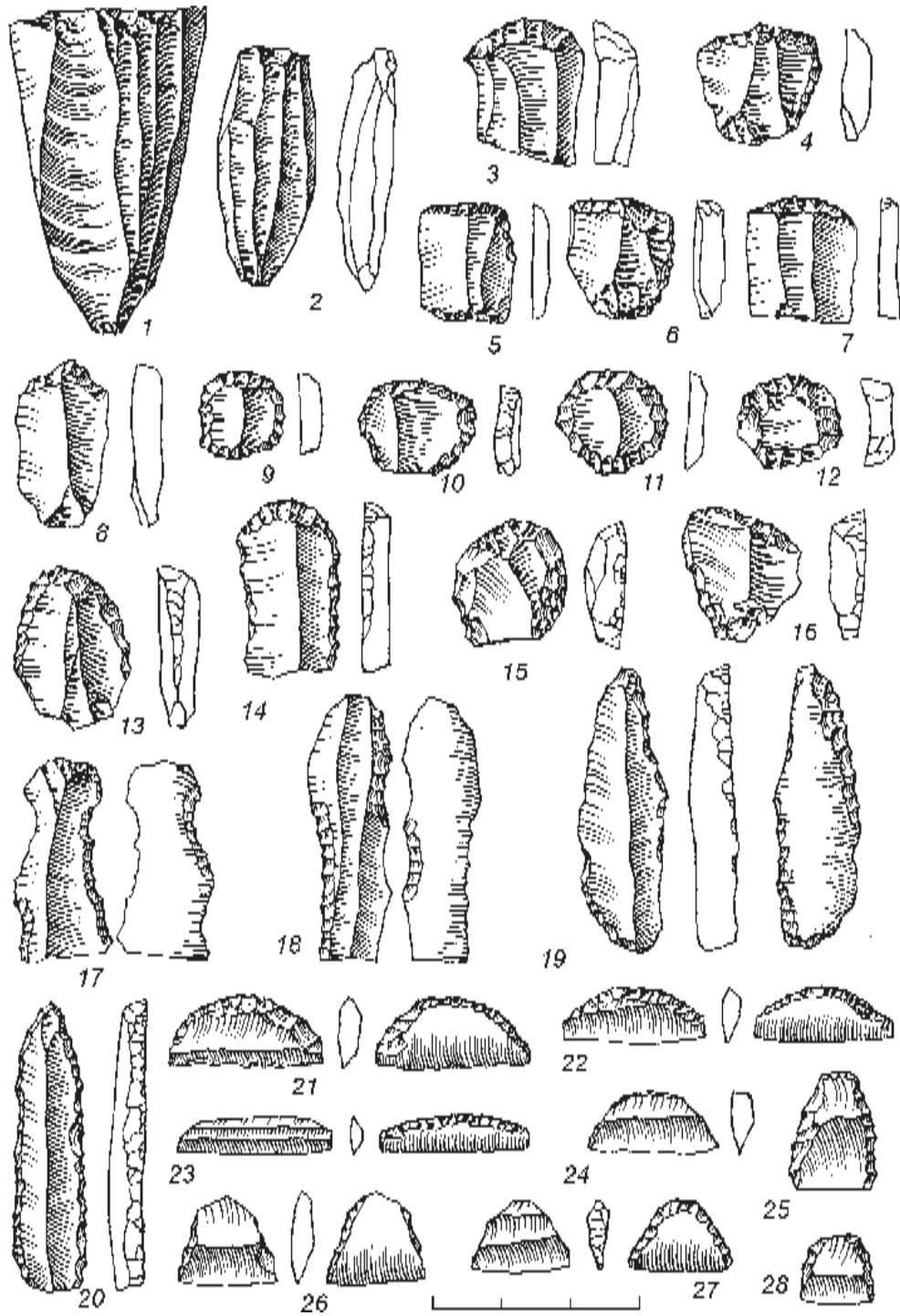

Рис.8. Керамика стоянки Каиршак I.

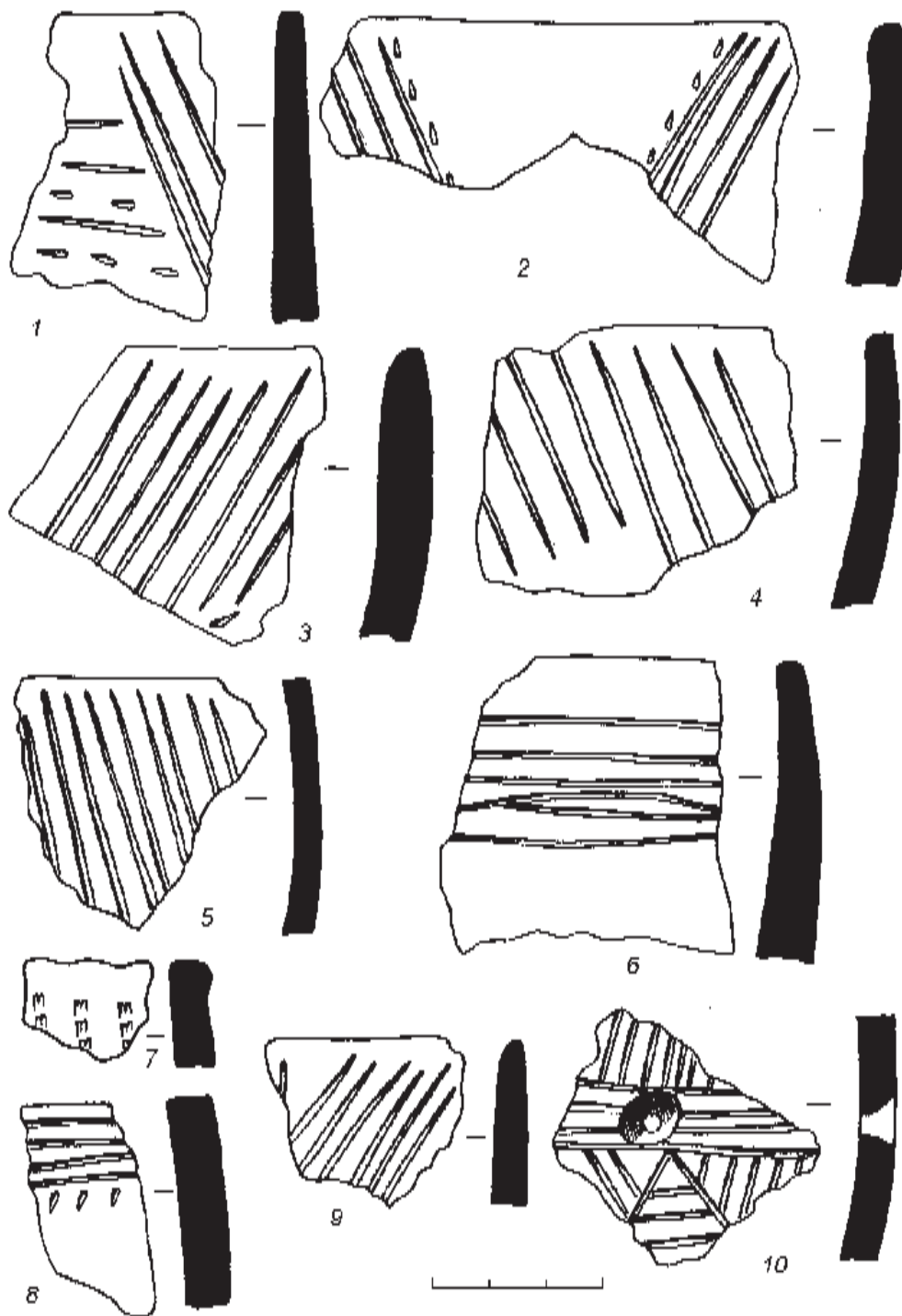

Рис.8. Керамика стоянки Каиршак I.

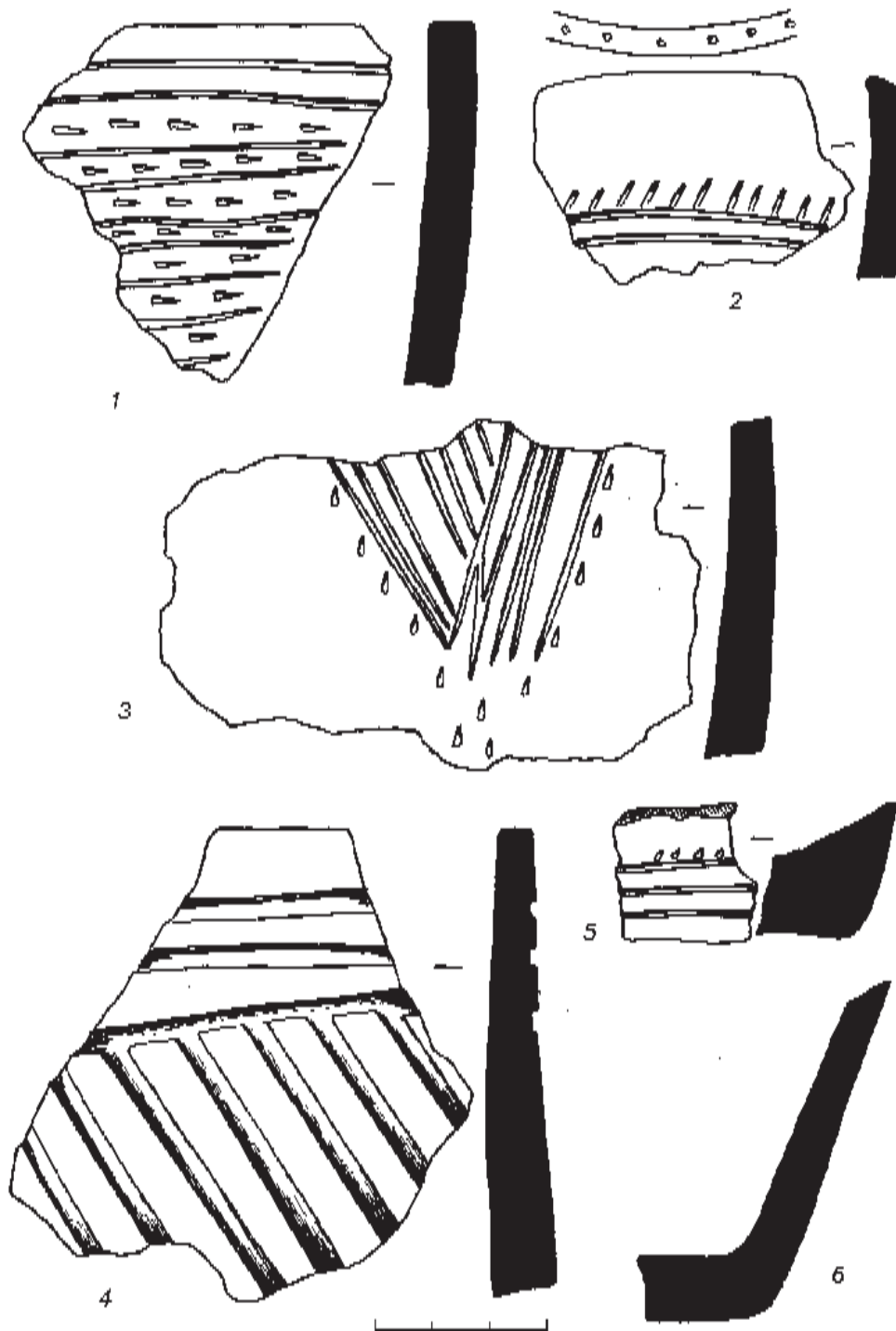

Рис.9. Керамика стоянки Каиршак I.

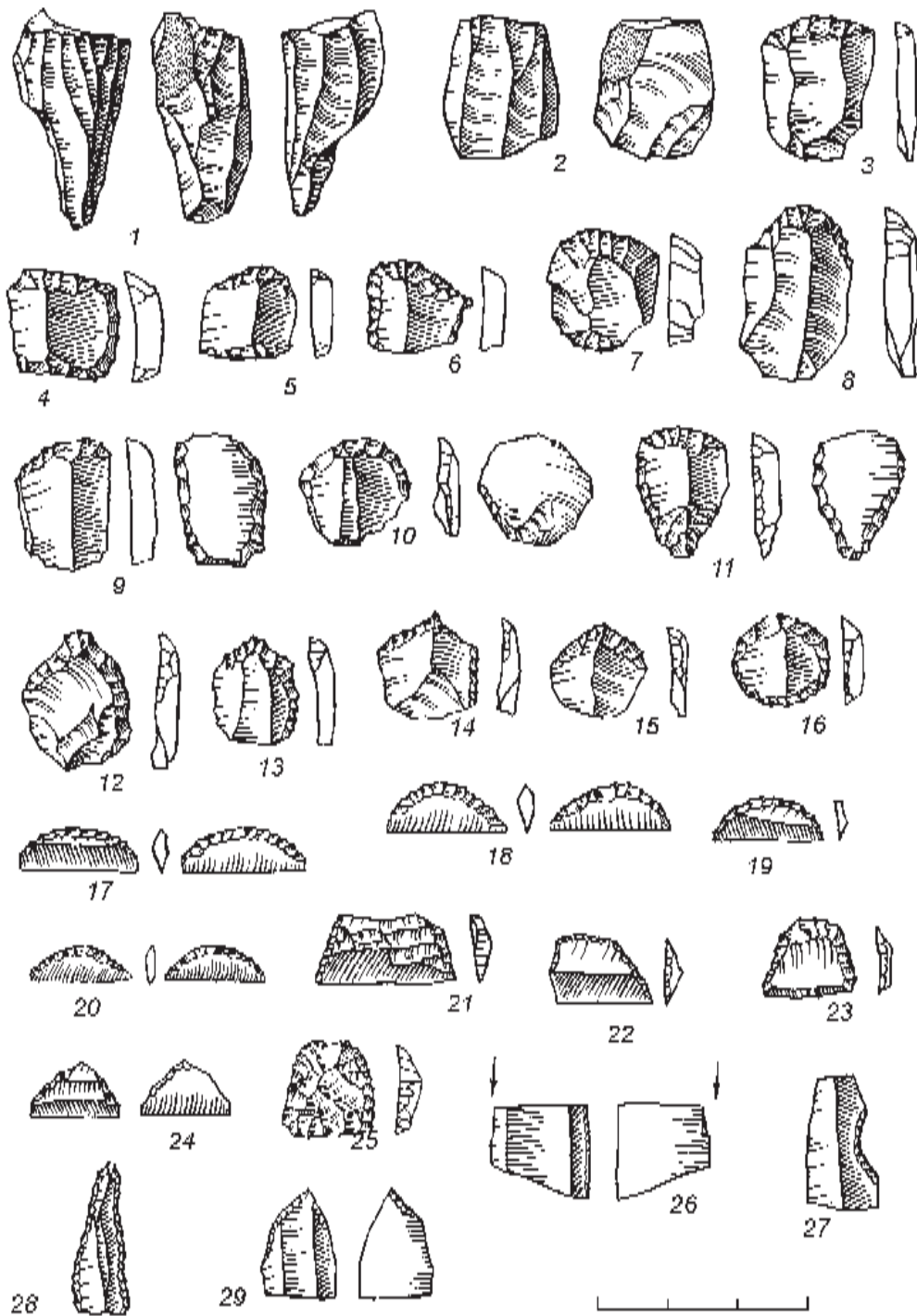

Рис.10. Кремневый инвентарь стоянки Каиршак I.

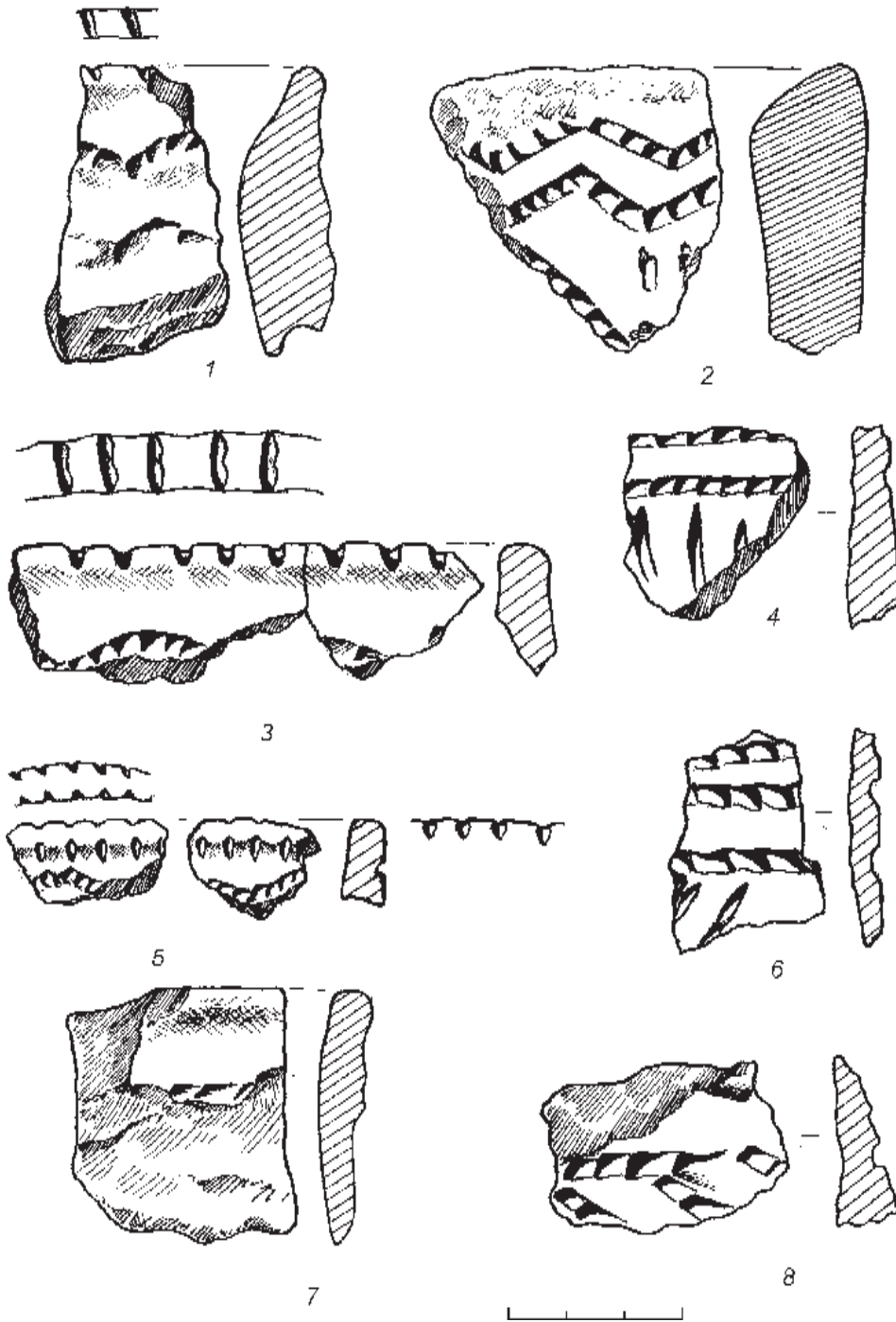

Рис.11. Керамика стоянки Качкар-стау.

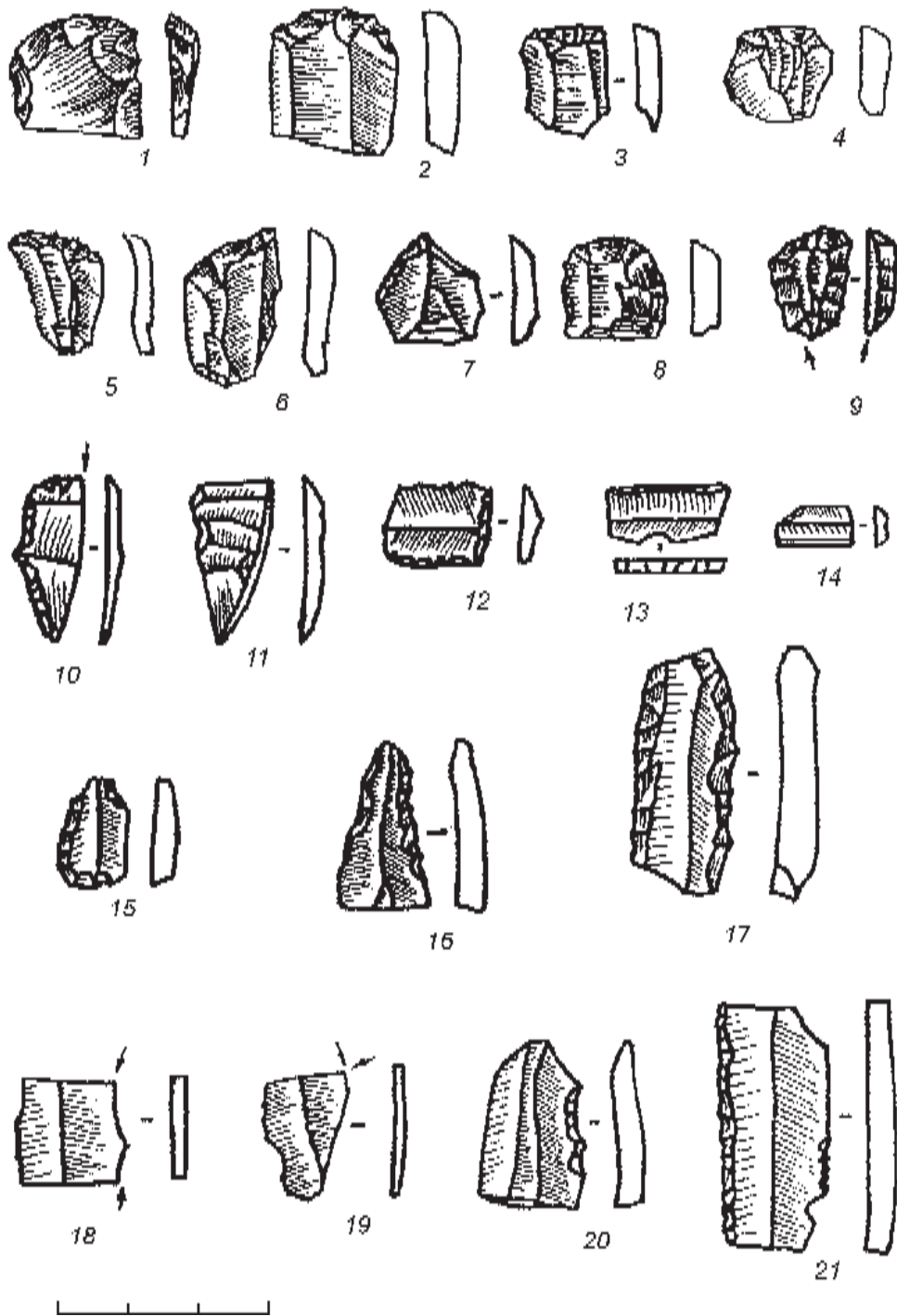

Рис.12. Кремневый инвентарь стоянки Качкар-стау.

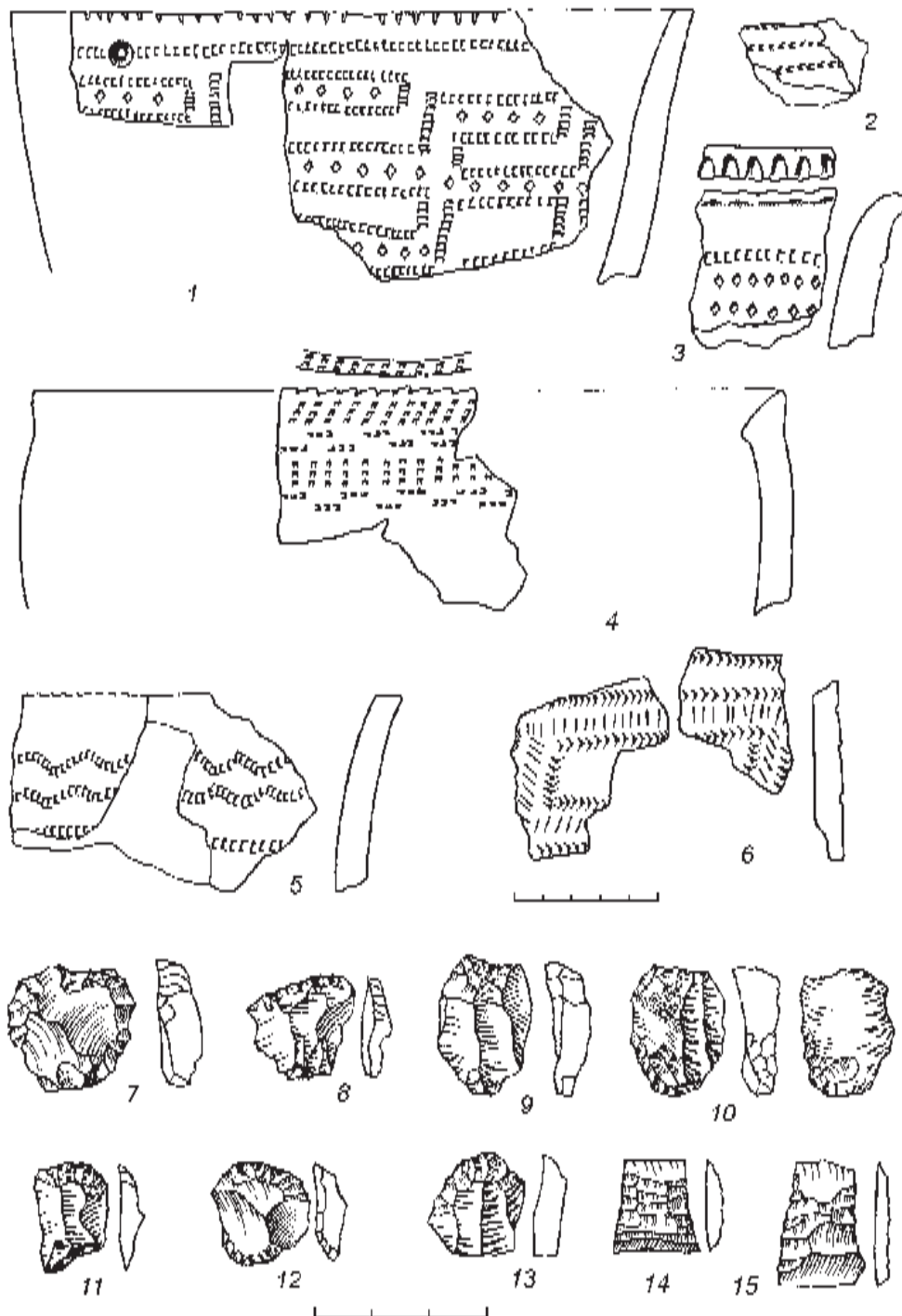

Рис.13. Инвентарь стоянки Же-колган.

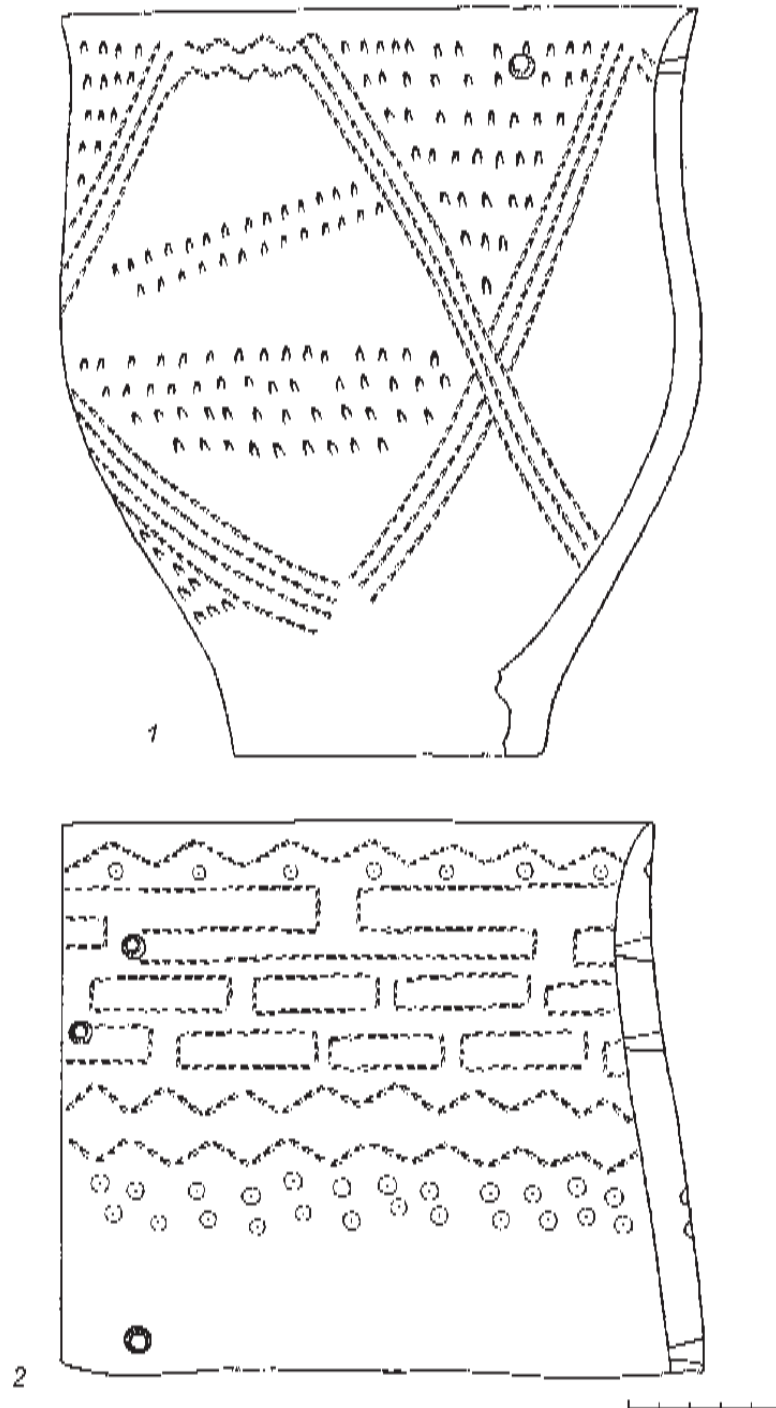

Рис.14. Керамика стоянки Тентек-сор I.

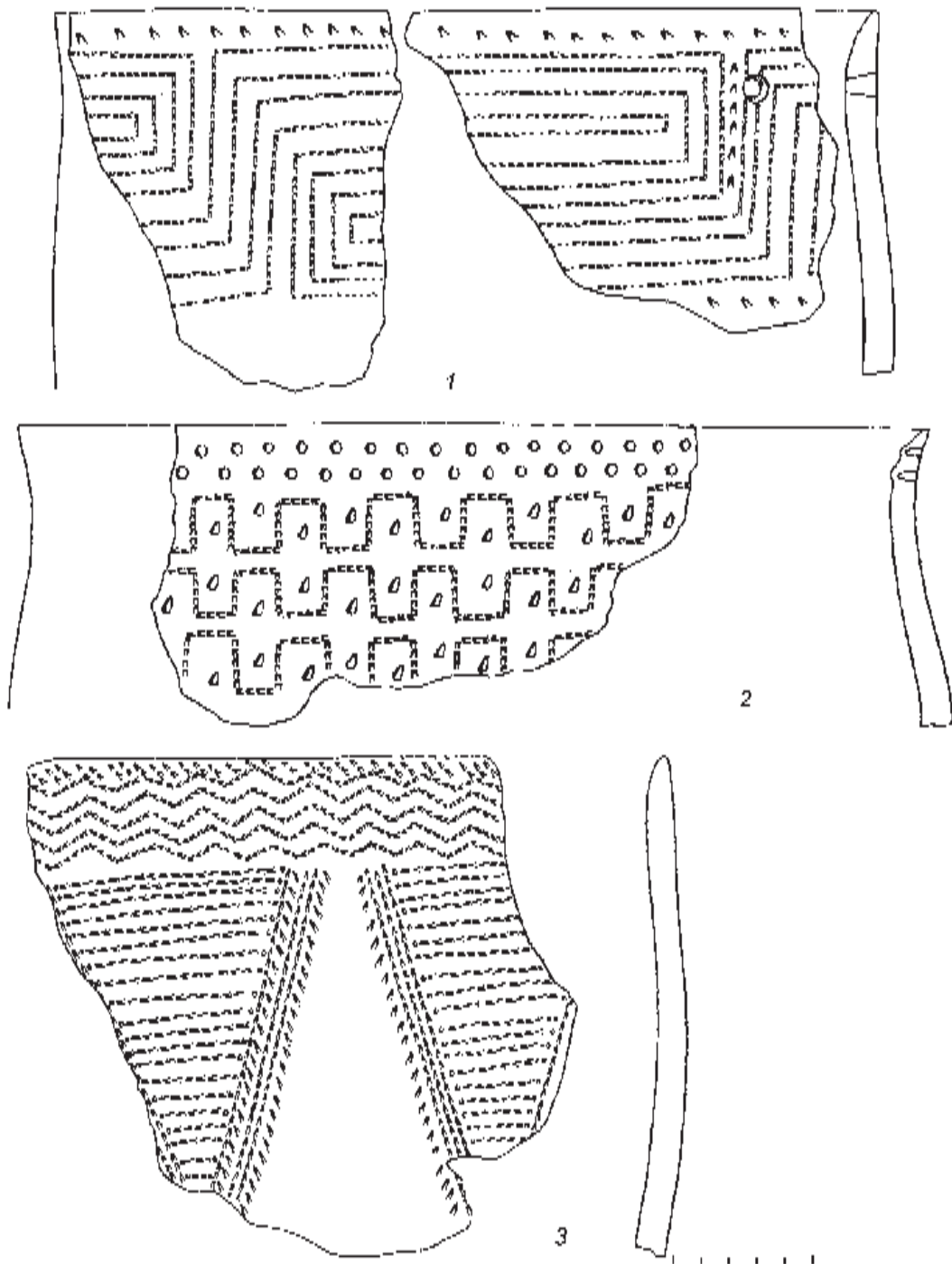

Рис.15. Керамика стоянки Тентек-сор I.

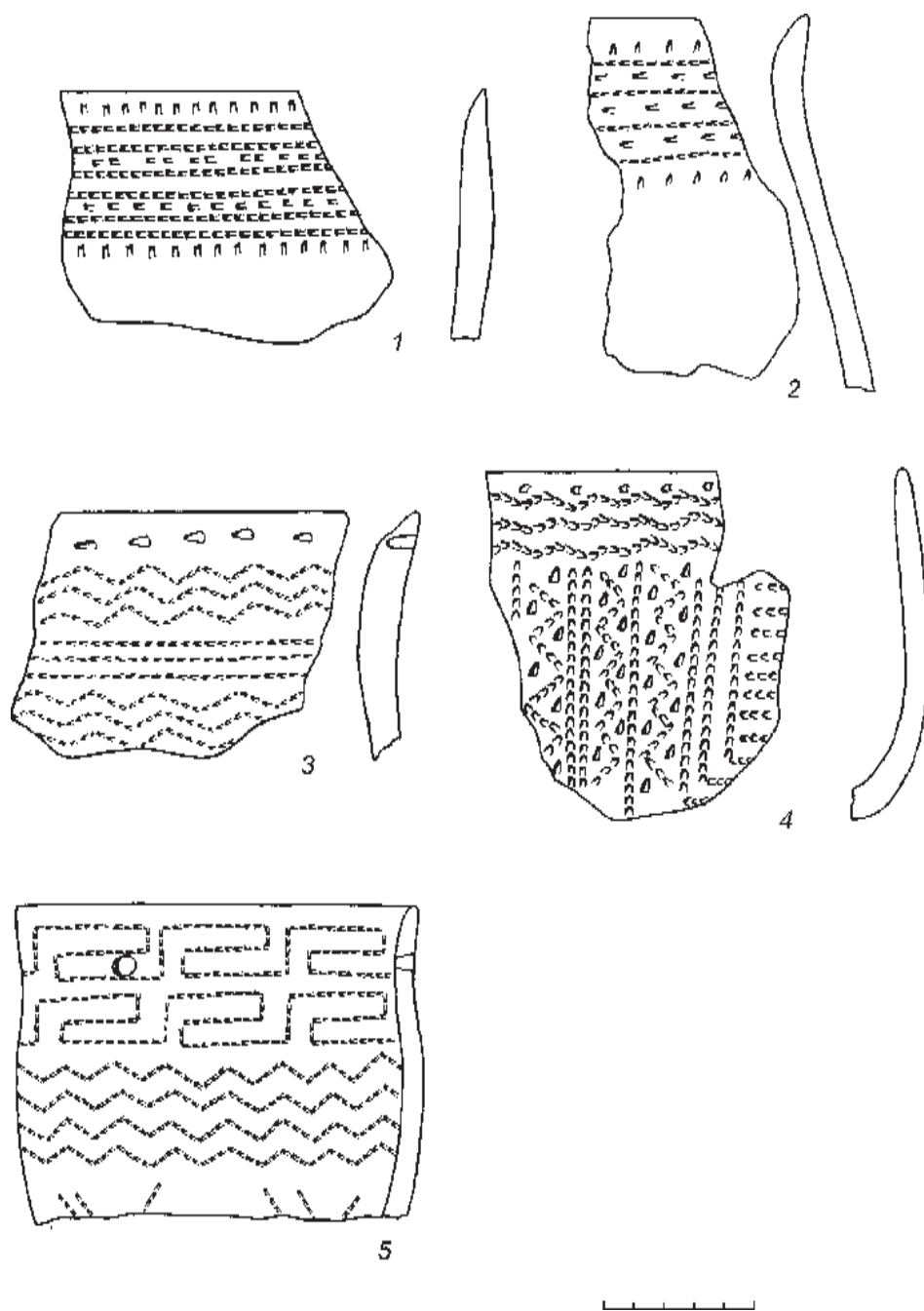

Рис.16. Керамика стоянки Тентек-сор I.

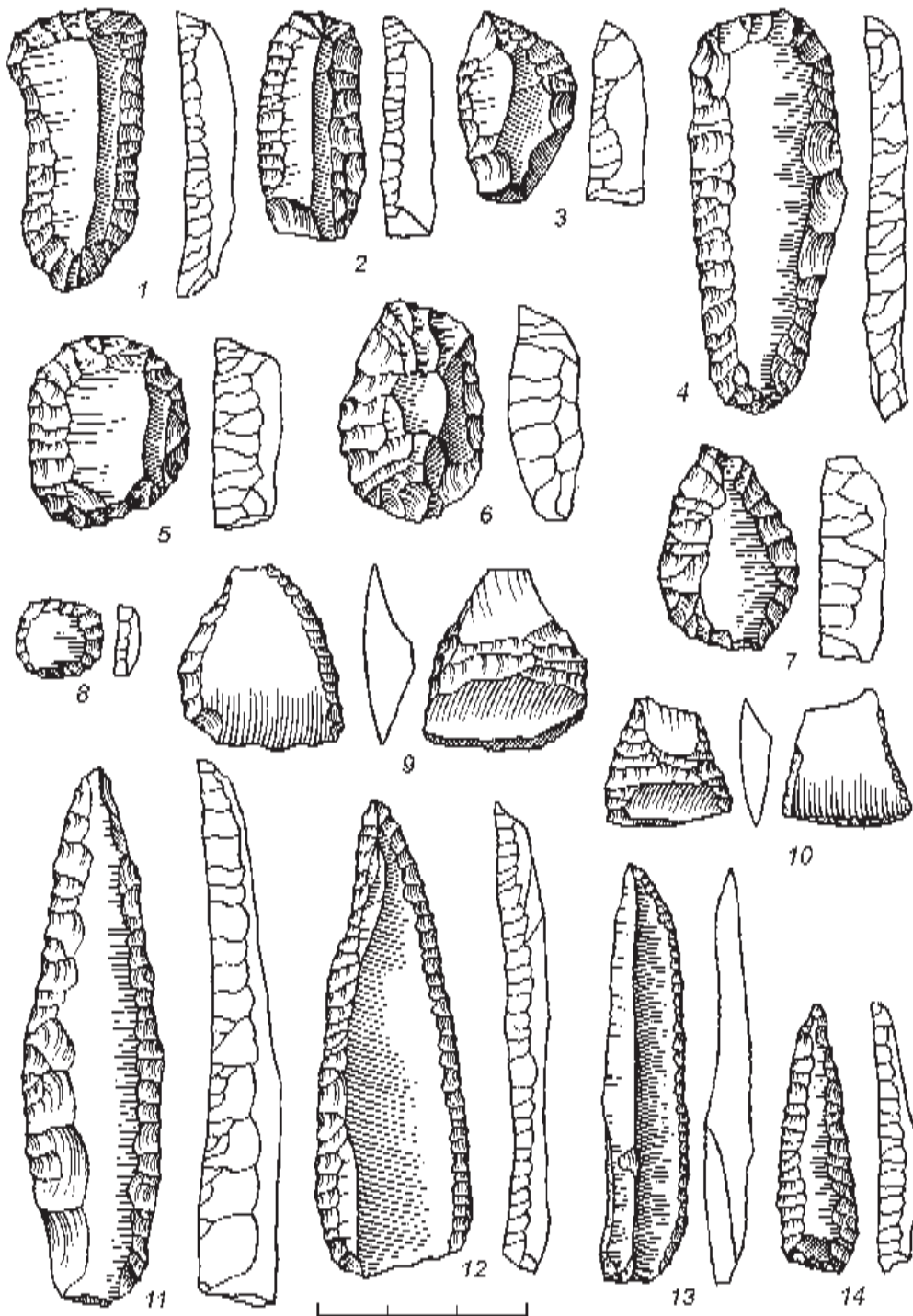

Рис.17. Кремневый инвентарь стоянки Тентек-сop I.

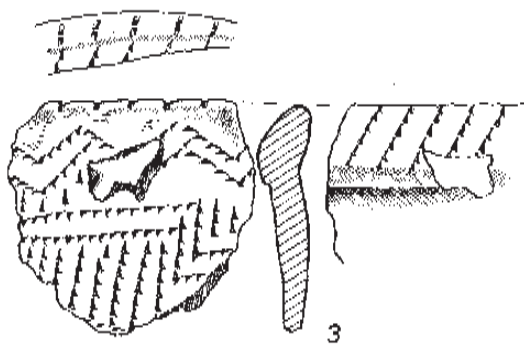
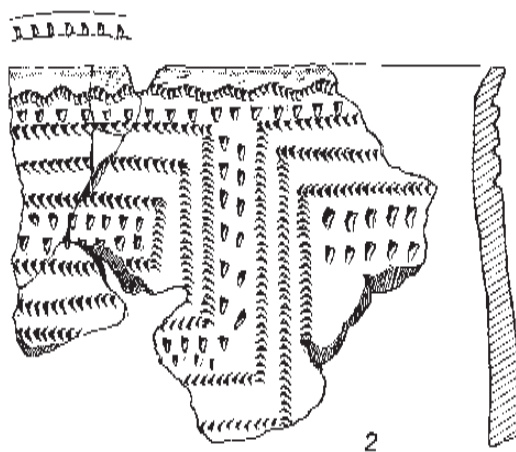
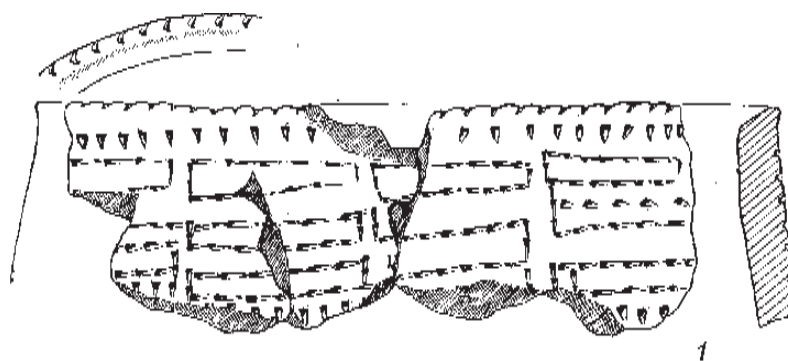

Рис.18. Керамика стоянок Тентек-сор III (1), Кызыл-хак II (2), Тау-тюбе (3).

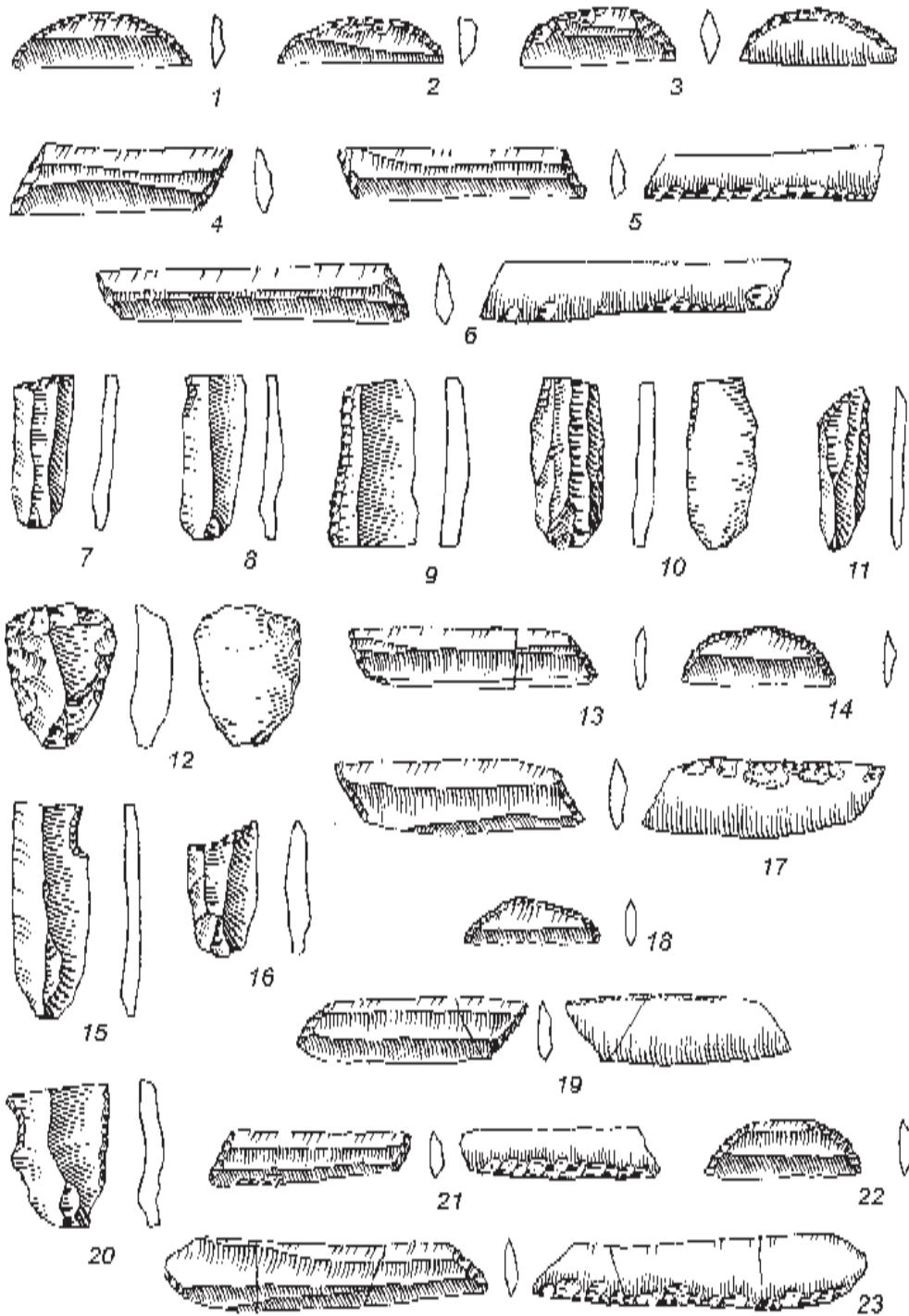

Рис.19. Кремневый инвентарь жекалганского типа Северного Прикаспия.

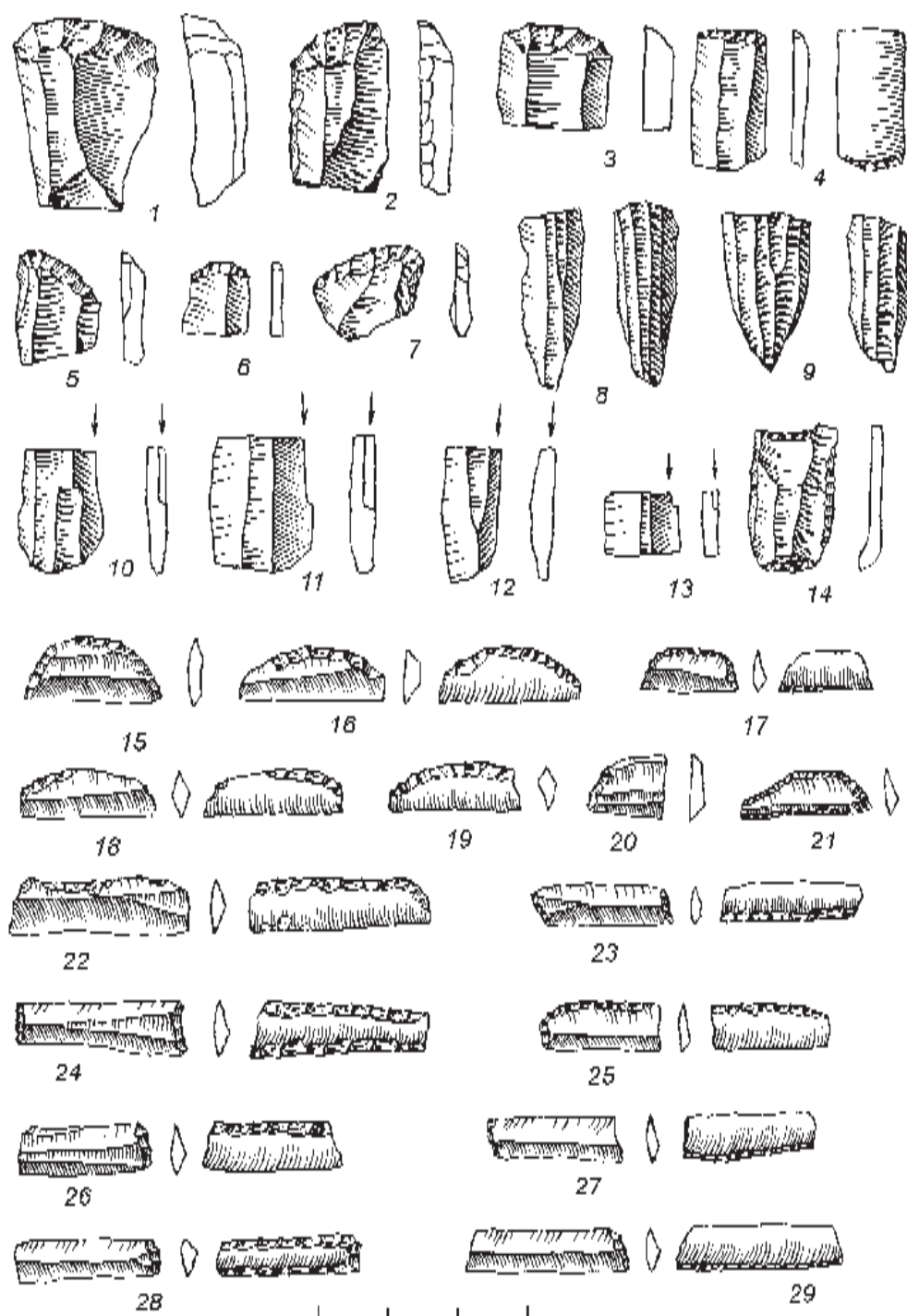

Рис.20. Кремневый инвентарь истайского типа.

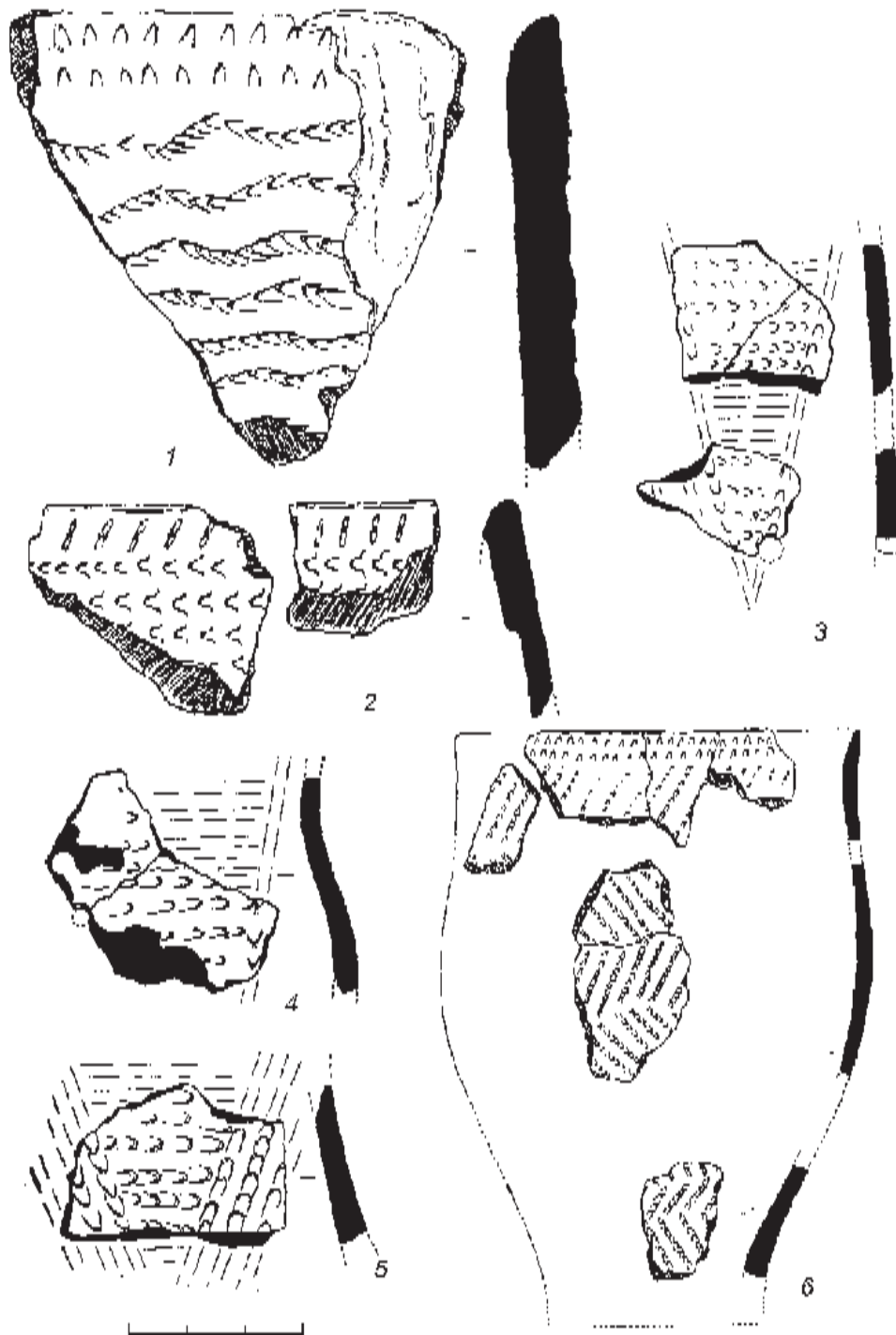

Рис.21. Керамика памятников Восточного Прикаспия.

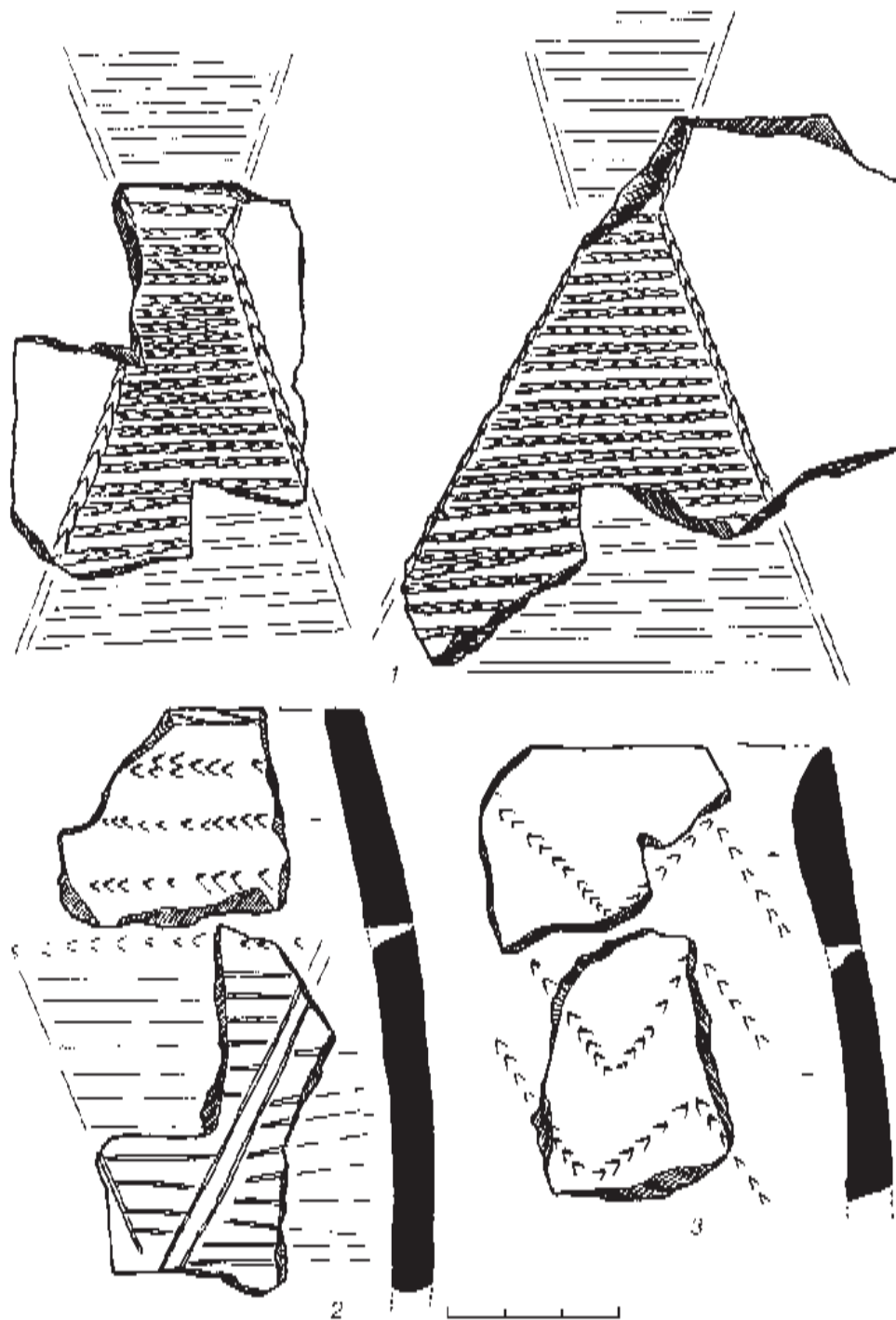

Рис.22. Керамика памятников Восточного Прикаспия.

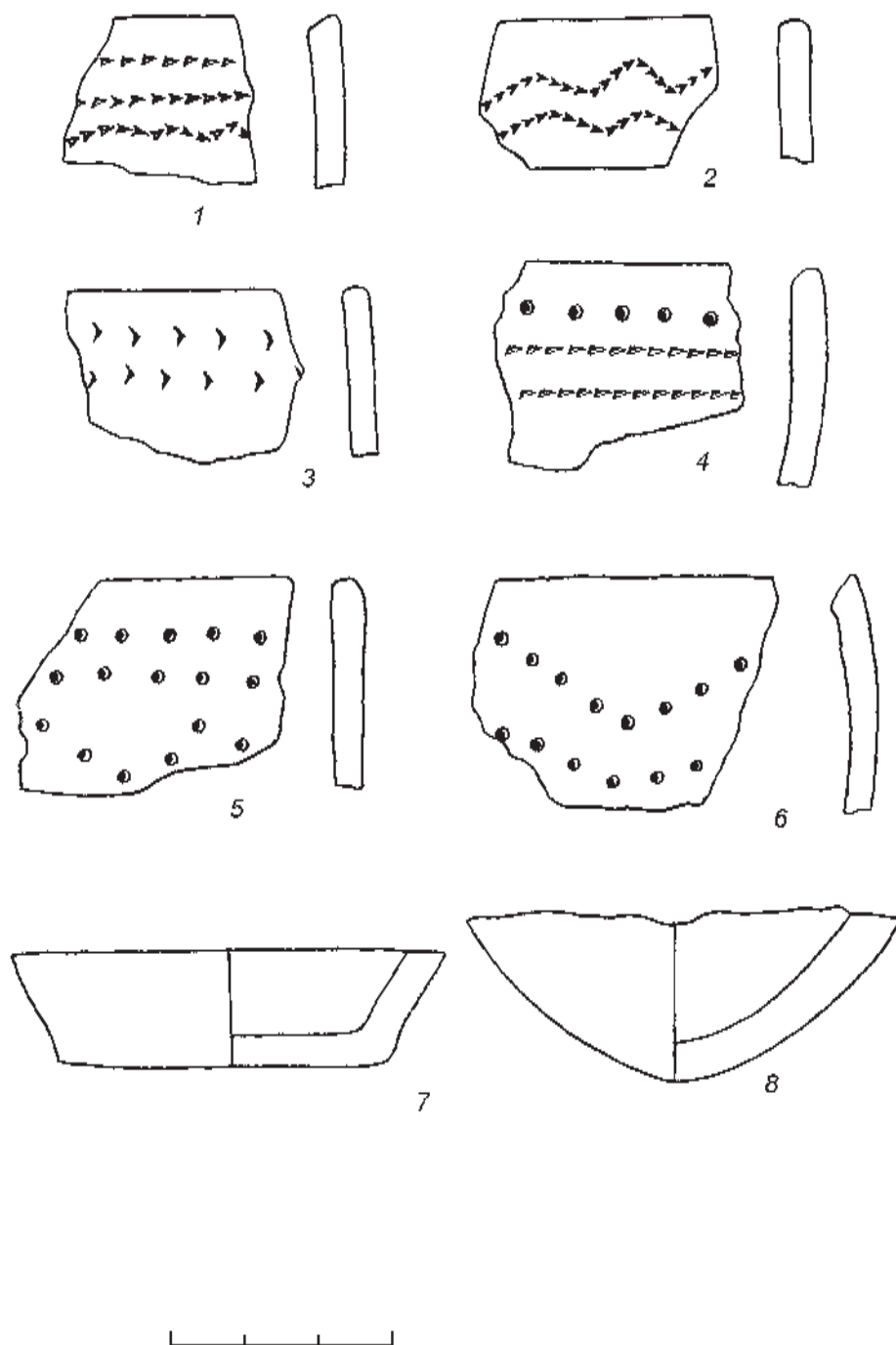

Рис.23. Керамика стоянки Ту-Бузгу-Худук I (по П.М.Кольцову).

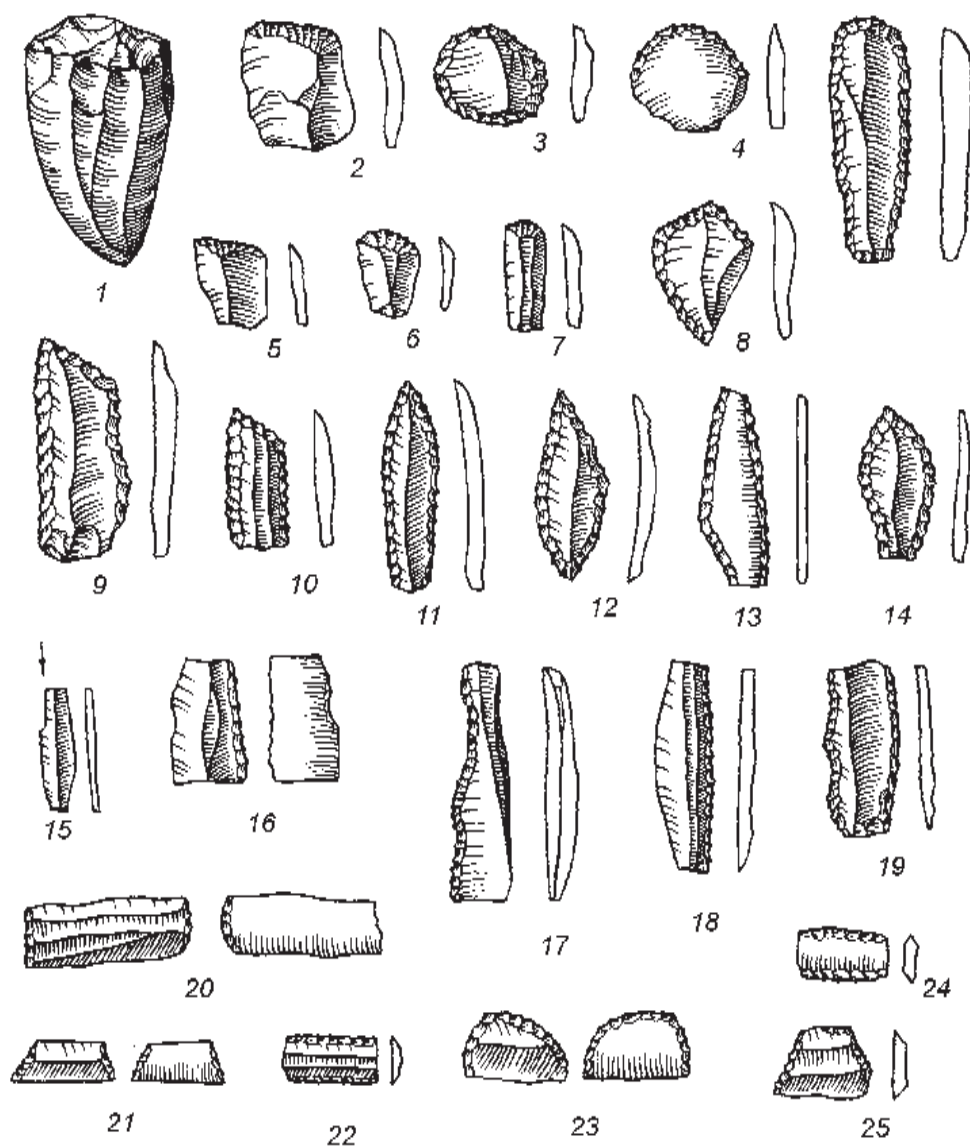

Рис.24. Кремневый инвентарь стоянки Ту-Бузгу-Худук I (по П.М.Кольцову).

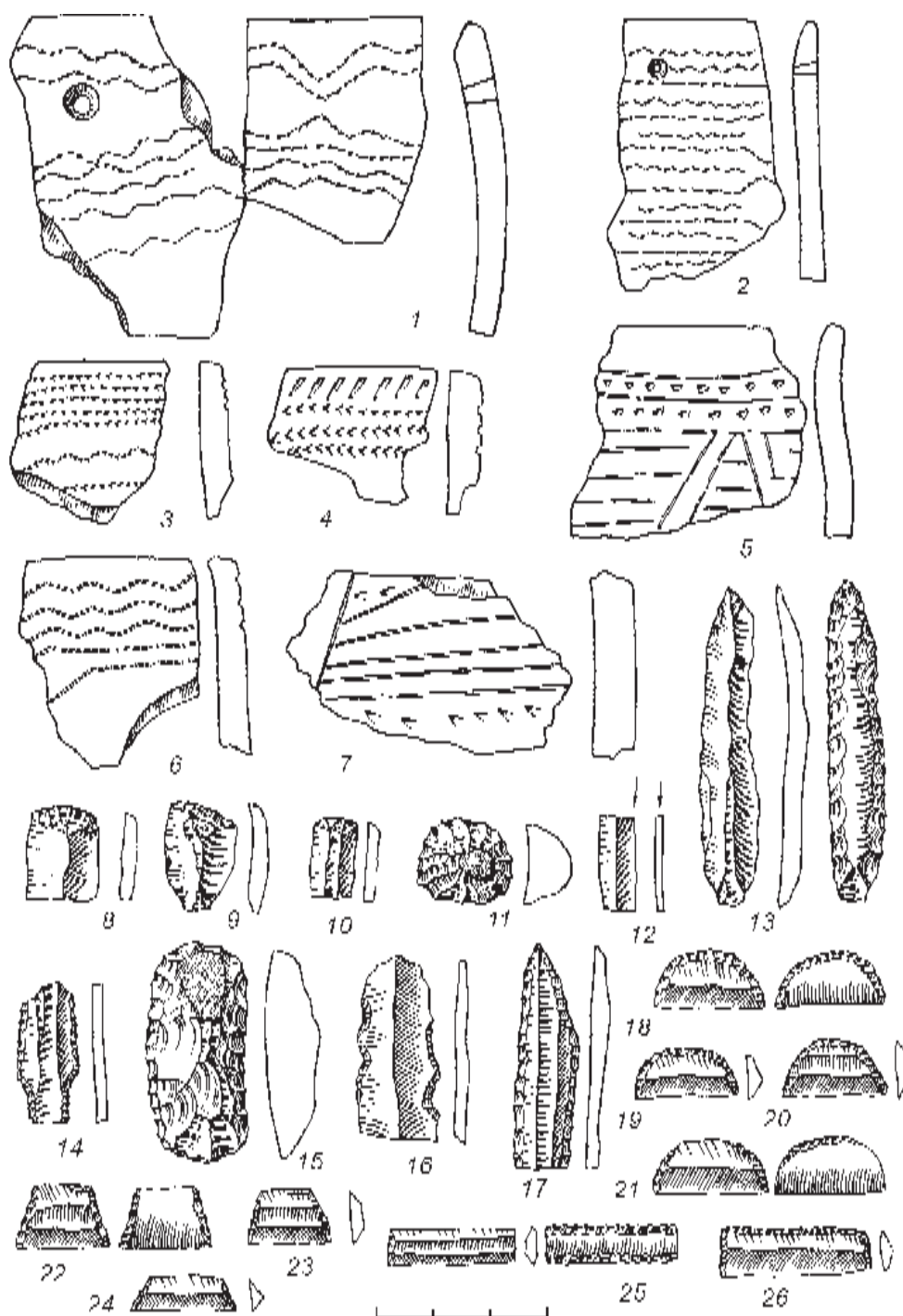

Рис.25. Инвентарь слоя 3 стоянки Джангар (по П.М.Кольцову).

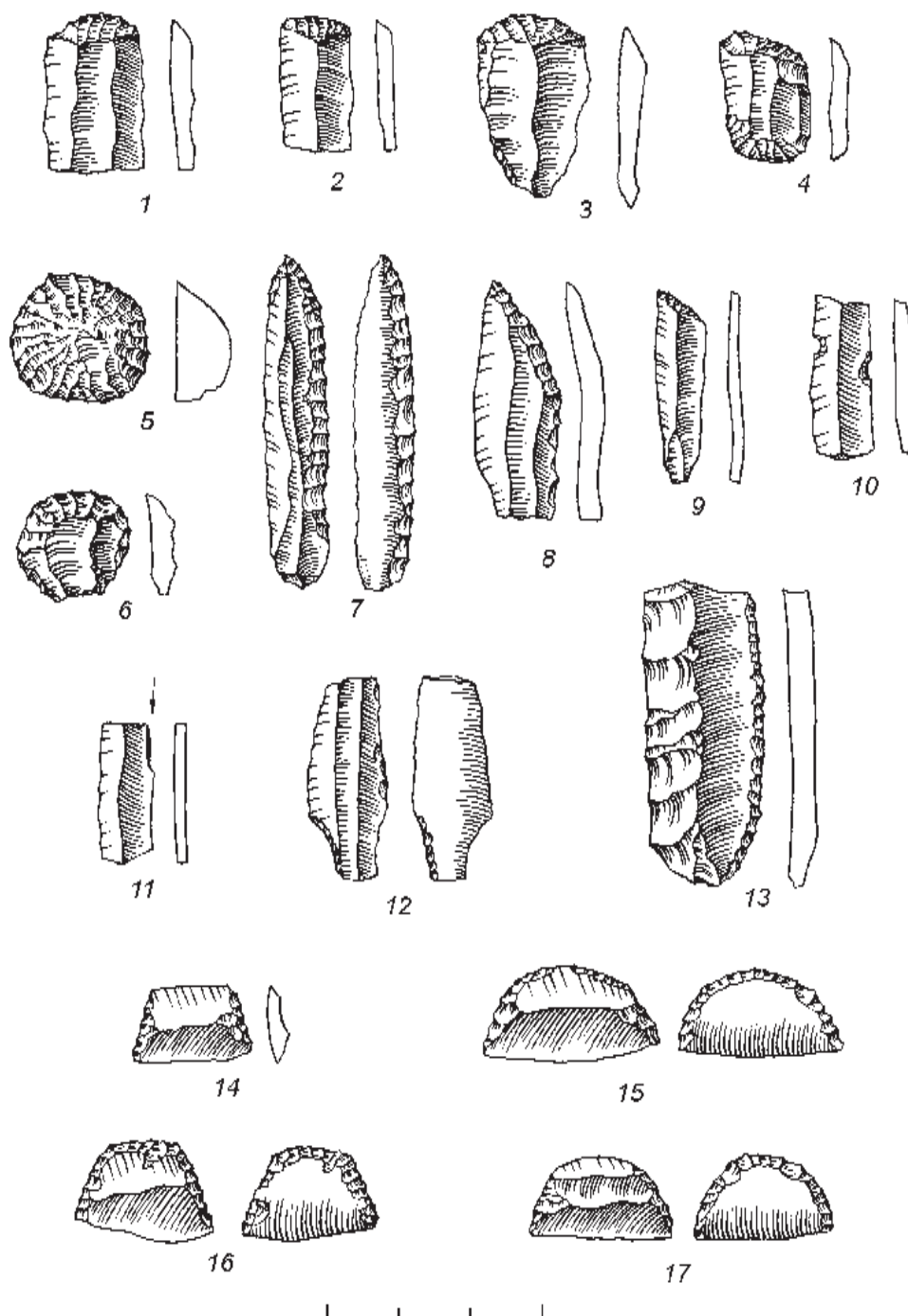

Рис.26. Кремневый инвентарь слоя 2 стоянки Джангар (по П.М.Кольцову).

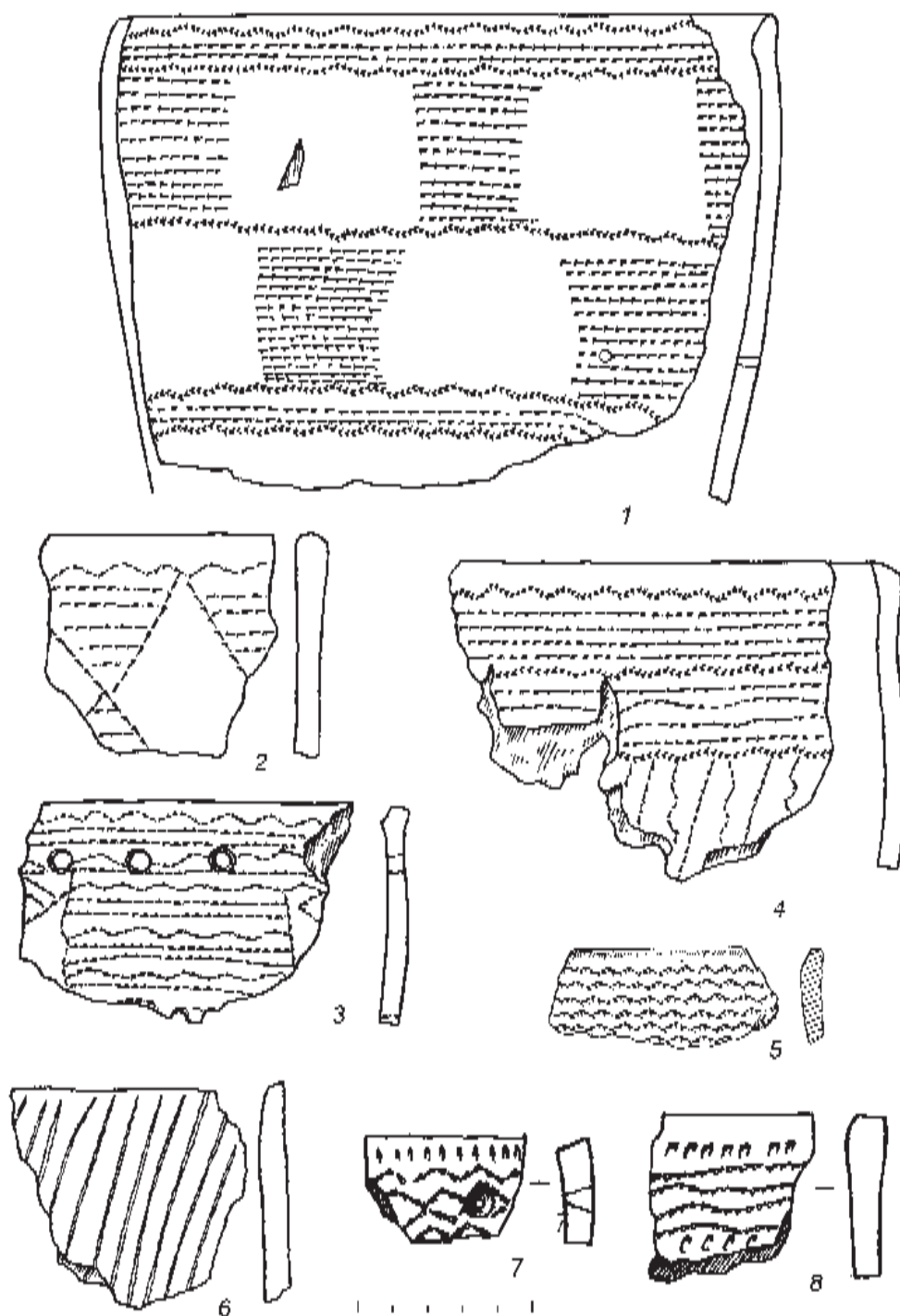

Рис.27. Керамика слоя 2 стоянки Джангар (по П.М.Кольцову).

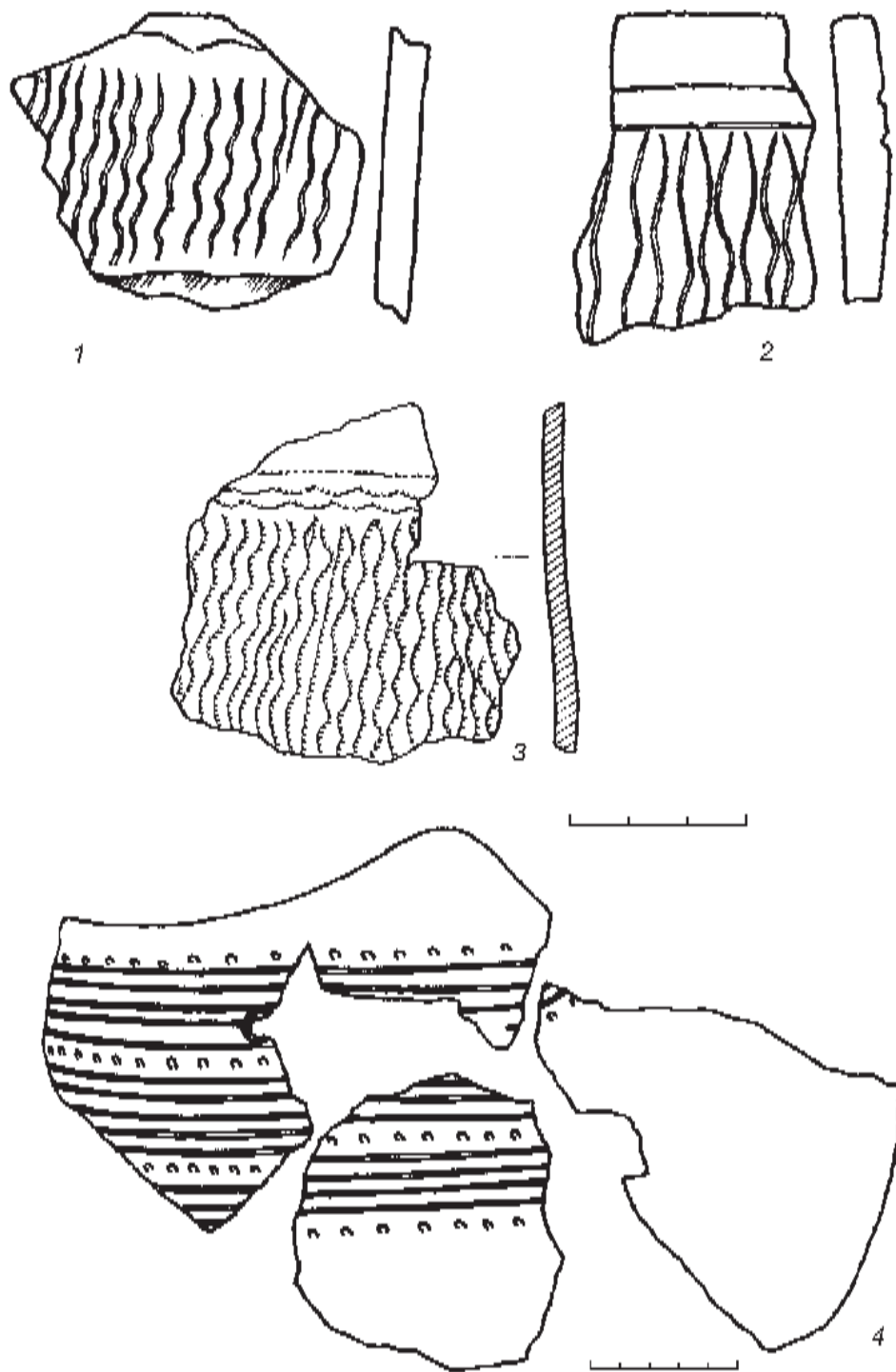

Рис.28. Керамика слоя 2 стоянки Джангар (по П.М.Кольцову).

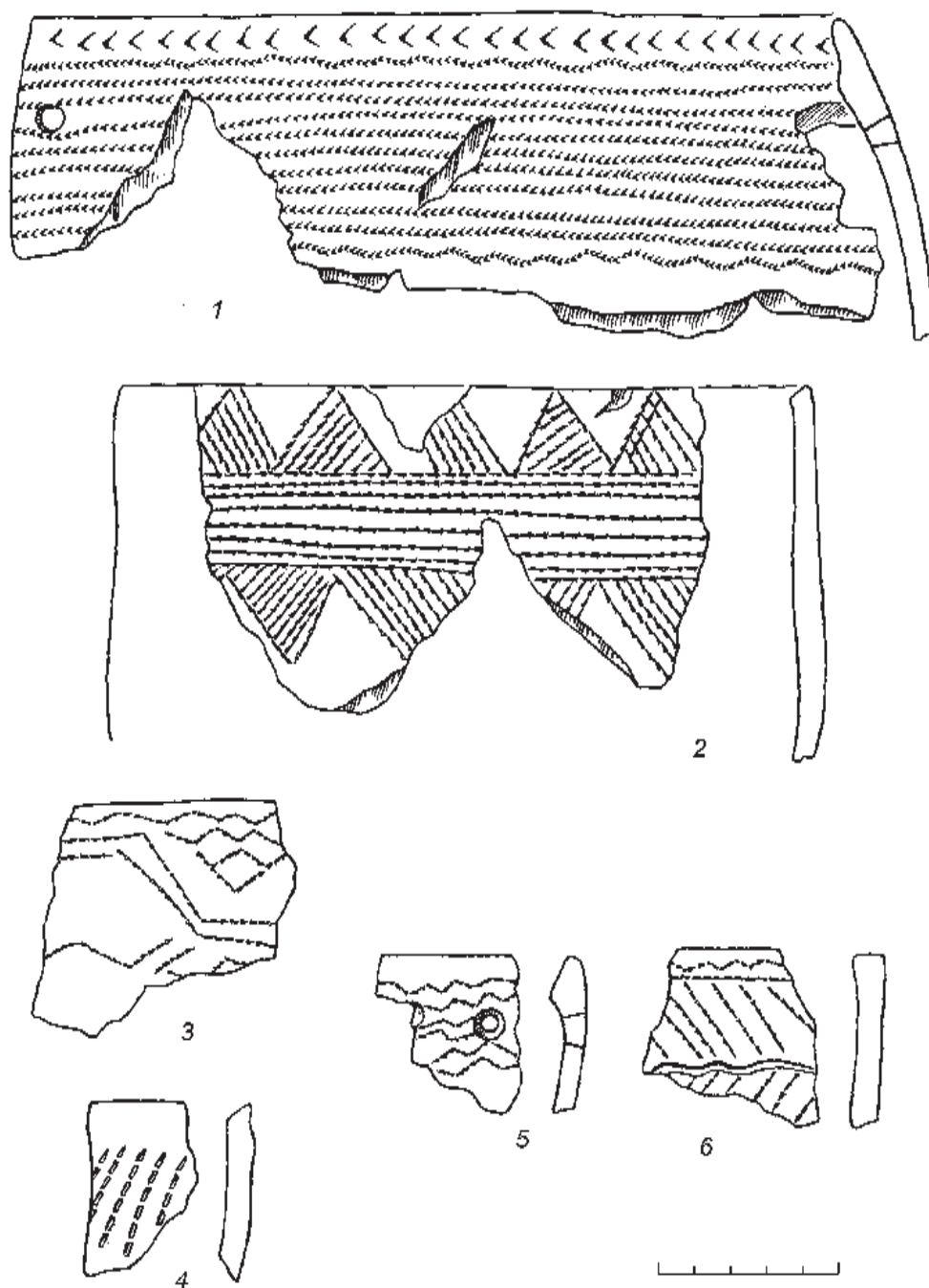

Рис.29. Керамика слоя 1 стоянки Джангар (по П.М.Кольцову).

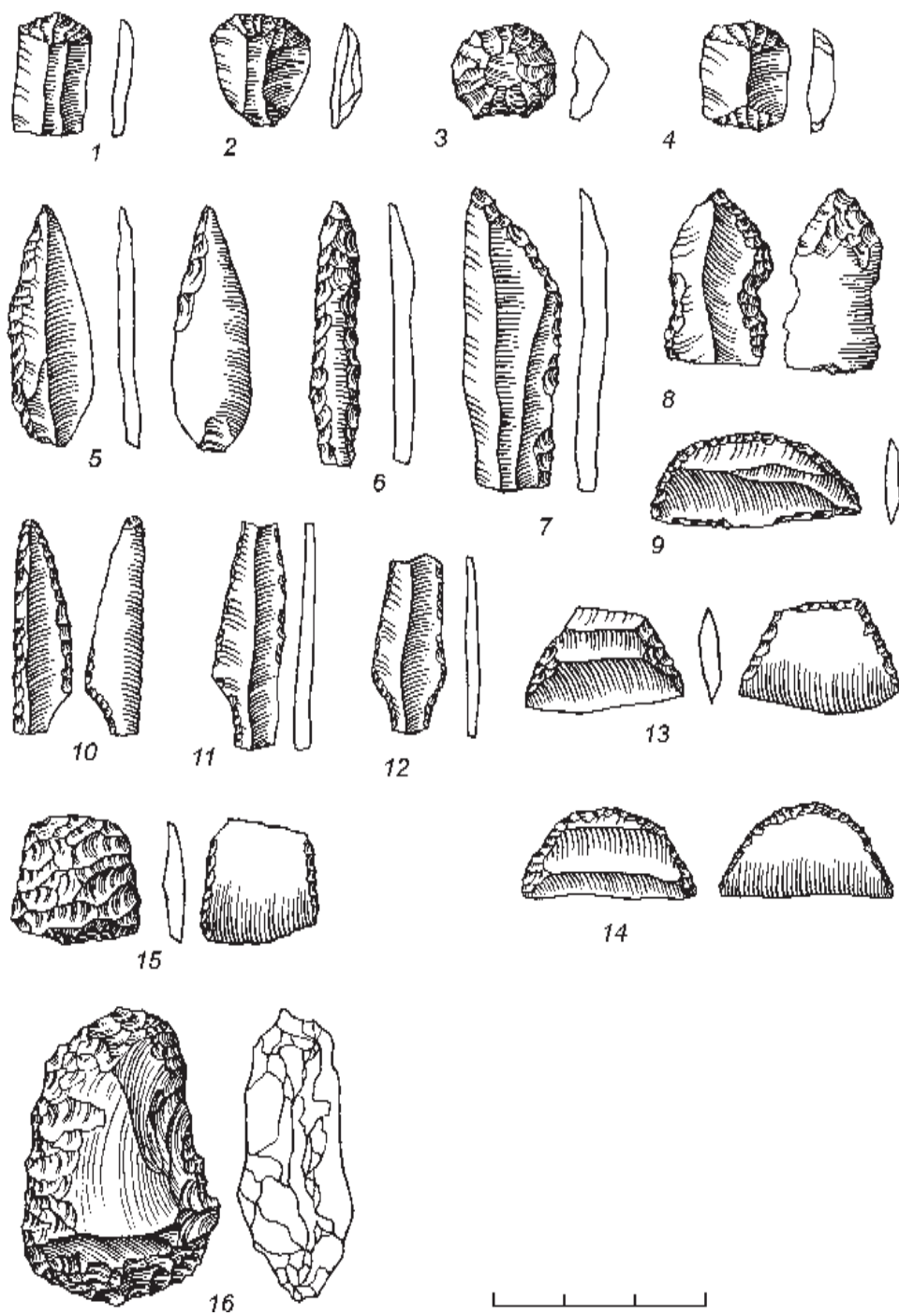

Рис.30. Кремневый инвентарь слоя 1 стоянки Джангар (по П.М.Кольцову).

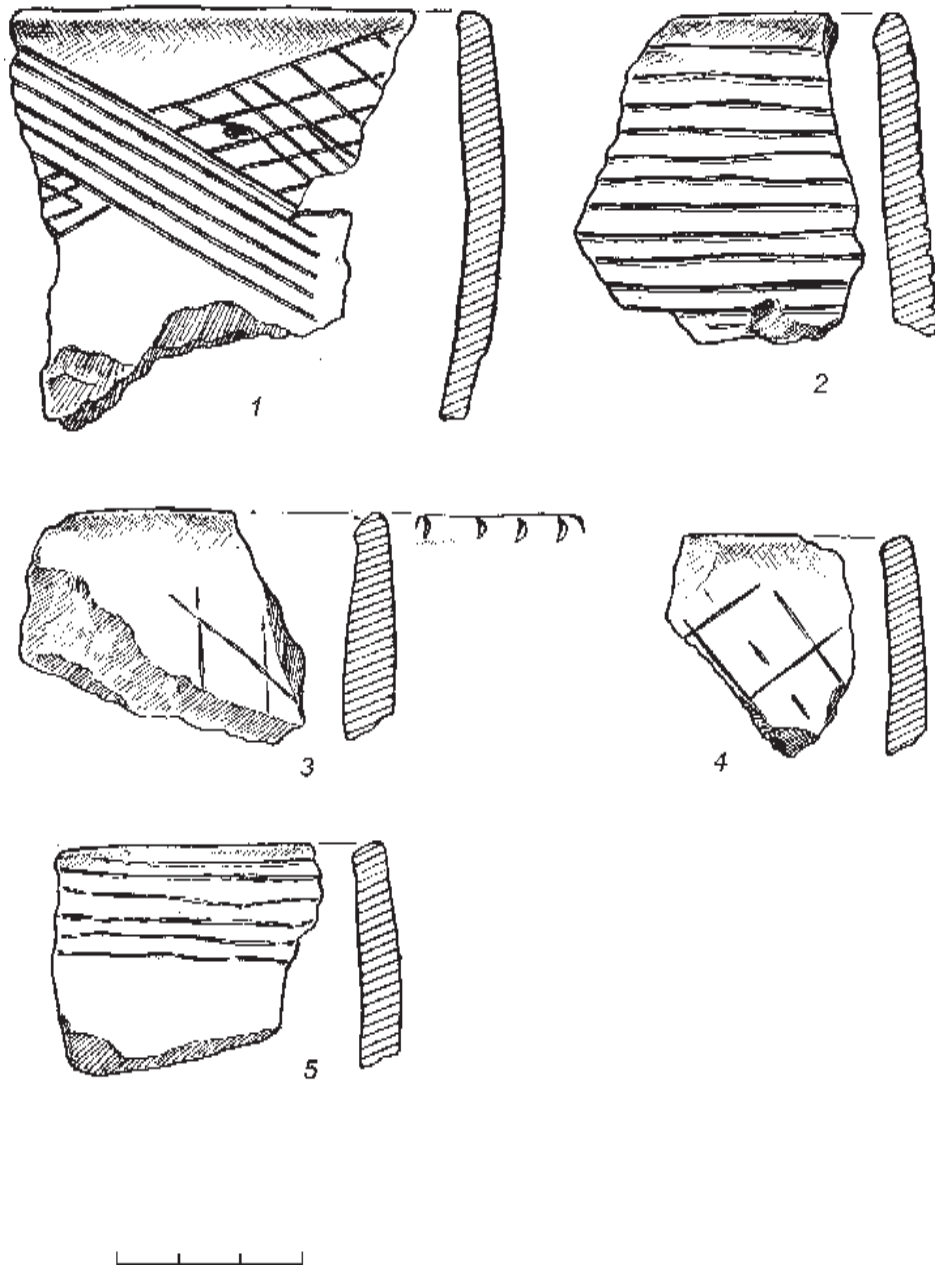

Рис.31. Керамика слоев 3 и 2 стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

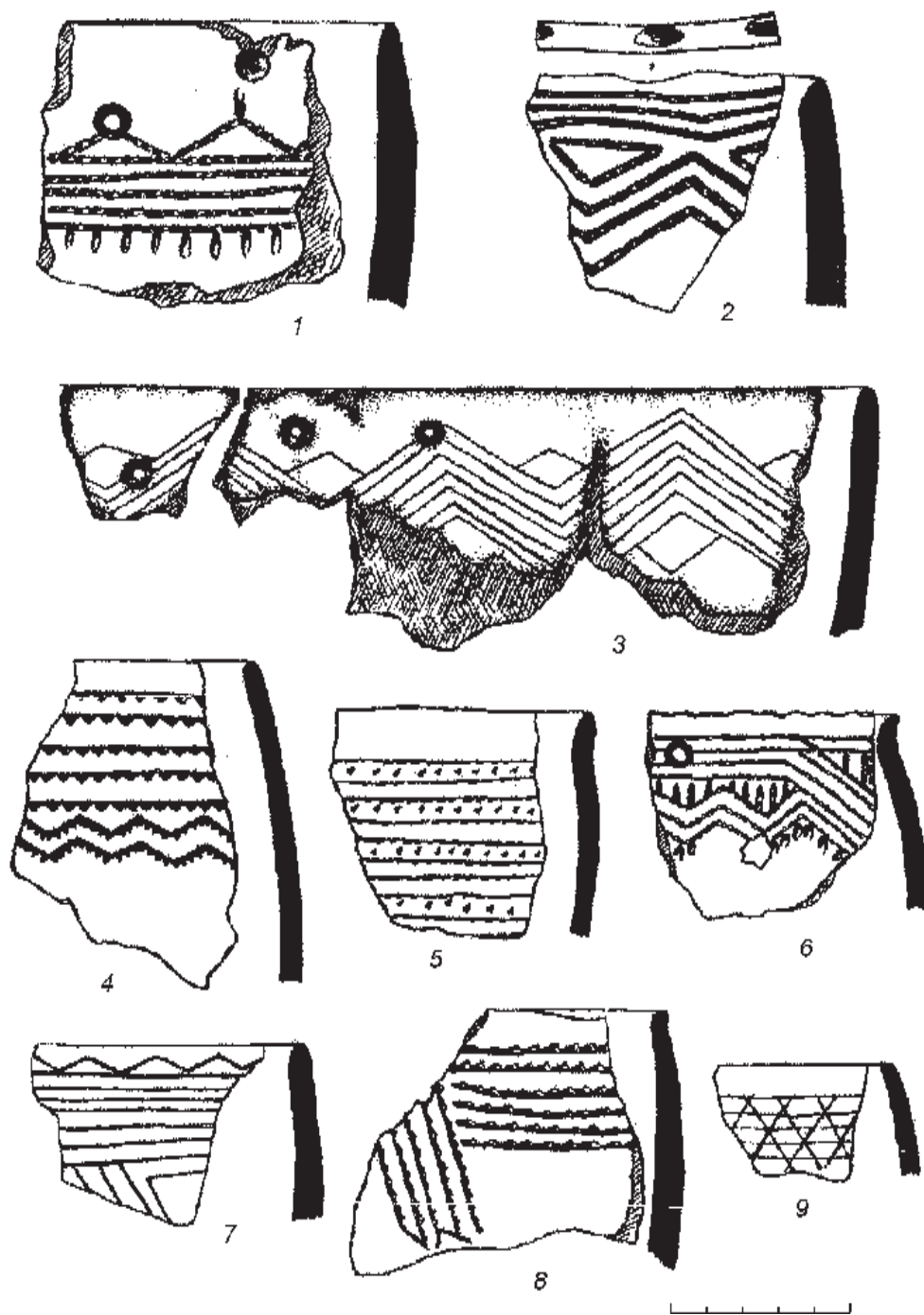

Рис.32. Керамика слоя 3 стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

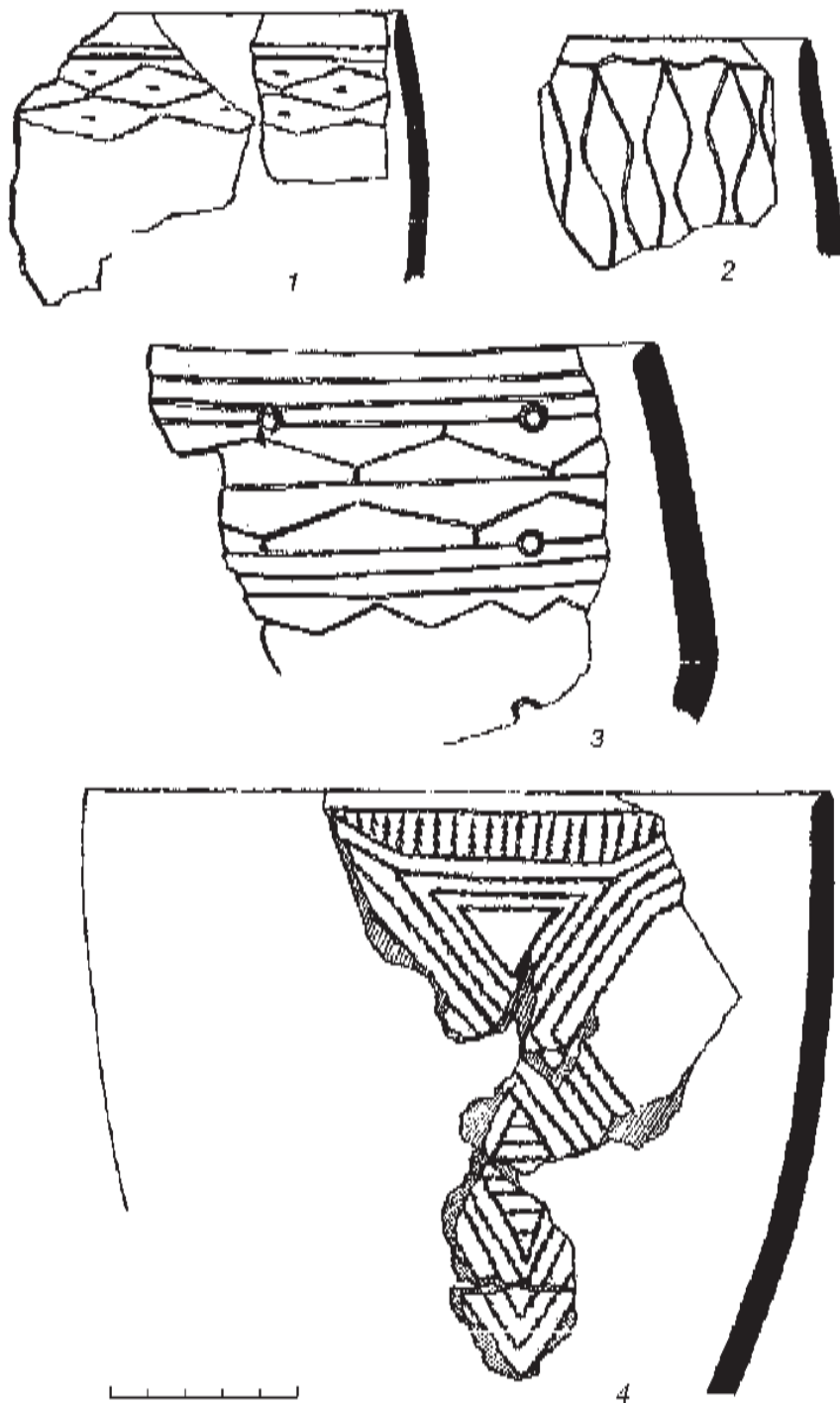

Рис.33. Керамика слоя 3 стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

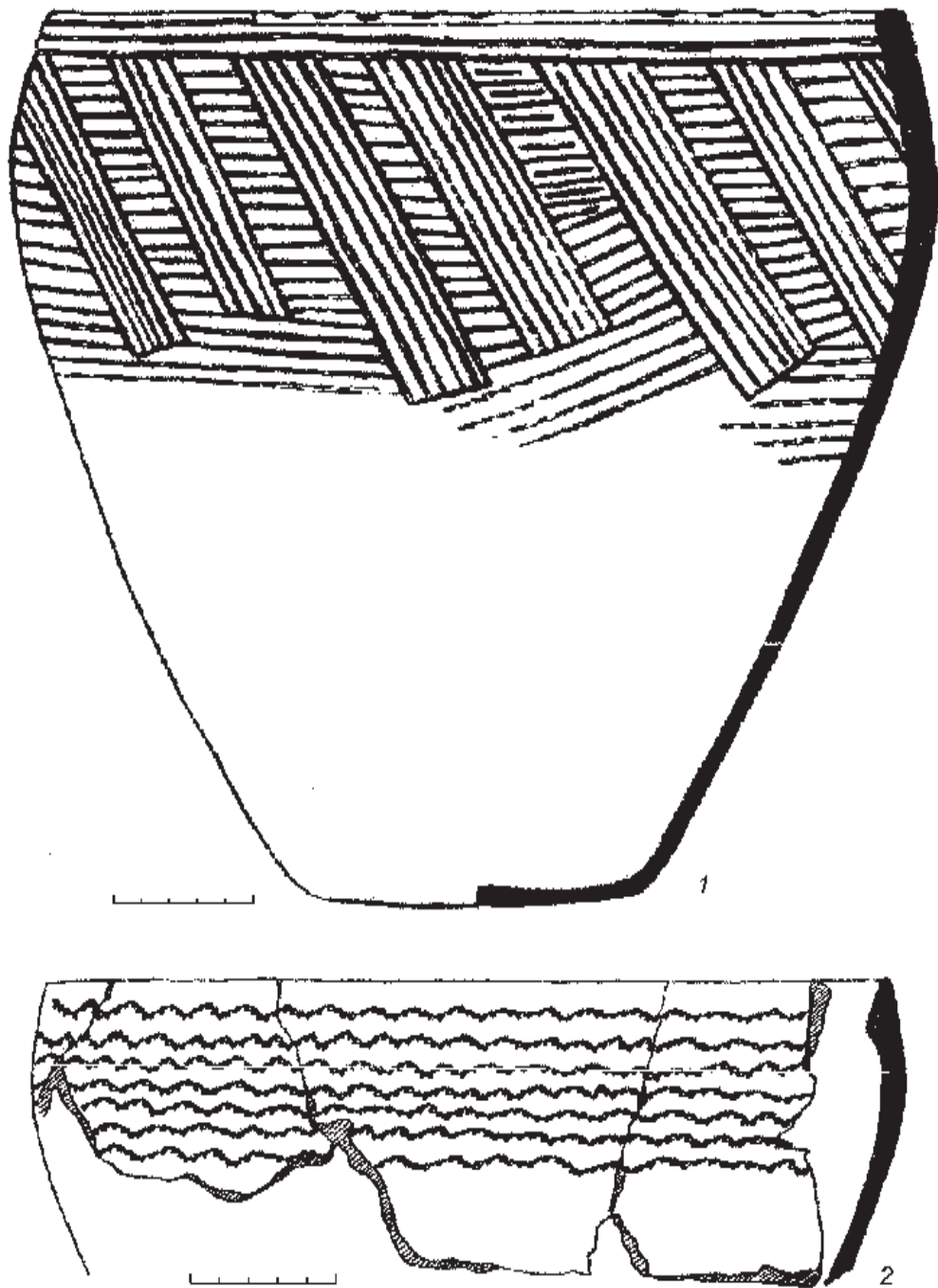

Рис.34. Керамика слоя 26 стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

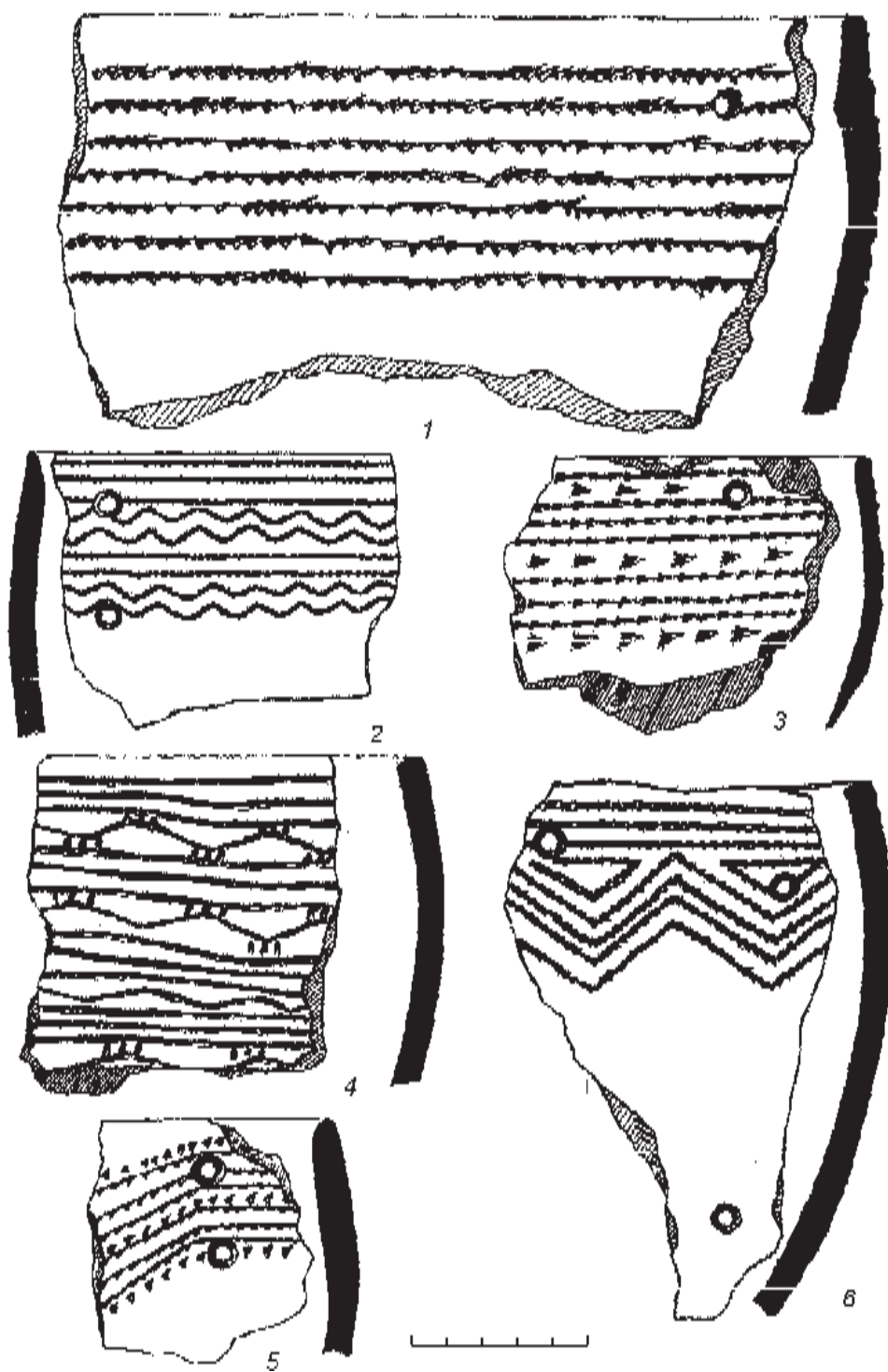

Рис.35. Керамика слоя 26 стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

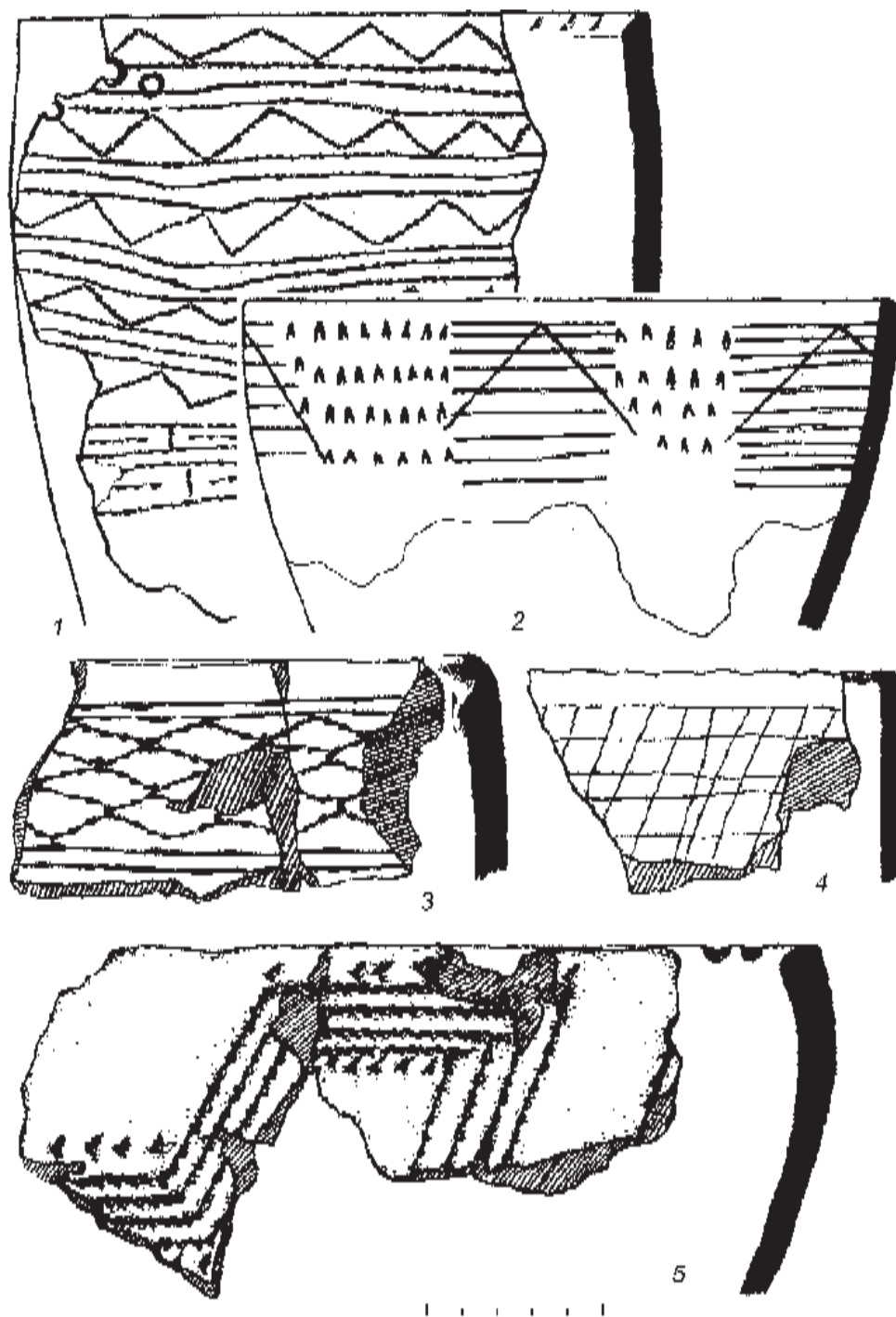

Рис.36. Керамика слоя 26 стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

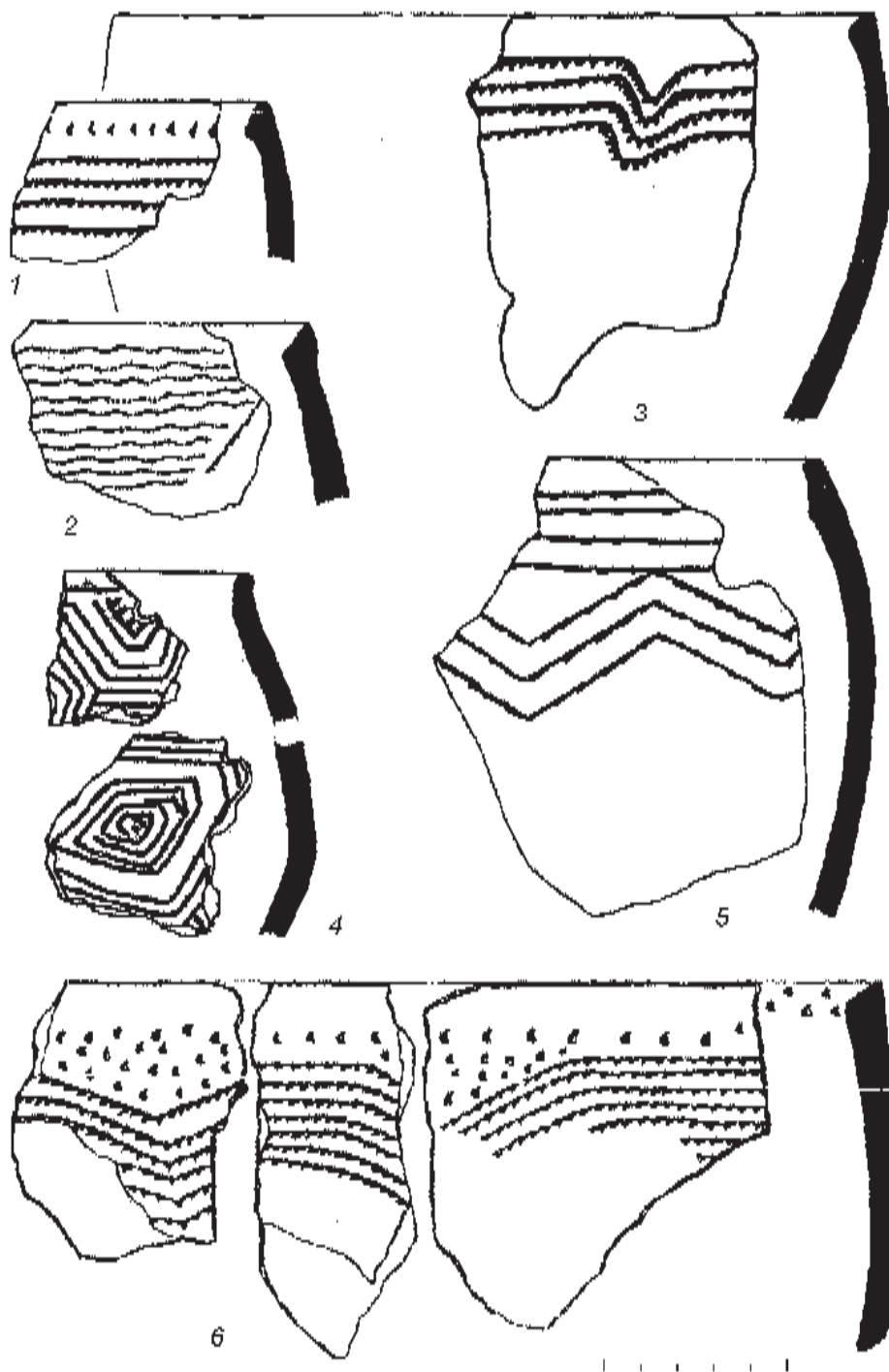

Рис.37. Керамика слоя 2а стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

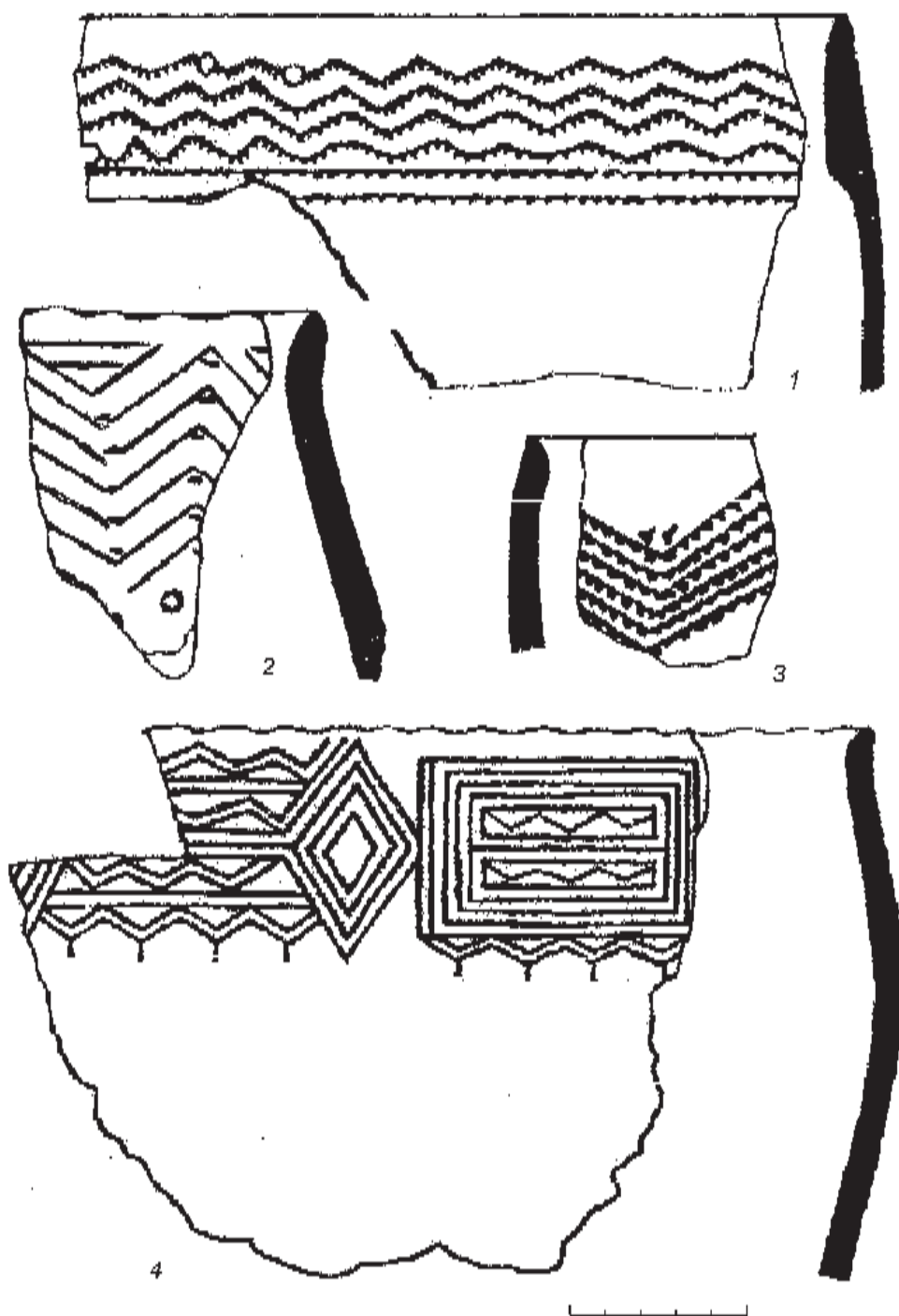

Рис.38. Керамика слоя 2а стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

Рис.39. Керамика слоя 2а стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

Рис.40. Инвентарь слоя 3 стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

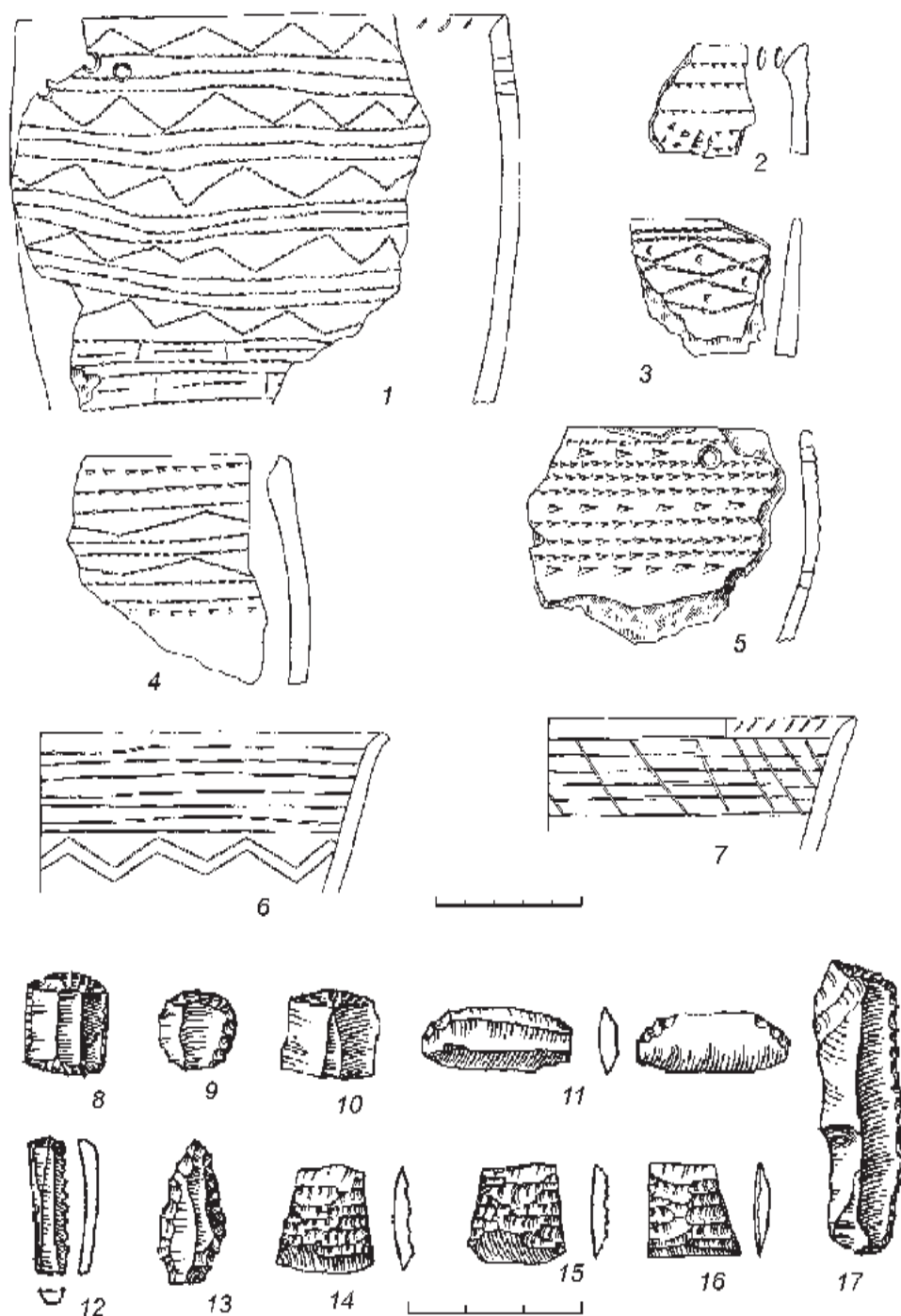

Рис.41. Инвентарь слоя 26 стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

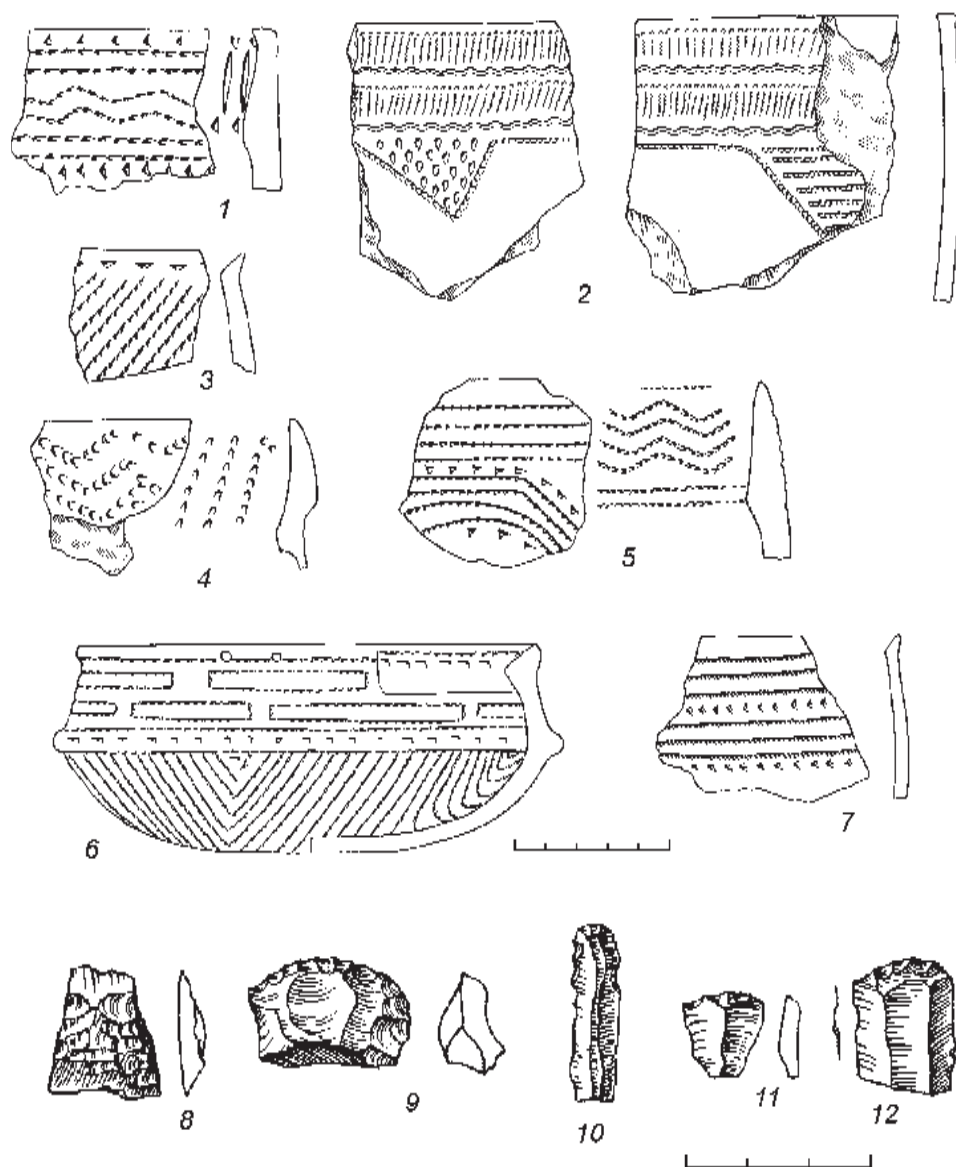

Рис.42. Инвентарь слоя 2а стоянки Варфоломеевская (по А.И.Юдину).

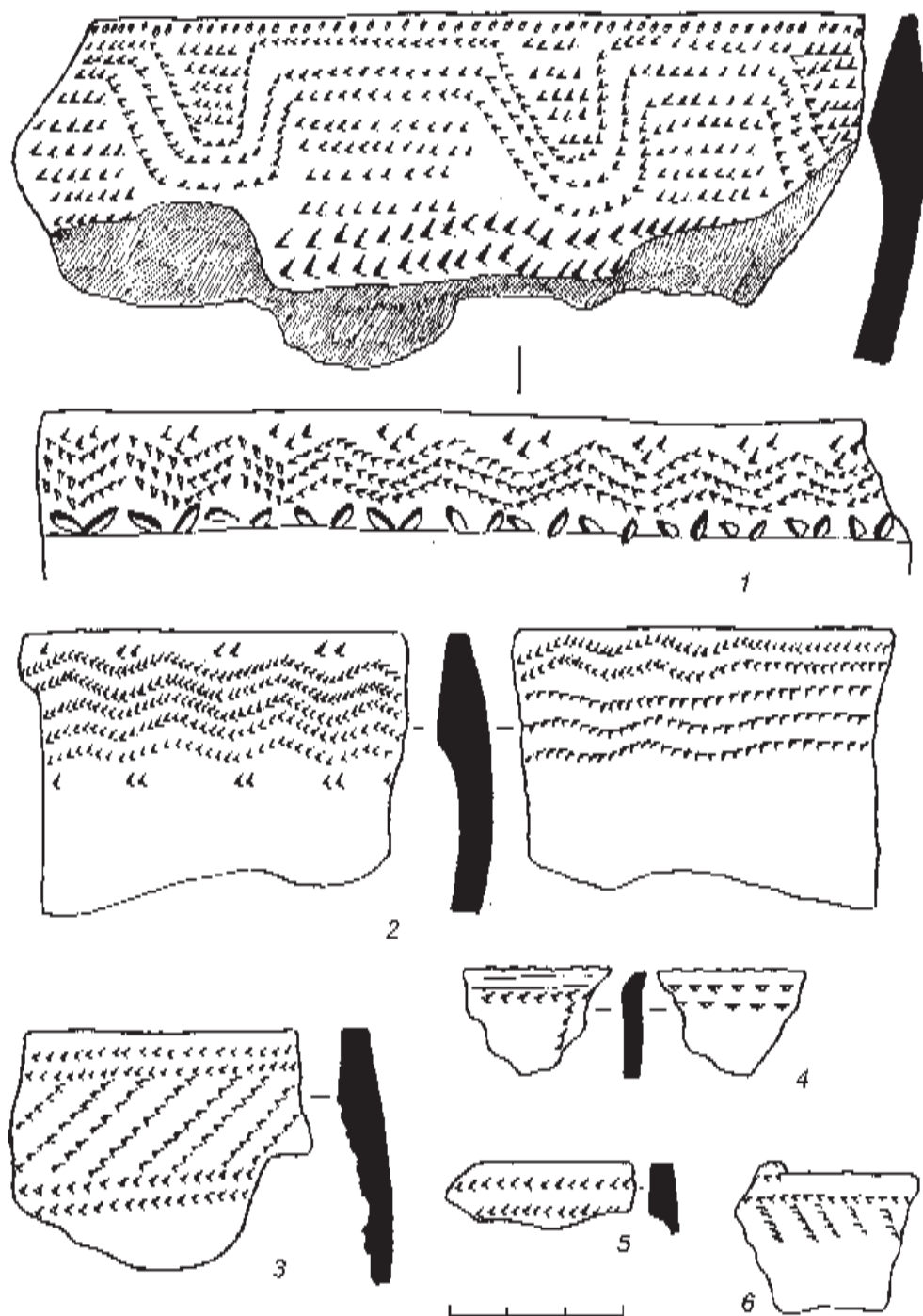

Рис.43. Керамика стоянки Орловка (по В.И.Мамонтову).

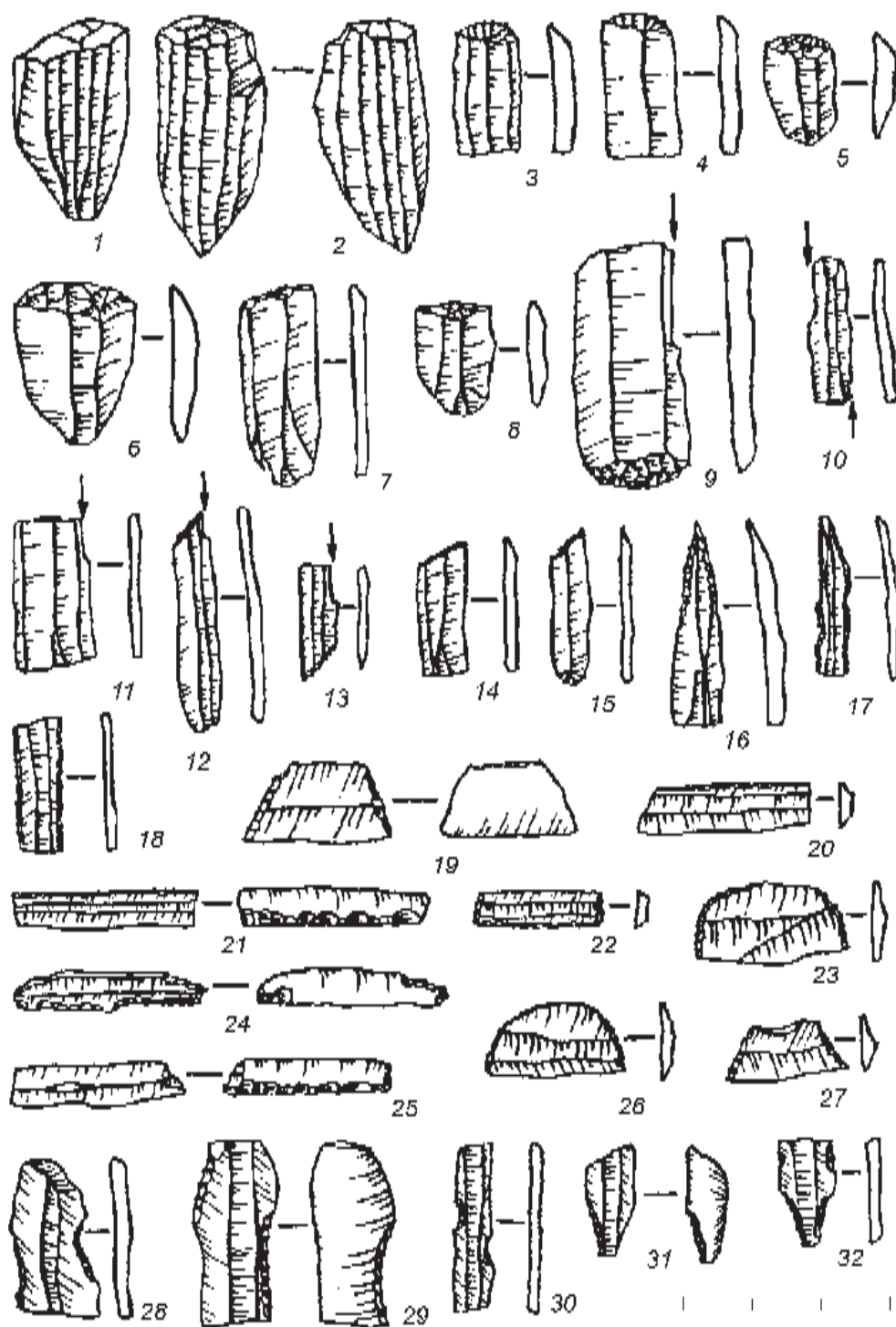

Рис.44. Кремневый инвентарь стоянки Харба (по П.М.Кольцову).

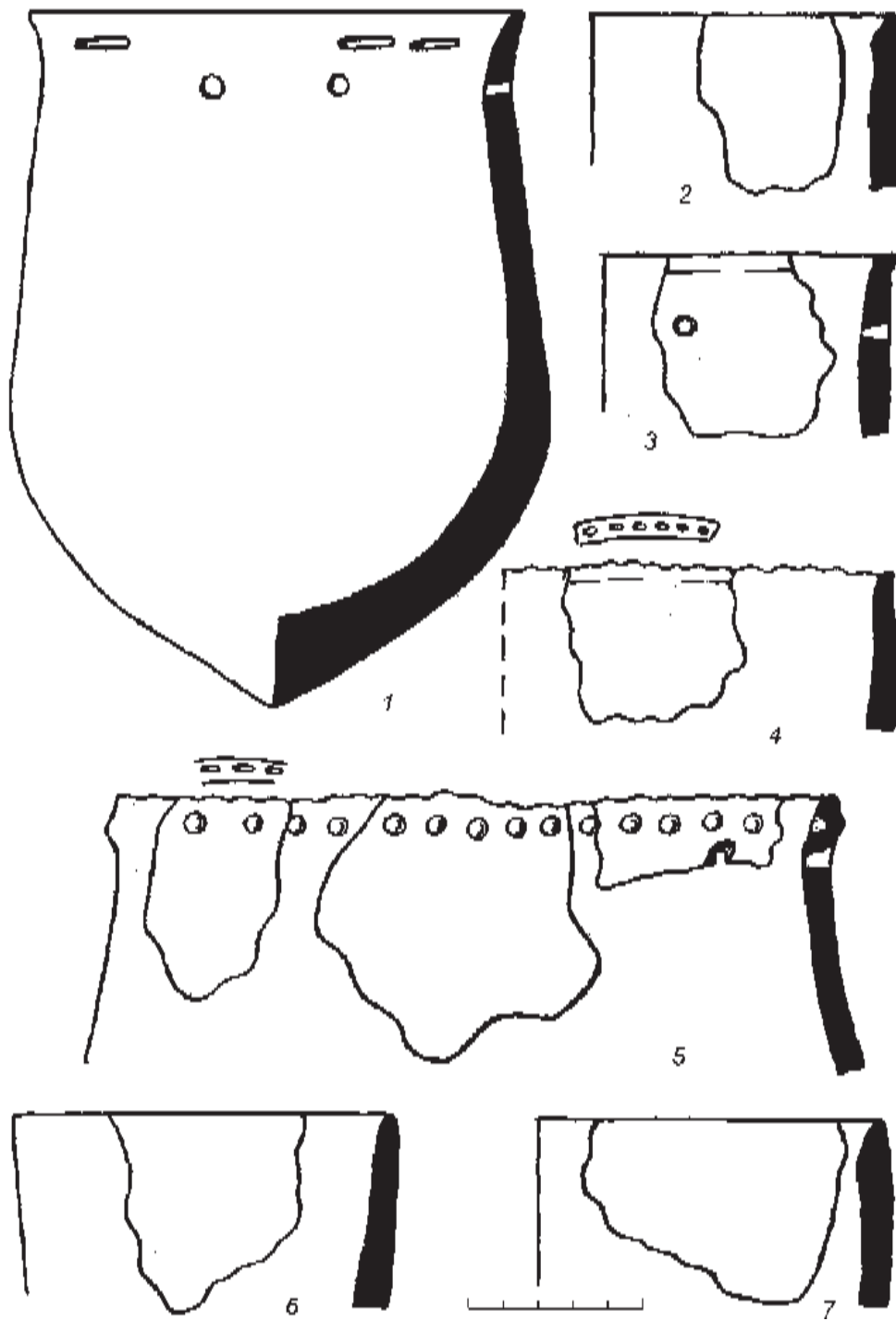

Рис.45. Керамика Старо-Елшанской стоянки.

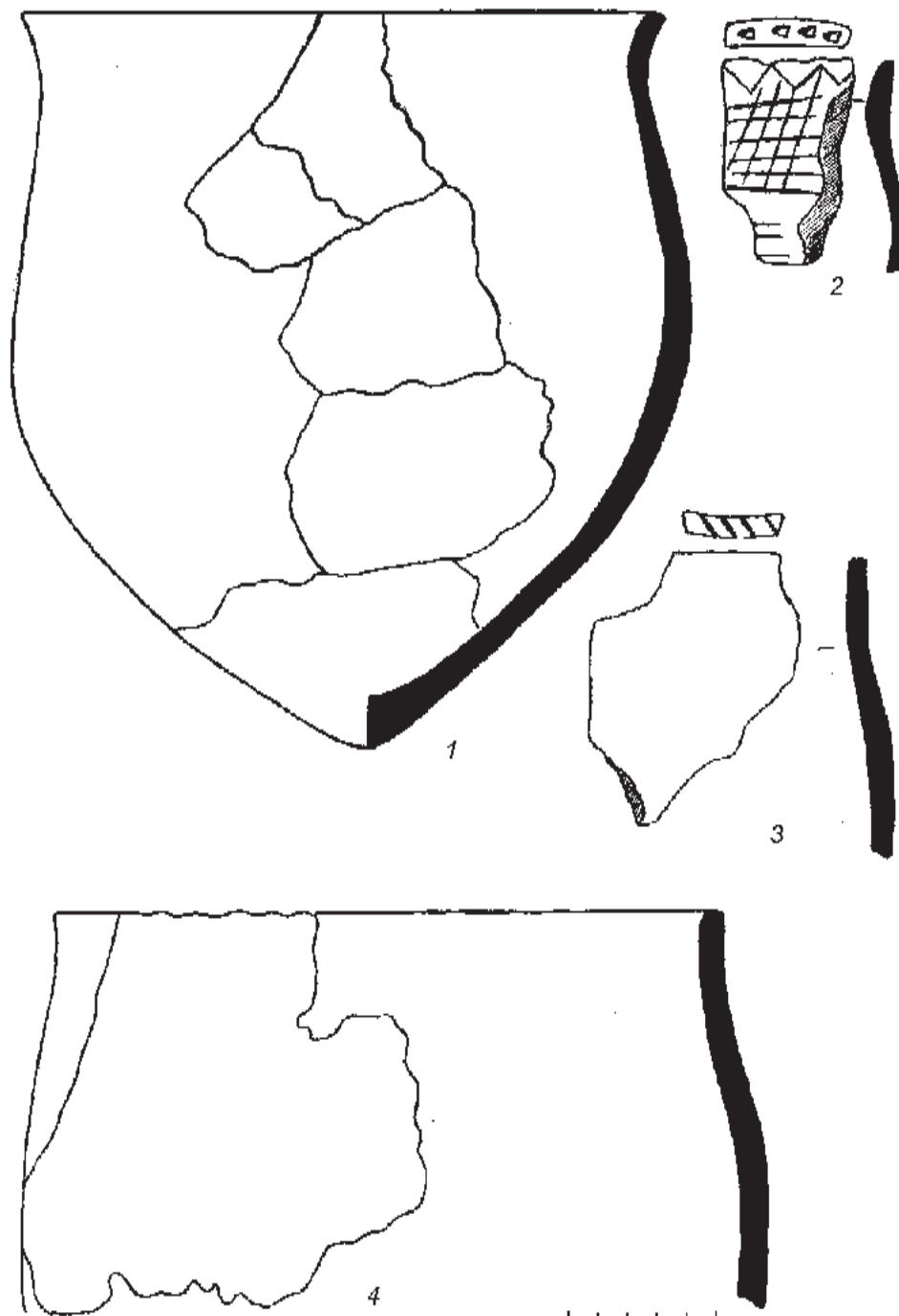

Рис.46. Керамика Ивановской стоянки (по Н.Л.Моргуновой).

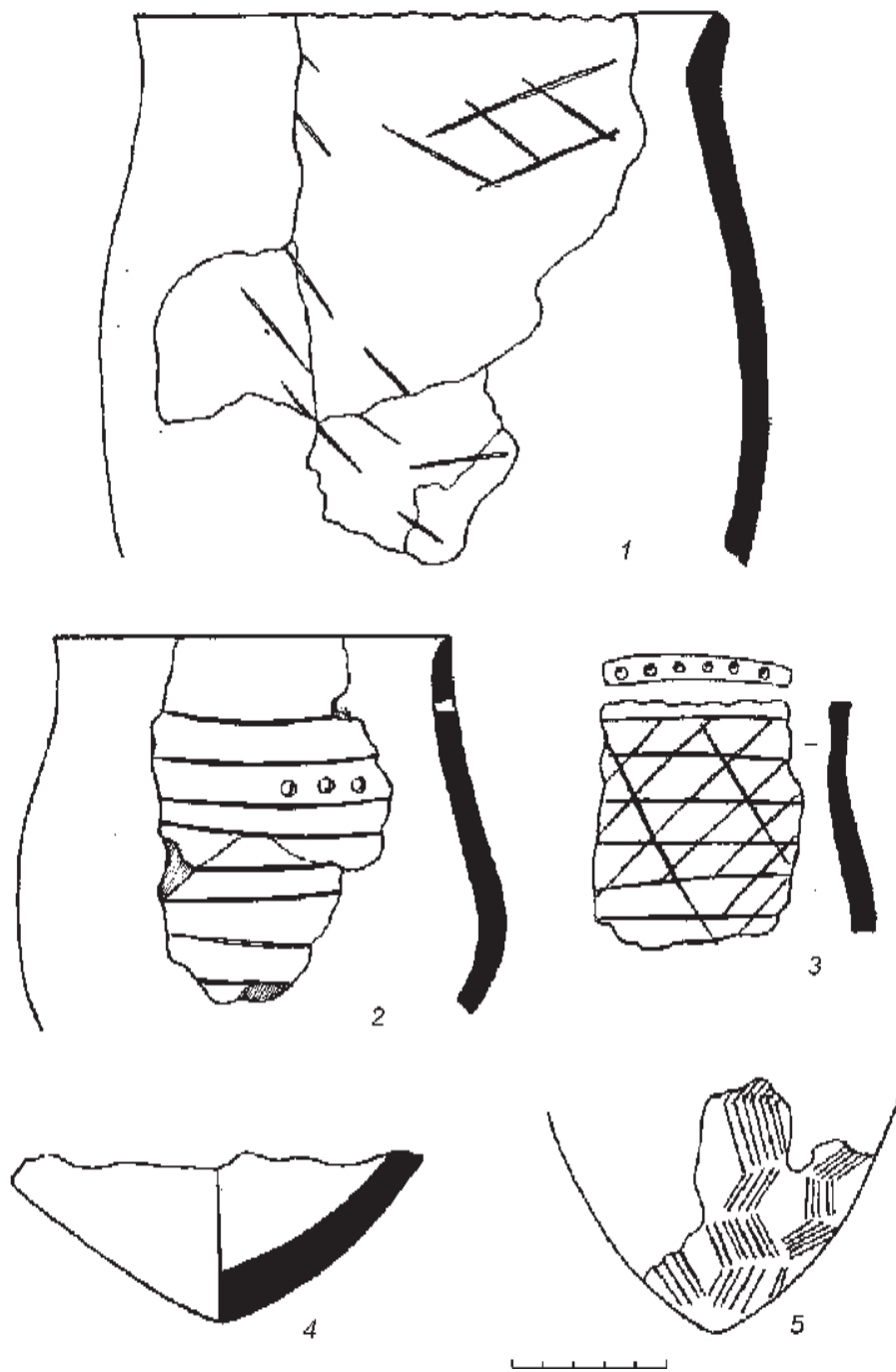

Рис.47. Керамика Ивановской стоянки.

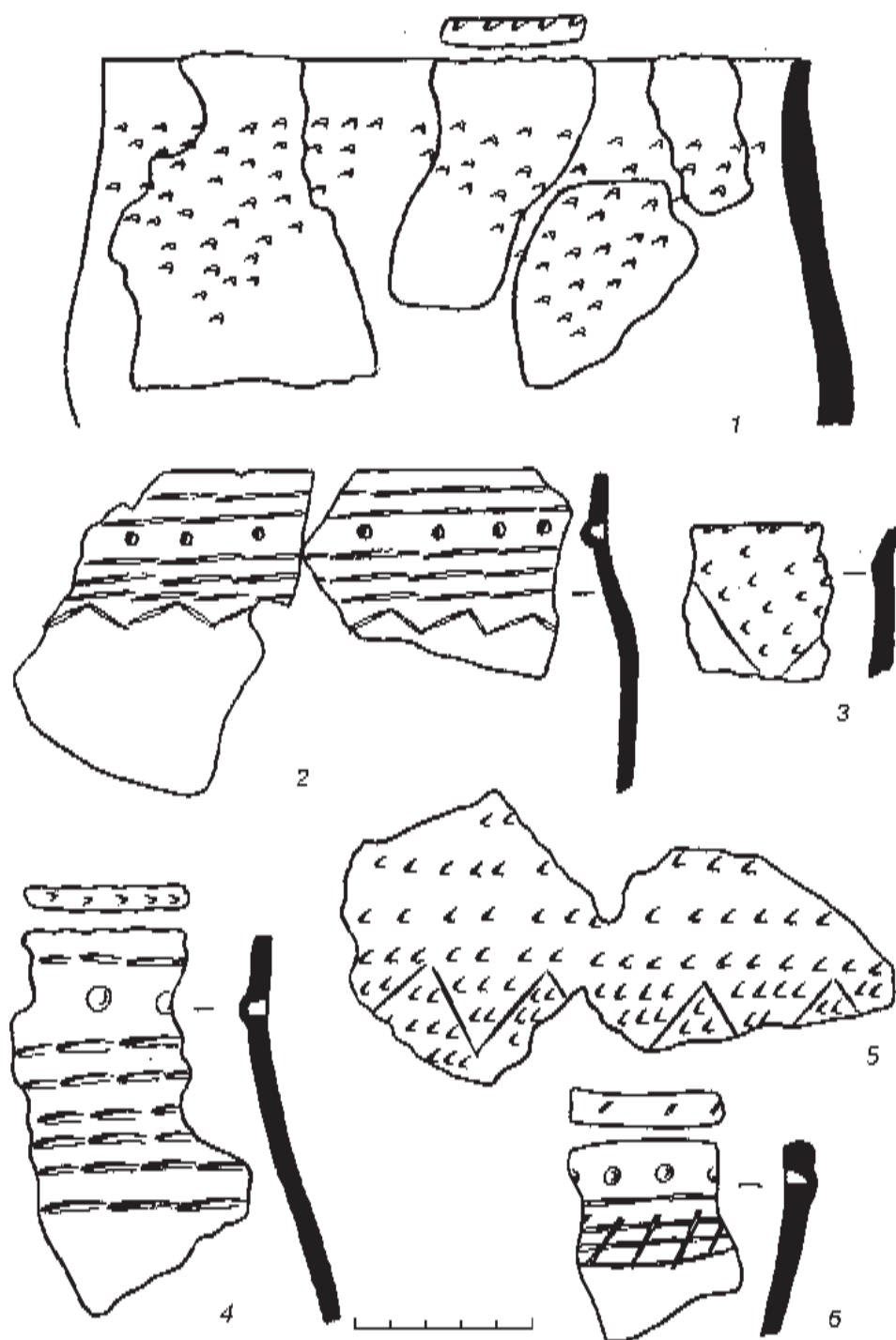

Рис.48. Керамика стоянок Максимовка, Захар-Калма, Виловатое.

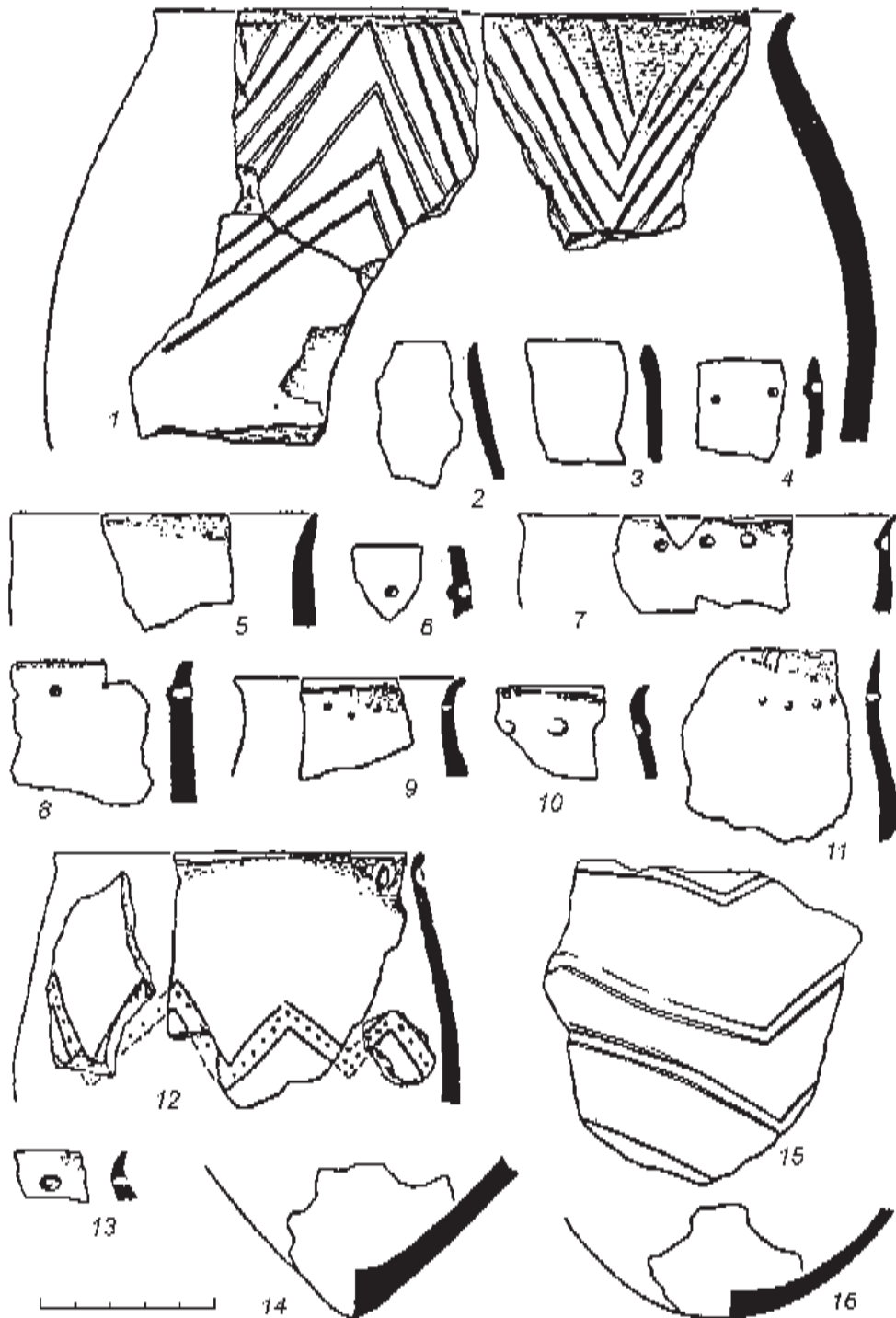

Рис.49. Керамика стоянки Чекалино IV (по А.Е.Мамонову).

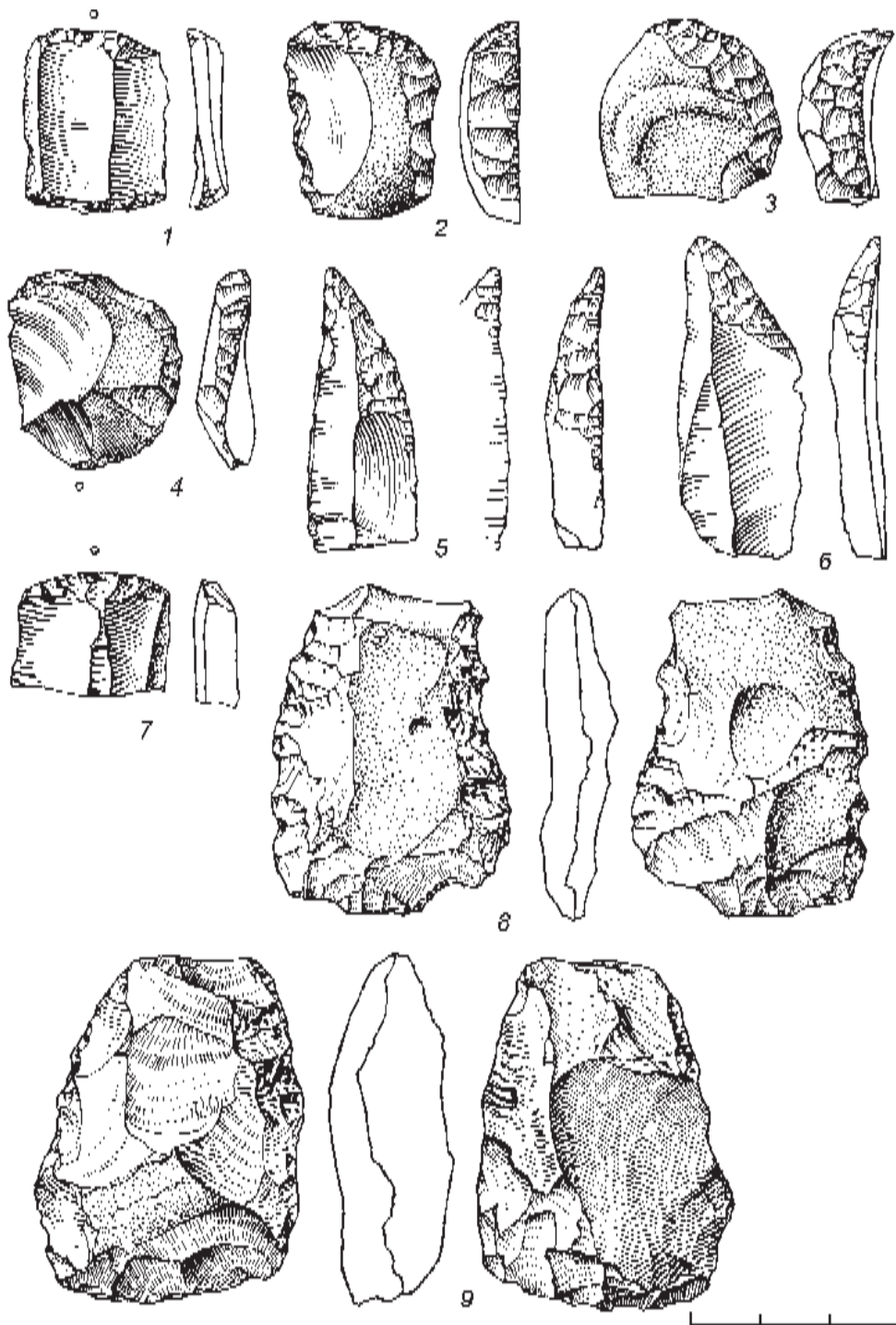

Рис.50. Кремневый инвентарь стоянки Чекалино IV.

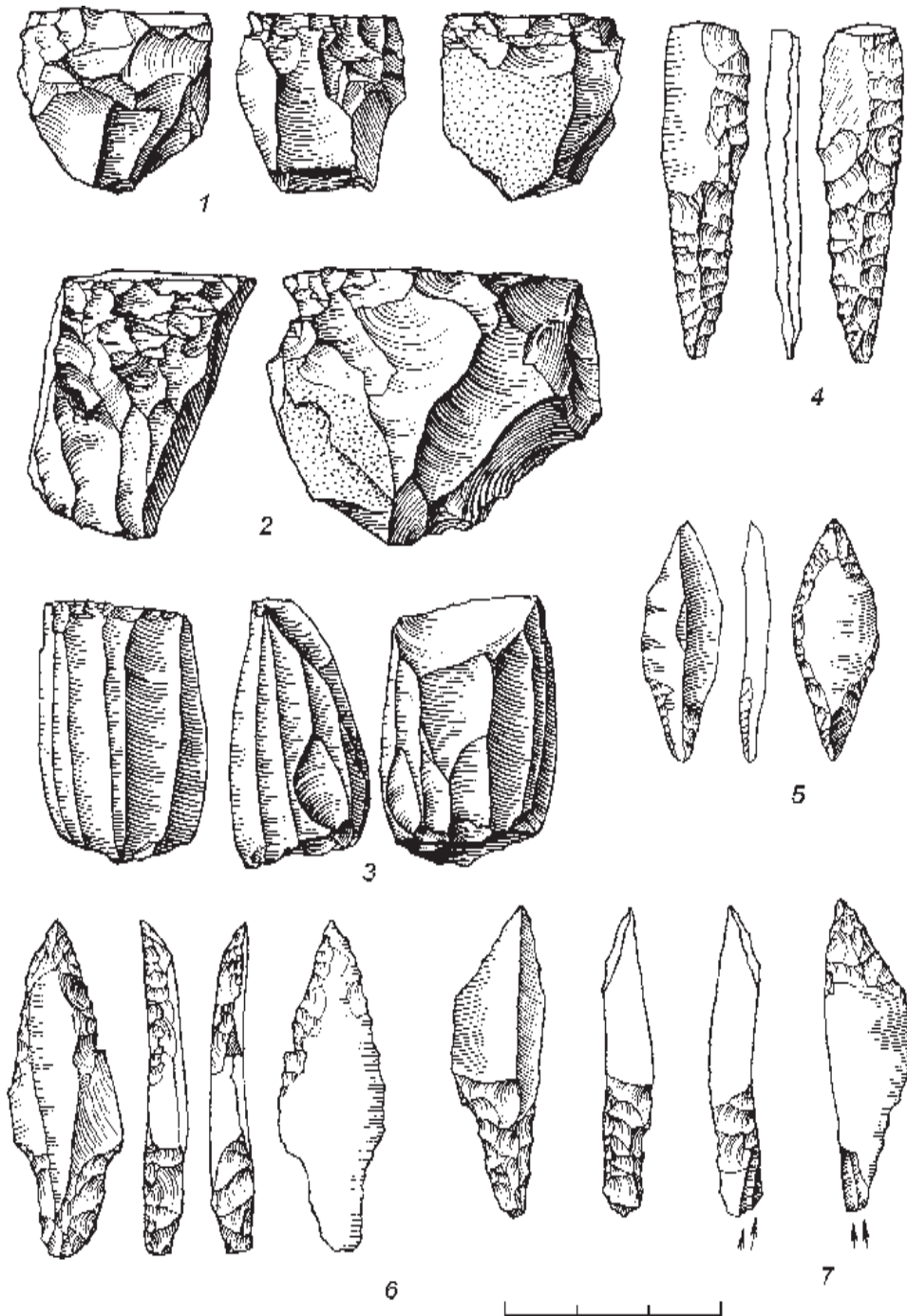

Рис.51. Кремневый инвентарь стоянки Чекалино IV.

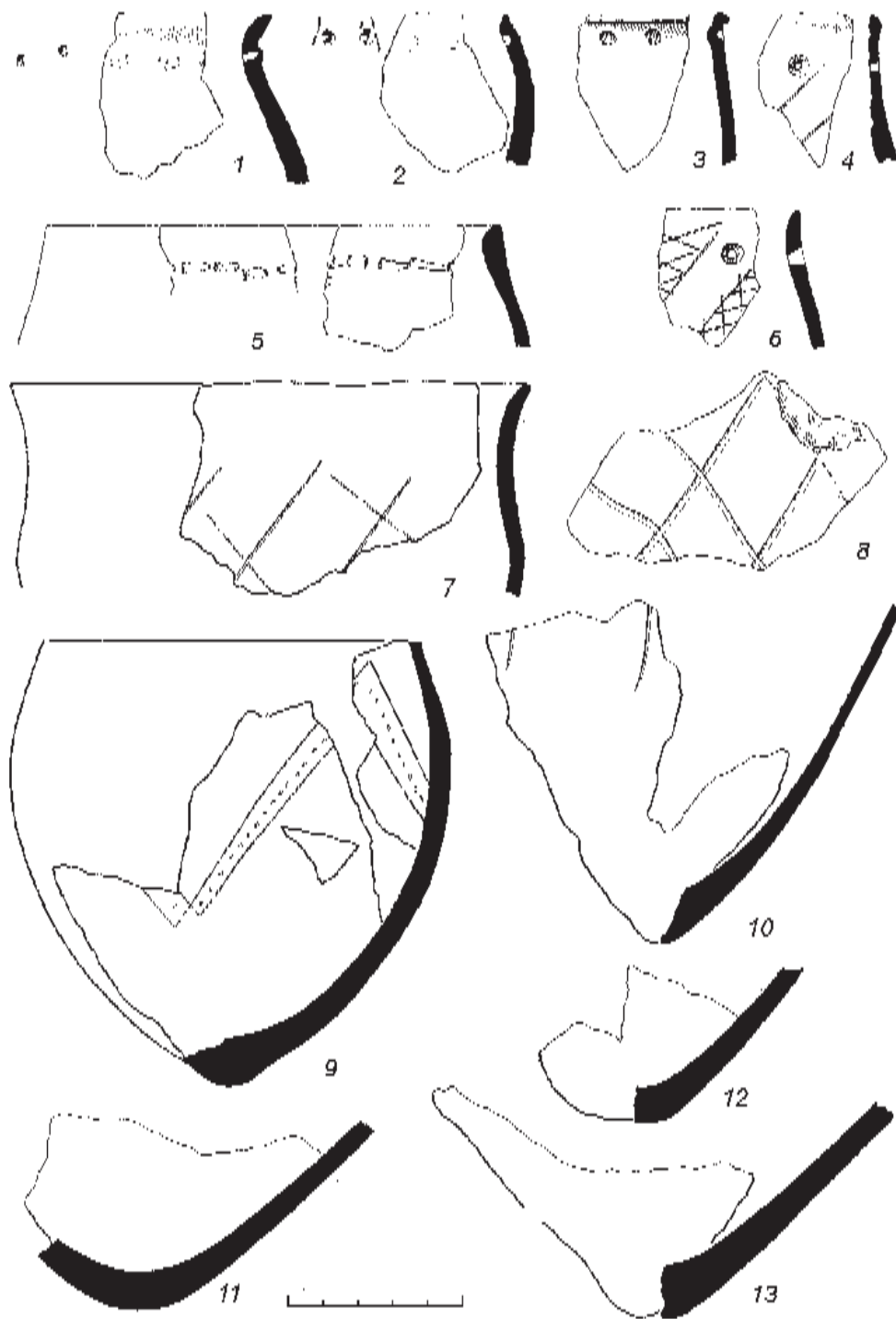

Рис.52. Керамика стоянки Нижняя Орлянка II.

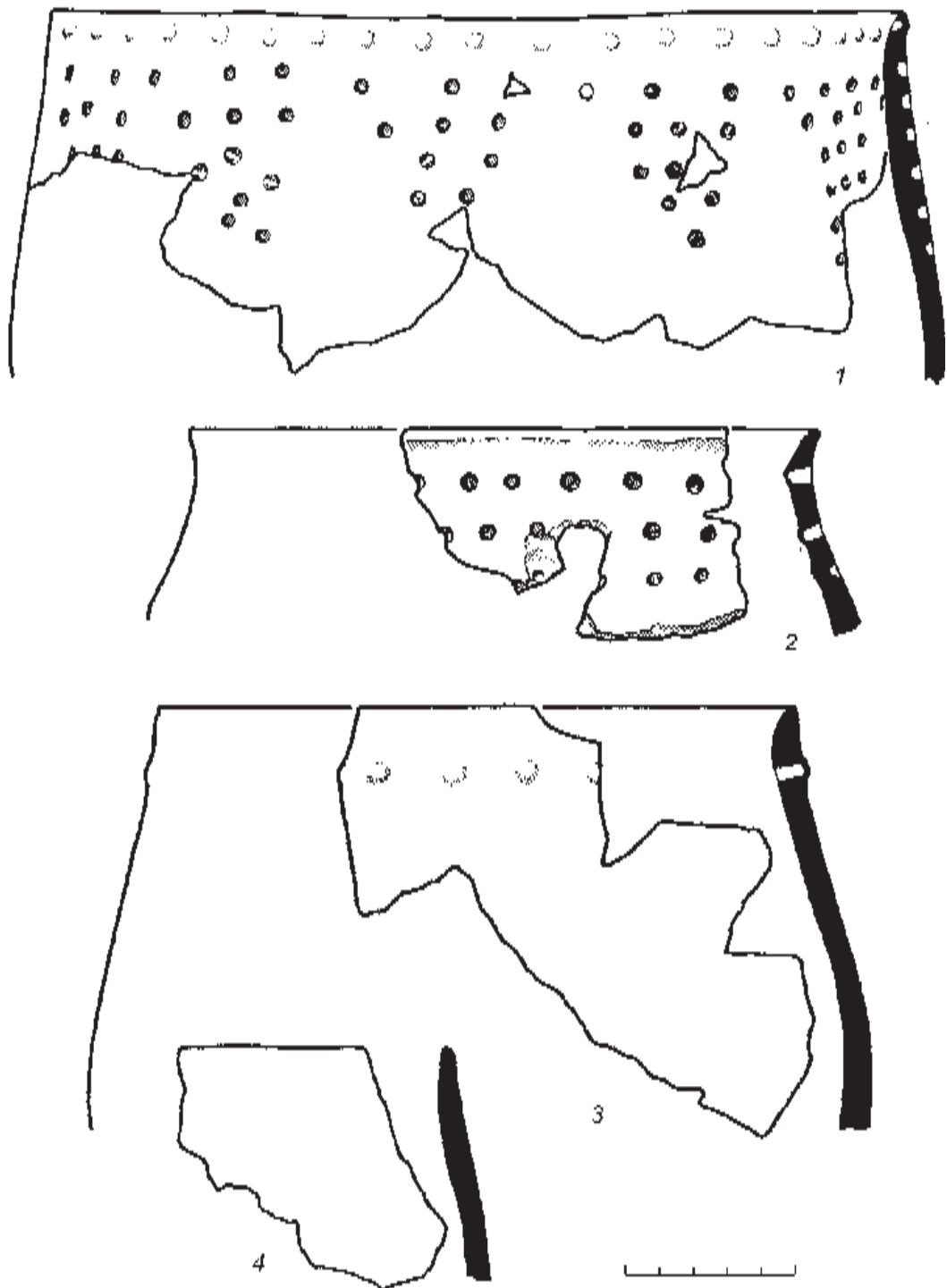

Рис.53. Керамика стоянки Нижняя Орлянка II.

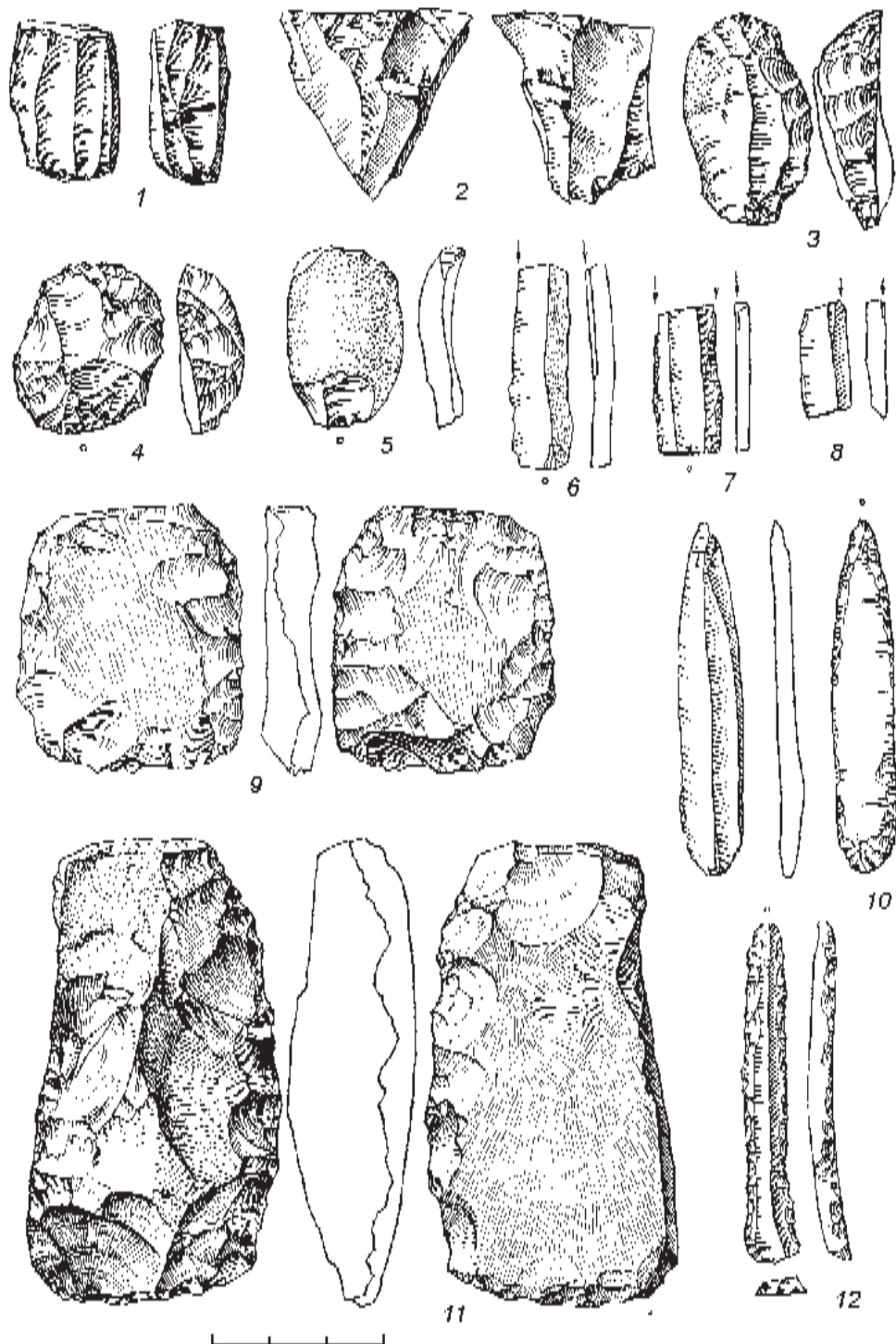

Рис.54. Кремневый инвентарь стоянки Нижняя Орлянка II.

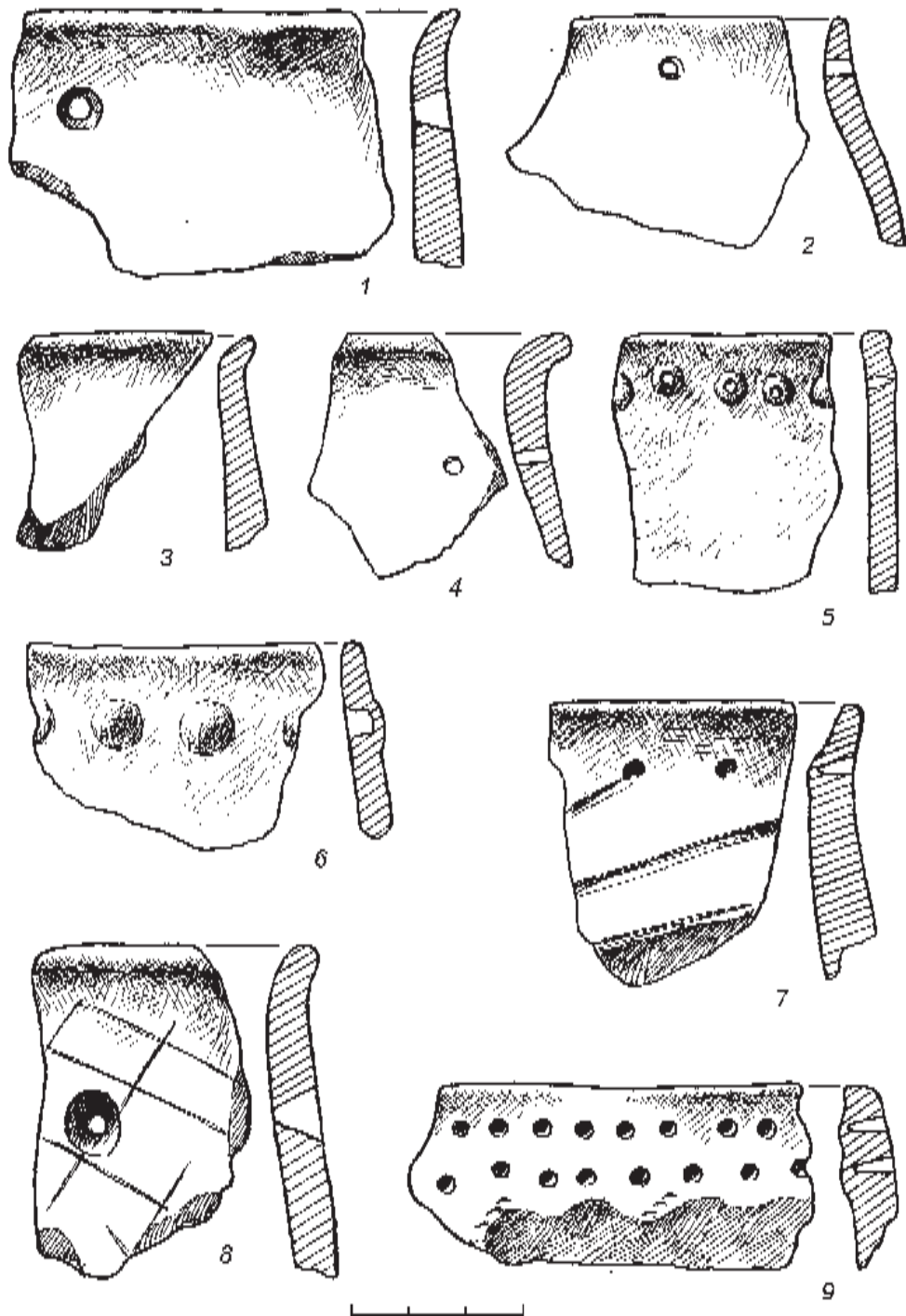

Рис.55. Керамика II Большераковской стоянки.

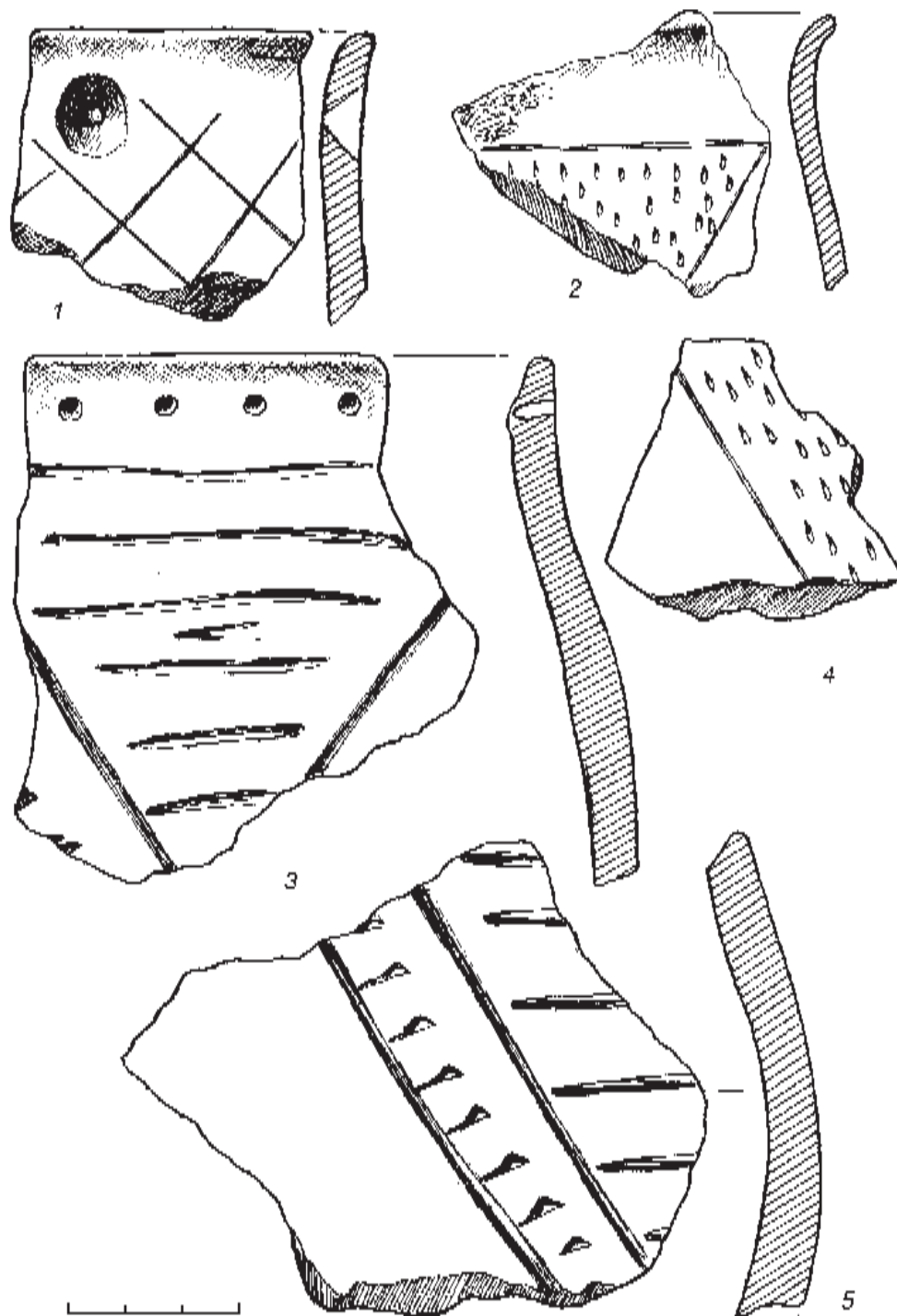

Рис.56. Керамика II Большераковской стоянки.

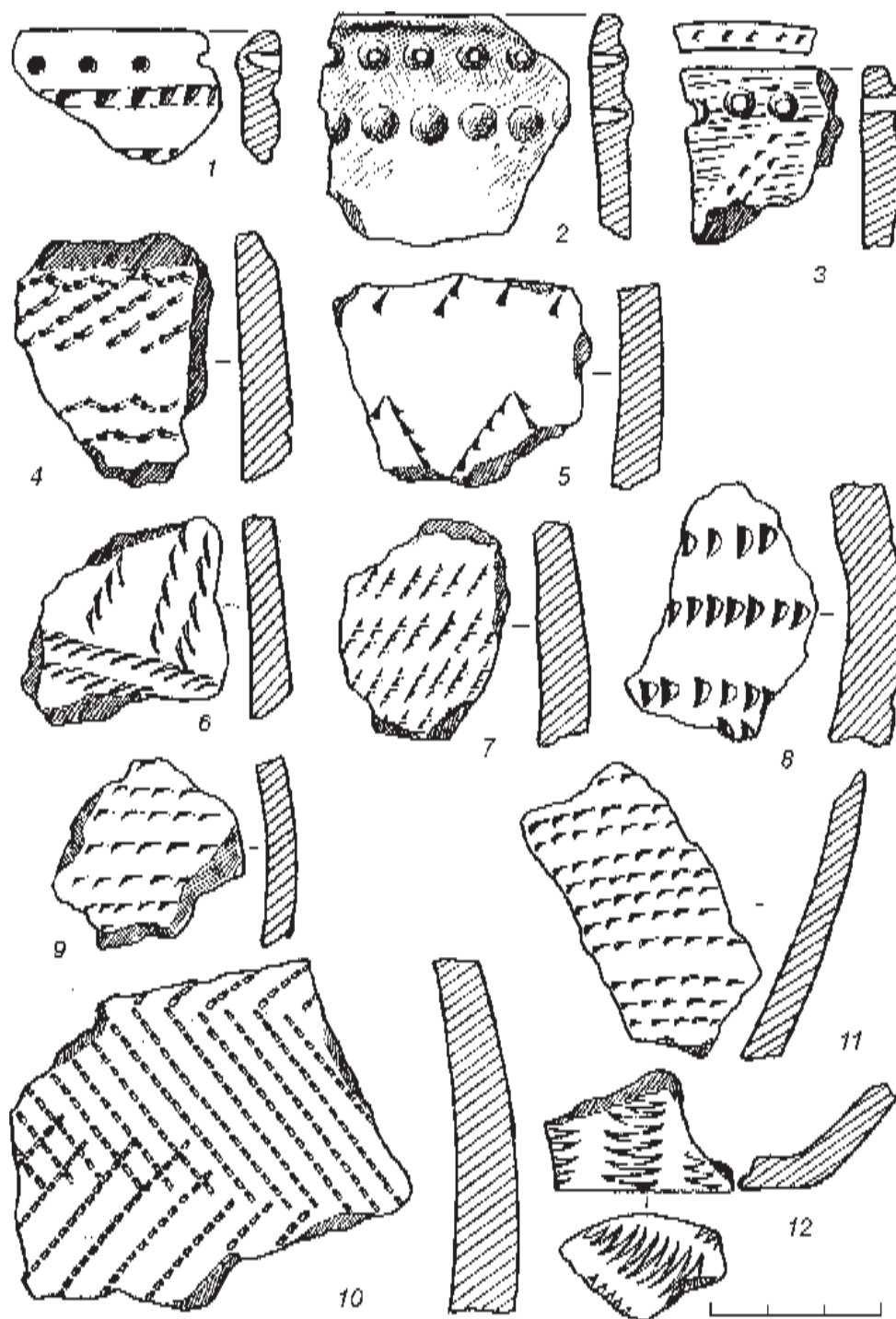

Рис.57. Керамика II Большераиковской стоянки.

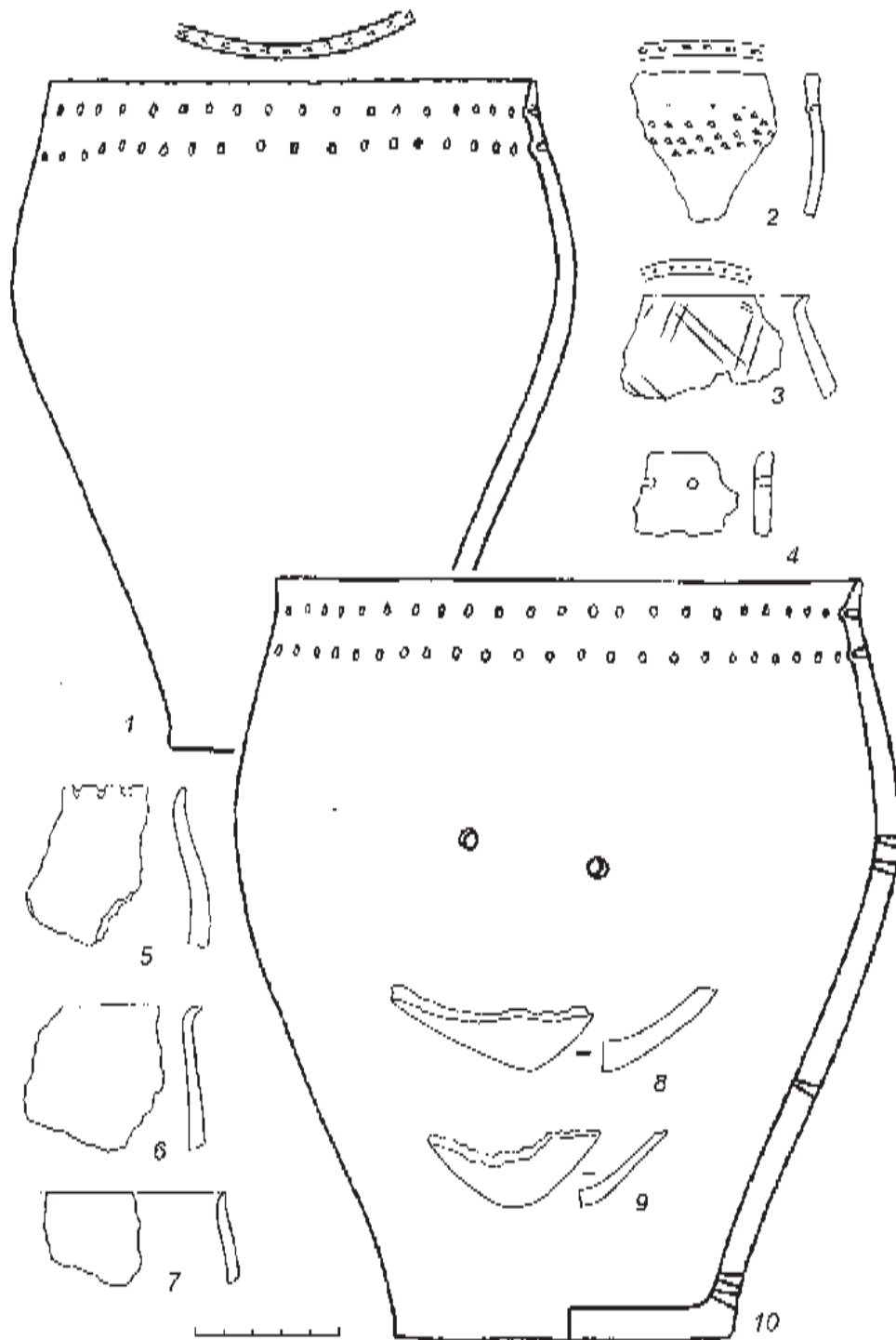

Рис.58. Керамика стоянки Красный Городок.

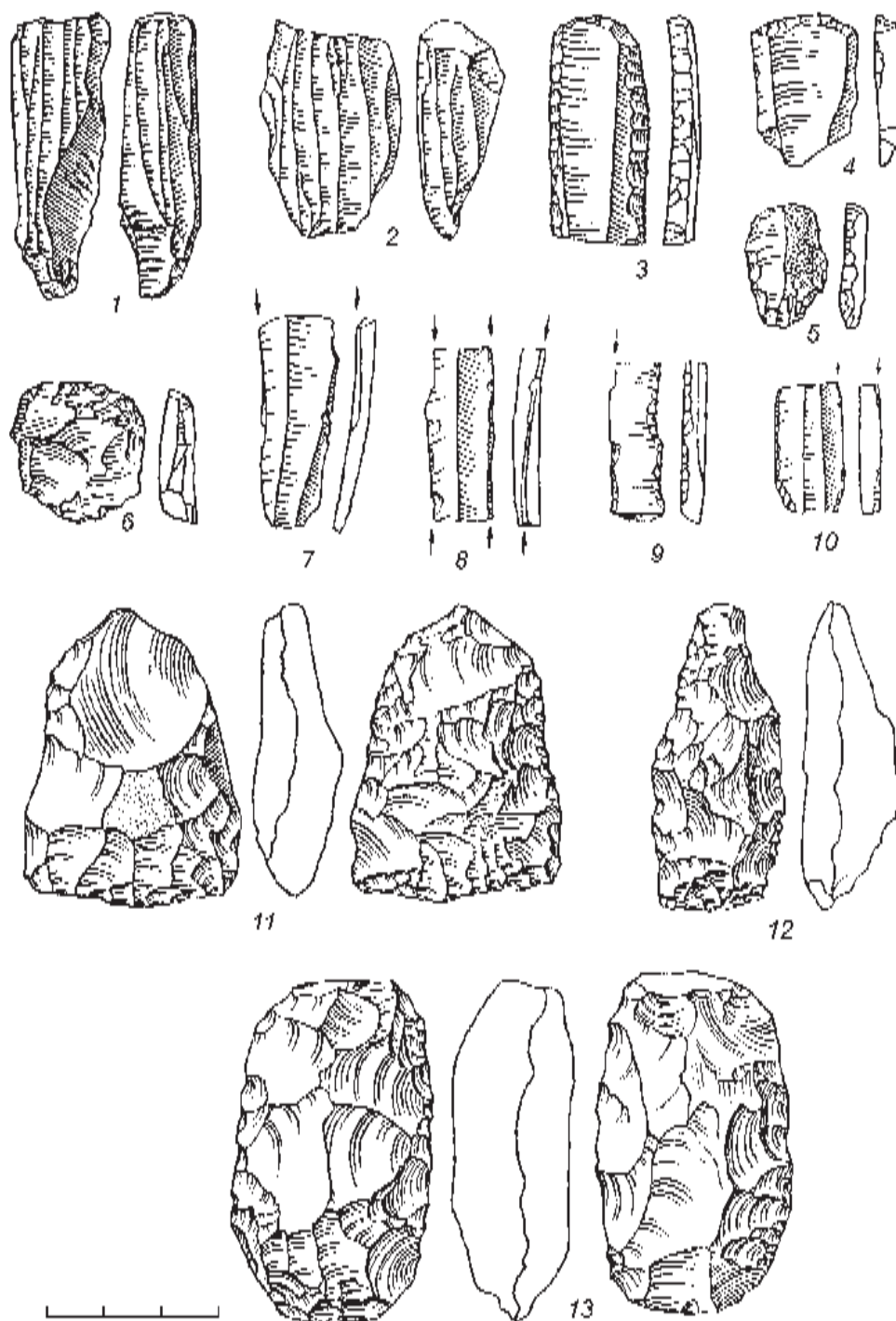

Рис.59. Кремневый инвентарь стоянки Красный Городок.

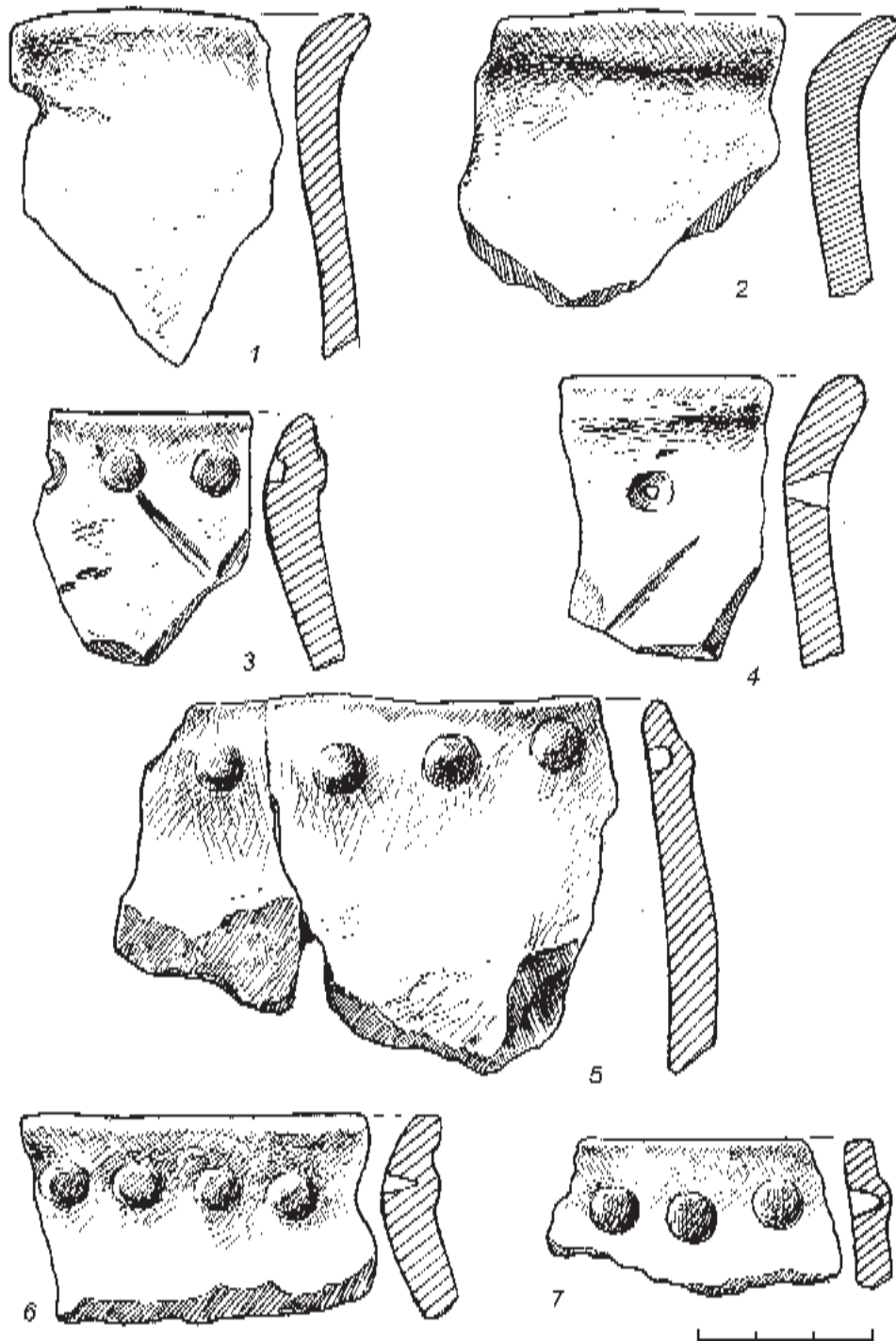

Рис.60. Керамика стоянки Ильинка.

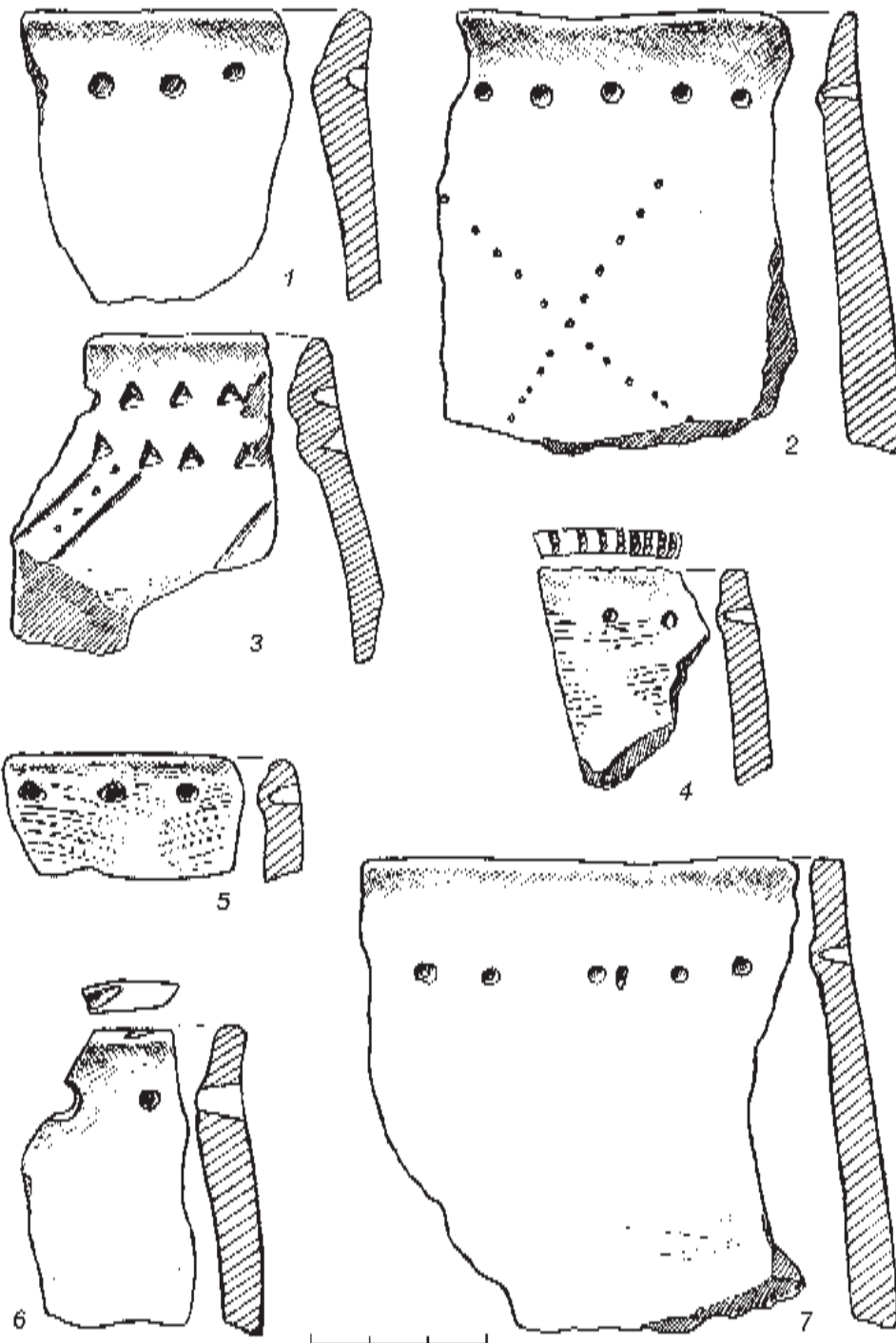

Рис.61. Керамика стоянки Ильинка.

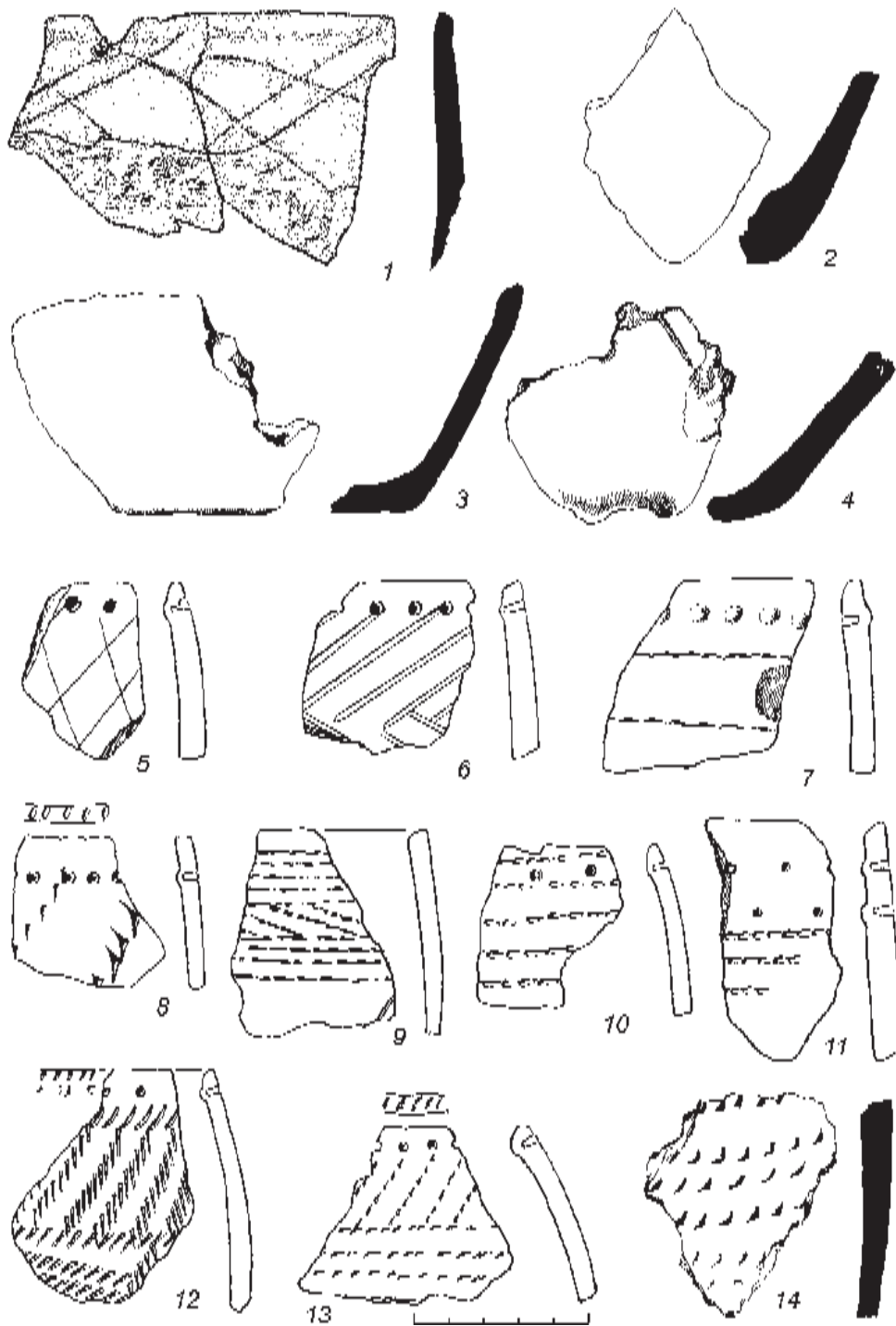

Рис.62. Керамика стоянки Ильинка.

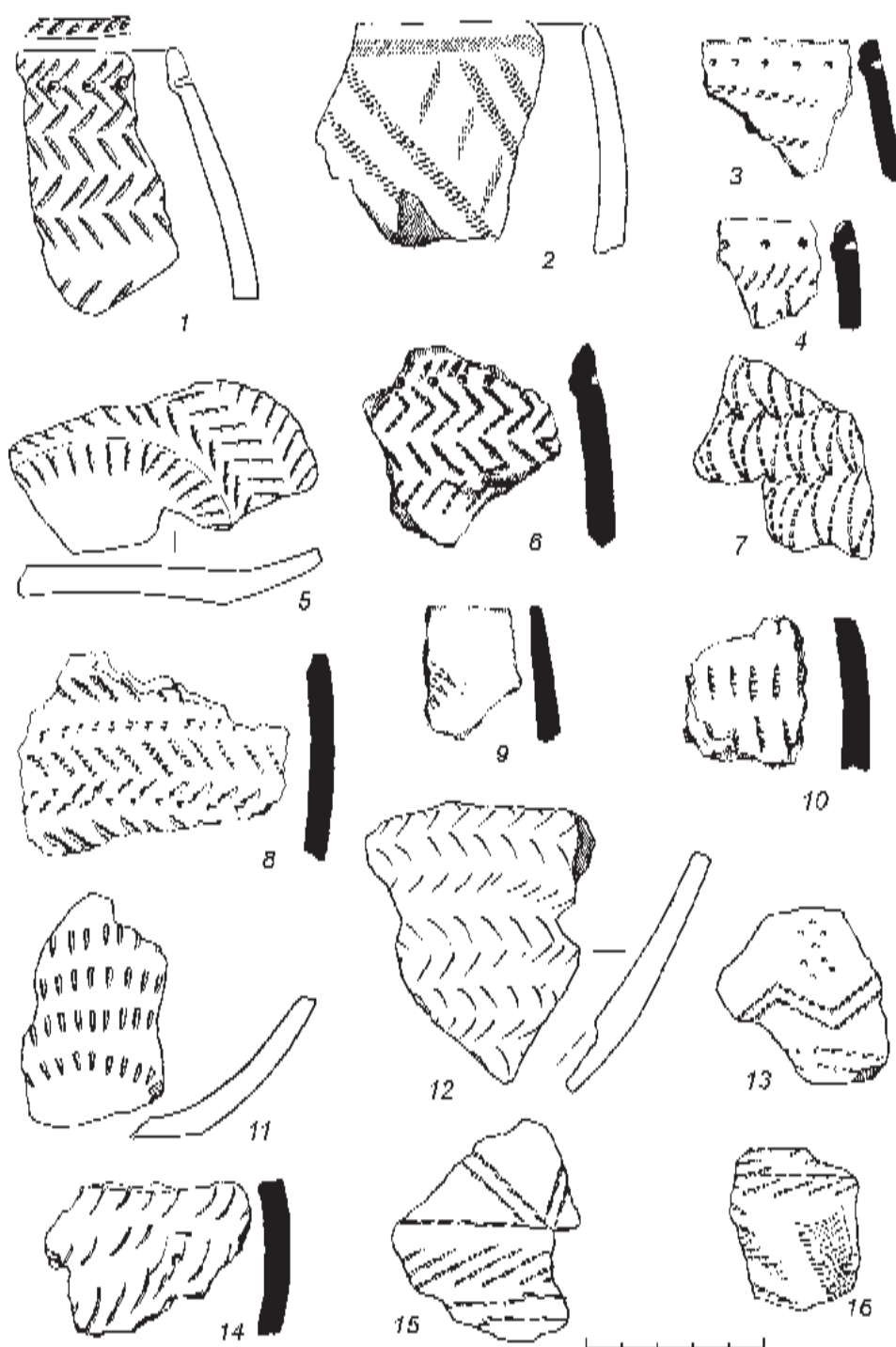

Рис.63. Керамика стоянки Ильинка.

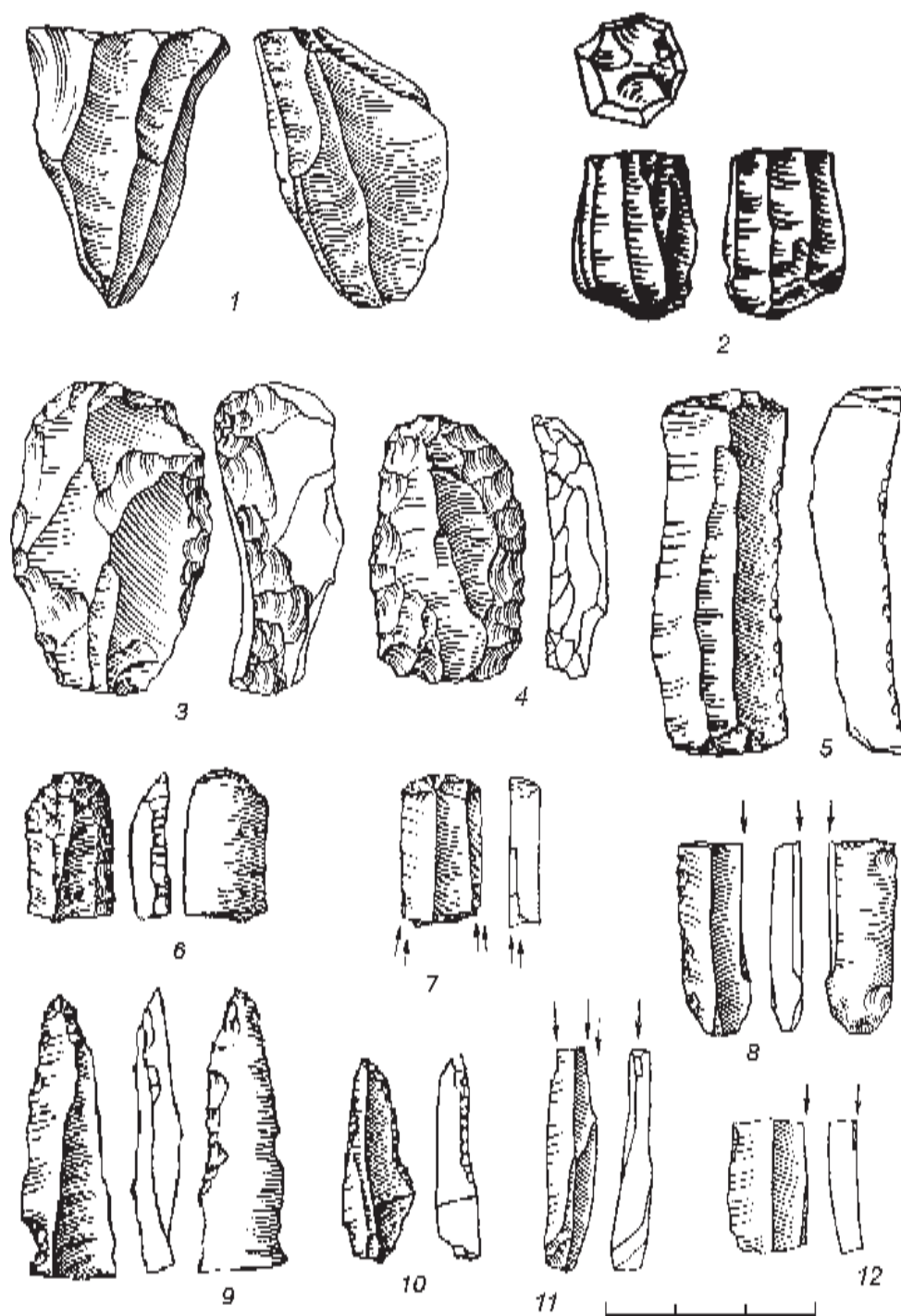

Рис.64. Кремневый инвентарь стоянки Ильинка.

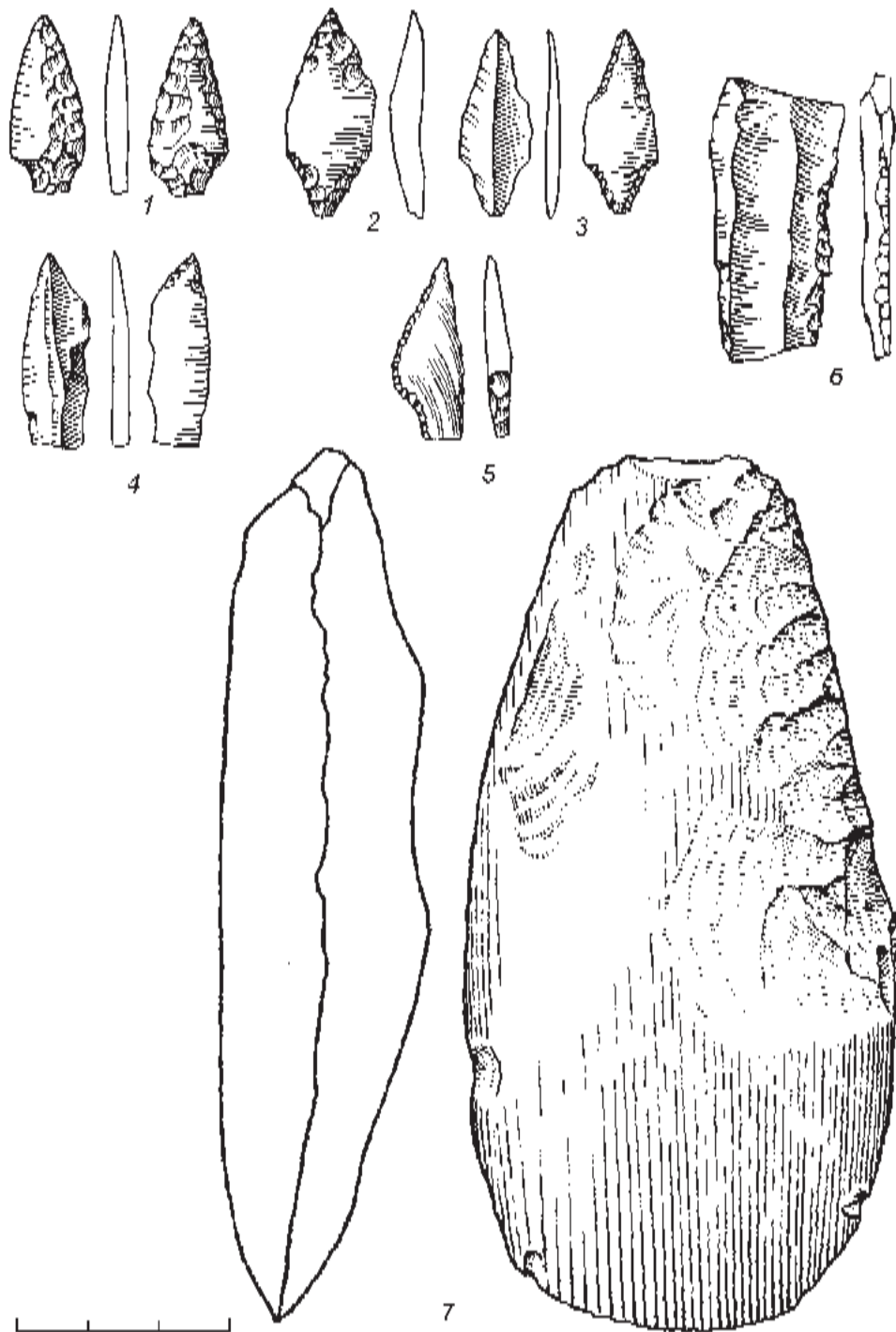

Рис.65. Кремневый инвентарь стоянки Ильинка.

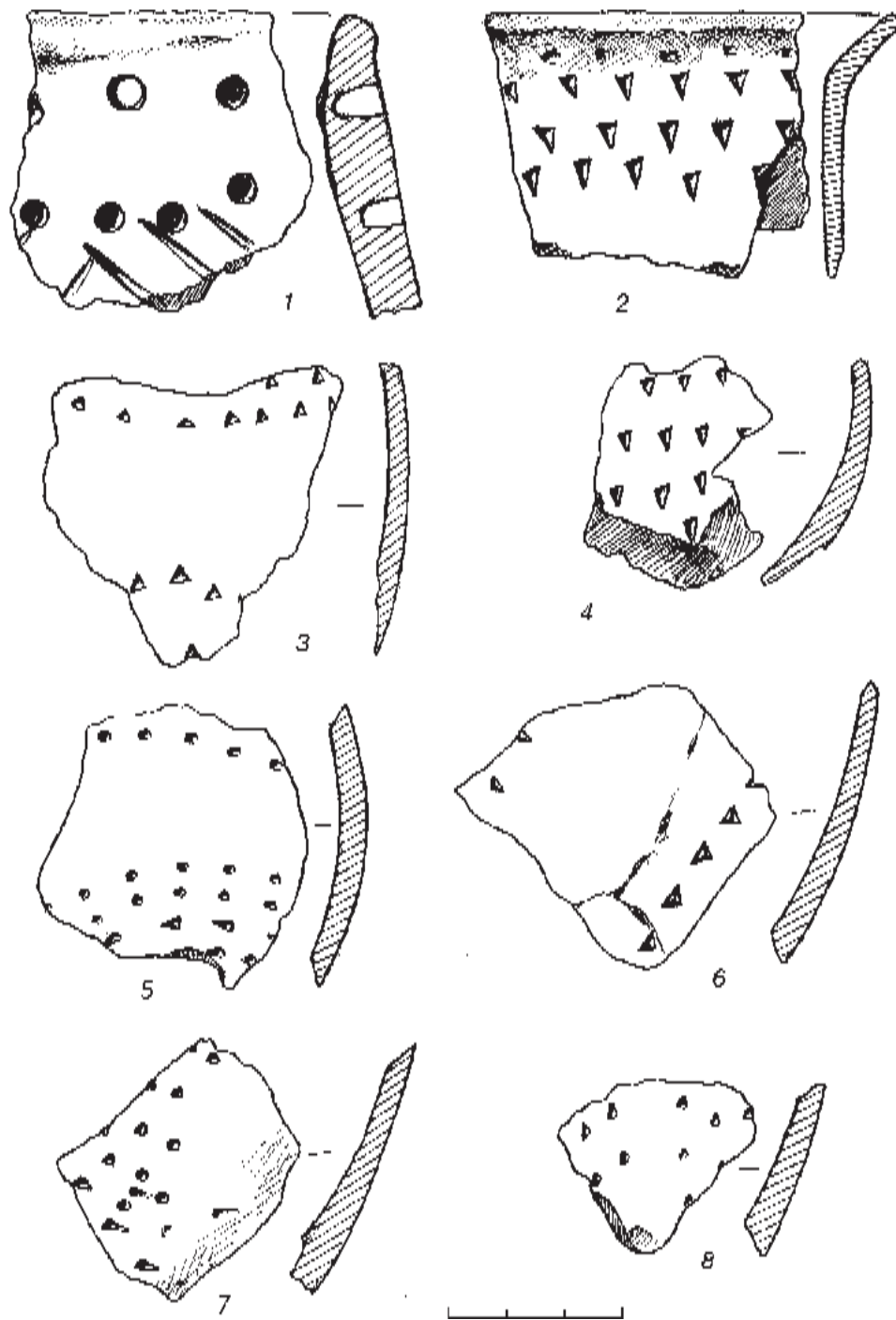

Рис.66. Керамика стоянки Красный Яр VII.

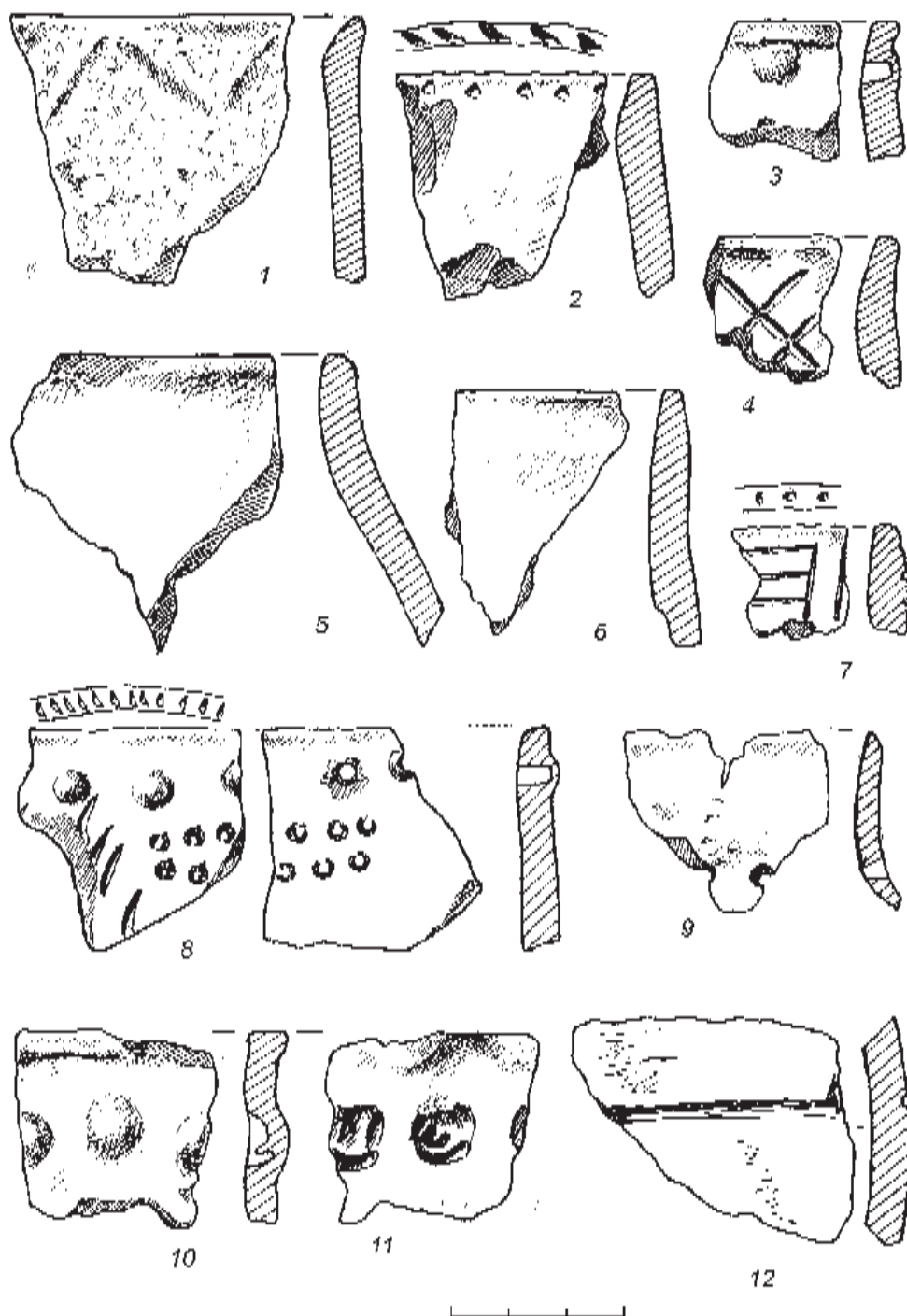

Рис.67. Керамика стоянки Красный Яр VII.

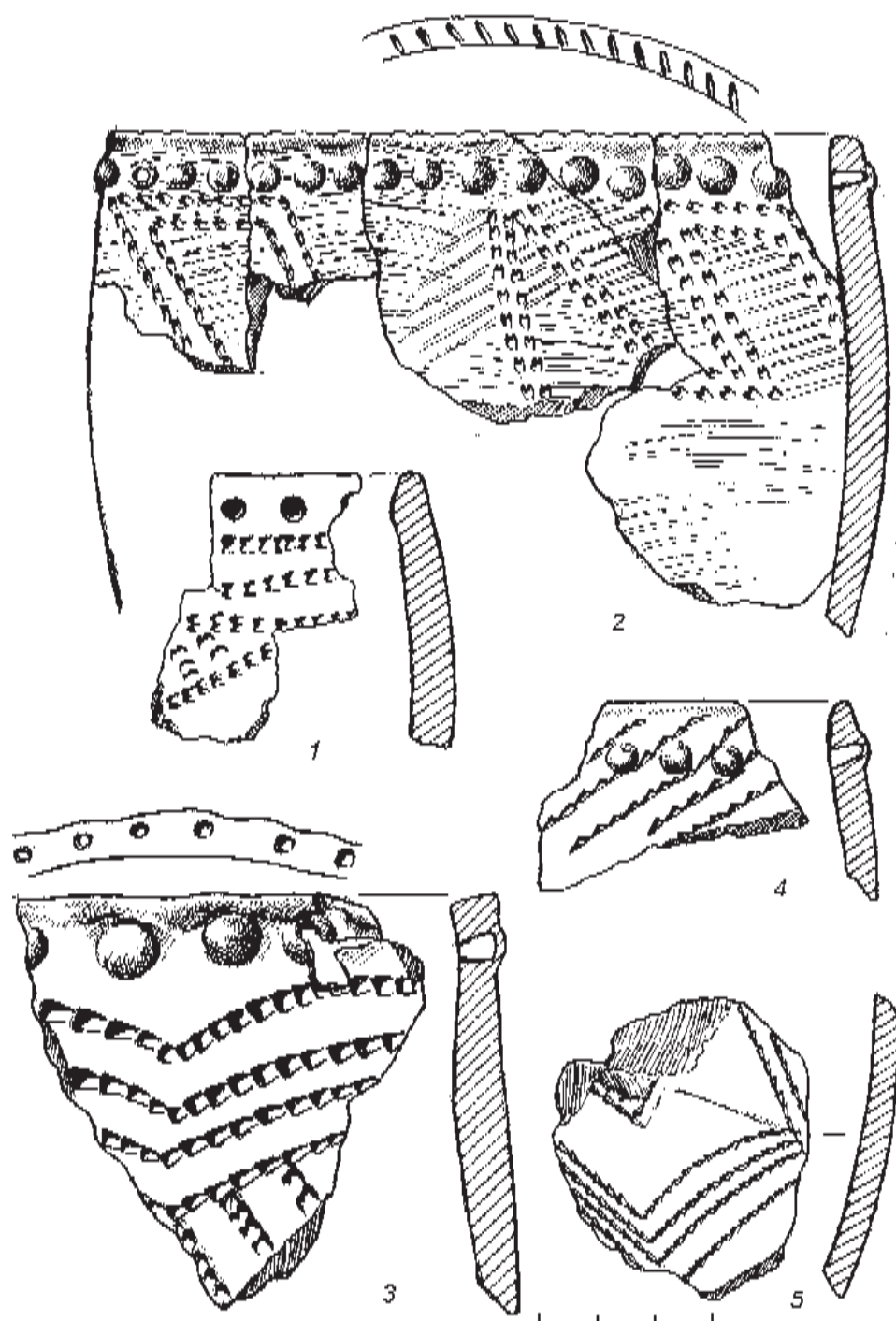

Рис.68. Керамика стоянки Красный Яр VII.

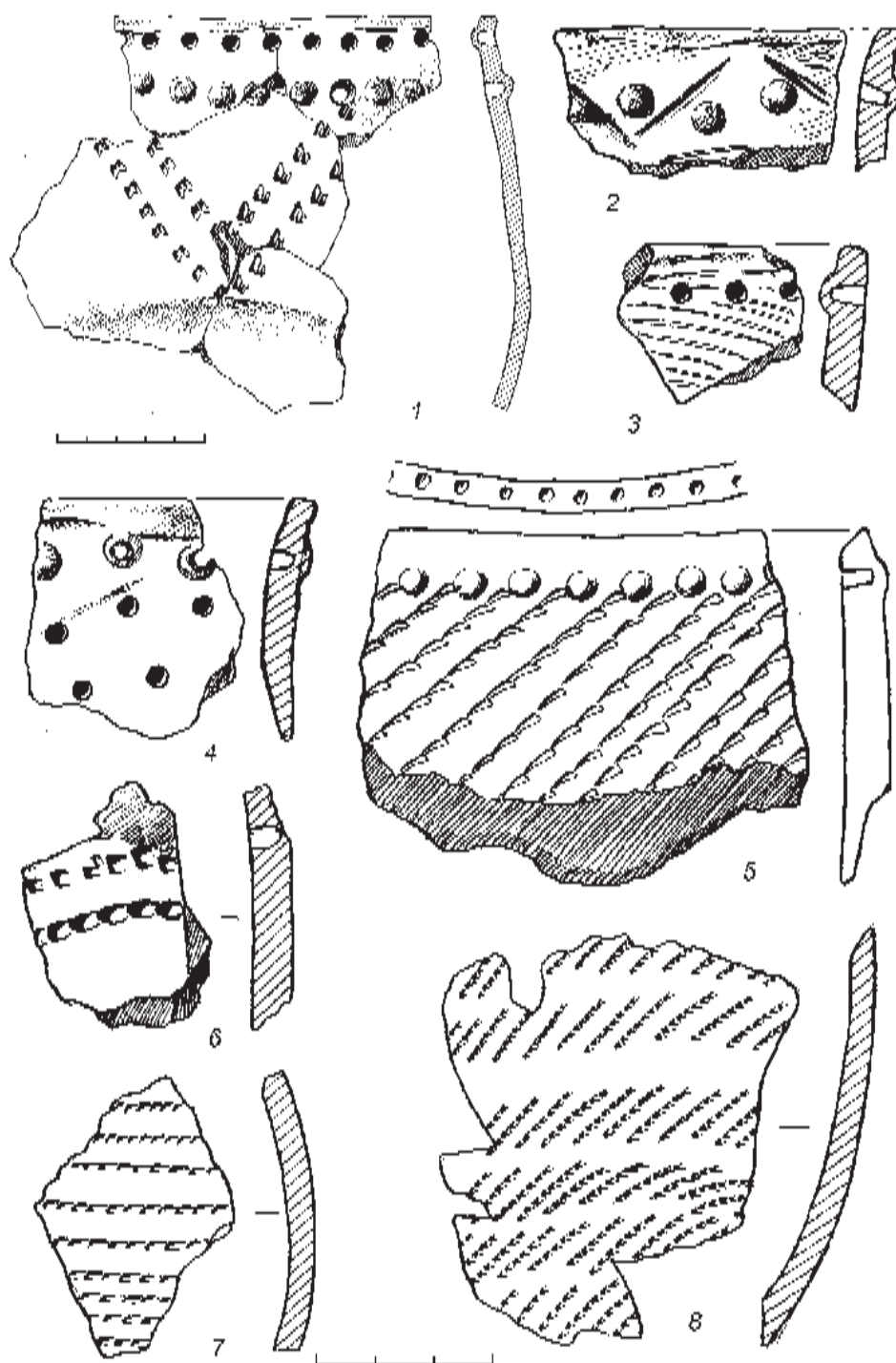

Рис.69. Керамика стоянки Красный Яр VII.

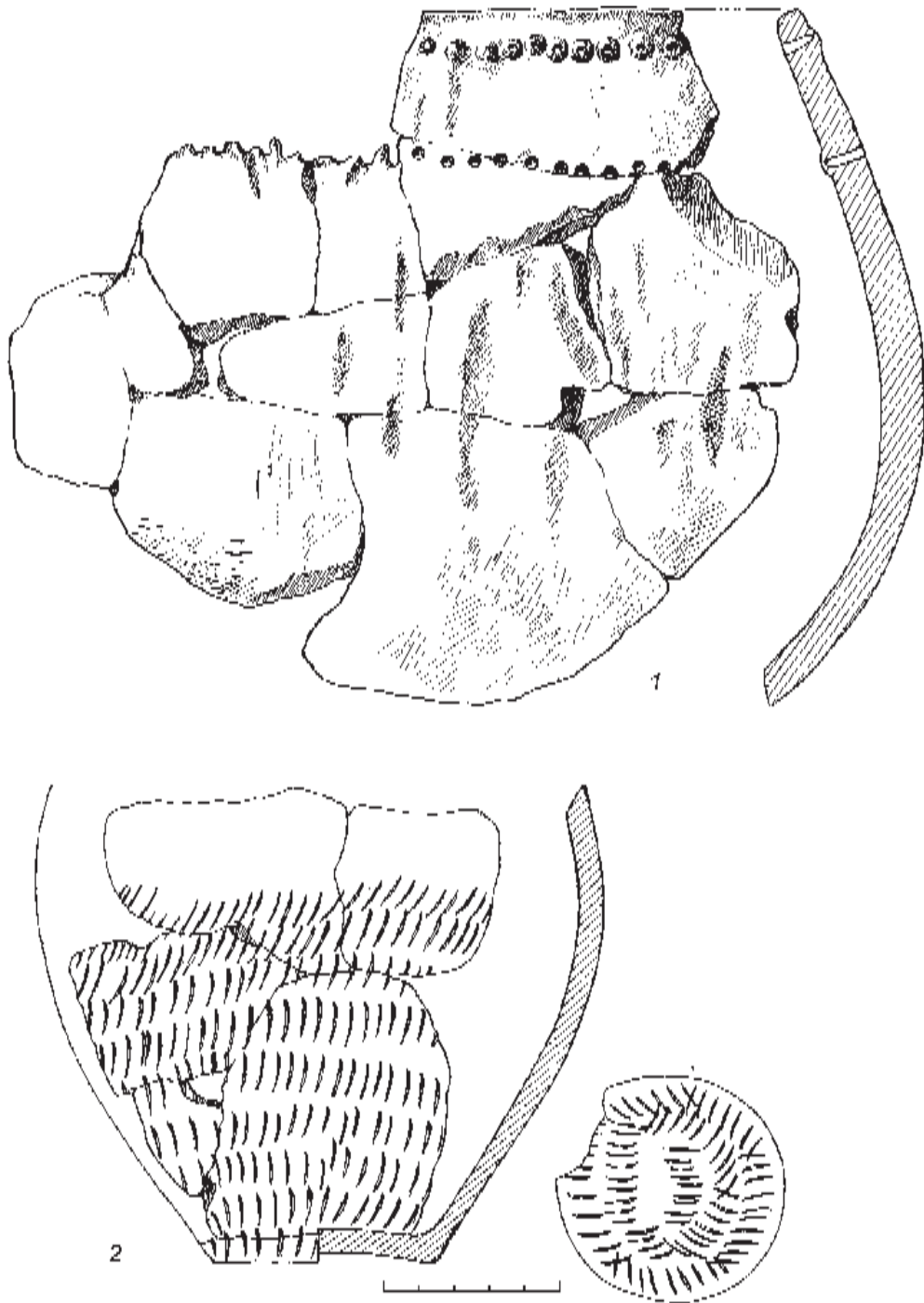

Рис.70. Керамика стоянки Красный Яр VII.

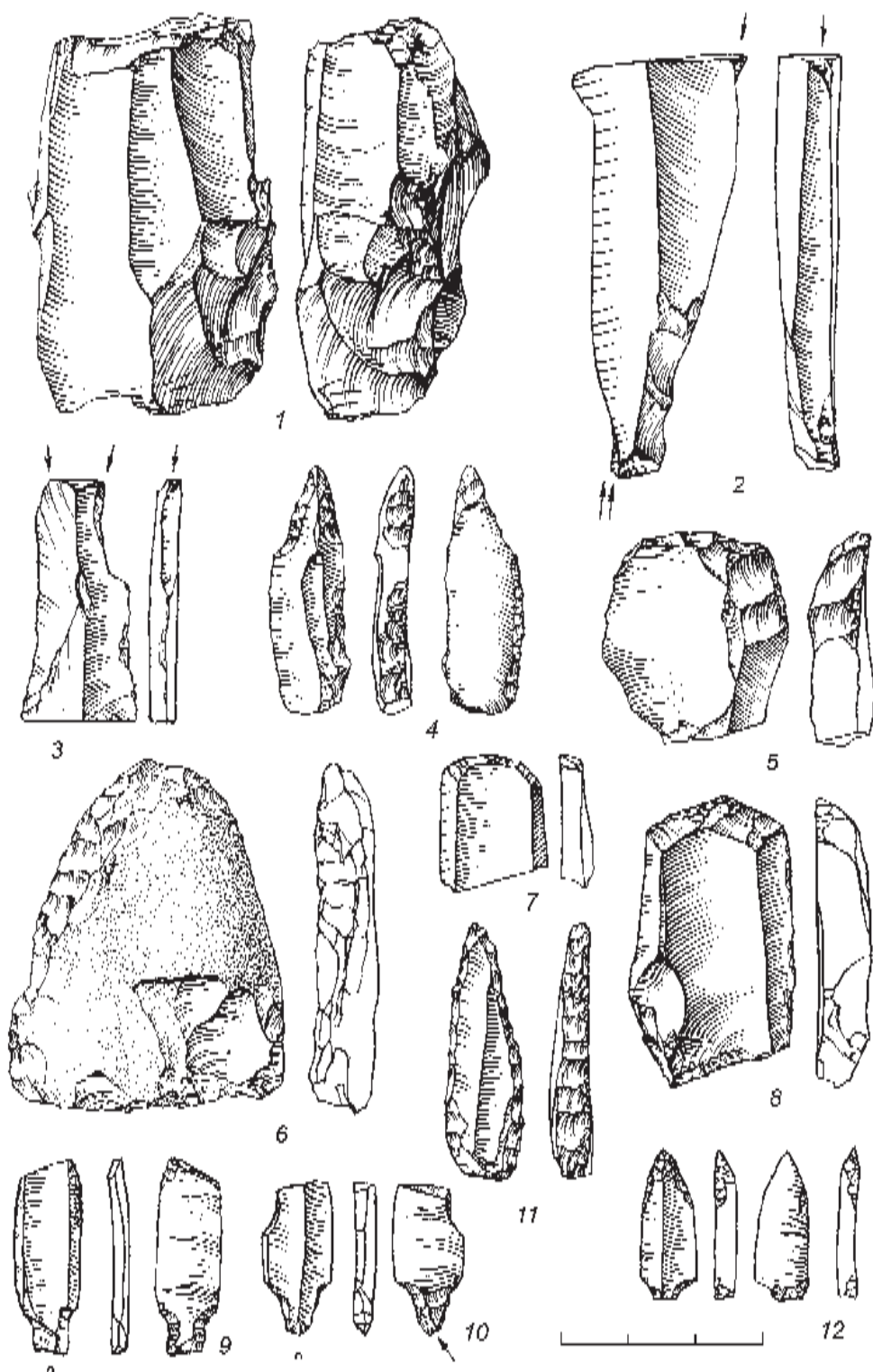

Рис. 71. Кремневый инвентарь стоянки Красный Яр VII.

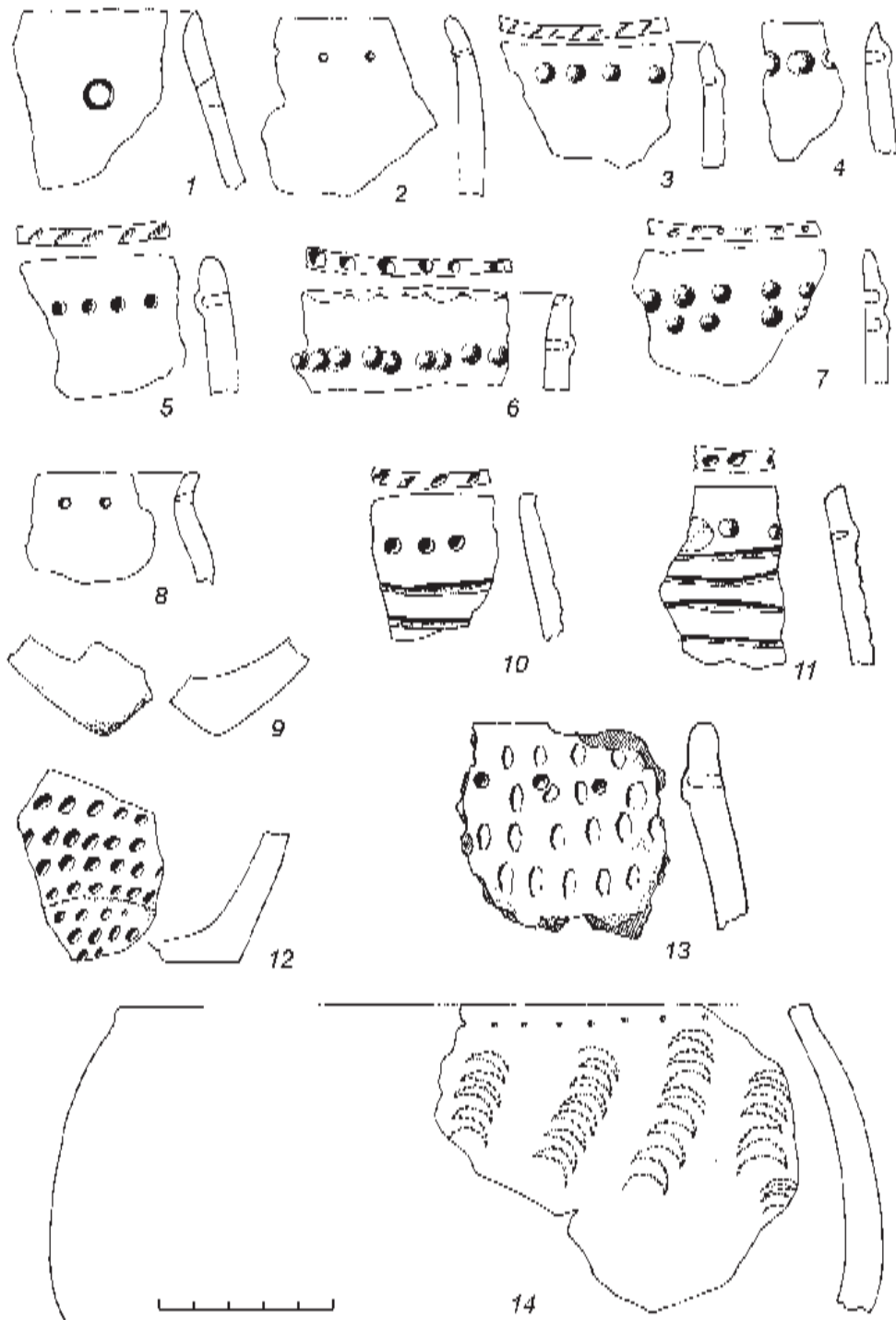

Рис.72. Керамика стоянки Лебяжинка V.

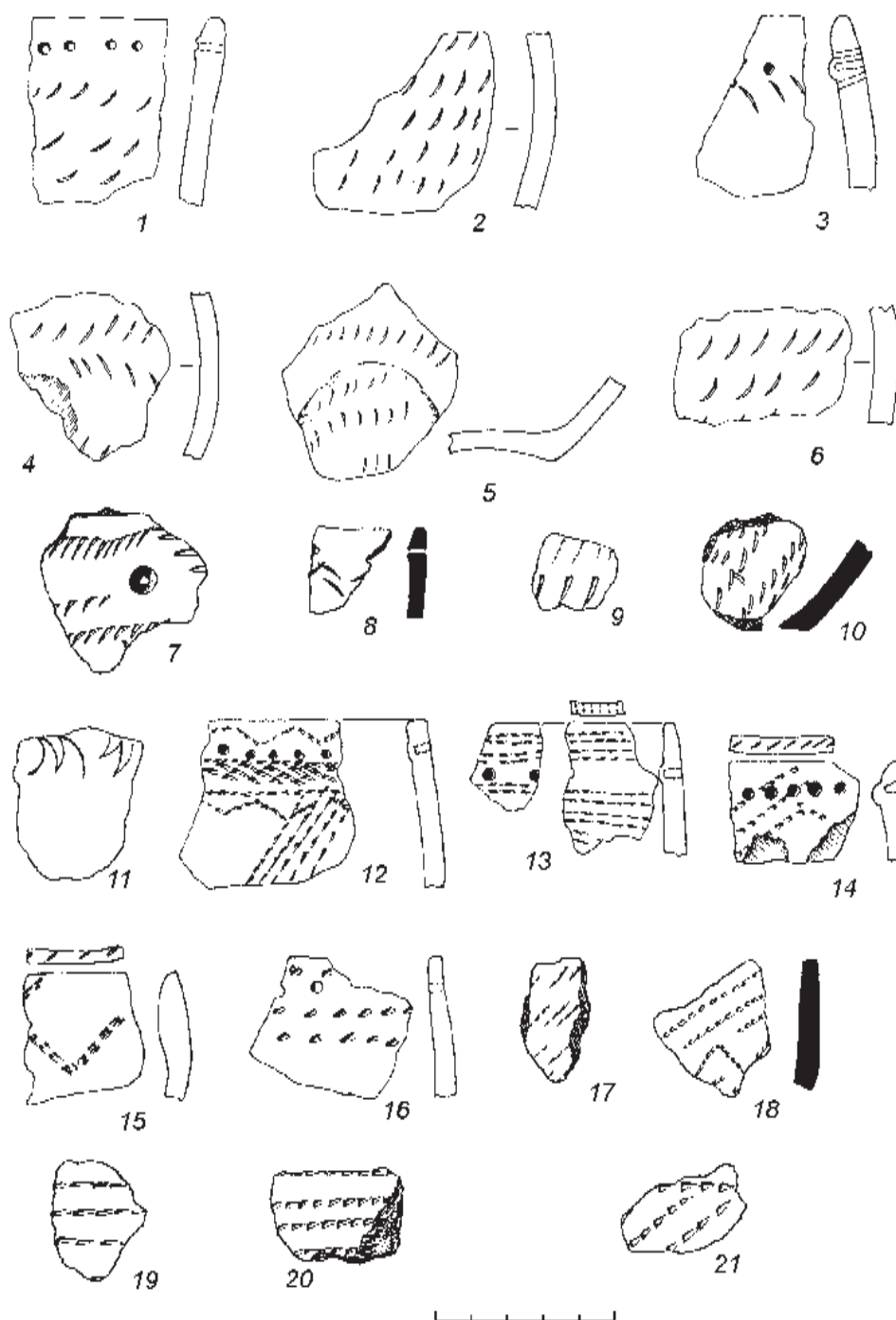

Рис.73. Керамика стоянки Лебяжинка V.

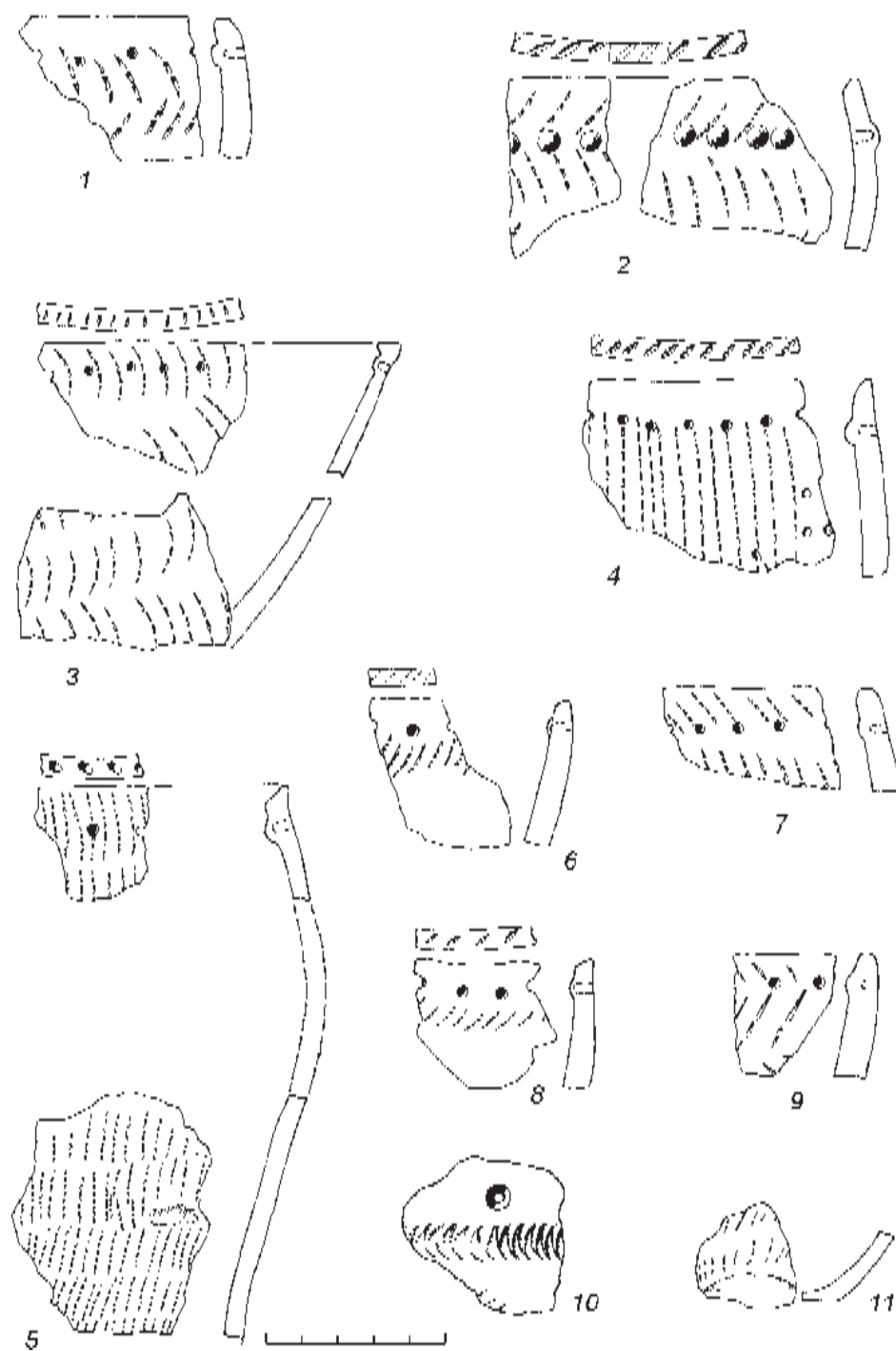

Рис.74. Керамика стоянки Лебяжинка V.

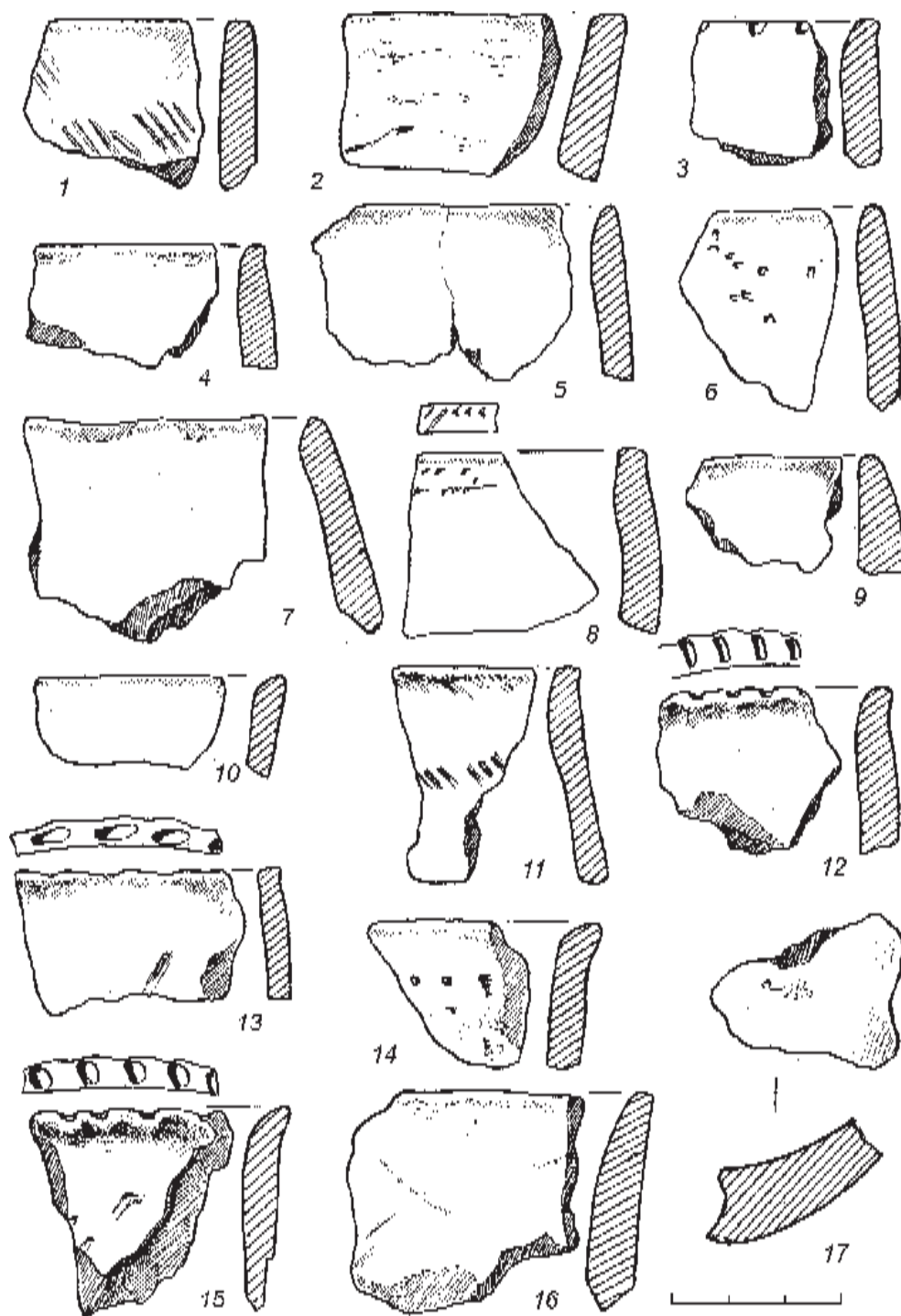

Рис. 75. Керамика Виловатовской стоянки.

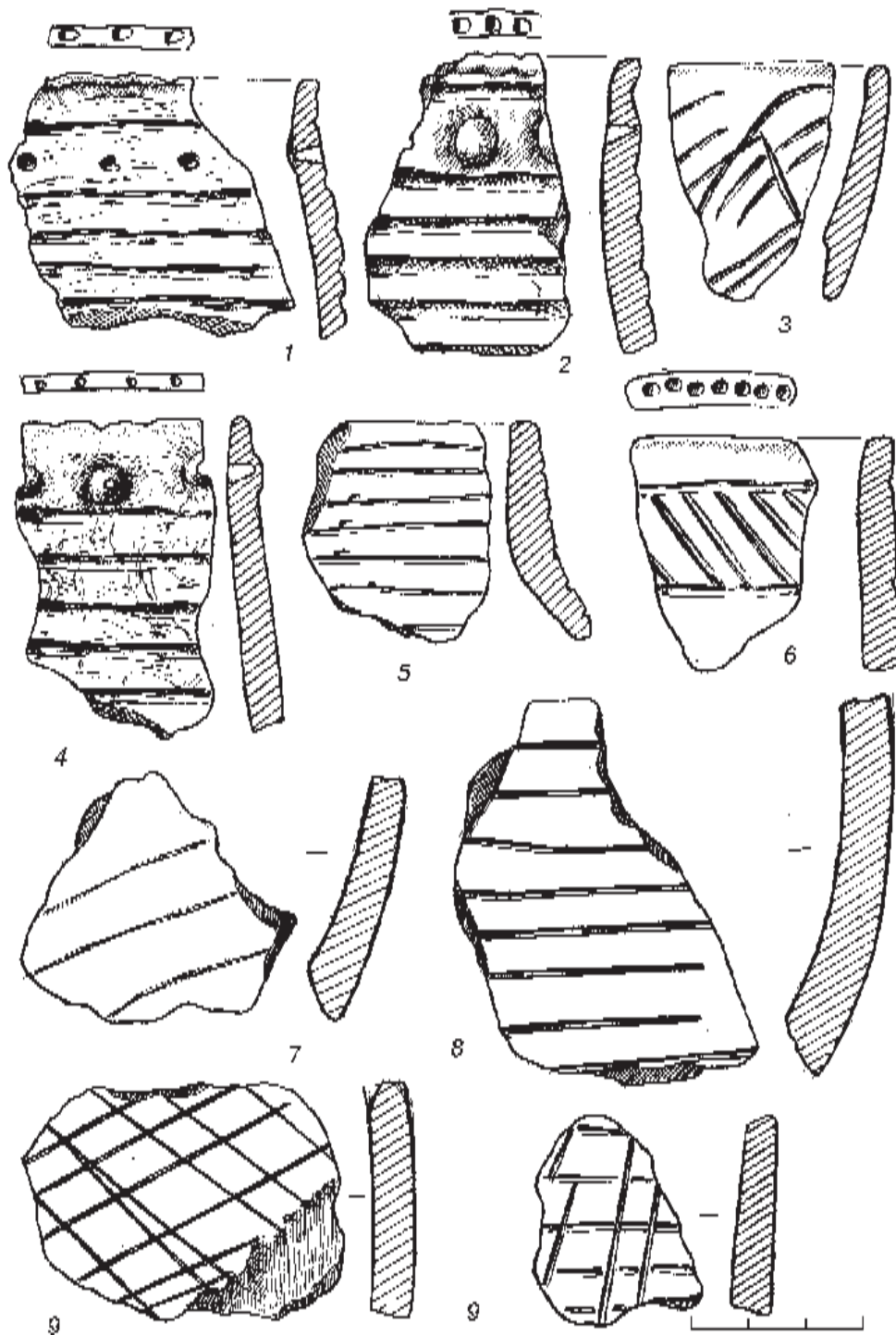

Рис. 76. Керамика Виловатовской стоянки.

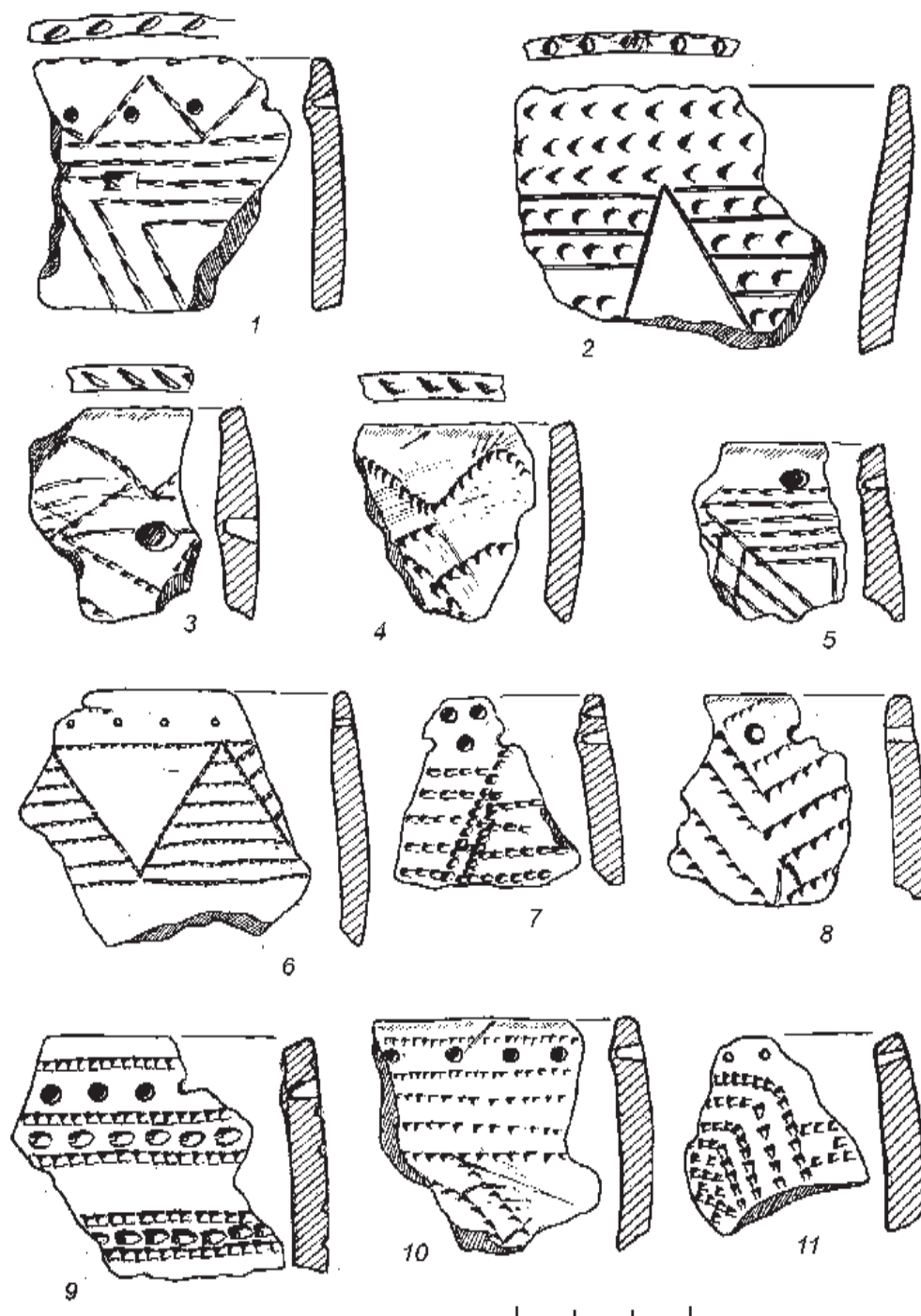

Рис.77. Керамика Виловатковской стоянки.

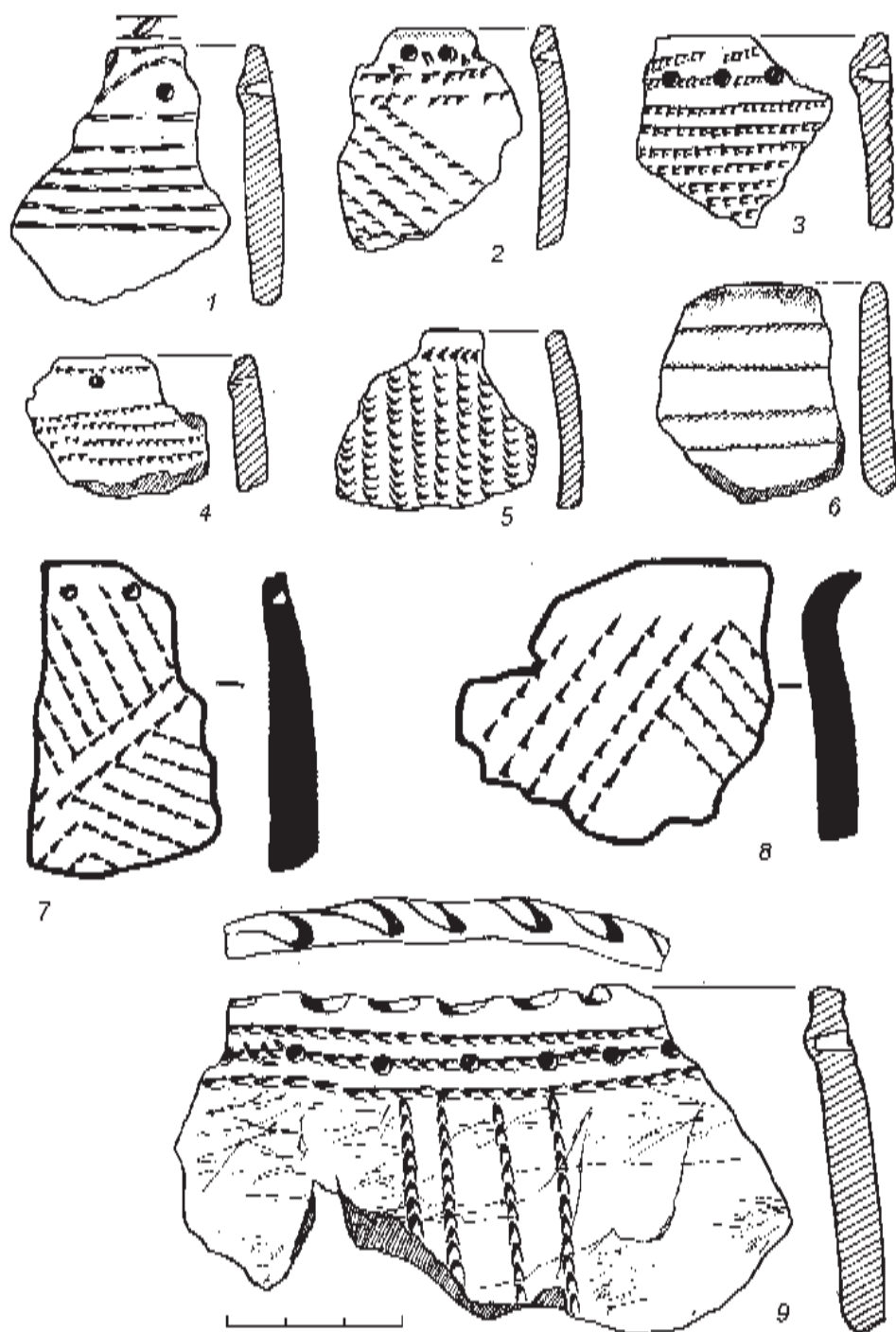

Рис.78. Керамика Вилатовской стоянки.

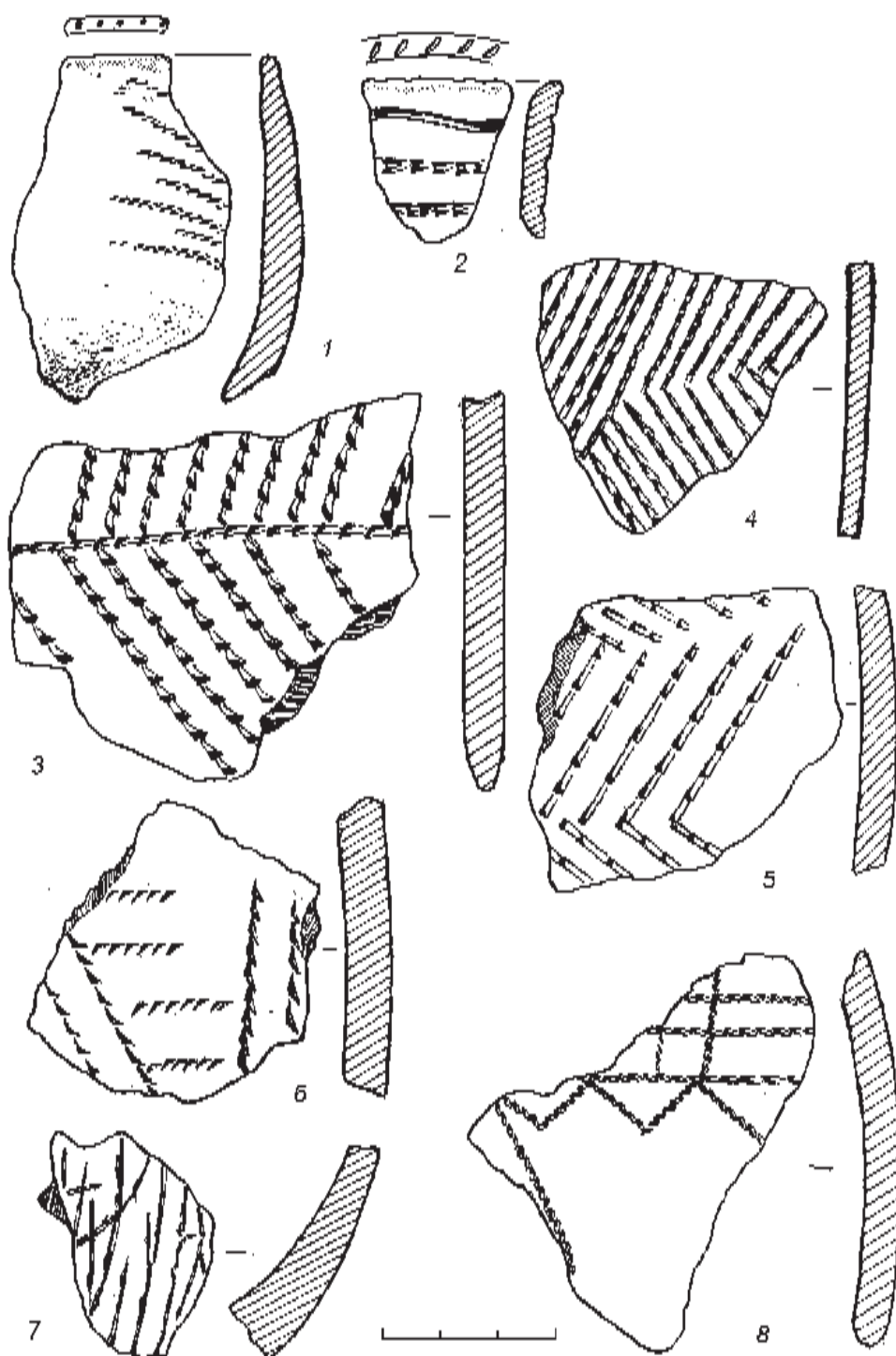

Рис.79. Керамика Виловатовской стоянки.

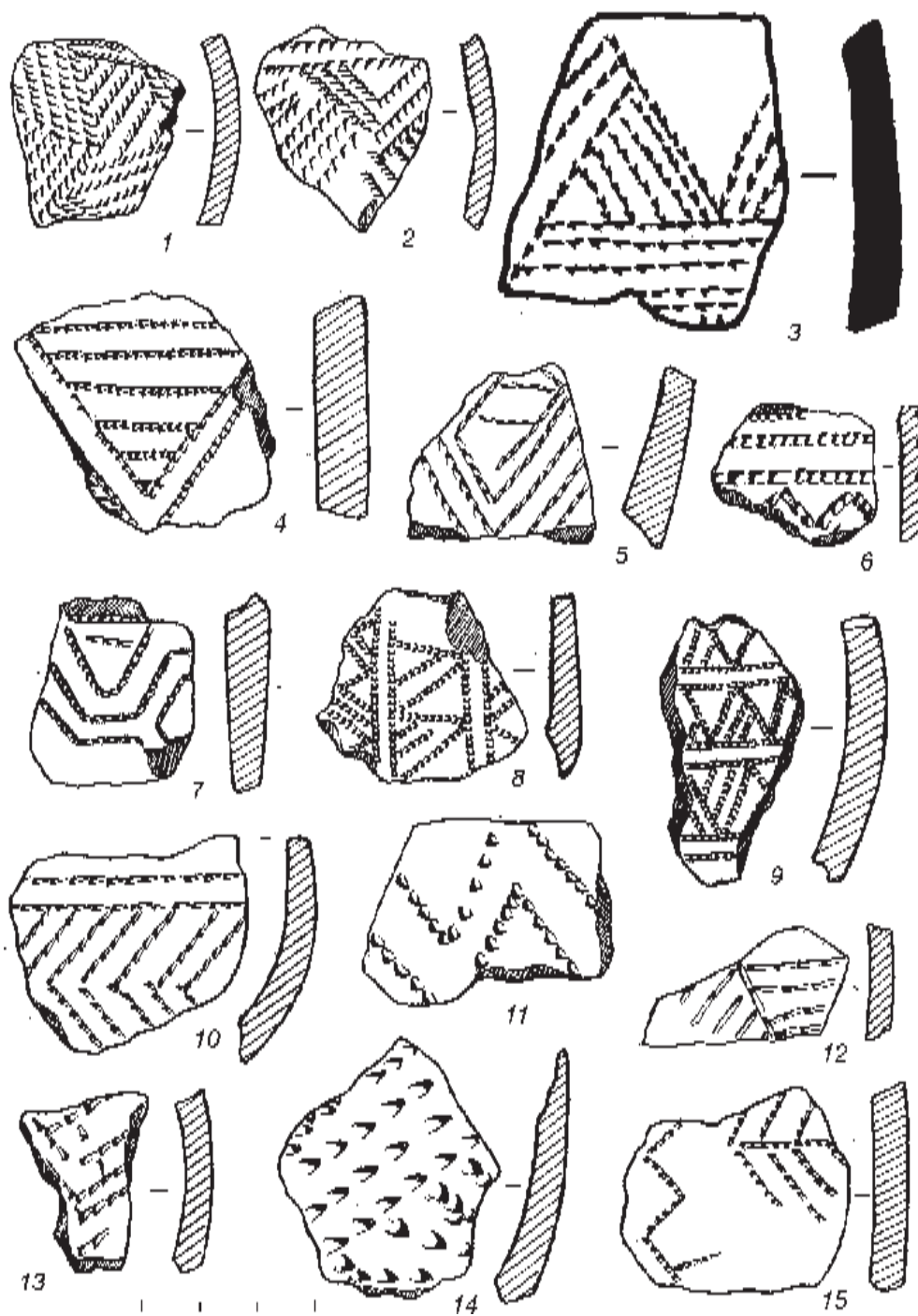

Рис.80. Керамика Виловатовской стоянки.

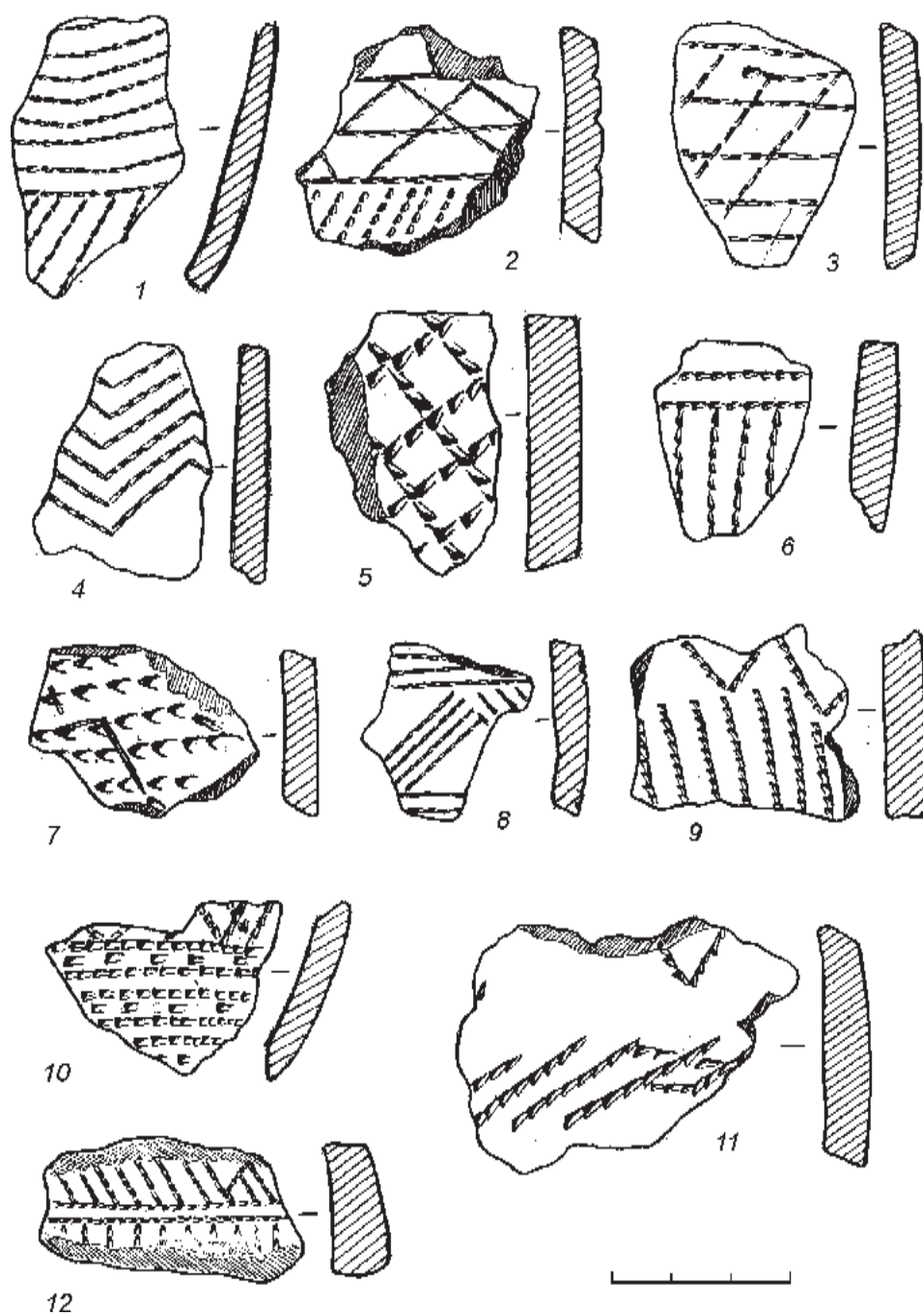

Рис.81. Керамика Виловатовской стоянки.

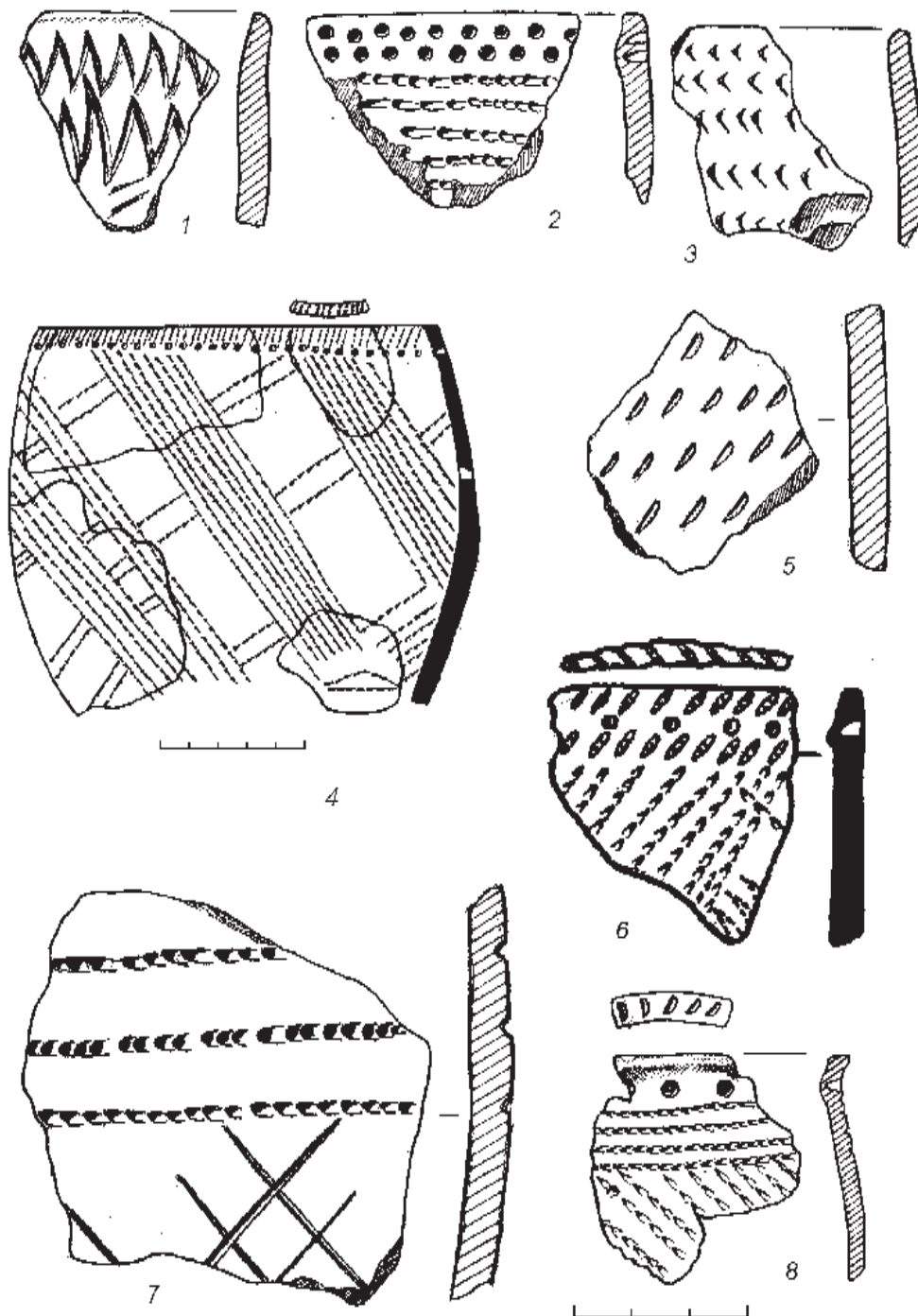

Рис.82. Керамика Виловатовской стоянки.

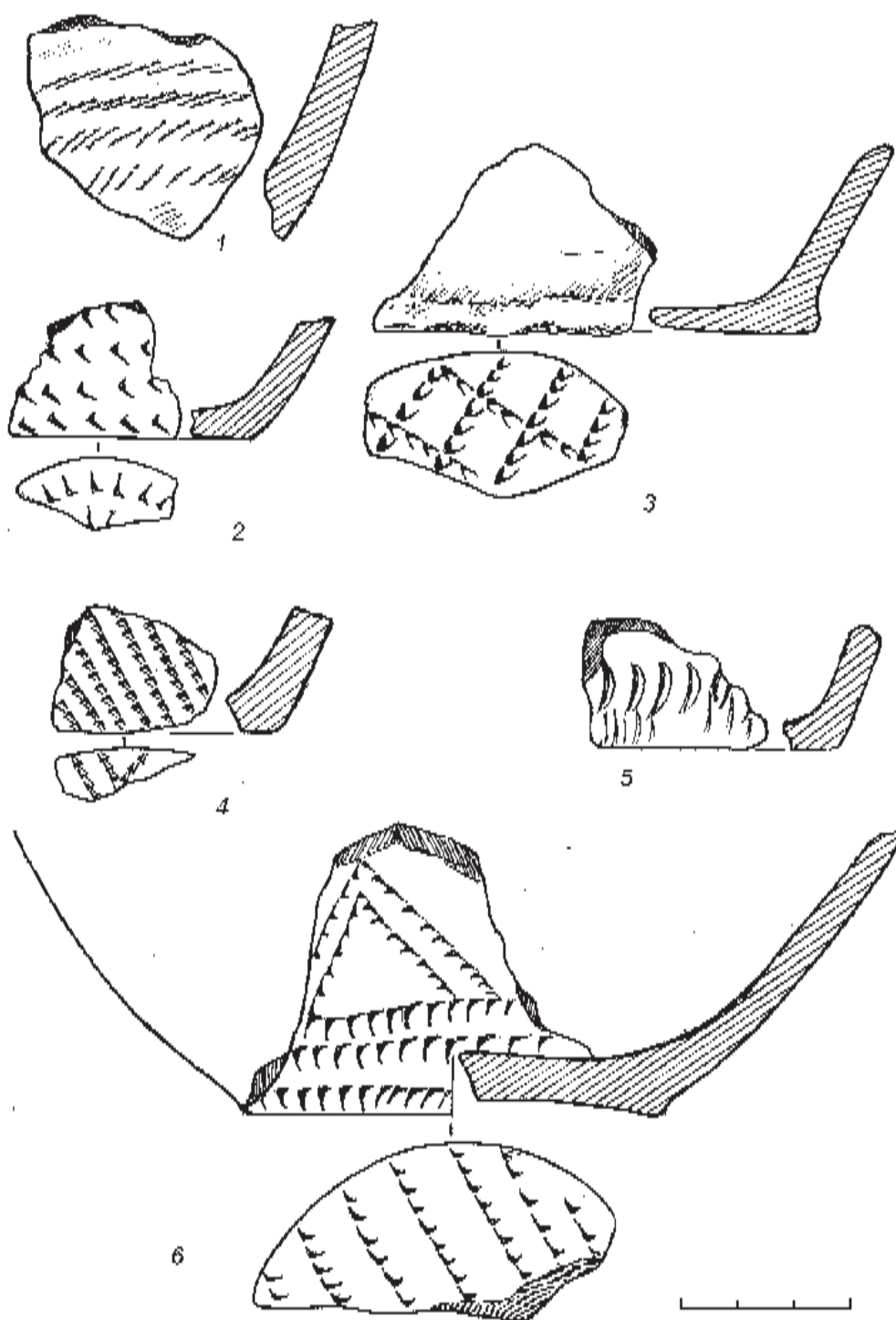

Рис.83. Керамика Виловатовской стоянки.

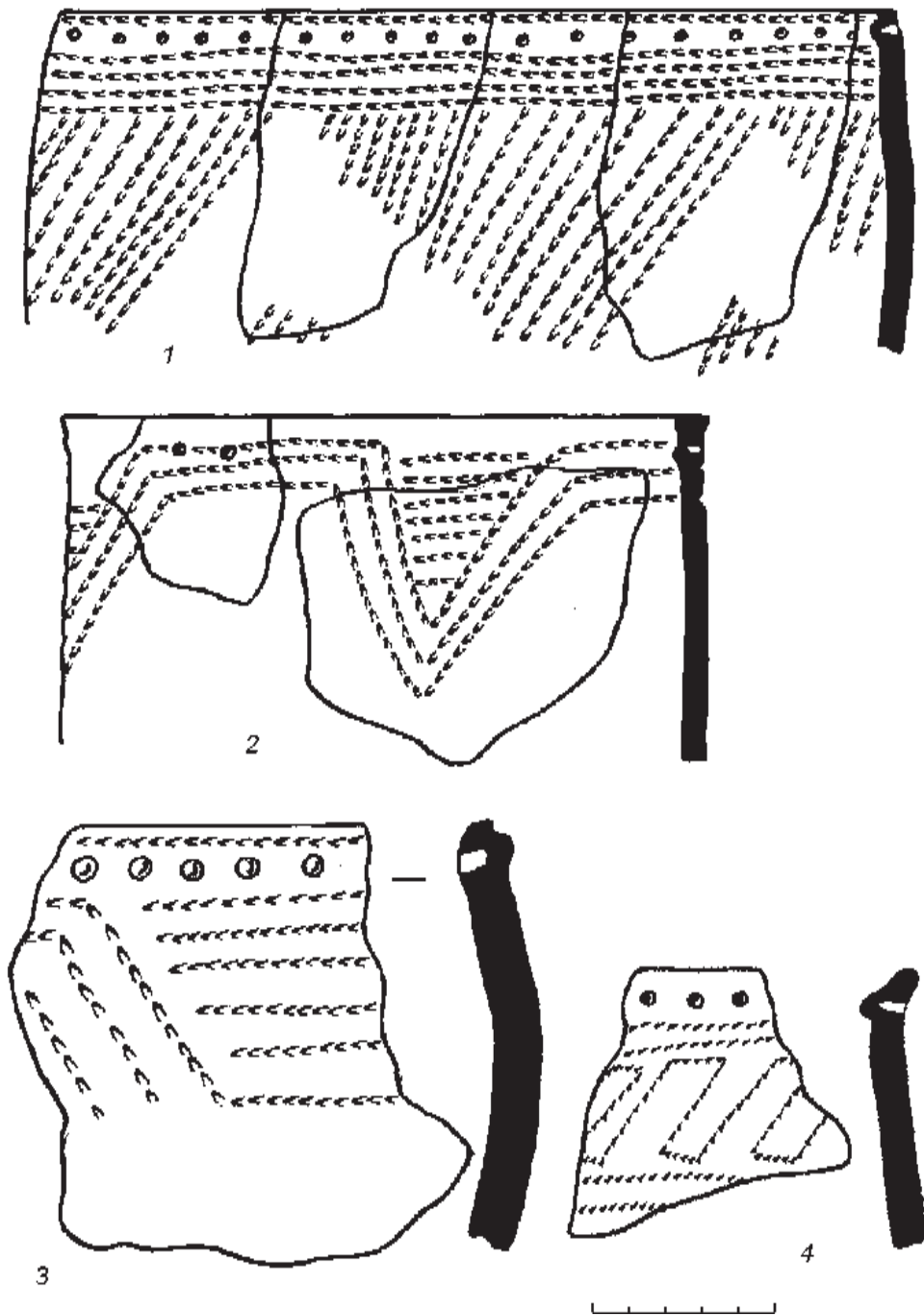

Рис.84. Керамика Вилатовской стоянки.

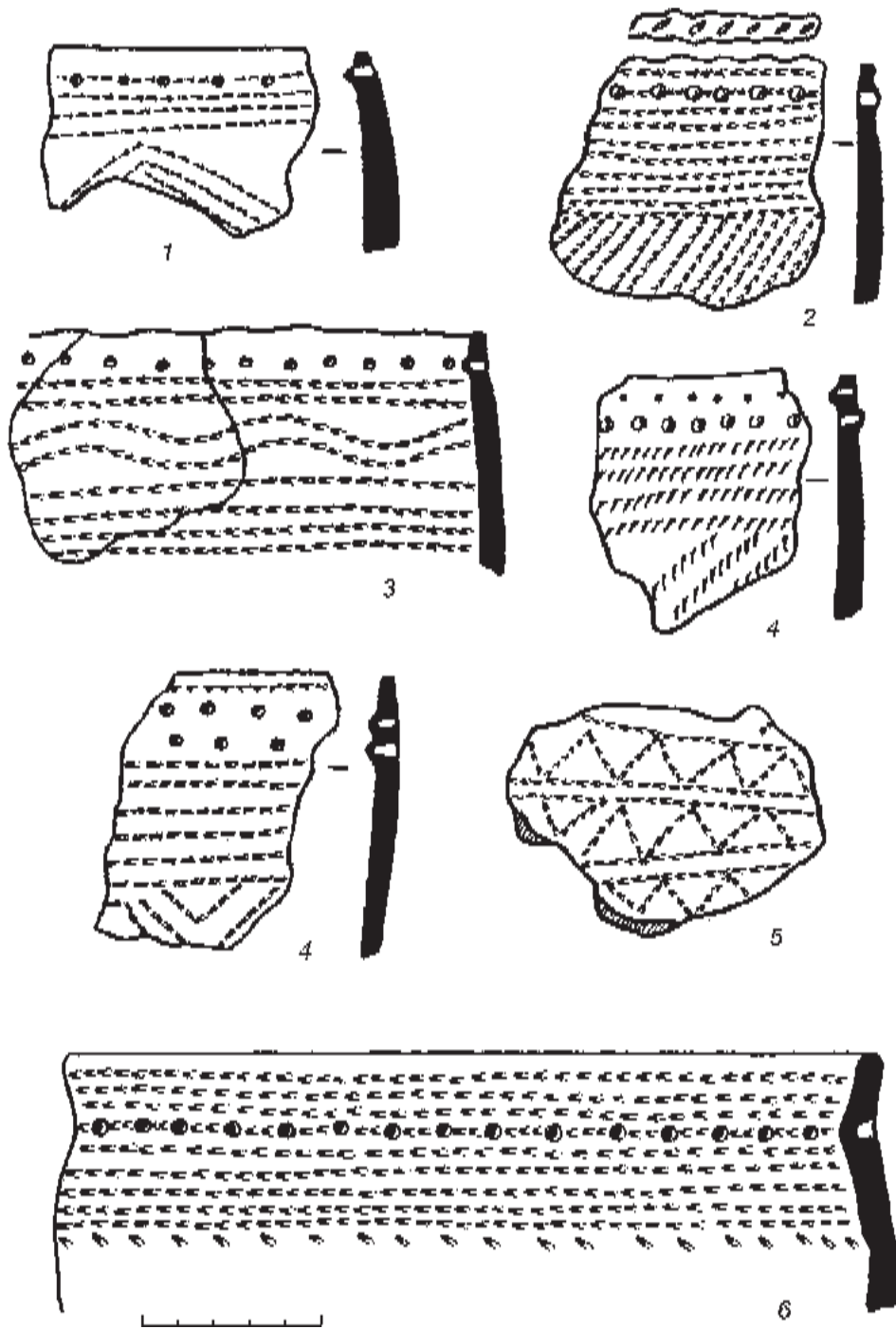

Рис.85. Керамика Виловатовской стоянки.

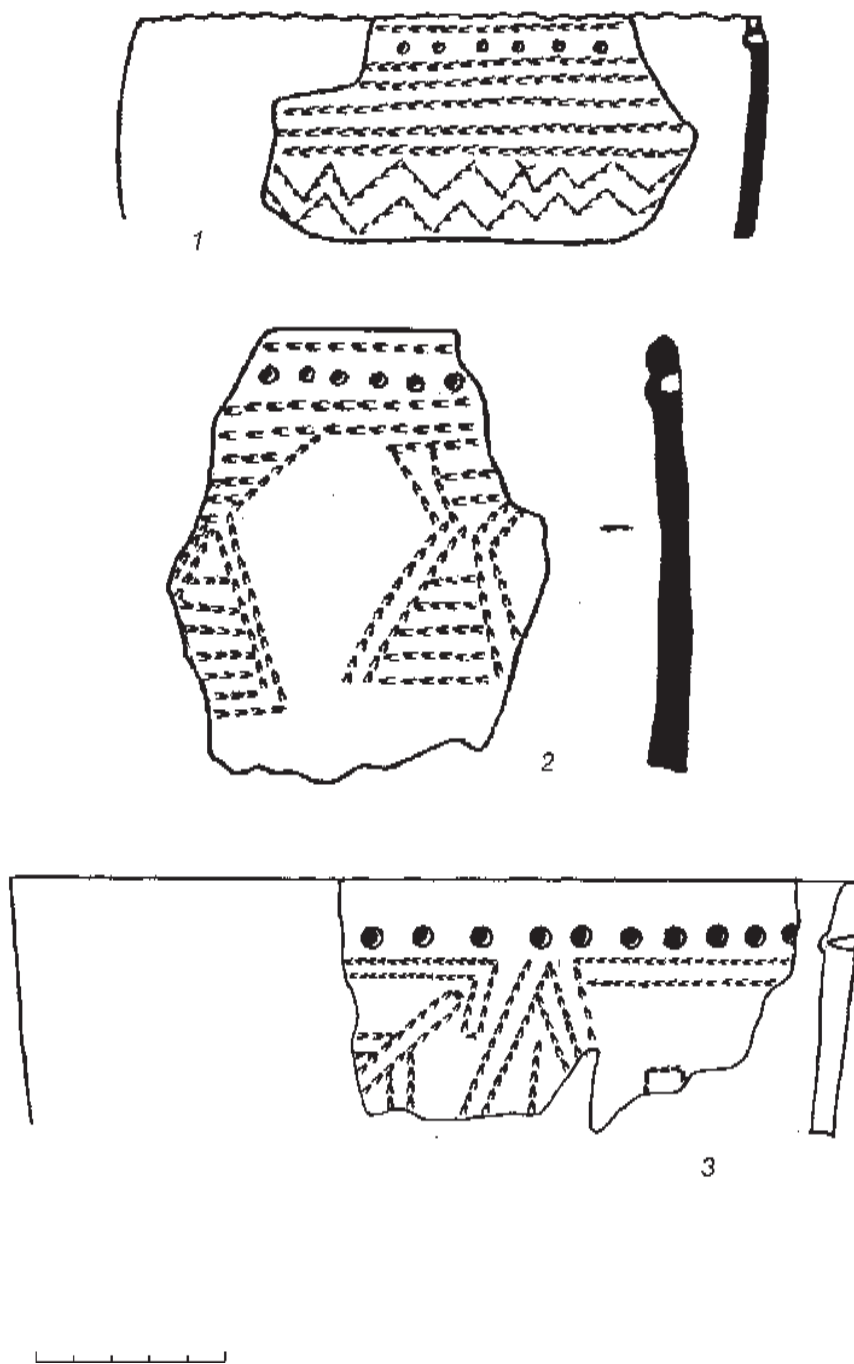

Рис.86. Керамика Вилатовской стоянки.

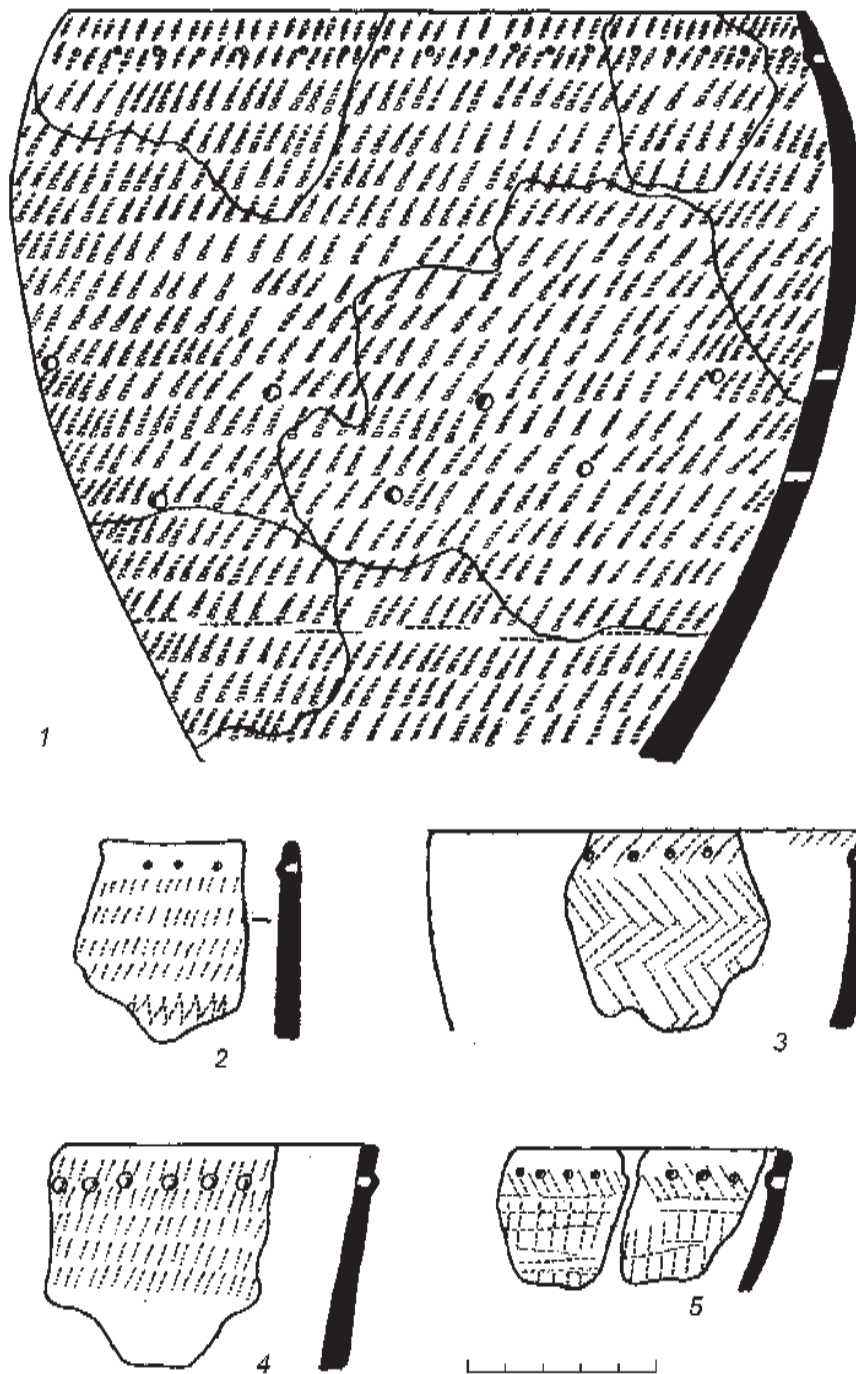

Рис.87. Керамика Виловатовской стоянки.

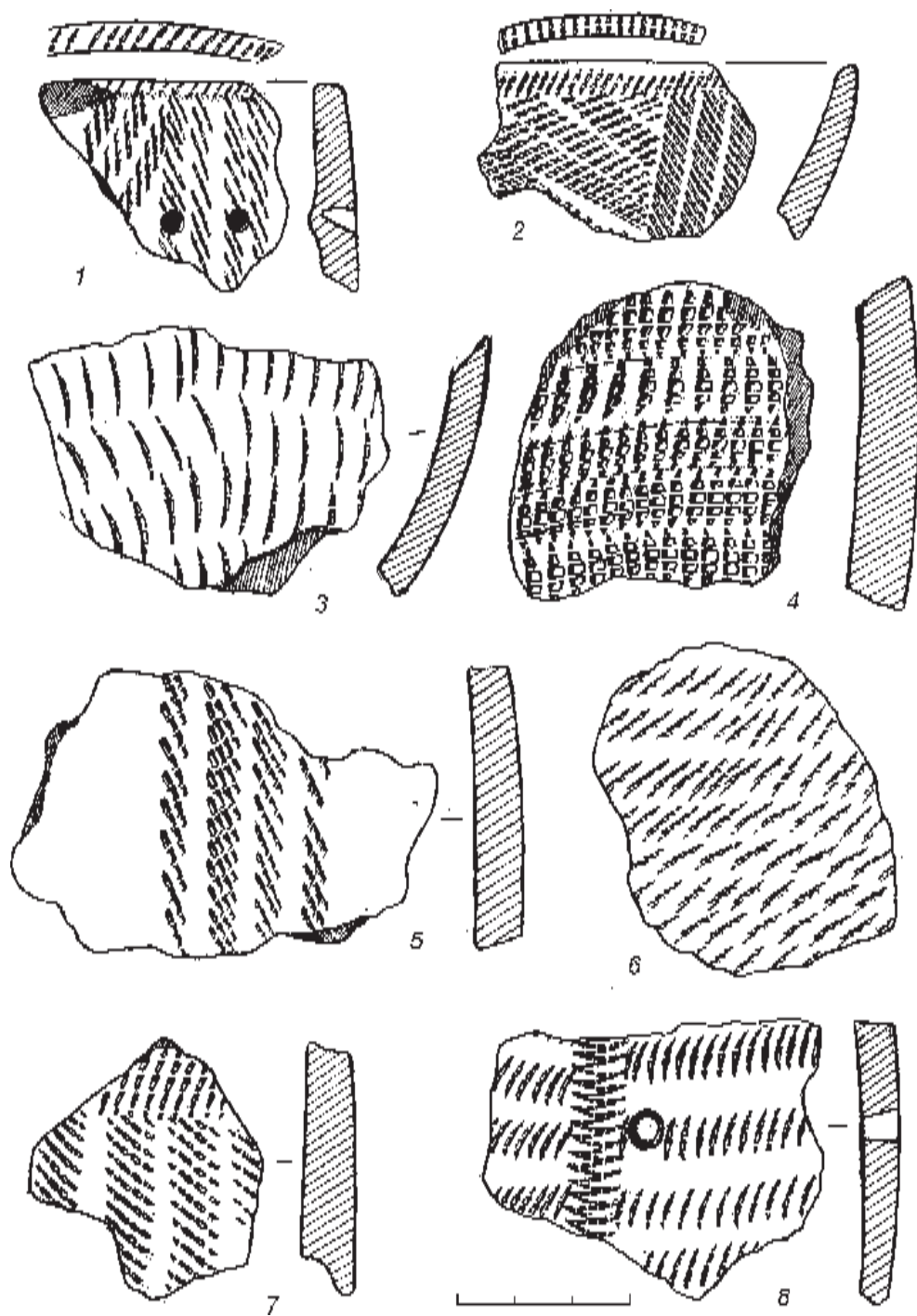

Рис.88. Керамика Виловатовской стоянки.

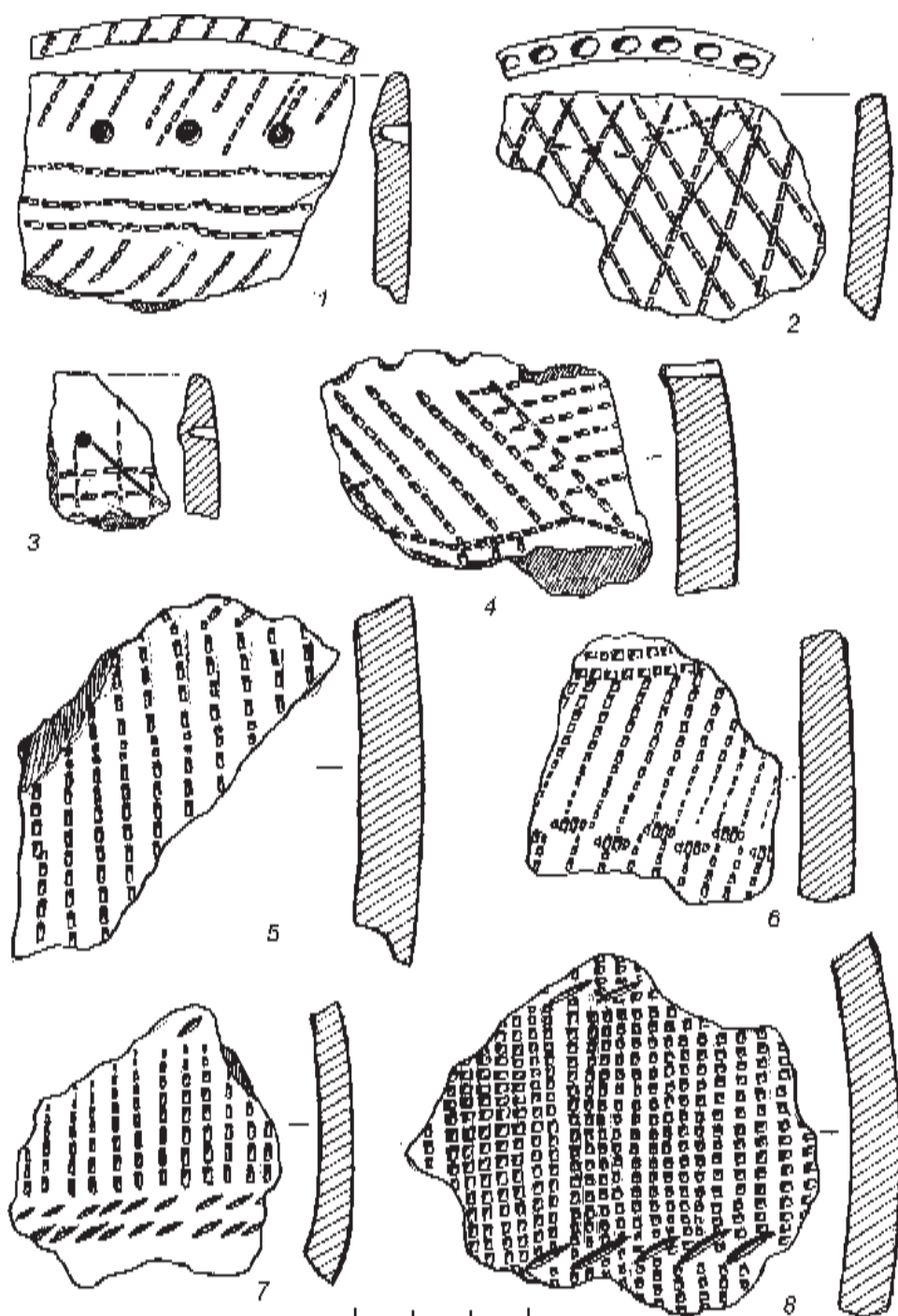

Рис.89. Керамика Виловатовской стоянки.

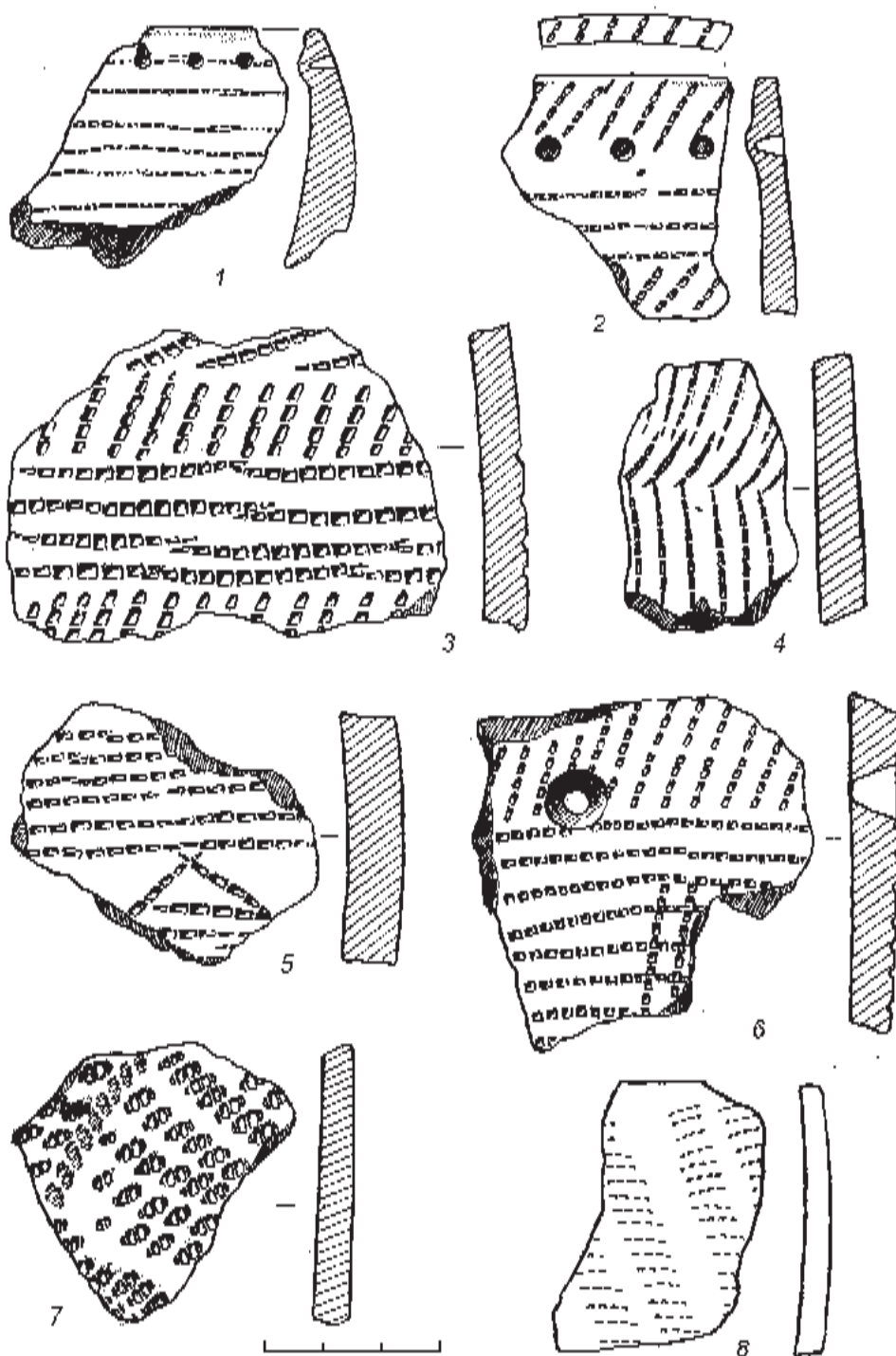

Рис.90. Керамика Виловатовской стоянки.

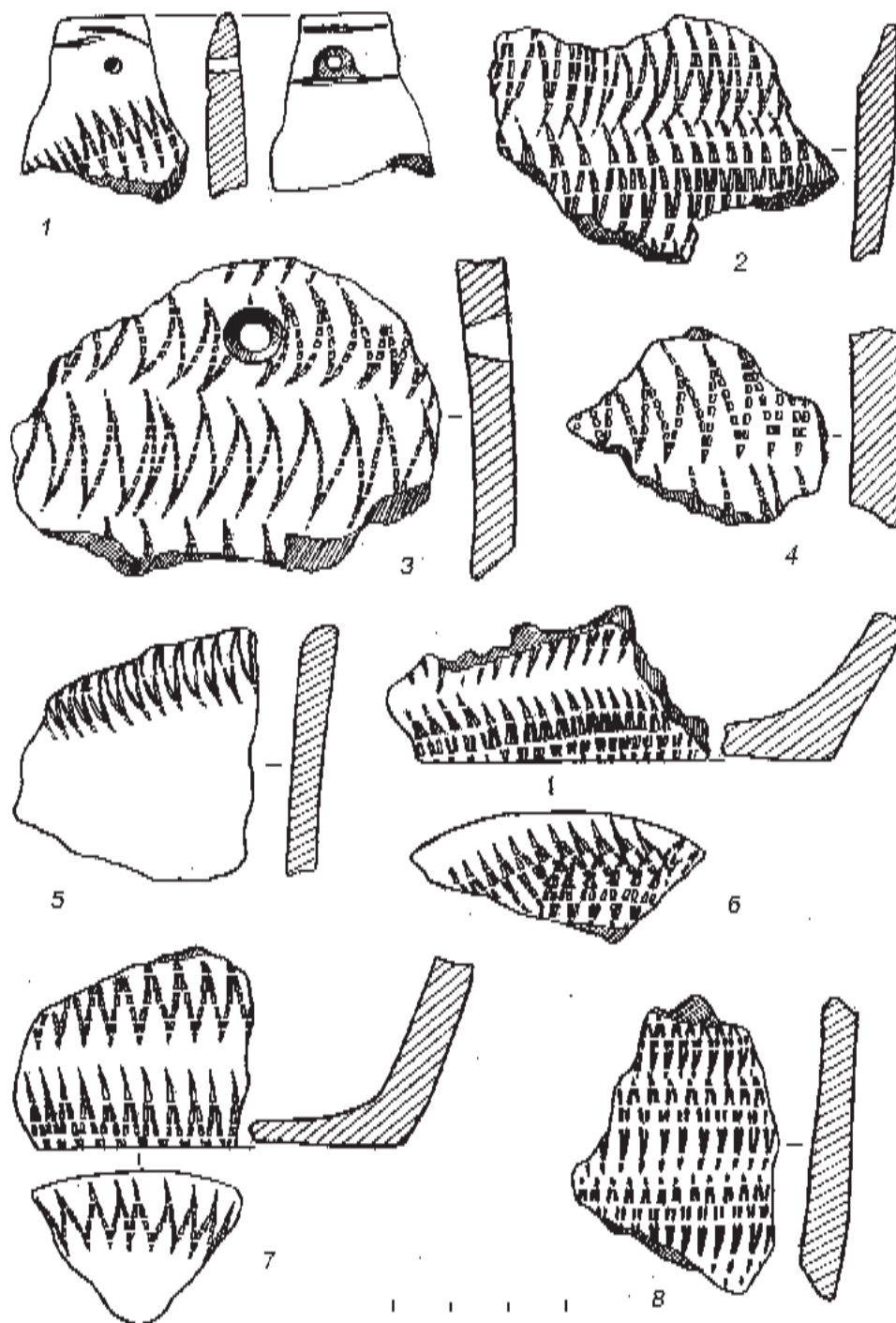

Рис.91. Керамика Виловатовской стоянки.

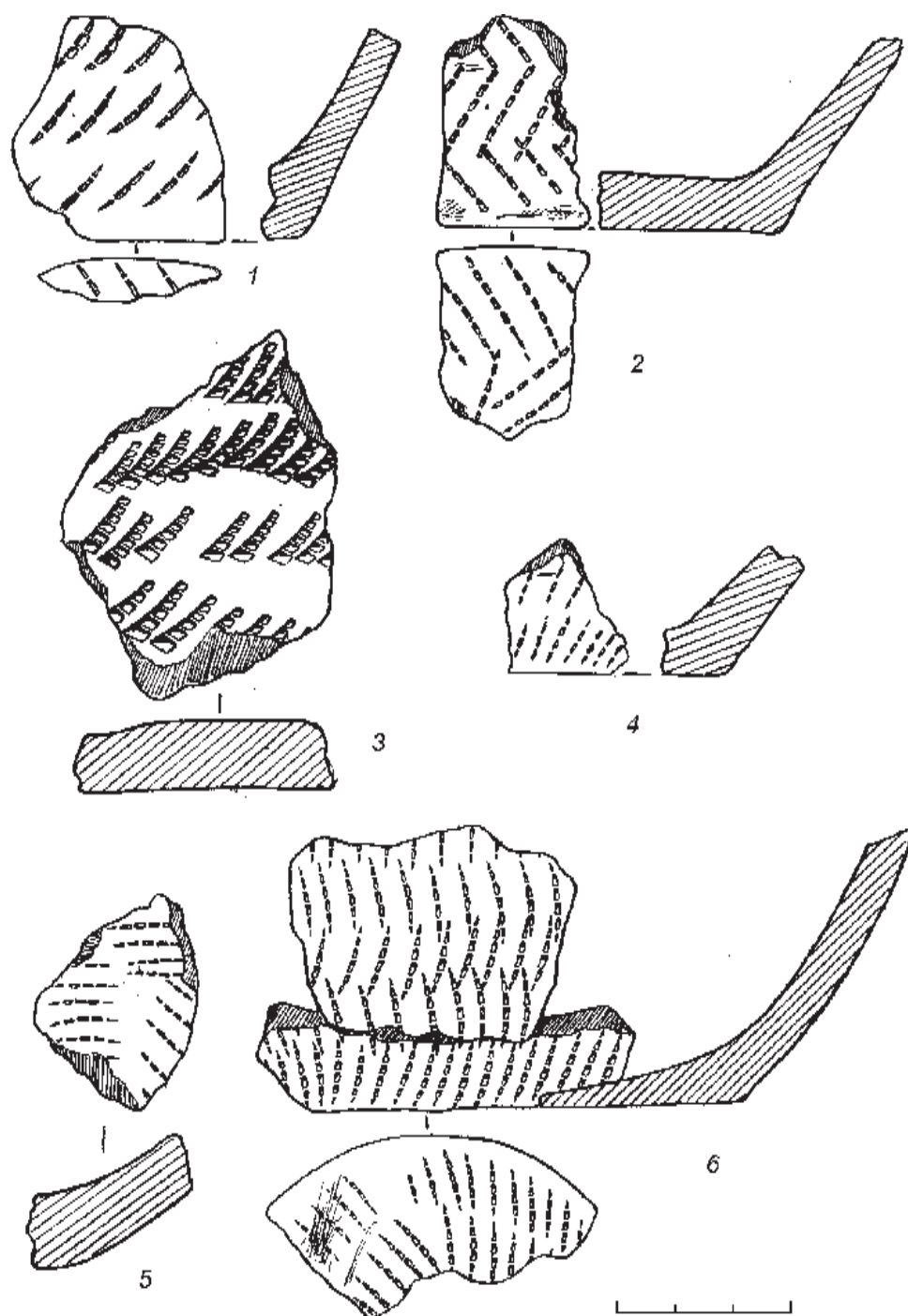

Рис.92. Керамика Виловатовской стоянки.

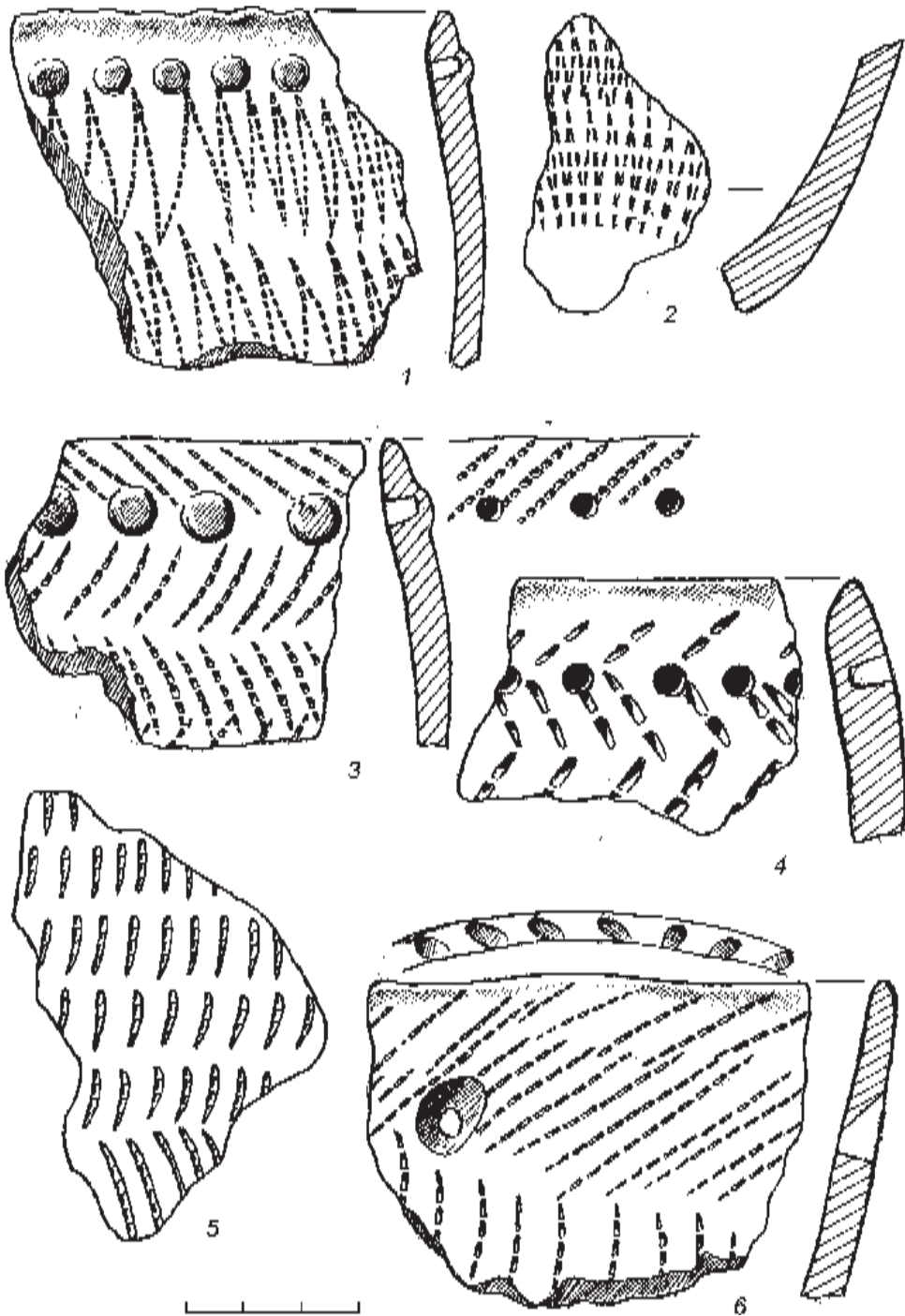

Рис.93. Керамика стоянки Лебяжинка I.

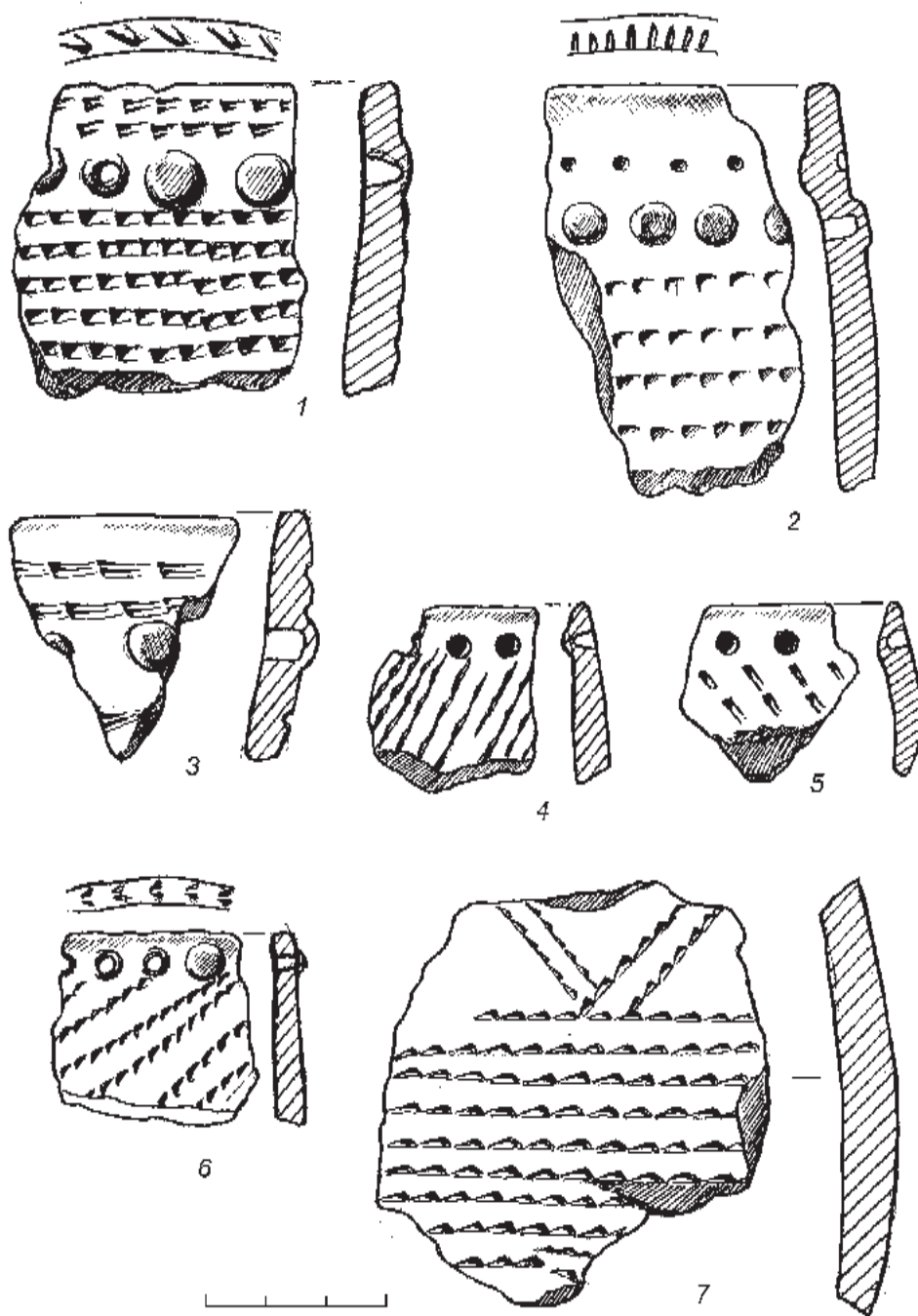

Рис.94. Керамика стоянки Лебяжинка I.

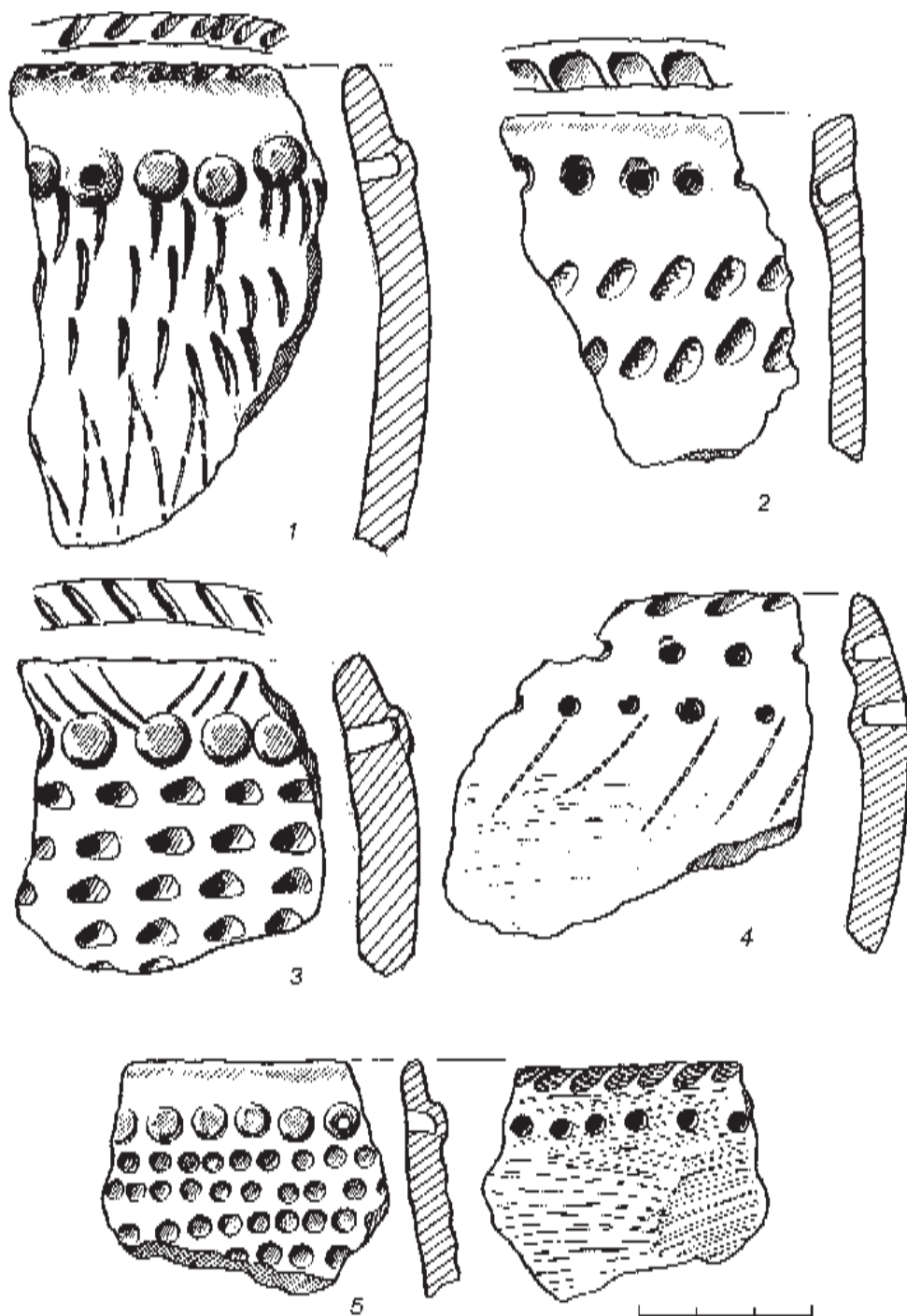

Рис.95. Керамика стоянки Лебяжинка I.

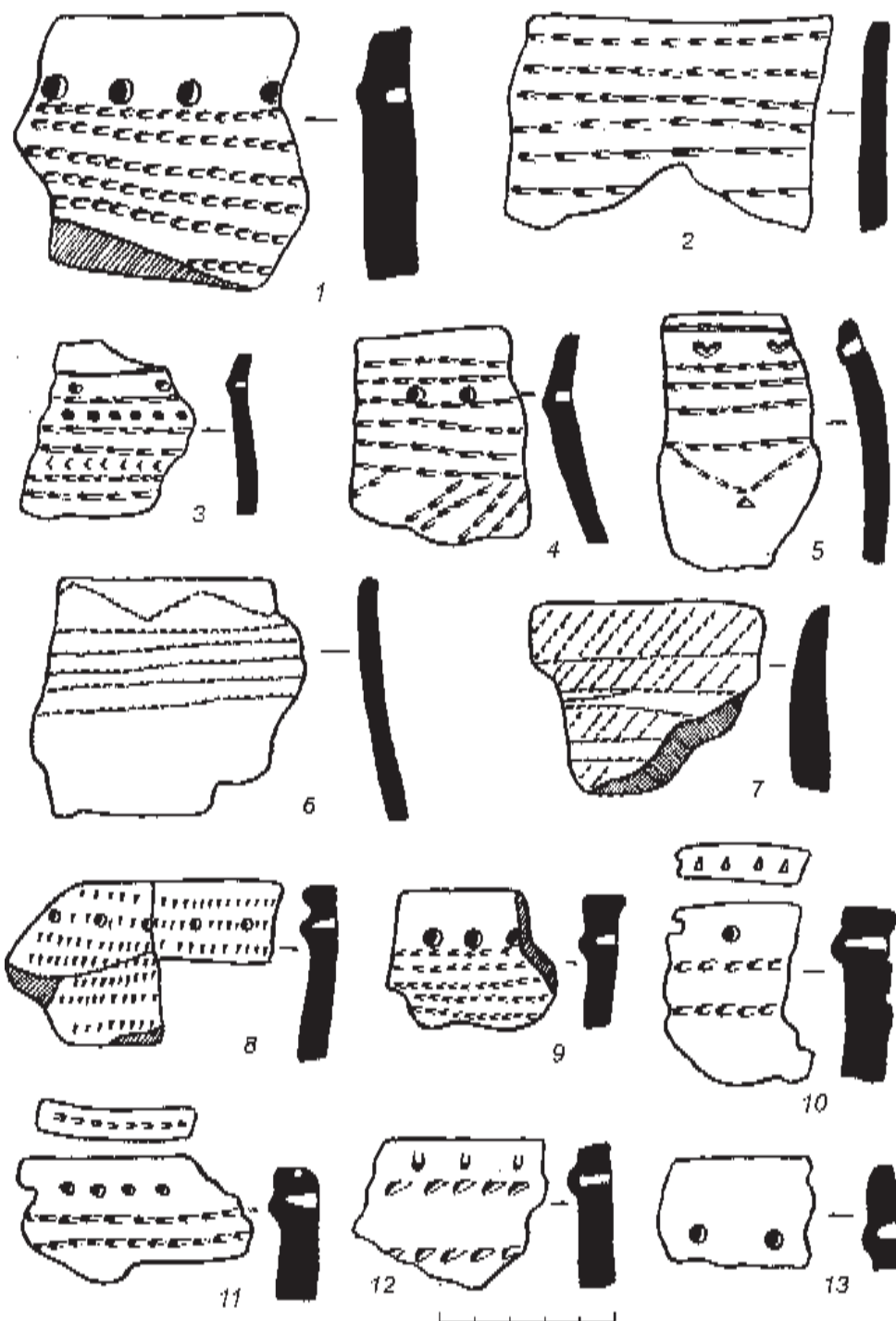

Рис.96. Керамика стоянок Ивановская (1-7) и Старо-Елшанская (8-13).

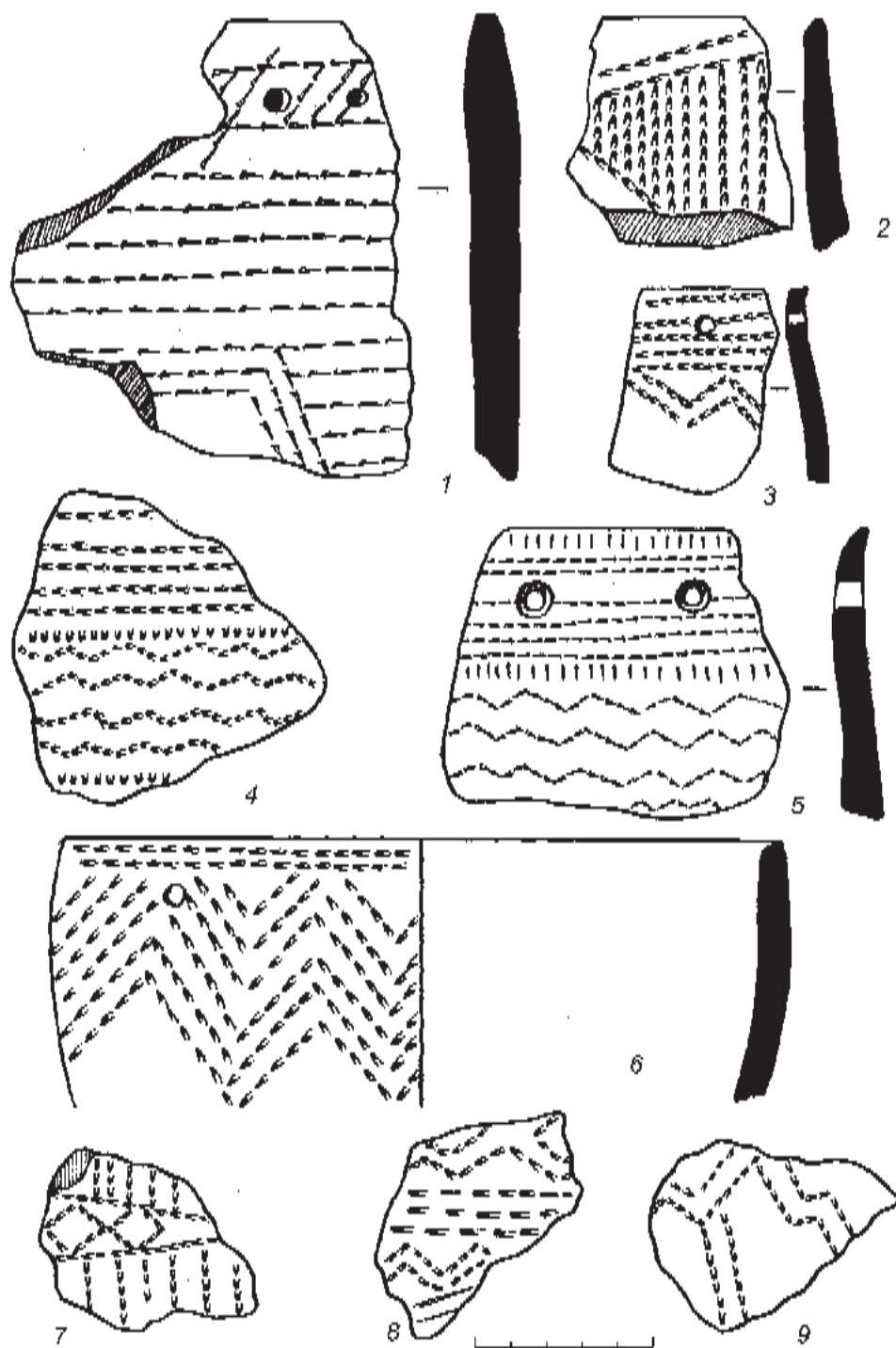

Рис.97. Керамика Ивановской стоянки.

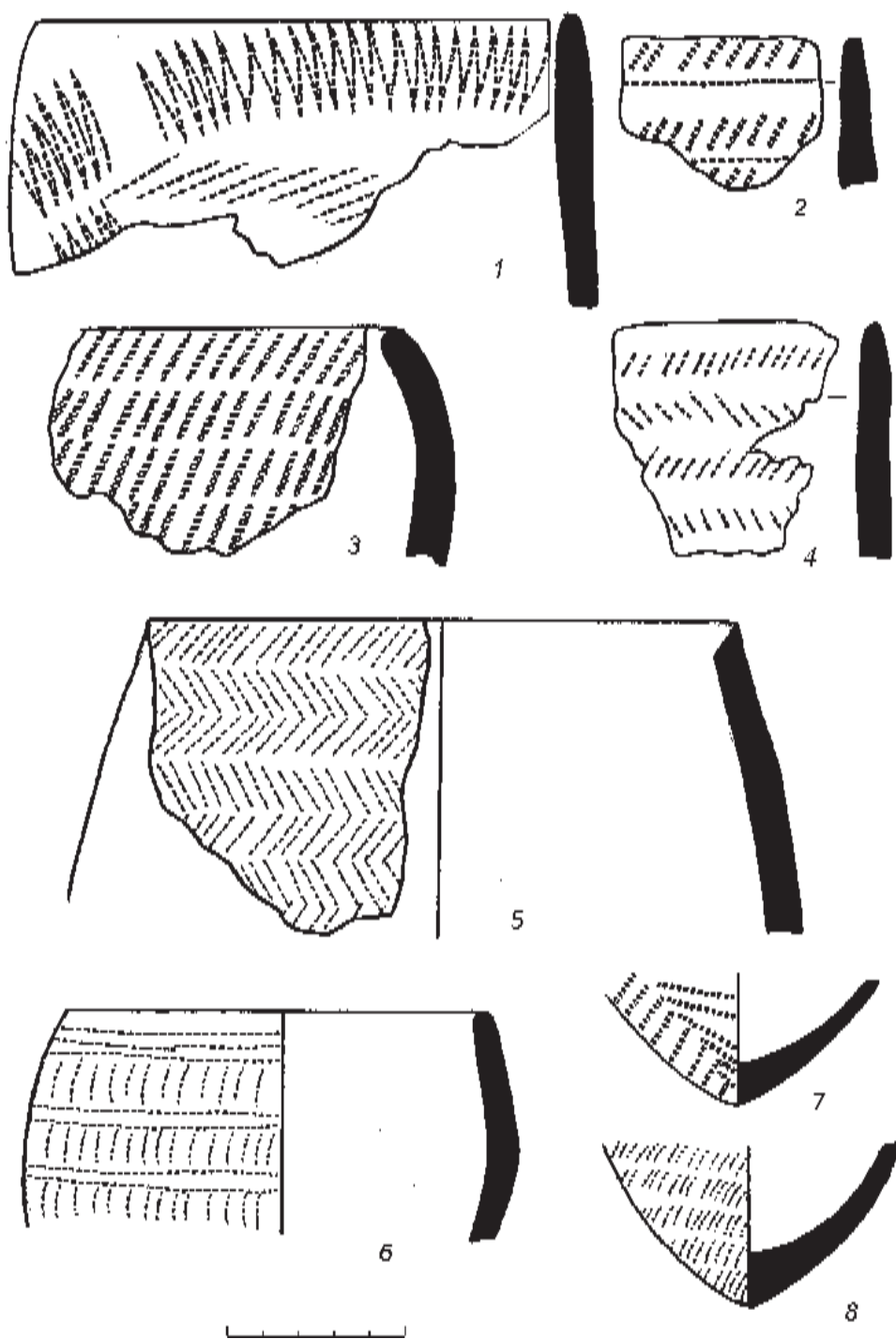

Рис.98. Керамика Ивановской стоянки.

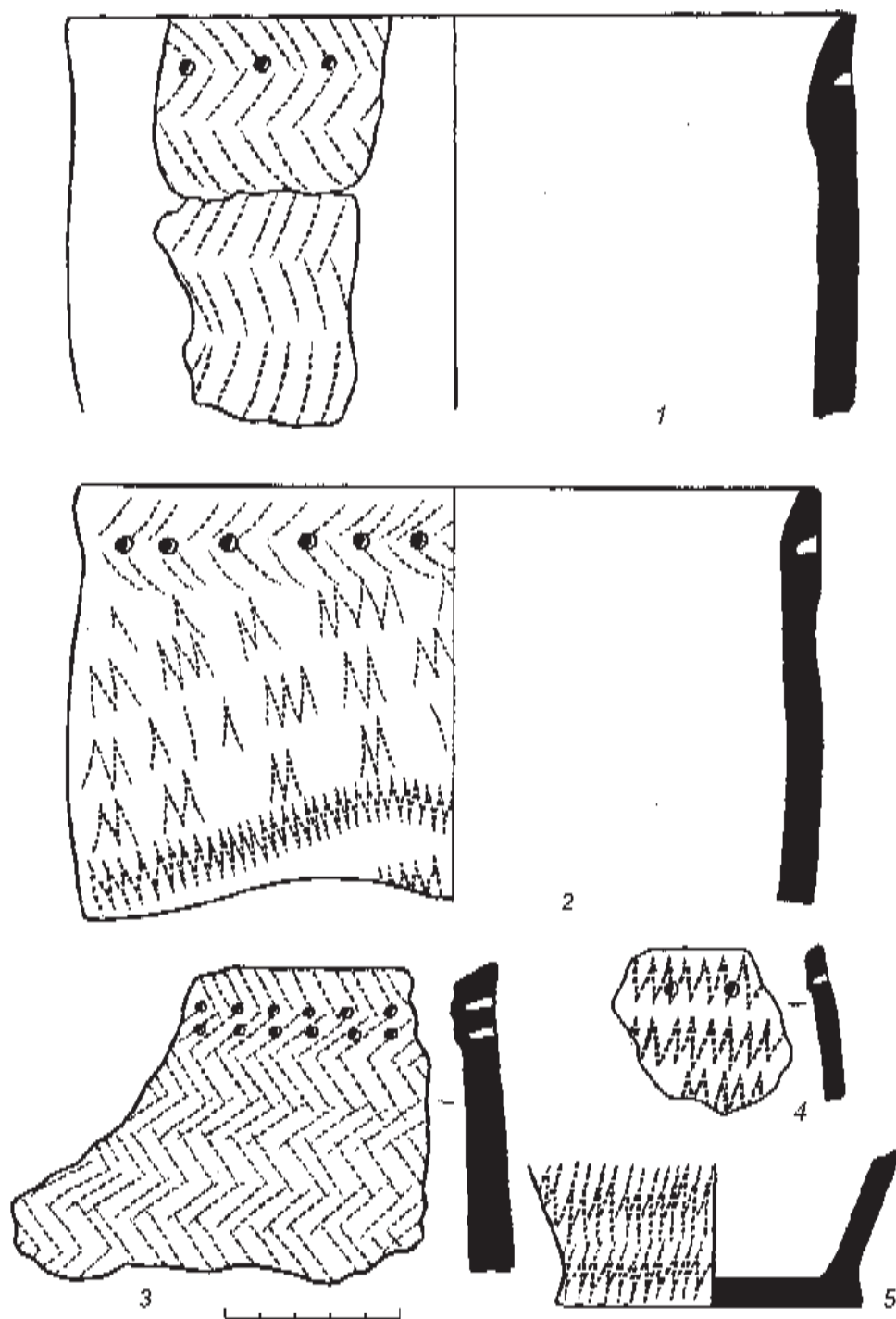

Рис.99. Керамика Ивановской стоянки.

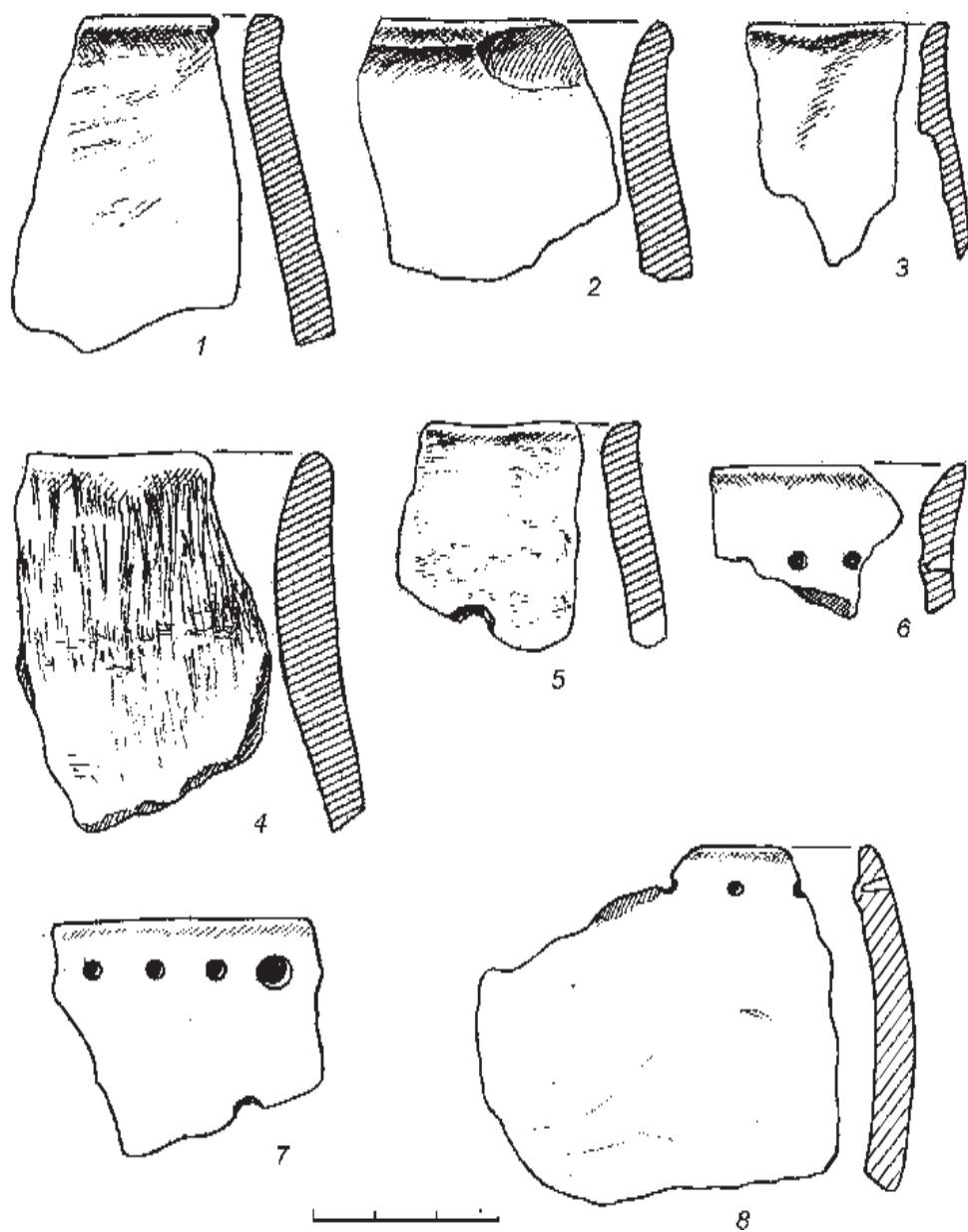

Рис.100. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

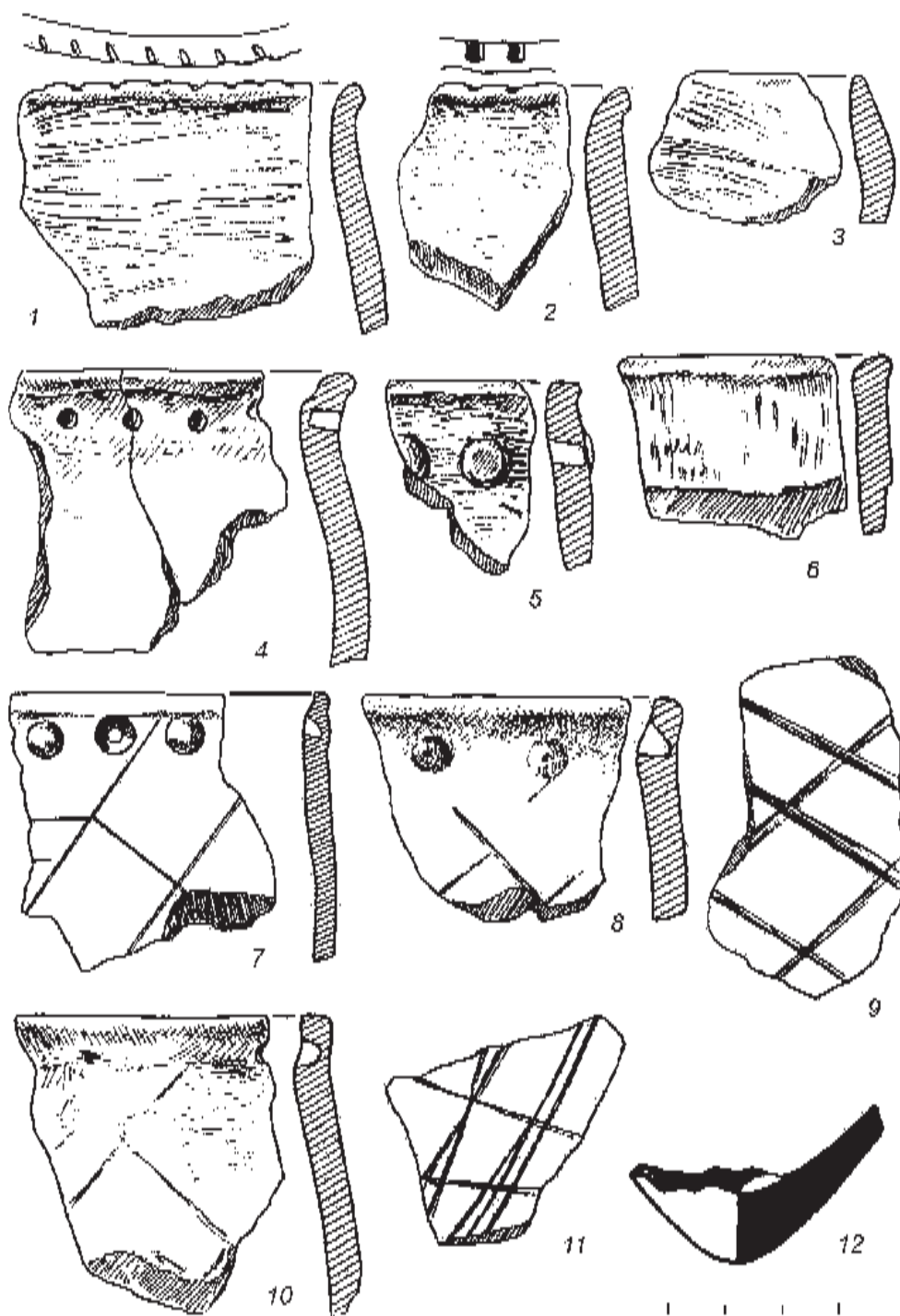

Рис.101. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

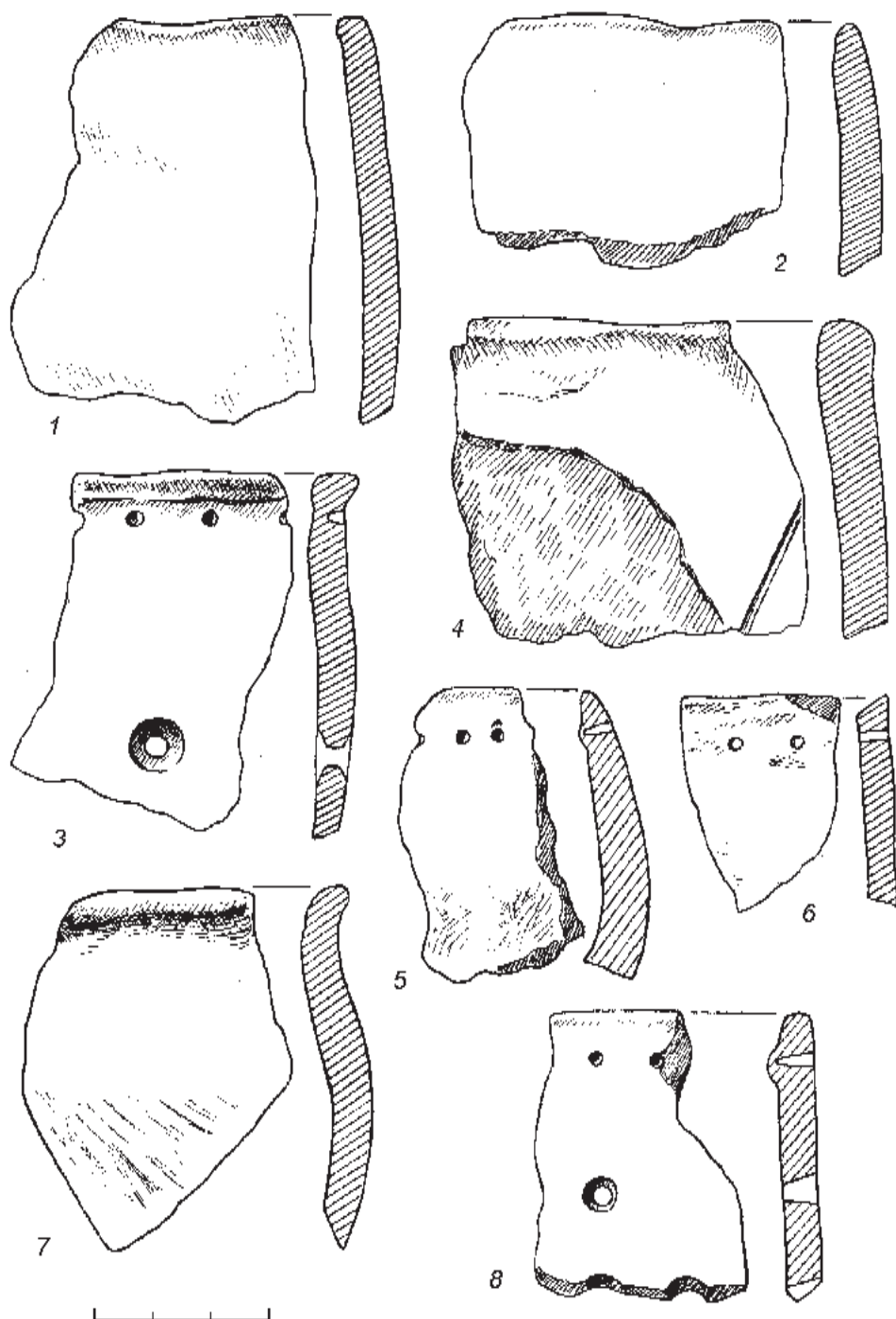

Рис.102. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

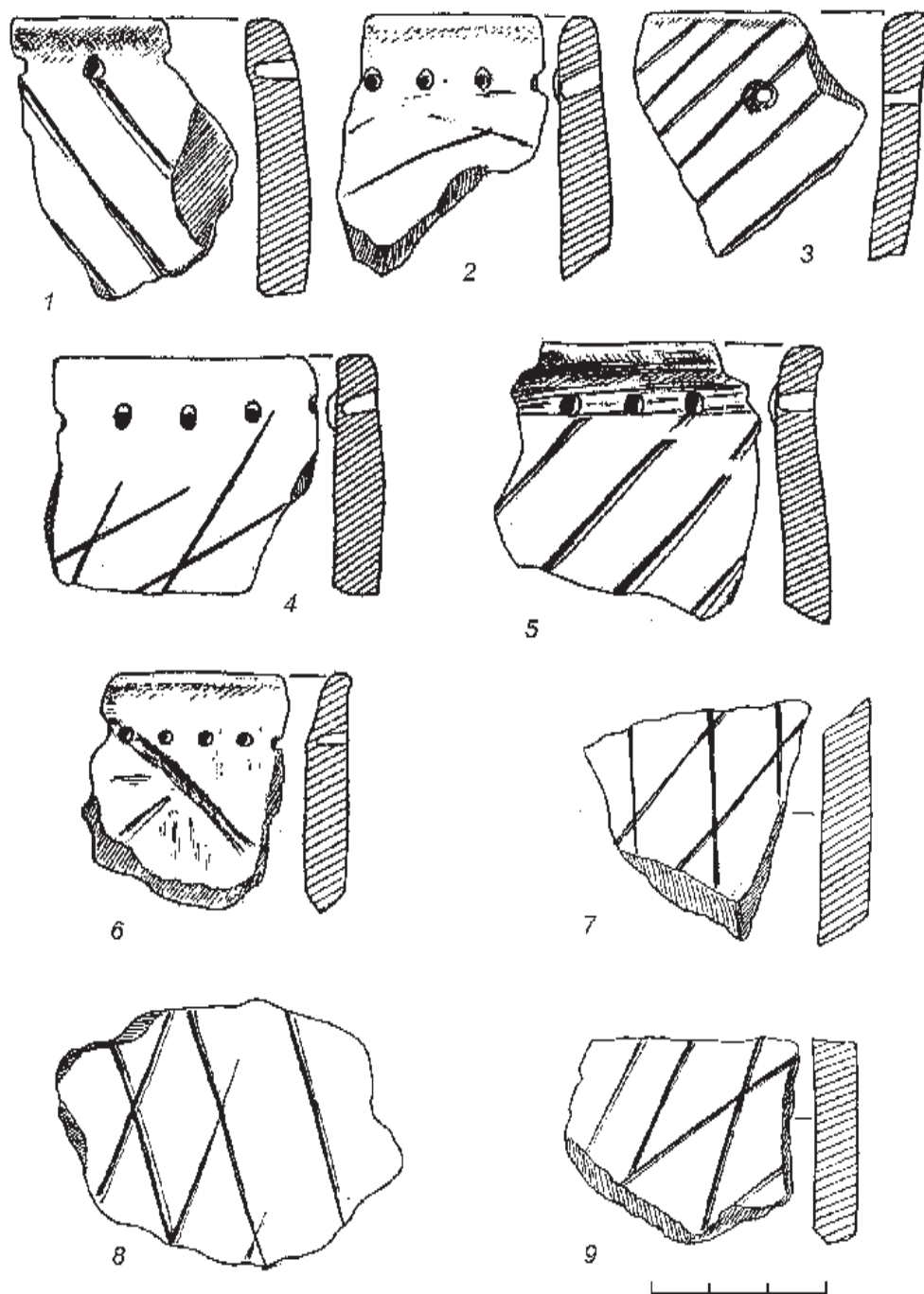

Рис.103. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

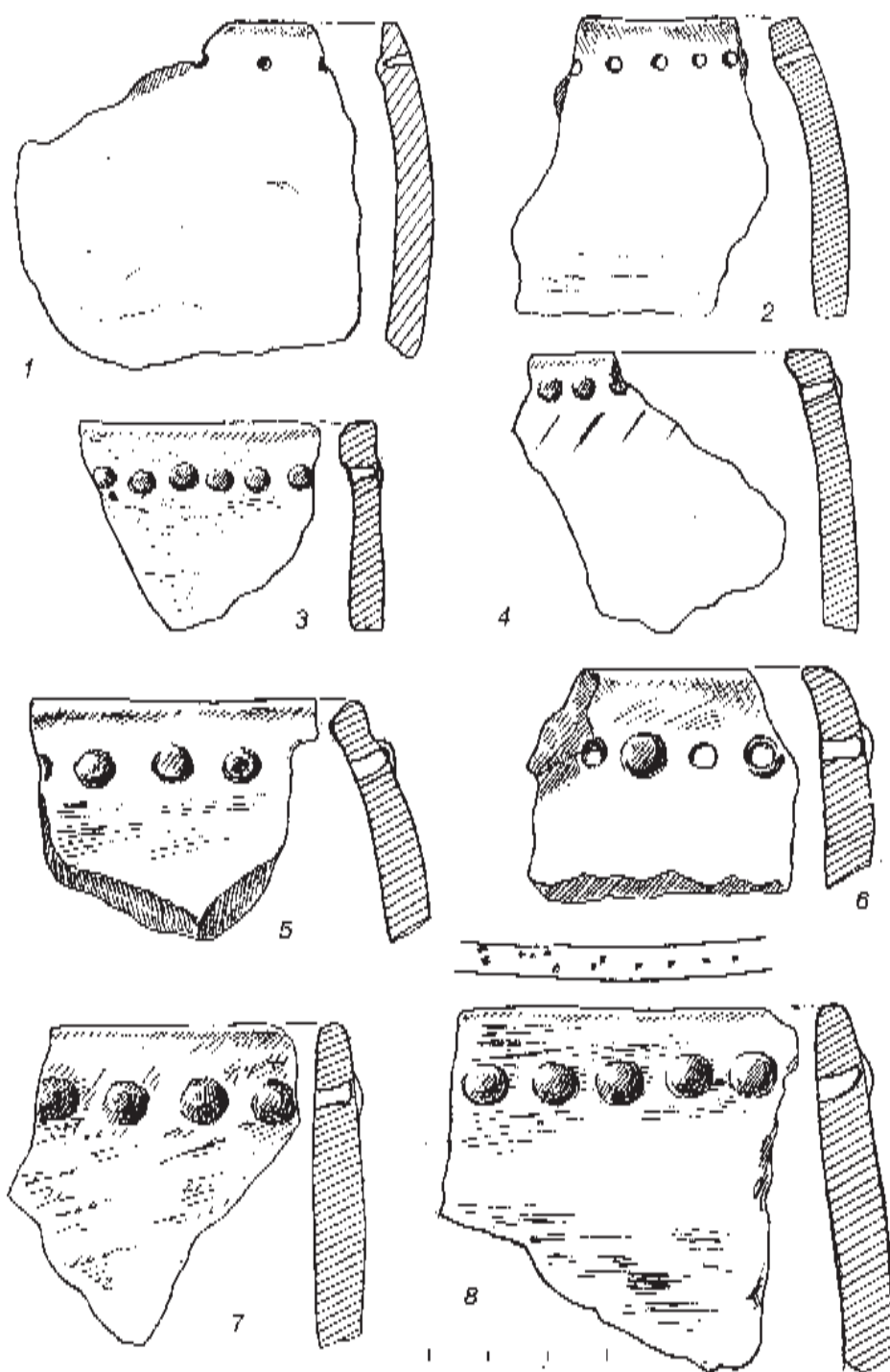

Рис.104. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

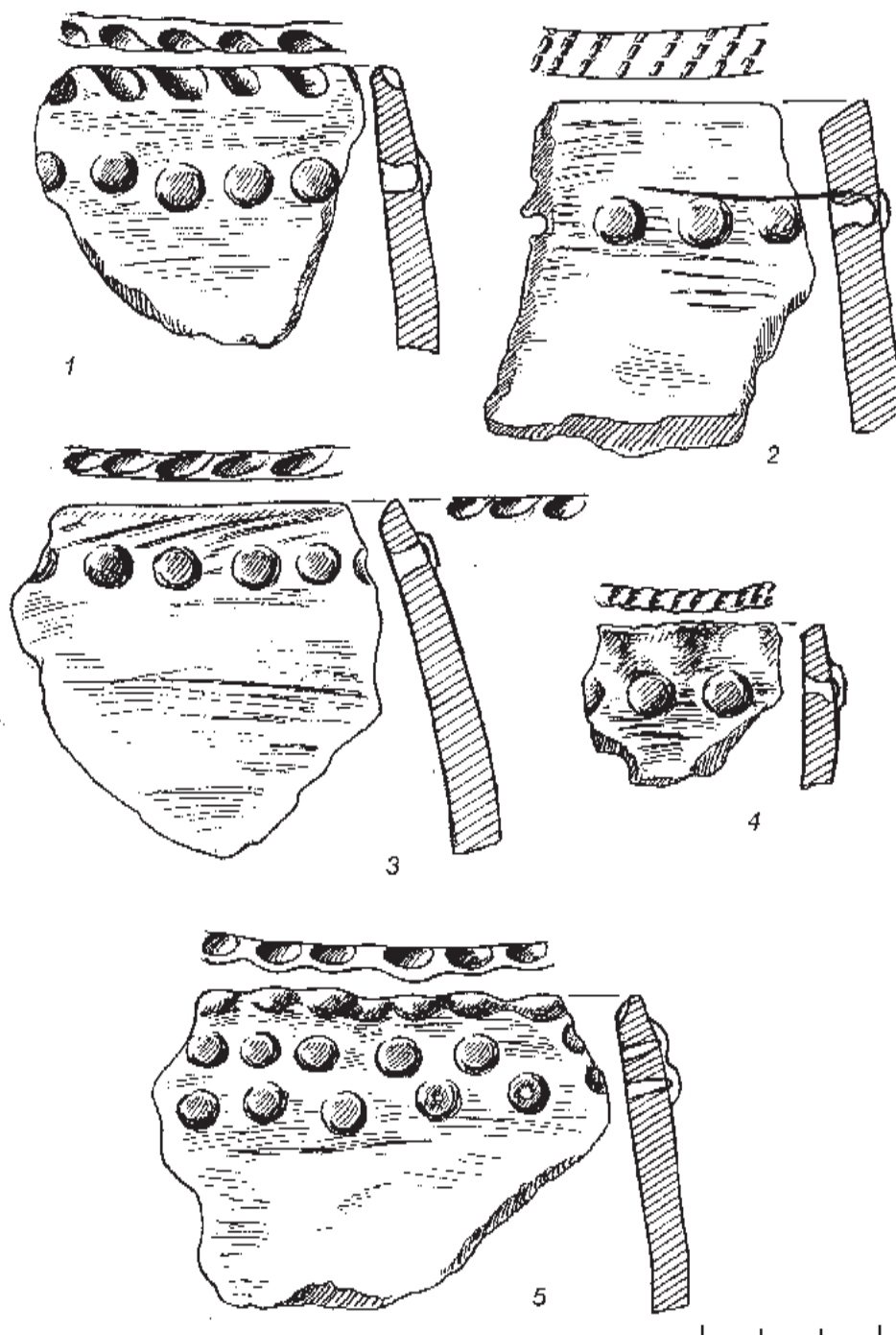

Рис.105. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

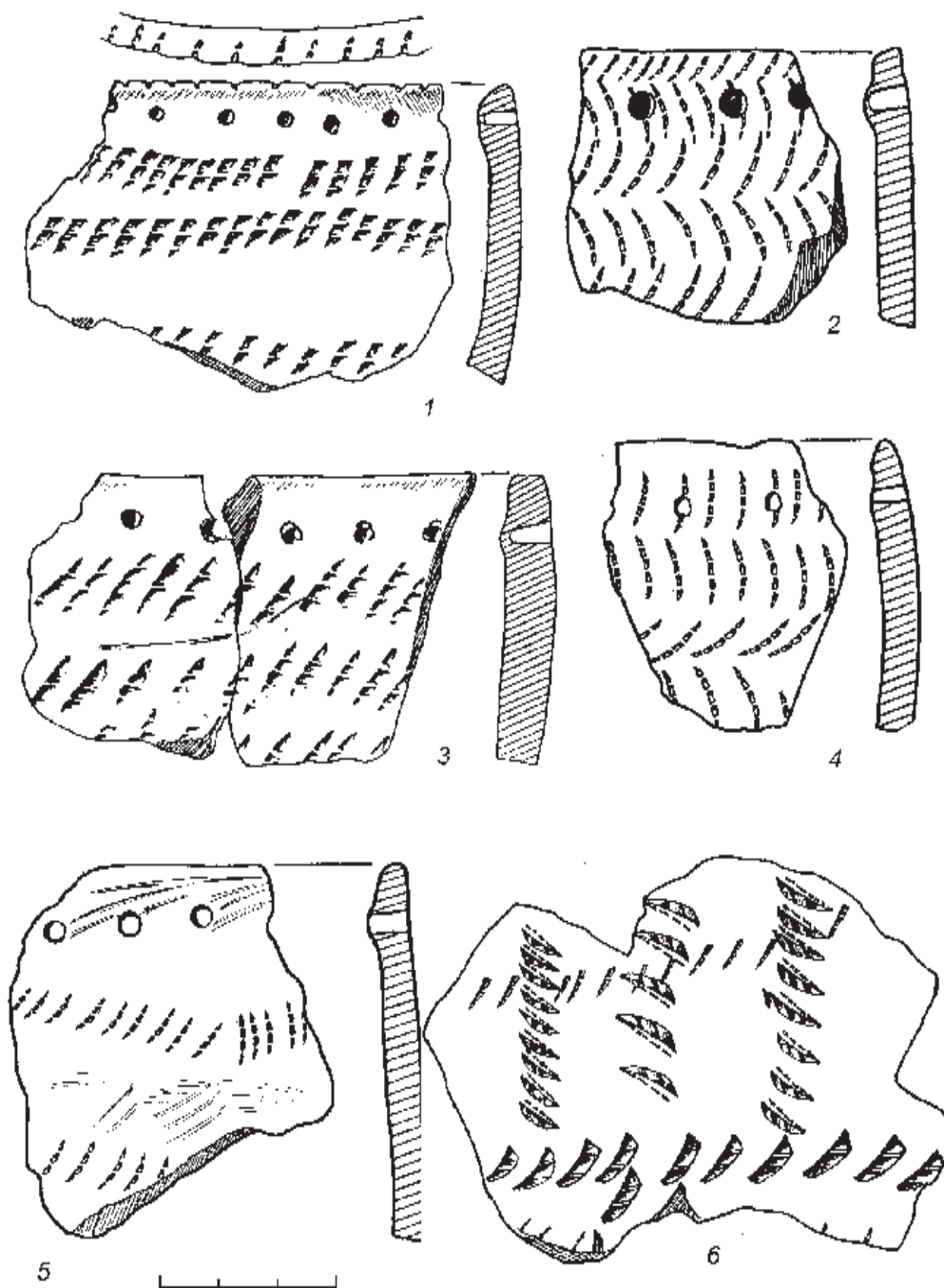

Рис.106. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

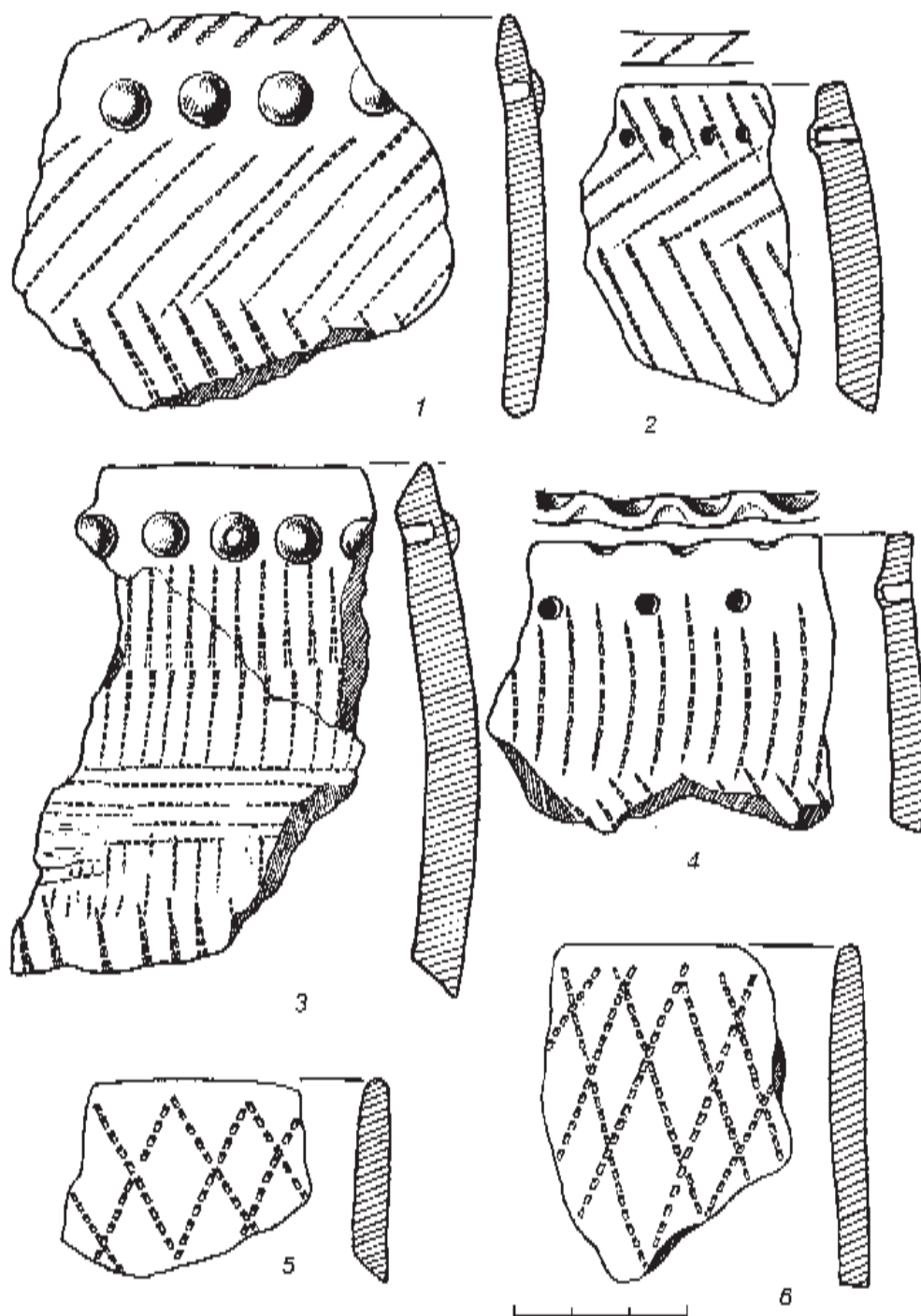

Рис.107. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

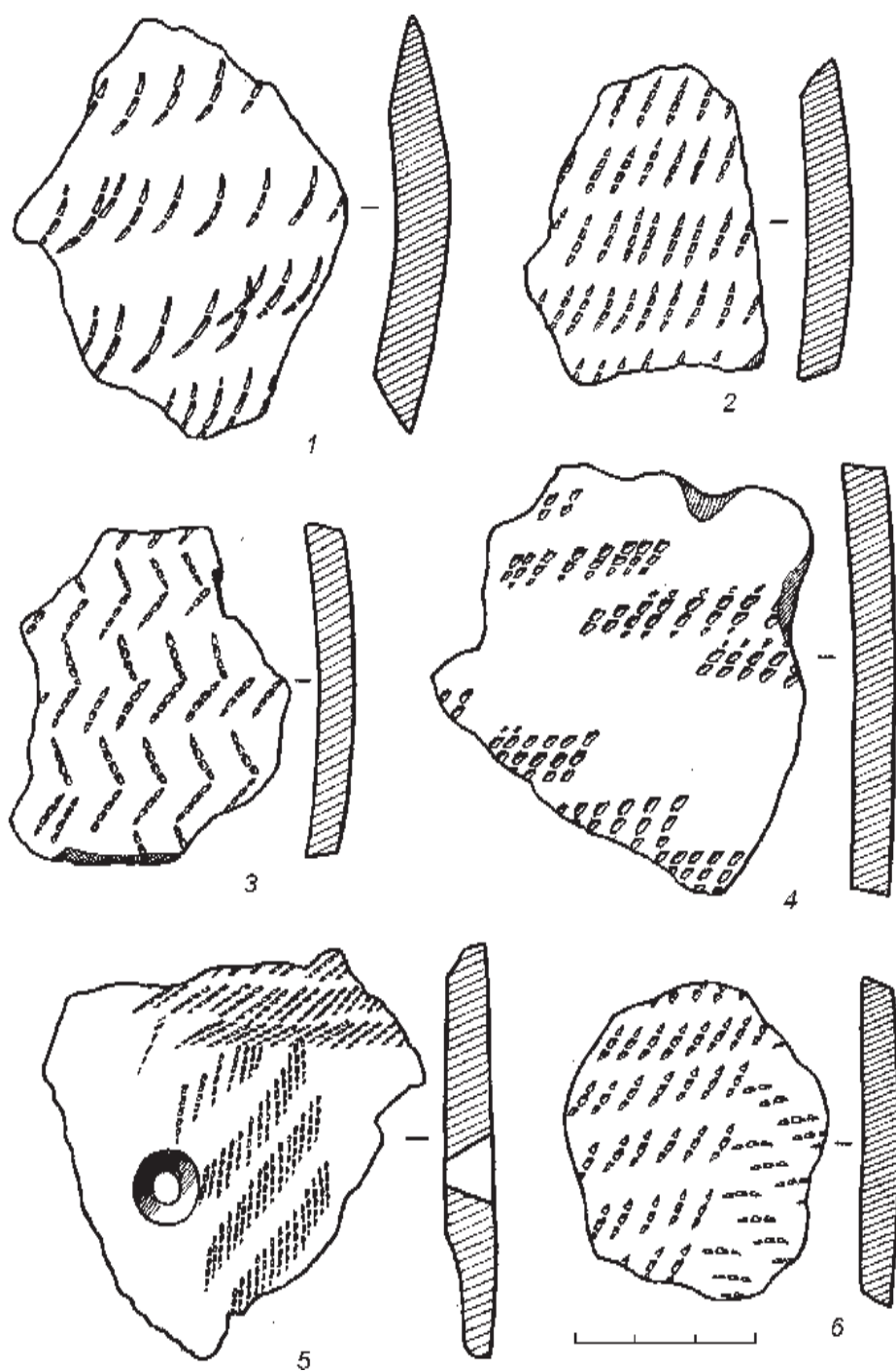

Рис.108. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

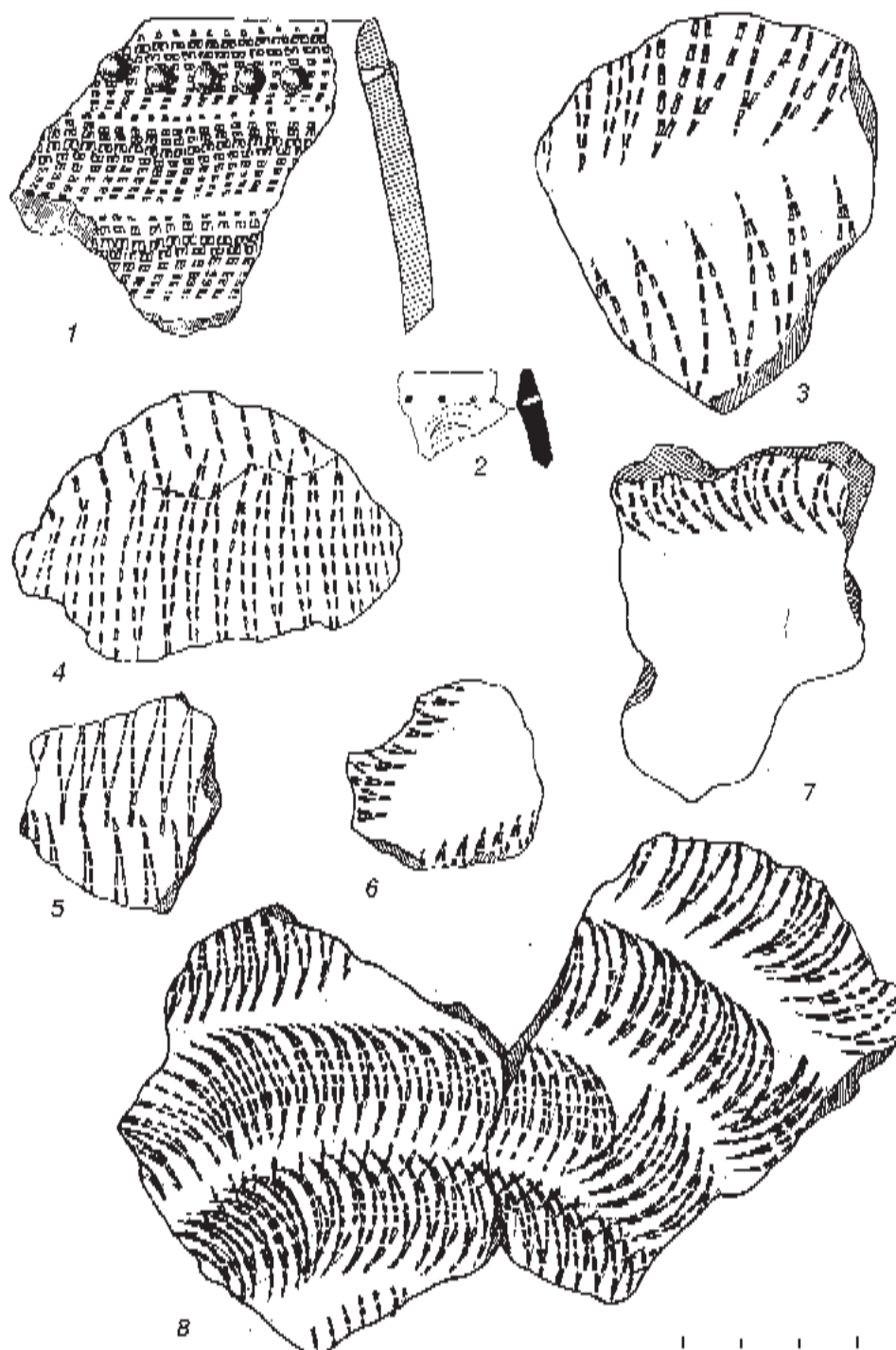

Рис.109. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

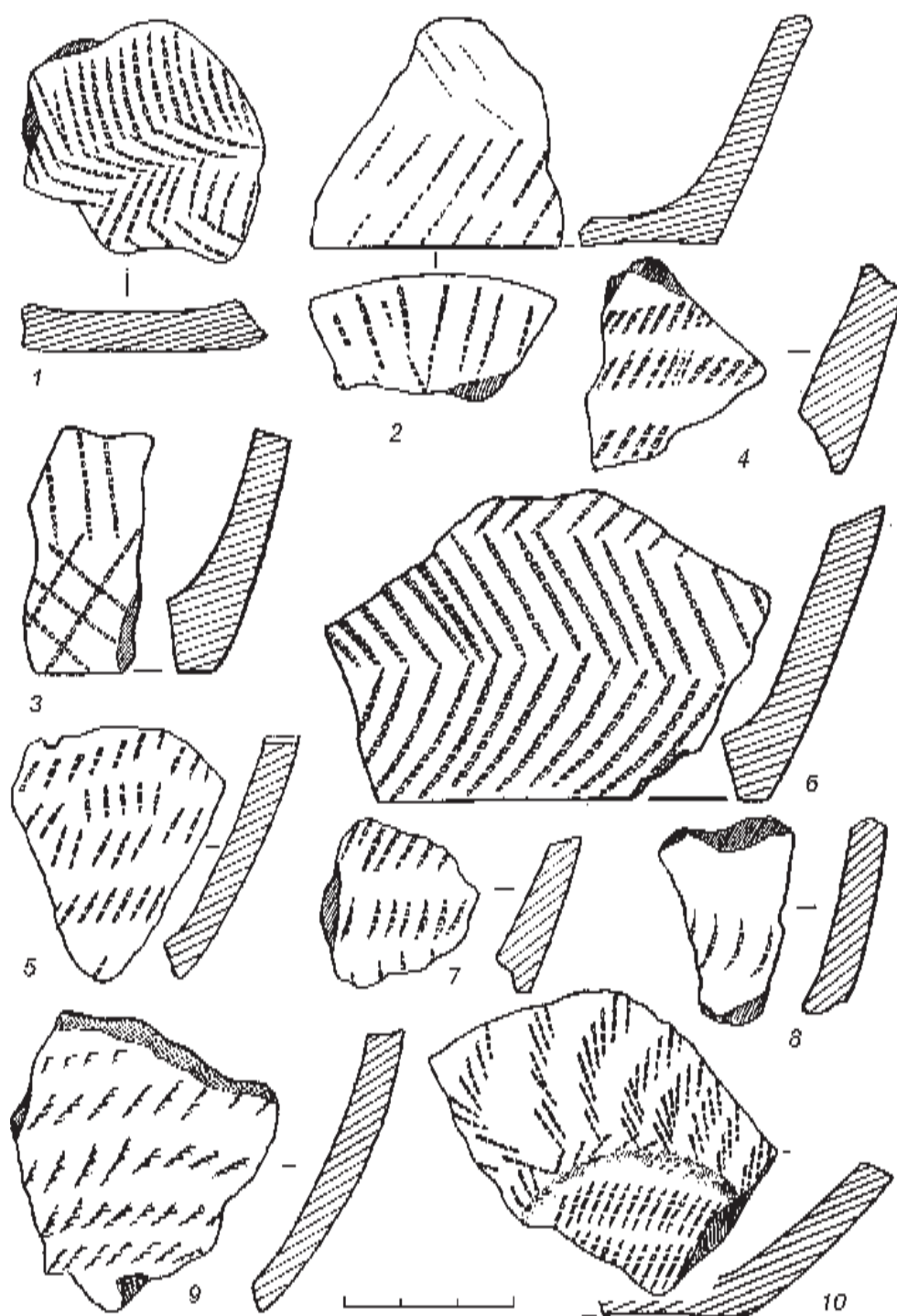

Рис. 110. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

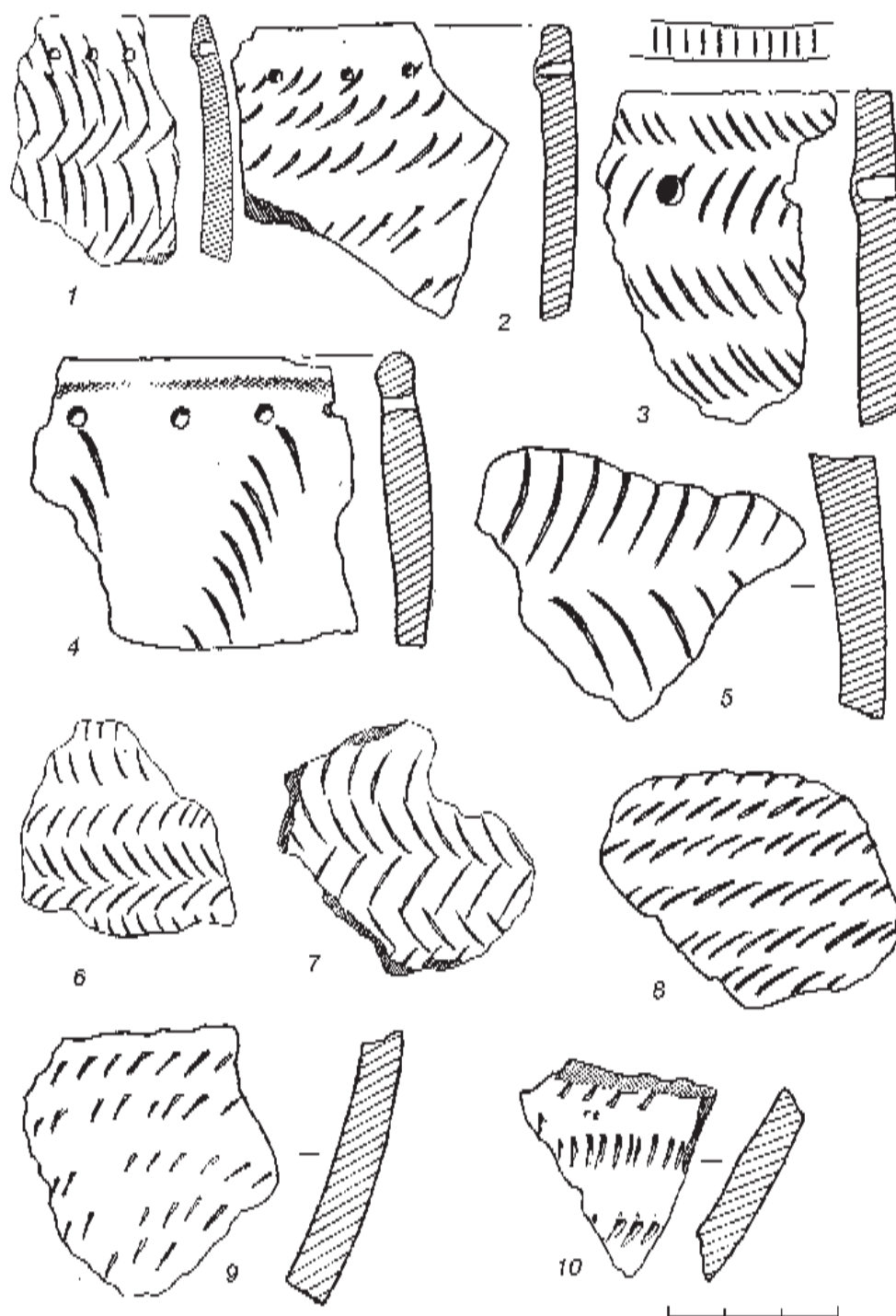

Рис.111. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

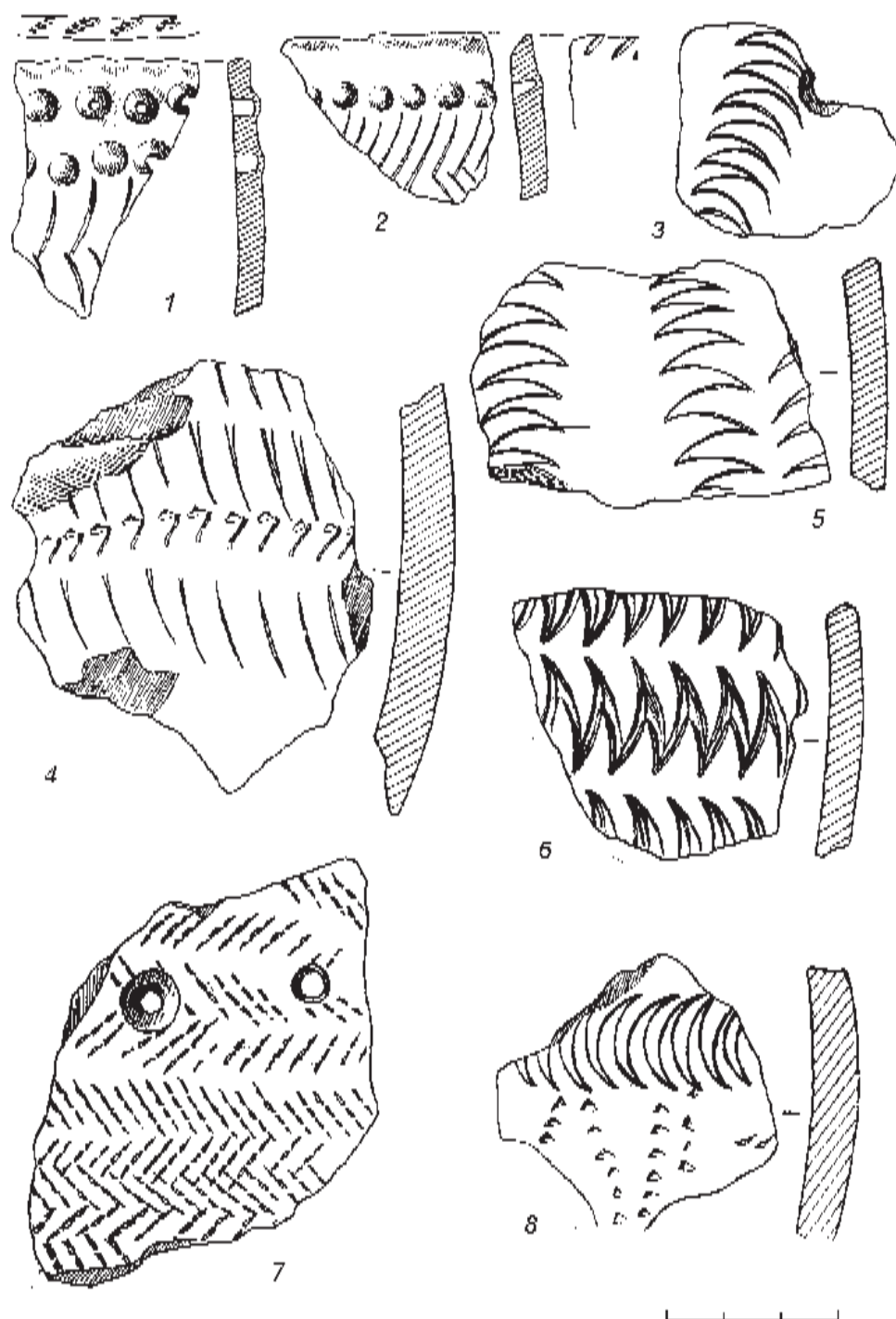

Рис.112. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

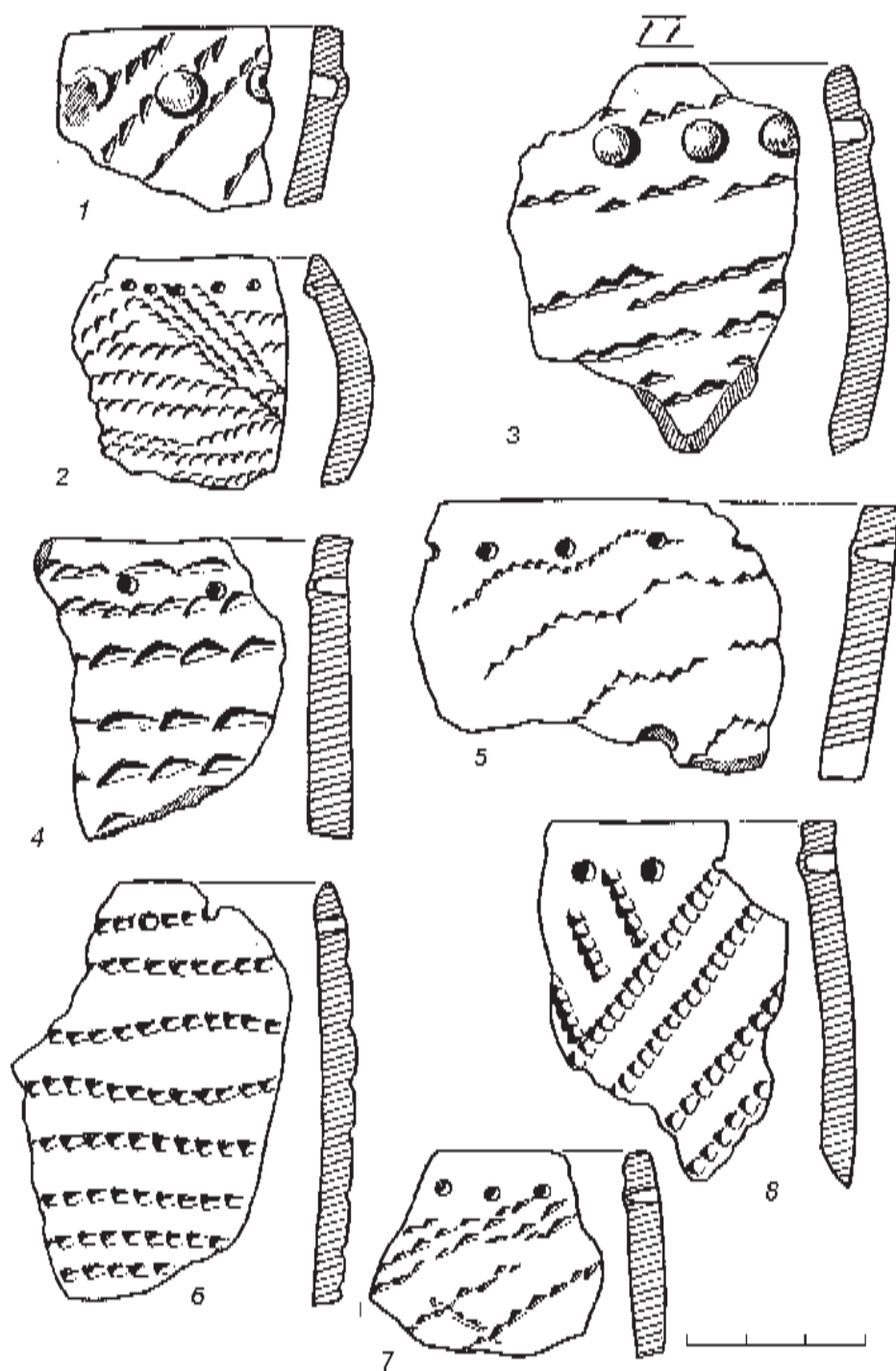

Рис.113. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

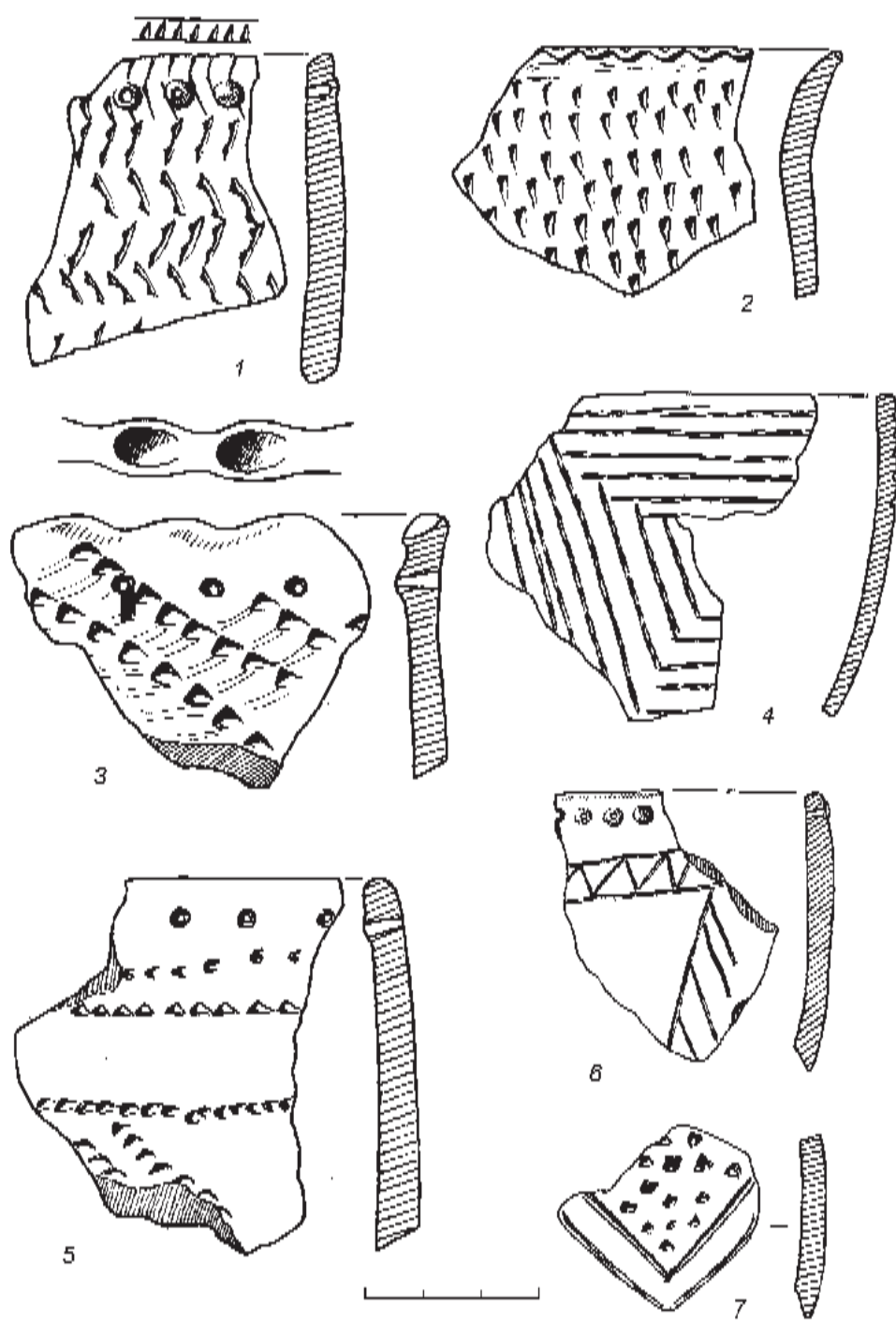

Рис.114. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

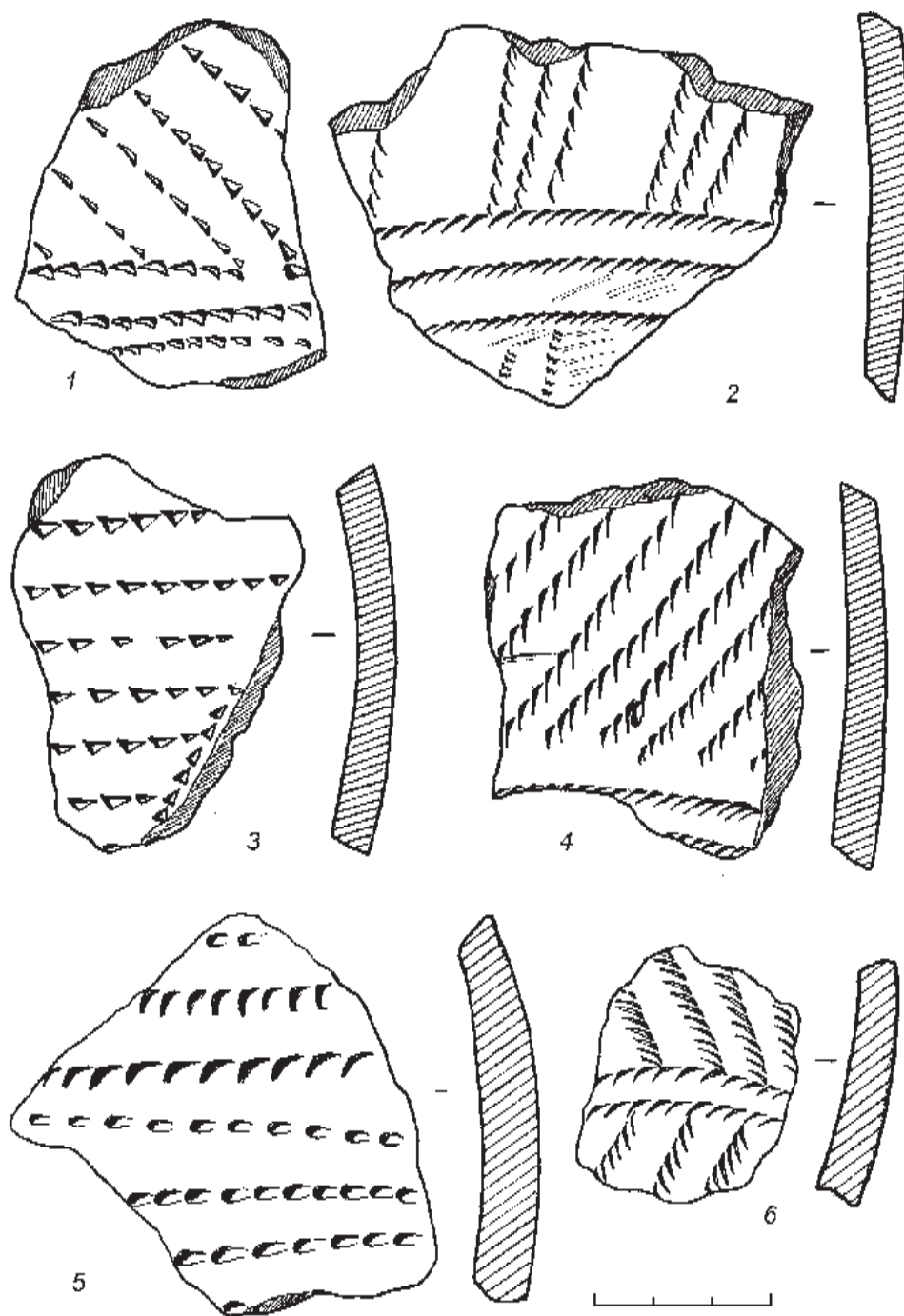

Рис.115. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

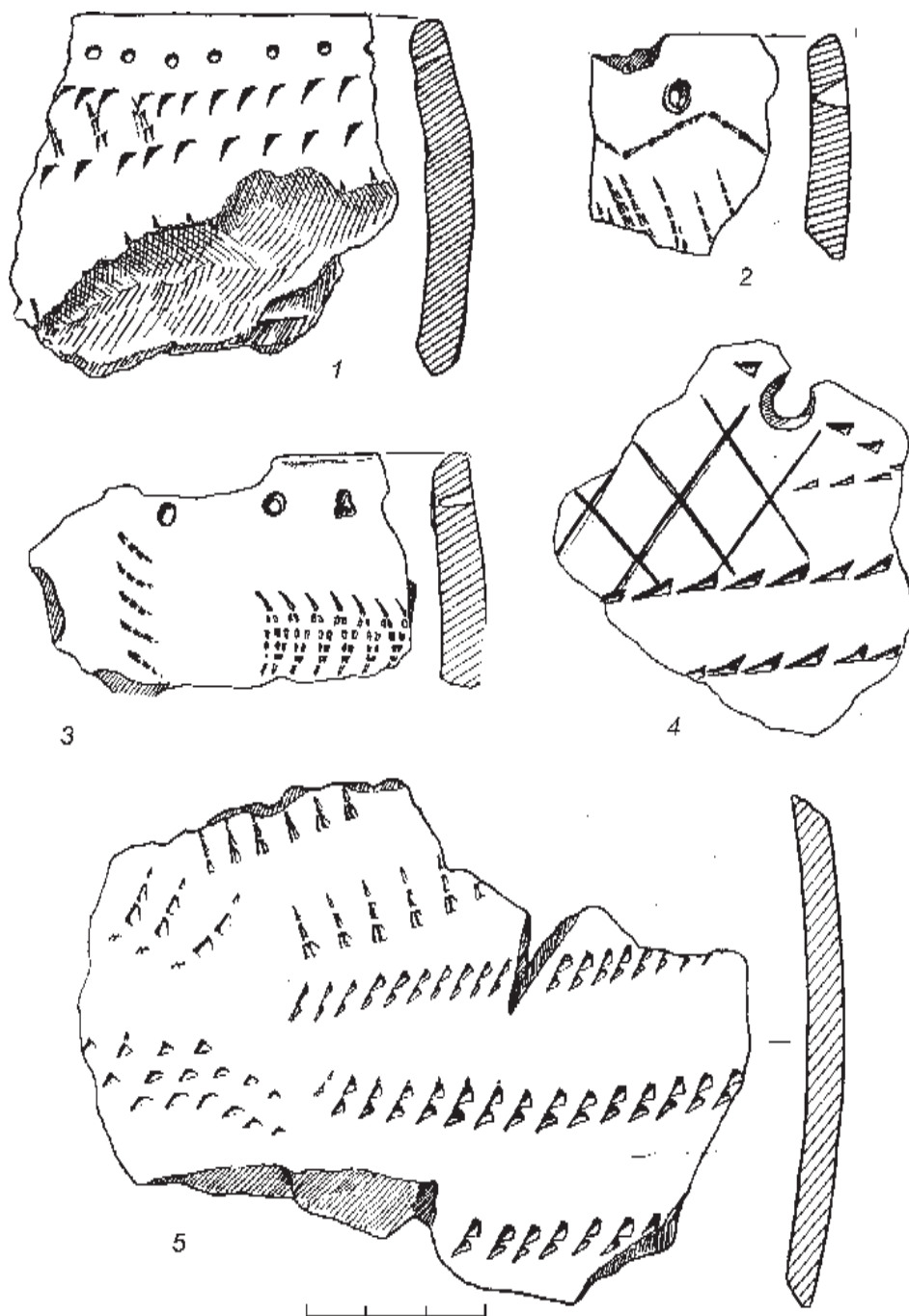

Рис.116. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

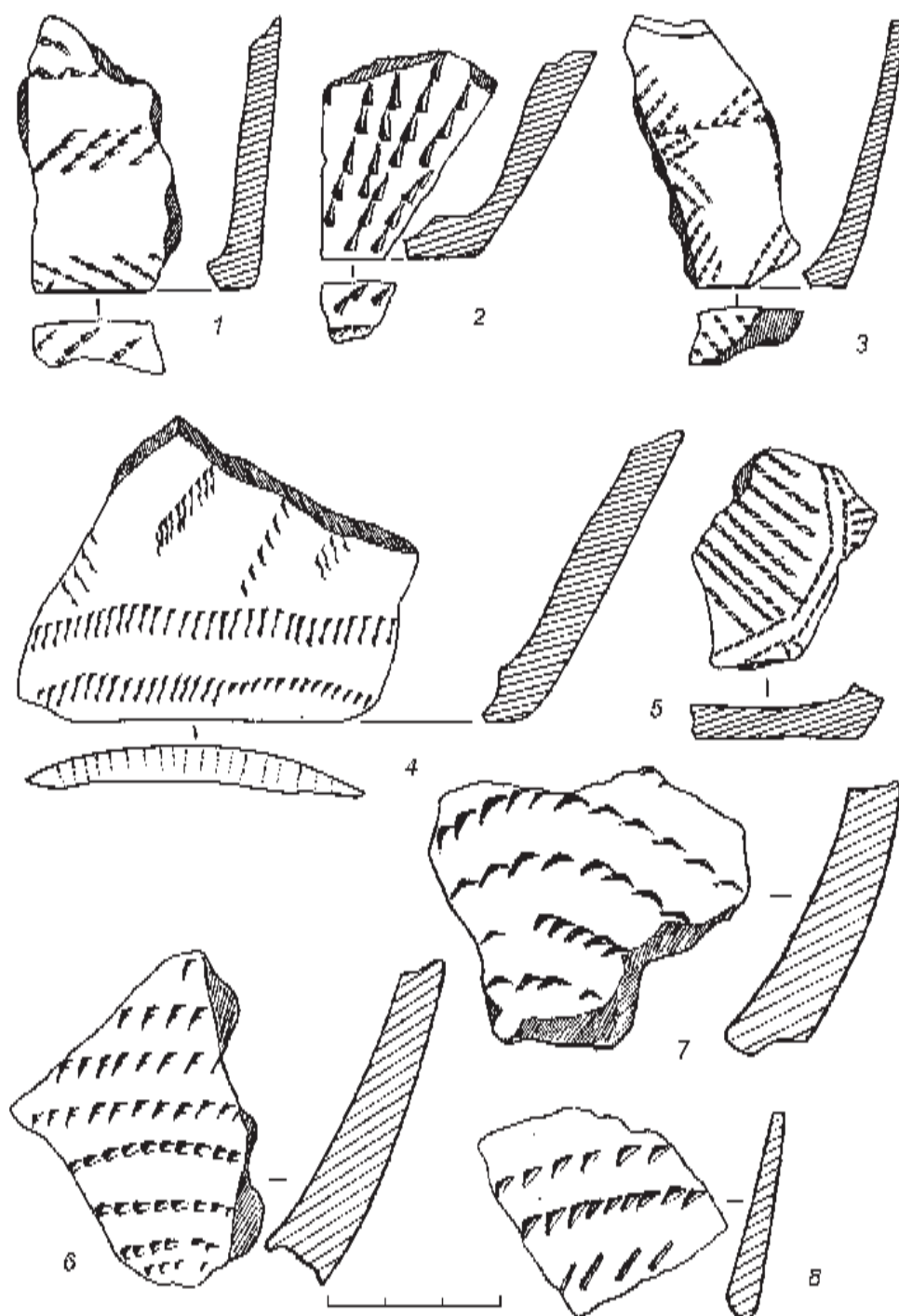

Рис.117. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

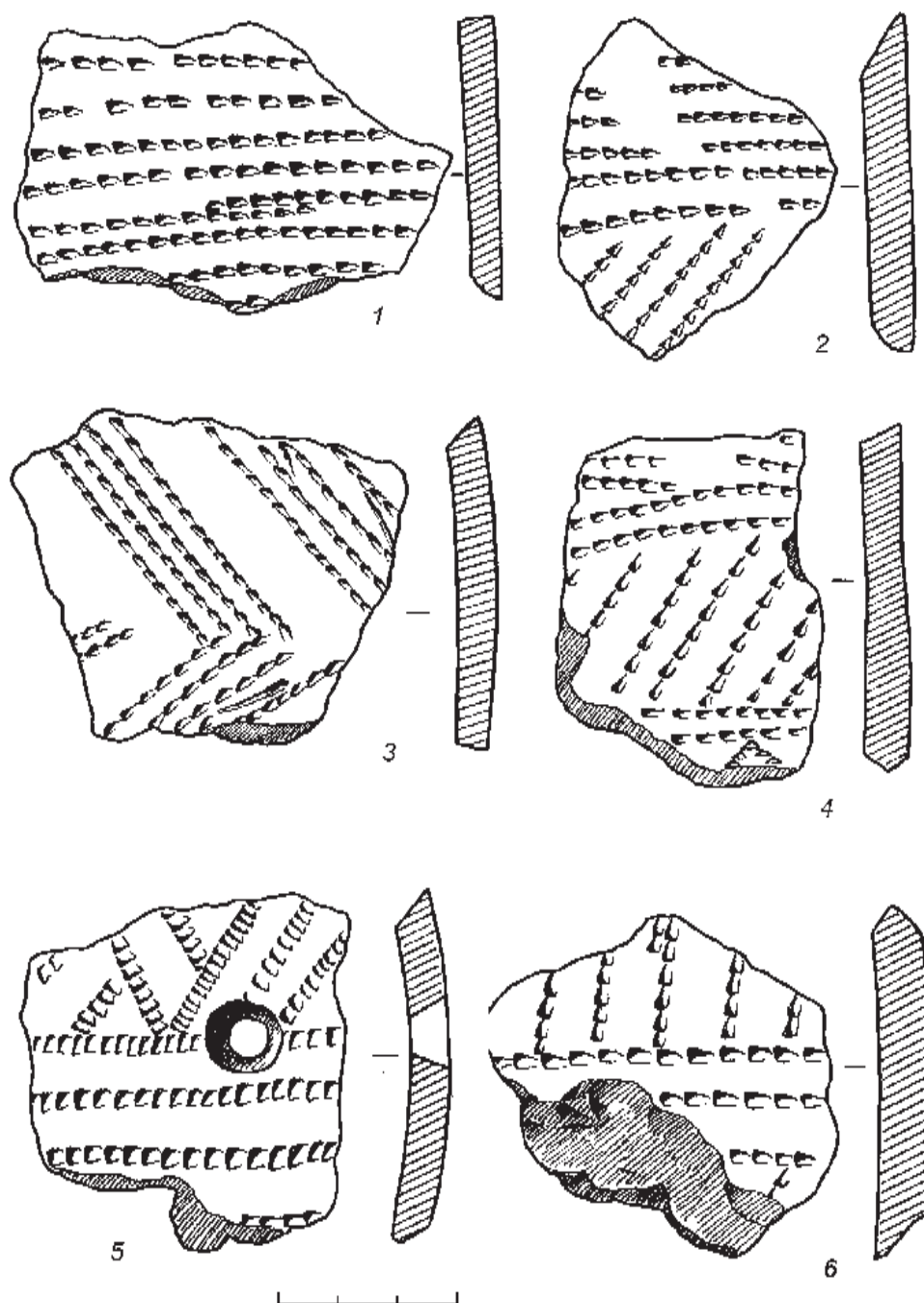

Рис.118. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

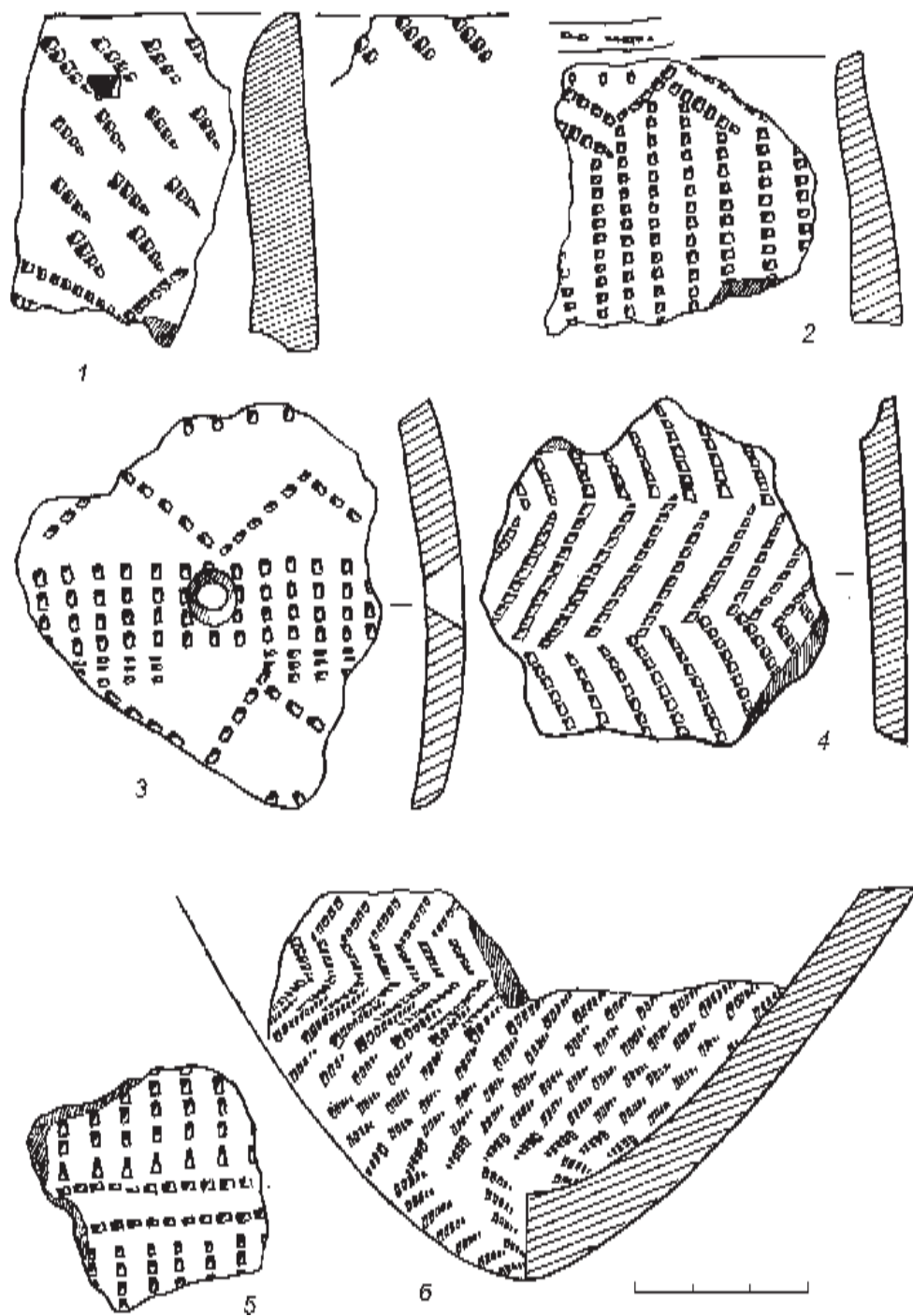

Рис.119. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

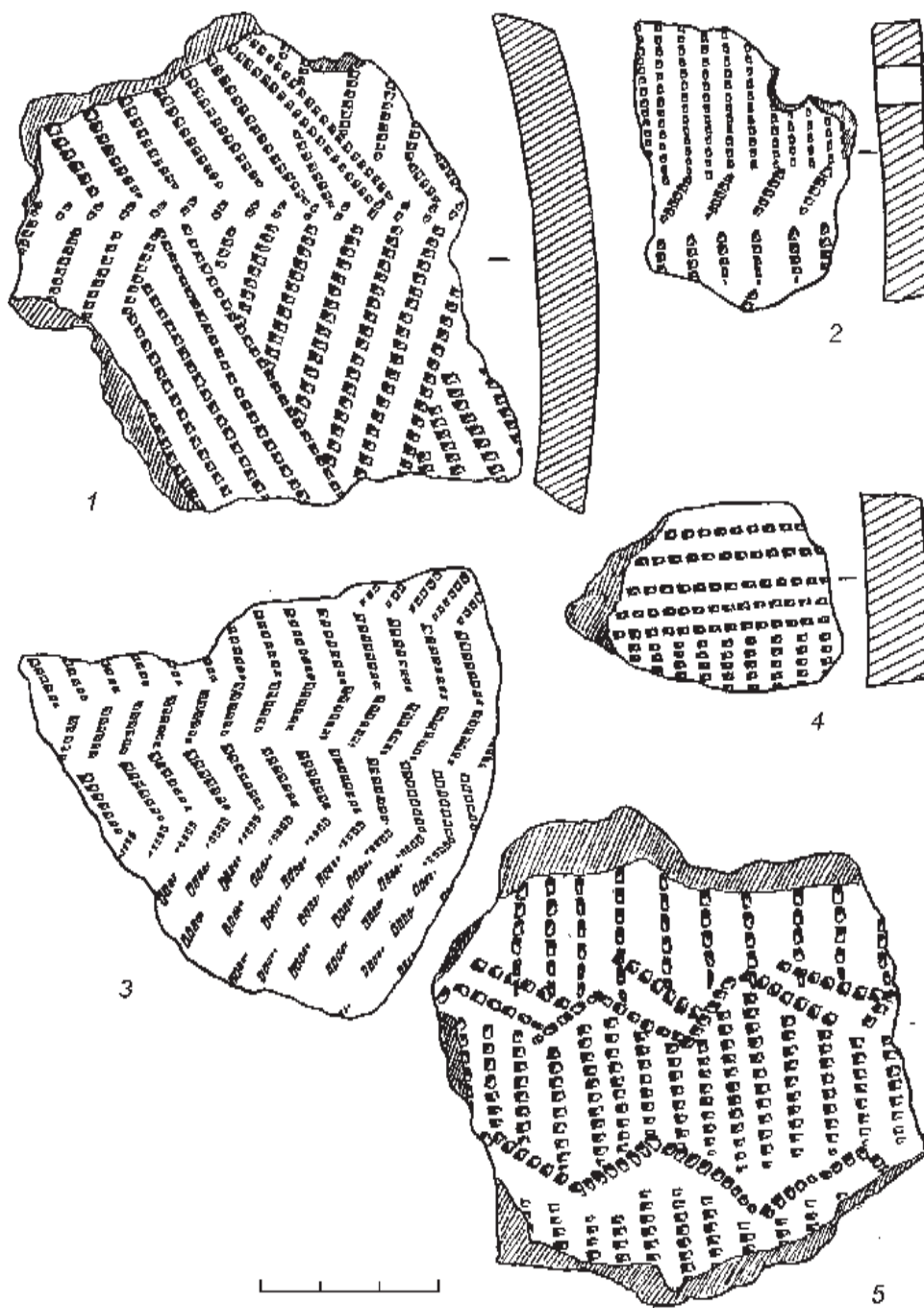

Рис.120. Керамика стоянки Лебяжинка IV.

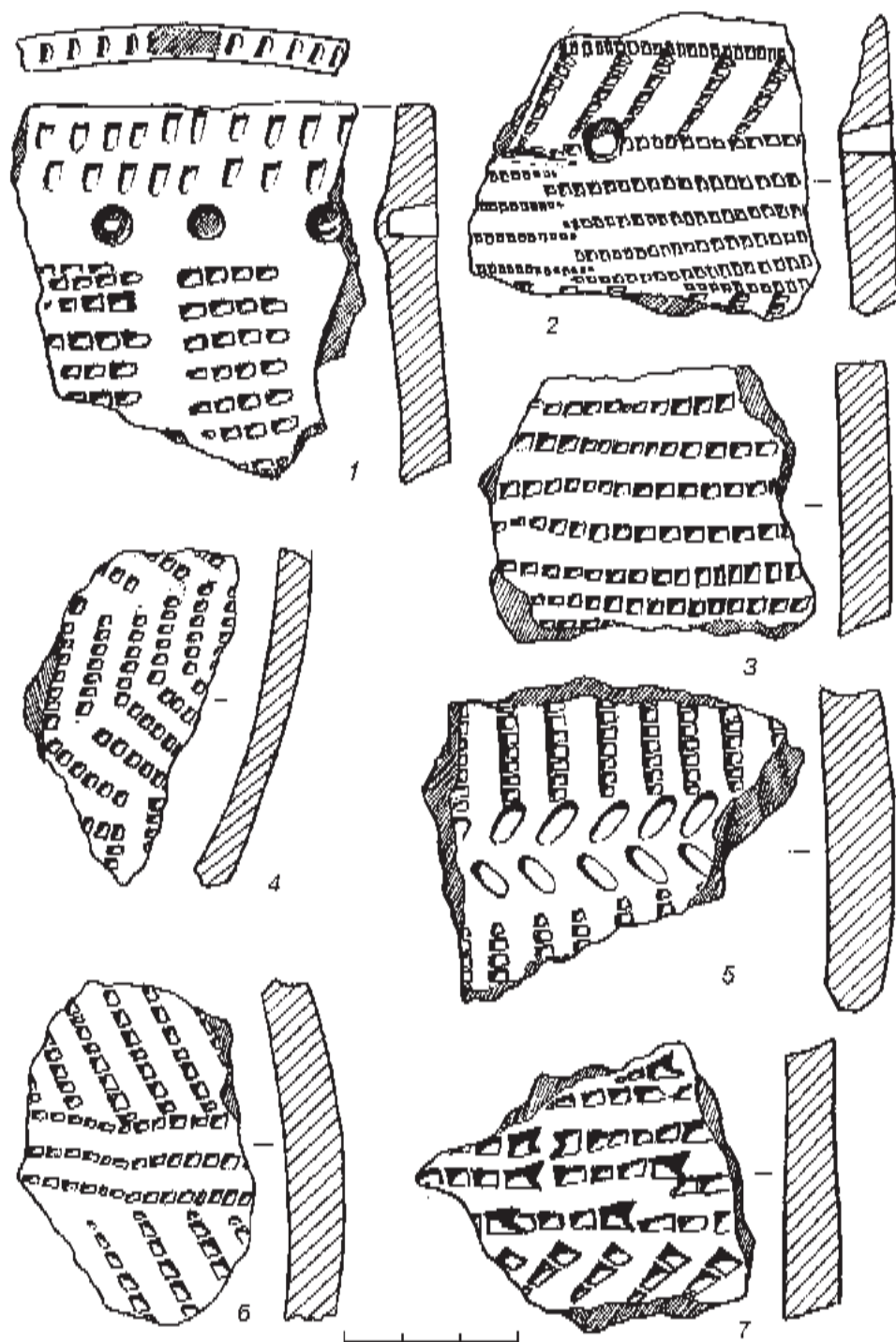

Рис.121. Керамика Сергиевской стоянки.

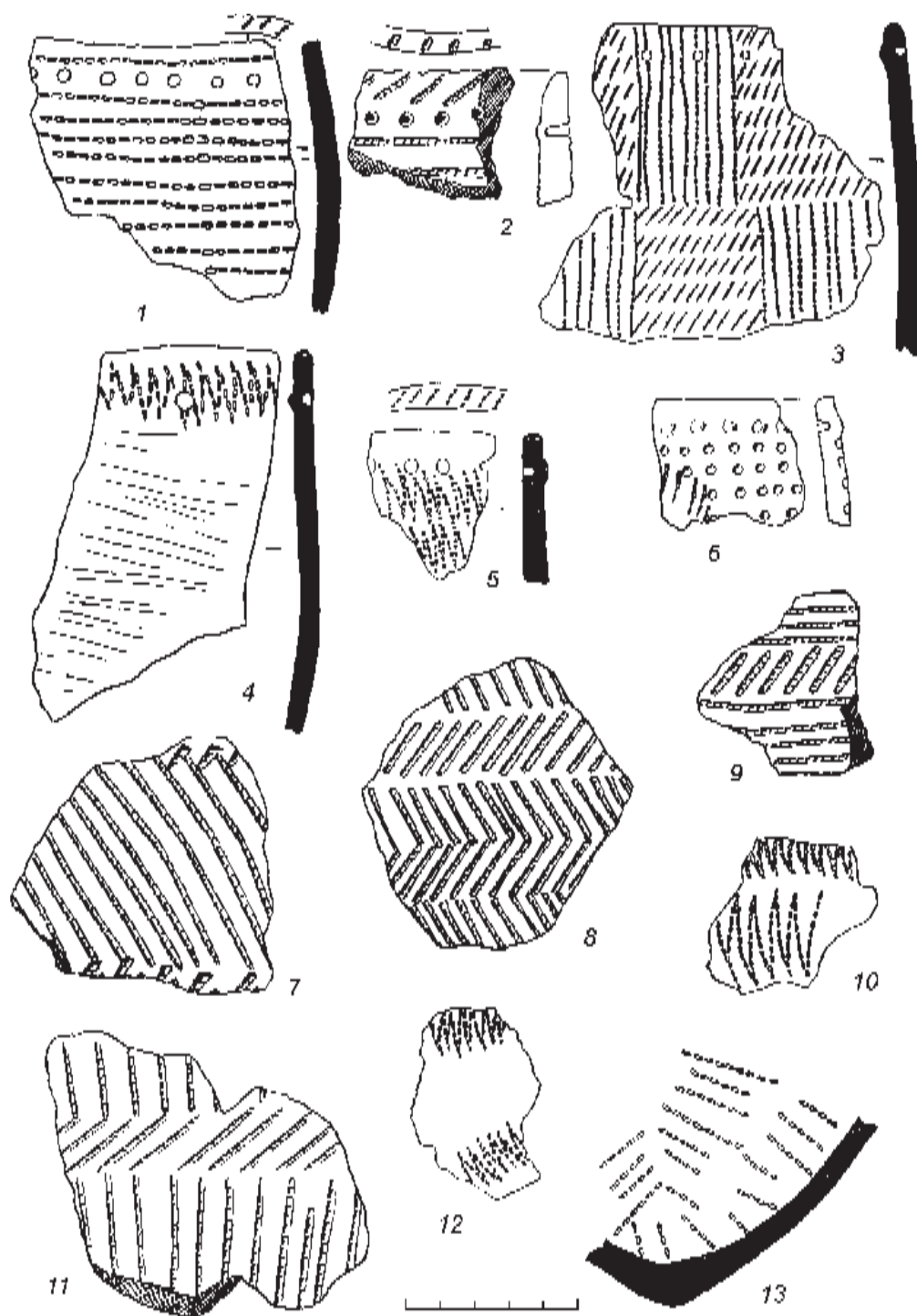

Рис.122. Керамика стоянки Чекалино IV.

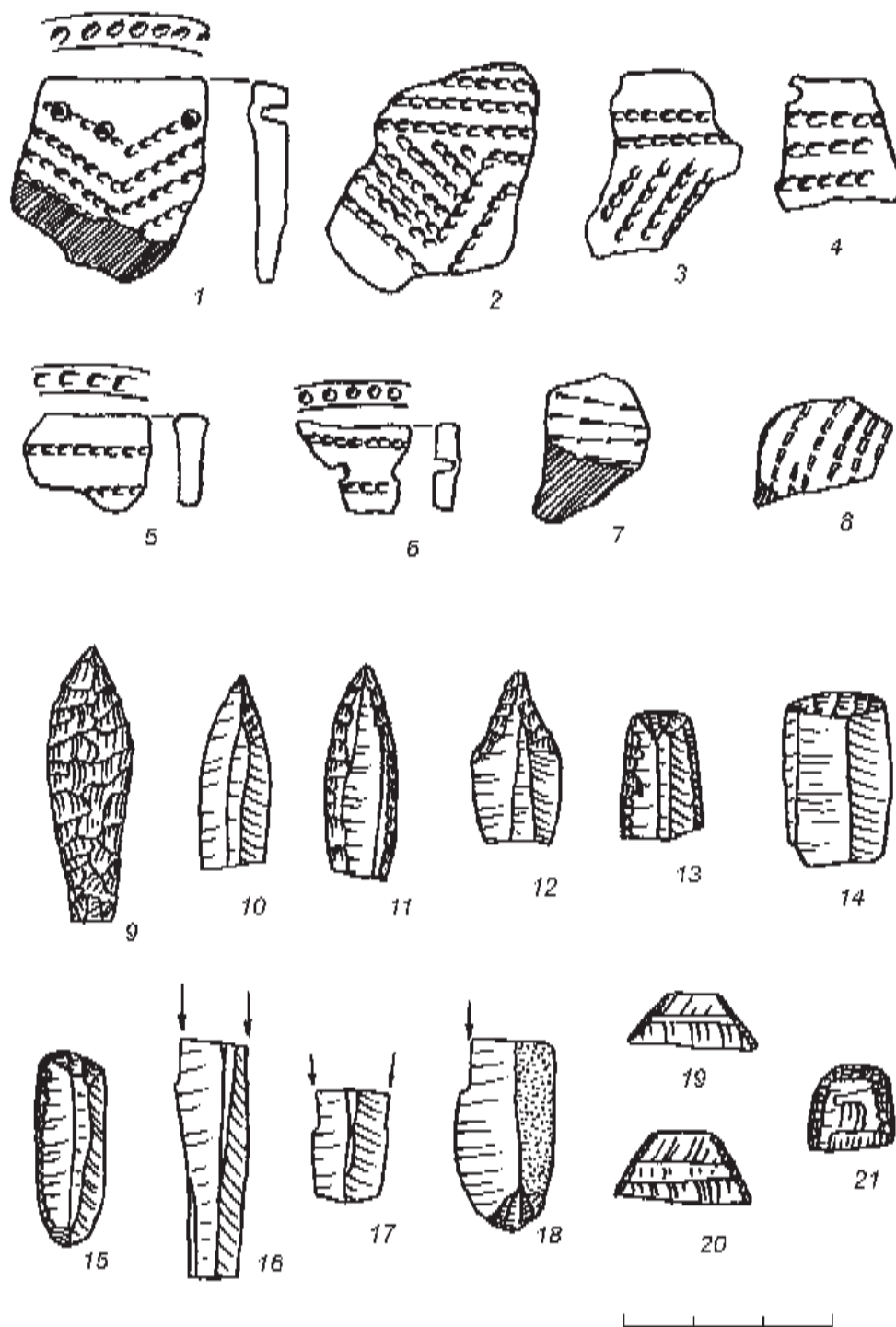

Рис.123. Инвентарь стоянки Малый Шихан.

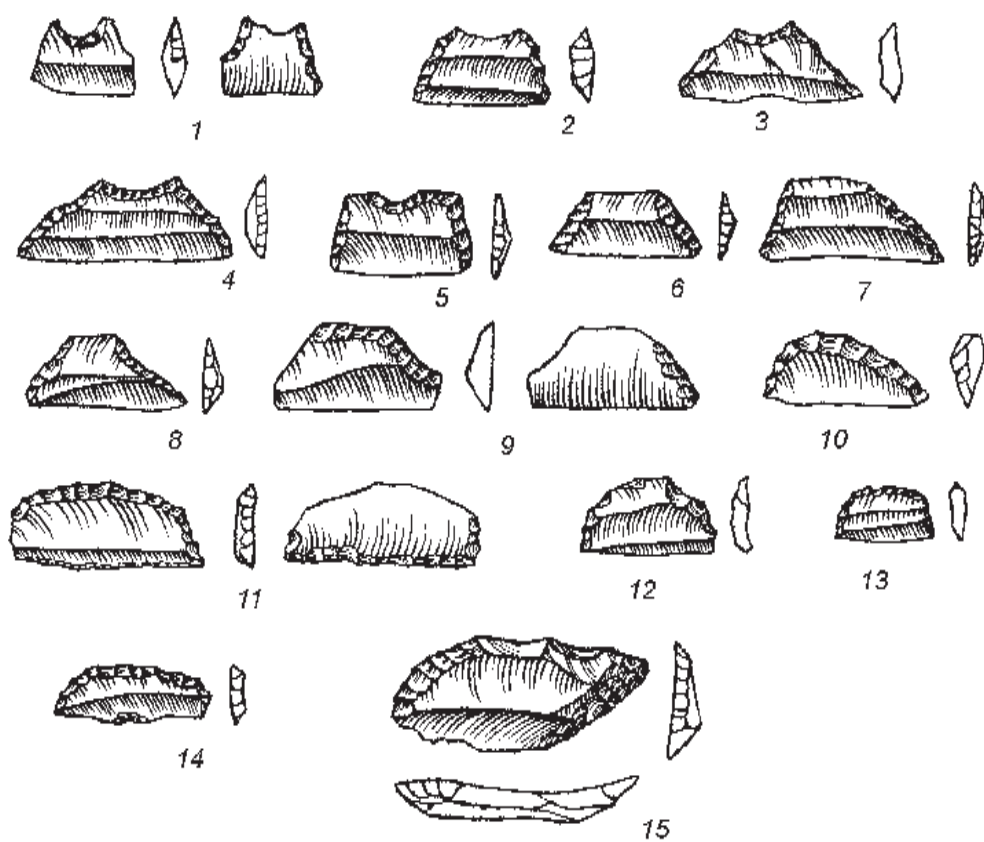

Рис.124. Кремневые изделия со стоянок Виловатое (1-3, 10-15), Максимовка (4), Ивановка (5-9).

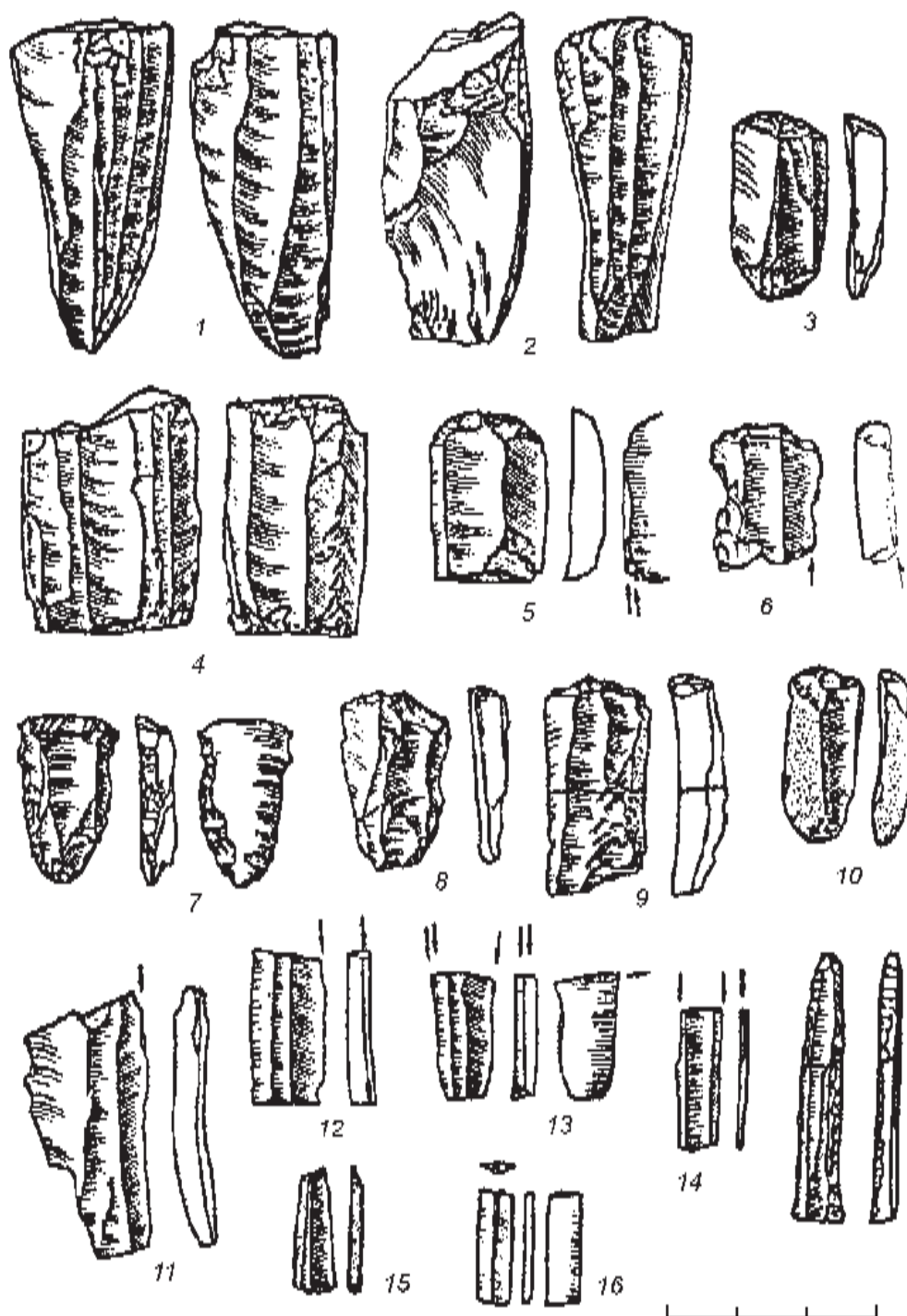

Рис.125. Кремневый инвентарь стоянки Чекалино VII.

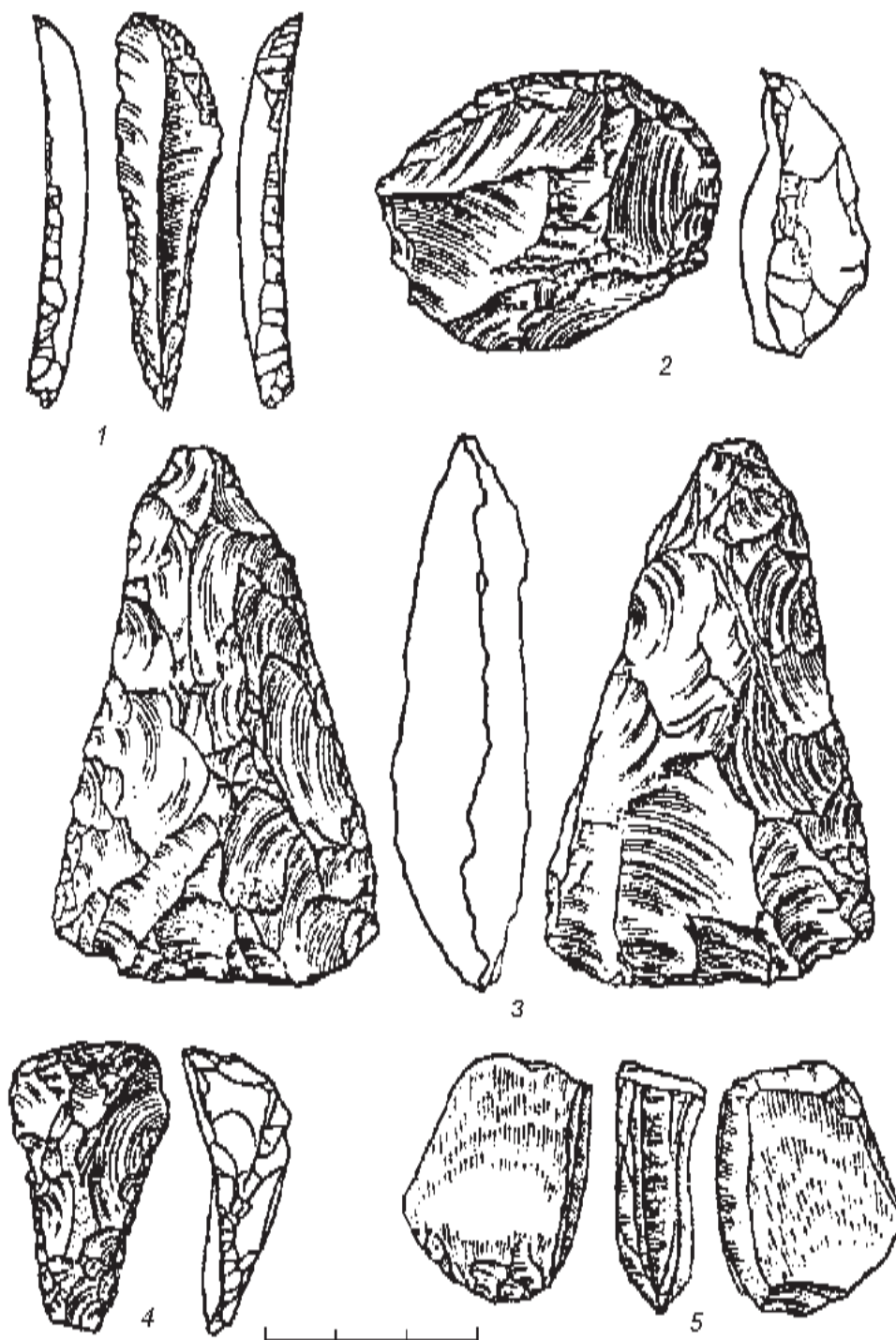

Рис.126. Кремневый инвентарь стоянки Чекалино VII.

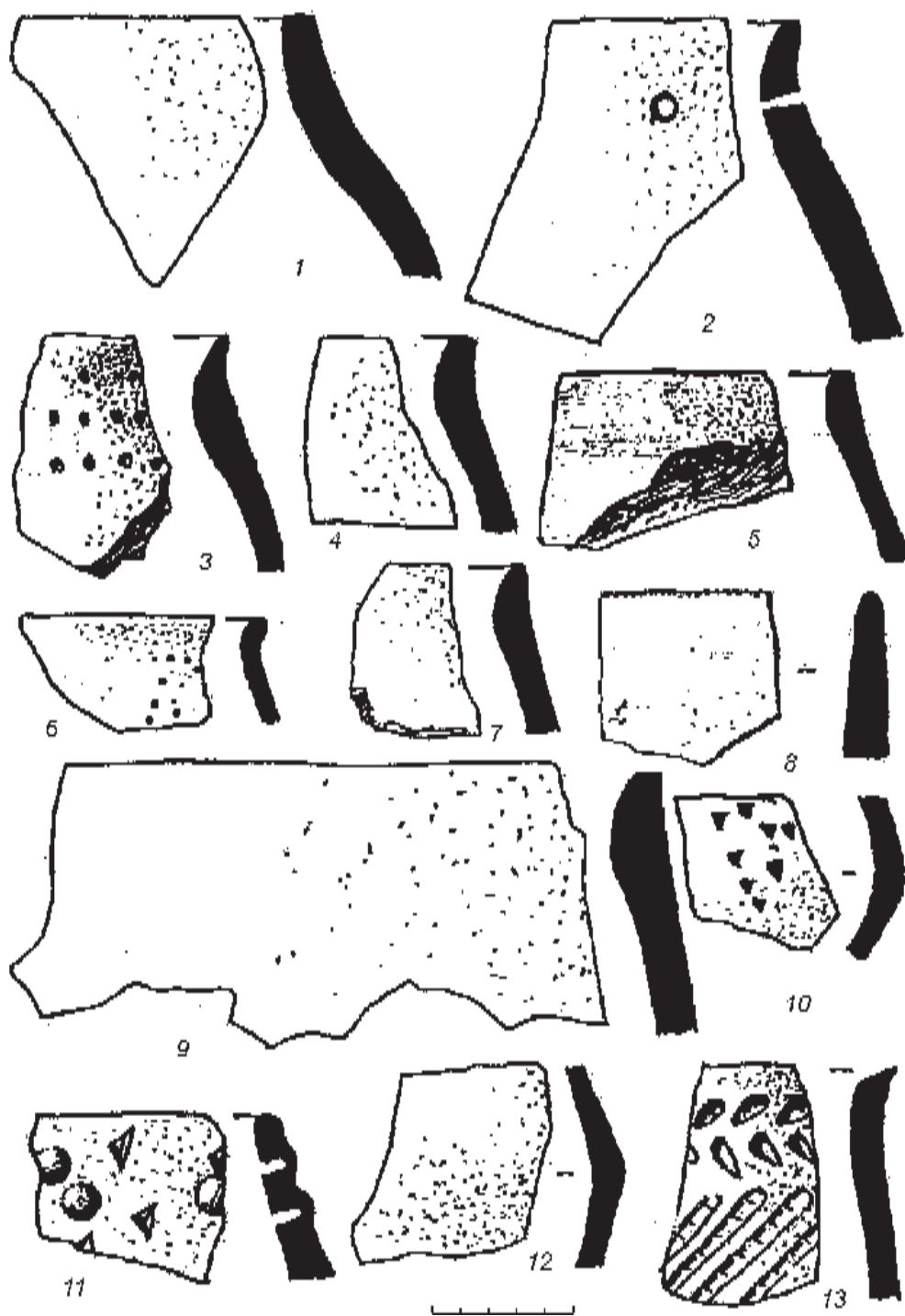

Рис.127. Керамика стоянки Усть-Ташелка (по А.В.Вискалину).

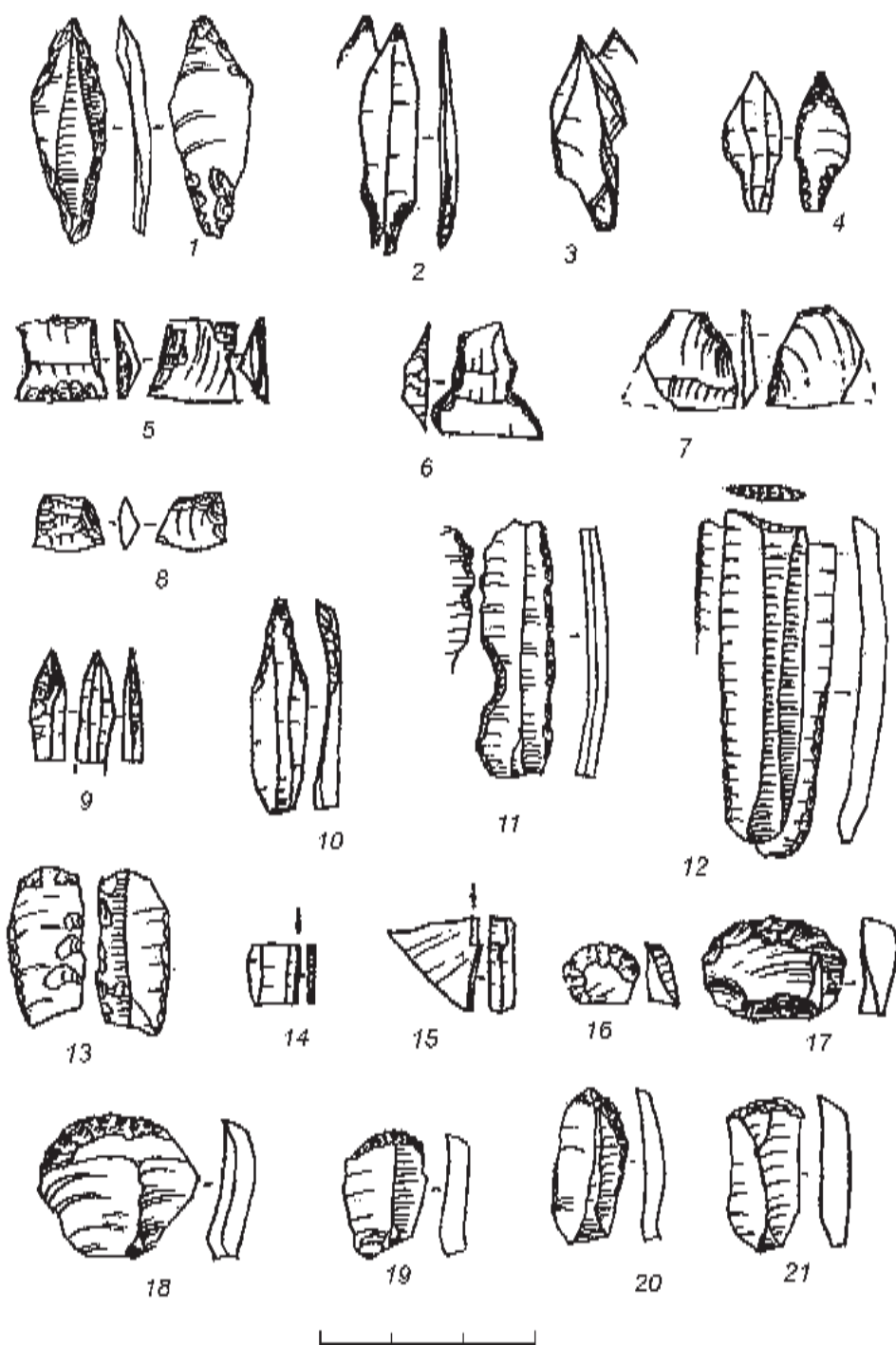

Рис.128. Кремневый инвентарь стоянки Усть-Ташелка.

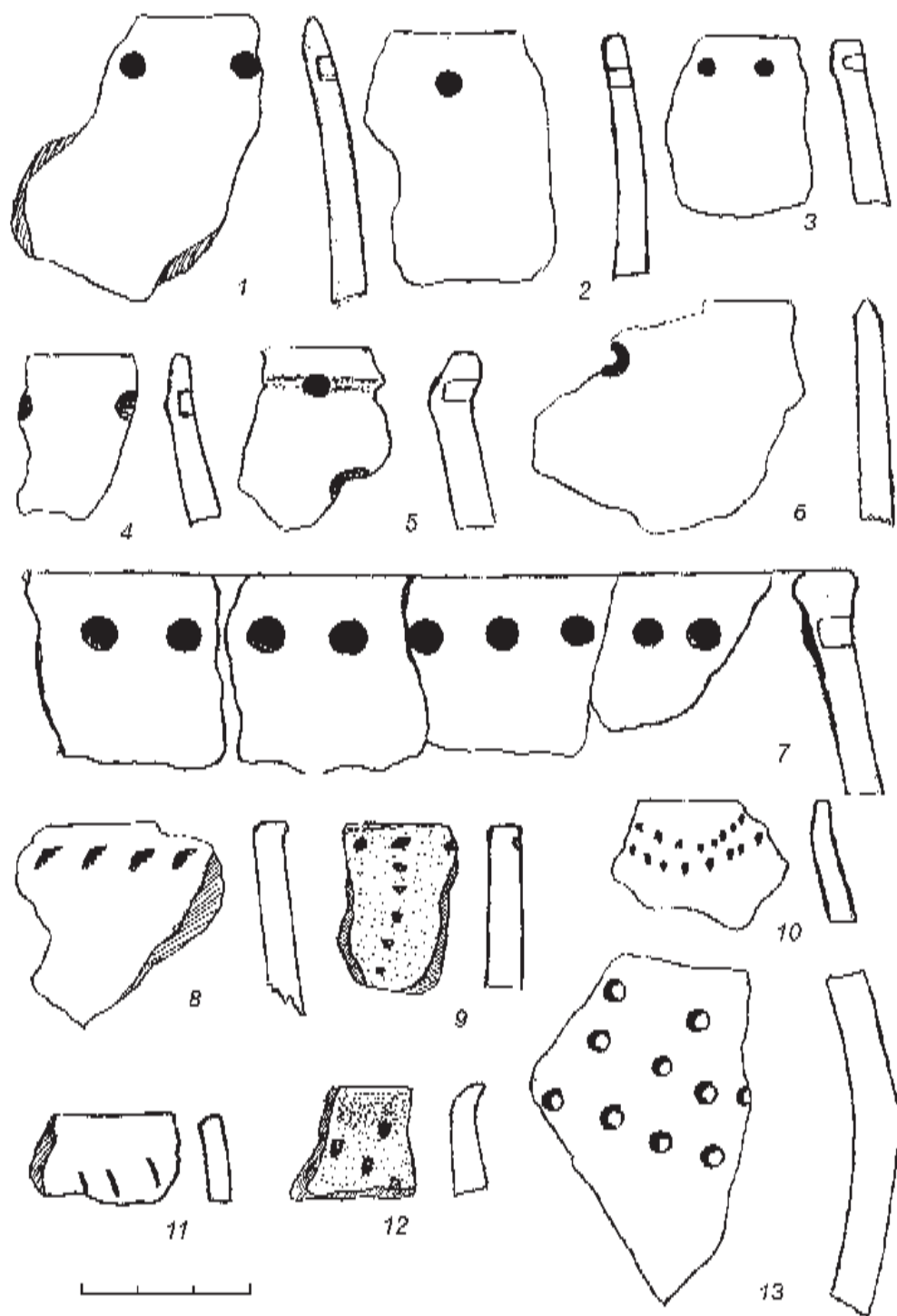

Рис.129. Керамический инвентарь стоянки Луговое III (по Г.М.Бурову).

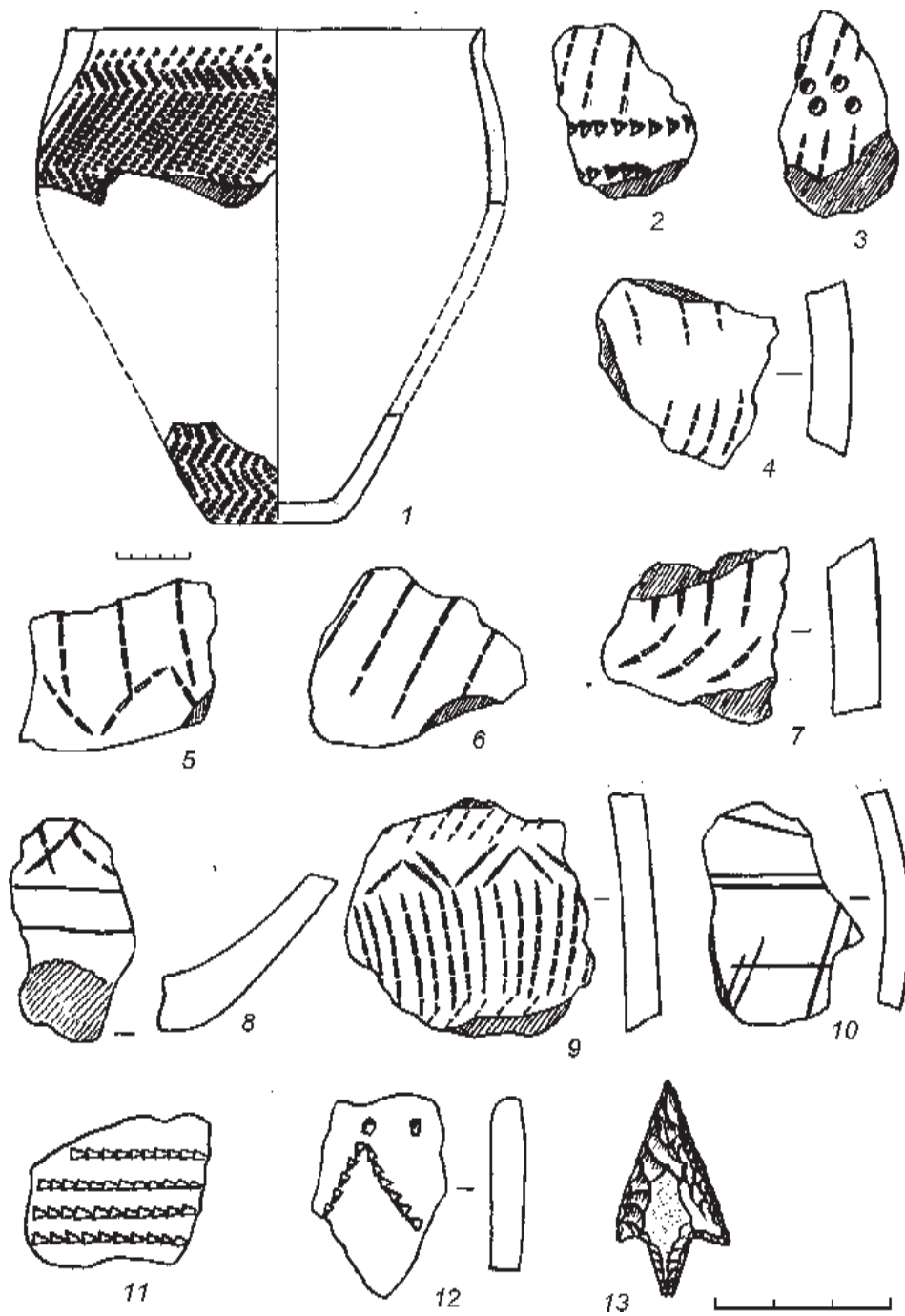

Рис.130. Инвентарь стоянки Луговое Ш.

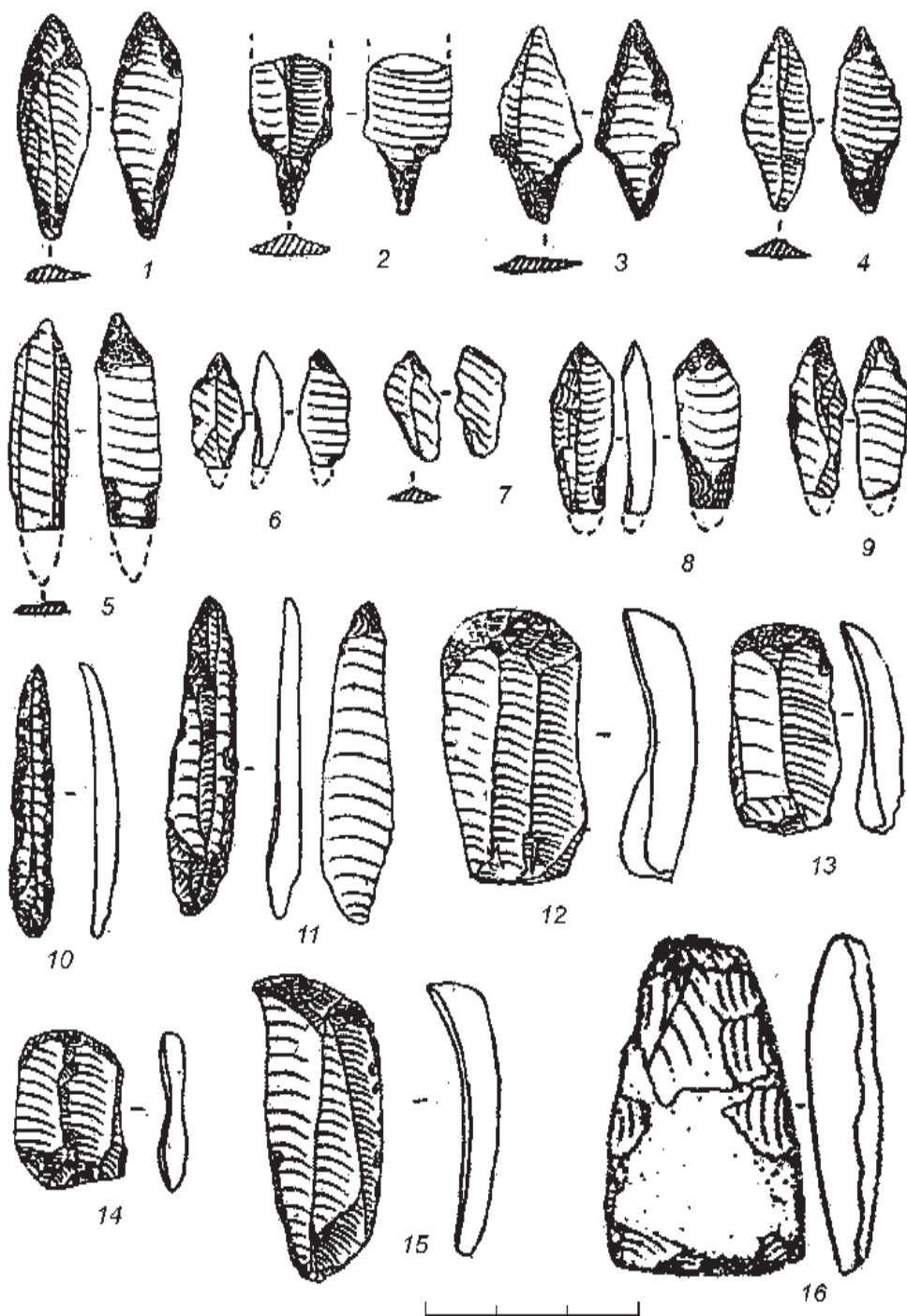

Рис.131. Кремневый инвентарь стоянки Луговое Ш.

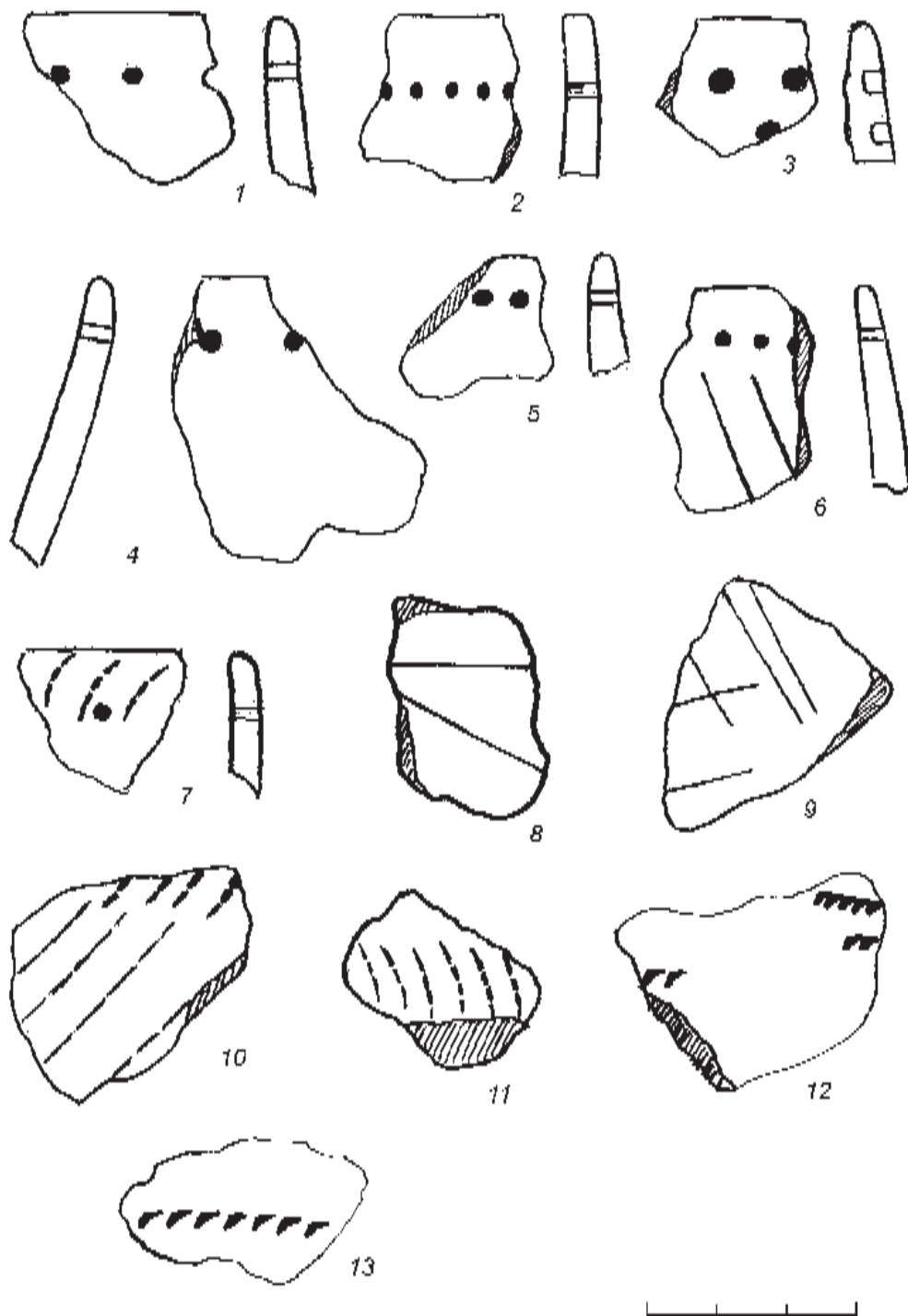

Рис.132. Керамика стоянки Лебяжье I.

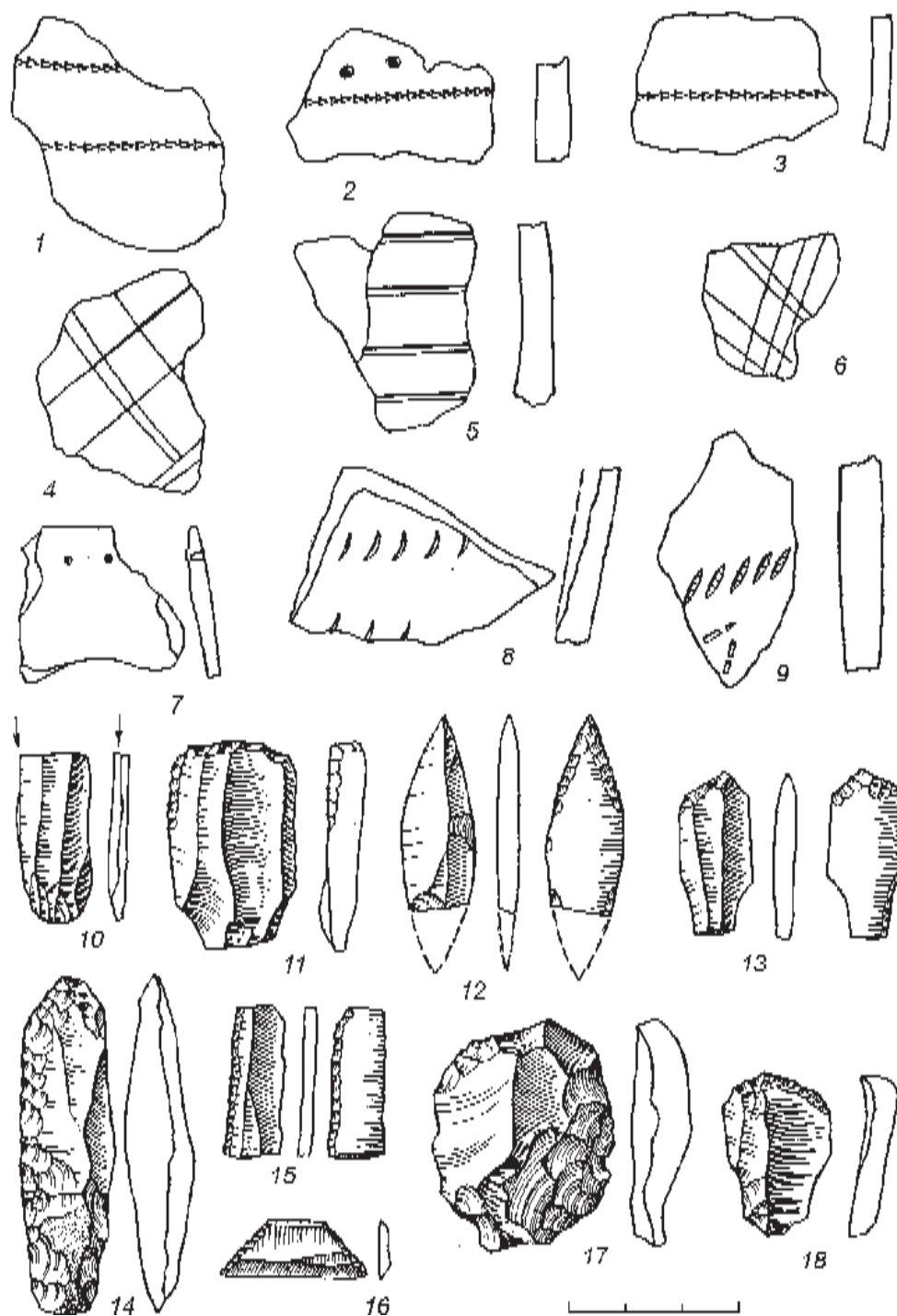

Рис.133. Инвентарь стоянки Лебяжье I.

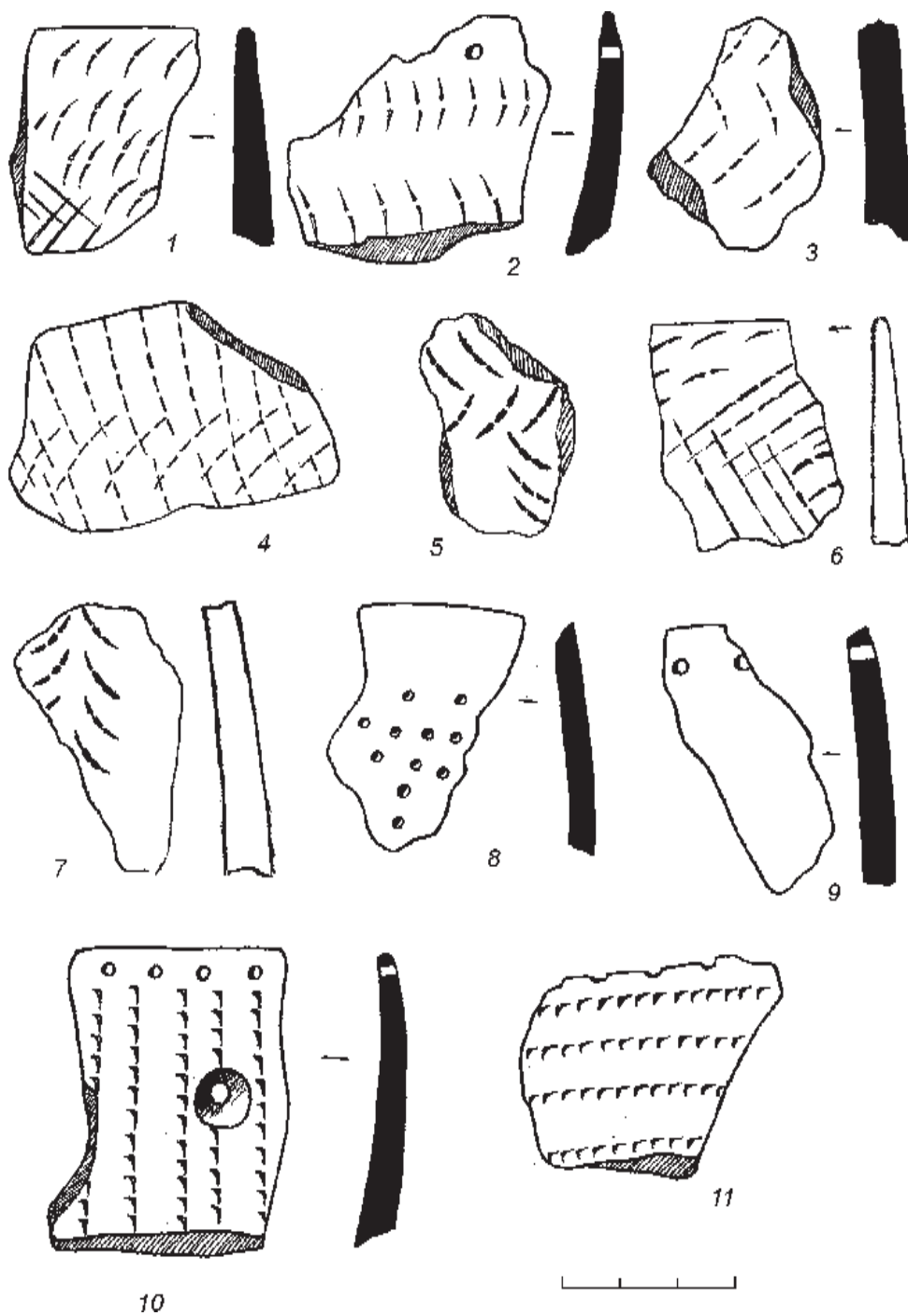

Рис.134. Керамический инвентарь стоянки Мелекесс III.

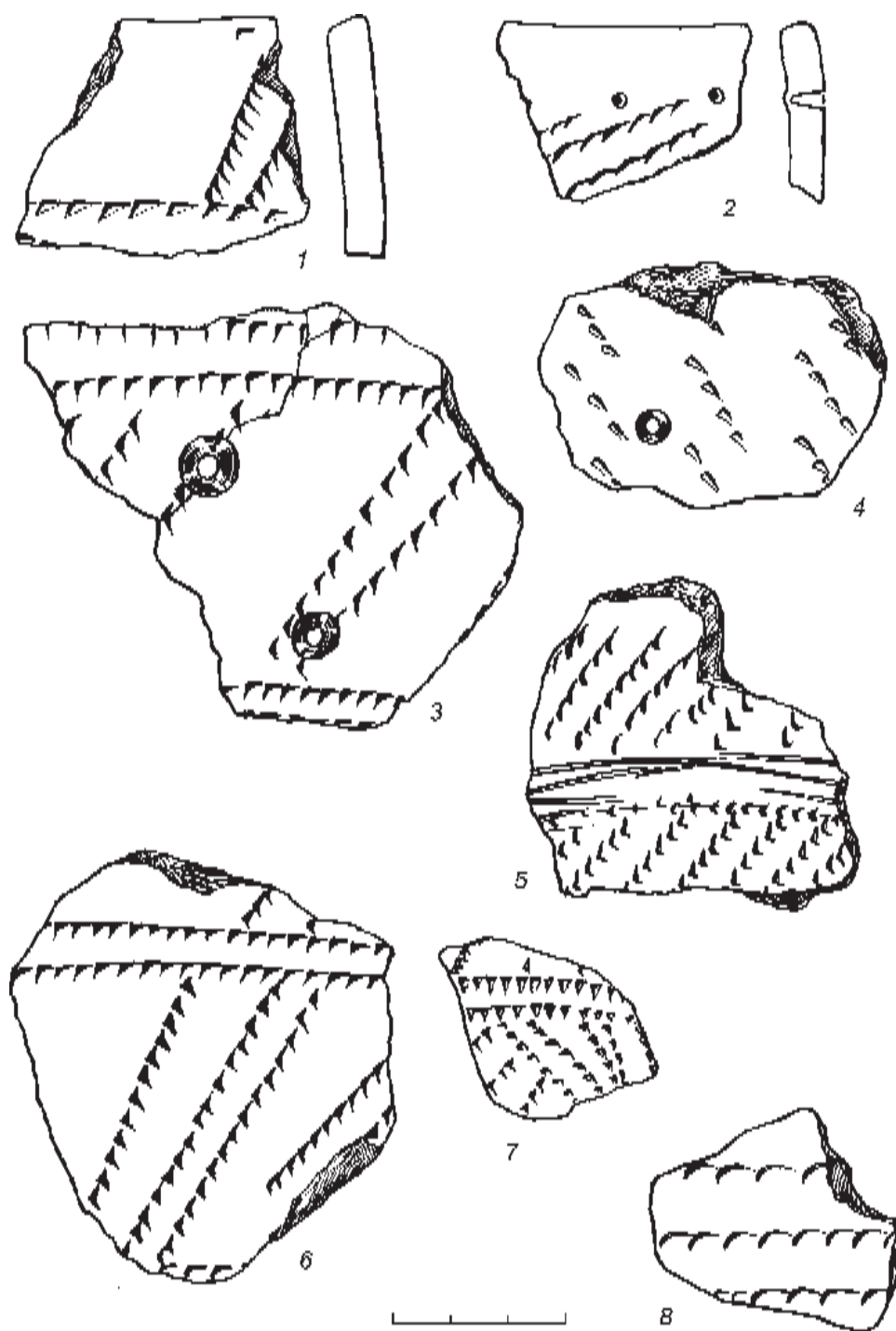

Рис.135. Керамика стоянки Лесное-Никольское Ш.

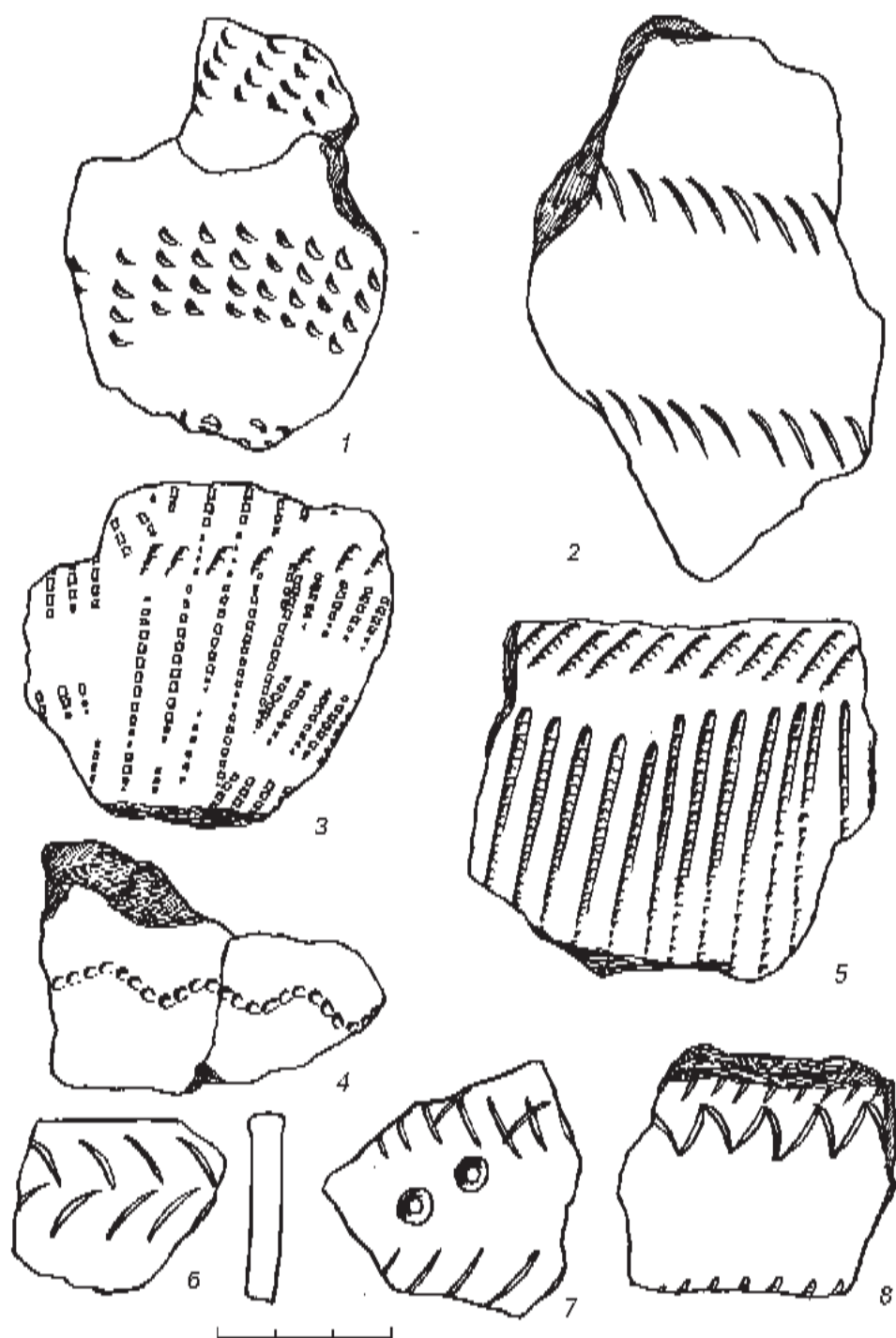

Рис.136. Керамика стоянки Лесное-Никольское Ш.

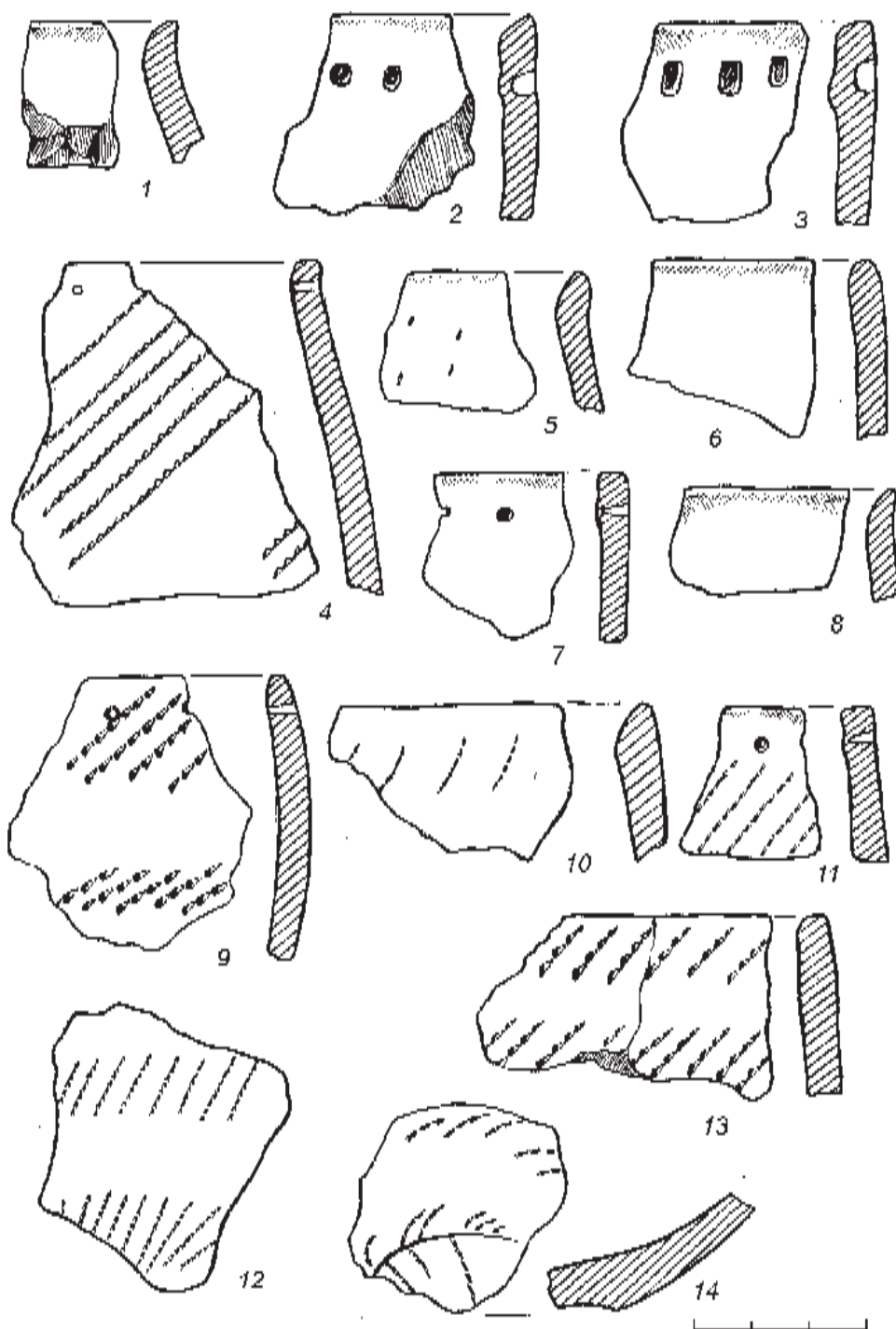

Рис.137. Керамический инвентарь стоянки II Щербетская.

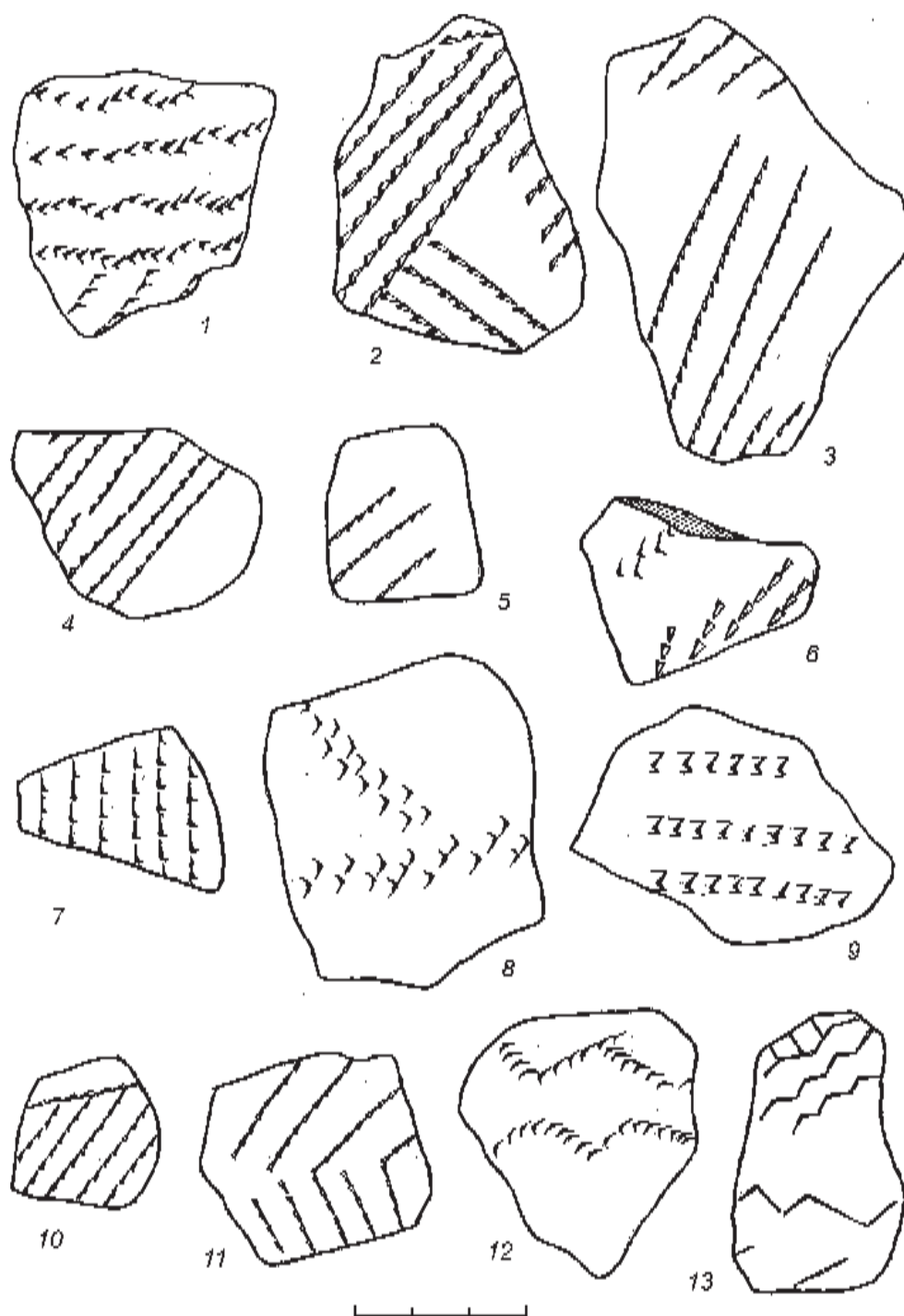

Рис.138. Керамика стоянки II Щербетская.

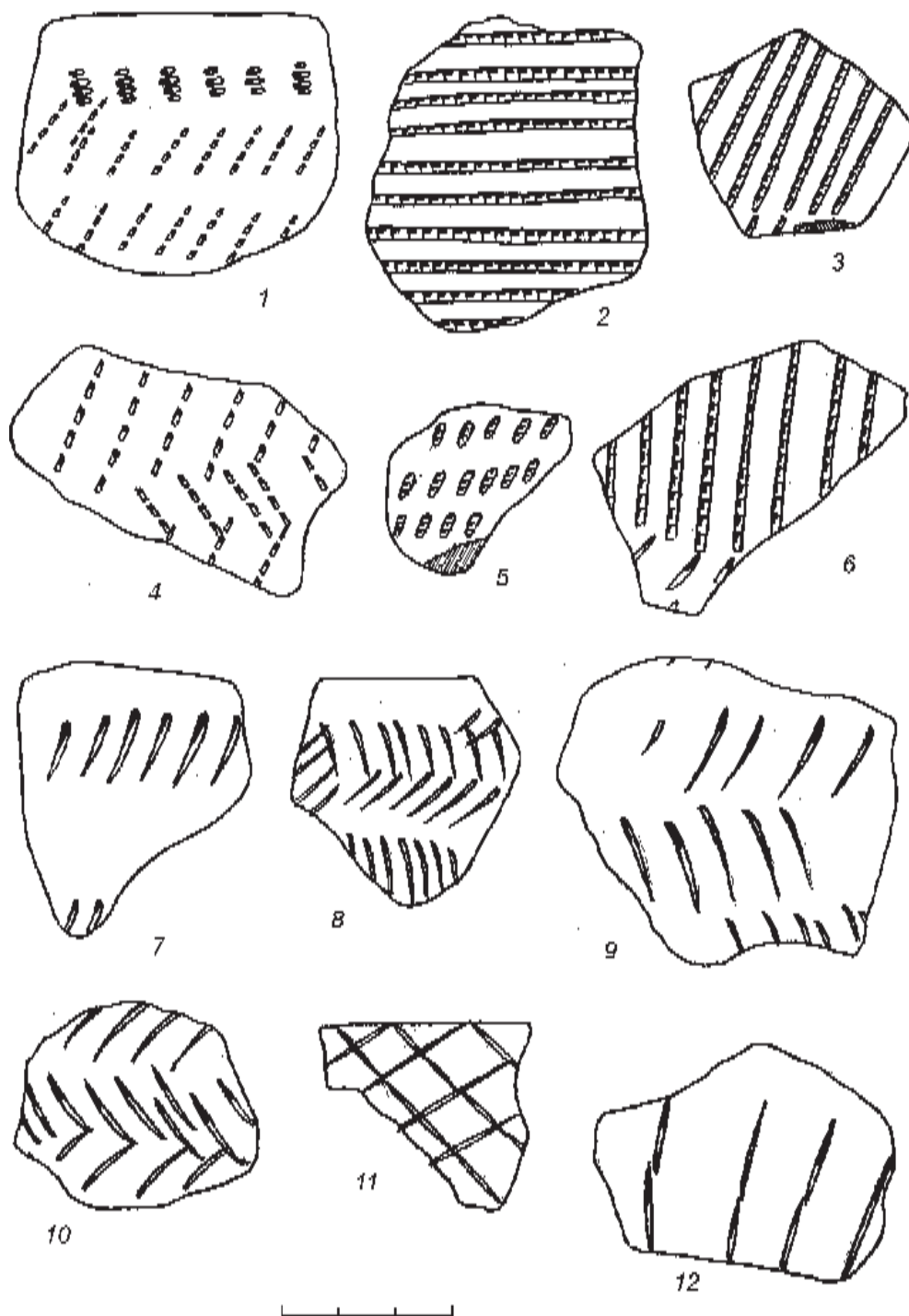

Рис.139. Керамика стоянки II Щербетская.

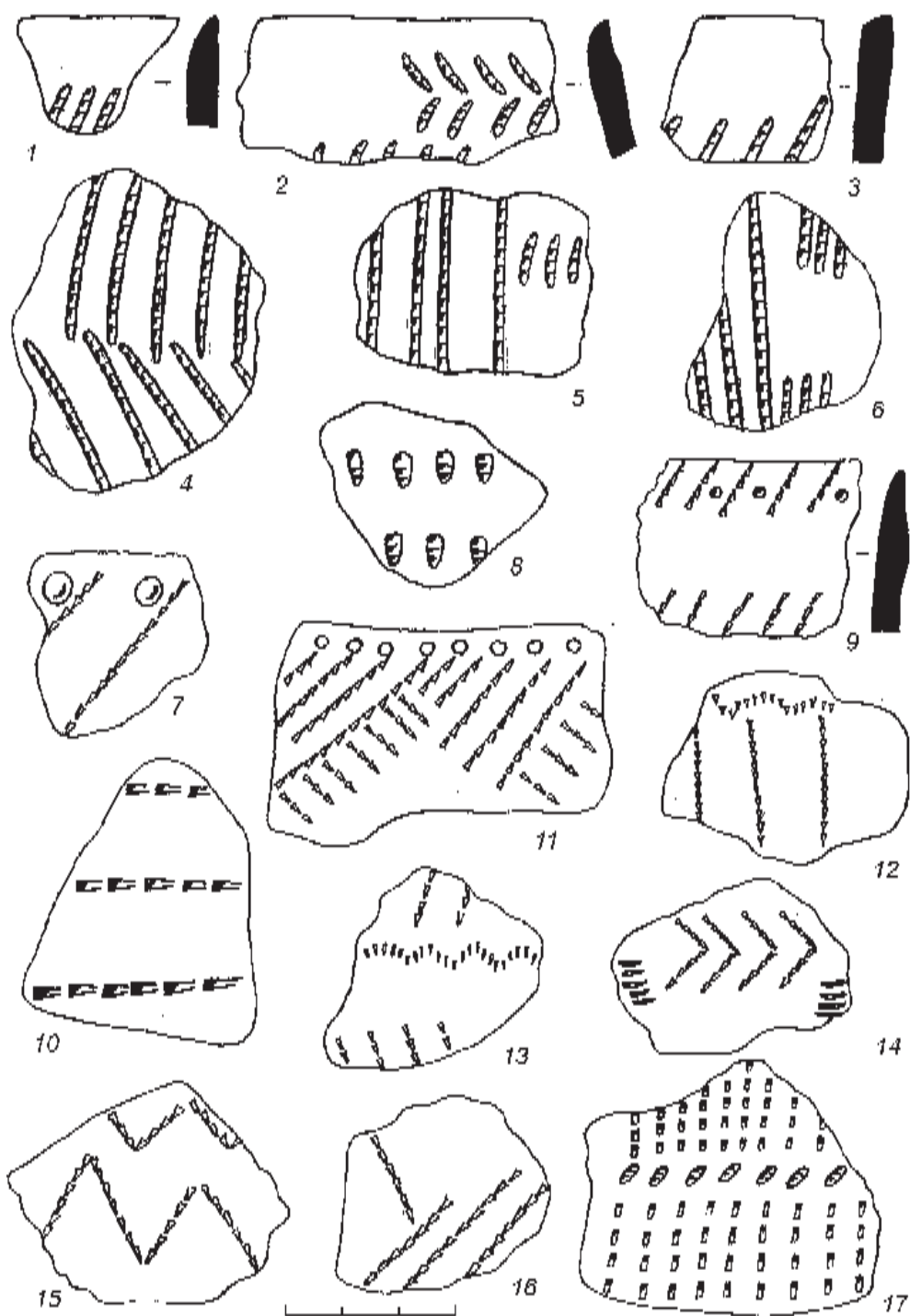

Рис.140. Керамика стоянок Кабы-Копрынская и IV Тетюшская.

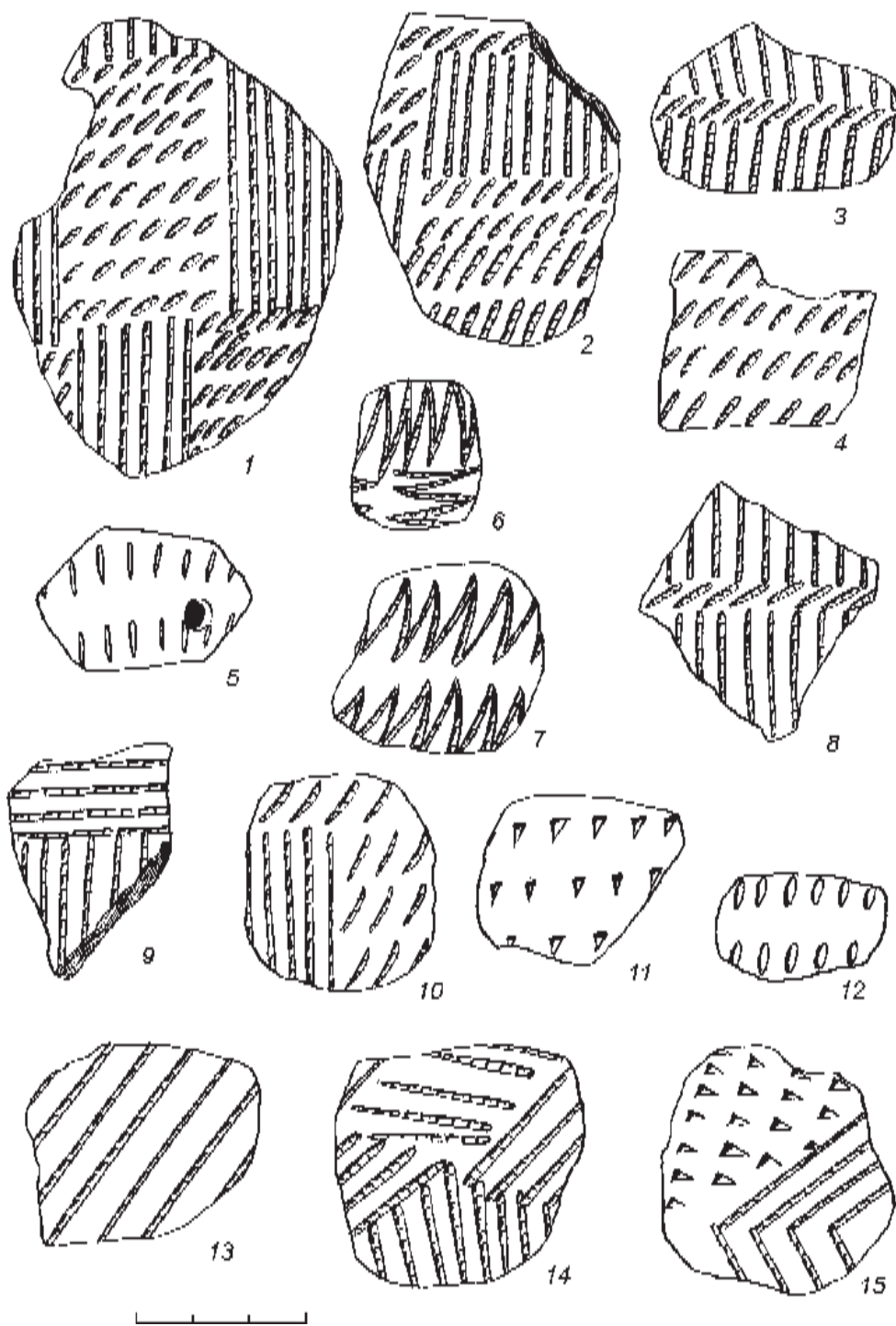

Рис.141. Керамика стоянок II Лебединская и Мурзихинская.

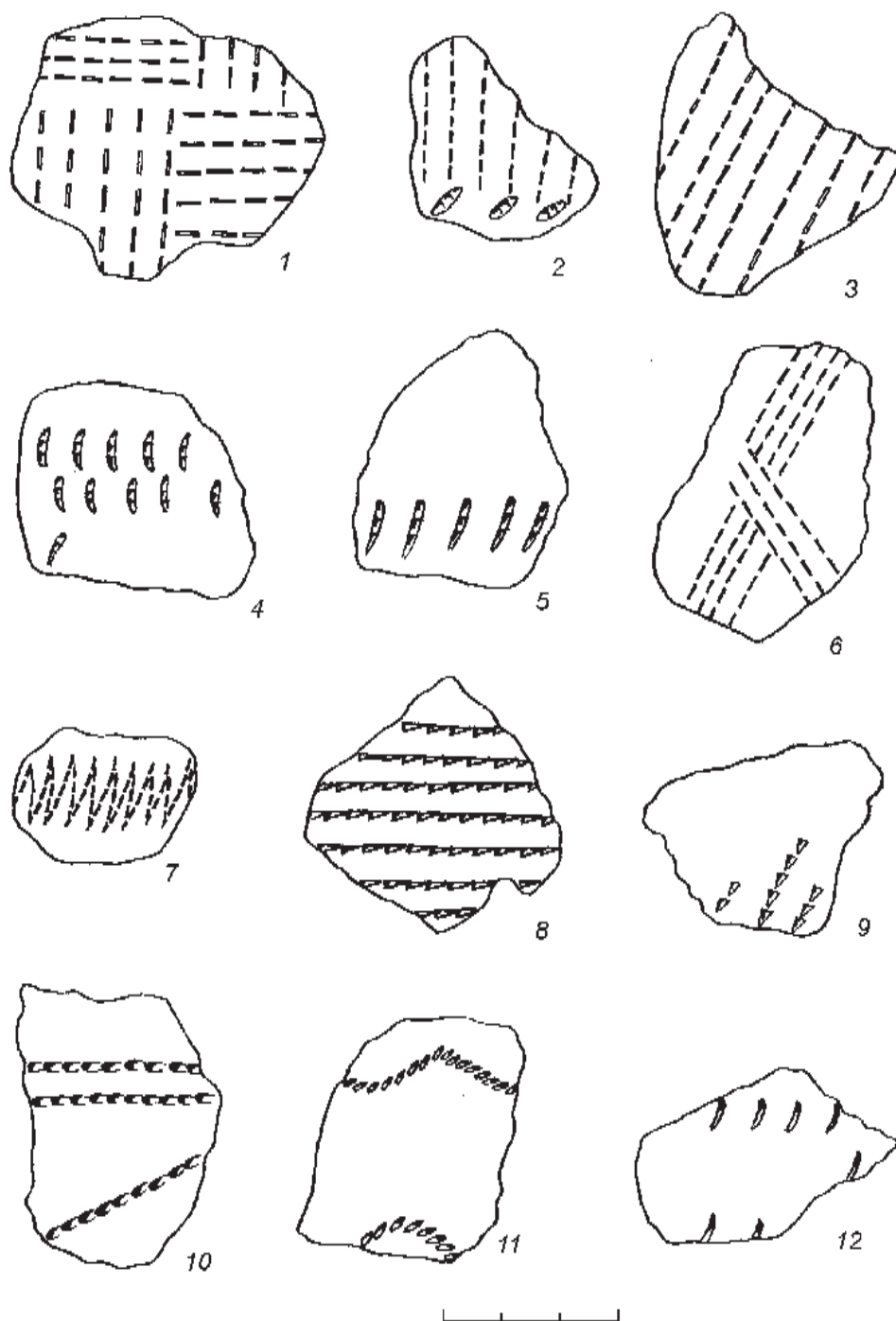

Рис.142. Керамика стоянки Займище Ша.

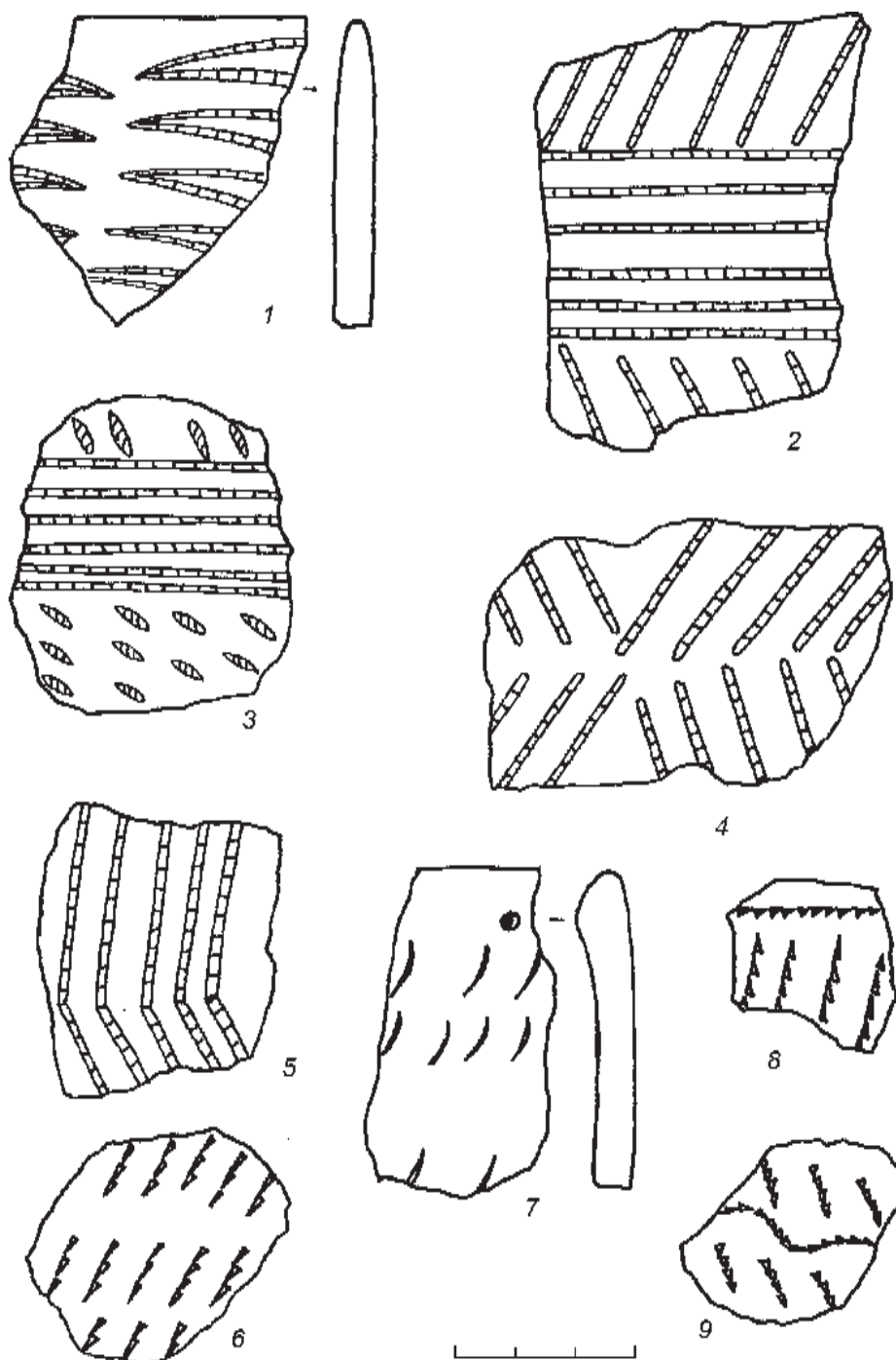

Рис.143. Керамика стоянки IV Матюшинская.

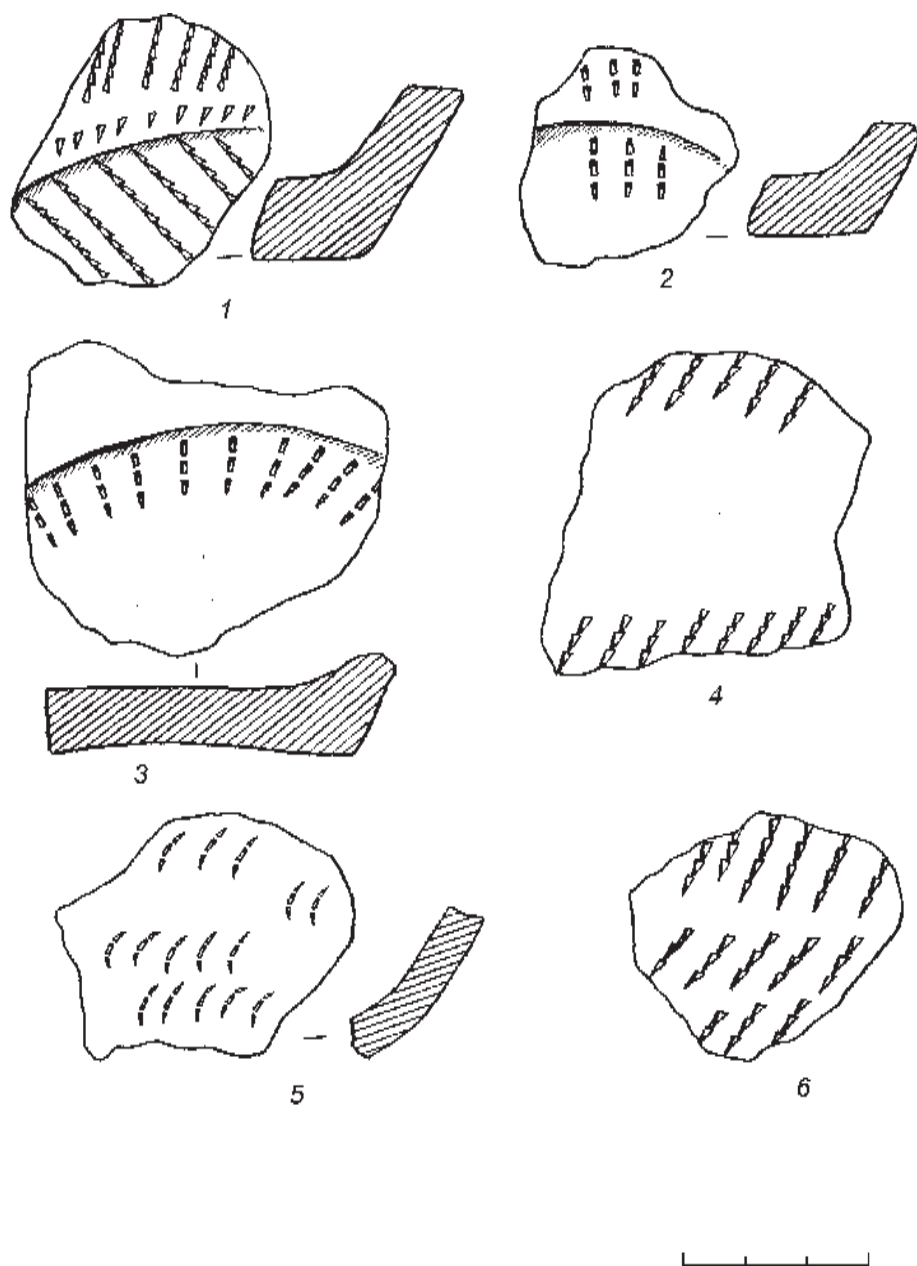

Рис.144. Керамика стоянок Старо-Буртюково (1-3) и IV Матюшинская (4-6).

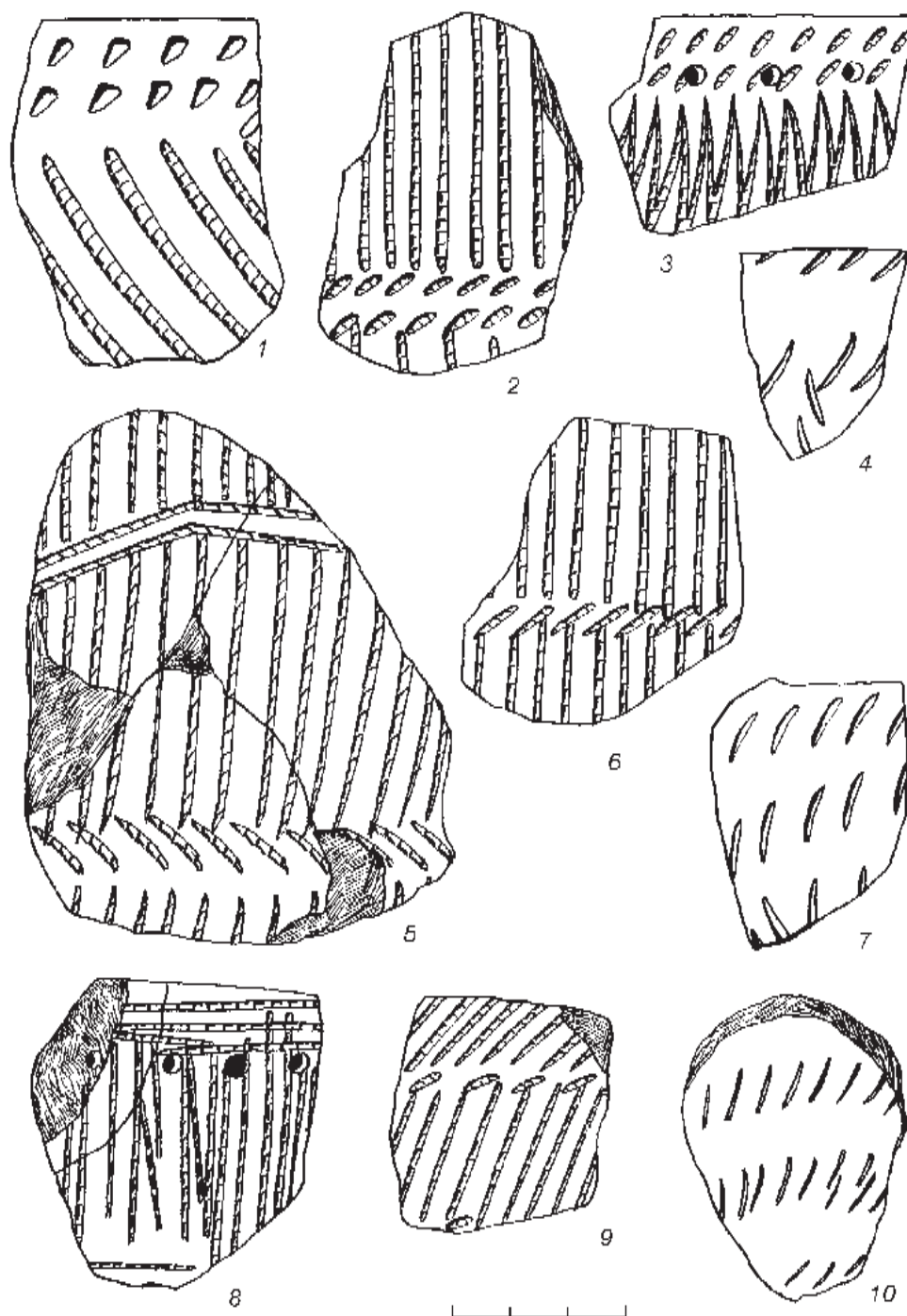

Рис.145. Керамика стоянок I Лебединская (1-4), Обсерваторская (5-7), II Старо-Мазиковская (8-10).

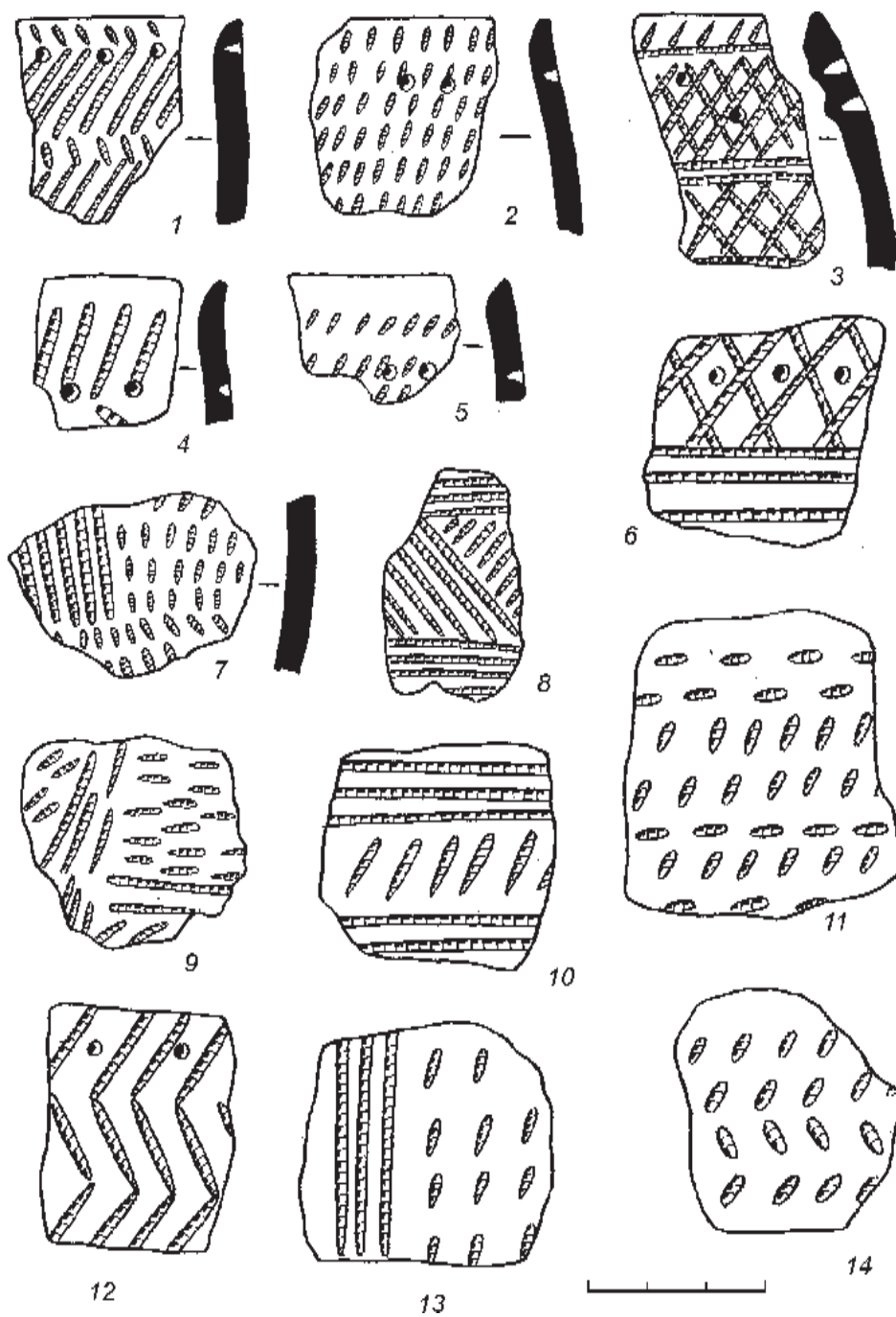

Рис.146. Керамика стоянки Балахчинская VIa.

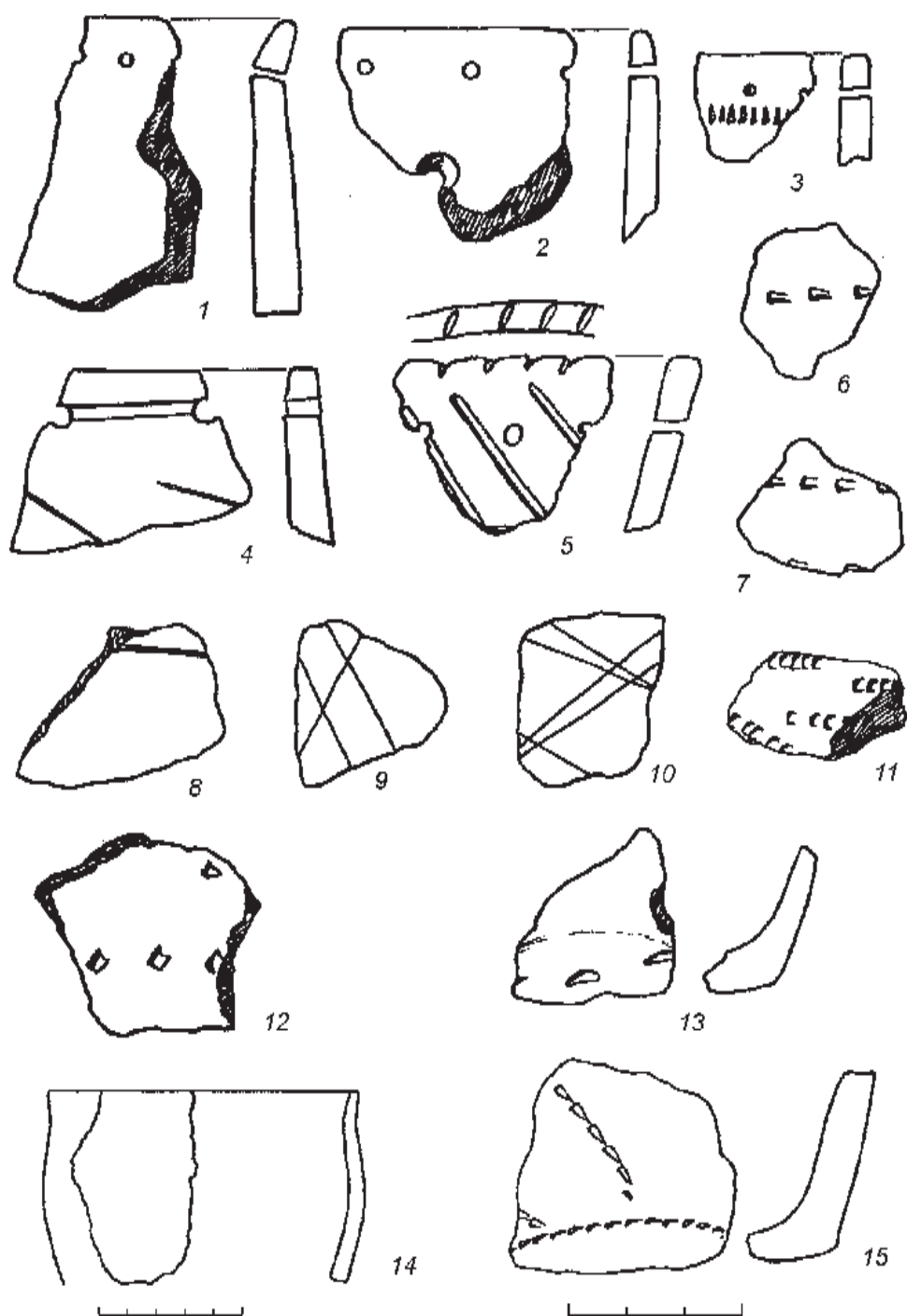

Рис.147. Керамика стоянки Сутырская V.

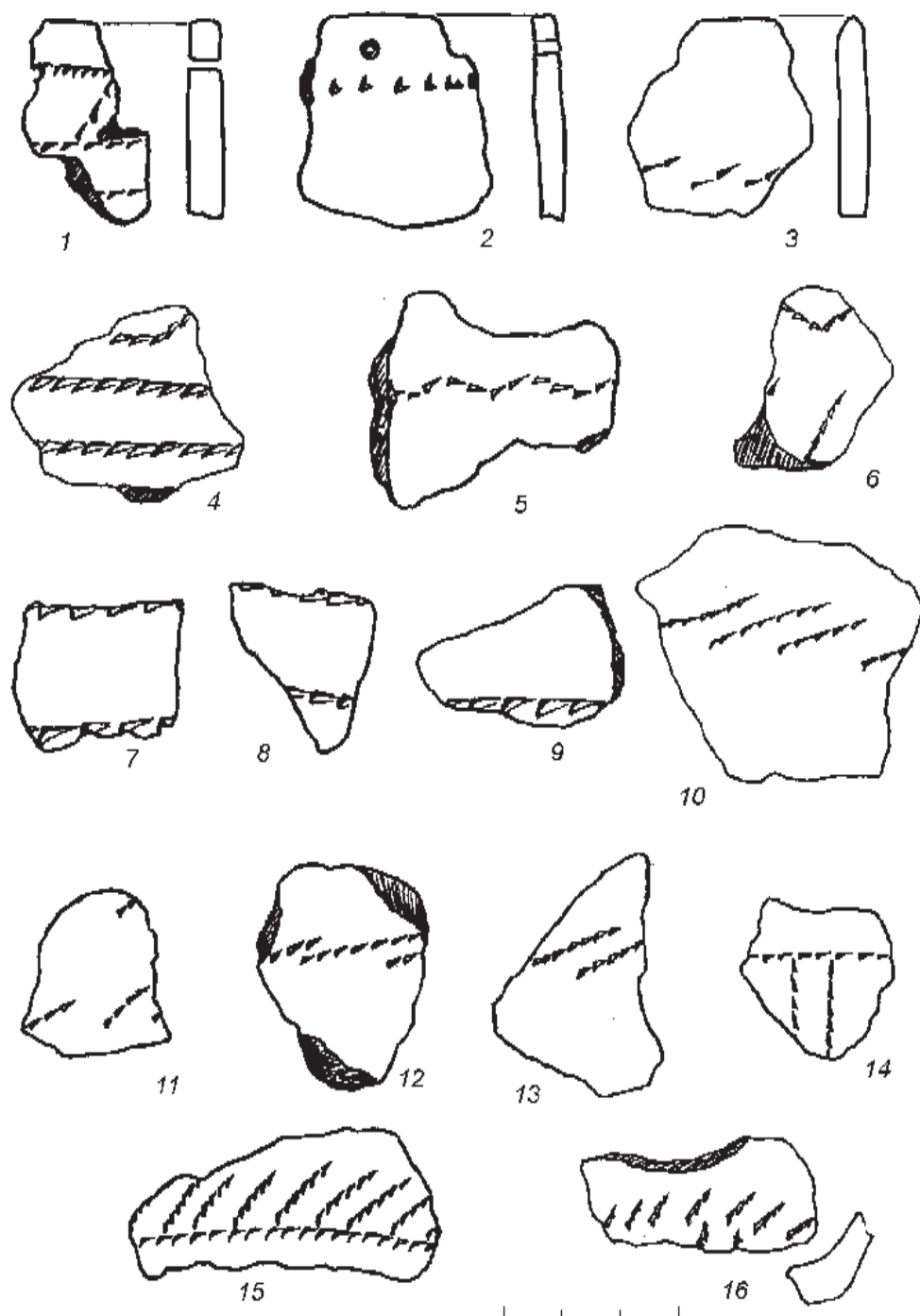

Рис.148. Керамика стоянки Сутырская V.

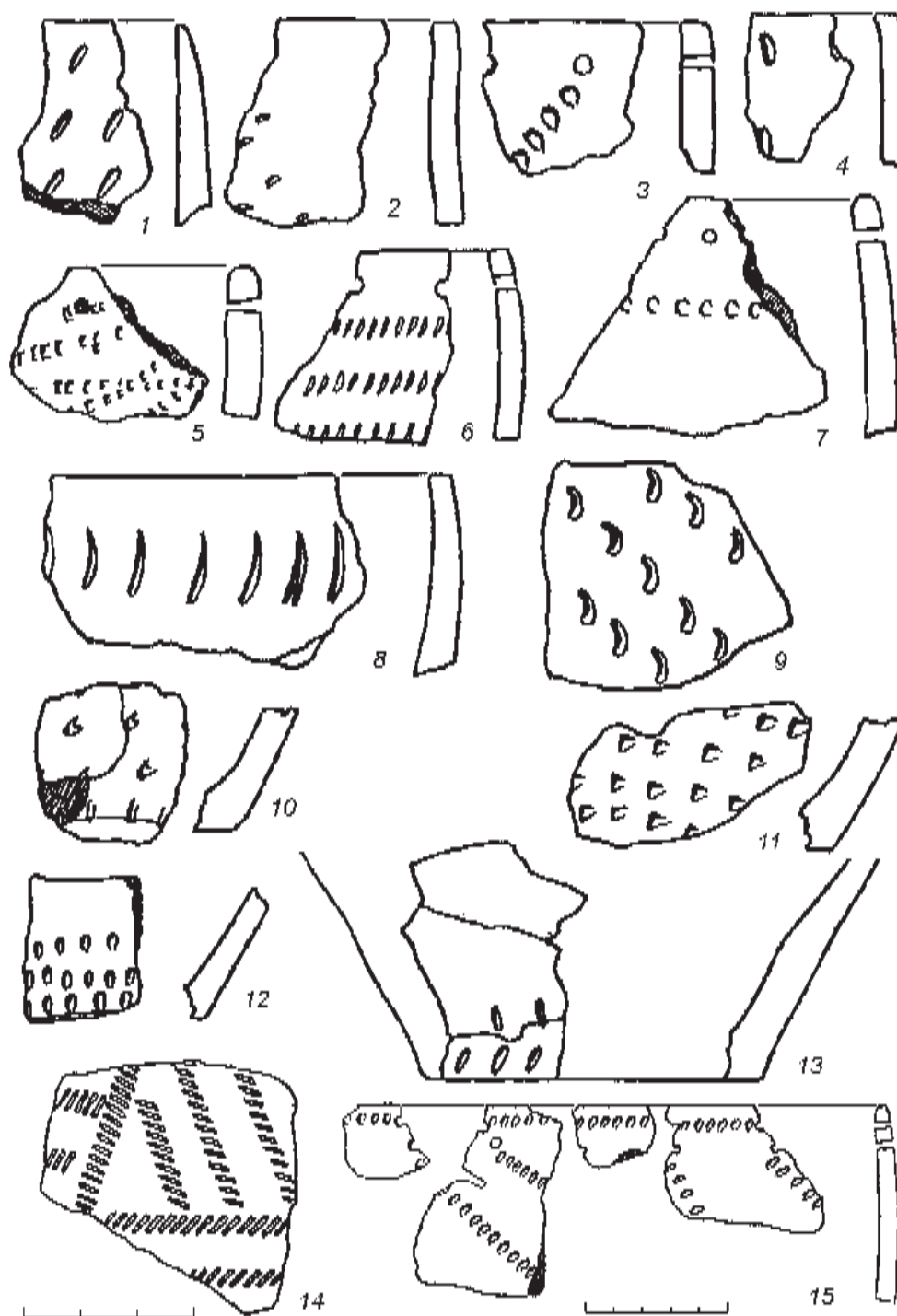

Рис.149. Керамика стоянки Сутырская V.

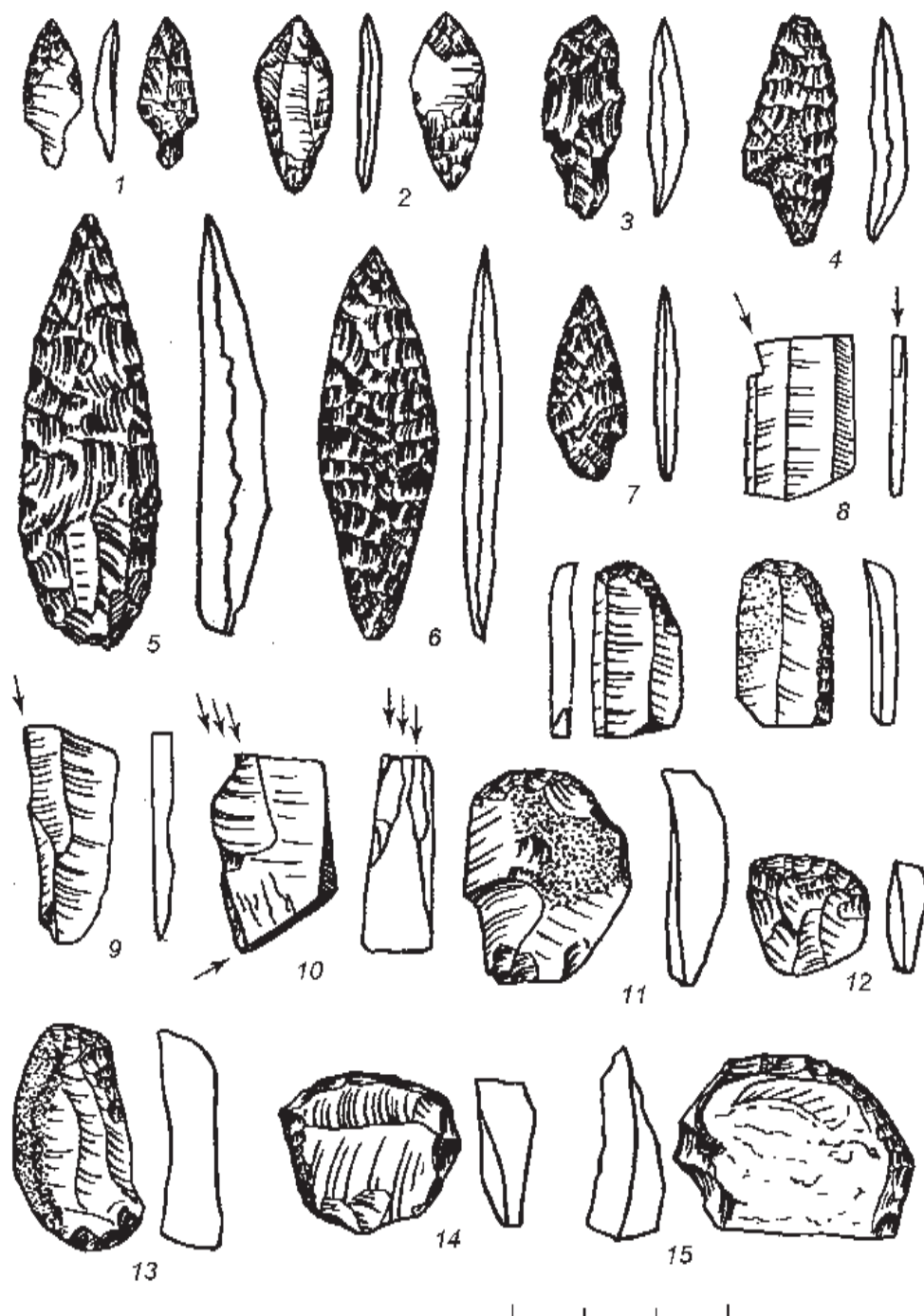

Рис.150. Кремневый инвентарь стоянки Сутырская V.

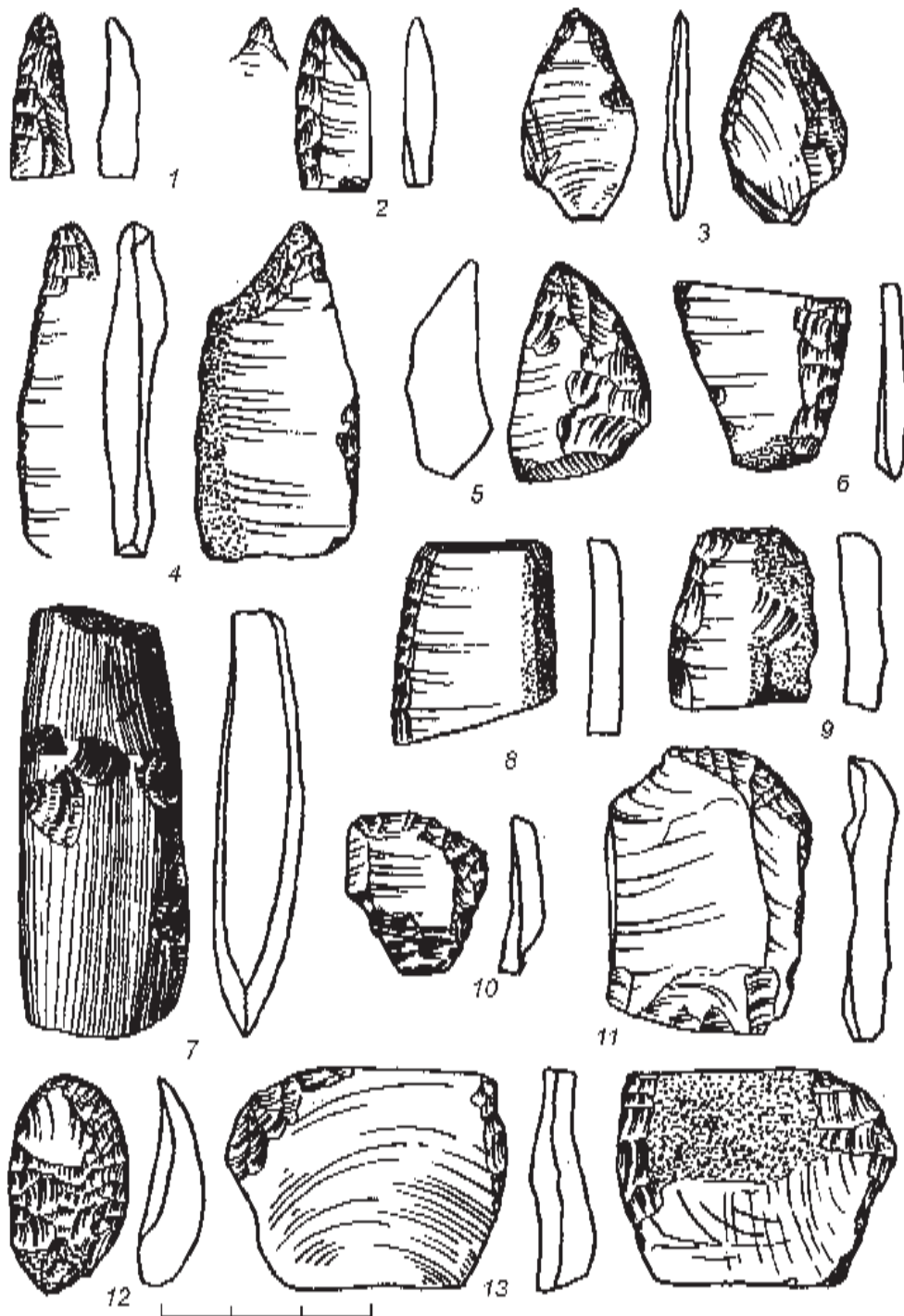

Рис.151. Кремневый инвентарь стоянки Сутырская V.

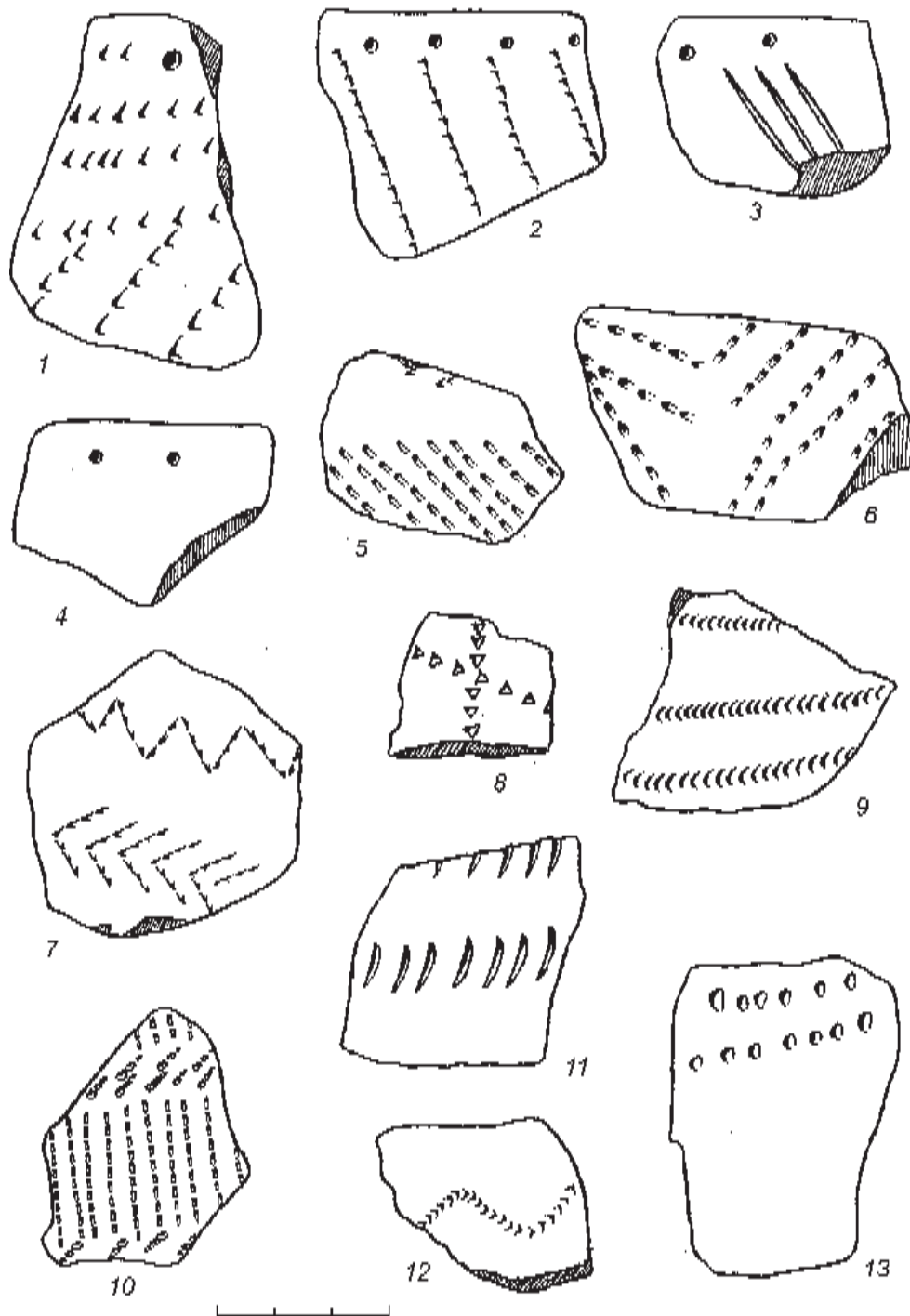

Рис.152. Керамика Дубовских стоянок.

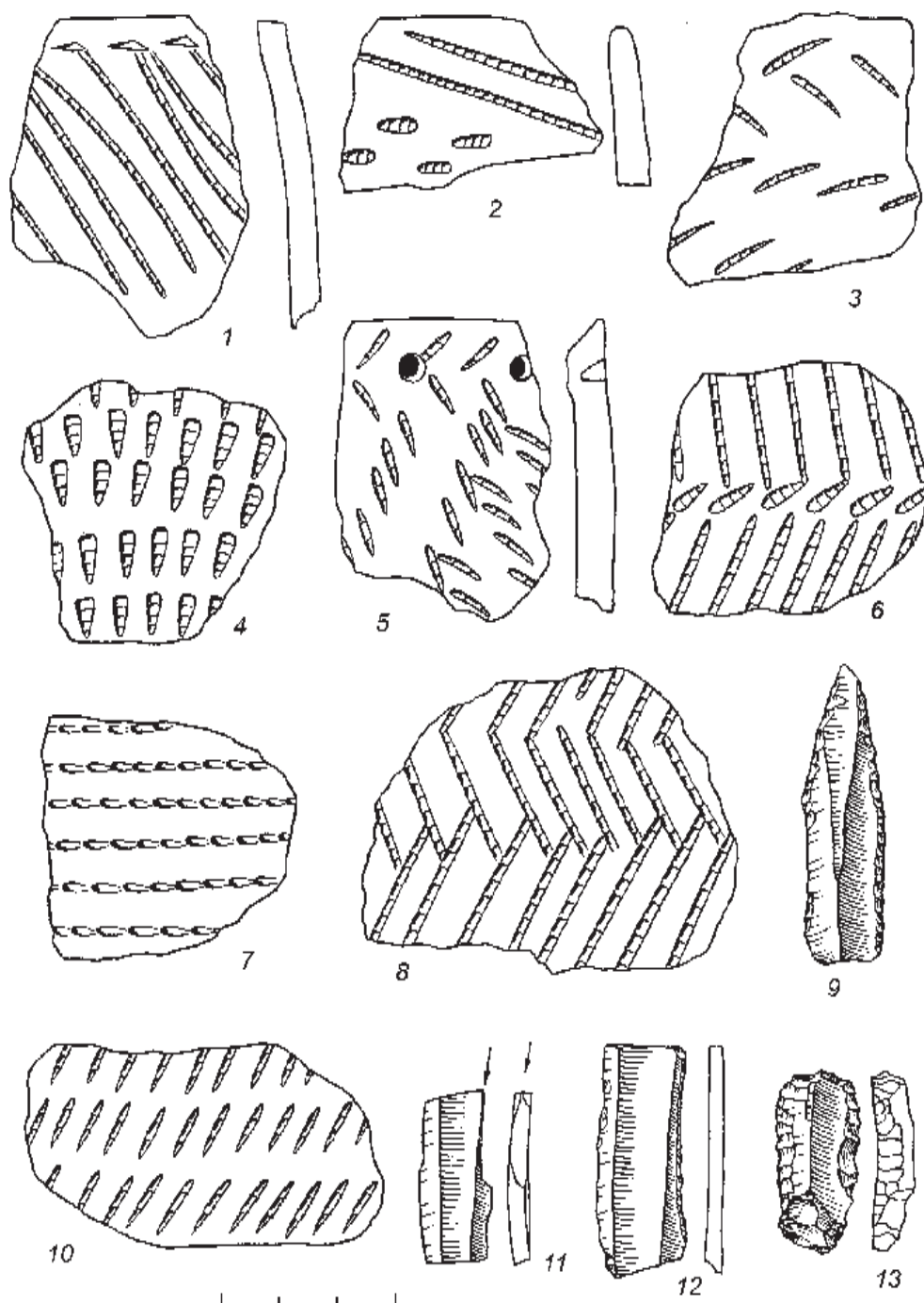

Рис.153. Инвентарь стоянки Подлесное III.

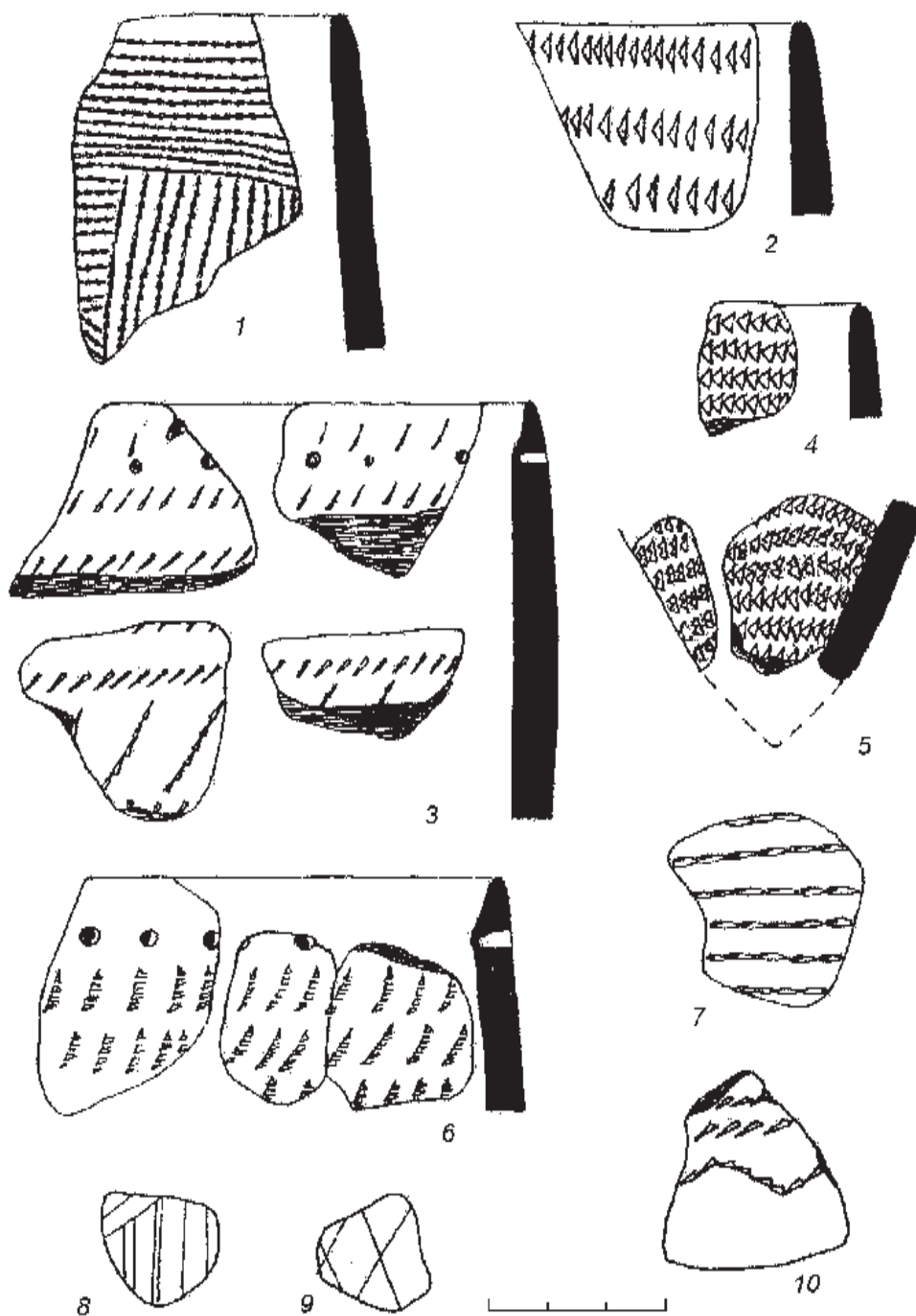

Рис.154. Керамика стоянки Подлесное VII.

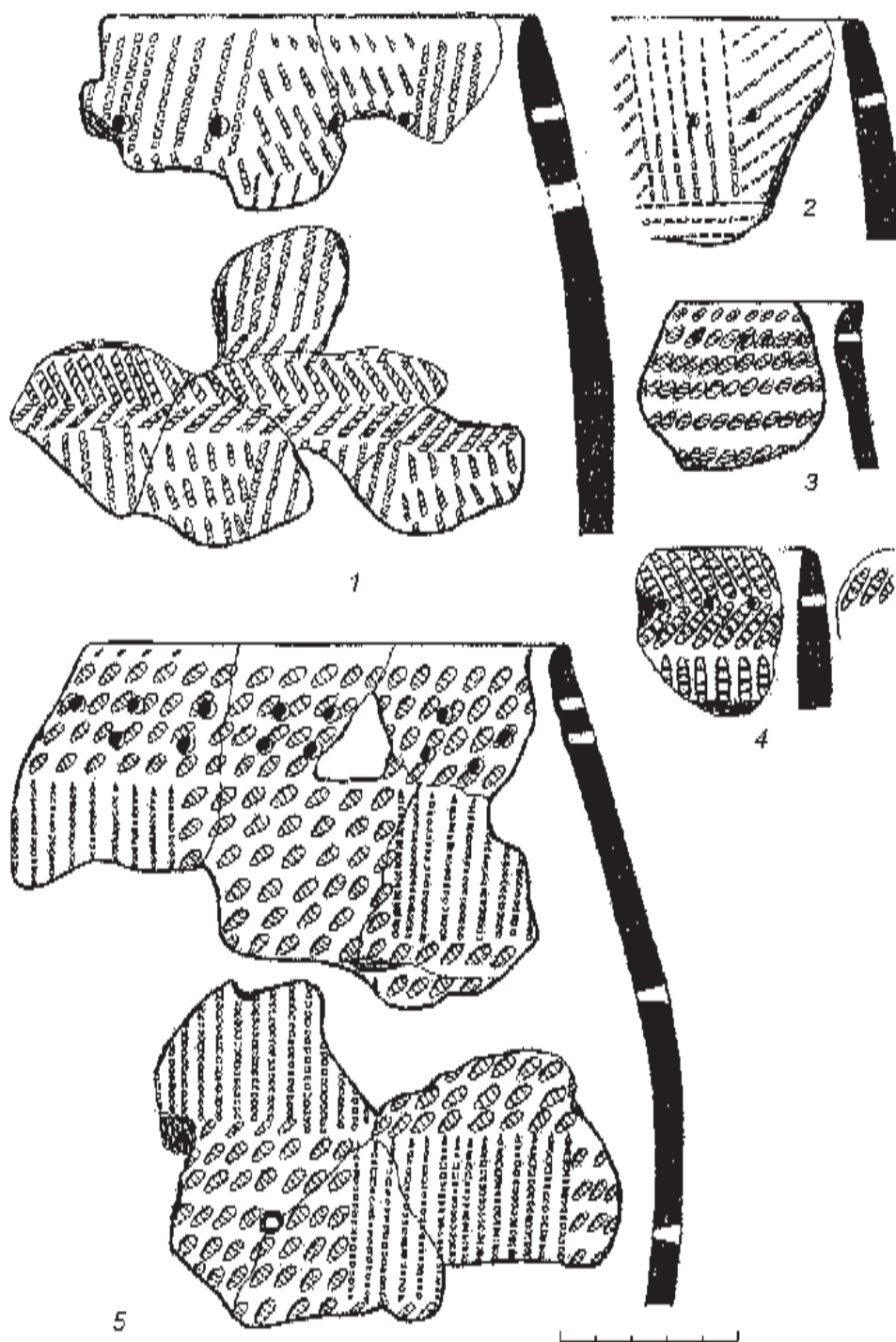

Рис.155. Керамика стоянки Подлесное IV.

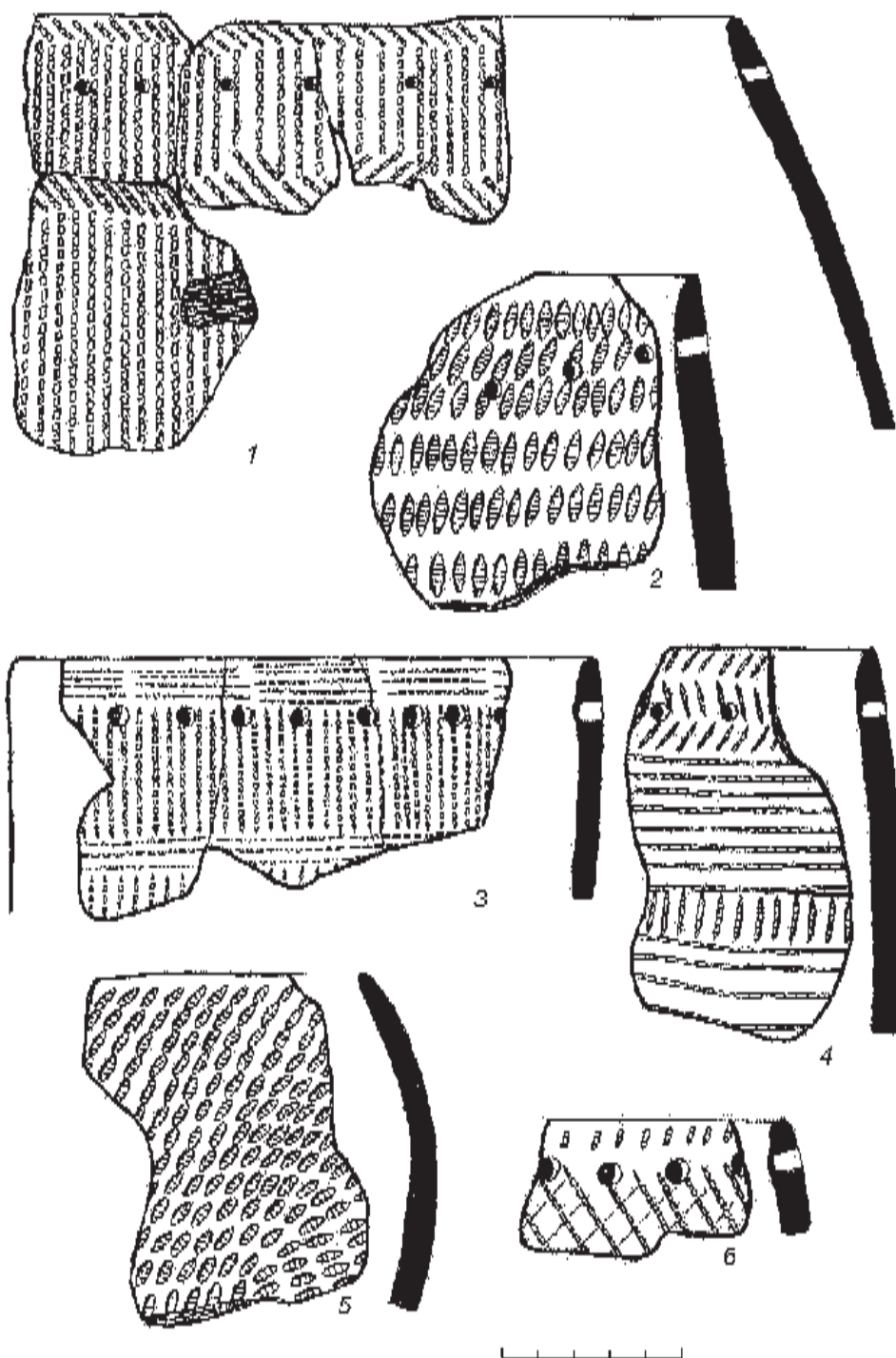

Рис.156. Керамика стоянки Подлесное IV.

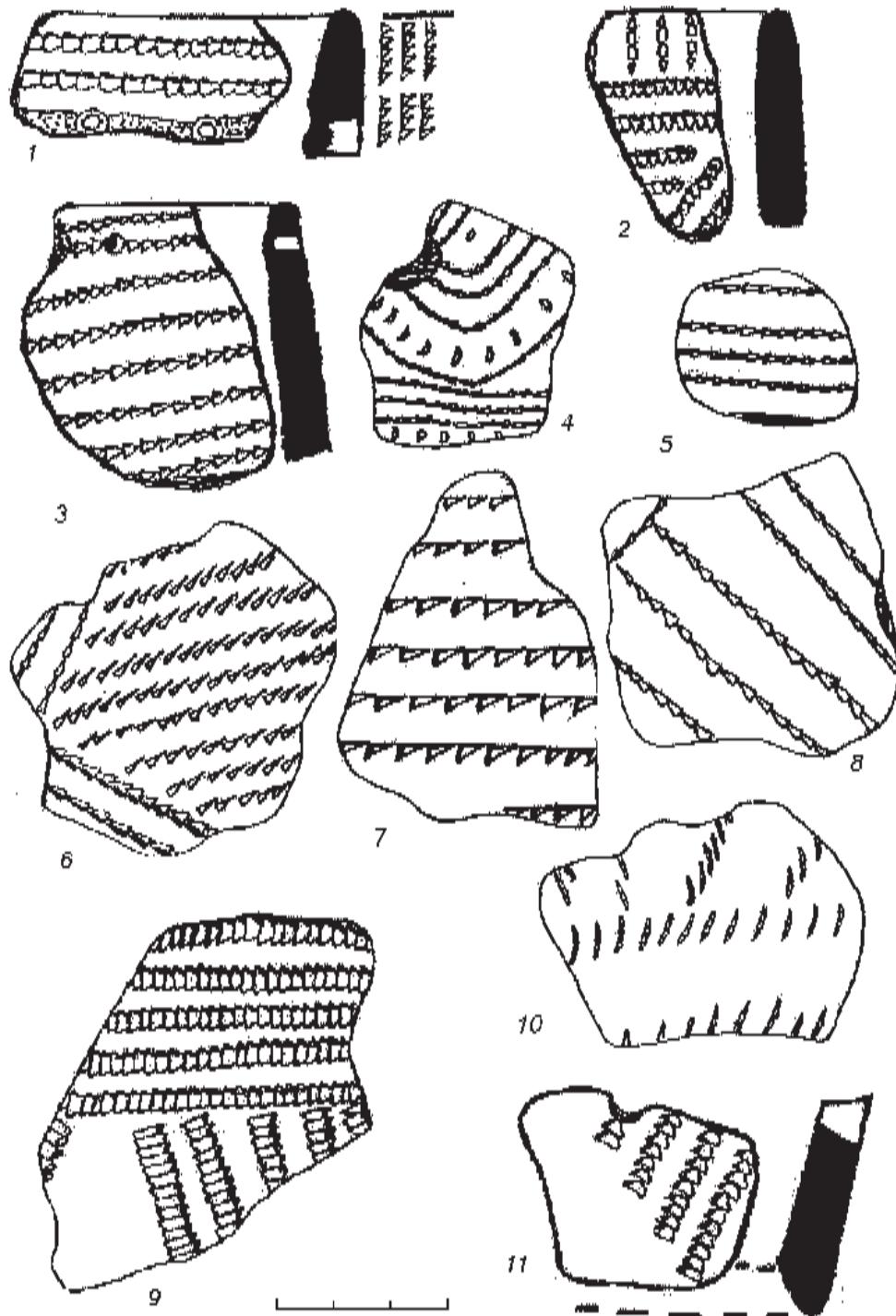

Рис.157. Керамика Пензенских стоянок.

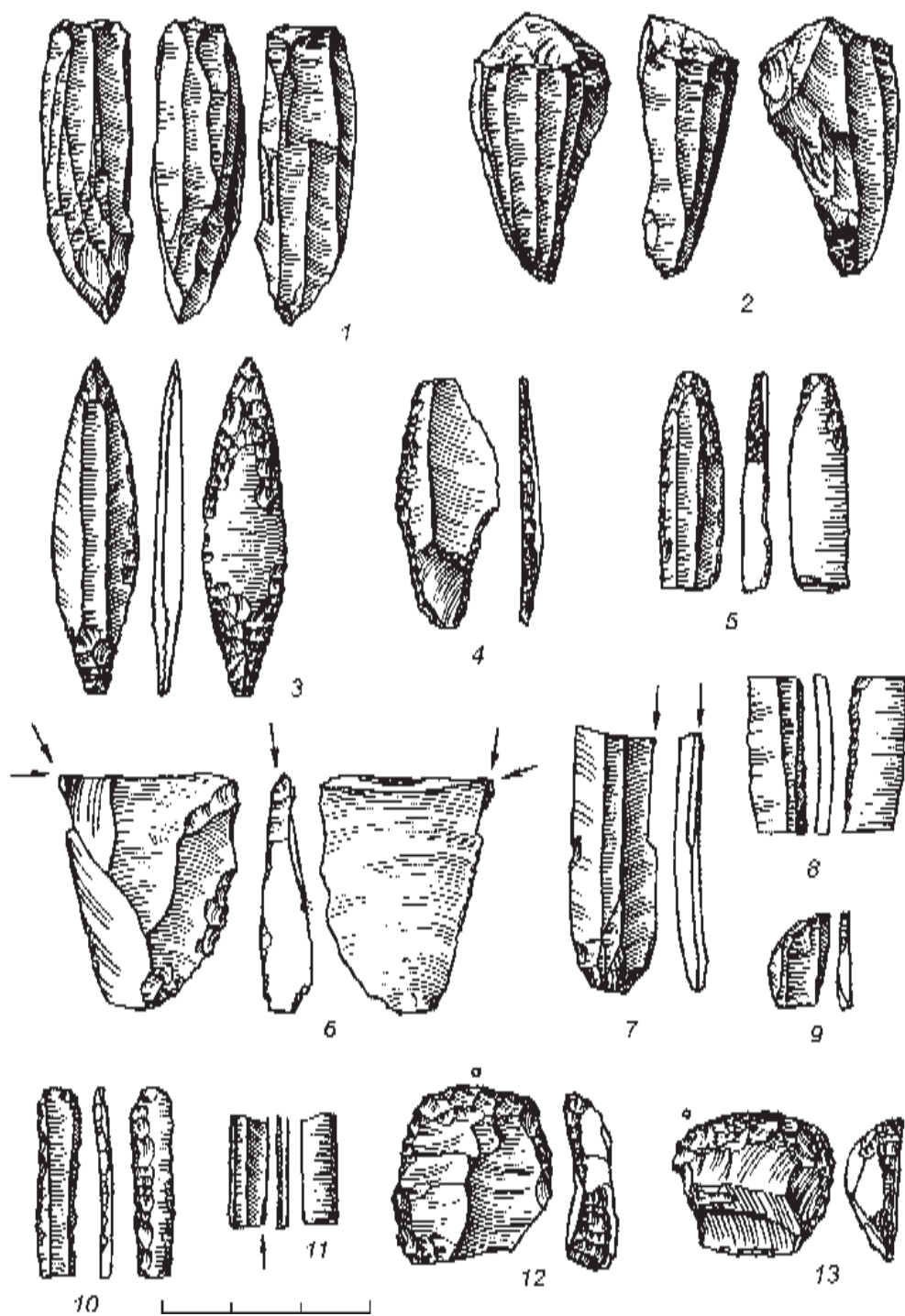

Рис.158. Кремневый инвентарь стоянки Утюж I.

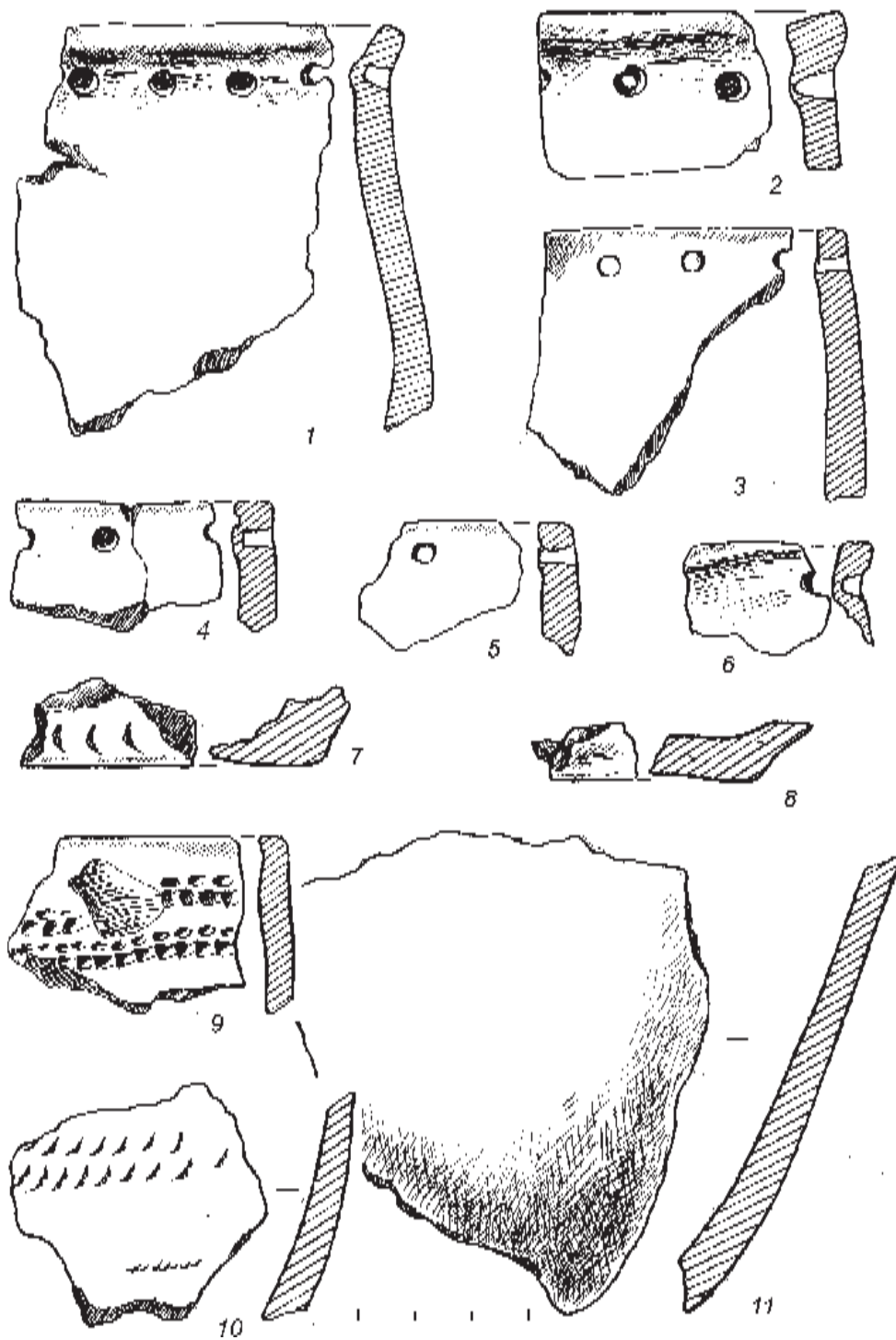

Рис.159. Керамика стоянок Вьюново озеро I (1-2) и Молебное озеро I (3-11).

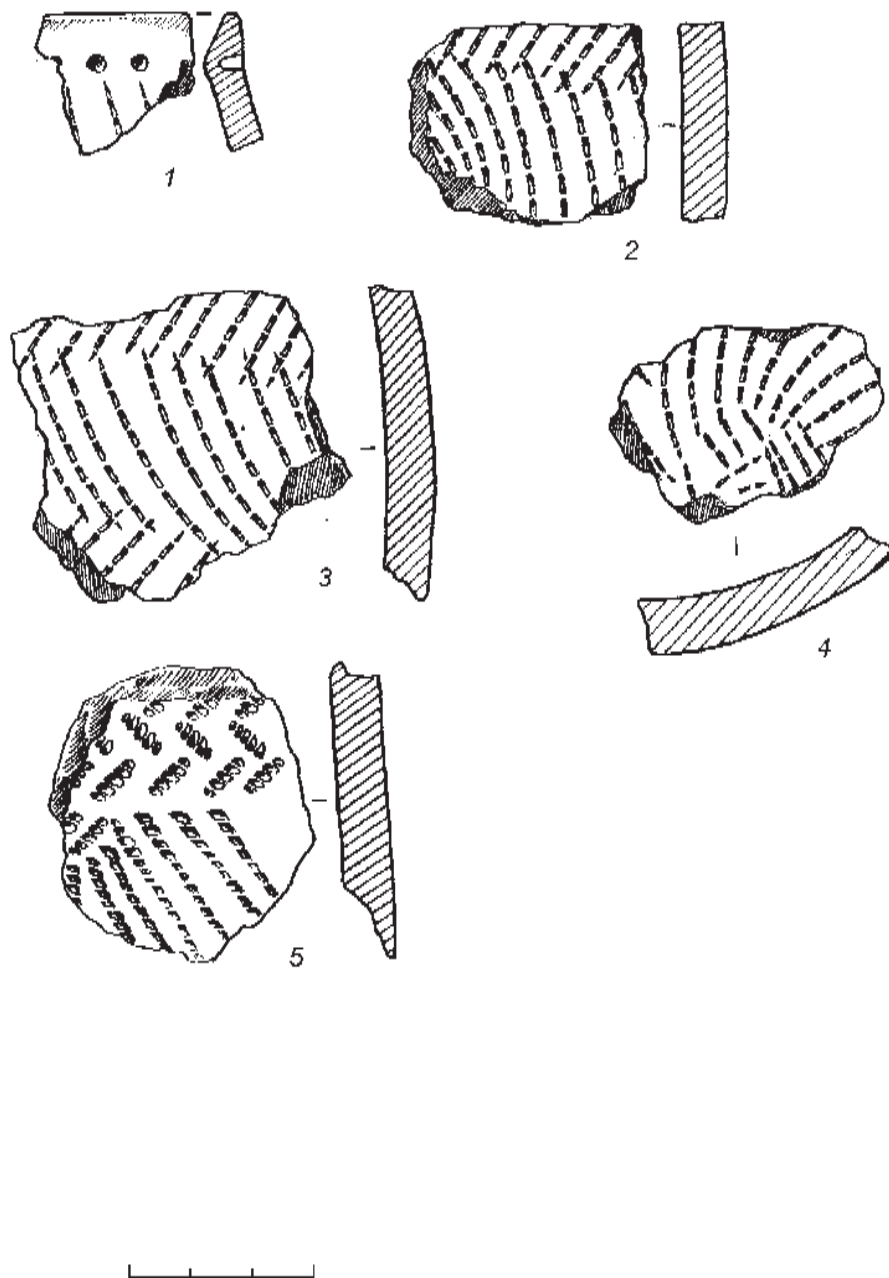

Рис.160. Керамика стоянки Молебное озеро I.

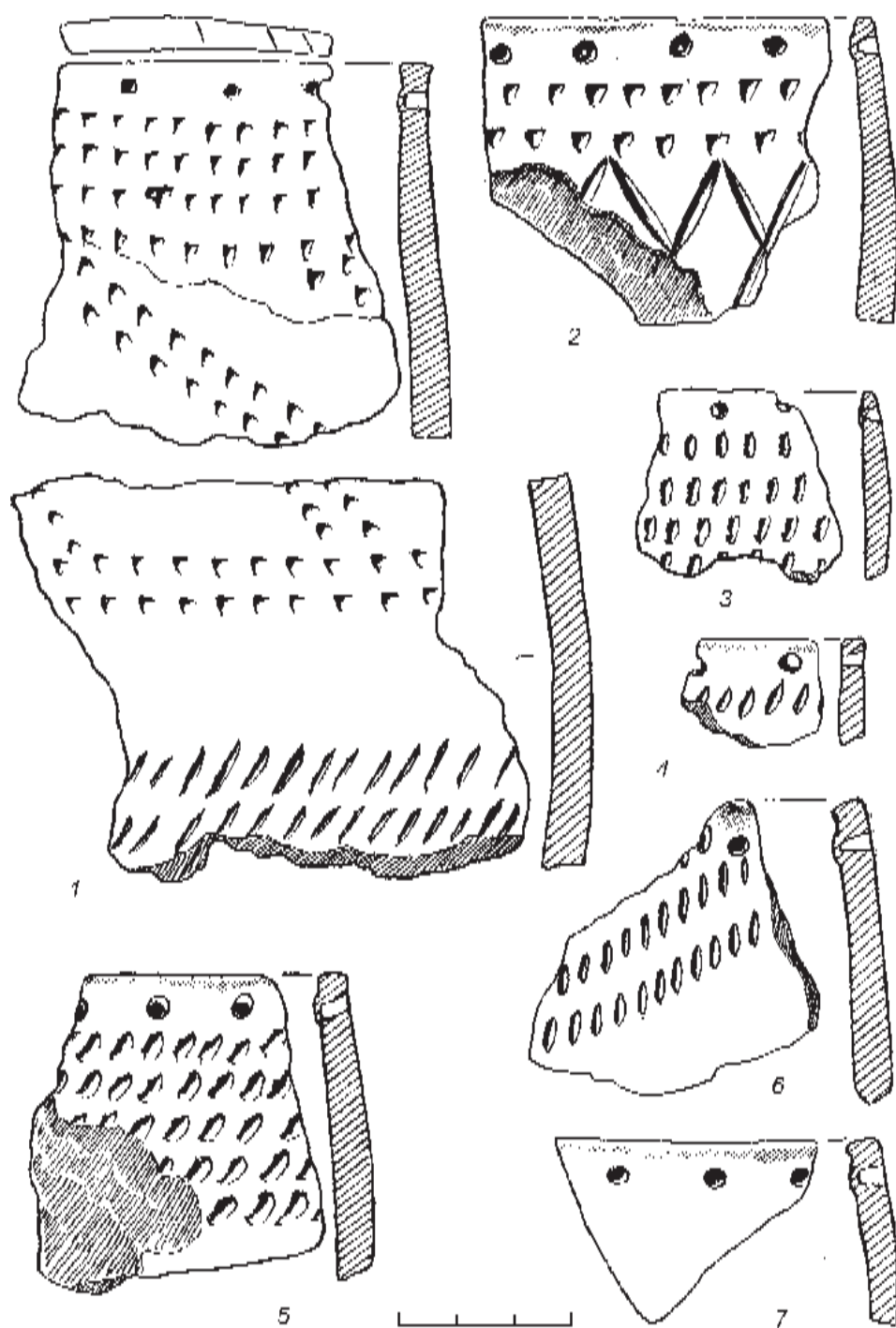

Рис.161. Керамика стоянки Утюж I.

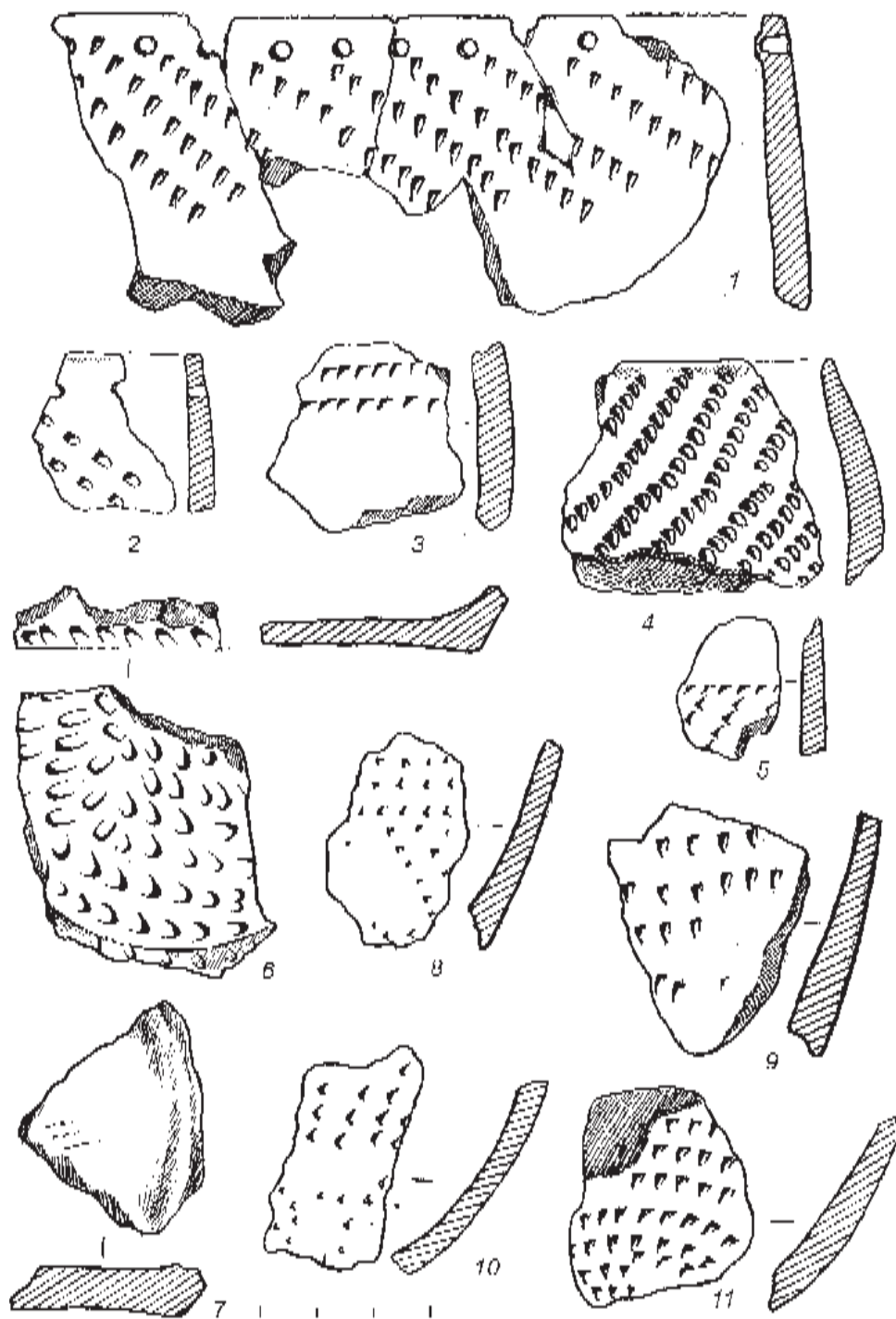

Рис.162. Керамика стоянки Утюж I.

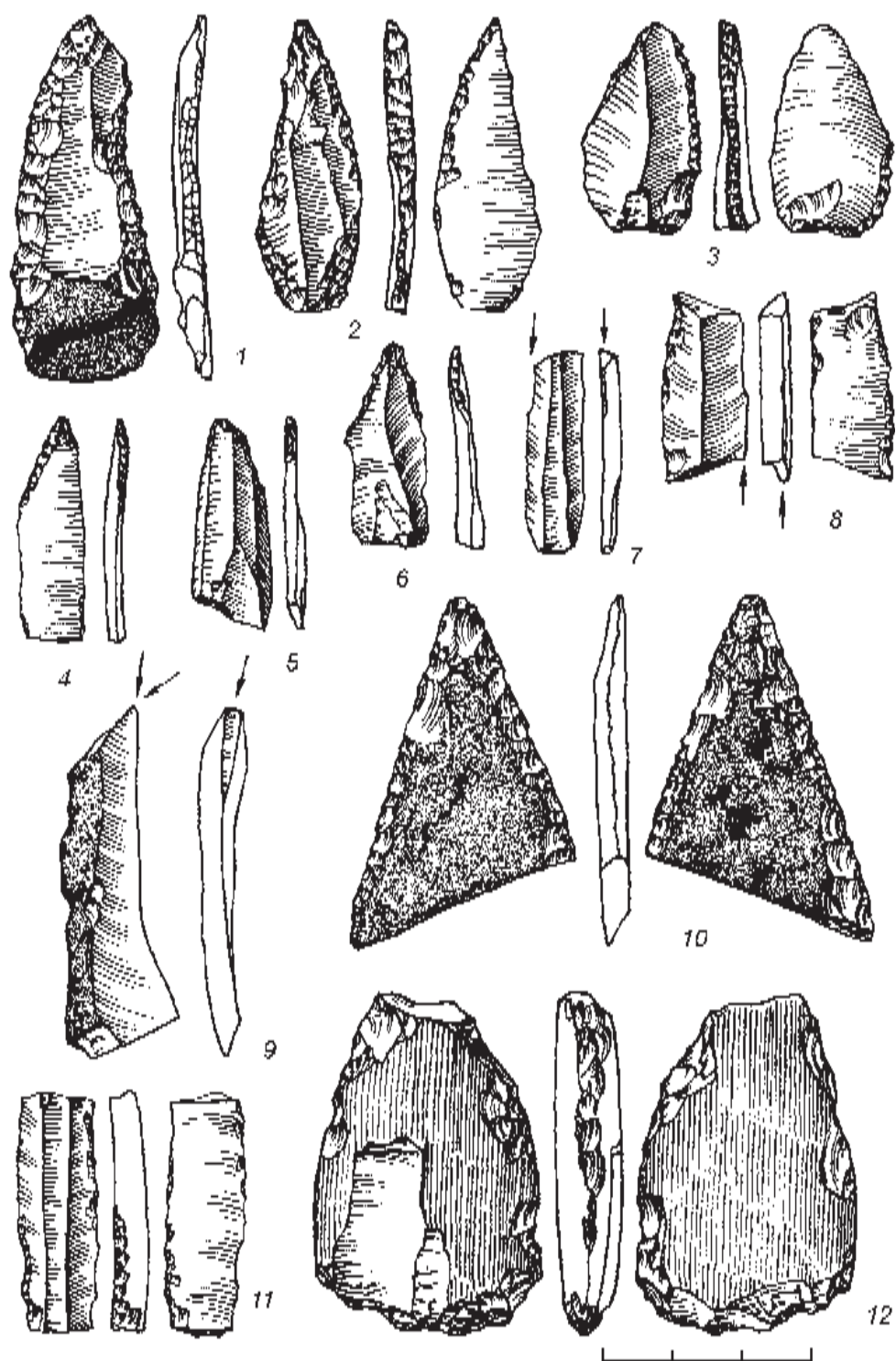

Рис.163. Кремневый инвентарь стоянки Утюж I.

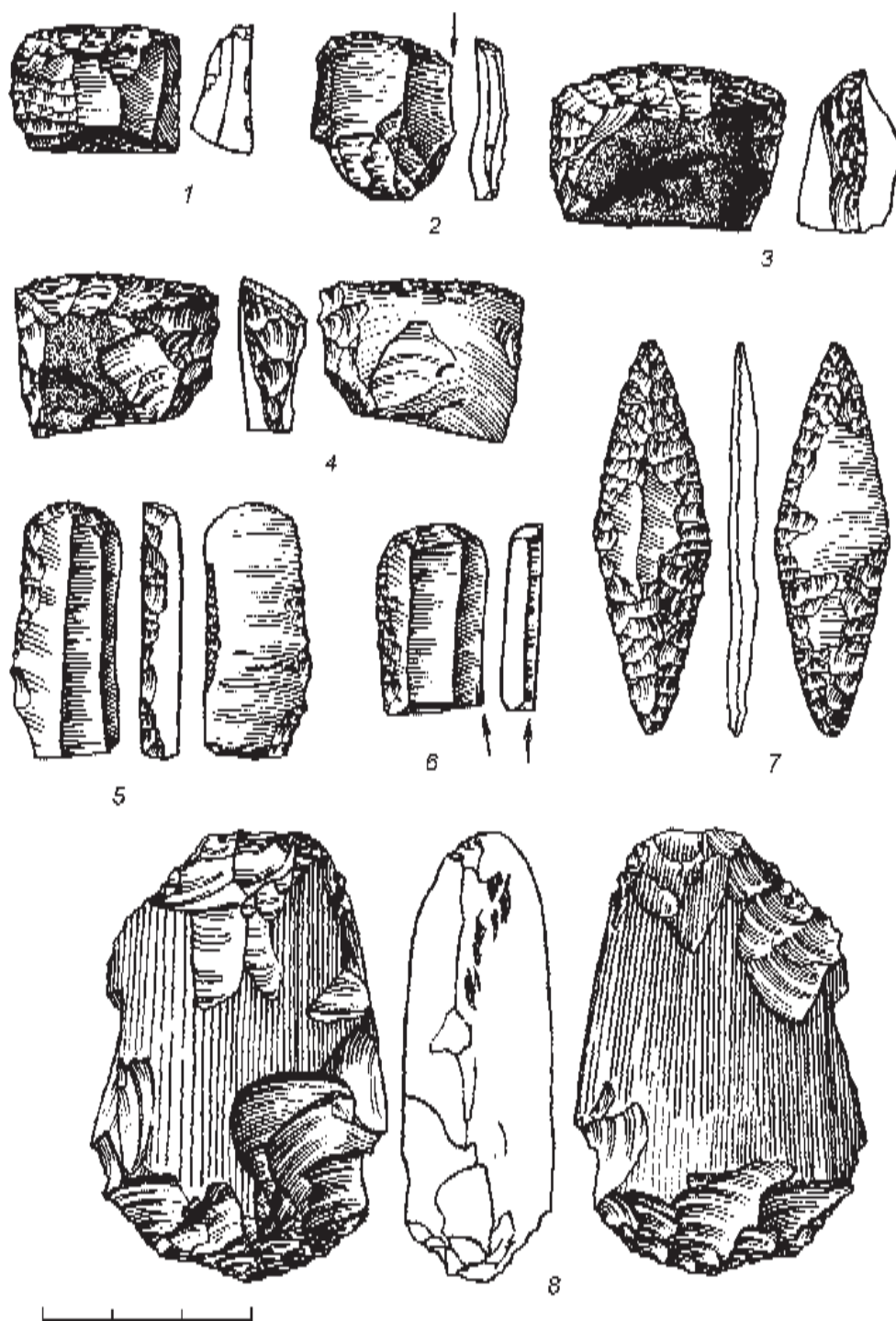

Рис.164. Кремневый инвентарь стоянки Утюж I.

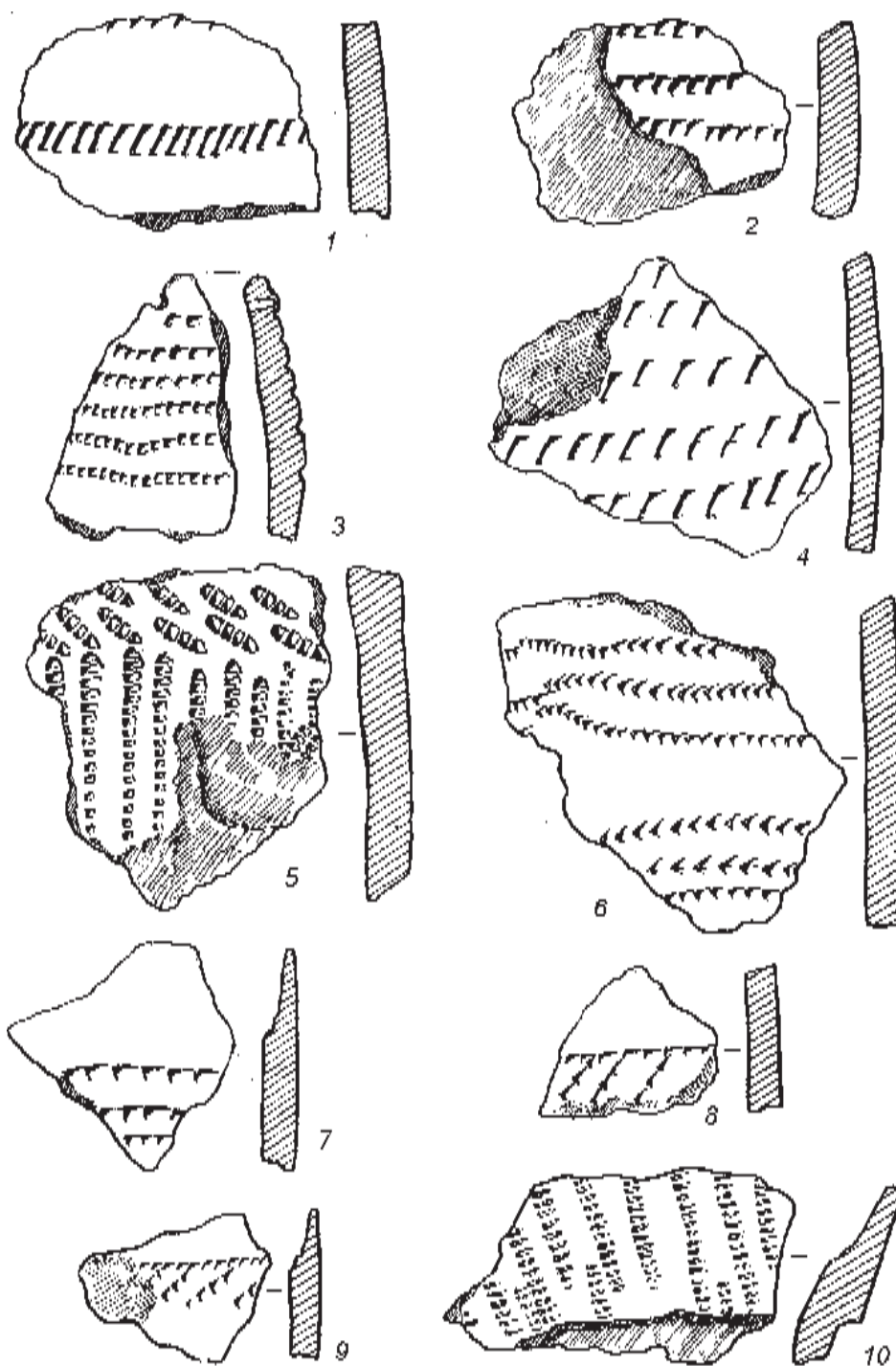

Рис.165. Керамика стоянок Утюж I (1-5) и Вьюново озеро II (6-10).

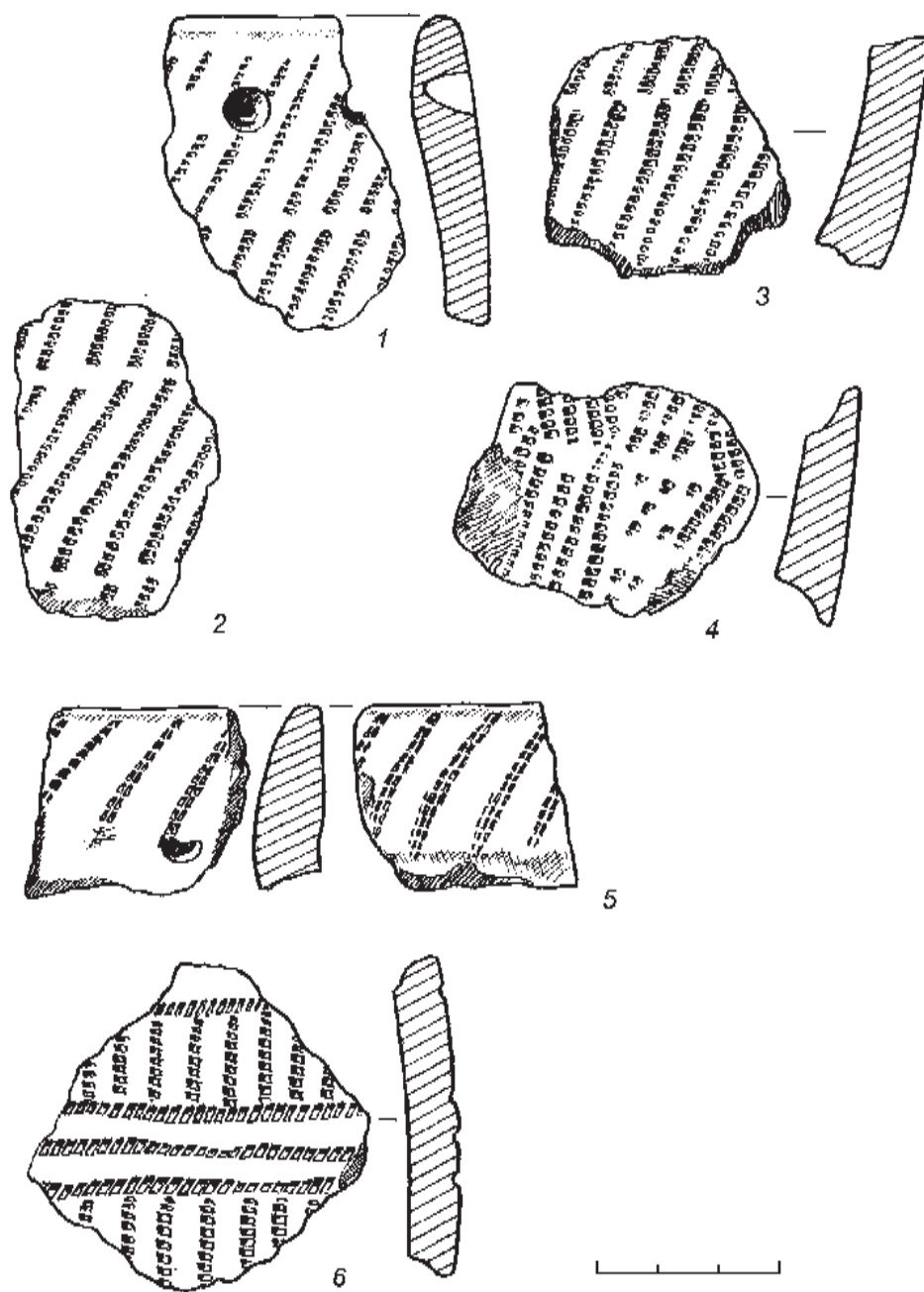

Рис.166. Керамика, обнаруженная в окрестностях г.Алатыря.

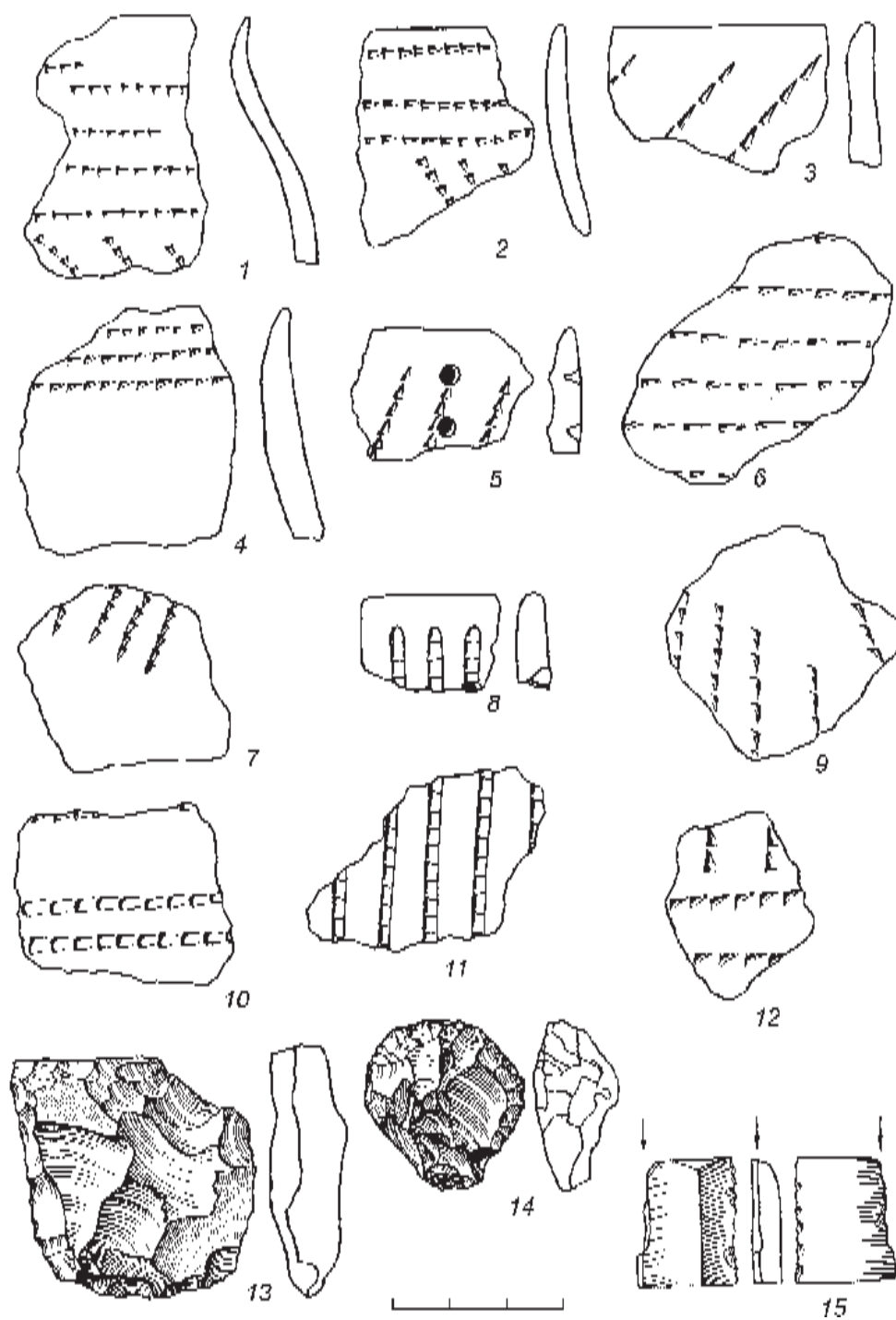

Рис.167. Инвентарь стоянки Потодево.

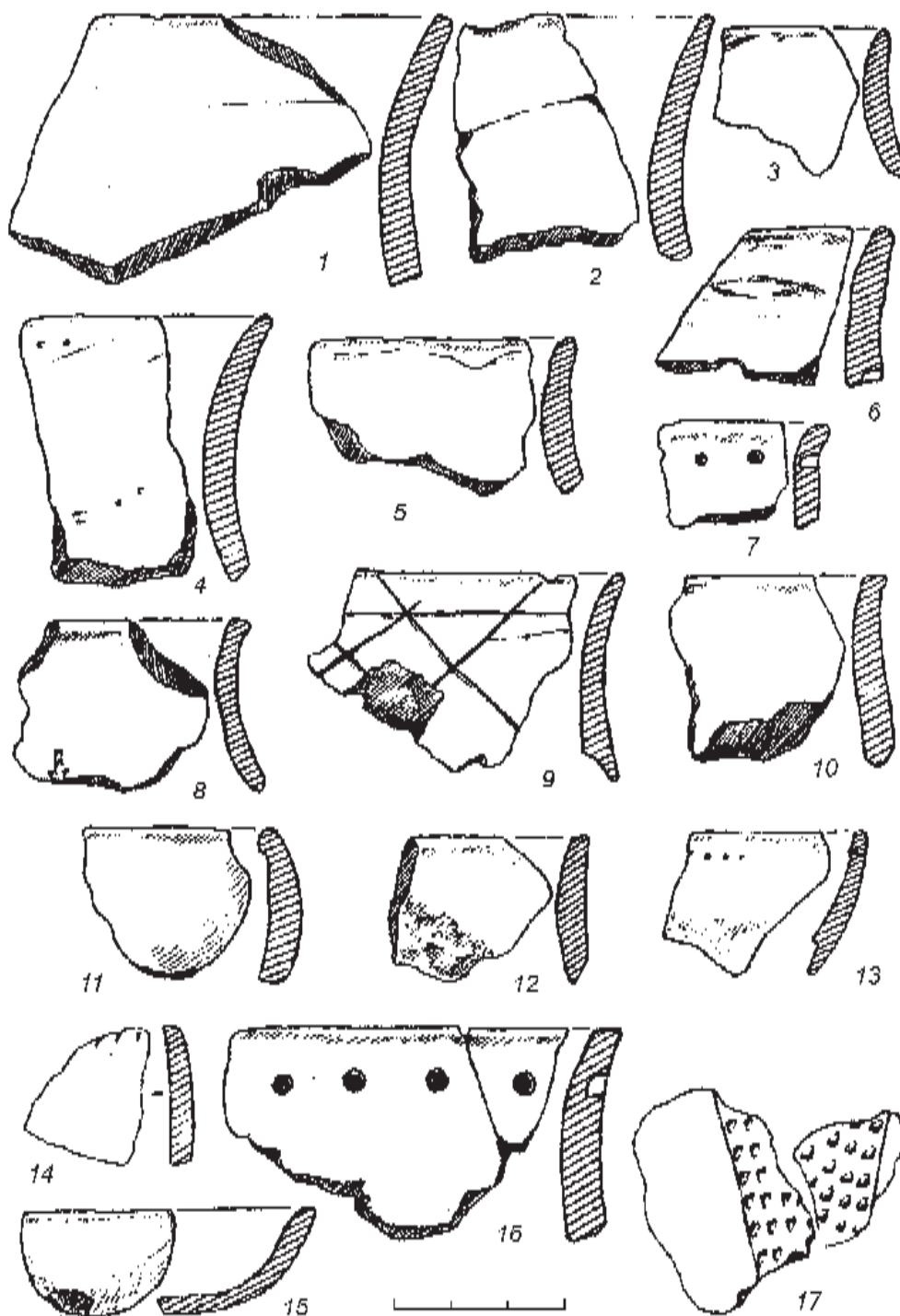

Рис.168. Керамика стоянки Озименки II.

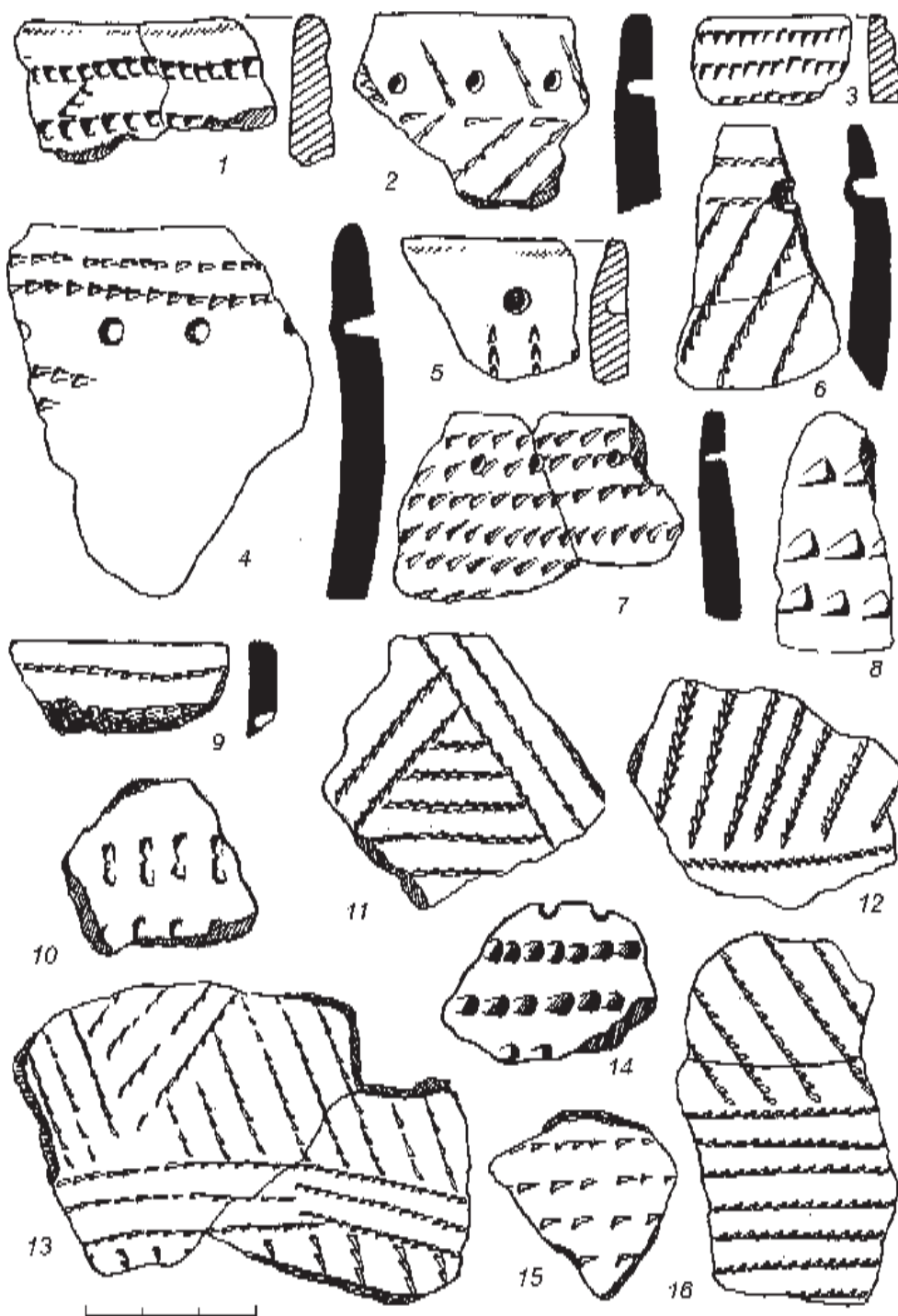

Рис.169. Керамика стоянки Озименки II.

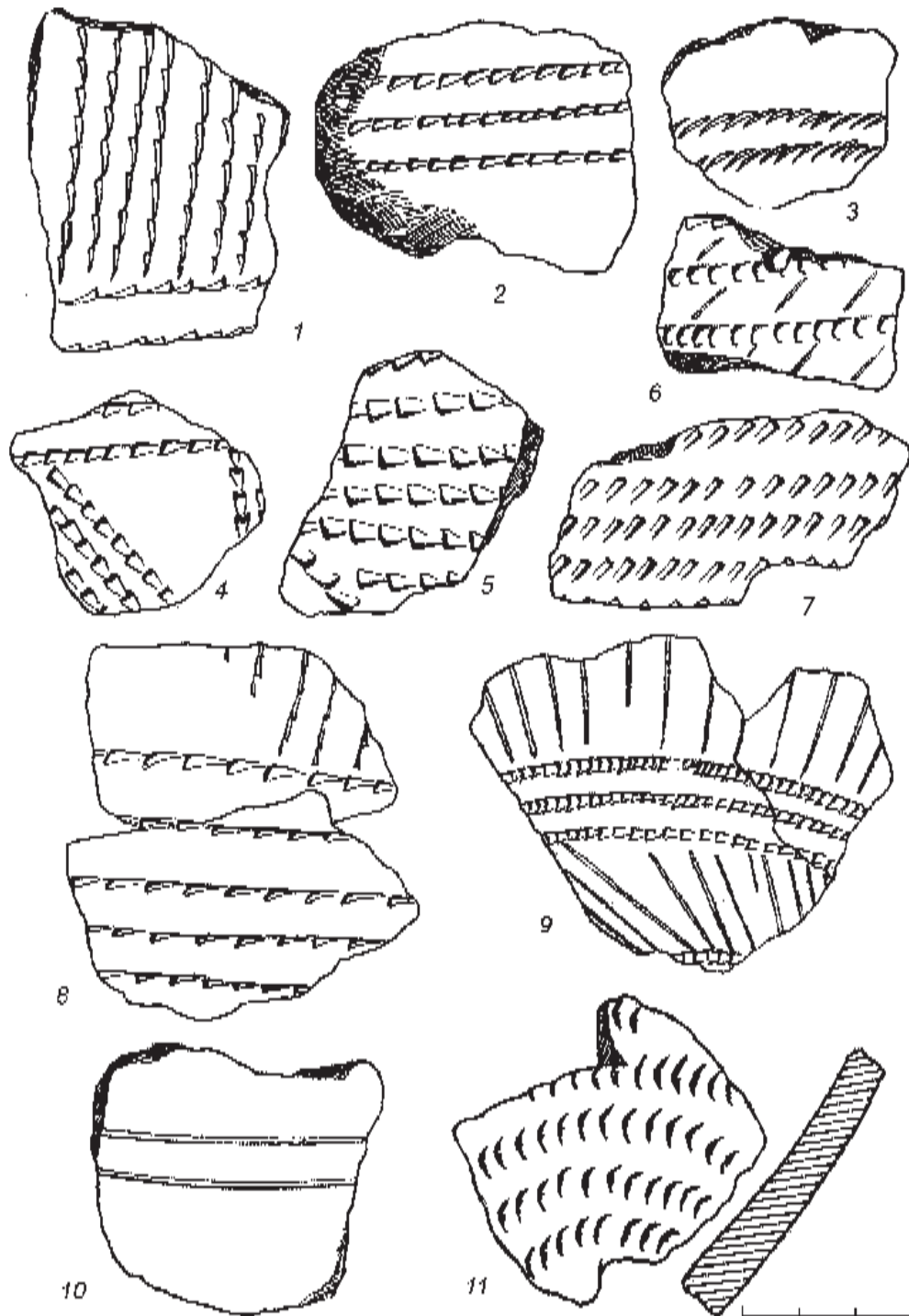

Рис.170. Керамика стоянки Озименки II.

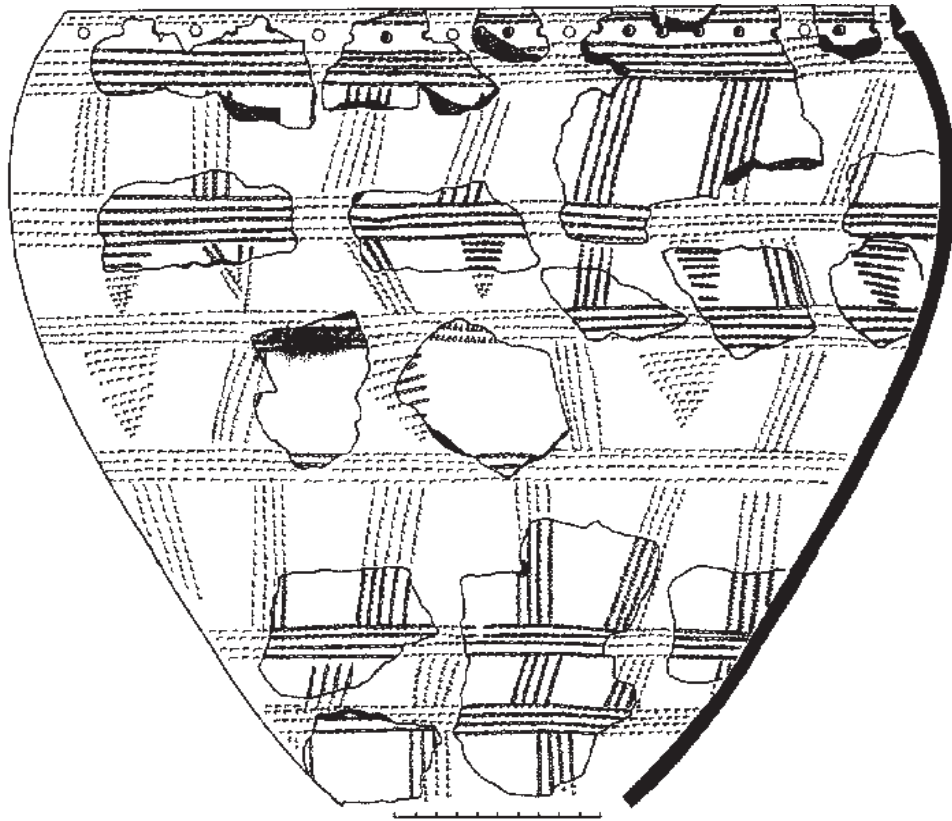

Рис.171. Керамика стоянки Озименки II.

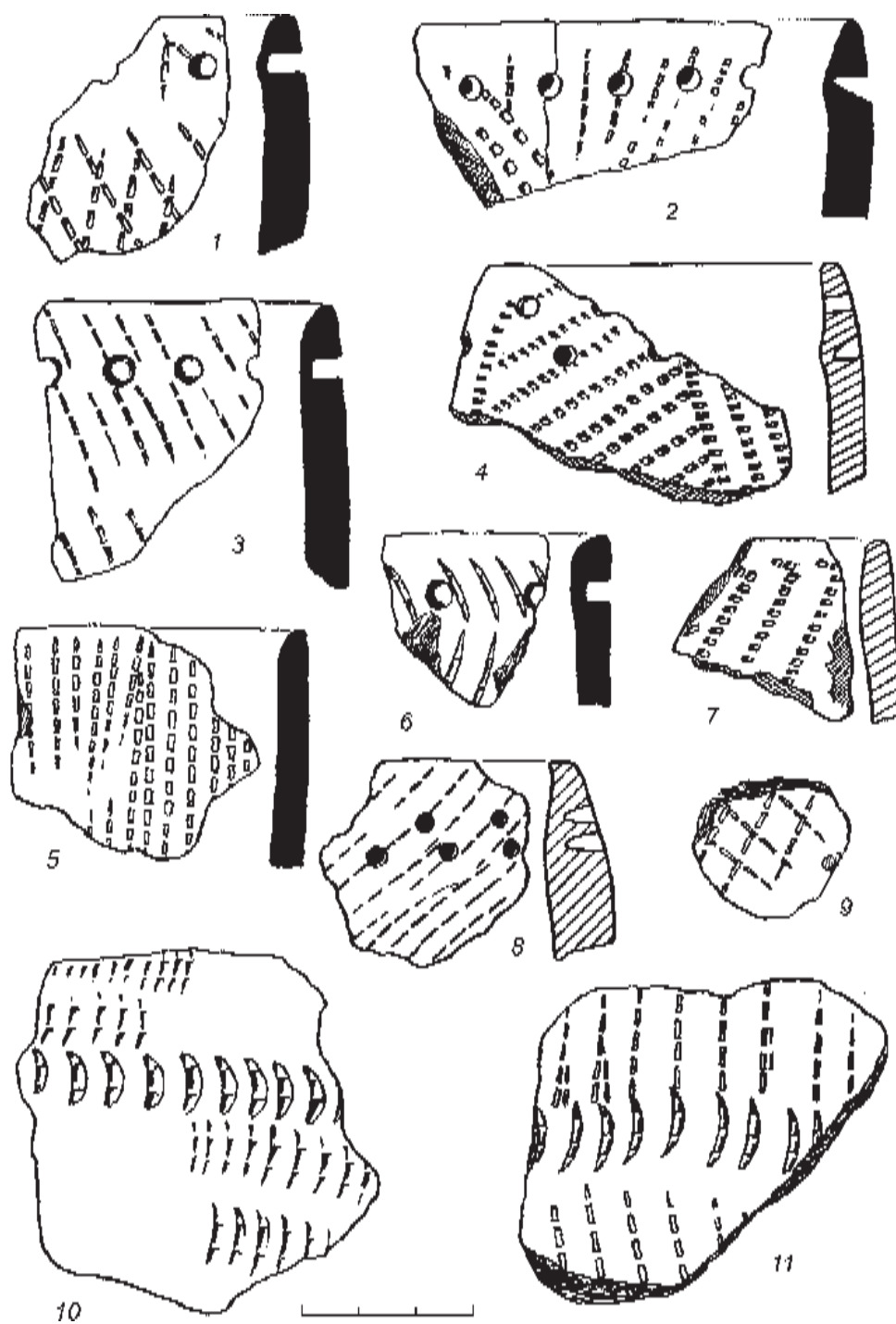

Рис.172. Керамика стоянки Озименки II.

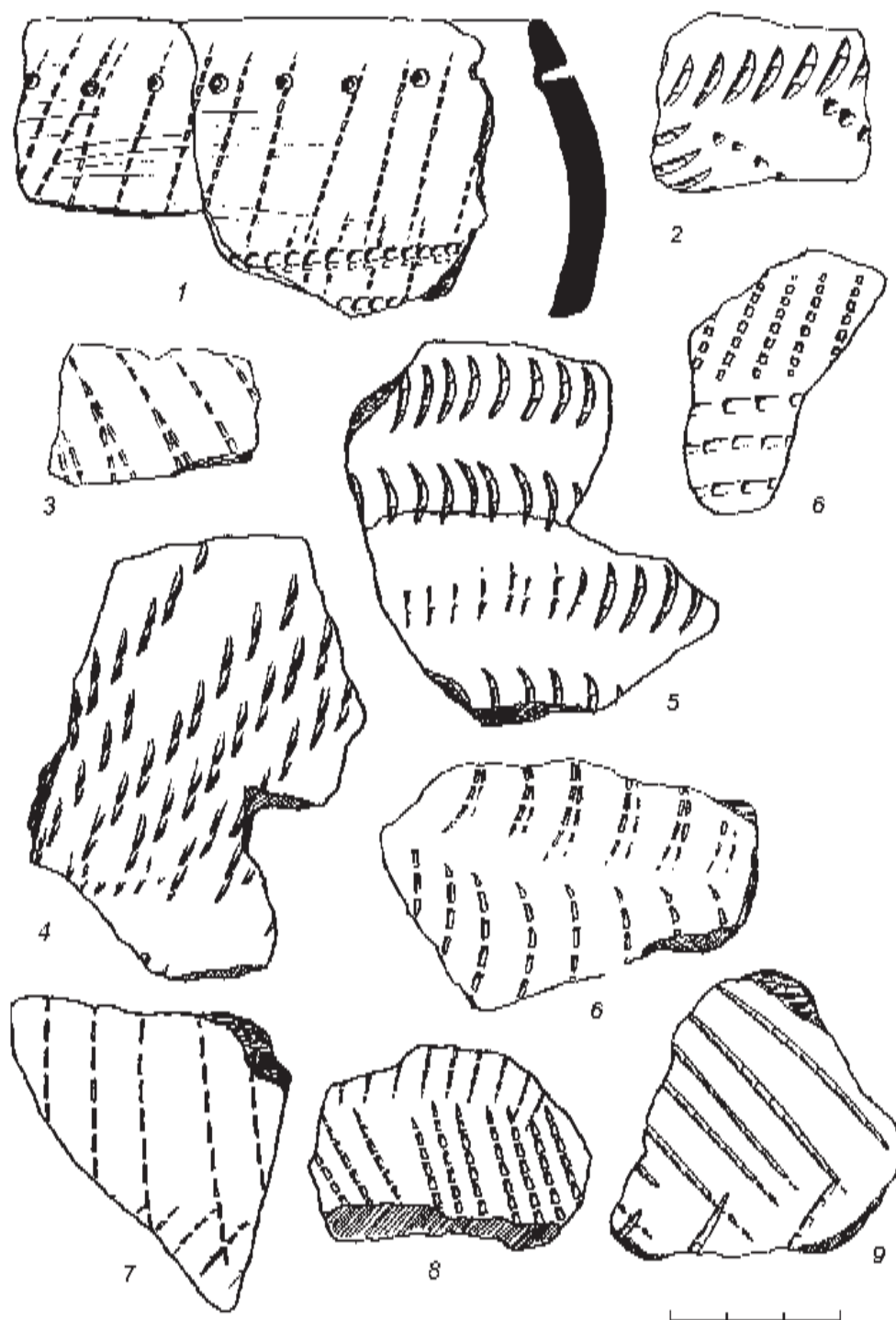

Рис.173. Керамика стоянки Озименки II.

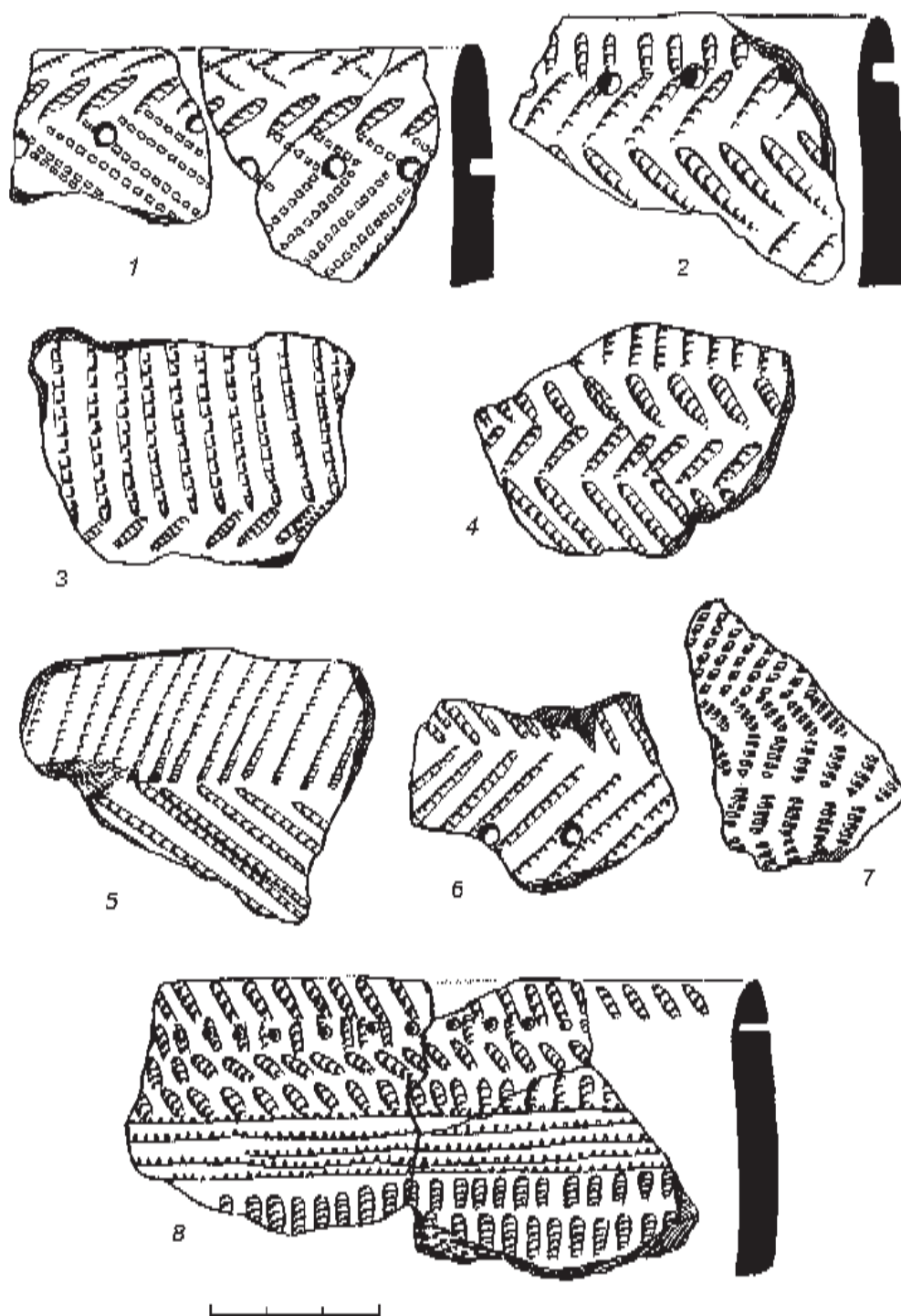

Рис.174. Керамика стоянки Озименки II.

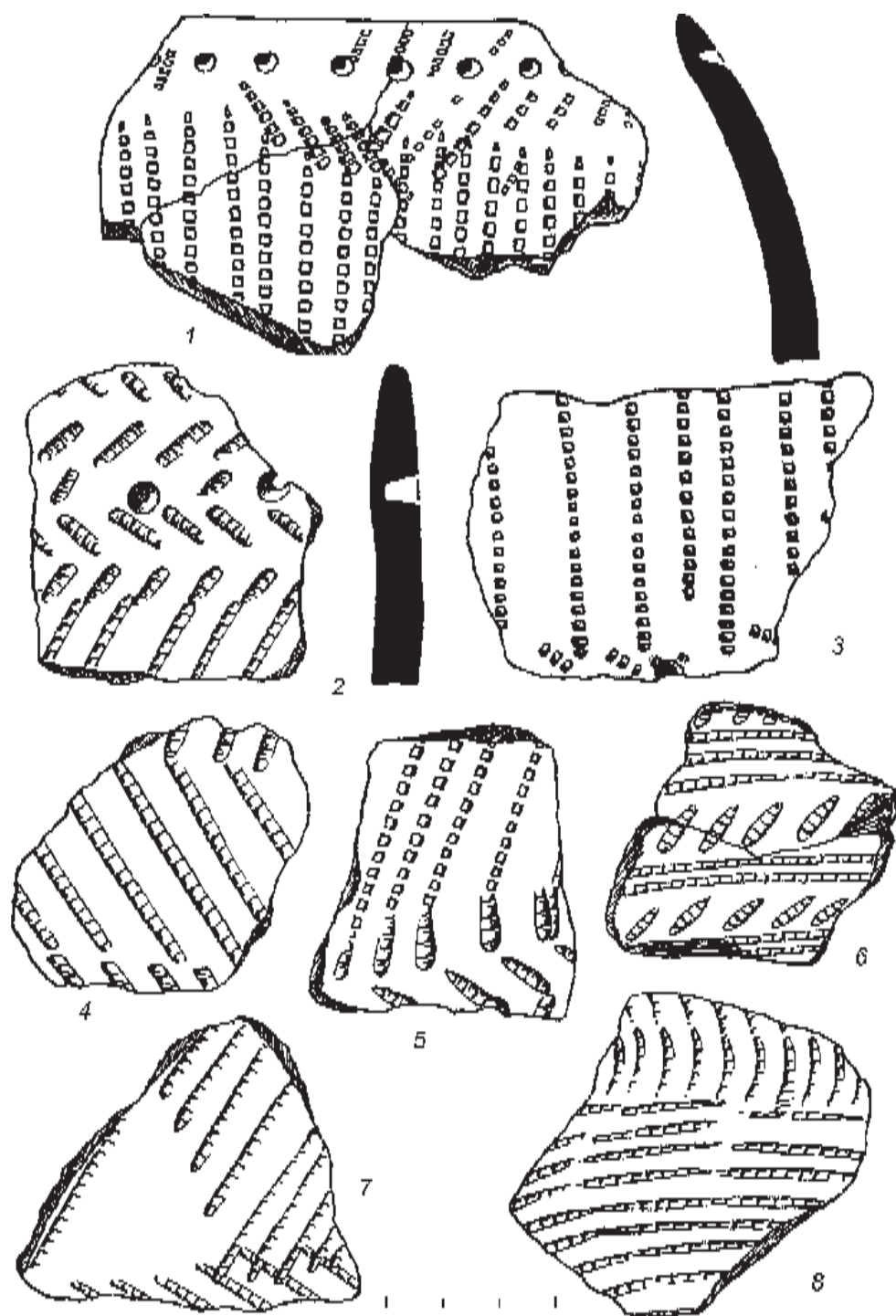

Рис.175. Керамика стоянки Озименки II.

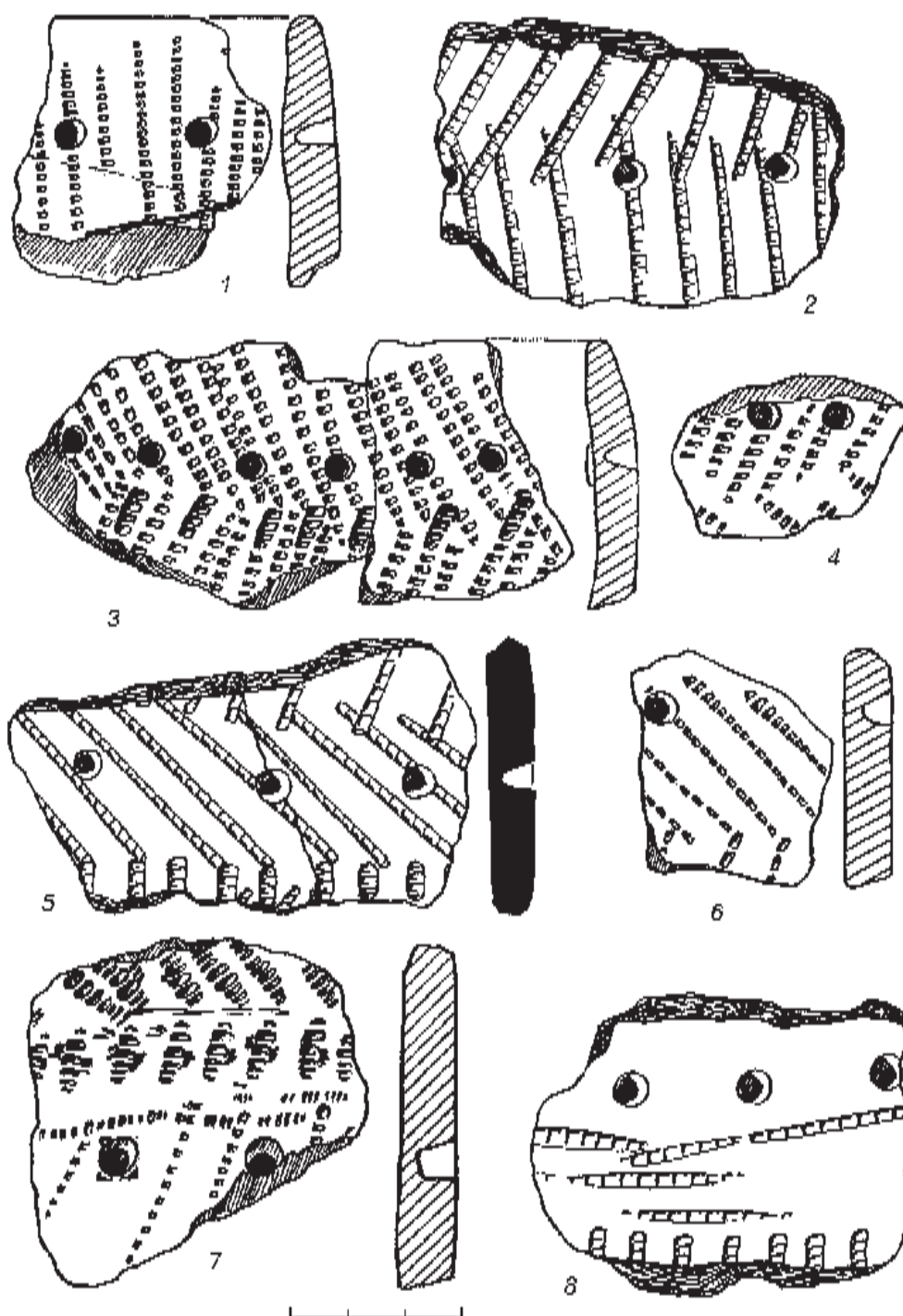

Рис.176. Керамика стоянки Озименки II.

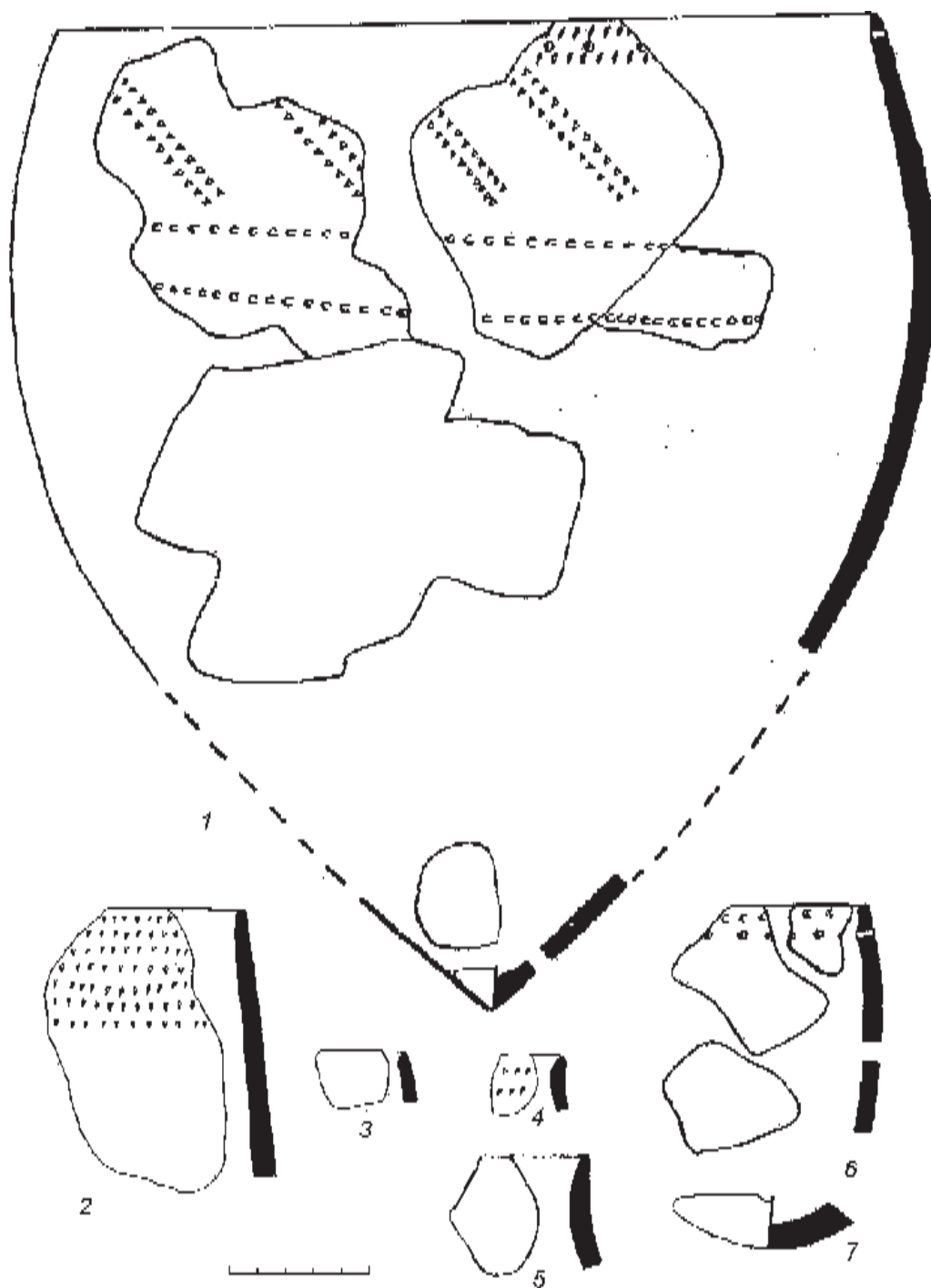

Рис.177. Керамика стоянки Ковыляй I (по В.В.Ставицкому).

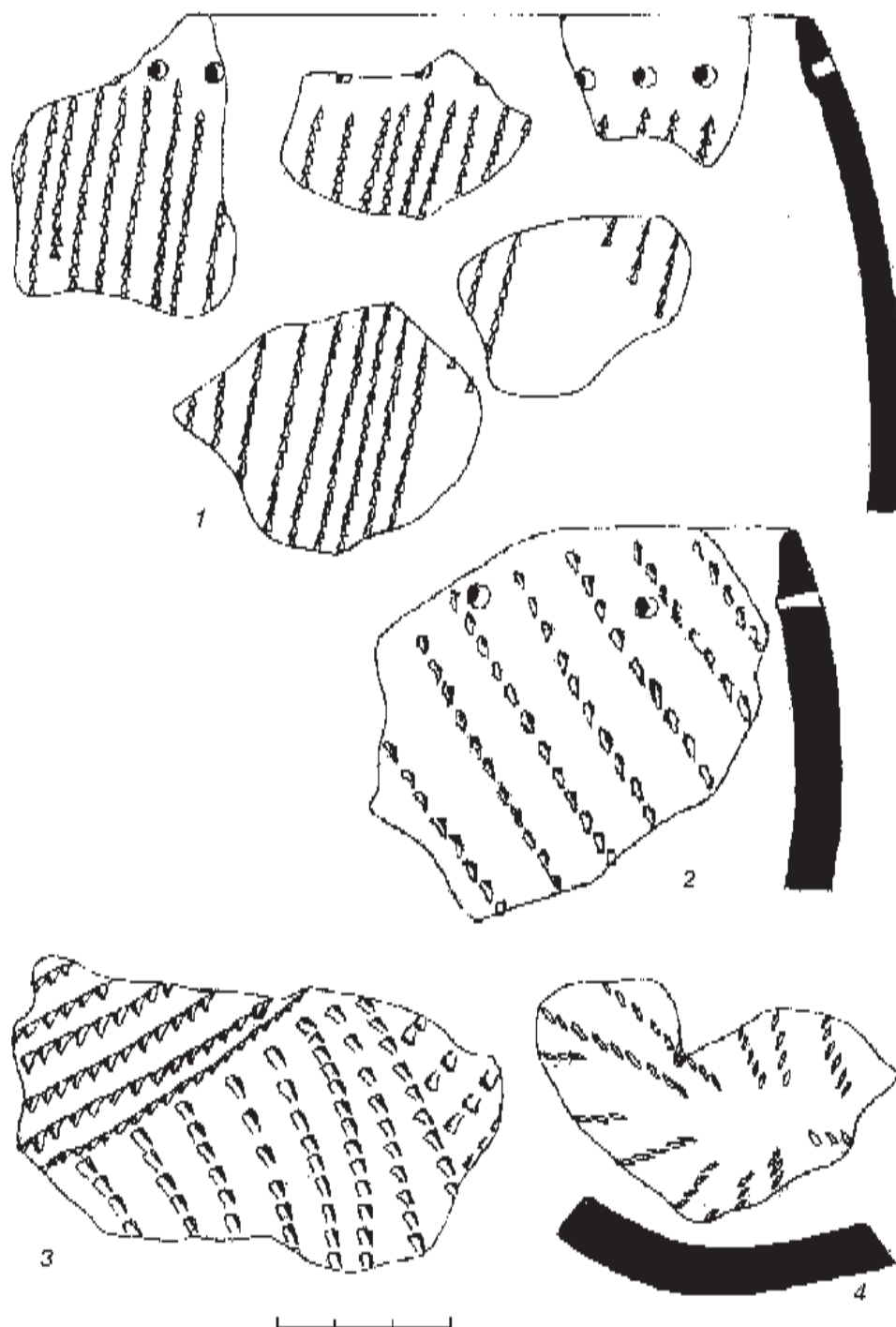

Рис.178. Керамика стоянки Ковыляй I.

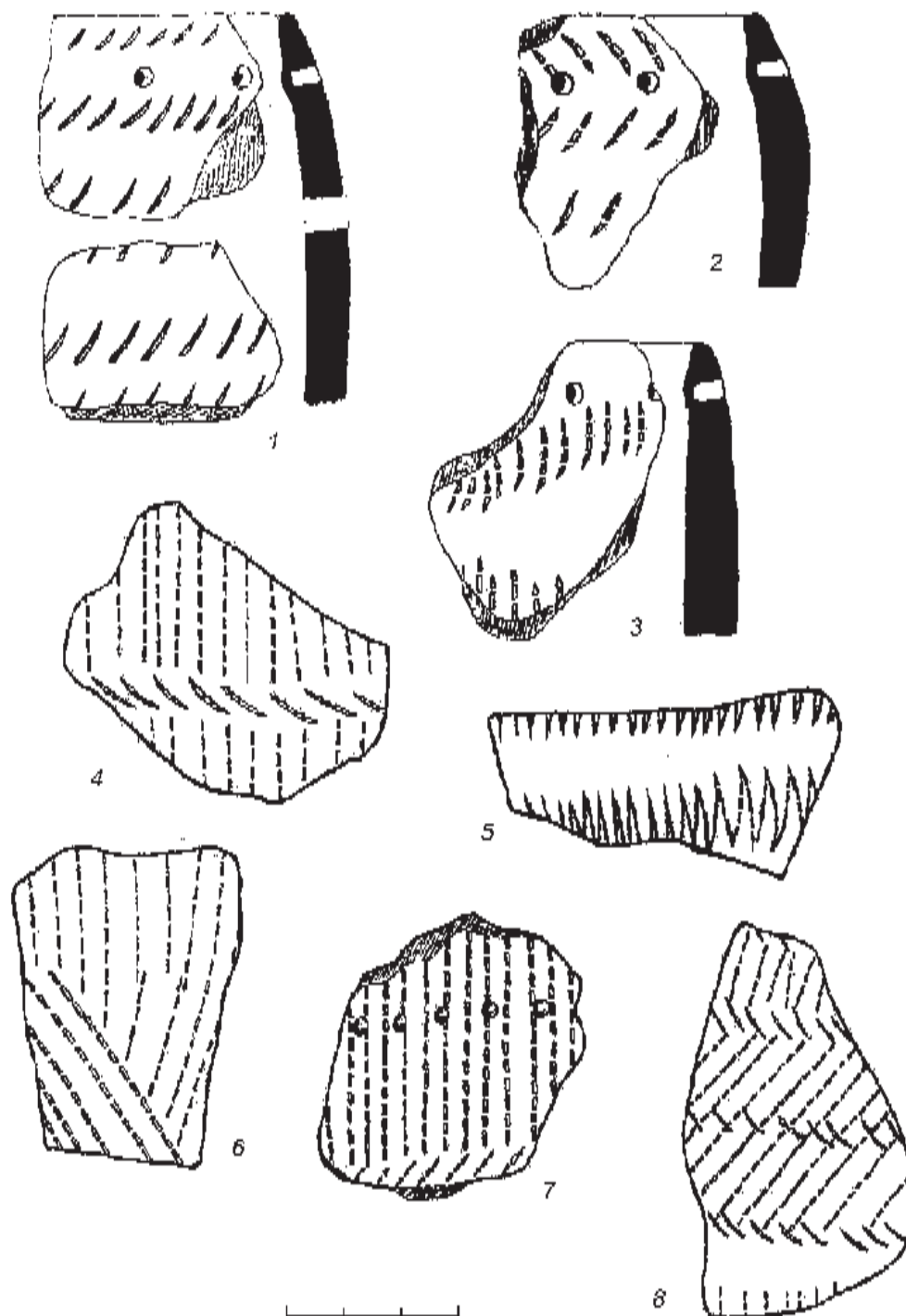

Рис.179. Керамика стоянки Ковыляй I.

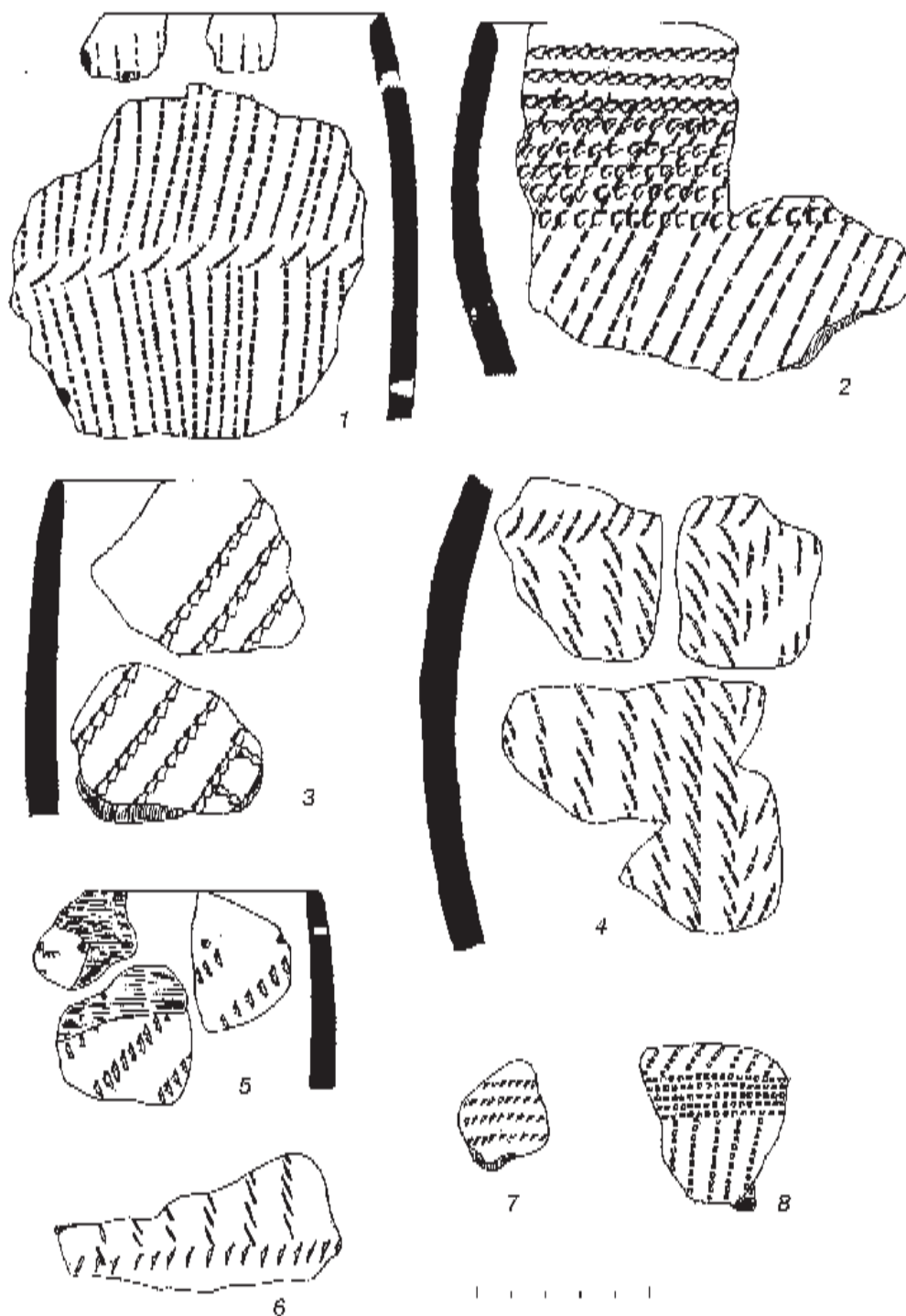

Рис.180. Керамика стоянки Ширмасово II.

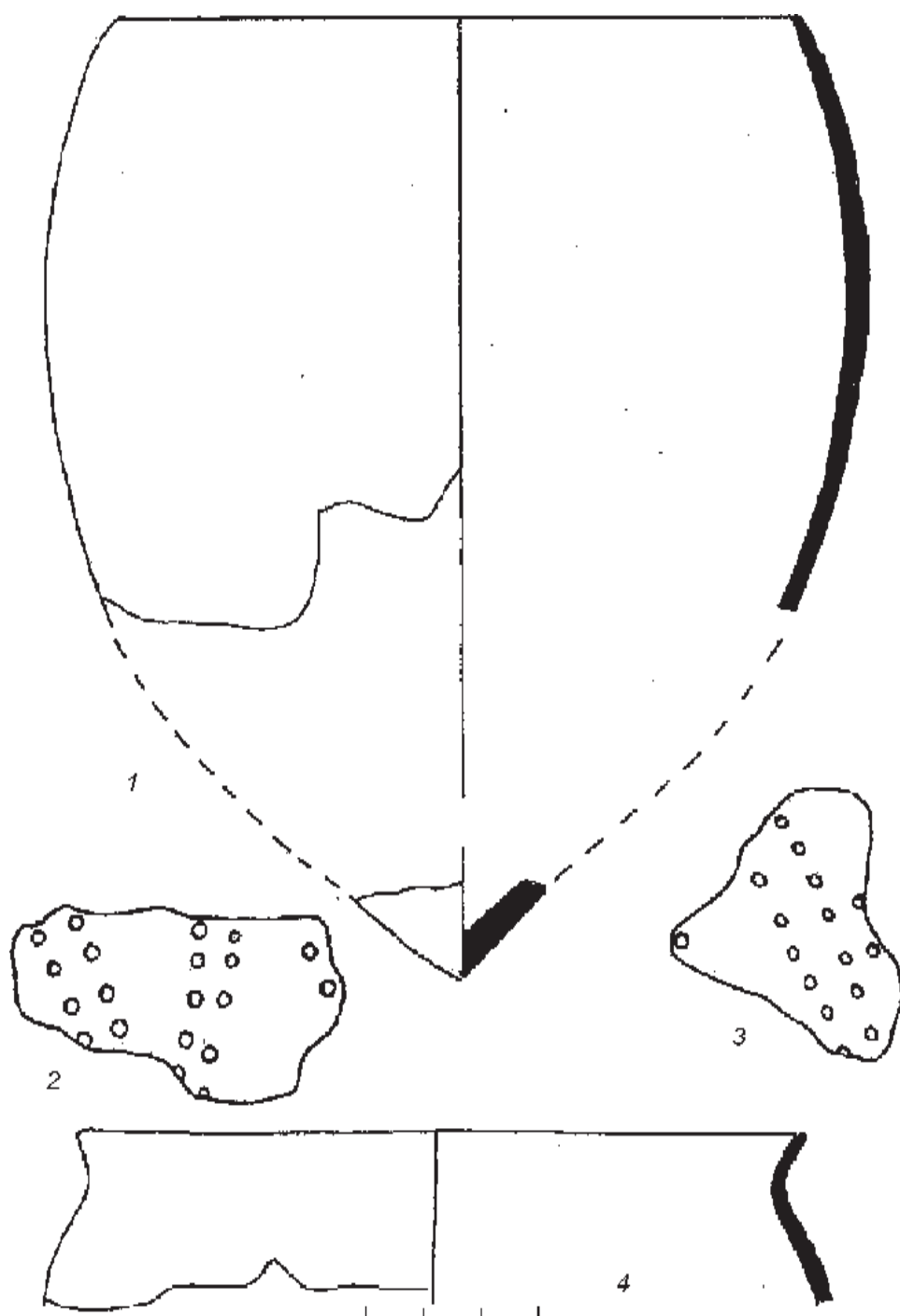

Рис.181. Керамика стоянки Имерка VII.

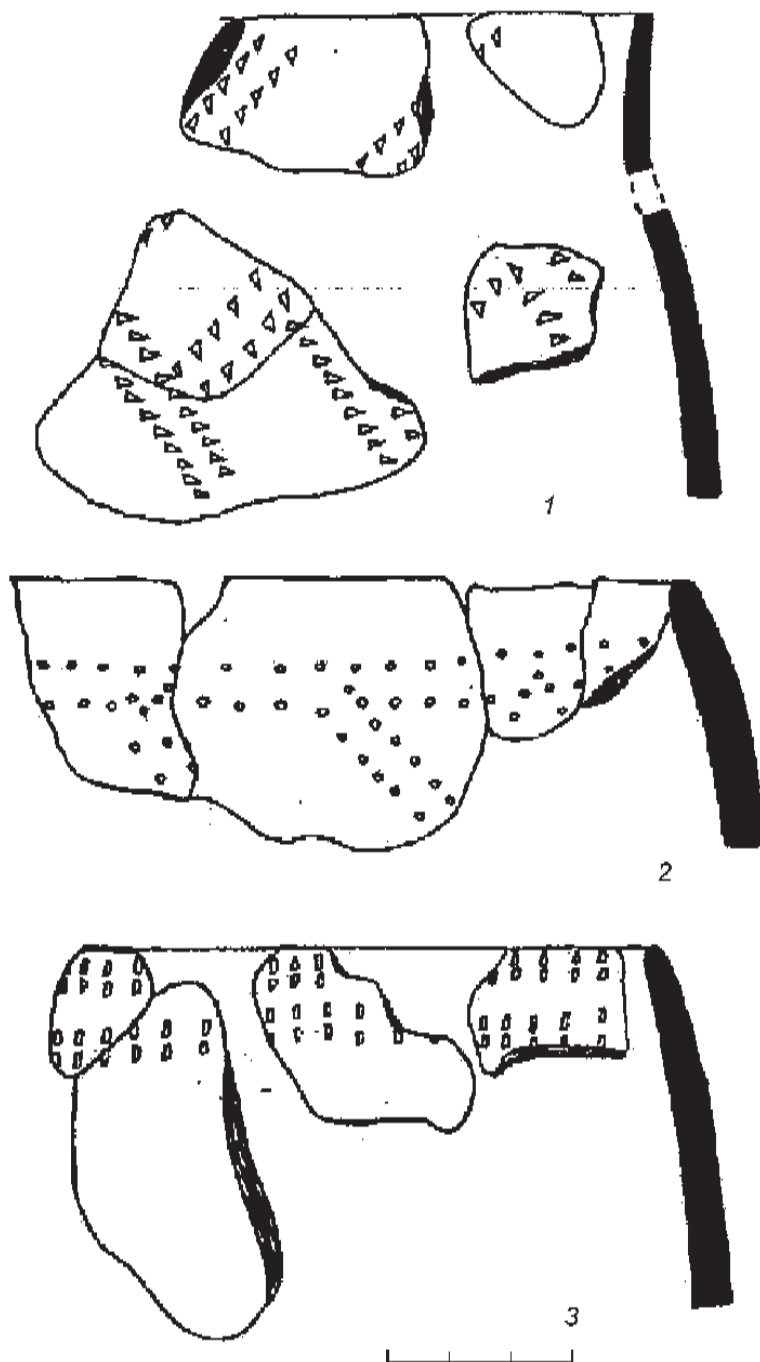

Рис.182. Керамика стоянки Имерка VII.

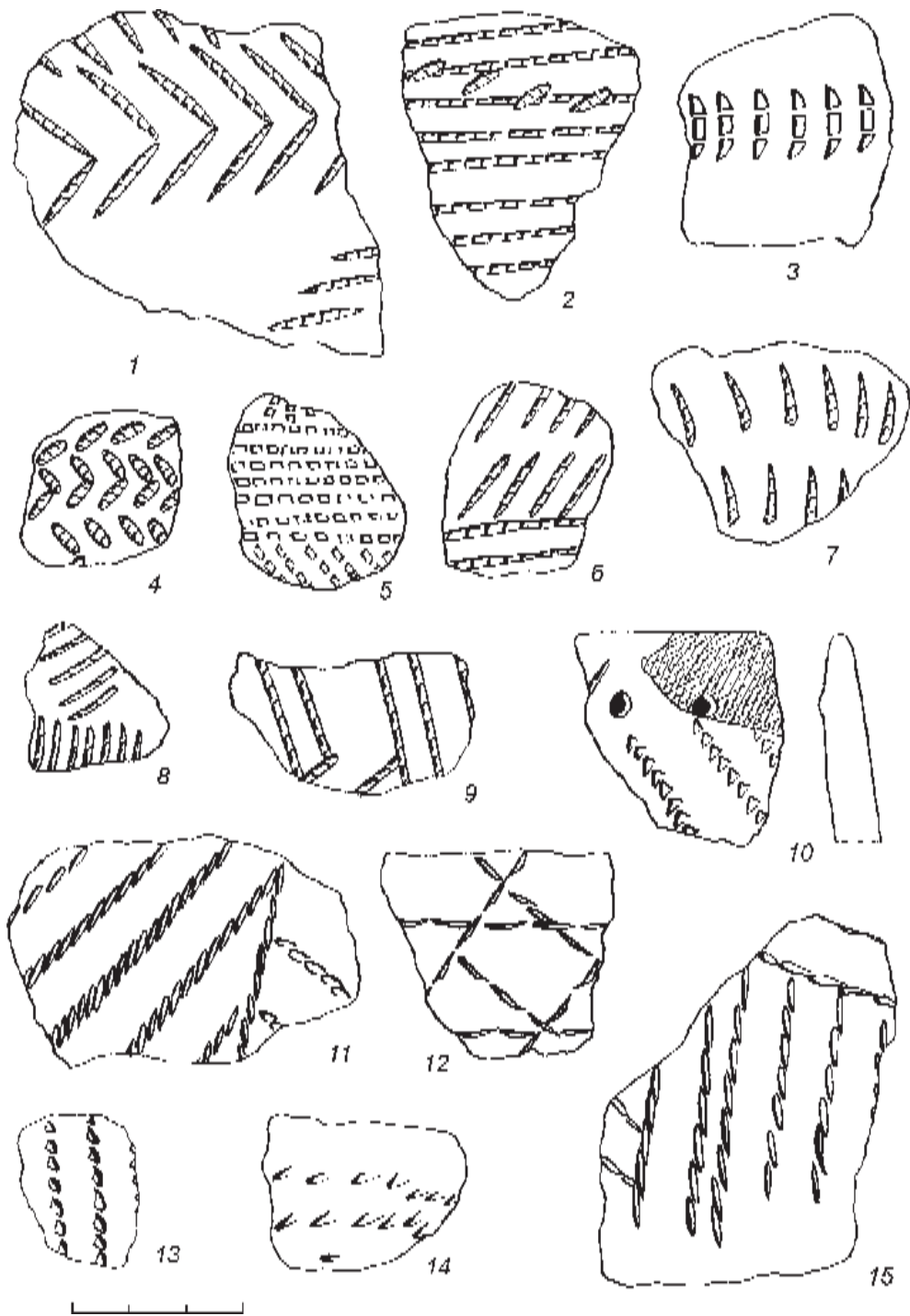

Рис.183. Керамика стоянки Имерка VII.

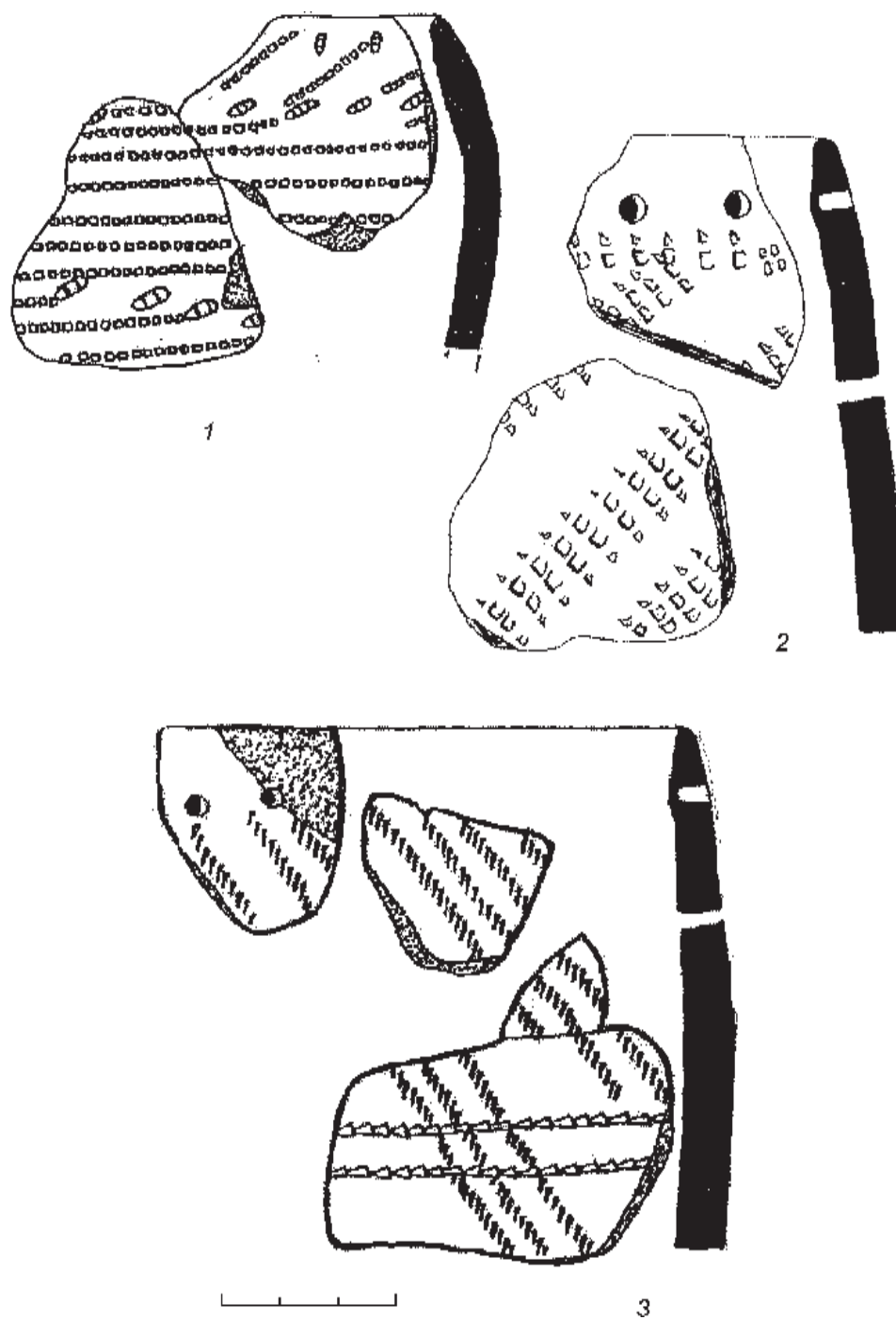

Рис.184. Керамика стоянки Имерка VII.

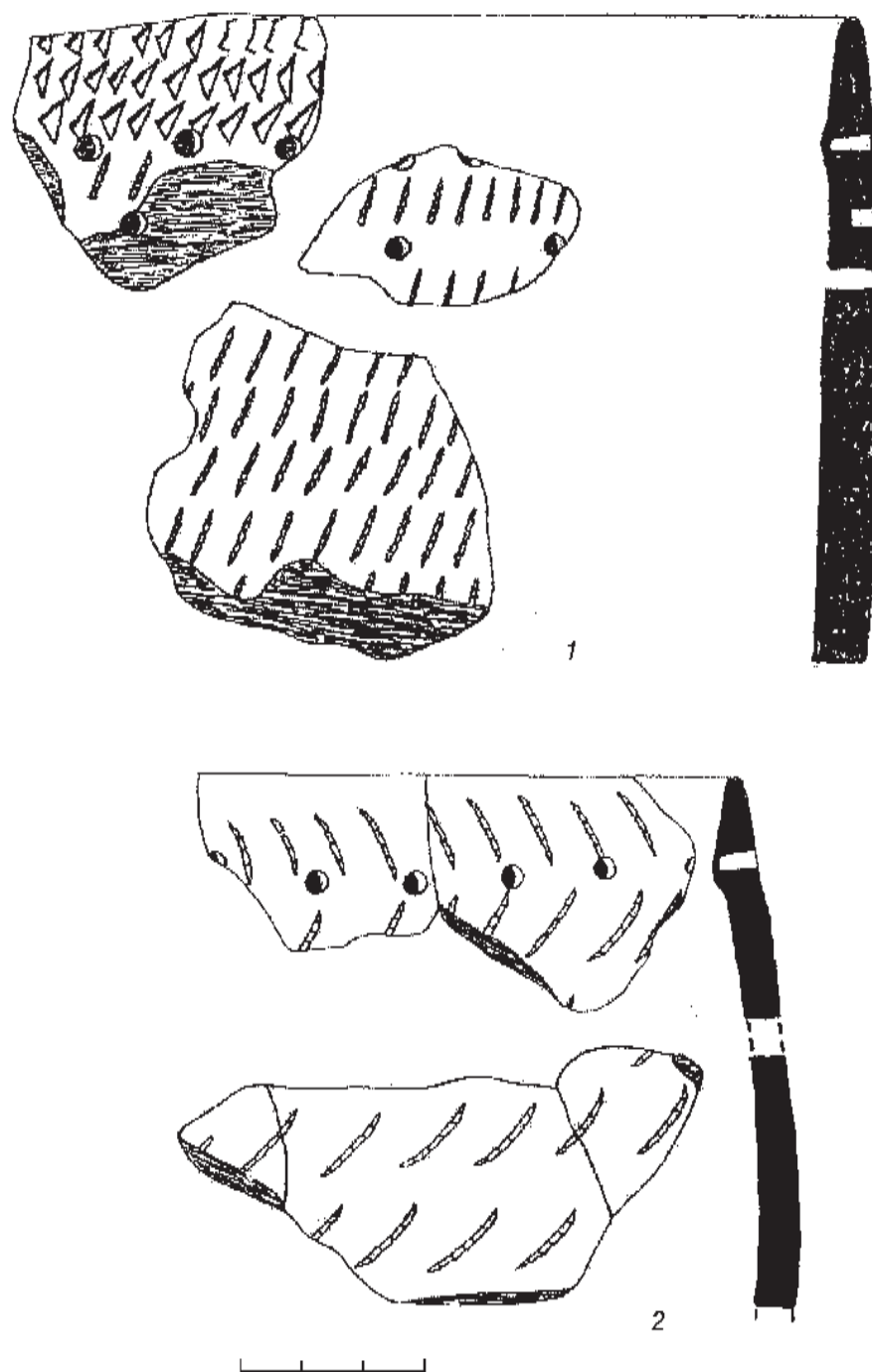

Рис.185. Керамика стоянки Имерка VII.

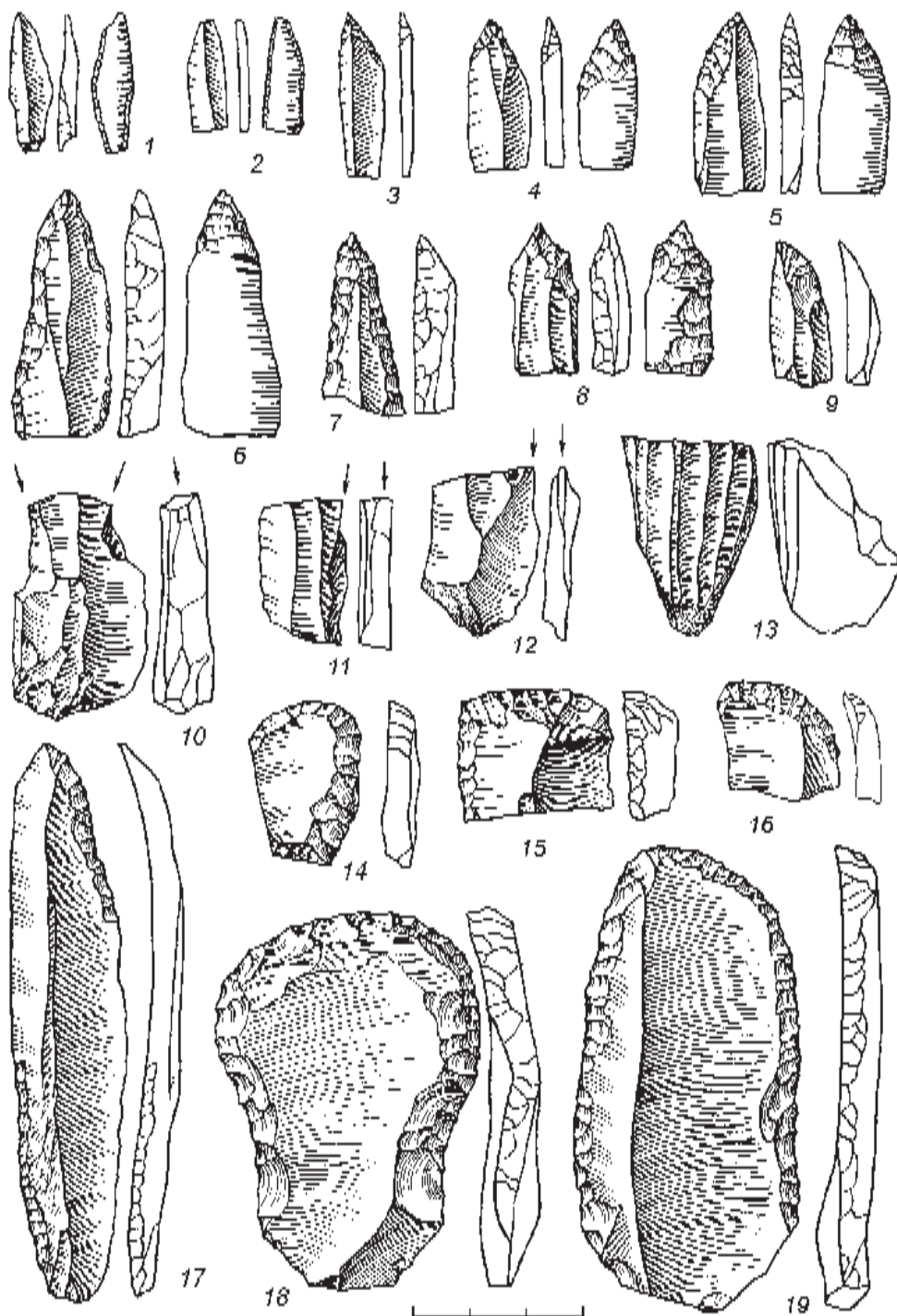

Рис.186. Кремневый инвентарь стоянки Имерка VII.

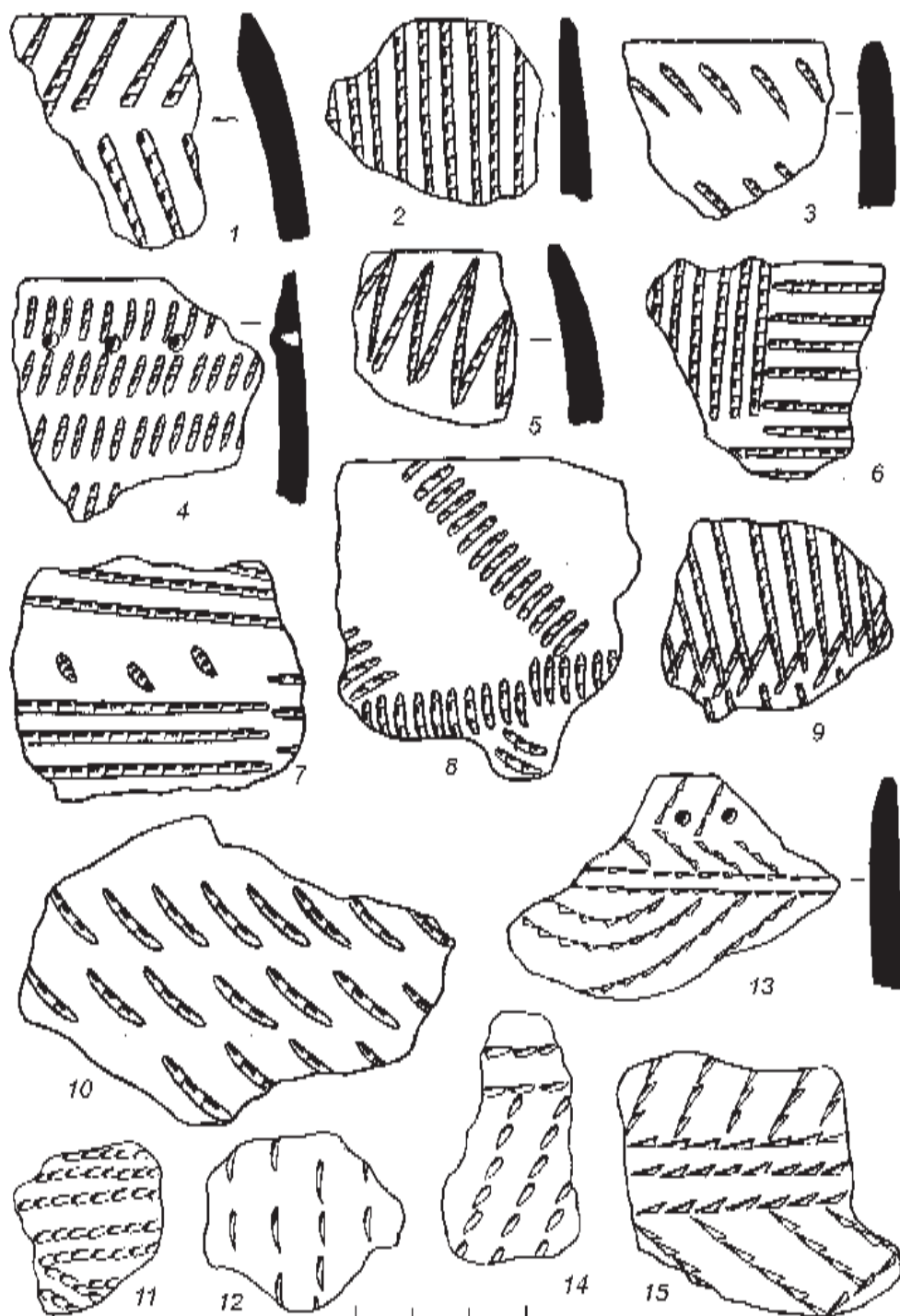

Рис.187. Керамика стоянки Имерка Ia.

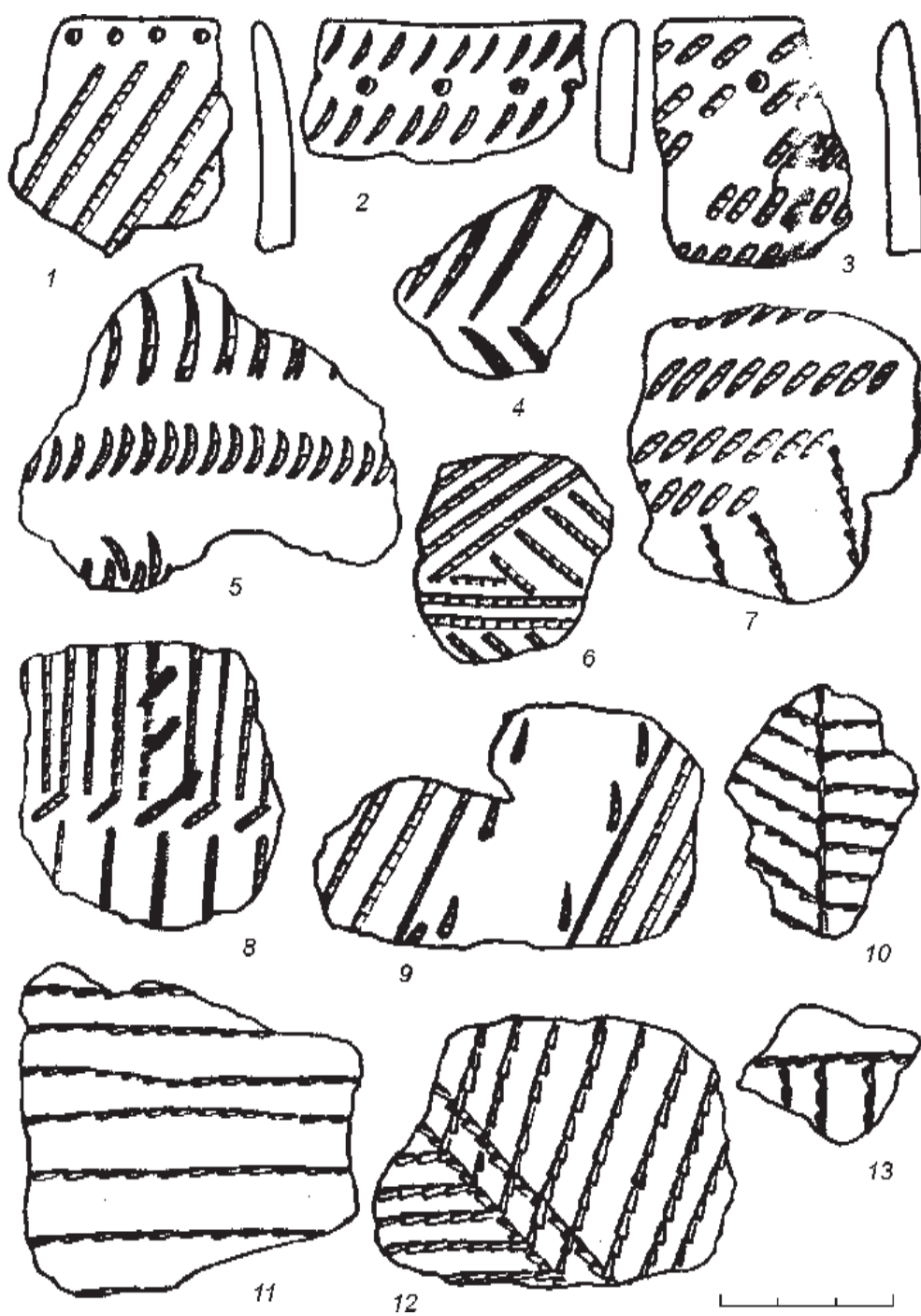

Рис.188. Керамика стоянки Имерка IV.

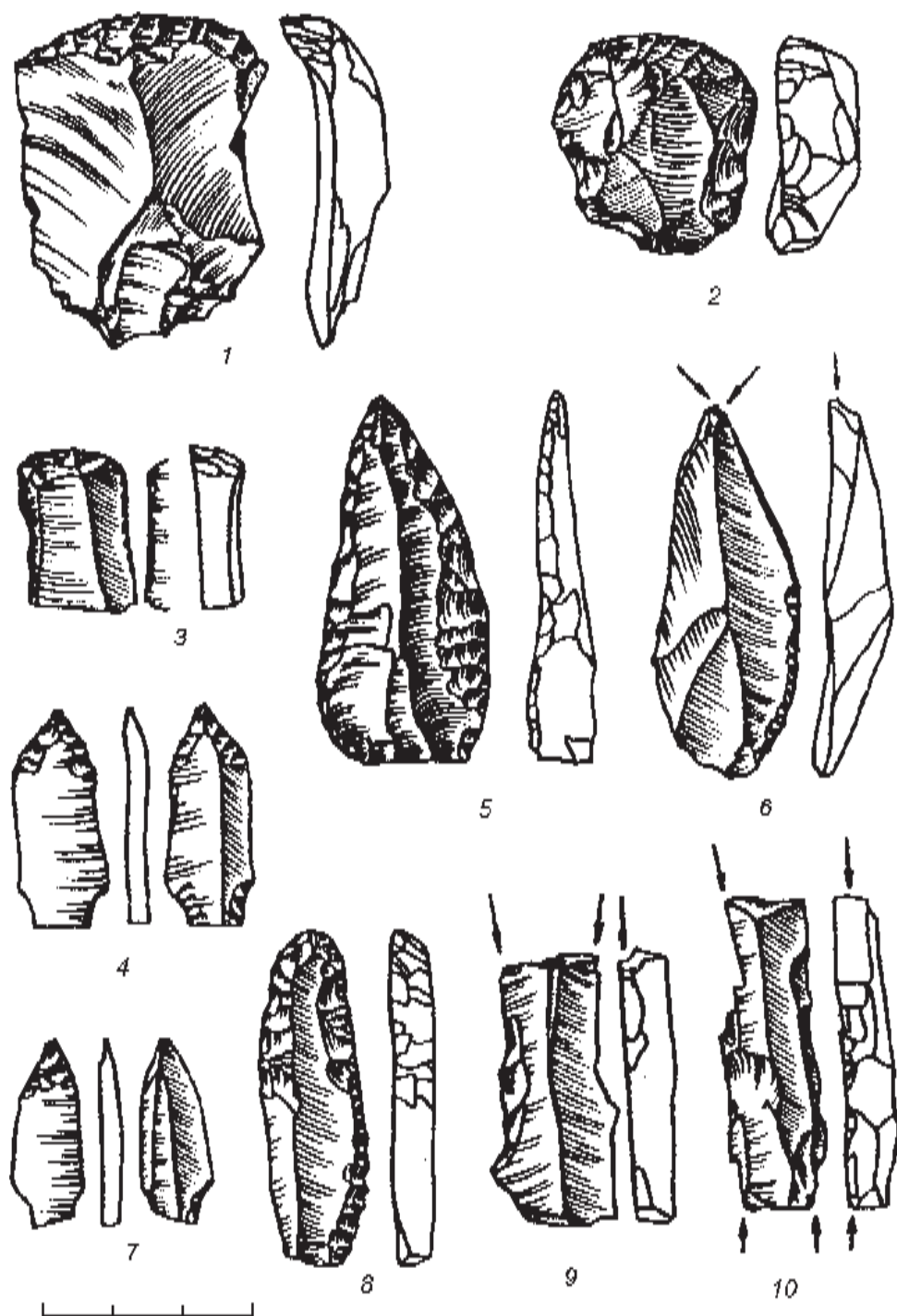

Рис.189. Кремневый инвентарь стоянки Имерка IV.

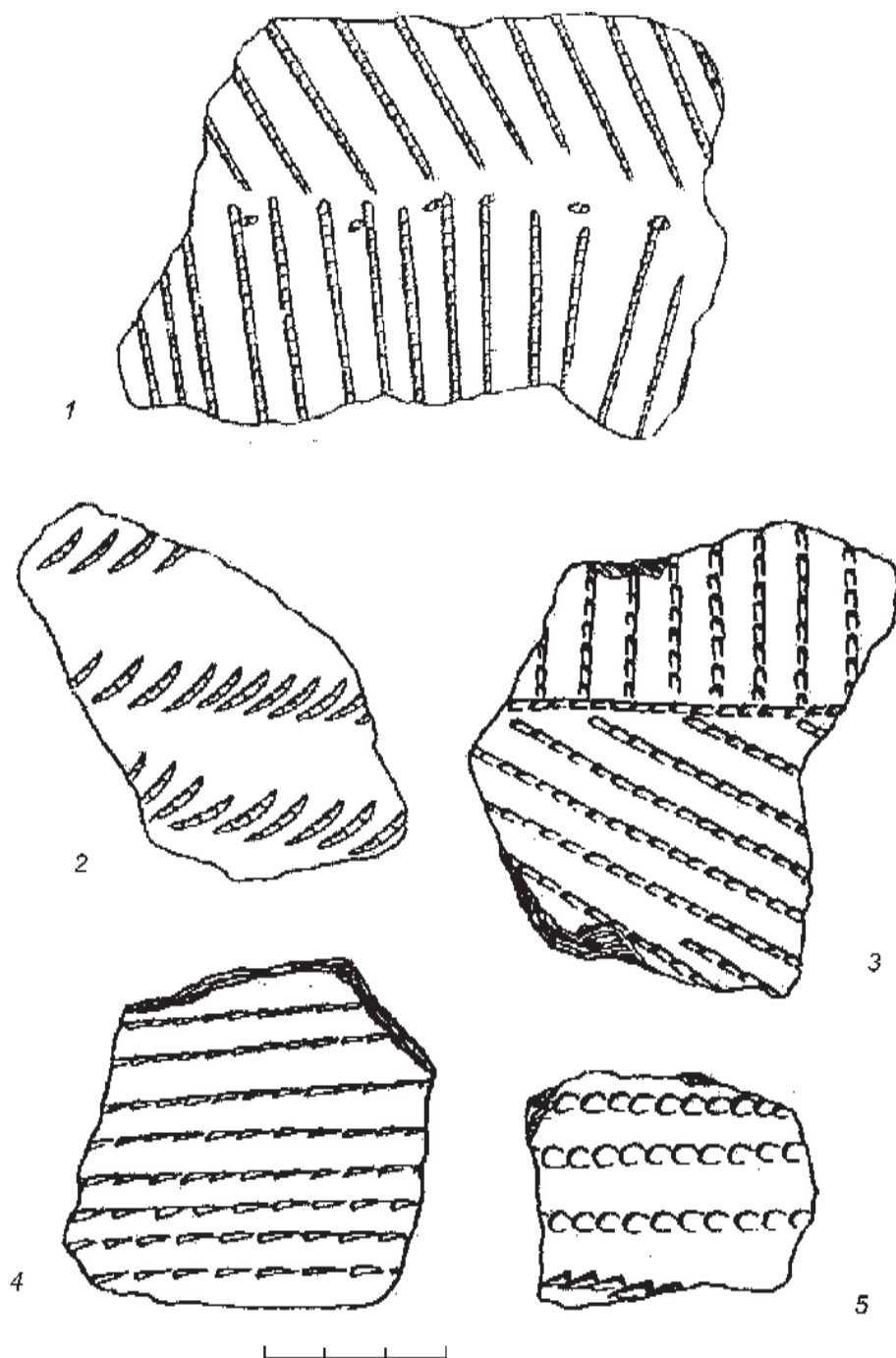

Рис.190. Керамика стоянки Имерка VIII.

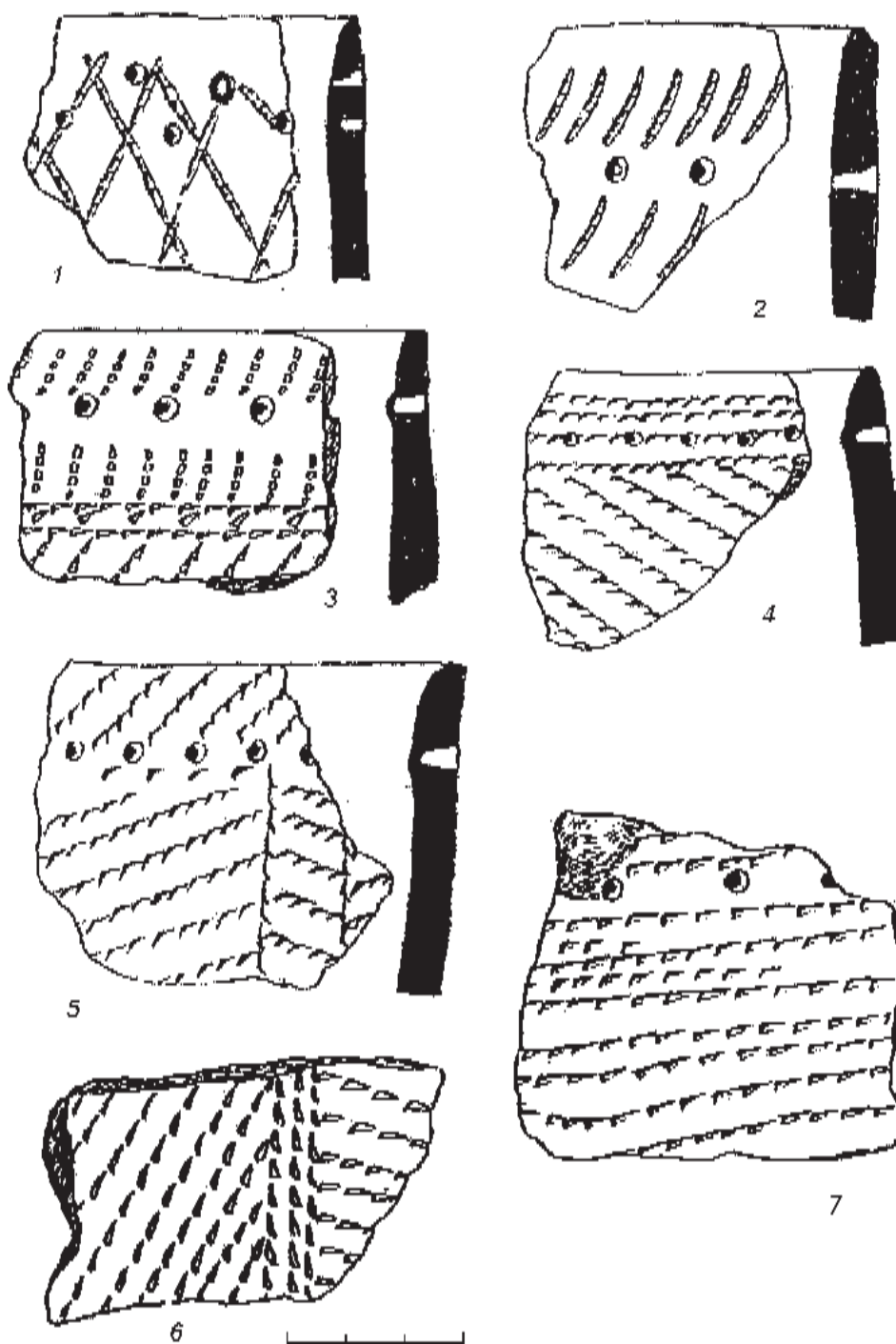

Рис.191. Керамика стоянки Имерка VIII.

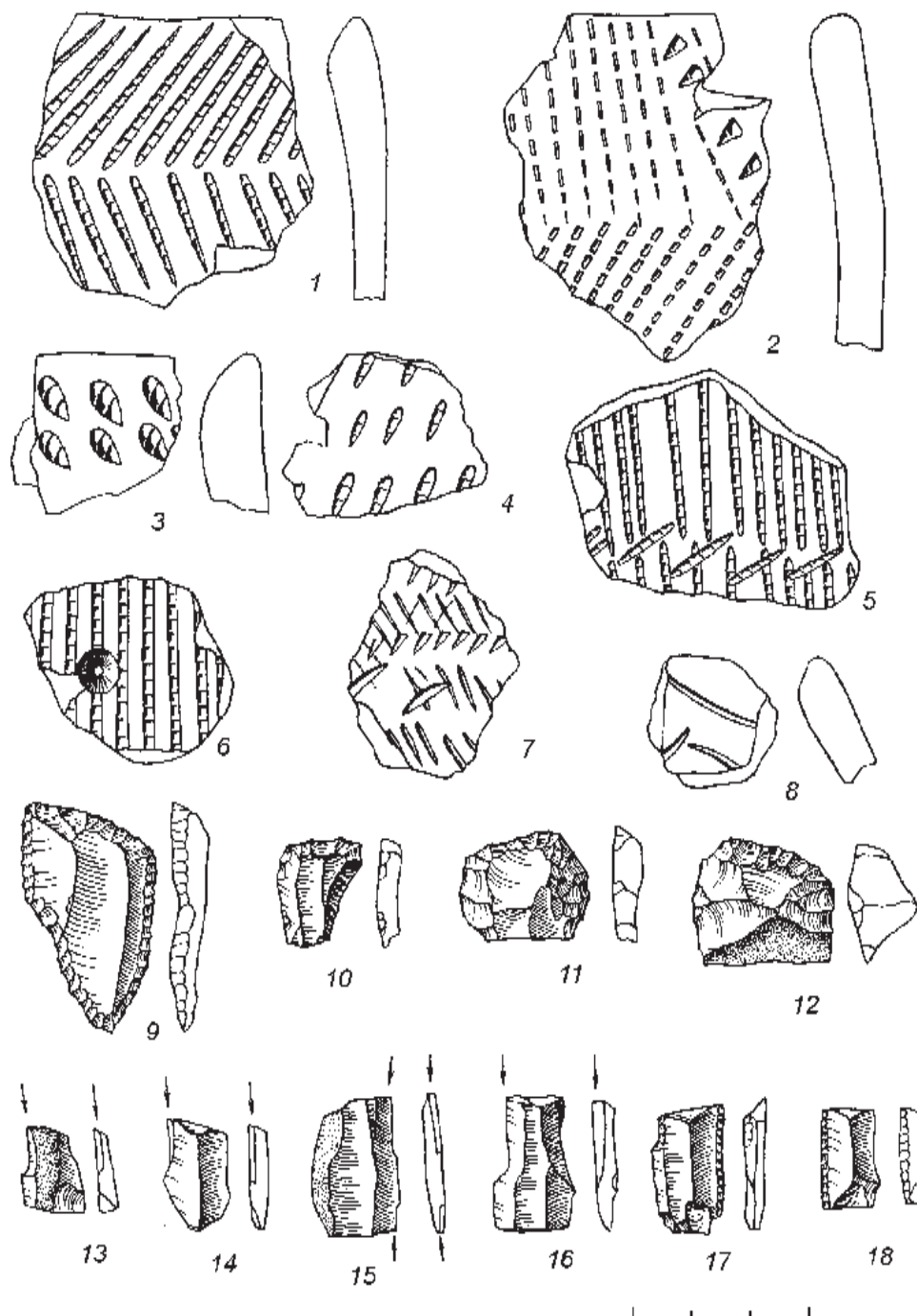

Рис.192. Инвентарь стоянки Зиарат.

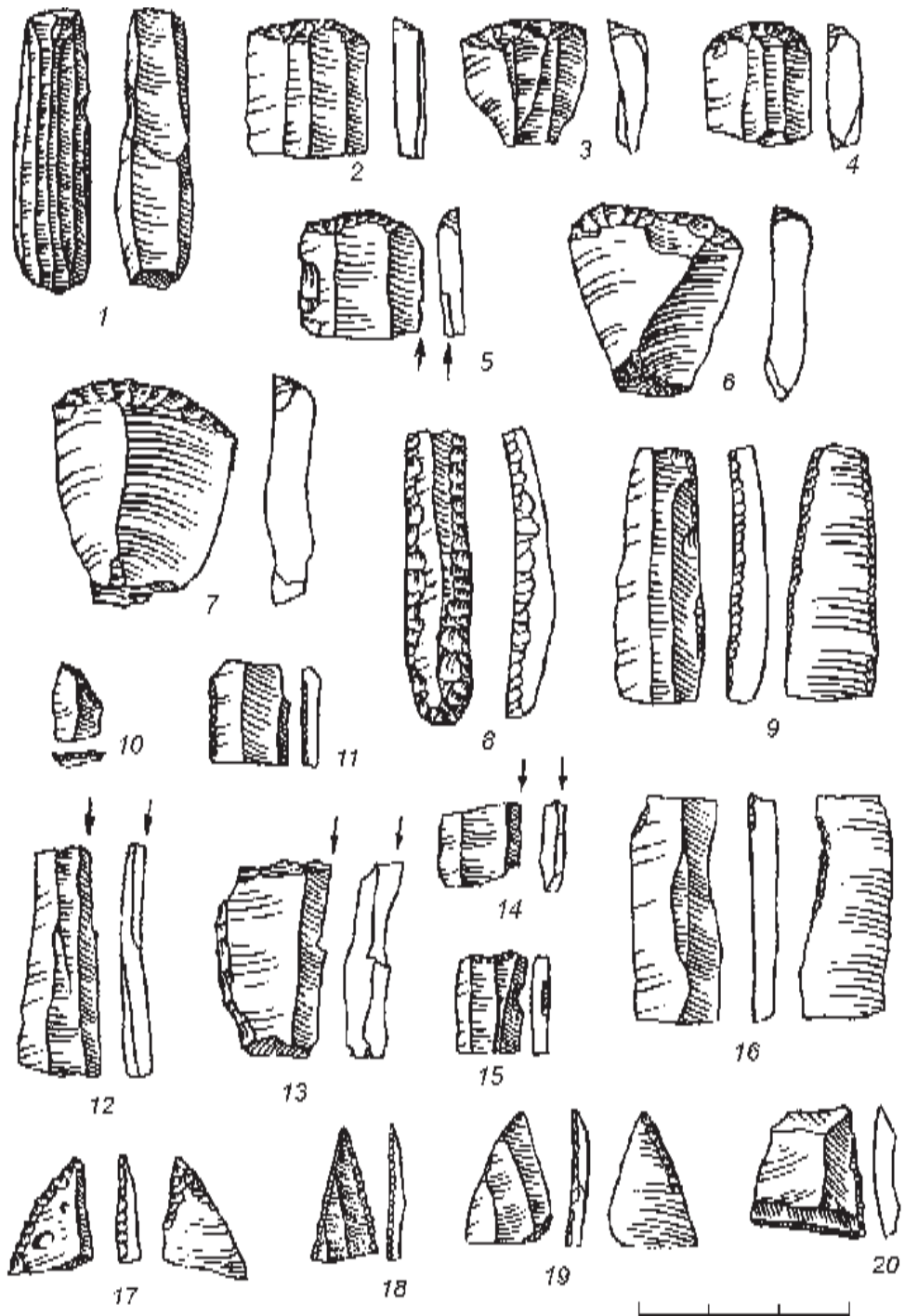

Рис.193. Инвентарь стоянки Зиарат I.

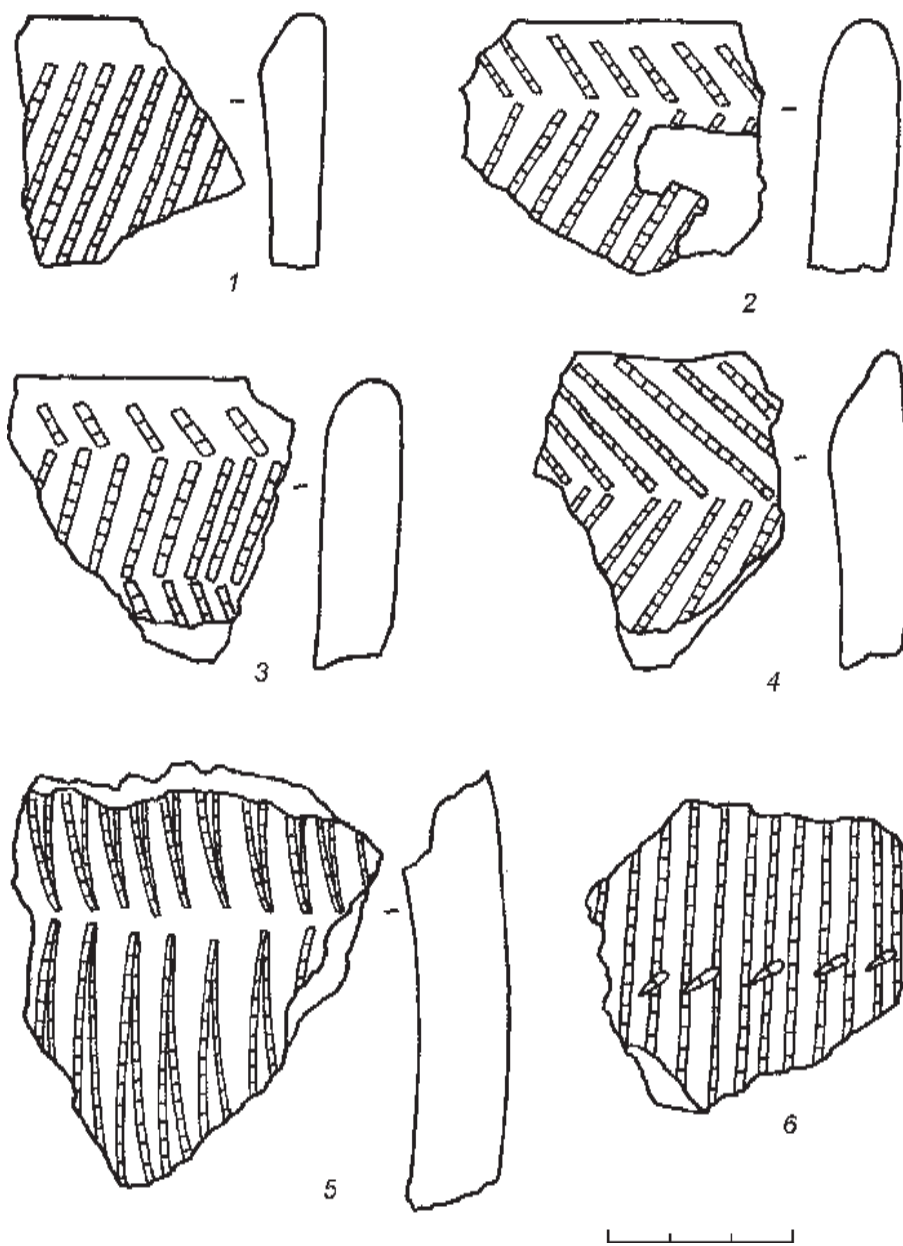

Рис.194. Керамика стоянки Старая Мушта (по Г.Н.Матюшину).

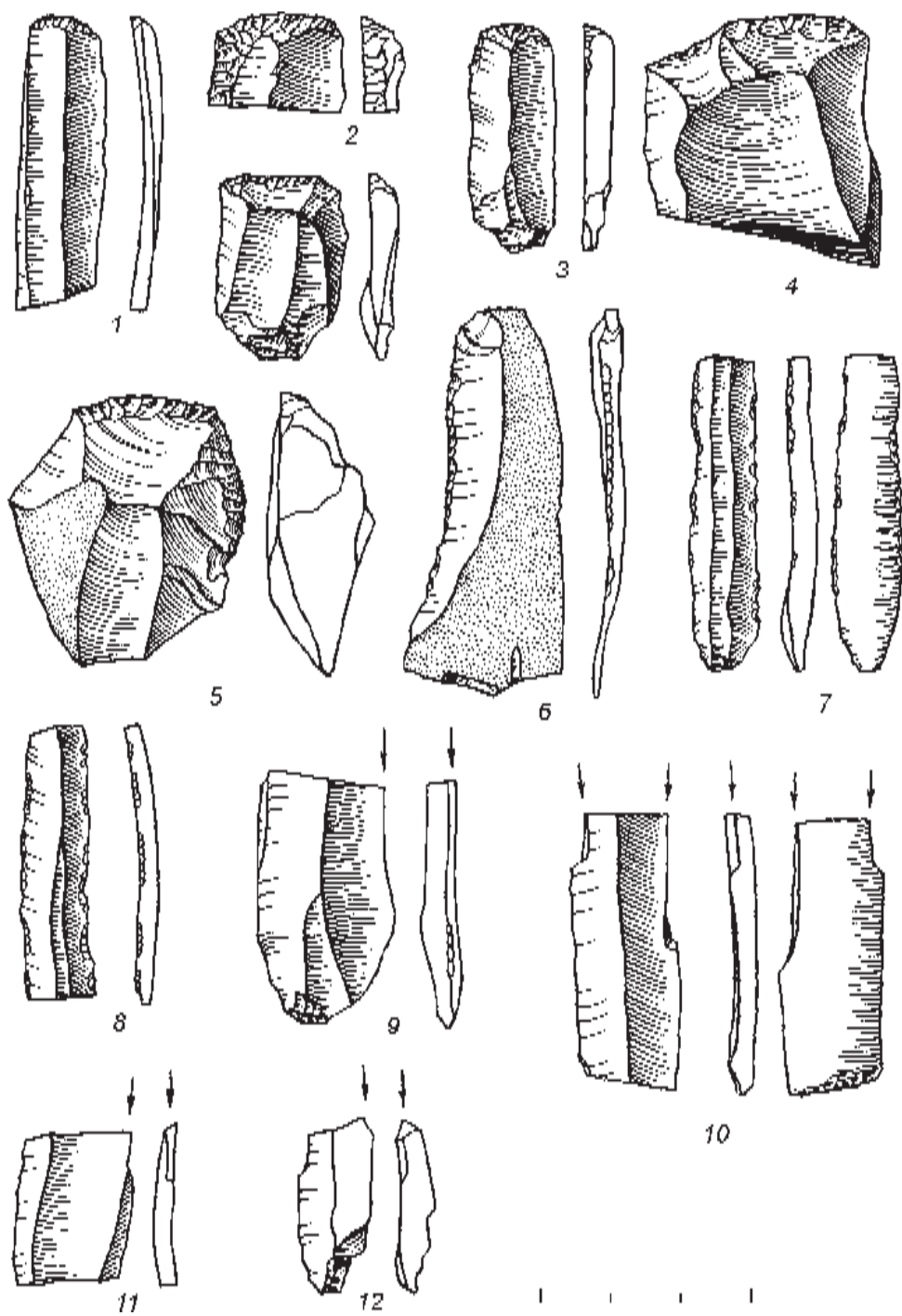

Рис.195. Кремневый инвентарь стоянки Старая Мушта.

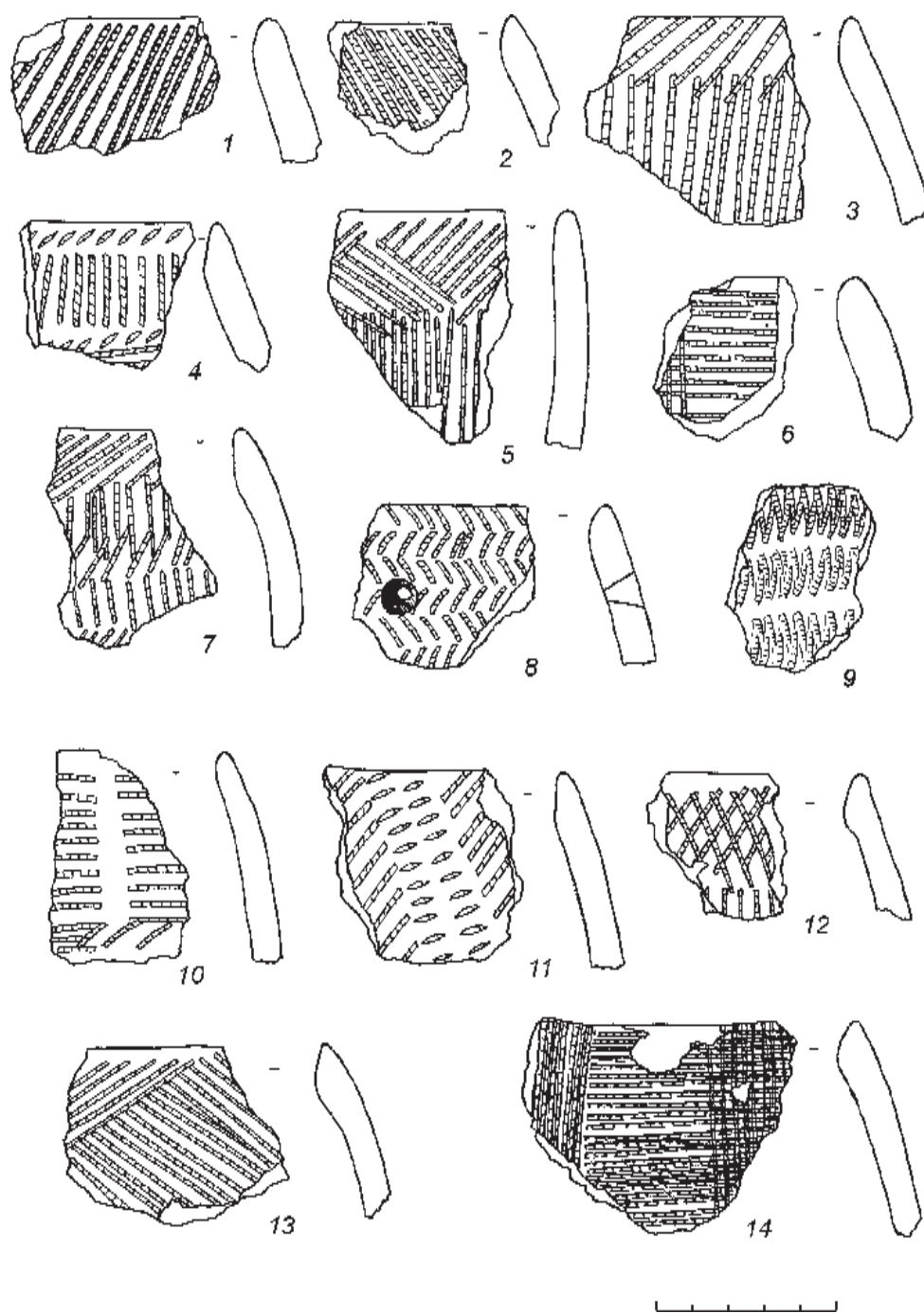

Рис.196. Керамика стоянки Кюнь II.

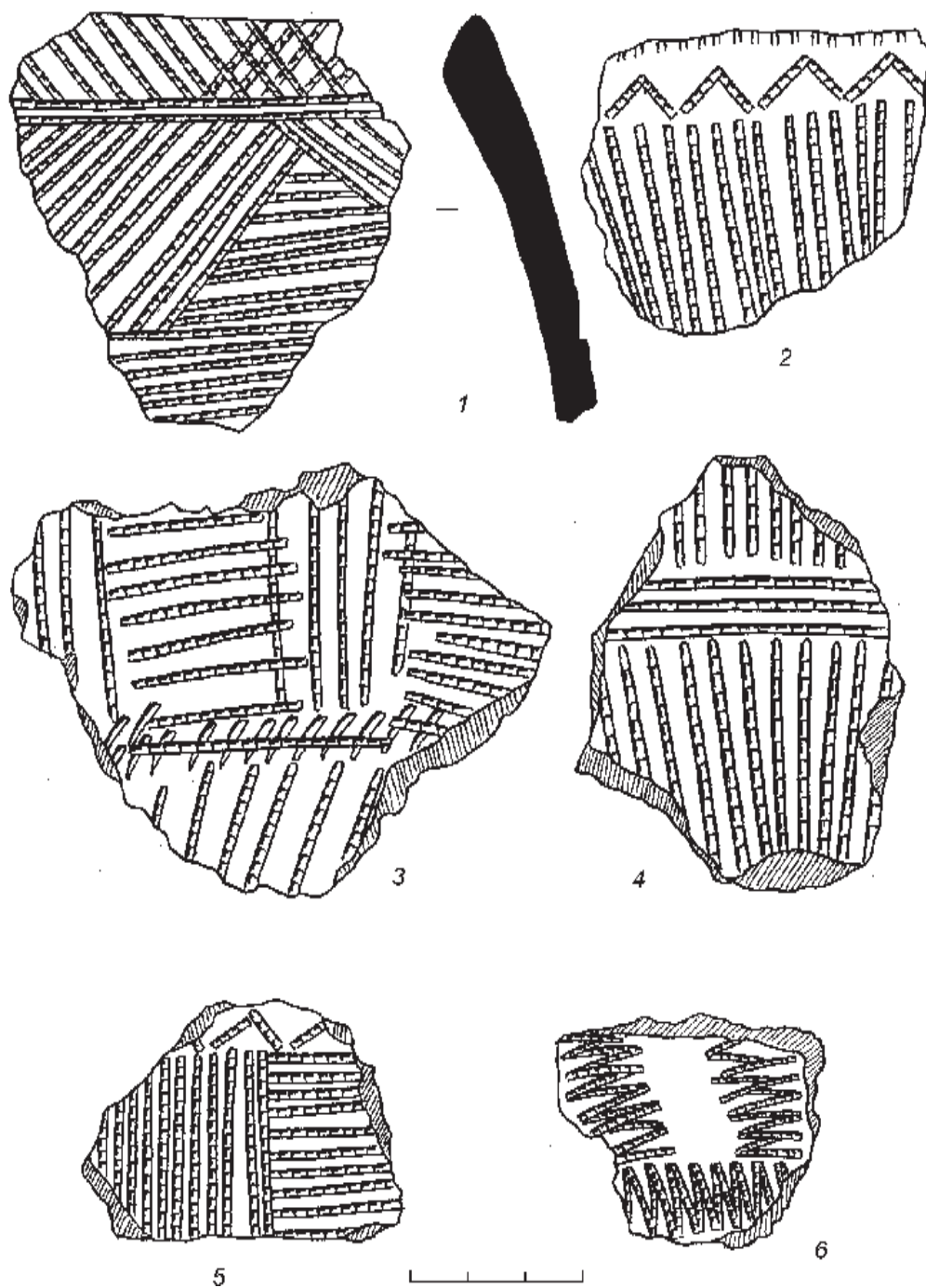

Рис.197. Керамика стоянки Кюнь II.

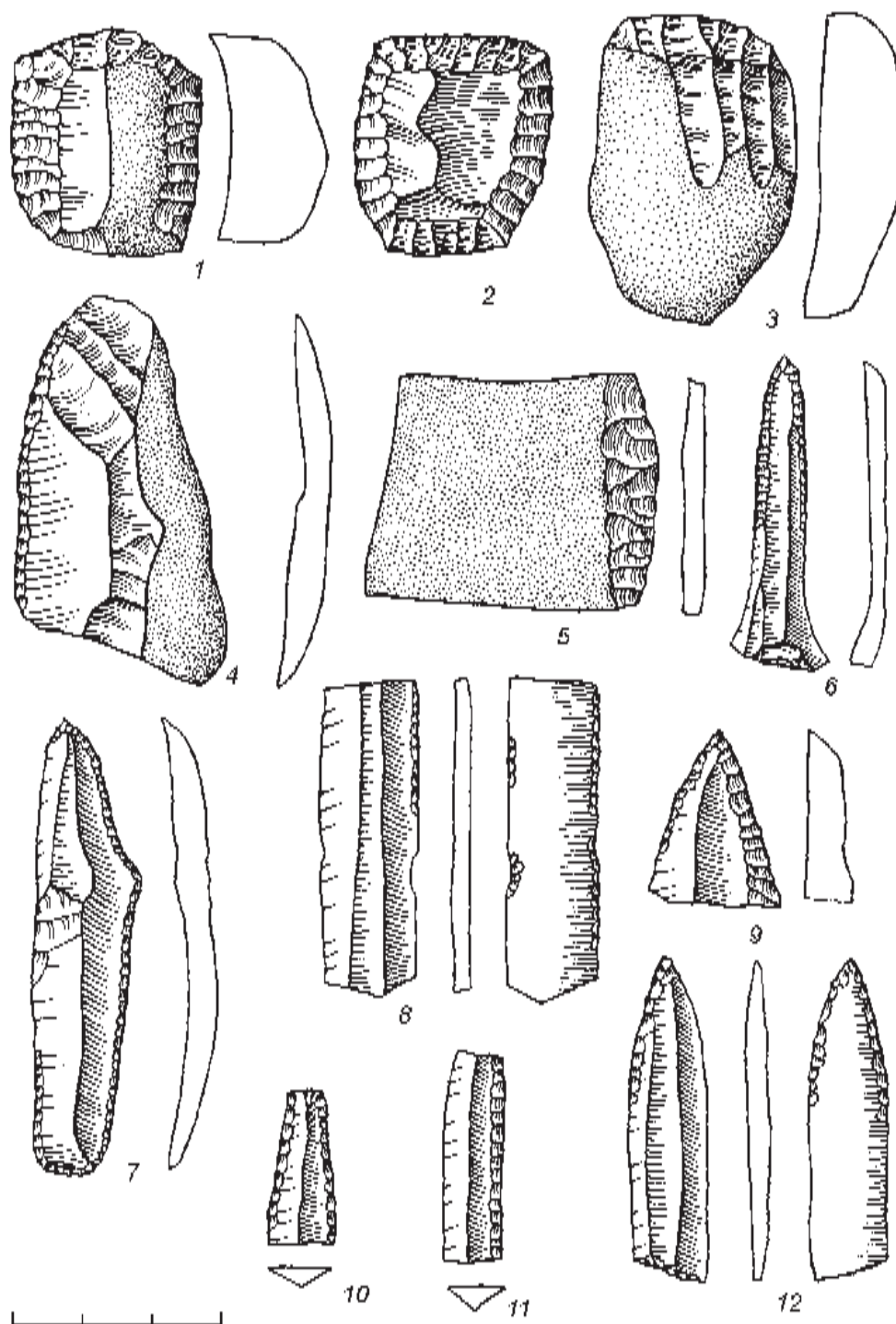

Рис.198. Кремневый инвентарь стоянки Кюнь II.

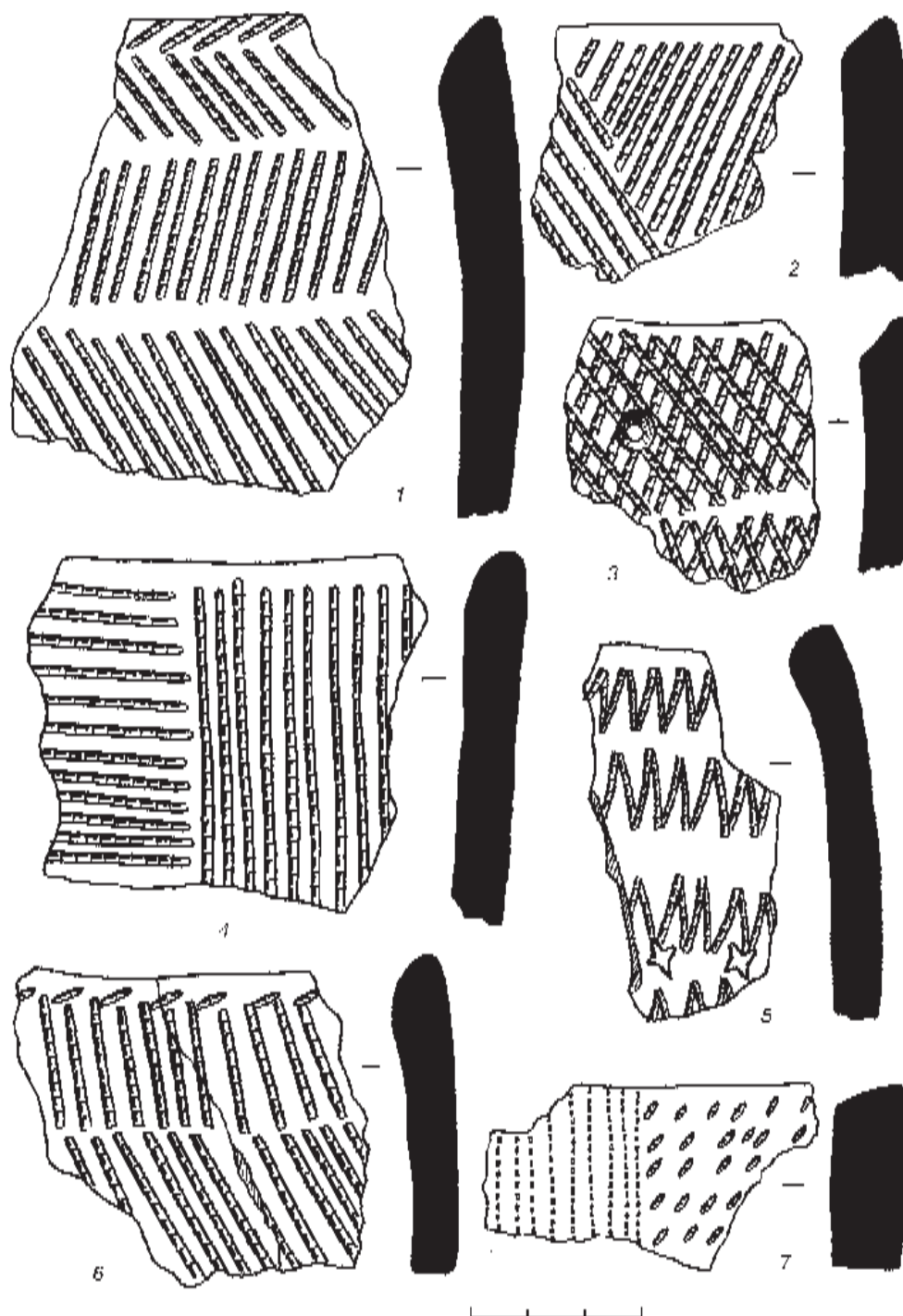

Рис.199. Керамика стоянки Кюнь Ш.

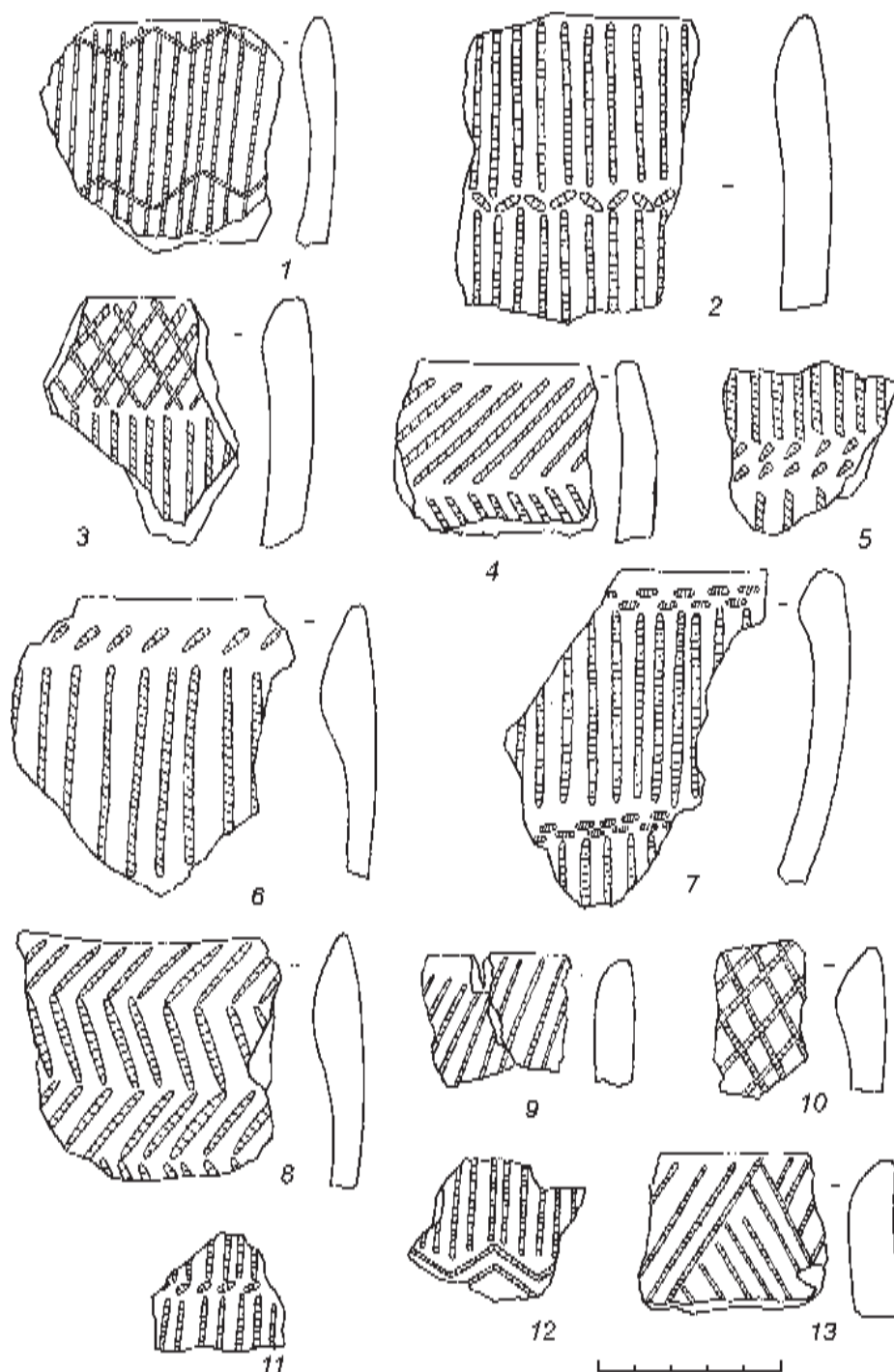

Рис.200. Керамика стоянок Сауз I (1-5) и Сауз II (6-13).

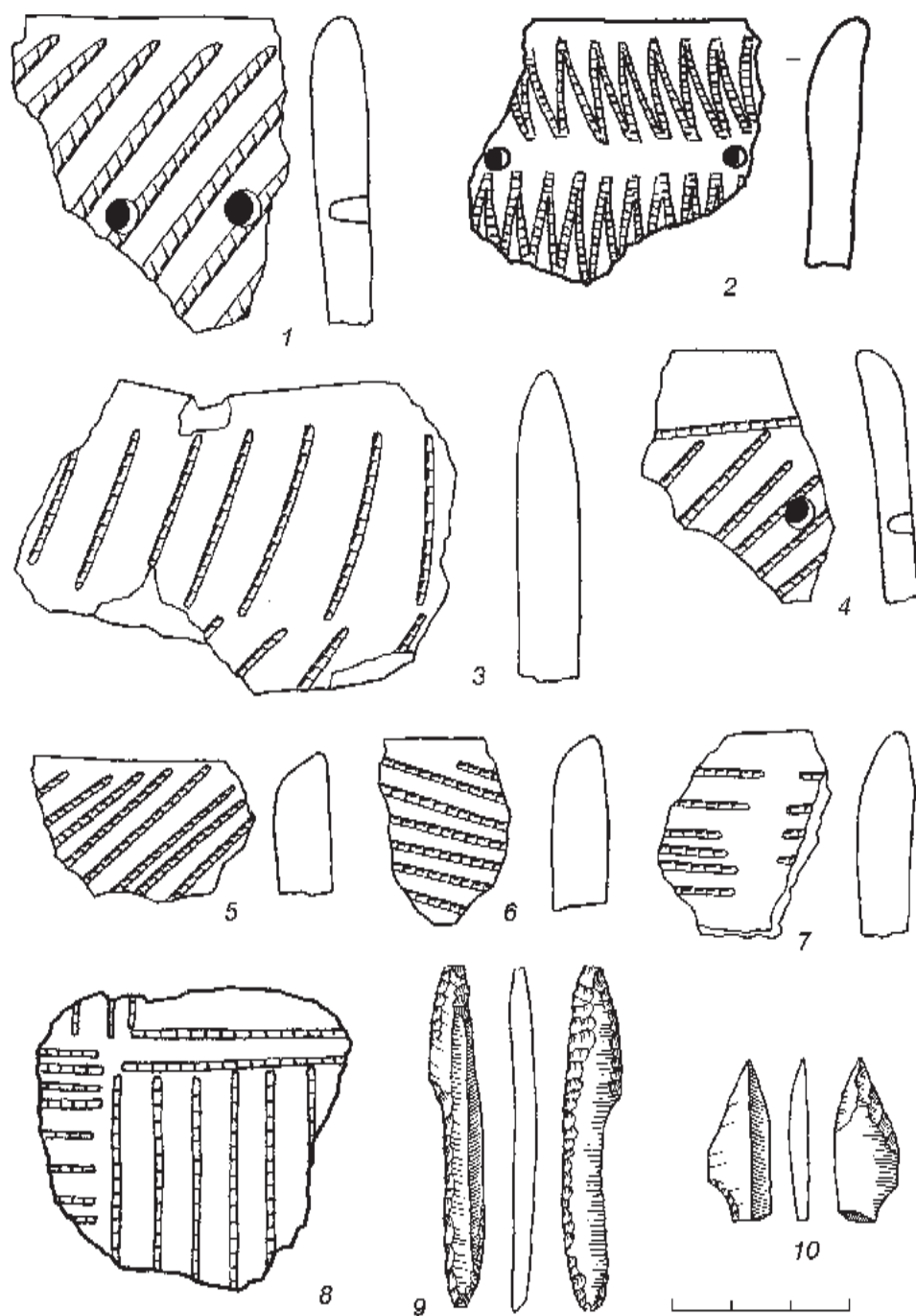

Рис.201. Инвентарь стоянки Бачки-тау II.

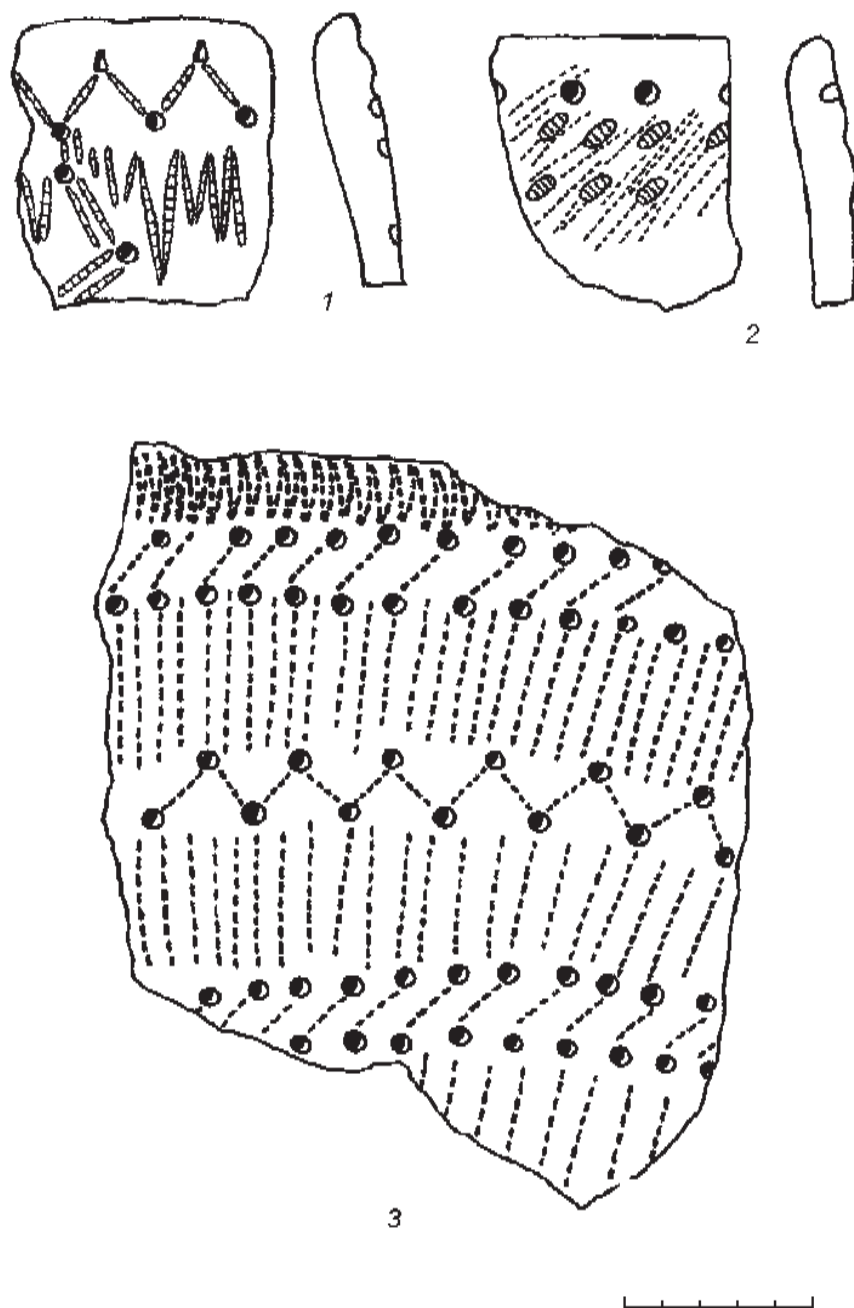

Рис.202. Керамика стоянки Кутурган-Ерганак.

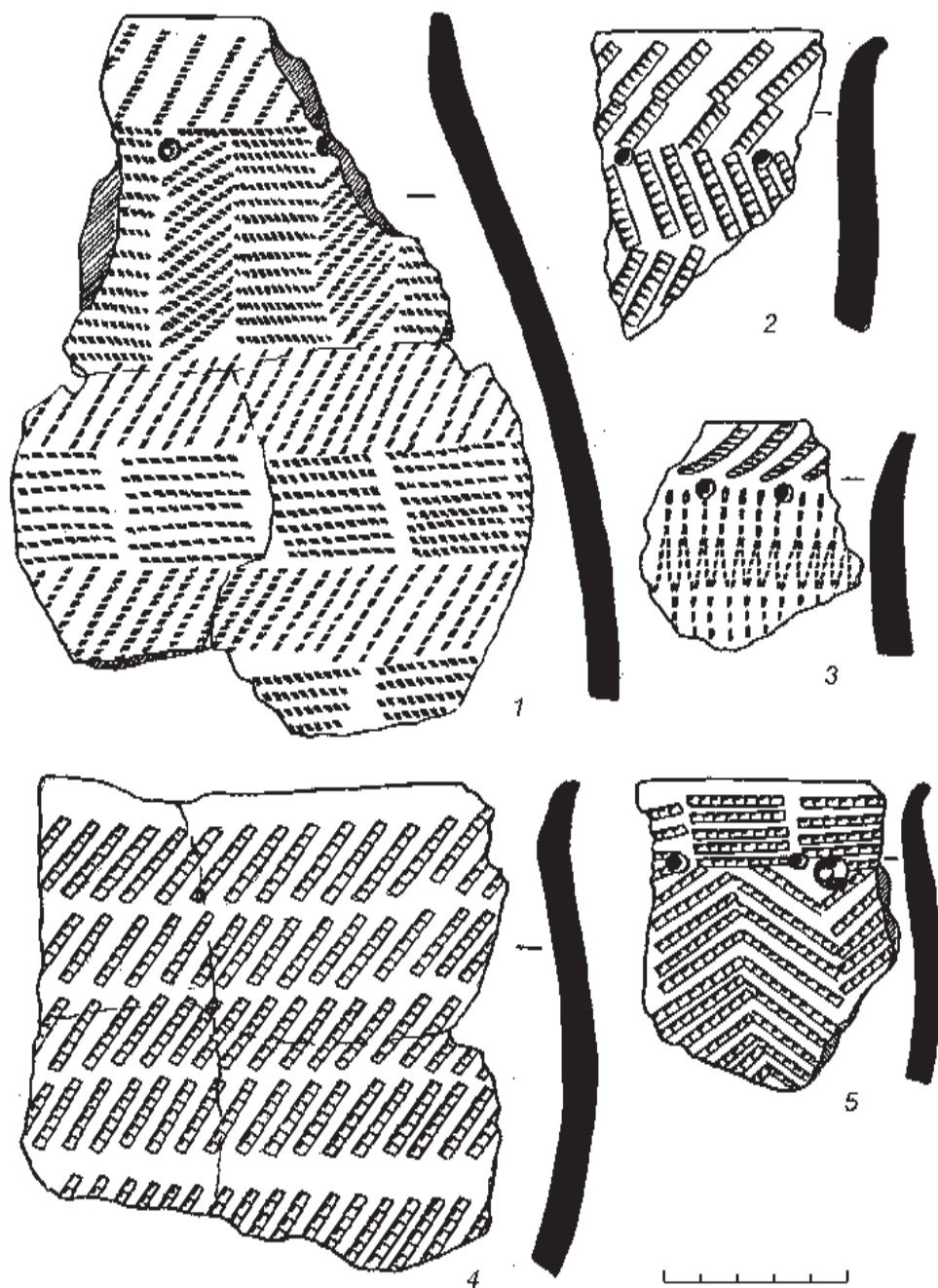

Рис.203. Керамика стоянки Сауз II.

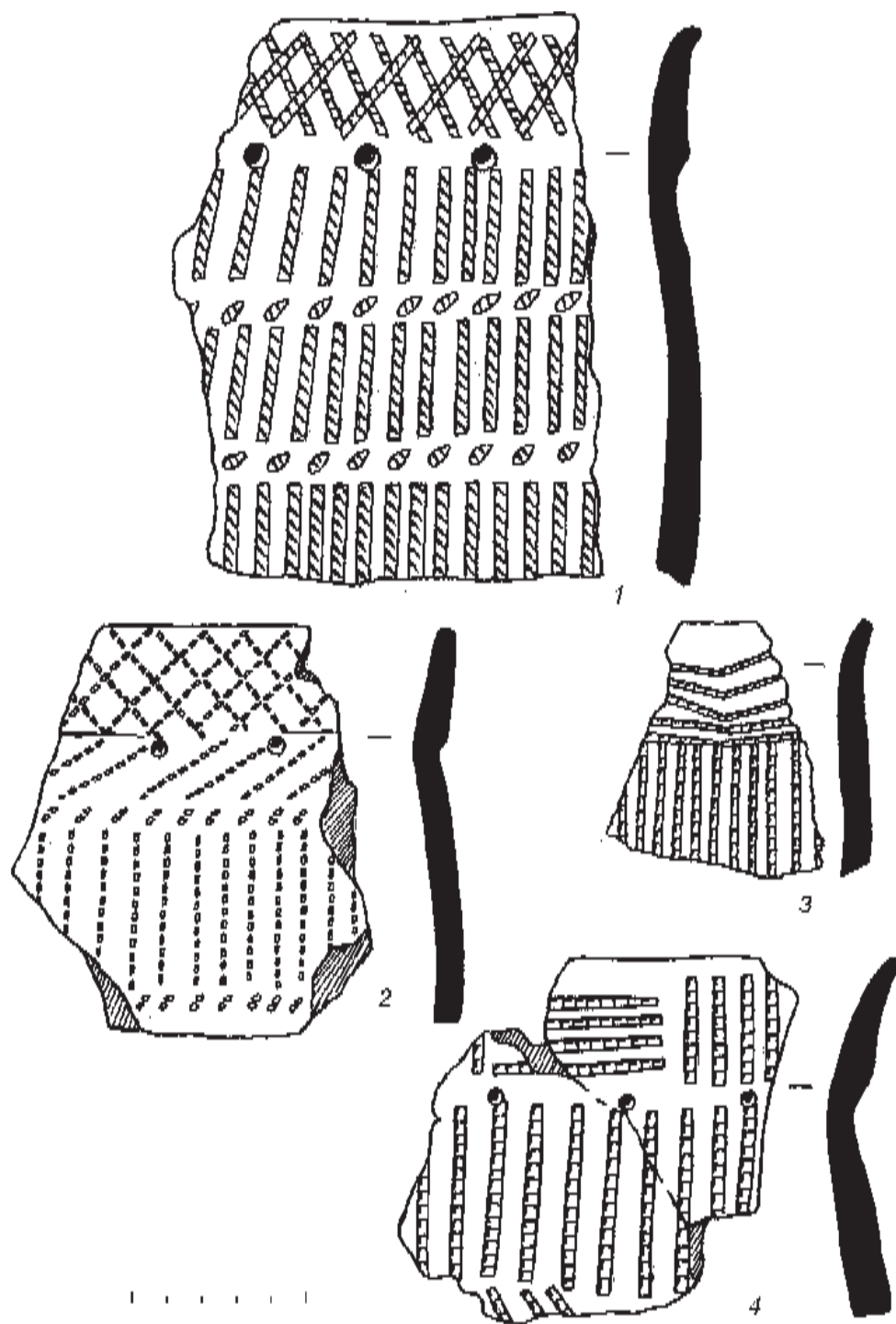

Рис.204. Керамика стоянки Сауз II.

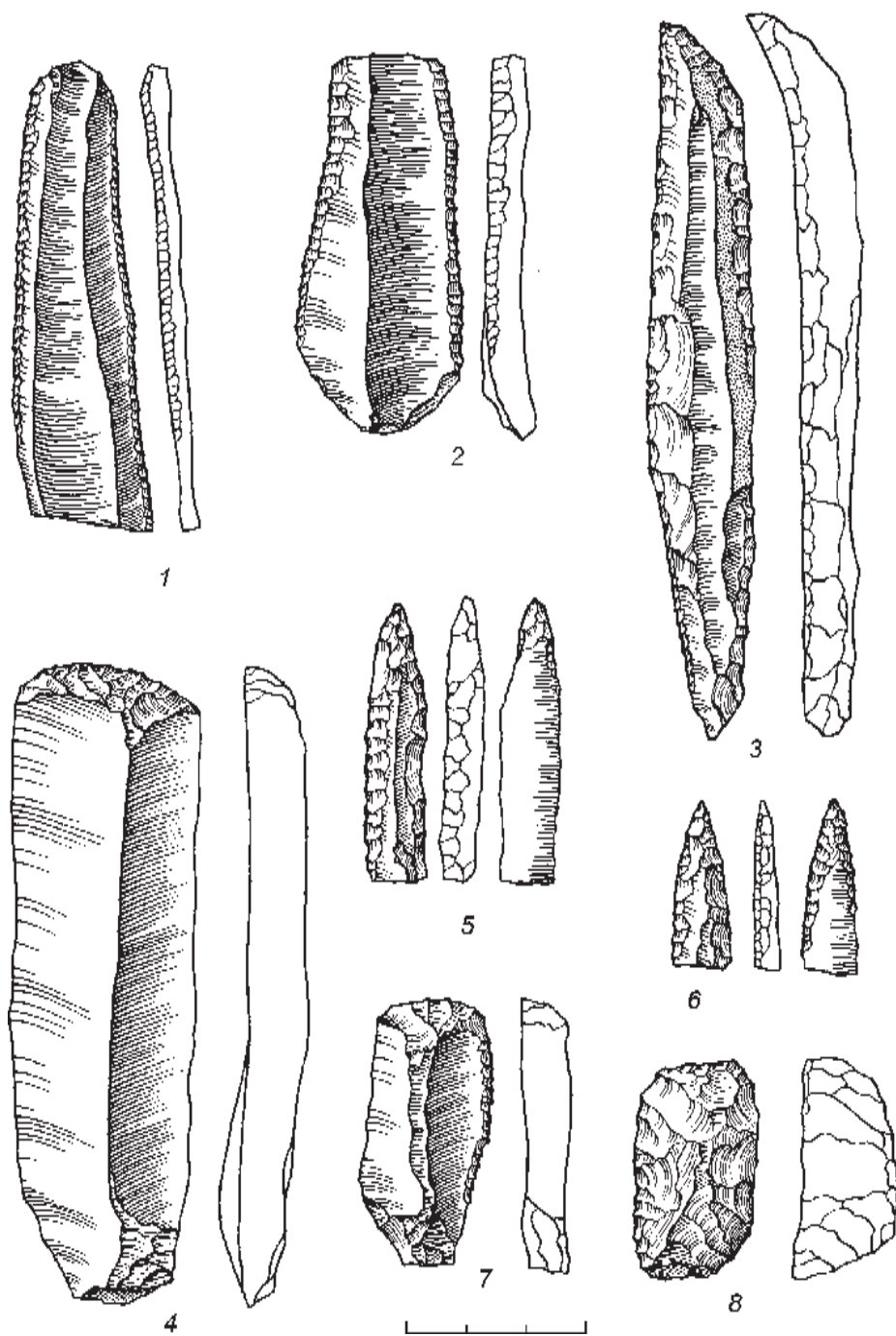

Рис.205. Кремневый инвентарь стоянки Сауз II.

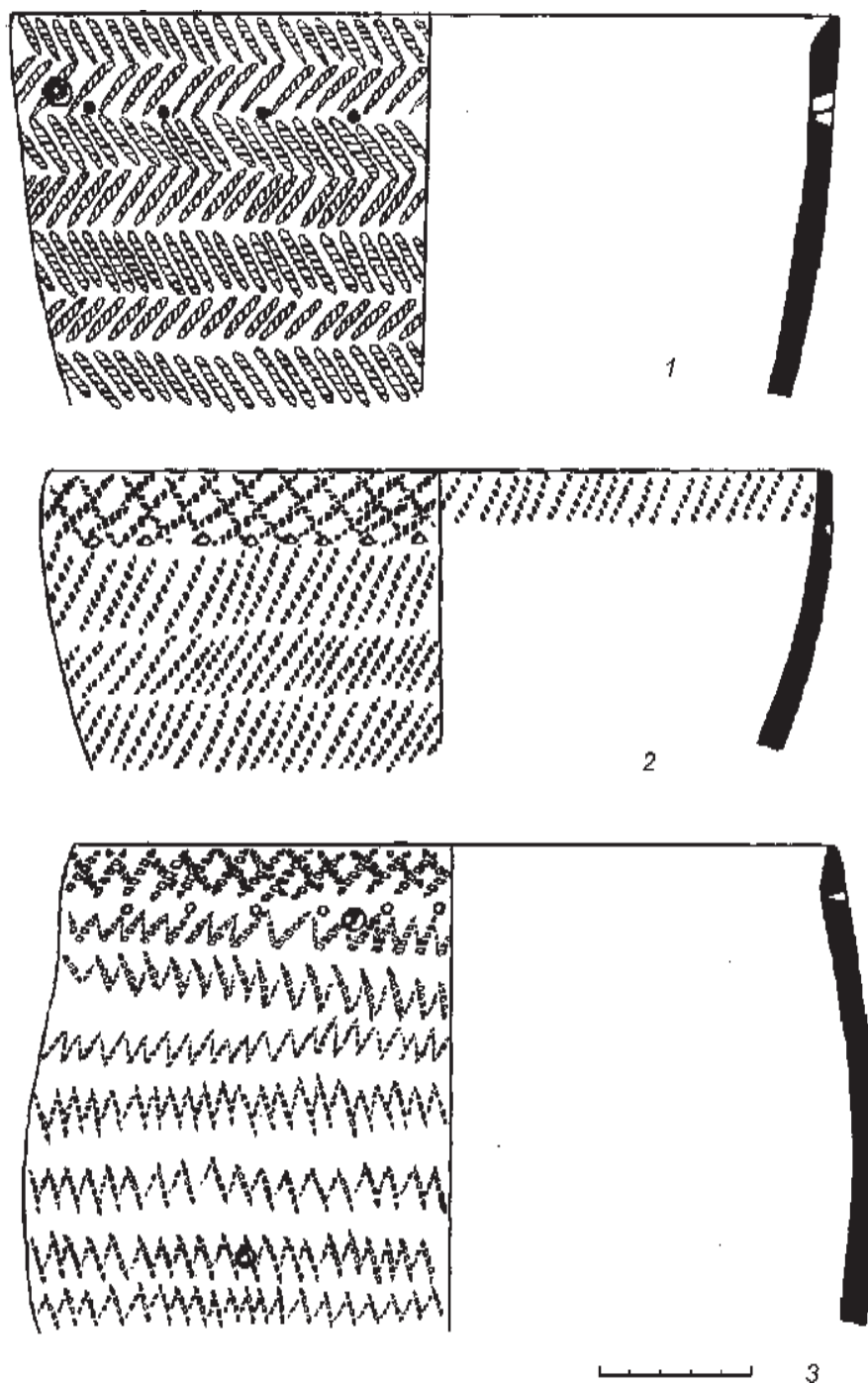

Рис.206. Керамика Старо-Ногаевского могильника (по В.С.Стоколосу).

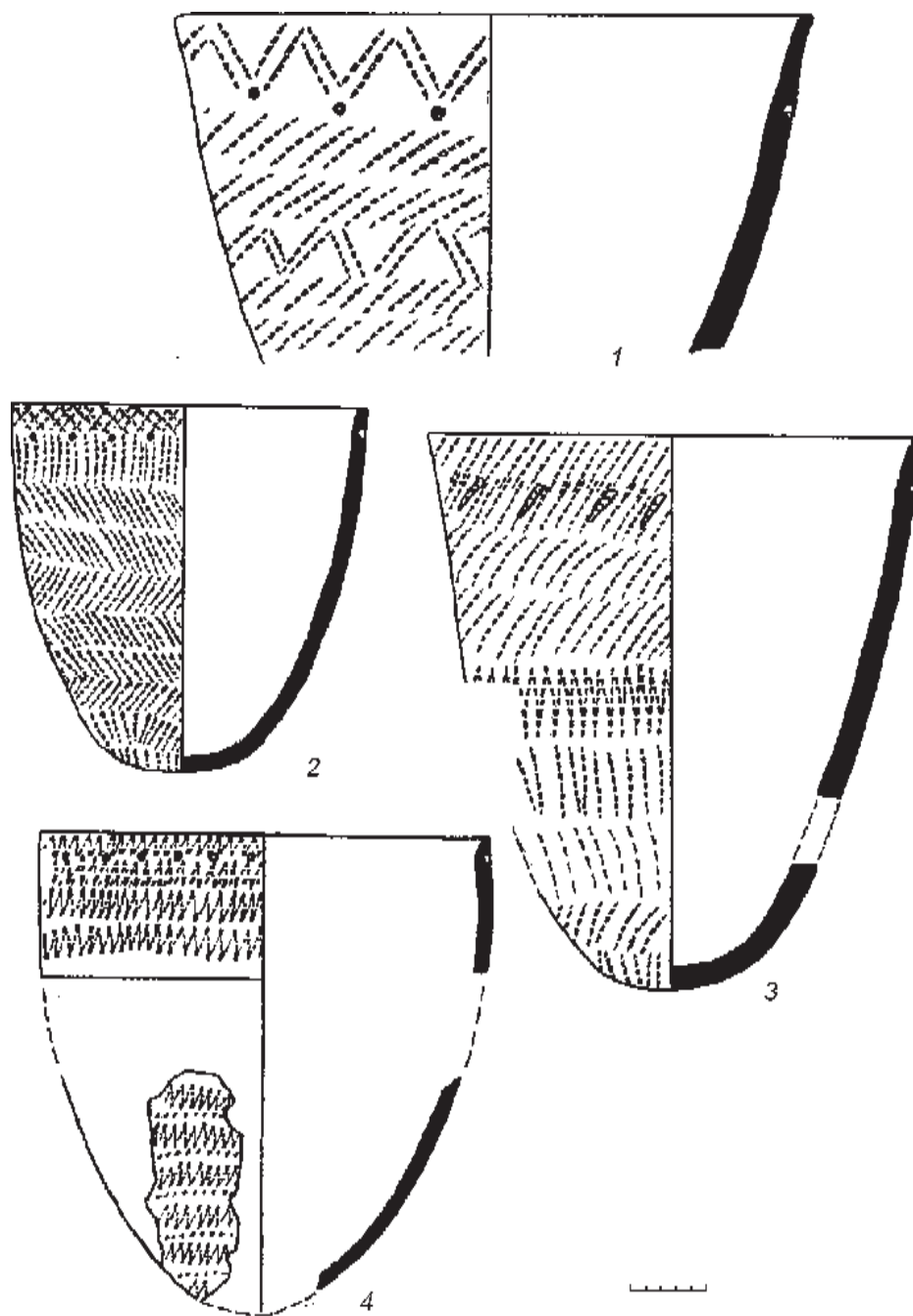

Рис.207. Керамика Старо-Ногаевского могильника.

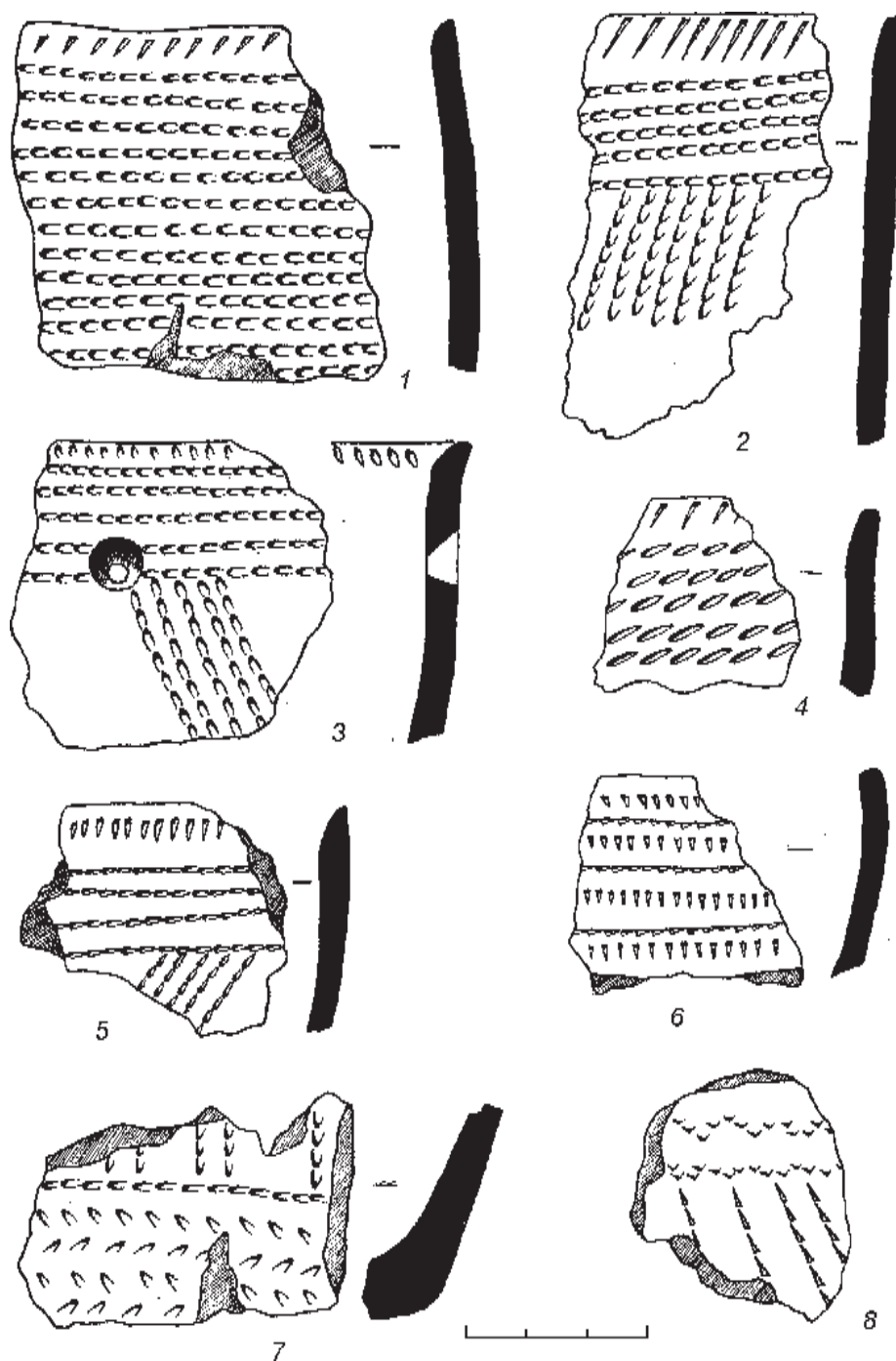

Рис.208. Керамика стоянки Сауз II.

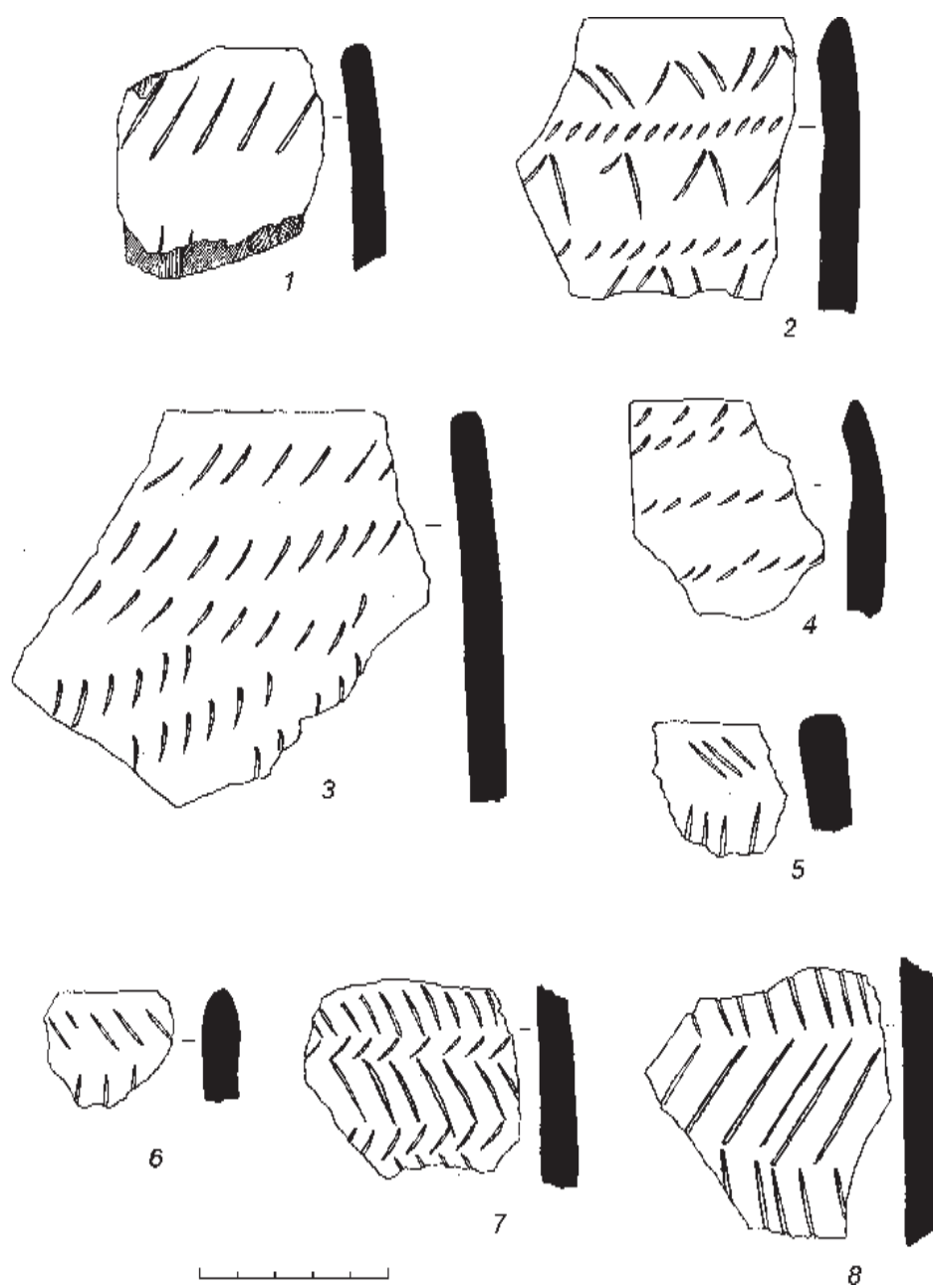

Рис.209. Керамика стоянки Сауз I.

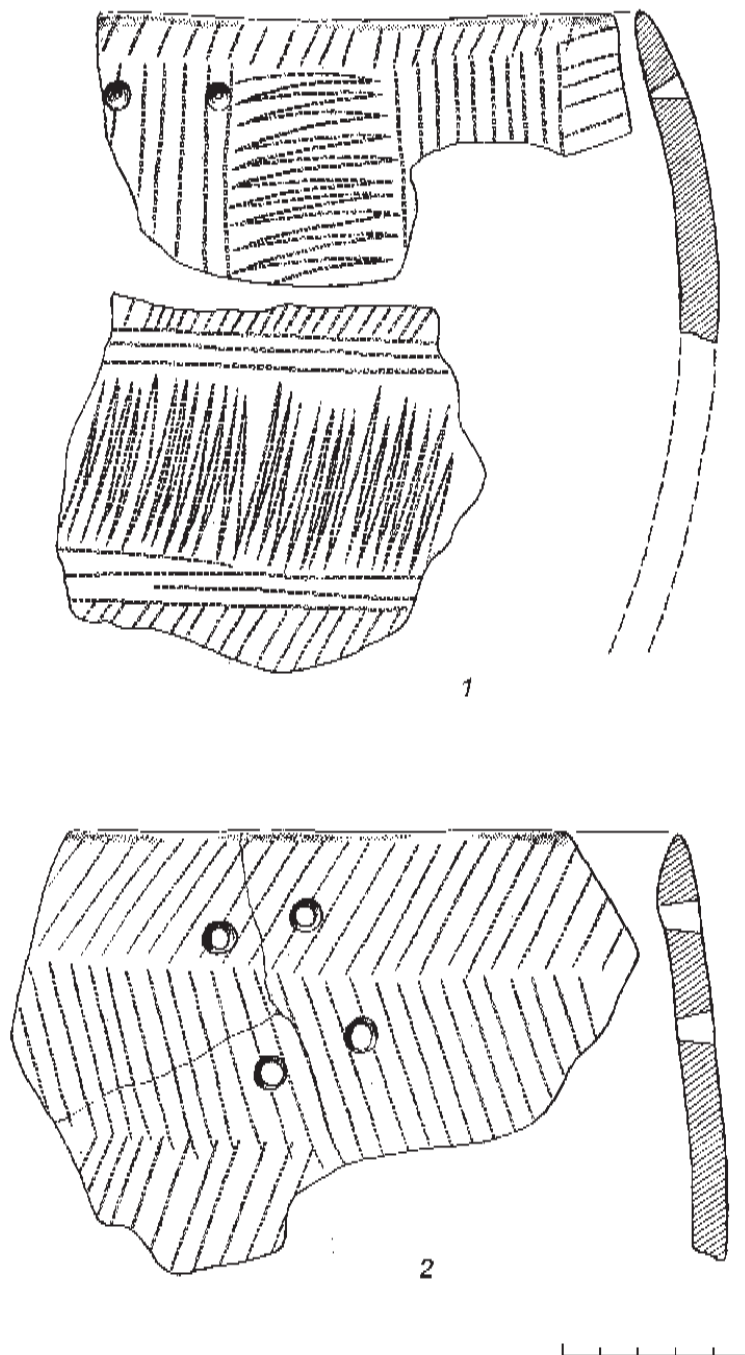

Рис.210. Керамика стоянки Муллино (по Г.Н.Матюшину).

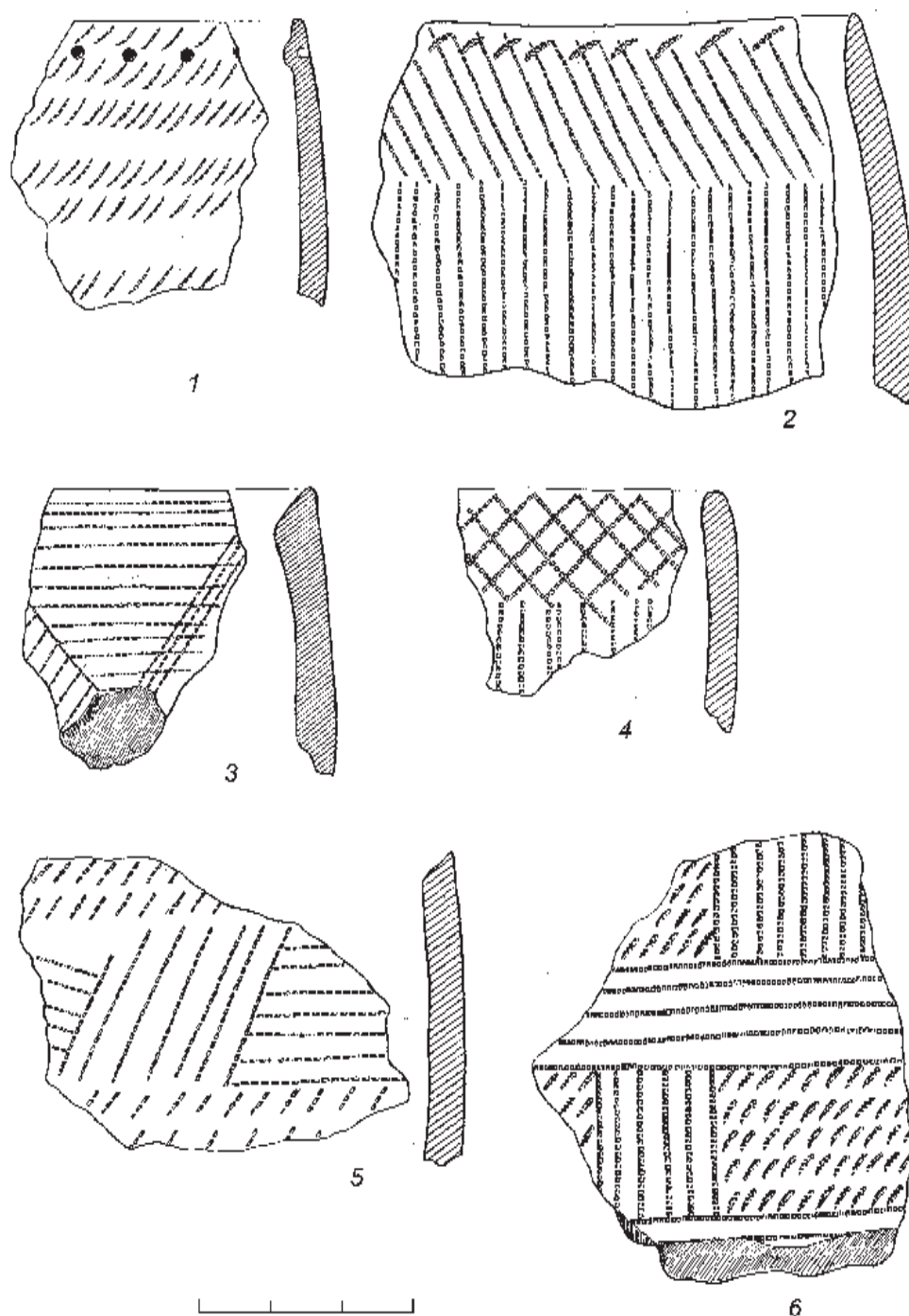

Рис.211. Керамика стоянки Муллино.

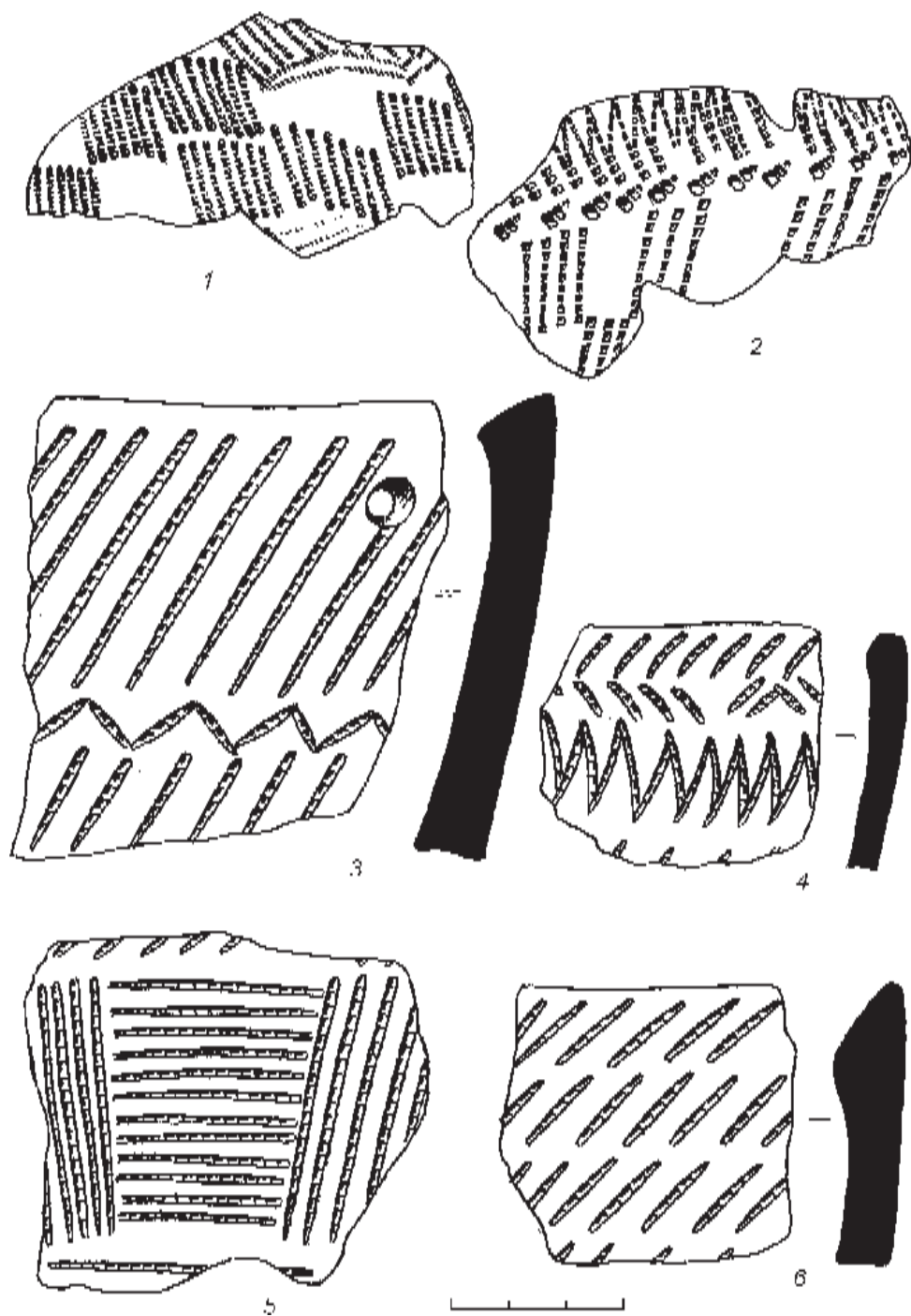

Рис.212. Керамика стоянок Боровое озеро I (1, 2) и Муллино (3-6).

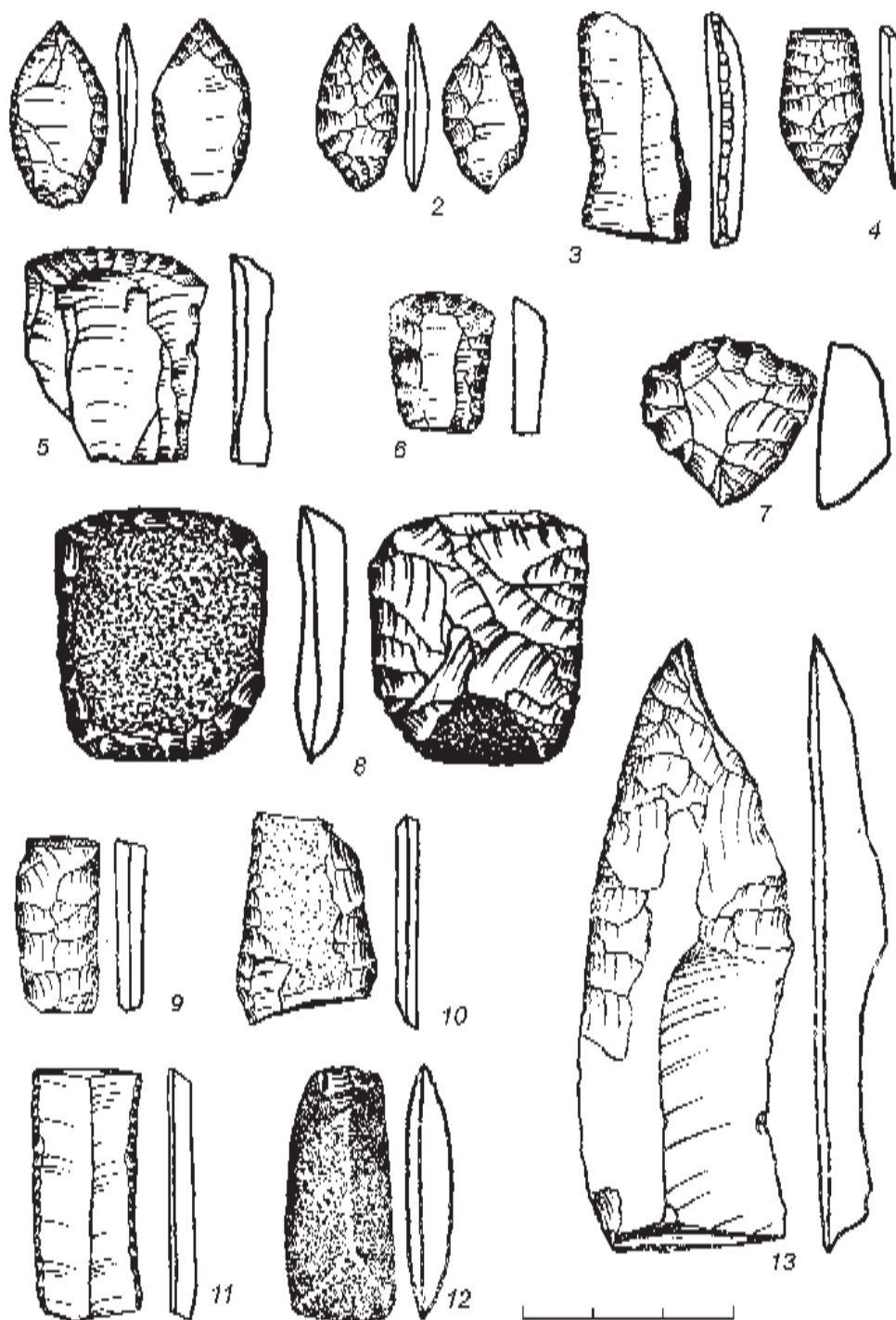

Рис.213. Кремневый инвентарь Кряжской стоянки.

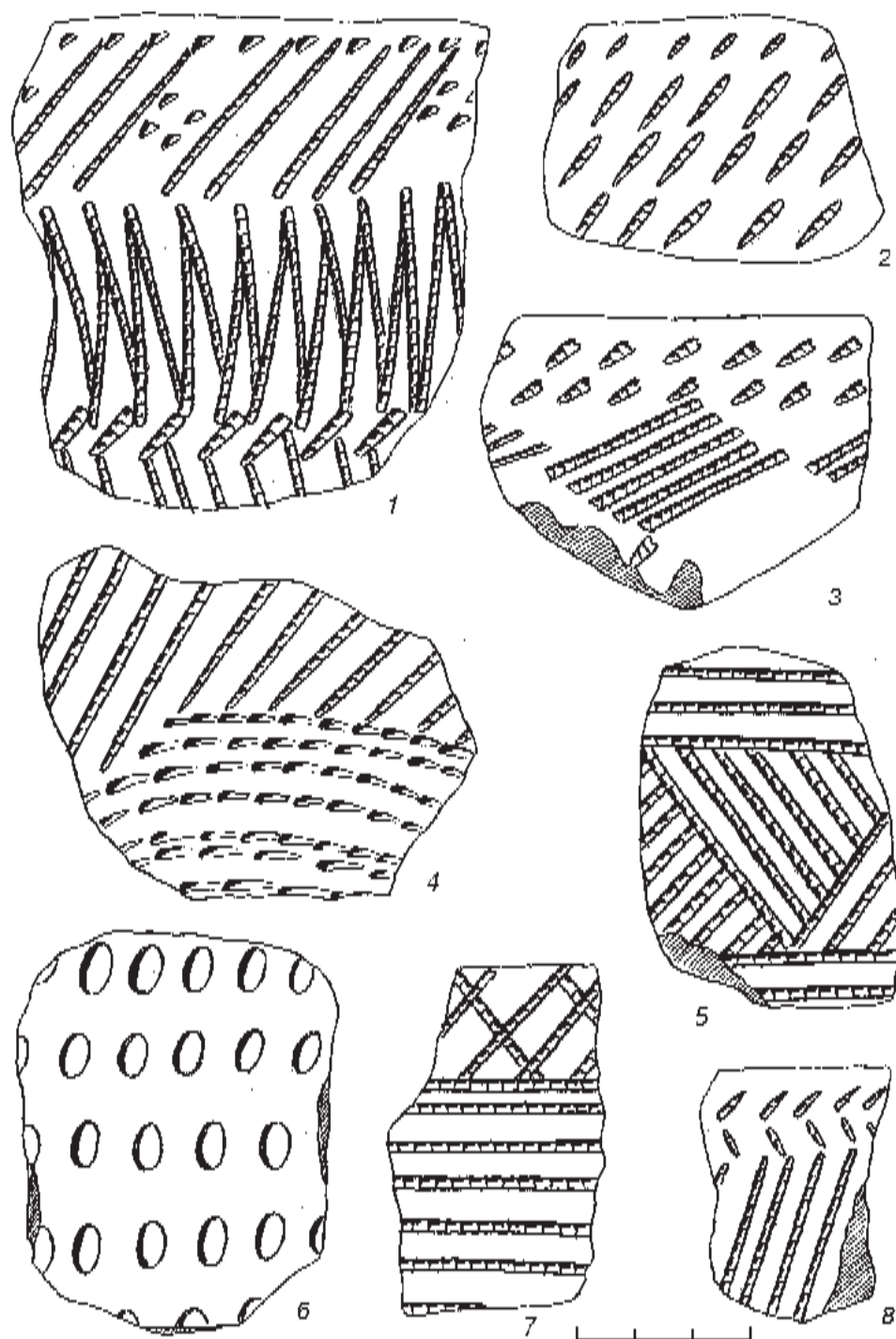

Рис.214. Керамика стоянки Хуторская.

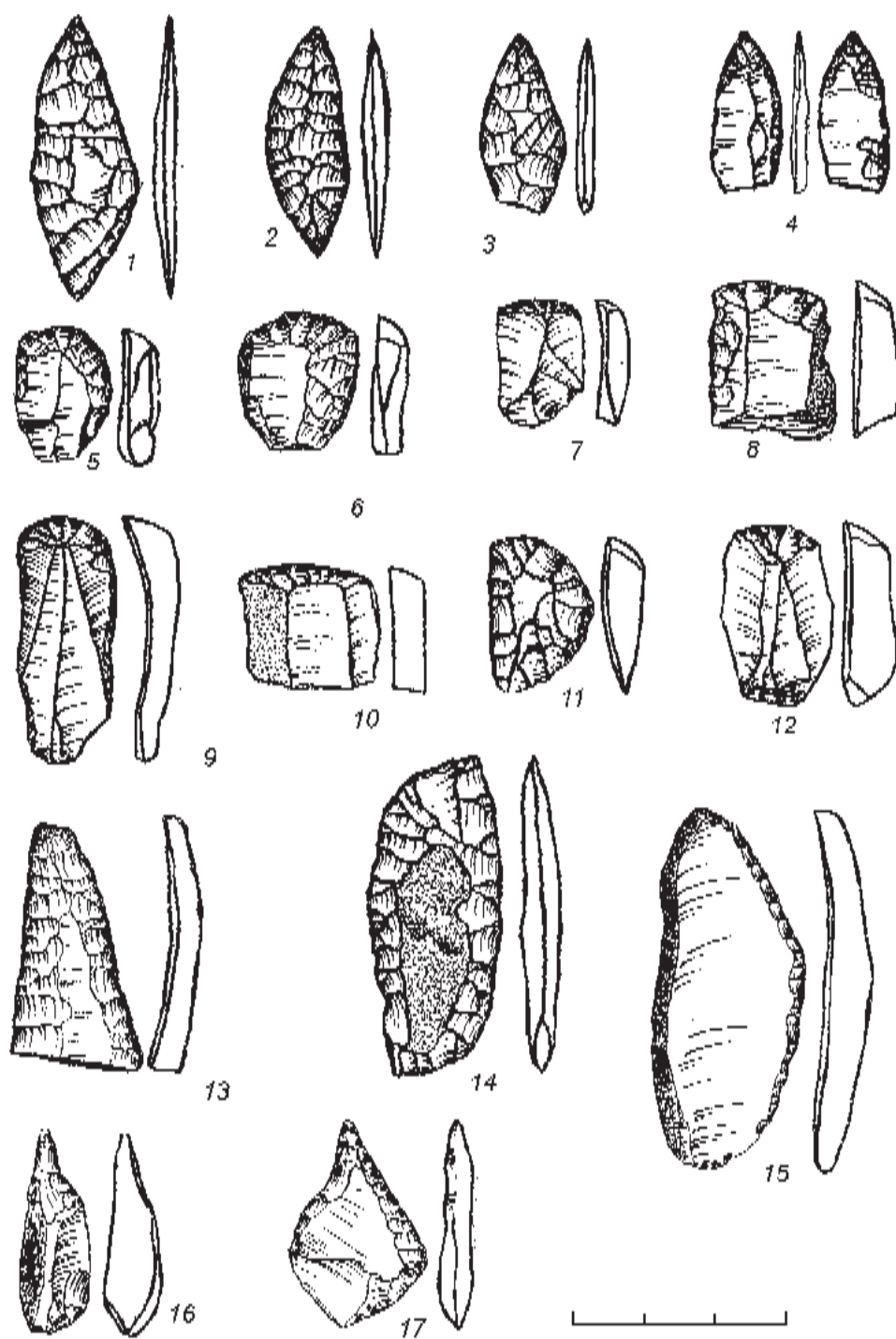

Рис.215. Кремневый инвентарь стоянки Хуторская.

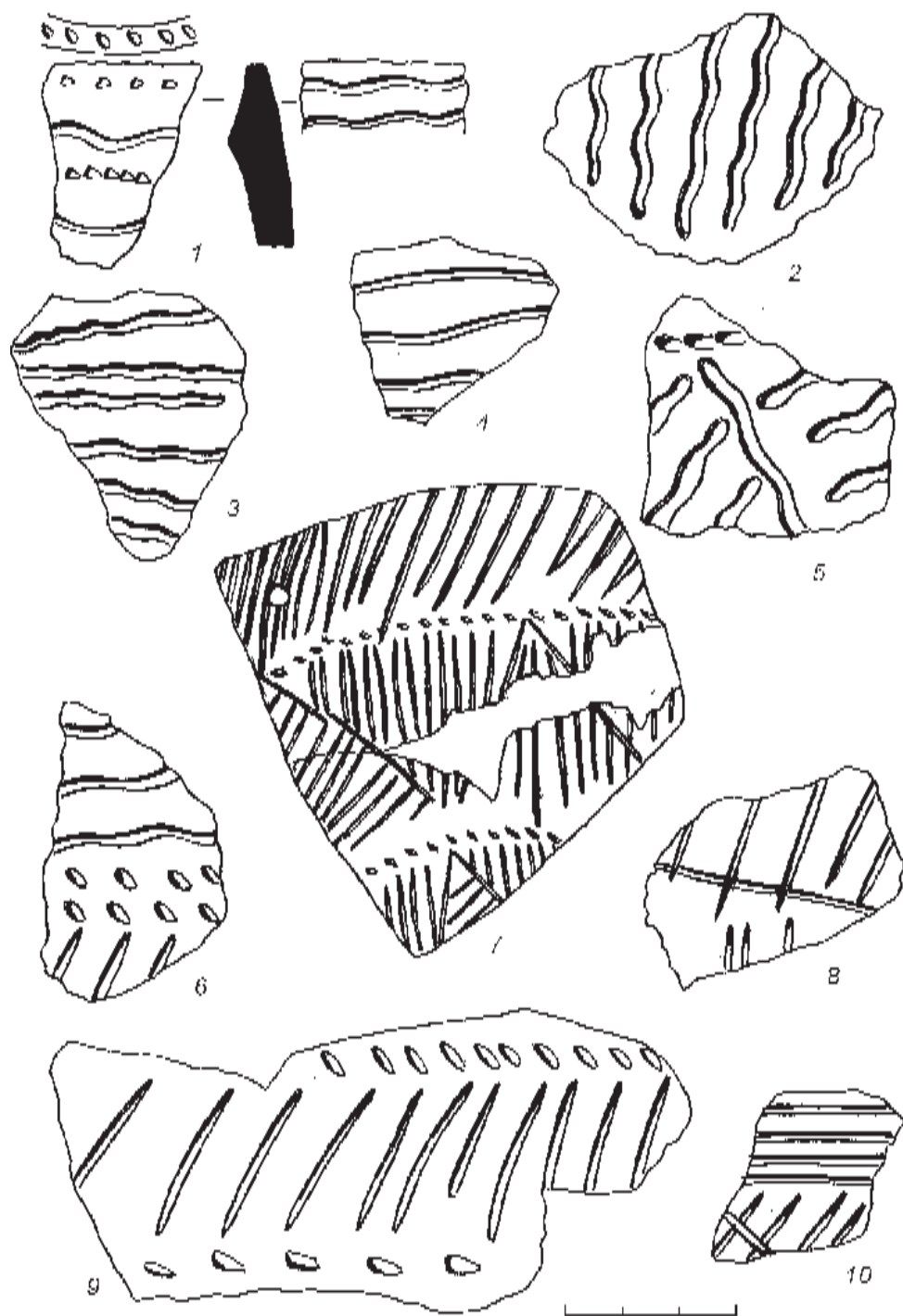

Рис.216. Керамика стоянки Боровое Озеро I.

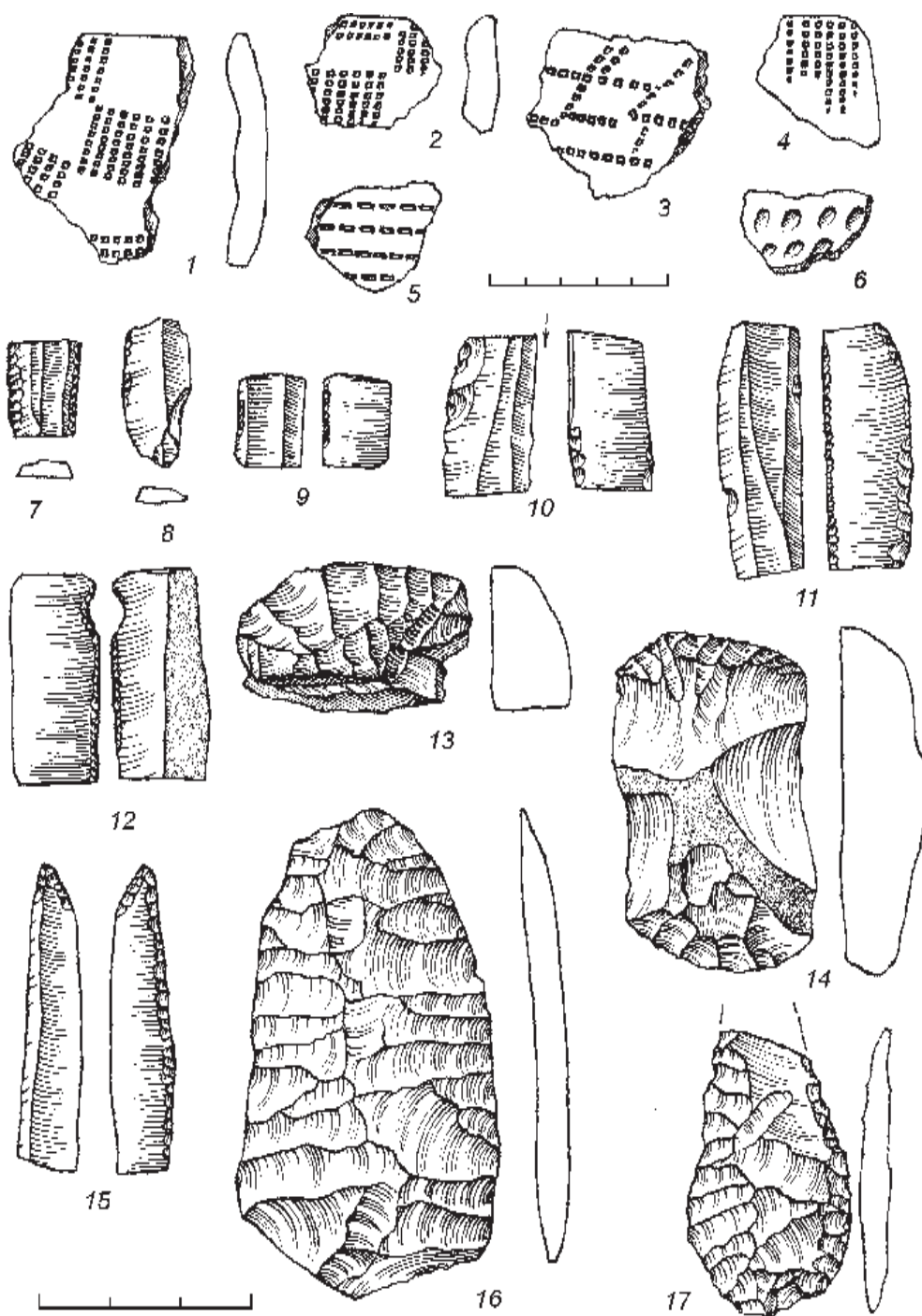

Рис.217. Инвентарь стоянки Мокино (по А.Ф.Мельничуку).

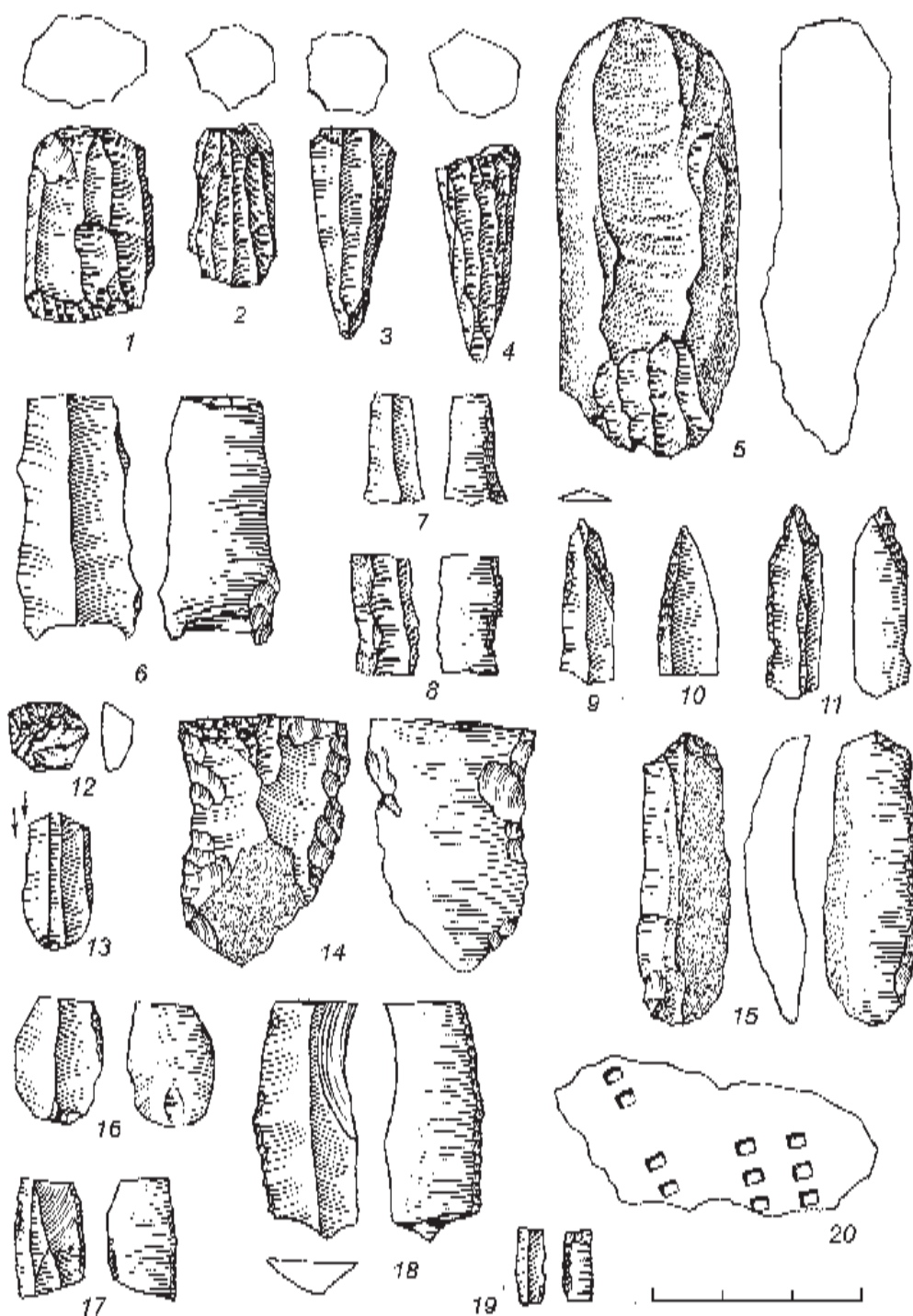

Рис.218. Инвентарь стоянки Усть-Букорок.

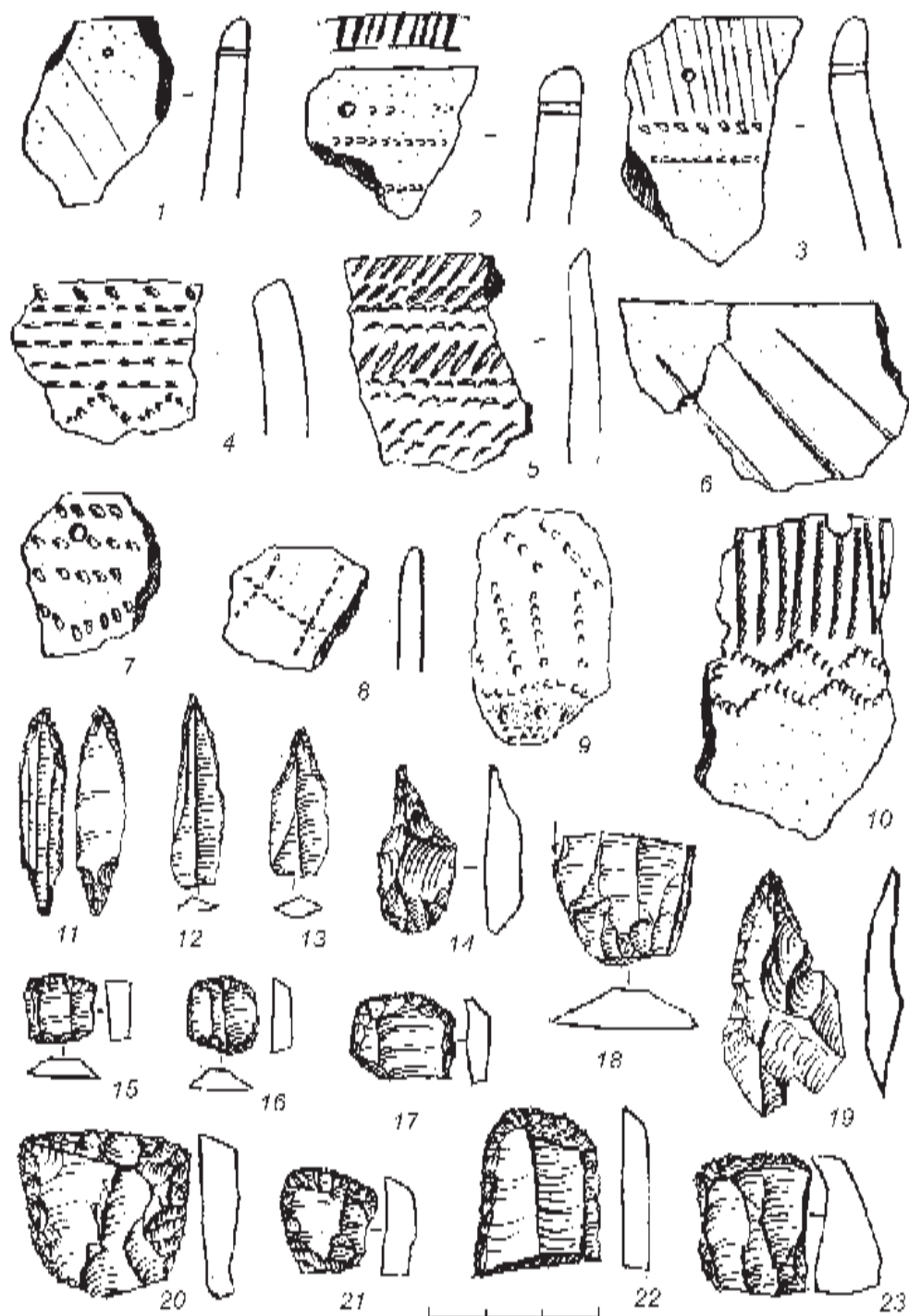

Рис.219. Инвентарь стоянки Кыйлуд II (по Т.М.Гусенцовой).

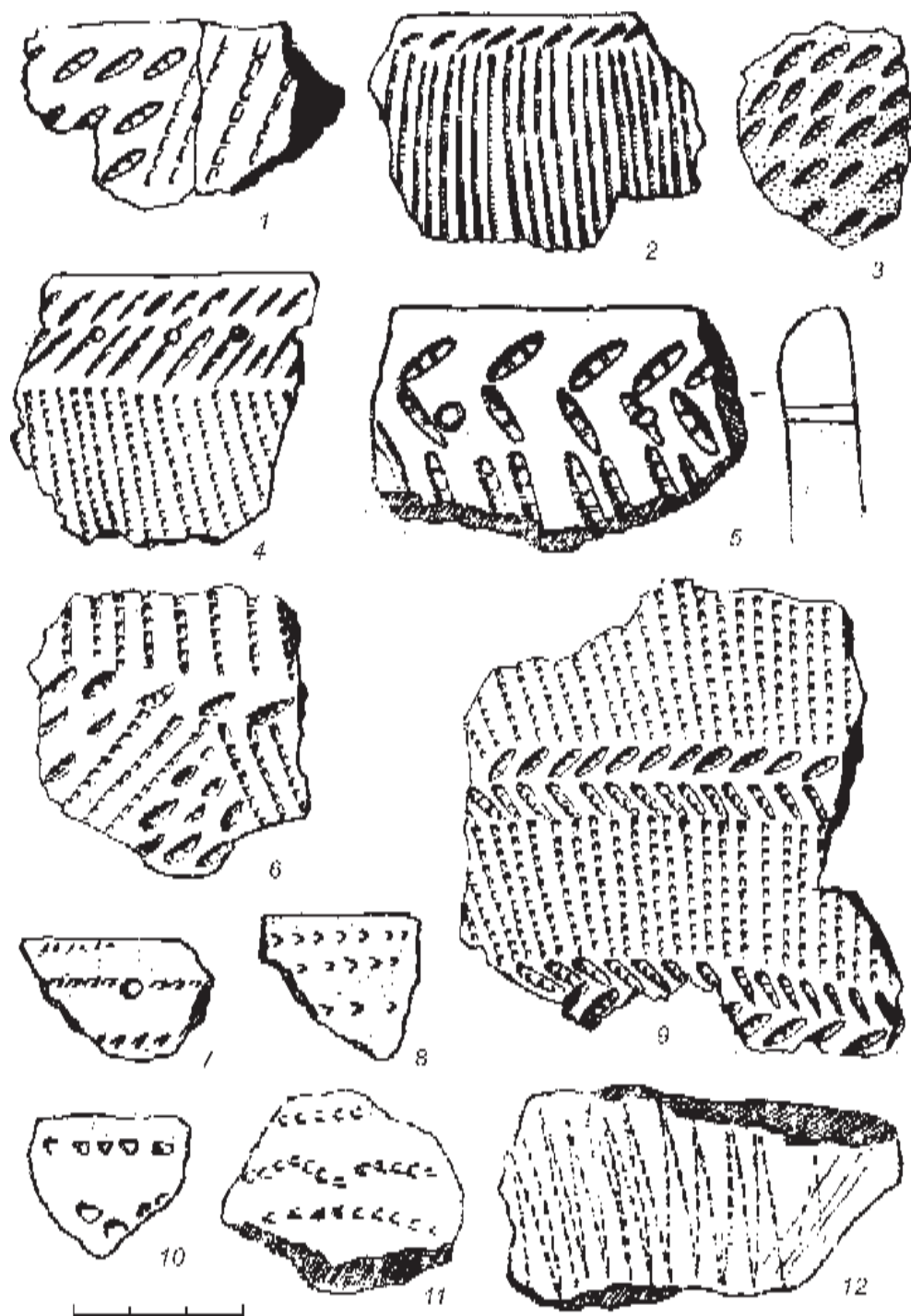

Рис.220. Керамика стоянки Тархан I.

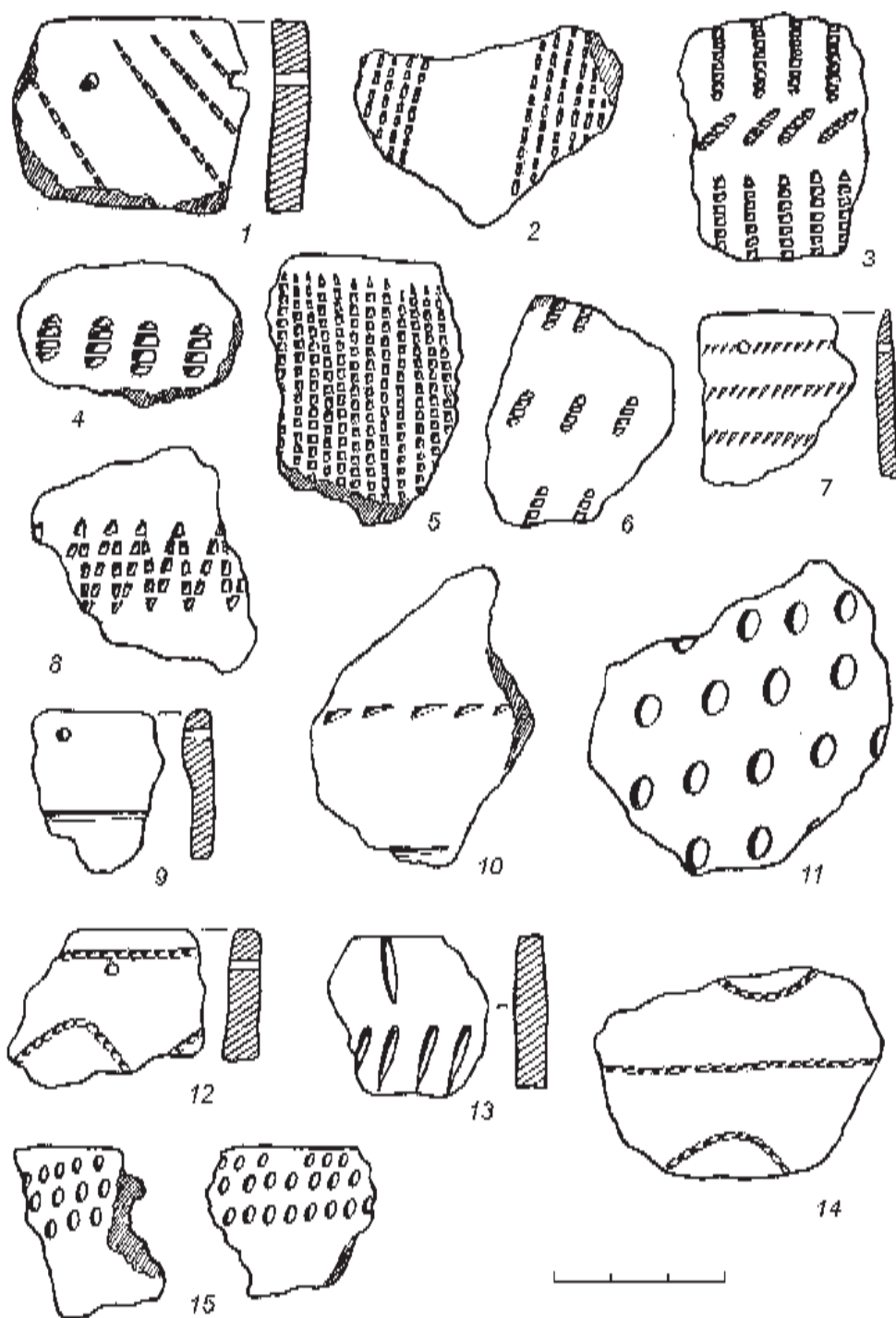

Рис.221. Керамика стоянки Усть-Шижма (по Л.А.Наговицыну).

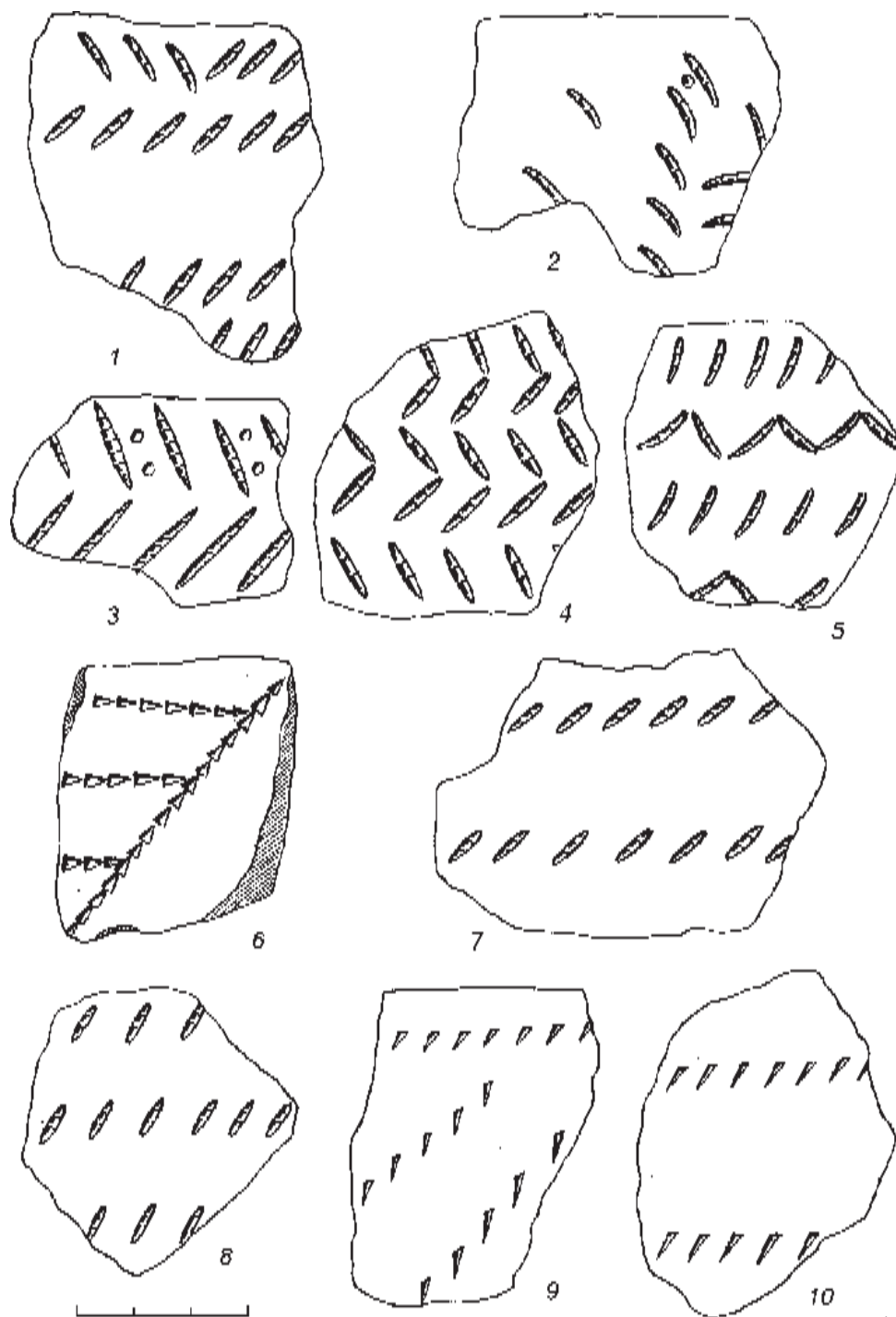

Рис.222. Керамика стоянки Кочуровское I (по Т.М.Гусенцовой).

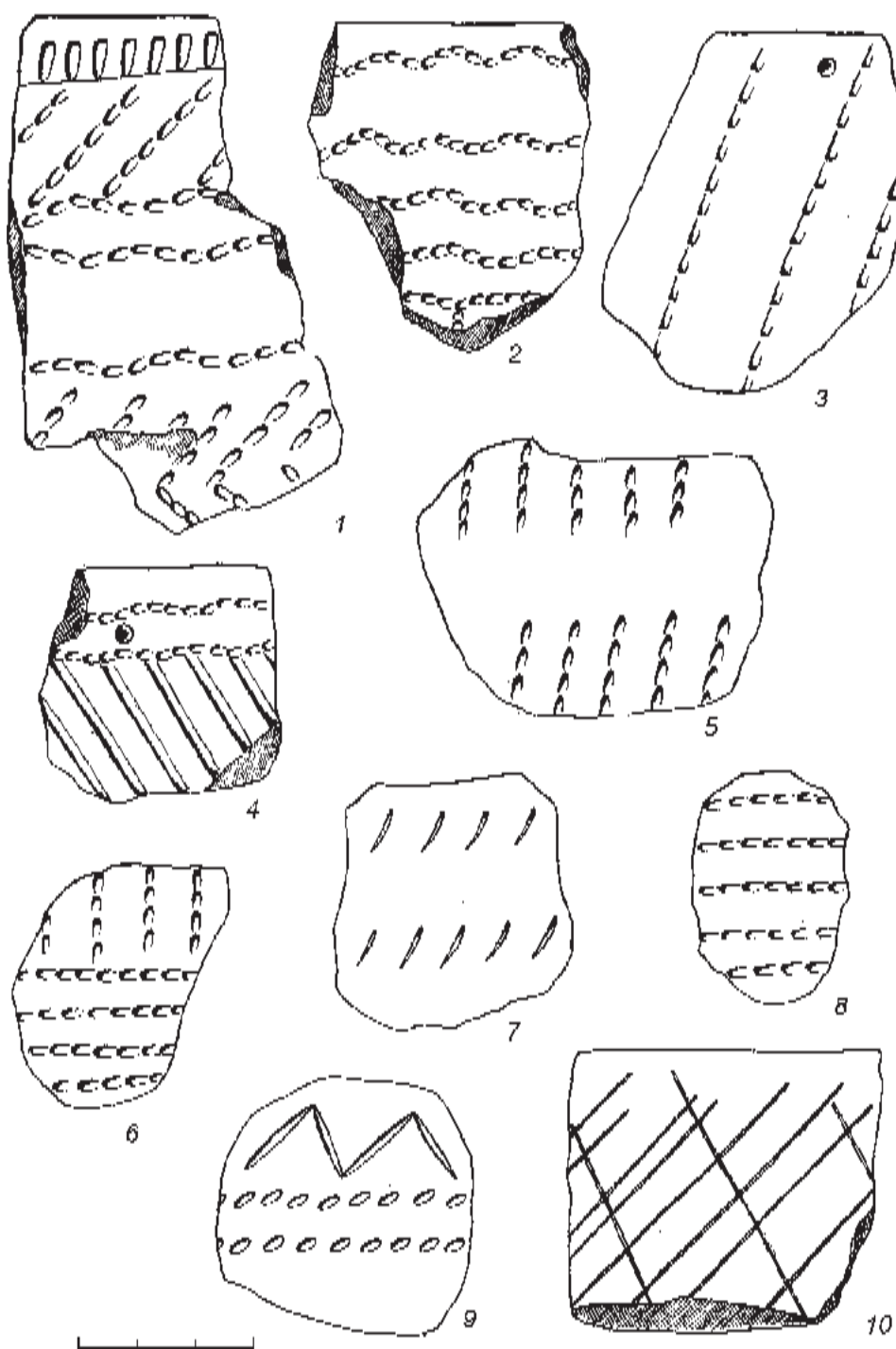

Рис.223. Керамика стоянки Кочуровское I.

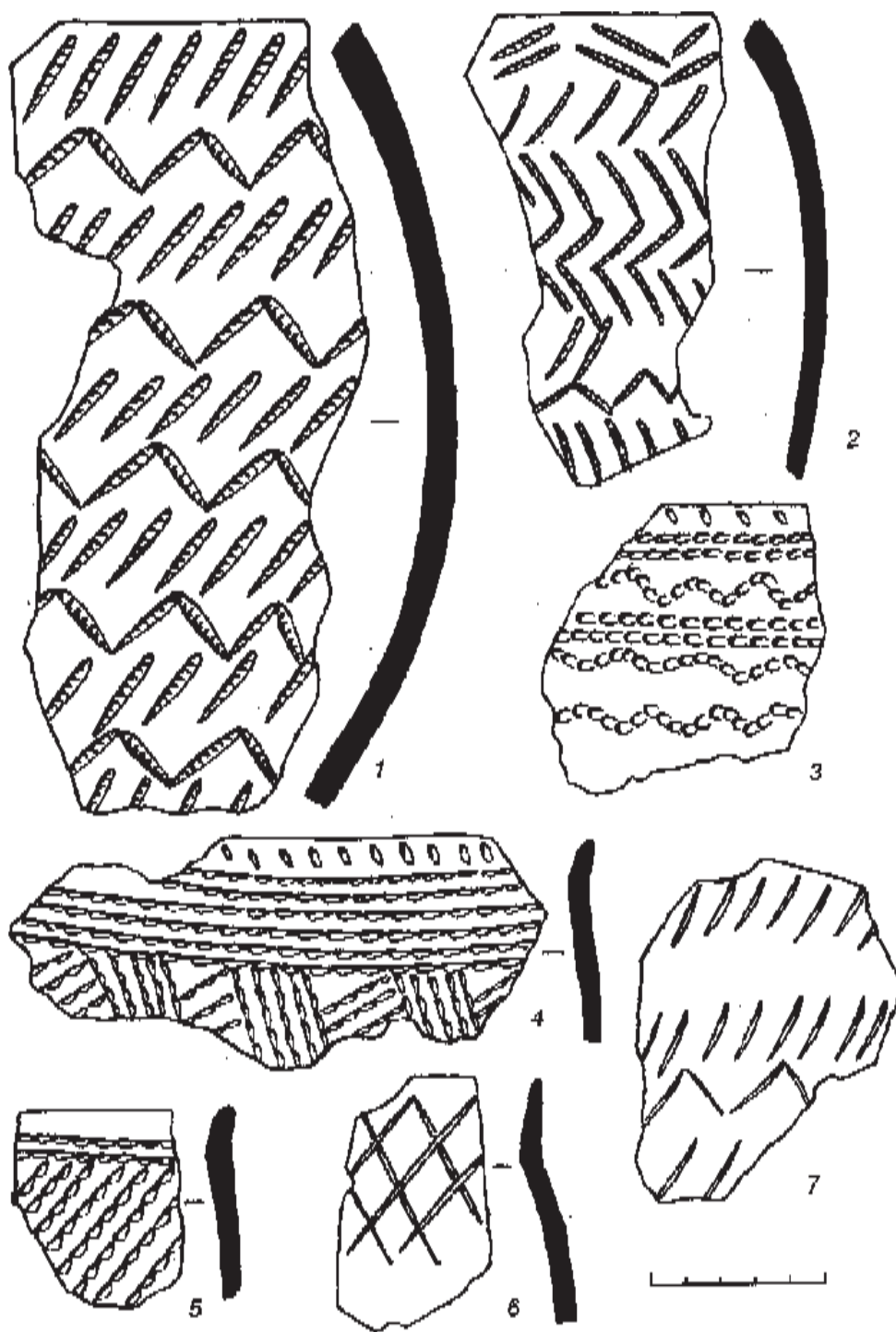

Рис.224. Керамика II Татарско-Азибейского поселения.

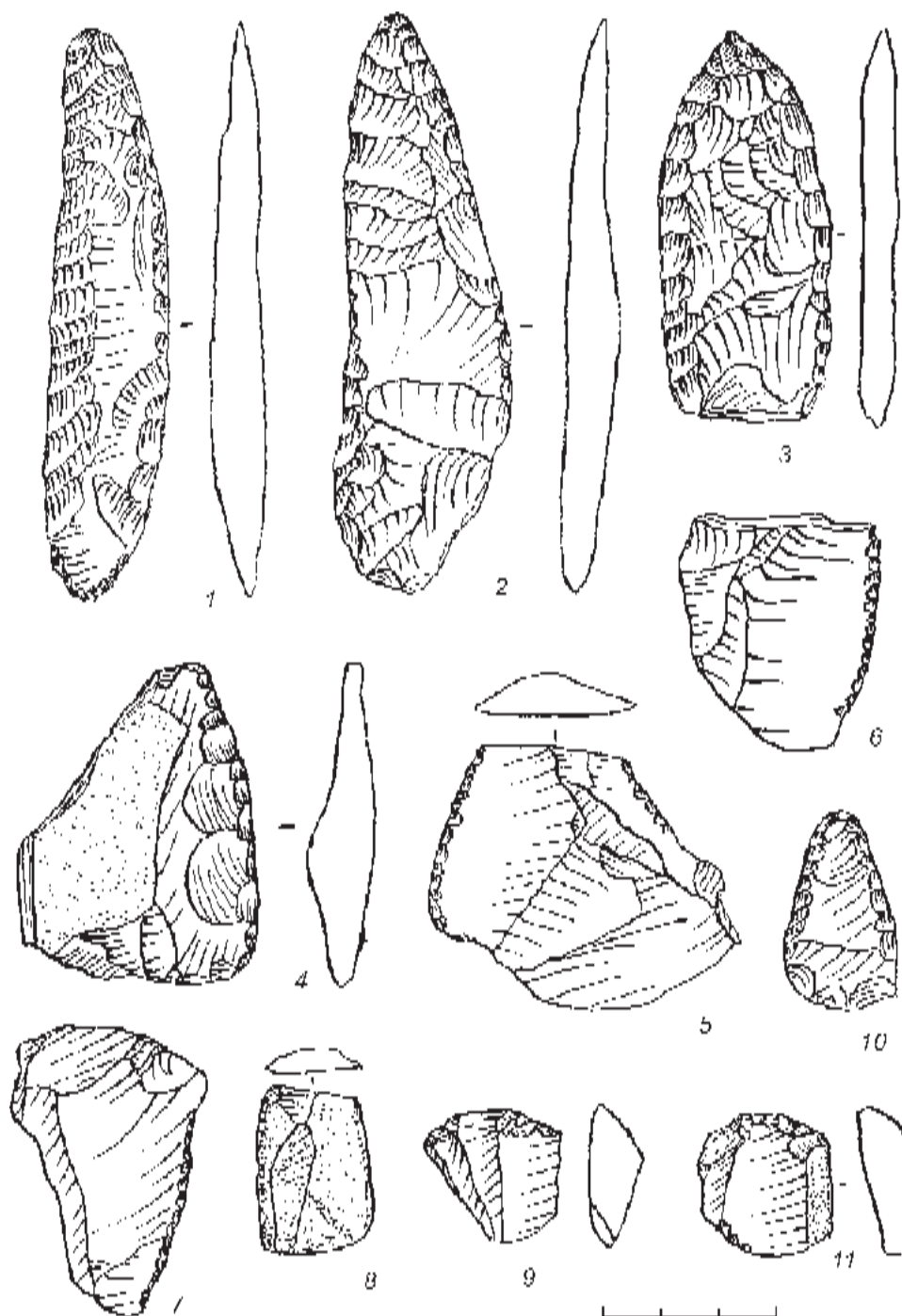

Рис.225. Кремневый инвентарь стоянки Усть-Залазнушка (по А.Ф.Мельничуку).

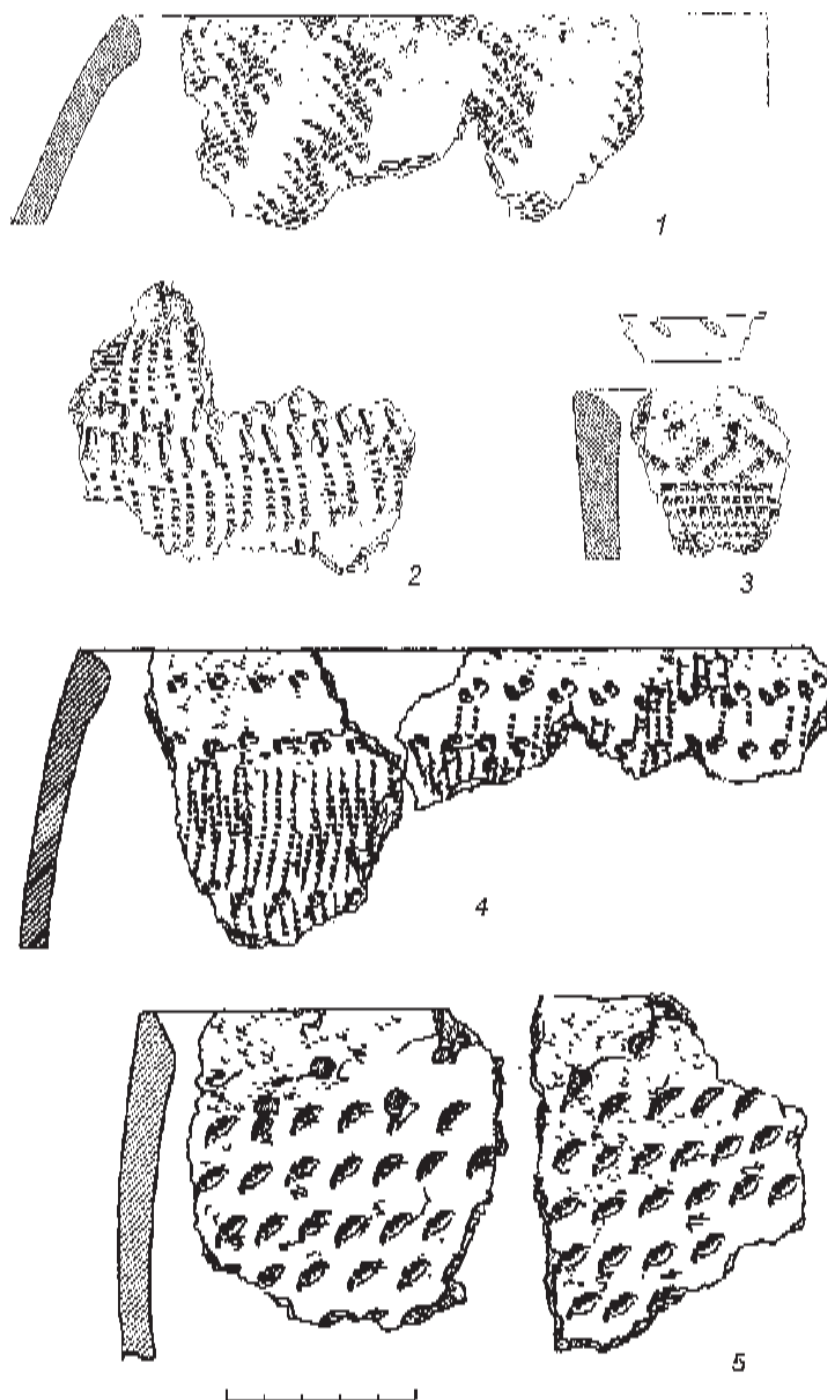

Рис.226. Керамика стоянки Усть-Залазнушка.

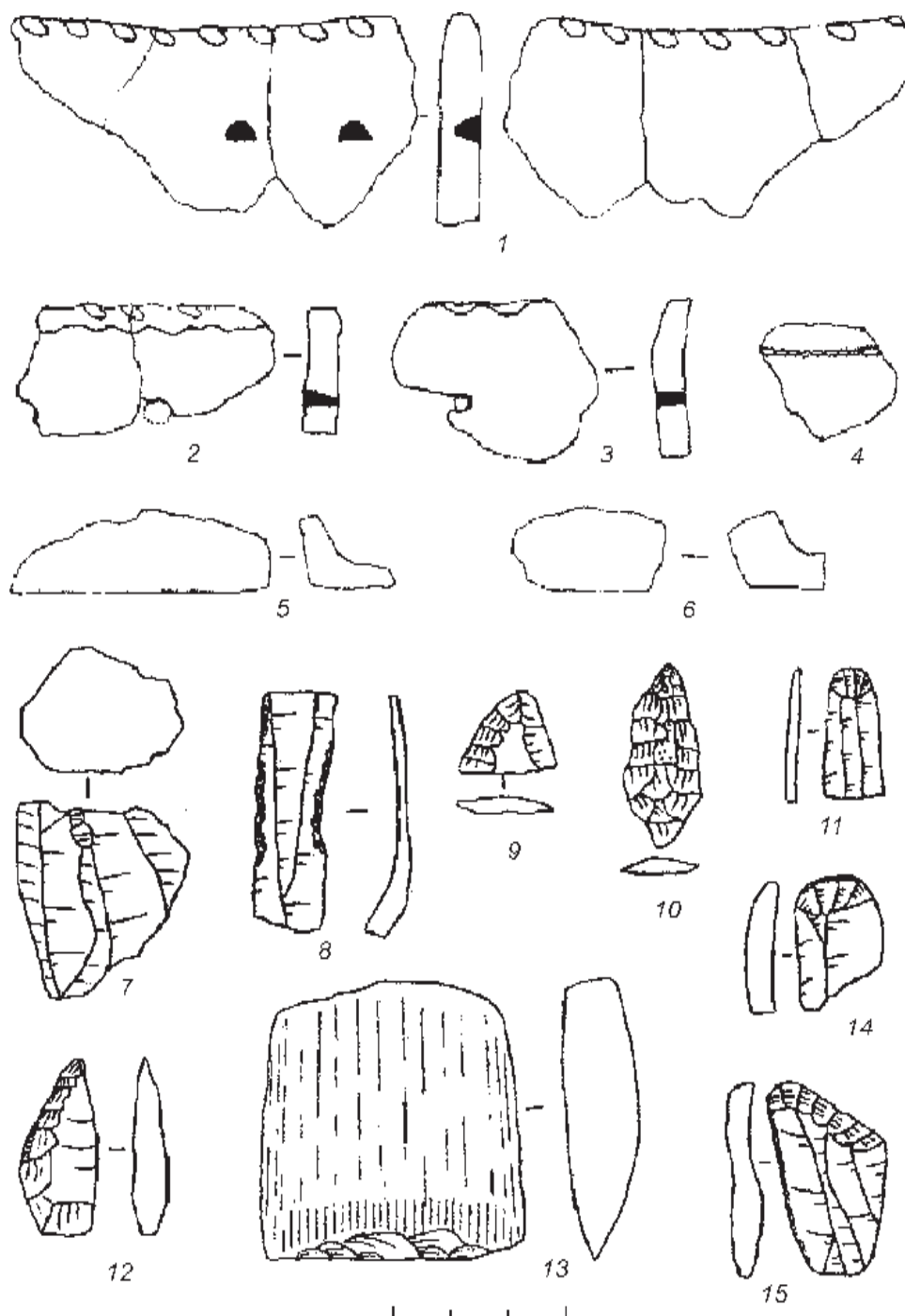

Рис.227. Инвентарь стоянки Чашкинское озеро VIII (по Е.Л.Лычагиной).

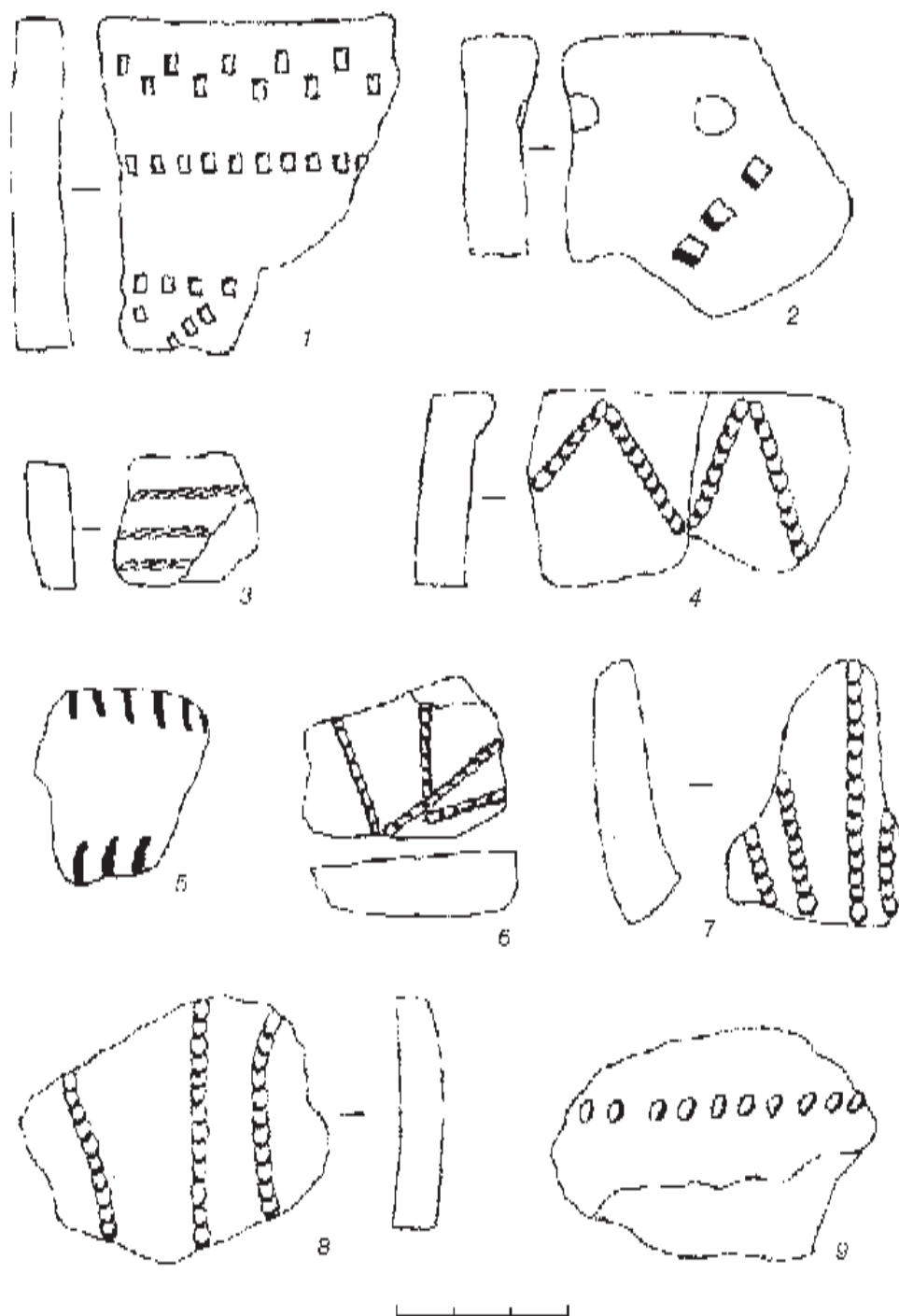

Рис.228. Керамика стоянки Чашкинское озеро IV.

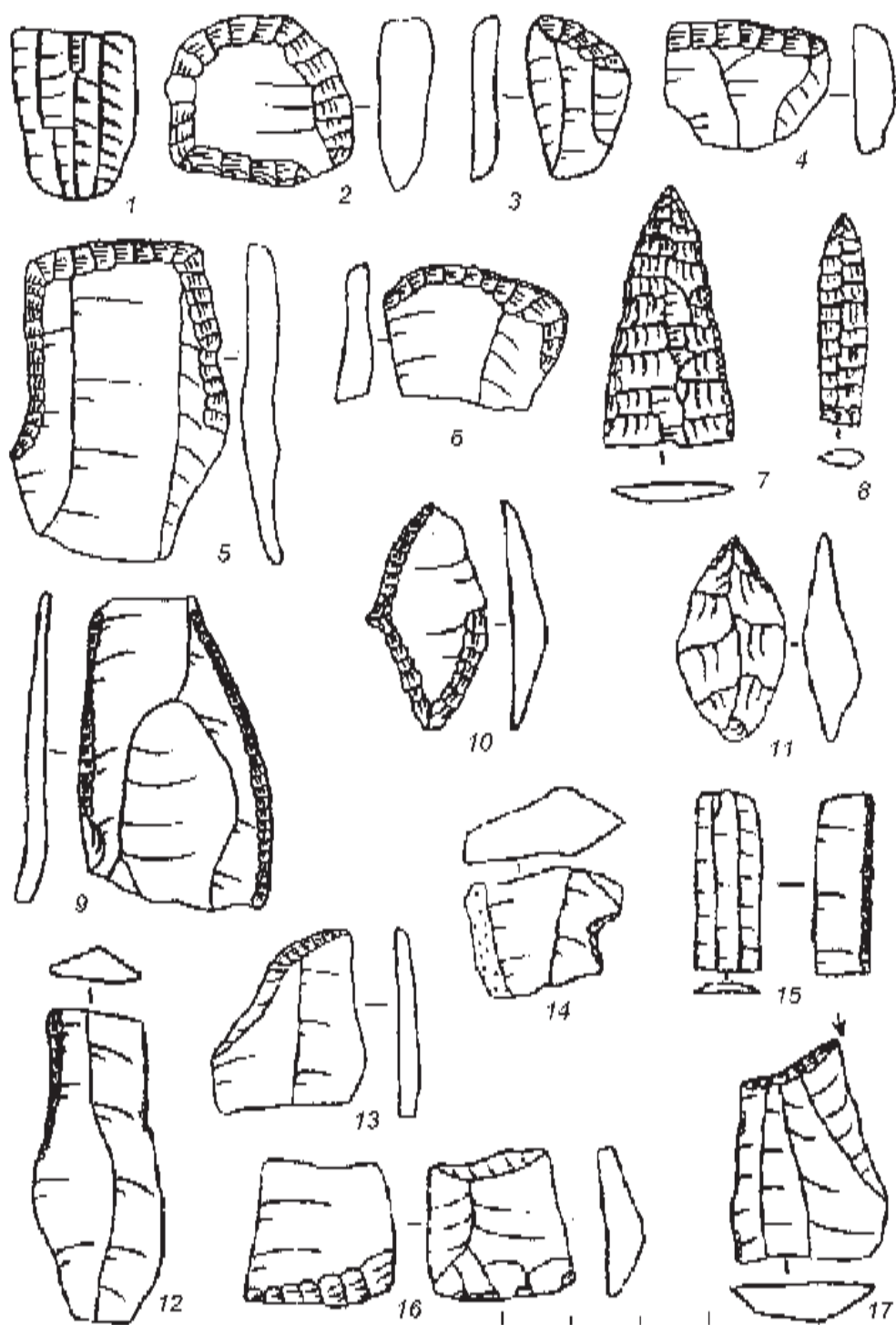

Рис.229. Кремневый инвентарь стоянки Чашкинское озеро IV.

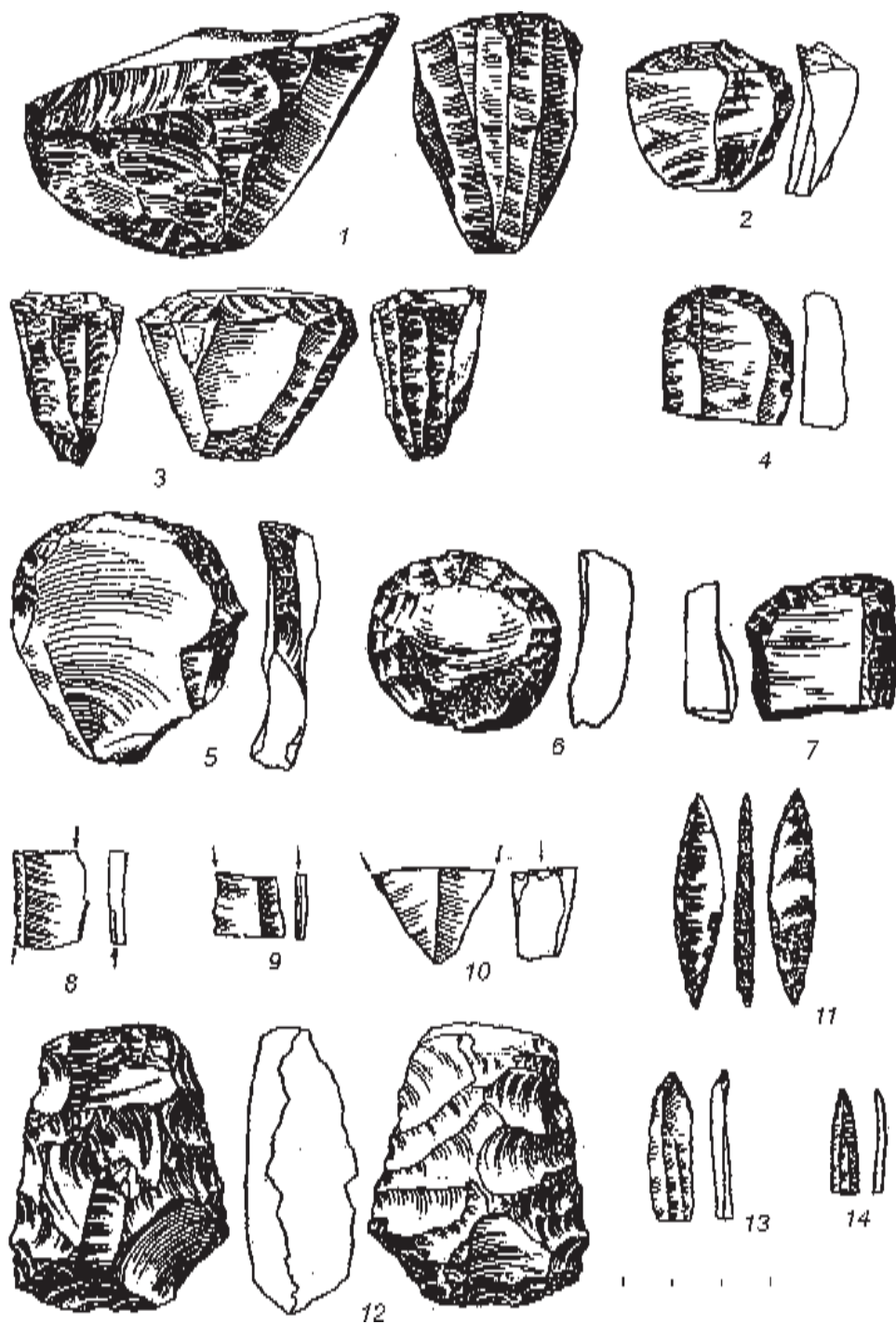

Рис.230. Кремневый инвентарь стоянки Городок I.

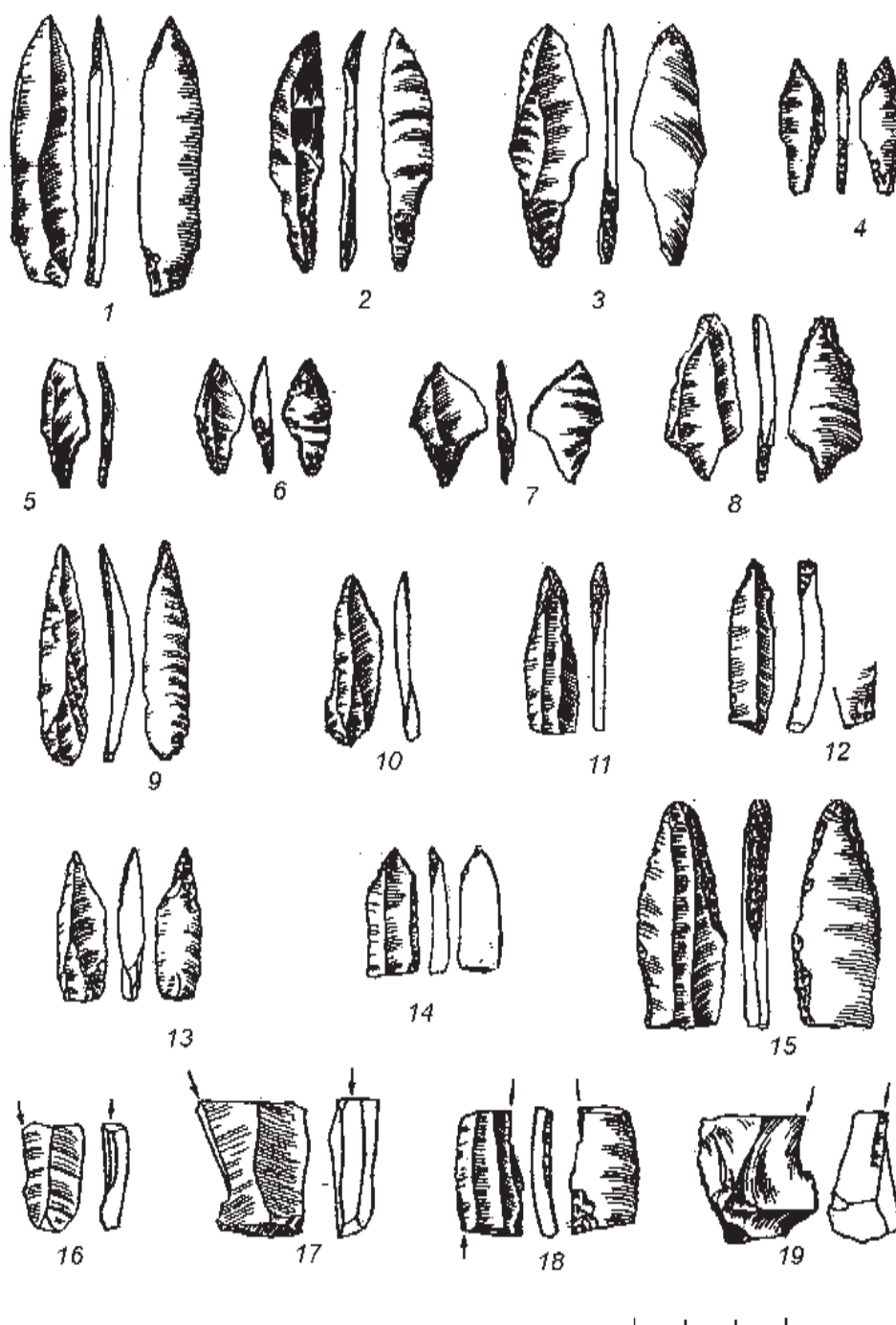

Рис.231. Кремневый инвентарь стоянки Городок I.

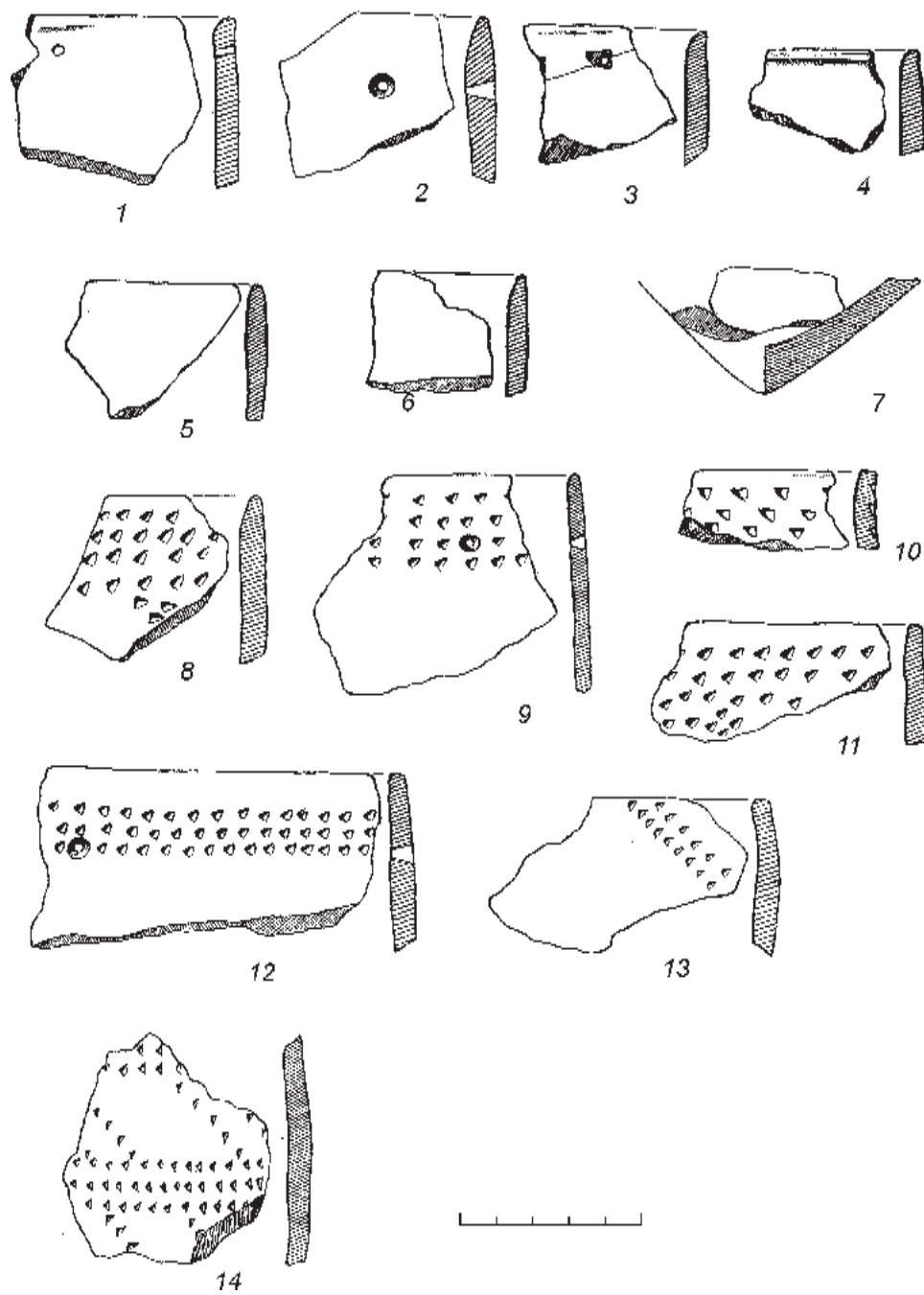

Рис.232. Кремневый инвентарь стоянки Городок I.

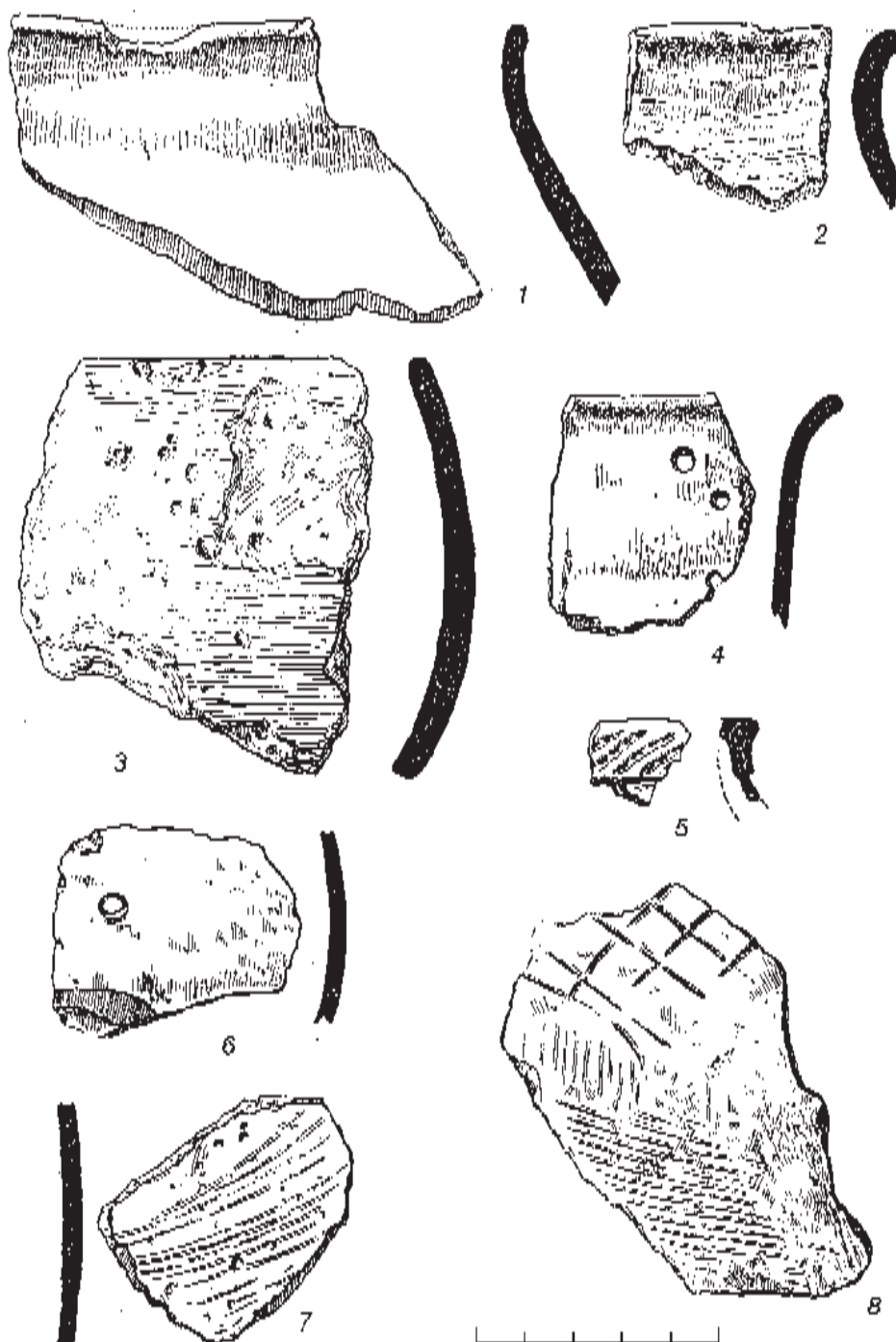

Рис.233. Керамика 4 слоя стоянки Джебел (по А.П.Окладникову).

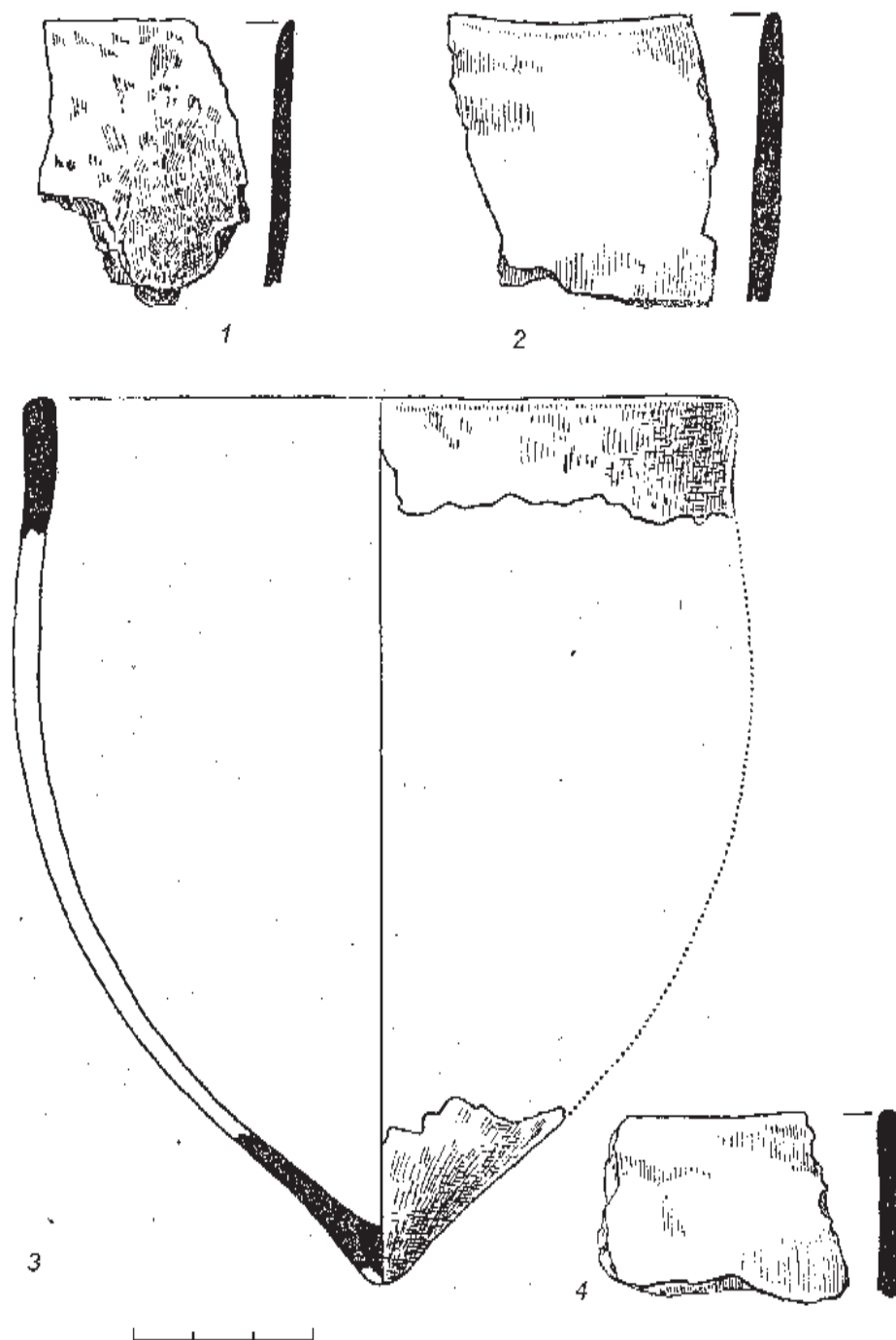

Рис.234. Керамика 4 слоя стоянки Джебел (по А.П.Окладникову).